

Дмитрий УСОВ

«Мы сведены почти на нет...»



Стихи
Переводы
Статьи

Дмитрий УСОВ

*«Мы сведены
почти на нет...»*

Том 1

Стихи
Переводы
Статьи

Москва
Эллис Лак
2011

УДК 882-1

ББК 84(2Рос=Рус)6

У 76

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Составление, вступительная статья,
подготовка текста, комментарии *Т.Ф. Нешумовой*

Художник *В.М. Мельников*
при участии *К.В. Меладзе*

Редакционно-издательский совет:

А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)
Т.А. Горькова
В.М. Мельников
Т.Ф. Нешумова
С.В. Федотов

© «Эллис Лак 2000», 2011
© Т.Ф. Нешумова. Сост., вступ.
статья, подгот. текста, коммент.,
2011

ISBN 978-5-902152-80-4

О ДМИТРИИ УСОВЕ – ПОЭЗИЯ И ПРАВДА

В делах человека, как и в делах природы, большего внимания заслуживают, собственно говоря, намерения.

И.В. Гёте¹

«Писания не новичка, не мастера, и не тупицы»² – так скупно охарактеризовал сам себя автор в пору создания лучших своих текстов. Поэт? Да, хотя сам он избегал этого громкого звания. Переводчик. Критик. Филолог-германист. Но более всего – герой времени, оставивший о нем письменные свидетельства. Дмитрий Сергеевич Усов.

Существовали тысячи причин, по которым этой книги не должно было бы быть. Слепая беспощадность двадцатого века к человеку слишком известна. Арест, лагерь, ссылка, разоренный личный архив, война – и чудо оставшихся слов. К безмолвному исчезновению с лица земли говорящих мы почти привыкли как к норме, и, напротив, случайность сохранившегося, неутраченного, нерастерявшегося и не растоптанного временем, не перестает восприниматься как абсолютное чудо. Океан случайных закономерностей принес к нам обломки этой прожитой жизни.

Гимназический товарищ Усова П.Г. Антокольский сохранил тетради его юношеских стихотворений³ и свой набросок карандашного портрета друга⁴. Литературный наставник – С.Н. Дурьин – сберег

¹ Цит. по кн.: *Штейнер Р.* VI. Посвящение и мистерии. М., 1918. С. 16.

² Из стихотворения Д.С. Усова (далее – ДУ) 1924 г. «Они черней черновика...» (I, 140; здесь и далее при ссылке на настоящее издание римская цифра означает том, арабская – страницу).

³ РГАЛИ. Ф. 1031. В воспоминаниях П.Г. Антокольский называл ДУ гимназическим «закадычным приятелем», однако пояснял, что лишь позже узнал «цену и прелесть настоящей дружбы» (*Антокольский П.* Далеко это было где-то... М., 2010. С. 228).

⁴ ОР Библиотеки АН Литвы. F-324. См. в наст. изд.

гимназические письма своего подопечного⁵. Кое-какие переводы остались у С.В. Шервинского. Некоторые фотографии, письма, прекрасный карандашный портрет, выполненный Л.В. Горнунгом, номера машинописного журнала «Гермес»⁶, в котором Усов сотрудничал, сохранились в архиве семьи Горнунгов. Ленинградские друзья Усова – переводчик, филолог А.В. Федоров, прозаик, искусствовед Э.Ф. Голлербах – сохранили его письма⁷. Значительная часть наследия Усова – письма, стихи и переводы – уцелела в архиве его друга, поэта и библиографа, литературного критика Евгения Яковлевича Архиппова⁸, умершего в 1950 г. в Орджоникидзе⁹.

⁵ РГАЛИ. Ф.2980. Оп. I. Ед. хр. 855. См. в наст. изд. *Дурылин Сергей Николаевич* (1877–1954) – писатель, литературовед, театровед.

⁶ Изображение журнала см.: Самиздат века. Минск; М., 1997. С. [174].

⁷ Письма к Э.Ф. Голлербаху – ОР РНБ. Ф.207. Ед. хр. 94. Письма к А.В. Федорову – ЦГАЛИ СПб. Ф. 158. Оп. I. Ед. хр. 355. См. в наст. изд.

⁸ См. о нем: *Лавров А.В.* Архиппов // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*. Т. I. М., 1992. С. 212; *Нешумова Т.Ф.* Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д.С. Усов, Е.Я. Архиппов // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Четвертых Гершковских чтений в г. Судак 6–10 июня 2005 г. М.: Симферополь; Судак. 2007. С. 119–161; Хранитель. Е.Я. Архиппов. Письма к Д.С. Усову / Подгот. текста, примеч., вступ. заметка Т. Нешумовой // *Волга*. 2009. № 9–10. С. 153–208 (далее: *Хранитель*).

⁹ Некоторые бумаги Архиппова хранятся в Новороссийском государственном музее-заповеднике. Значительную часть передала в РГАЛИ (тогда ЦГАЛИ) его вдова Клавдия Лукьяновна Архиппова. Оставшееся получили от нее московские коллекционеры Ю.Н. Володин и М.А. Торбин. Володин хранил свои богатства на чердаке московского дома (Гороховский пер., д. 12). В начале 80-х гг. он исчез. Кое-что из увезенного им из Новороссийска попало в другие частные собрания, а остальное было выброшено, но судьба не захотела, чтобы эти бумаги исчезли бесследно. Филолог Н.Г. Охотин случайно нашел их и передал их в ЦГАЛИ (*Дни нашей жизни* (Из хроники ЦГАЛИ) // *Встречи с прошлым*. Вып. 5. М., 1984. С. 418; *На чердаке старого московского дома* (Об архиве Е.Я. Архиппова). Сообщение К.Н. Суворовой // *Встречи с прошлым*. Вып. 6. М., 1988. С. 150–163; мемуарный рассказ о находке: <http://therese-phil.livejournal.com/37529.html>).

Коллекцию М.А. Торбин после ее смерти наследники распределили между тремя московскими музеями. Постепенно бумаги из архива Архиппова приходят к читателю. Так, письма Архиппова к ДУ, сохраненные в архиве Торбин, часть которого попала в московский Дом-музей М.И. Цветаевой, опубликованы нами (см.: *Хранитель*). Другая часть архива Торбин, включающая документы, связанные с ДУ, хранится в ОР ГЛМ (Ф. 492; см. публикацию из этого собрания: «... Все это очень замечательно, сложно и мрачно»: Письма А. Усовой Е. Архиппову / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е. Литвин // *Вопросы литературы*. Май – июнь 2010. С. 367–390). В этом же архиве хранится часть бумаг Е.Я. Архиппова (ф. 490). Третья часть архива Торбин (в том числе некоторые материалы, связанные с Е.Я. Архипповым и ДУ) находится в музее Андрея Белого.

В этой книге собрано многое из того, что сохранилось и что удалось найти, – с тем, чтобы Дмитрий Сергеевич Усов вернулся к нам не только как литератор, но – по возможности – и как личность, с теми нюансами душевного строя, которые отразили его письма и немногочисленные свидетельства современников.

За последние четверть века имя Усова не раз появлялось в комментариях к некоторым мемуарам¹⁰, письмам¹¹, дневникам¹² и биографическим очеркам¹³, была опубликованы некоторые его статьи¹⁴, несколько стихотворений¹⁵ и переводов¹⁶. В настоящем издании впервые предпринята попытка представить поэтическое, пе-

Письма Черубины де Габриак к Архиппову из собрания А.Ф. Маркова см. в кн.: Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. Феодосия: М., 2009. Там же перепечатаны ее письма к Архиппову, ранее публиковавшиеся в сборнике «Серебряный век в Крыму: взгляд из XXI столетия». М.; Симферополь; Судак. 2005. С. 207–233 (публ. Е.А. Калло, И.В. Левичева).

¹⁰ Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 62, 69–71, 123–124.

¹¹ Н.С. Гумилев в переписке П.Н. Лукницкого и Л.В. Горнунга. / Публ. И.Г. Кравцовой (при участии А.Г. Терехова) // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 491–565.

¹² Кузмин М. Дневник 1934 года / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. Г. Морева. СПб., 1998 (ук.); То же: 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007; Лукницкий П.Н. Дневник 1928 года. Асумиана. 1928–1929 / Публ. и коммент. Т.М. Двнятиной // Лица: Биограф. альм. С. 452, 475, 489, 490; Лавров А.В. «Продолжатель рода» – Сергей Соловьев // Соловьев С. Воспоминания. М., 2003. С. 30.

¹³ Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь // Лица: Биограф. альм. [Вып.] 5. М.; СПб., 1994. С. 78; Устинов А. Две жизни Николая Бернера // Лица: Биограф. альм. [Вып.] 9. СПб., 2002. С. 32.

¹⁴ Степанова Л.Г., Левинтон Г.А. Из истории дантоведения: статья Д.С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сб. Вып. 10. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 514–547; в дополненном виде: Степанова Л.Г., Левинтон Г.А. Из истории дантоведения в России (Неизвестная статья Усова о переводе «Новой жизни») // Язык, литература, эпос (к 100-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского). СПб., 2001. С. 332–363.

¹⁵ Усов Д.С. Стихотворения / Вступ. заметка и подгот. текста Н. Алексеева [Н.А. Богомолова] // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 75–83; Гаспаров М.Л. «Переводчик Д.С. Усова: с русского на русский» // М.Л. Гаспаров. Избранные статьи. М., 1995. С. 198–201.

¹⁶ Строфы века – 2 : Антология мировой поэзии в русских переводах XX века / Сост. Е. Витковский. М., 1998. С. 311. Голосовкер Я.Э. Антология античной лирики в русских переводах: Лирика Эпиграмы. Кн. 2. Томск; М., 2006. С. 102. Подробнее см. коммент. к разделу «Переводы» в наст. изд.

реводческое¹⁷ и эпистолярное творчество Усова с максимальной полнотой, а также републиковать наиболее интересную часть его критических статей, рассеянных по разным, часто труднодоступным, периодическим изданиям.

Те немногие сведения, которыми мы располагаем о родителях Усова, почерпнуты из его «личных дел»¹⁸, писем и юношеских стихотворений.

Дмитрий Сергеевич Усов родился в Москве 6 июля 1896 г., крещен был по православному обряду в «Московской Успенской на Малой Дмитровке церкви»¹⁹. В документах он писал, что отец его – Сергей Андреевич Усов²⁰ – «из купцов». В 1896 г. С.А. Усову было тридцать лет. Мать, Екатерина Сергеевна, дочь действительного статского советника Ляхова; меньше чем через месяц после рождения сына ей исполнилось 24 года²¹. В семейном союзе родителей Усова была своя тайна: в формулярном списке С.А. Усова значится, что он «в брак вступил 30 июля 1903 г.»²², т.е. когда Мите было уже шесть лет. В «Стихах о жизни моей» эта тайна приоткрывается: «хоронили отца», «в трауре мама». И еще разговор над кроваткой выздоравливающего ребенка:

И доктор с нею был – родной и близкий друг.
«Ведь он спасен? Ах, да. Спасибо Вам за Митю».
Но в синей полумгле, ее касаясь рук,
Он только прошептал: «Теперь меня спасите».

¹⁷ В настоящее издание включены только стихотворные переводы ДУ на русский язык и перевод пьесы Р.М. Рильке. Сведения о его переводах русской поэзии на немецкий язык, а также о прозаических переводах и критических сочинениях, оставшихся за пределами этой книги, приводятся в разделе «Библиография Д.С. Усова».

¹⁸ Личные дела ДУ: в Московском университете (1914) – ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Ед. хр. 2322 (далее: ЦИАМ с указанием номера листа), в Государственной академии художественных наук (ГАХН) – РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 634 (далее: Личное дело в ГАХН).

¹⁹ ЦИАМ. Л. 4.

²⁰ Пока не удалось установить степень родства ДУ с известным зоологом, профессором Московского университета Сергеем Алексеевичем Усовым (1827–1886), крестным отцом Андрея Белого. Встречающееся в литературе утверждение, что ДУ – внук зоолога (например: Агеева Л. Неразгаданная Черубина. М., 2006. С. 376) документально не подтверждено.

²¹ ЦИАМ. Л. 6.

²² Там же.

В одном из писем к Е.Я. Архиппову Усов говорит еще определенной: «Я как-то никогда не писал Вам о своем дяде и вотчине, С.А. Усове... А, между тем, это человек, связанный со мною “узами родства” и настоящего долголетнего дружества. Я зову его с детства “дедушка”, т.к. он лысый. Он очень любит меня». Отчим Усова и его отец, о котором никакими сведениями – неизвестно даже имя – мы не располагаем, были братьями; однако в официальной бумаге, выданной Московским Окружным судом в 1912 г., родители Усова значатся «первобрачными» – и когда в 1932 г. отчим умер, Усов писал петербургскому своему приятелю Э.Ф. Голлербаху о смерти – не отчима, но отца²³.

В год рождения племянника С.А. Усов был «оставлен при Московском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре сравнительной анатомии, сроком на два года без содержания»²⁴, через год после женитьбы на матери Мити, своей невестке, он уже «приват-доцент Московского университета по кафедре зоологии и сравнительной анатомии»²⁵.

В письме к Альвингу Усов признавался: «у меня с 13-ти лет склонность к лунатизму и все полно- и новолуния сопровождаются у меня отвратительными замираньями сердца»²⁶. Хотя это признание очень литературно (тема сердечных недугов – устойчивый мотив лирики любимого Усовым и Альвингом Иннокентия Анненского), видимо, оно все-таки было правдиво: по болезни Усов получил временное освобождение от воинской повинности²⁷ уже во время учения в Московском университете.

Юношеские стихи Усова еще хранят память о беспричинных, смутных детских страхах, а в астраханском послереволюционном «изгнании» детство предстанет раем, исчезнут все таинственно-темные тона:

²³ Письмо 191.

²⁴ ЦИАМ. Л. 5 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Письмо 12.

²⁷ В университетском деле ДУ сохранилось его обращение в учебную часть: «Прошу выдать мне свидетельство, что я, призывавшийся летом 1916 на военную службу как студент 2 курса род. в 1896 – получил годовую отсрочку по болезни. 18 мая 1917 г.» – ЦИАМ. Л. 11. В карточке, заполненной 31 августа 1923 г., в графе «отношение к воинской повинности», ДУ записывает: «освобожден по болезни» (Личное дело в ГАХН. Л. 1). «В состав территор<ии> дивизии не зачислен. Воинская категория 55 <...> Медицин<ское> освидетельств<ование>. – в Астраханском Губвоенкомате 1920 г. Июнь м<еся>ц. К службе не годен» (Там же. Л. 1 об.).

Тот Эдем, залитый мягким светом,
Как тогда встает передо мной:
В цирк на Рождество, на дачу летом
И в Зоологический – весной²⁸.

По материнской линии Усов был в родстве с Норовыми²⁹. В русской истории остались имена декабриста Василия Сергеевича Норова, библиофила, писателя и путешественника Авраама Сергеевича Норова, менее известен их брат Александр Сергеевич, привлекавшийся к суду по делу публикации в журнале «Телескоп» «Философического письма» П.Я. Чаадаева как его переводчик с французского языка. Александр Сергеевич, хоть и был горбат от ушиба, полученного в детстве, имел сына и дочь от крепостной девушки, жениться на которой не посмел: сделав это, он нарушил бы запрет отца («прадеда крутого нрав» упомянет Усов в стихотворении о своих предках³⁰). Дочери он оставил село Ключи в Саратовской губернии³¹, сын окончил Академию Художеств. Но более других Усова интересовала судьба его двоюродной бабушки – Евдокии Сергеевны Норовой, «одной из немногих женщин, удостоившихся дружбы и переписки П.Я. Чаадаева»³². Она не успела состариться – умерла в 36 лет от чахотки. А басманный философ в конце жизни распорядился, чтобы его похоронили неподалеку от могилы Евдокии Сергеевны³³. Рассматривая в Дмитровском музее в 1932 г. портреты предков, Усов останавливается перед изображением «красивых, немного тяжелых черт черноволосой, чернобровый девушки с удлинненным лицом и алыми, чувственными губами, с печатью неисходного недуга» и догадывается о том, о чем портрет должен был бы умол-

²⁸ Стихотворение «Как слоны» – I, 119.

²⁹ В записях Архиппова о ДУ сказано: «Мать по прямой л<инии> от Авр<аа>ма> Серг<еевича> Норов<а>. 1-е отчество и 1-я фамилия (до 13 л<ет>)» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 74 об.).

³⁰ Стихотворение «Я в крови – не по бумаге...» – I, 151.

³¹ Но за матерью ДУ никаких поместий уже не было – ЦИАМ. Л. 5 об.

³² Письмо 183.

³³ М.И. Жихарев писал: «Перед концом он вспомнил про нее как про самое драгоценное свое достояние и пожелал быть похороненным возле того нежного существа, для которого был всем. Последнюю волю в точности исполнили» (Вестник Европы. 1871. Сентябрь. С. 15). Подробнее: Тарасов Б.Н. П.Я. Чаадаев и А.С. Норова: История неразделенной любви // Тарасов Б.Н. В мире человека. М., 1986. С. 264–275).

чать: «она вся сгорает последним пламенем подспудных желаний. А под ней П.Я. Чаадаев и бровью не поведет»³⁴.

Она не Грация, не роза
В сосуде холодного стекла.
Недуга раннего угроза
Цветущий день заволокла.

Вся грудь – в последнем беспокойстве.
Письмо милей шитья и книг.
Но деве дмитровской несвойствен
Философический язык.

«Пусть бренный мой состав телесный
Терзает память горьких мук –
Лишь Вам да светит луч небесный,
Мой вечный, мой прекрасный друг!»

А друг, презревши пыль земную,
Высокой лысиной блестя,
Так добр, что посетил больную,
Отца всевышнего дитя.

Чтоб на исходе жизни ровной,
Забыв гусарской жженки ром,
Распоряжение в духовной
Бесстрастным начертать пером:

Дабы мужской лишенный силы
И плоти мужеской костяк
Покоился вблизи могилы
Той, что его любила так.

Один из своих юношеских рассказов – о детстве Ганса Христиана Андерсена – Усов подписал фамилией прадедов: «Д.С. Норов»³⁵.

³⁴ Письмо 183 к Э.Ф. Голлербаху от 10 августа 1931 г. В семье Усовых хранилось кольцо Е.С. Норовой, его носила Алиса Гуговна, которая просила ташкентских друзей после смерти отослать его Л.В. Горнунгу (об этом она писала ему в последнем письме 20 июля 1951 г. – РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 65).

³⁵ Приложение № 8 к детскому журналу «Проталинка» за 1916 г.

В его стихотворении «Моя кровь» есть строки:

А предки знали сабель стук,
Звон труб и ржаний конских.
И клавишина тонкий звук;
А я – последний в роде внук –
Несу печать Болконских.

Фамилией героя «Войны и мира» Усов пользовался в юности как псевдонимом. «Стихотворения Дмитрия Болконского» – выведено на титульном листе его рукописного сборника гимназического периода³⁶. Так же подписана одна из его первых публикаций – статья о творчестве юной немецкой поэтессы, печатавшей эротические стихи под именем Marie Madeleine³⁷. Этот псевдоним Усова построен по образцу псевдонима его литературного наставника С.Н. Дурылина – «Сергей Раевский». Сохранилась программа домашнего «издательства» Усовых – перечень «печатных» изданий: «Книгоиздательство «Призыв» / Москва / Книги Д. Болконского / Благие начинания. 1-я кн. стихов. / От острова к острову / 2 « – « [т.е. книга стихов. – ТН]. Обложка П. Антокольского. / Киево-Софийский собор. Эпюд. Обложка Д. Стеллецкого³⁸. / Богородица в русском искусстве (готовится)³⁹ / Опаловое Заклятье. Повесть⁴⁰. Обложка и рисунки А.В. Средина⁴¹. / Красные незабудки. 1-я кн. рассказов. / Сод<ержание:> Пляска смерти. – Зараза. – Дама в мехах. – Наверху. – Красные незабудки. – Воскресение Христово. – Стихи в прозе. Обложка и рисунки С.А. Усова. / Книга о белых голубицах. Обложка Н. Крестовоздвиженской (готовится)⁴² / Склад изд. у автора. / Москва. Никольский п. д. 21. кв. 25»⁴³.

³⁶ Автографы с такой подписью выделены в РГАЛИ в отдельный фонд: Ф. 1031.

³⁷ Marie Madeleine // Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1. С 147–148 (см. I, 397–398).

³⁸ Дмитрий Семенович Стеллецкий (1875–1947) – художник, скульптор, иконописец, член «Союза русских художников» и «Мира искусства»; с начала Первой мировой войны жил во Франции.

³⁹ Строка «Богородица в русском искусстве (готовится)» в плане зачеркнута.

⁴⁰ Болконский Д. Рассказ об опаловом перстне // РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 5.

⁴¹ Александр Валентинович Средин (1872–1934) – живописец и театральный художник, сотрудник журнала «Золотое руно», член «Союза русских художников». С конца 1920-х гг. в эмиграции во Франции, сотрудник газеты «Возрождение».

⁴² Эта строка в плане зачеркнута.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1.

Рецензию на перевод Рильке⁴⁴ Усов подписал латинским словом «Vagus» – «странник», «бродяга». Для немецкой газеты «Moskauer Deutsche Zeitung» воспользовался еще одной литературной маской – именем гофмановского героя Крайслера. Некоторые материалы в детском журнале «Проталинка» Усов означал криптонимом «I.O.»⁴⁵. Как писала М.И. Цветаева: «Каждый литературный псевдоним прежде всего отказ от отчества, ибо отца не включает, исключает»⁴⁶. В редких публикациях 1920–1930-х гг. Усов перестанет прятать свое имя, но начиная с 1935 г., после ареста, выполненные им переводы будут появляться либо без обозначения фамилии переводчика⁴⁷, либо под вынужденными псевдонимами – А.В. Димитревский⁴⁸, Е. Дмитриевский⁴⁹.

Незадолго до ареста Усов составил библиографию своих печатных работ. В данном случае это не было просто академической аккуратностью – это было его «письмо в бутылке», его узелок с самым необходимым – на случай ареста.

Школьная жизнь была начата осенью 1904 г. в подготовительном классе московской гимназии Е.А. Кирпичниковой (Знаменка, 12/20), где практиковалось редкое по тем временам совместное обучение мальчиков и девочек. Именно здесь Усов подружился

⁴⁴ Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1. С. 142–144 (см. I, 395–397).

⁴⁵ Возможно, I.O. – просто итальянское io – я.

⁴⁶ Цветаева М.И. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым) // Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 4. С. 264.

⁴⁷ Например, в изд.: Греческие эпиграммы / Пер., статья и примеч. Л.В. Блуменау; ред. и доп. Ф.А. Петровского. М.; Л.: Academia, 1935. Переводы отрывков из драматических текстов в «Гамбургской драматургии» Лессинга: Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия / Статья В.Р. Гриба; коммент. Б.И. Пуришева. М.; Л.: Academia, 1936. Подробнее см. примеч. к разделу «Переводы».

⁴⁸ Обоснование атрибуции – договор издательства с А.Г. Усовой, женой ДУ: РГАЛИ. Ф. 629 (Academia). Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 11.

Переведенный ДУ роман Э. Золя «Жерминаль» вышел с указанием фамилии переводчика в 1930 г. (М.; Л.: Зиф) и в 1934 г. После ареста ДУ под переводом ставили псевдоним А.В. Димитревский (3-е изд. – 1935, 4-е изд. (в «Academia») – 1936; 5-е изд. – 1937; 6-е изд. – 1951. Этот же перевод вошел в Полное собрание сочинений Э. Золя под ред. М.Д. Эйхенгольца (Т. XIII, М.; Л., 1929). Под именем А. Димитревского роман вышел и в 1997 г. (М.; Тверь).

⁴⁹ Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под общей ред. Н.Я. Берковского и И.К. Луппола. Т. 3. Лирика / Ред. пер. и коммент. Я.М. Металлова. М., 1939.

с Павлом и Марией⁵⁰ Антокольскими. Составленную Кирпичниковой школьную хрестоматию рецензировал И.Ф. Анненский, а Усов помнил, как первую, прочитанную в жизни⁵¹.

Летние месяцы Усовы проводили в имениях друзей и знакомых – так, в 1906 и 1913 гг. жили в усадьбе директора Шестой московской гимназии В.И. Рязанцева в деревне Гнилуша Тульской губернии⁵², в 1913-м – в старинной тульской усадьбе Смедва⁵³, в 1913 и 1915 гг. – в Аблезеве, тульском имении Ильиных⁵⁴, в 1916-м – в Медведках, усадьбе друга Андрея Белого А.П. Печковского, переводчика «Цветочков» Франциска Ассизского, «аргонавта», редактора детского журнала «Проталинка», где Усов активно сотрудничал⁵⁵; на Пасху 1917 г., гостили в Саввине Московской губернии⁵⁶.

В другие годы ездили в Крым (1912)⁵⁷ и на Дон (лето 1917 г. прожито в станице Константиногорская)⁵⁸. Судя по попавшим в стихи реалиям – в них Усов был довольно точен – в 1912 г. он побывал на Финском взморье⁵⁹.

Марина Цветаева запомнила слова Андрея Белого: «Мы – профессорские дети. Вы понимаете, что это значит: профессорские дети? Это ведь целый круг, целое Credo»⁶⁰. Усов тоже был «профессорским ребенком».

⁵⁰ Антокольская Мария Григорьевна (16 июня 1897 – 22 июля 1981) – сестра П.Г. Антокольского, врач. Вышла замуж за Л.М. Броуде, впоследствии профессора Казанского университета.

⁵¹ См. письмо к 68.

⁵² См. коммент. к стихотворению «Сияет солнце в белых летних облаках...» – I, 540.

⁵³ См. письмо 3.

⁵⁴ См. письма к С.Н. Дурылину.

⁵⁵ Ду посетил Медведки спустя девять лет: «...было больно и сладко... ступать по тем же (в этом ужас: *тем же*) тропинкам – изменившись самому. Я шел берегом речки и думал: странно, кустарник не вырос за эти годы. А он вырос, без меня, был лесом, его свели – и вот, снова кустарник... Дом Печковских огорожен глухим отвратительным забором; его даже не купил, а почти узурпировал “самогонщик”, и парк кругом вырублен до неузнаваемости...» – письмо к Е.Я. Архиппову от 25 июля 1925 г.

⁵⁶ Помета под стихотворением «Еще и первых почек нет...» (ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22. Л. 15) – I, 105.

⁵⁷ Помета под стихотворением «К картине Врубеля» (*Там же*. Л. 2) – I, 169.

⁵⁸ Помета под стихотворением «Зной» (*Там же*. Л. 10) – I, 169.

⁵⁹ См. триптих «Финляндские мотивы» – I, 106.

⁶⁰ Цветаева М.И. Указ. соч. С. 243.

Первые звуки немецкой речи были услышаны от В.А. Марведель («Грустная Fräulein. Девичья рука. Старонемецкие сказки»)⁶¹. Погружение в стихию немецкой речи произошло в 11-летнем возрасте, во время научной командировки отчима в Германию: «...с 1 сентября 1907 по 1 августа 1908», а фактически – до осени 1910 г. (с февраля 1908 г. срок командировки был продлен на два года, и отчиму было положено содержание от Министерства народного просвещения в 1000 рублей в год)⁶². Где именно в Германии жила семья Усова, точно неизвестно, но в одном из писем, датированном нами 1922 г., он будет строить несбыточные планы: «Быть может, мне удастся правдой или неправдой, попасть в мой милый Мюнхен или Нюрнберг»⁶³.

Вот отроческие впечатления этой единственной в жизни Усова зарубежной поездки:

Так много слов, так много дней
За дальним рубежом.
И где-то там, среди полей
Затерян прежний дом.

И столько замков и картин,
И столько новых книг,
И рыцари во мгле годин,
И страшной сказки крик.

Собор готический тяжел,
Расписано окно,
И лик распятого так зол,
И с оцетом – вино.

Святых монастырей венцы,
Баранчики в лугах,
И синих, дальних гор зубцы
На снежных облаках.

Цветущих яблонь белый ряд,
Шиповники в крови,

⁶¹ «Стихи о жизни моей» – I, 65.

⁶² Сведения из копии формулярного списка С.А. Усова, приложенной к личному делу ДУ: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Ед. хр. 2322. Л. 6 об.

⁶³ См. письмо 23.

Какой-то девушки наряд –
Подобие любви.

Но вновь склоняется туман.
Не вспомнить, не вздохнуть,
И все – виденье и обман,
И дальше, дальше путь...⁶⁴

После возвращения из Германии последние два класса (1912–1914) он учится в Первой московской гимназии⁶⁵ (Волхонка, 18), заканчивая курс с серебряной медалью (пятерки по закону Божьему, русскому и церковнославянскому языкам и словесности, философской пропедевтике, математической географии, истории, французскому и немецкому и четверки по латинскому языку, математике, физике, географии и законоведению⁶⁶).

Сохранилась фотография Усова⁶⁷, выполненная в ателье Волкова на Большой Лубянке. Она напоминает детскую фотографию Владимира Набокова – ту, где он сидит в кресле с раскрытой книгой о бабочках на коленях. Мир отрочества Усова легко восстанавим по его стихотворениям. Он любит рассматривать гравюры и жить «тем, чего, гляди, и нет»⁶⁸.

Первые собственные стихи были отблесками чужих творческих огней: по юношеским творениям Усова можно проследить, кто становился его минутным кумиром, какого поэта он только что прочитал, какую музыку услышал, перед какой картиной замер. Он пишет и стихи, и либретто оперы, и рассказы. Этапы детских и юношеских увлечений, пережитых вместе с Павлом Антокольским, фиксируют «Прощальные терцины», написанные перед летней разлукой гимназических друзей в 1913 г.:

...Но вот Кузмин и Пушкин испарились,
Исчезли баки с юного лица
И мы в двух итальянцев превратились.

⁶⁴ «Стихи о жизни моей» – I, 66–67.

⁶⁵ В ней учились А.Н. Островский, В.С. Соловьев, Вяч. И. Иванов, И.Г. Эренбург.

⁶⁶ Сведения из копии аттестата зрелости за № 492, приложенной к делу ДУ, заведенному в «канцелярии по студенческим делам Императорского Московского Университета» – ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Ед. хр. 2322. Л. 3.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 95, л. 2.

⁶⁸ Из стихотворения И.Ф. Анненского «Человек».

Ходили на бульвар весенним днем,
За бедными модистками влачили.

Пока не порешили мы вдвоем
Оставить их в покое. И тогда-то
Явилось рыцарство с червляющим мечом⁶⁹.

Сохранились в рукописи «северная» «Сказка о снежном цветке»⁷⁰, посвященная Усовым своему двоюродному брату – «Люсе Вермелю»⁷¹ и воспроизводящая стилистику сказок Андерсена (сюжет о чудесном растении с цветами, похожими на снежинки, о поглупевшем короле и принце, заболевшем и выздоровевшем благодаря этому цветку), «Рассказ об опаловом перстне»⁷² – своеобразная реплика в диалоге волшебных повестей И.В. Киреевского («Опал») и Е.А. Баратынского («Перстень»)⁷³.

Имена, вошедшие в ткань юношеских опусов, складываются в насыщенный – и даже перенасыщенный – пазл, своего рода слепок эпохи: Бальмонт, Владимир Соловьев, Блок, Сологуб, Кузмин, Черубина де Габриак, Врубель, Рерих, Гречанинов, Оленина д'Альгейм – и Дюрер, Бах, Вагнер. Посвящения в стихах Алексею Ремизову, Сергею Дурылину, Арсению Альвингу, Евгению Архиппову, Константину Бальмонту, Райнеру Марии Рильке, сверстнику Павлу Антокольскому, старшему знакомому Вадиму Шершеневичу отражают поиски «своих» в многоликой литературе 1910-х гг. Со временем неблизкое отойдет в сторону, и будут найдены два кумира – Иннокентий Анненский и Райнер Мария Рильке. Любовь и филологический интерес к этим поэтам останутся на всю жизнь. А пристальное вглядывание в жизнь слов и людей слова станет основой филологического мирозерцания,

⁶⁹ «Тебе, мой друг, последние стихи...» – I, 185.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. I. Ед. хр. 4.

⁷¹ О родстве с Юлием Матвеевичем Вермелем (см. о нем примеч. 4 к письму 202) ДУ упоминает в письме к Архиппову от 17 октября 1932 г., и Архиппов отмечает этот факт в примечаниях к записи посвященных Вермелю шуточных стихотворений О.Э. Мандельштама. Однако нельзя исключить, что «Люсей» ДУ называет Филиппа Матвеевича Вермеля (с которым дебютировал в «Первом сборнике молодых поэтов»). Родство же Филиппа и Юлия Вермелей пока не установлено.

⁷² РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. I. Ед. хр. 5.

⁷³ См. кн.: Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): Сб. произведений / Сост., подгот. текста и коммент. М.Н. Виролайнен, О.Г. Дилакторской, Р.В. Иззутовой, А.А. Карпова, Я.Л. Левкович, Н.Н. Петруниной, Н.М. Романова, М.А. Турьян, С.А. Фомичева, И.С. Чистовой. Л., 1991. С. 662.

определившего темы большинства писем и зрелых стихотворений Усова.

Юношеским автопортретом Усова являются его письма к С.Н. Дурылину. «Дурылинские мальчики» – это молодые люди совершенно определенного круга, и – в результате влияния наставника – определенного склада⁷⁴: «С. Н. Дурылин водил Сережу Сидорова⁷⁵, меня и Колю Чернышева⁷⁶ в кремлевские соборы, чтобы мы через самый покой их камня ощущали славу и тишину Церкви Божией, водил на теософские собрания, чтобы мы знали, откуда идет духовная фальшь, на лекции Флоренского “Философия культа”, чтобы мы поняли живую реальность таинства, в Щукинскую галерею, чтобы мы через Пикассо услышали, как где-то, совсем близко, шевелится хаос и человека и мира, на свои чтения о Лермонтове, чтобы открыть в его лазурности, не замечаемой за его “печоринством”, ожидание “мировой души” Соловьева... Те Университеты, которые мы тогда проходили... особенно под влиянием С.Н. Дурылина, в главном можно было бы определить так: познание Церкви через единый путь русской религиозной мысли, начиная от древних строителей “обыденных храмов” и кончая точно случайными ответами великого Света у некоторых современных русских писателей, ответами, осознанными как предчувствие “всемирного и творческого дня”... Читали мы тогда Тютчева, Блока, И. Анненского, “Три разговора” Соловьева и его стихи, Флоренского, Эрна, Эврипида, Розанова, каких-то ранних символистов, “Цветочки” Франциска Ассизского, “Древний патерик” и “Луг духовный”»⁷⁷.

По стихотворениям Усова-мальчика прекрасно видно, как сменяют друг друга, или даже странным образом уживаются вместе, светлая религиозность нестеровско-дурылинского извода, очень скоро окрасившаяся в рильковские тона, и мистическая, отравленная и надломленная, экзатичность, вообще свойственная эпохе модерна – тот «антиномизм религиозных настроений и дерзающего богоборчества», о котором как о характерной черте художественного сознания того времени писал С. Маковский⁷⁸.

⁷⁴ См.: *Фудель С.И.* Воспоминания // Новый мир. 1991. № 3, 4 (перезданы в кн.: *Фудель С.И.* Воспоминания. М., 2009).

⁷⁵ Священник С.А. Сидоров, см. о нем примеч. 9 к письму 6.

⁷⁶ Художник, Н.М. Чернышов, см. о нем II, 36. В журнале «Млечный путь», издаваемом его братом А.М. Чернышовым, ДУ напечатает свою рецензию на книгу стихотворений В.С. Соловьева (I, 405–406).

⁷⁷ *Фудель С.И.* Воспоминания // Новый мир. 1991. № 4. С. 186–187.

⁷⁸ *Маковский С.К.* Портреты современников. М., 2000. С. 330.

Последнему Усов, видимо, показывал свои юношеские стихотворения: на экземпляре антологии «*Neuer Russischer Parnass*» (Berlin, 1912), составленной и переведенной И. фон Пюнтером, – дарственные надписи. Первая: «Сергею Константиновичу Маковскому<,> разлюбившему меня<,> увы <,> окончательно<,> благодарный и любящий автор Johannes von Guenther<,> МСМХІІІ». И вторая: «Передаю эту книгу Дмитрию Сергеевичу Усову с настоятельной просьбой писать немецкие и русские стихи много и лучше, чем делал это я. Сергей Маковский. СПб. 1913 г. Редакция “Аполлона”» (Собрание книг с автографами, ГЛМ).

В том же 1913 г. – по всей видимости, благодаря Дурылину – Усов знакомится с участниками альманаха «Лирика», знаменитого тем, что в нем состоялся поэтический дебют Б.Л. Пастернака⁷⁹.

Весной 1914 г., заканчивая гимназию, Усов переживает увлечение Е.И. Васильевой (Черубиной де Габриак). Она была знакома с его стихами – на некоторых из них хранятся пометы «одобрено Черубиной». Размышления над ее личностью и творчеством – существенный компонент духовной жизни Усова⁸⁰.

В 1914 г. имя Усова стало появляться в печати. Как стихотворец он дебютировал вольным переводом парнасца Франсуа Коппе и «оригинальным» триптихом «Пиковая дама», навеянным музыкой П.И. Чайковского и чтением Анри де Ренье, – в «Первом сборнике молодых поэтов» – вместе с Б. Левитесом, П. Линде, Д. Сидоровым, А. и В. Стариковыми (издателями книги), Г. Сумароковым (псевдоним Ф.М. Вермеля), Н. Харламовой и впоследствии добившимися известности Надеждой Павлович и Марией Шкапской. Уникальность поэтического дара Усова заключалась в том, что он легко писал стихи и на немецком языке, легко переводил на него стихи русских поэтов. В издающейся в Москве на немецком языке газете «*Moskauer Deutsche Zeitung*» появляются его стихотворные переводы: «Кинжал» Брюсова⁸¹, «Девушка пела в церковном хоре...» Блока⁸²; заметка об И.Ф. Анненском – к очередной годовщине смерти поэта⁸³; рецензии на перевод «Голубого цветка» Новалиса, выполненный Вас. В. Гиппиусом⁸⁴, на

⁷⁹ См. инскрипты участников альманаха на экземпляре ДУ – II, 8–9.

⁸⁰ Подробнее см.: *Нешумова Т.Ф.* Невидимый трилистник.

⁸¹ № 205. 11(24) September. S. 2.

⁸² № 256. 9(22) November. S.2. Подпись: Kreislser.

⁸³ № 273, 30 November (13 December). S.3. Б. п.

⁸⁴ № 270. 27 November (10 December). S.2. Подпись: Kreislser.

«Антологию современной немецкой поэзии в русских переводах»⁸⁵; заметки о концертах А.Н. Скрябина и М.А. Олениной д'Альгейм⁸⁶; некролог А.Н. Пыпина⁸⁷.

Дебют Усова-критика состоялся в уже упоминавшемся «Первом журнале русских футуристов». Основными авторами здесь были Константин Большаков, Давид, Владимир и Николай Бурлюки, Василий Каменский, Алексей Крученых, Бенедикт Лившиц, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Вадим Шершеневич. Можно предположить, что Усов попал в эту все-таки случайную для него компанию при посредничестве В.Г. Шершеневича (сохранилось посвященное ему и имитирующее его стиль юношеское стихотворение⁸⁸).

А вот начавшееся в 1912 г. общение с соседом по арбатскому дому в Никольском (ныне Плотников) переулке⁸⁹ поэтом Арсением Альвингом⁹⁰, поклонником поэзии Иннокентия Анненского и «блестящим имитатором его поэтики»⁹¹, оставило в судьбе Усова гораздо более заметный след. Альвинг был редактором маленького издательства «Жатва»⁹², выпускавшего одноименный альманах и книги. Для своего альманаха Альвингу удалось заполучить произведения Александра Куприна, Валерия Брюсова, Михаила Кузмина, Георгия Чулкова, Сергея Городецкого, Анны Ахматовой. Другие участники альманаха, тогда совсем малоизвестные литераторы, остались в истории русской литературы как писатели третьего, четвертого ряда: Е. Архиппов, Н. Бернер, Вл. Лидин, К. Мазурин, К. Кова (псевдо-

⁸⁵ № 253, 6(19) November. S.2. Подпись: Kreisler.

⁸⁶ № 290, 20 December (2 Januar 1915). S. 3. Подпись: Kreisler.

⁸⁷ № 269. 26 November (9 December). S.4. Б. п.

⁸⁸ «Карты» – I, 206–207.

⁸⁹ ДУ жил в д. 21, кв. 25. В том же доме жил не только Альвинг, но и Андрей Белый (кв. 7).

⁹⁰ Арсений Альвинг (псевдоним Арсения Алексеевича Смирнова; 1885–1942) – поэт, прозаик, критик и переводчик. См. о нем: *Поливанов К.М.* Альвинг // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* Т. I. М., 1992. С. 55–56; *Гаспаров М.Л.* [Справка об Альвинге] // *Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология.* М., 1993. С. 693; *Шмелькова Н.* Во чреве мачехи, или Жизнь – диктатура красного. СПб., 1999. С. 179–180; *Горнунг М.Б.* [Предисл. к публ. стихотворений Альвинга] // *Знамя.* 2004. № 2. С. 178–180.

⁹¹ По определению М.Л. Гаспарова, в справке, упомянутой в предыдущей сноске.

⁹² Альвинг владел издательством на пару с Е.Е. Курловым (см. о нем примеч. 2 к письму 11).

ним совладельца издания Е. Курлова), П. Петровский⁹³, Б. Верхоустинский⁹⁴. Прочие сотрудники «Жатвы» (Г. Курский, Е. Наумов, И. Рахиль – есть большое подозрение, что все эти имена – псевдонимы) – подобно теням – промелькнули и исчезли бесследно⁹⁵.

Усов стал сотрудником «Жатвы», будучи студентом, в 1915 г.: в одном из номеров альманаха появляются три его рецензии: на «Четки» (это одна из первых критических работ об Ахматовой)⁹⁶, на «Книгу часов» Рильке, очень неровно переведенную Юлианом Анисимовым⁹⁷, и на пятый том собрания сочинений В.Г. Короленко⁹⁸. Интересно наблюдать, как за короткое время менялась интонация Усова: от детской доверчивой и восторженной увлеченности Анисимовым («Я его так люблю!» – письмо к Дурылину 1913 г.⁹⁹) через язвительную ироничность в оскорбительно-уничижительной заметке 1914 г. на работу «полубездарного» «полупоэта»¹⁰⁰ к аргументированной сдержанности в рецензии 1915 г. на ту же книгу в «Жатве».

Сохранился любопытный документ – беглый характеристический портрет Усова на бланке книгоиздательства «Жатва»,

⁹³ Петровский Петр Николаевич (1864–1946) – поэт, переводчик. См. о нем: В.Ж. Петровский // Литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1934. Стб. 622–623; страницу на сайте «Век перевода» (<http://www.vekperevoda.com/1855/retrovsky.htm>). ДУ написал рецензию на поэтический сборник Петровского «Невольные песни» – I, 410–411.

⁹⁴ См. о нем: Чанцев А.В. Верхоустинский // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. I. М., 1992. С. 432–433.

⁹⁵ На Владимира Нарбута альманах «Жатва» произвел «странное впечатление»: «...трудолюбивая редакция его собирает все, что ни подвернется под руку. Тут и Куприн, и Алексей Ремизов и совершенно неизвестные, безусловно бездарные гг. Альвинг, Булдеев, Кова et set. На “золотую доску” (как в институте?) журнала занесены, между прочим, такие “пары”: Л. Андреев и Иннокентий Анненский, П. Муратов и С.Я. Надсон (!)... Очевидно, что у “оригинального” московского журнала нет ни определенного вкуса, ни устойчивого направления» (Нарбут В. «Жатва». Книга четвертая. Москва. 1913 г. Прометей. Литературно-художественные сборники. Кн. I. К-во «Прометей» Н.И. Михайлова. СПб. 1913 г. // Нарбут В., Зенкевич М. Статьи. Рецензии. Письма / Сост., подгот. текста и примеч. М. Котовой, С. Зенкевича, О. Лекманова. М., 2008. С. 44).

⁹⁶ Жатва. Кн. VI–VII. 1915. С. 461–462.

⁹⁷ Там же. С. 485–488.

⁹⁸ Там же. С. 468–471.

⁹⁹ От 25 июня.

¹⁰⁰ Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1. С. 144.

написанный, вероятнее всего, Альвингом для Евгения Архипова: «19 лет. Большие коричневые глаза и голос красивый, тихий. Т<олько> ч<то> кончил гимназию, первокурсник-филолог з<ападно>евр<опейской> литературы (<научный руководитель> М.Н. Розанов) – Гофман особенно <любим>. Любимый язык – немецкий. Отлично знает его. Разобрался в творчестве И<нно>кентия> Ф<едоровича Анненского> около года назад. (Я Д<мит>рия> С<ергеевича> знаю уже три года). Милый до крайности. Чистый, верящий, настоящий. В числе лиц, что смыкаются вокруг Его <т.е. И.Ф. Анненского. – Т.Н.> имени – Д<митрию> С<ергеевичу> нужно дать хорошее место. И кажется, он самый молодой среди нас. Я долго не хотел простить ему некоторых срывов (большого желания печататься, хождения по литераторам), но момент прощения моего в этом смысле почти совпал с тем, что он перестал все это делать. Я его очень искренне полюбил и буду глубоко не рад, коли он разменяет то, что ему отпущено, на пустое (вряд ли!). Стихотворное дарование его из хороших. Я боюсь еще сказать, что большое. Но вроде этого кажется. Молод ведь как!»¹⁰¹. Альвингу на первых порах явно нравилось покровительствовать талантливому, наивно-восторженному, но пылкому юноше. Об этом красноречиво говорит и процитированная заметка, и публикуемое в настоящем издании письмо Альвинга к Усову.

С годами эти отношения разладились: в 1924 г. в «Кифаре» – обществе, посвященном памяти Иннокентия Анненского и основанном Альвингом, Усов уже будет претендовать на место лидера, получая упреки в излишней «академичности» и едва сдерживая свое раздражение старшим товарищем¹⁰². По сохранившимся документам, к сожалению, нельзя выстроить подробной истории этой дружбы-вражды¹⁰³.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. I. Ед. хр. 103. Л. 1 об.

¹⁰² См. письмо 54.

¹⁰³ Вот каким увидела Альвинга в 1933 Вера Меркурьева: «Познакомилась на днях с Альвингом – встретились в Главлите, оказалось он давно знаком с Шурой <А.С. Кочетковым. – Т.Н.>, на Ты с ним (по «литровкам»), был потом у меня, много и подробно расспрашивал о Евгении <Архипове. – Т.Н.>, очень рад возобновить связь с ним. Это тщательно одетый, когда-то красивый, пожилой человек с грустными и преданными глазами. Нуждается хронически-остро, болен, сейчас у него почти ни одного зуба, делает протез и тогда «сможет читать стихи» (письмо К.Л. Архипповой: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. I. Ед. хр. 123. Л. 31).

Одной из важнейших составляющих юношеского мира Дмитрия Усова была музыка. Он играл на рояле, пел в домашних спектаклях, поставленных по его либретто, не пропускал концертов в «Доме песни»¹⁰⁴ (о том, какую огромную роль в музыкальном просвещении москвичей начала XX века, а значит, и в их духовной жизни, они играли, писали в мемуарах Андрей Белый и Федор Степун¹⁰⁵). В советские годы связь с музыкальной средой не прервется: Усов не только будет часами слушать концерты по собранному вручную радиоприемнику, но станет участником домашнего музыкального кружка П.А. Ламма¹⁰⁶, автором перевода на немецкий язык научного издания сочинений М.П. Мусоргского и очень многих романсов других композиторов¹⁰⁷; в советских журналах «Музыкальное образование» и «Музыка и революция» появятся некоторые его музыковедческие статьи, к сожалению, вынужденно приспособленные к унылому советскому диалек-

¹⁰⁴ «Дом песни» (1908–1918) – московское музыкальное общество, образованное в целях пропаганды вокального искусства Пьером д'Альгеймом и его женой, певицей Марией Алексеевной Олениной д'Альгейм. О его деятельности см.: «Дом песни». Коллекция книжек-программ. М., Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1908–1909; газету «Дом песни», выходившую в Москве в 1910–1911 гг. два раза в месяц; статью: Уварова Е.Д. Дом песни М.А. Олениной Д'Альгейм // Эстрада России. Двадцатый век. М., 2004. С. 199–200.

¹⁰⁵ По словам Андрея Белого, писавшего об М.А. Олениной д'Альгейм восторженные статьи (Мир искусства. 1902. № 11. С. 302–304; Весы. 1904. № 12. С. 1–11), «роль четы д'Альгеймов <...> огромна. Они двинули вперед музыкальную культуру Москвы» (Андрей Белый. Начало века: [Воспоминания] / Подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М., 1990. С. 425. См. в указ. изд. также с. 425–447). См. также: Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 243 и др.

¹⁰⁶ В 1920–1940-х гг. в доме Ламма регулярно устраивались музыкальные вечера. Участниками кружка были наряду с музыкантами-любителями композиторы и исполнители А.Н. Александров, А.Ф. Гедике, А.Б. Гольденвейзер, В.А. Золотарев, К.Н. Игумнов, Г.Л. Катуар, Г.Г. Нейгауз, Л.Н. Оборин, А.А. Оленин, С.С. Прокофьев, К.С. Сараджев, С.Е. Фейнберг, В.Я. Шибалин и др. Фактическим главой кружка был композитор и близкий друг Ламма Н.Я. Мясковский.

¹⁰⁷ Пианистка М.В. Юдина, перечисляя в мемуарной заметке загубленных в сталинскую эпоху писателей, называет имя ДУ в таком ряду: «...Кочетков, Бабель, Табидзе, Яшвили, Заяицкий, Усов, Клюев, Вагинов, Платонов, Булгаков... О, Господи! Нам утешительно мыслить их в Раю, но мы-то, мы-то осиротели, мы глядим на мир сквозь слезы их земных страданий, сквозь плащаницы их скорби» (Юдина М.В. Вы спасетесь через музыку: Литературное наследие / Сост., подгот. текста и примеч. А.М. Кузнецова. М., 2005. С.155 (в примеч. указана неверная дата смерти ДУ).

ту¹⁰⁸. Сохранившиеся фрагменты его записной книжки 1935 г. с аналитическими конспектами музыки С. Прокофьева, Бетховена, Брукнера – свидетельство серьезной музыкальной культуры¹⁰⁹.

Летом 1914 г. Усов подает документы на историко-филологический факультет Московского университета, где успевает прослушать восемь семестров. Первокурсники 1914 г. – последнее дореволюционное поколение, впитавшее токи непрерывной культурной традиции, старой университетской школы. Темы его зачетных сочинений: «Сатирические повести Вольтера», «Три послемольеровские обработки типа Дон Жуана», «История одного литературного влияния (Байрон – Мюссе)» – известны нам только по их названиям¹¹⁰.

В первый же год учебы в университете завязывается одна из тех дружб, которые ложатся в основание человеческой жизни. Другом Усова становится Александр Георгиевич Челпанов, Аля, филолог-классик¹¹¹, сын профессора психологии Георгия Ивановича Челпанова (1862–1936), энергией и талантом которого в марте 1914 г. был открыт (на средства С.И. Щукина) московский Институт экспериментальной психологии, ныне – Психологический институт им. Л.Г. Щукиной РАО (ул. Моховая, д. 9, стр. 4). В 1924 г. Усов набросал в письме портрет друга: «...беспомощно несет военную службу помощником заведующего канцелярией Штаба Крас-

¹⁰⁸ Усов Д. Музыковедение в социологическом разделе ГАХН // Музыка и революция. 1928. № 7–8. С. 52; Усов Д. Легенда о Бетховене. К вопросу о переоценке Бетховена // Там же. № 12. С. 42–43; Усов Д. Изучение музыки в Социологическом Отделении ГАХН // Музыкальное образование. № 1. С. 60–65; Рамм В., Усов Д. Принципы вокального перевода // Советская музыка. 1934. № 5.

¹⁰⁹ Вот пример такой записи: «С. Прокофьев. 2 симфония. I. Четкое, стремится движение, жесткость звучаний. 1-я тема угловатая, броская, остро ритмованная. Побочная тема – мрачная. Наиб. значительны – разработка и заключение в запутавшемся ритме. II. Вариации на простую лирич. тему (гобой) – ряд картин в строгих тонах (графика blanc et noir, стиль делового рассказа). Наиб. значительна 6-я, драматич. вариация, свинцово-гулкие звучности, прорез. пронзит. возгласами). В заключ. – повторение лирич. темы, жизненность иллюзий на краю ночи» (РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 10).

¹¹⁰ Личное дело в ГАХН. Л. 3а.

¹¹¹ Александр Георгиевич Челпанов (1895–1936, расстрелян) – филолог, переводчик, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, преподавал латинский язык в школе, с 1920 по 1924 г. служил в Красной армии, затем стал научным сотрудником литературной секции Государственной академии художественных наук, в 1930-е гг. принимал участие в составлении Большого немецко-русского словаря. Личное дело Челпанова в ГАХН: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 673.

ной Армии. Ходит в форме, напоминая в ней оперного солдата из “Кармен” или из “Тоски”. Свой медлительный и благородный филологический ум, свой безупречно академический стиль и прежде всего: 6–8 часов своего дорогого времени – принужден посвящать канцелярии. На досуге ходит в Румянцевскую и Университетскую Библиотеки, пишет филигранное исследование “об Амфиарае и Трофонии” на оборотах ведомостных листов казенного образца. Вполне покорился всему, не вспоминает прошлого и не заглядывает в будущее. Стойкий стоик. Меня любит еще больше, чем прежде, этою осенью (после 10-летия дружбы) мы перешли с ним на “ты”. Видаюсь с ним чаще, чем с кем бы то ни было, и все же мало»¹¹². Сестра А.Г. Челпанова Наташа¹¹³ иллюстрировала сочинения Усова: в детском журнале «Проталинка» в 1915–1917 гг. публикуются его сказки и рассказы с ее картинками. Для этого издания были характерны энциклопедичность, умеренные дидактичность и консервативность при стремлении сориентировать ребенка в мире культуры. Усов писал для «Проталинки» стихи («На Пасхе», «Август»), делал переводы («Ветер» Э. Верхарна), переложения (японских и испанских сказок), сочинял рождественские рассказы («Часы»), просто рассказы («Больная», «Принцесса Акварель», «Кольцо тети Лизы»), новеллы о жизни великих людей (Сальватора Роза, Тартини, Люлли, В.Ф. Одоевского, Андерсена, Мольера, Доде), рассказы по известным картинам на исторические сюжеты («Наречение царской невесты царевною» – по рисунку В.Г. Шварца; «Потешные в кружале», «Петр Великий» – по картинам А.П. Рябушкина и В.А. Серова)¹¹⁴.

Оканчивая университет, Усов проводит в Москве революционную зиму 1917/1918 г., сотрудничает в газете «Понедельник»

¹¹² См. письмо 53.

¹¹³ *Наталья Георгиевна Челпанова* (в замуж. Парэн; 1897–1958) – художник-график, окончила ВХУТЕМАС, преподавала в одной из московских школ. В 1926-м (или 1925 г.) вышла замуж за французского писателя, философа, эссеиста, специалиста по русской и немецкой литературе Бориса Аристида Парэна (1897–1970), в 1925–1926 гг. атташе по культуре Посольства Франции в Москве, и уехала с ним из России, во Франции иллюстрировала детские книги, писала пейзажи окрестностей Парижа. В 1944 г. получила премию Французской Академии художеств.

¹¹⁴ Проталинка. 1915. № 1, 4, 8, 9–12; 1916. № 1–5, 7, 10, 12; 1917. № 3–4, а также бесплатное приложение к журналу «Проталинка» за 1916 и 1917 гг. (подробнее см.: I, 508–511).

(еженедельном приложении к эсеровской «Власти народа»), выходящей под ред. М. Осоргина и Е. Кусковой (здесь печатаются В. Ходасевич, Ив. Новиков, А. Соболев, И. Эренбург). На страницах этого издания Усов рецензирует второй том «Театра Еврипида» в переводах И.Ф. Анненского, «Избранные рассказы» Мопассана в пер. В. Муромцевой, исследование О.А. Добиаши-Рождественской «Культе Св. Михаила в латинском Средневековье V–XIII в.» (за книгами и выступлениями этой первой русской женщины-медиевистки Усов с интересом и любовью следил всю жизнь)¹¹⁵, книги А.Я. Цинговатова «Сложность перспектив лермонтовского творчества», А.Н. Веселовского «Грибоедов», А.А. Сидорова «Что такое Средние века?», Г.И. Челпанова «Демократизация школы», стихотворный сборник П. Петровского «Невольные песни», рассказы В. Жуковской «Вишневая ветка»; публикует два очерка-«силуэта»: «Алексей Ремизов» (о том, как летом 1917 г. беседовал с писателем «на одном из кавказских курортов») и «Иннокентий Анненский»¹¹⁶.

В октябре 1918 г.¹¹⁷ уезжает из голодной и холодной столицы – вслед за матерью и отчимом – в Астрахань, где 9 ноября 1918 г. открывается Астраханский университет¹¹⁸. Здесь, вплоть до закрытия университета в марте 1922 г., Усов служит заведующим кафедрой истории западноевропейских литератур факультета общественных

¹¹⁵ Посылая Архиппову 12 февраля 1924 г. книгу О.А. Добиаши-Рождественской «Западная Европа в Средние Века», ДУ писал: «...прошу Вас, отнестись к этой книжечке со вниманием. Я люблю ее, как и все, что идет из-под пера О.А. Добиаши-Рождественской». На полях мною отмечены любимые места. Влияние ее для себя (со стороны стиля и образов) считаю длительным и плодотворным, и имя ее чту всячески». В 1925 г. произошло их личное знакомство. В 1940 г. ДУ спрашивал у А.В. Федорова: «Не знаете ли, жива ли О.А. Добиаши-Рождественская и каковы ее последние работы?» (см. письма 54, 232).

¹¹⁶ Понедельник. 1918. № 5, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 19, 24, 30. (Подробнее см. I, 511–512).

¹¹⁷ См. его рассказ об отъезде в письме 40.

¹¹⁸ Университет состоял из естественного (где преподавал отчим Усова; здесь планировалось, кроме других специалистов, готовить врачей) и историко-филологического факультетов и располагался на Большой Демидовской улице (ныне ул. Свердлова) в особняке Меркульевых. На первый курс было зачислено (без предъявления документов о среднем образовании и вступительных экзаменов) более двух тысяч студентов, из них – 1500 на медицинское отделение. Профессорско-преподавательский коллектив состоял из 18 человек (в том числе двух профессоров), историко-филологический – из 7 человек, из них 5 профессоров. (<http://www.astrakhan.net/?ai=7396>).

наук, преподавателем рабфака и лектором немецкого языка¹¹⁹. В 1919–1920 гг. он совмещает университетскую нагрузку с работой инструктора в Политотделе Волго-Каспийской Военной Флотилии и публикует целый ряд статей (о Луначарском, Демьяне Бедном и ... А.К. Лозина-Лозинском¹²⁰) в издаваемой политотделом газете «Военмор». Здесь происходит его знакомство с Ларисой Рейснер и ее отцом. Состоя «членом-сотрудником Научной Ассоциации Астраханского Государственного университета»¹²¹, Усов печатает в первом выпуске «Ученых записок» Астраханского университета, рецензии на книгу В.М. Жирмунского «Религиозное отречение в истории романтизма» и на перевод «Эдды»¹²², выполненный С. Свириденко. В 1920/1921 учебном году читает курс лекций по лирической поэзии в Музыкальном училище (Астраханской народной консерватории)¹²³.

¹¹⁹ Личное дело в ГАХН. Л. 5, 8.

¹²⁰ Усов Д. Об одном забытом поэте // Военмор. Баку. 1920. № 25. С. 11–12. См. I, 445–448.

¹²¹ Личное дело в ГАХН. Л. 3.

¹²² Уч. записки Астраханского Гос. Университета. Вып. I. Астрахань, 1919. С. 94–113.

¹²³ Личное дело в ГАХН. Л. 5. Астраханский «Коммунист» сообщал: «В четверг 27 мая в Зимнем Театре состоялся концерт, посвященный Чайковскому. <...> Вечер открылся вступительным словом Д.С. Усова о жизни и творчестве Чайковского (с музыкальными иллюстрациями А.О. Каппа)» (*Скальд*. Симфонический концерт из произведений Чайковского // Коммунист. 1920. № 122(528)); «В среду, 9 марта в 1 Народной консерватории состоялась лекция преподавателя Д. Усова “О художественном и народном творчестве” с иллюстрациями преподавателя и самих учащихся.

Как по теме, так и по содержанию лекция представляла исключительный интерес не только для учеников, но и для посторонней публики. Наряду с образами художественной литературы в музыке и поэзии был богато разработан отдел русского народного творчества с объяснением происхождения и описания многих старинных русских обрядов, оставивших после себя многие памятники в слое наших народных песен. Хором учениц был исполнен ряд песен: “Посадили девки лен”, “Полоса ль моя, полосонька”, “Возле речки” и много других, исполнение которых молодыми детскими голосами доставило слушателям большое художественное удовольствие.

Нельзя не пожалеть, что подобные лекции проходят в скромной обстановке класса, тогда как их воспитательное значение для широких масс столь велико. Преследуя цели народного образования, необходимо дать возможность более широко устраивать подобные концерты, придавая им вид народных музыкальных празднеств с участием грандиозных хоров, организуемых тут же на месте из присутствующих.

Почаще таких лекций-концертов для масс» (Коммунист. 1921. № 59(770); подпись: «Посетитель»).

После закрытия университета состоит лектором вновь организованного Астраханского государственного медицинского института и преподавателем истории всеобщей литературы и немецкого языка в Астраханском институте народного образования (бывшем Учительском институте)¹²⁴.

Жизнь в Астрахани, видимо, тяготит Усова, и он делает попытки закрепиться в Баку¹²⁵ и Саратове, куда приезжает на непродолжительное время в 1919 г. (по рекомендации В.М. Жирмунского Усов был оставлен при кафедре романо-германской филологии историко-филологического факультета Саратовского университета, но по материальным причинам вынужден был уехать¹²⁶). Летом-осенью 1921 г. он встречался с М.А. Зенкевичем, Г.П. Федотовым, принял участие в вечере памяти Блока, устроенном в Саратовской консерватории, но в октябре снова вернулся в Астрахань – в дом «на углу Луковской и Армяно-Григорианской»¹²⁷.

В июне 1922 г. Усов приходит к отцу В. Хлебникова и расспрашивает его о сыне – оба не подозревают, что их разговор происходит в те дни, когда Велимир уже при смерти.

В августе того же года Усов гостит в Нижнем Новгороде (у родственников жены) и навещает Б.А. Садовского (которого ценил и позднее пытался устраивать его дела¹²⁸, а с конца 1920-х гг. Садовской стал самым ближайшим его соседом по Новодевичьему монастырю, жилье в котором ему удалось занять, очевидно, не без хлопот Усова). Садовской посвящает Усову венок сонетов «*Russorum imperatores*» – видимо, после знакомства с венком сонетов «Любимые поэты»¹²⁹ – центральным произведением Усова астраханского периода.

Венок создавался в страшное время Гражданской войны как символ невозвратного счастья в мире любимых книг, куда не

¹²⁴ На вопрос анкеты «Участвовали ли Вы в съездах, Конференциях (когда, где и кем был делегирован)?» ДУ отвечает: «Педагогическая конференция Астраханской губернии в 1923 г., где читал по приглашению Гугоно курс по современному литературному и по методике преподавания иностранных языков» (Там же. Л. 8).

¹²⁵ «Когда собираетесь в Баку?» – спрашивал Усова в письме 1920 г. Архиппов (Хранитель. С. 156).

¹²⁶ См. письмо 27.

¹²⁷ Адрес ДУ: Астрахань. 4 район. Луковская улица. Дом Католической церкви. № 3.

¹²⁸ См. письма 167, 173.

¹²⁹ См. I, 109–116.

должны были врываться катастрофические события тех дней, «чью повесть лучше умолчать»¹³⁰. Собственно говоря, этот венок и был фигурой умолчания о настоящем, знаком внутреннего противостояния ужасу и мраку дневной жизни, клятвой верности вчерашнему дню и знаком ухода во внутреннее подполье.

Еще в 1915 г. началось заочное знакомство Усова с сотрудником альвинговской «Жатвы» Евгением Яковлевичем Архипповым. Усов увидел за опубликованными в 1914 и 1915 гг. двумя работами Архиппова («Библиография Иннокентия Анненского» и книга статей о русских поэтах «Миртовый венец») человека с близким кругом интересов. В годы астраханской жизни Усов стал особенно ценить возможность дружеской беседы с единомышленником. Склонный к мистическому восприятию мира, Архиппов придавал этой переписке огромное значение: «С 1915 года – линия незримых встреч и свиданий с Дмитрием Сергеевичем Усовым, – записывает он в своей автобиографии «Золотая маска», – Голод 1919–1922 г. <...> Два имени меня поддерживают: Черубина де Габриак и Д.С. Усов»¹³¹.

Оборвавшаяся в революционные годы переписка возобновилась в 1920 г., чтобы уже не прерываться до конца жизни Усова. Этот эпистолярный диалог продлился больше четверти века. Архиппов был старше Усова¹³², но разница в возрасте почти не ощущалась, и разговор велся на равных. Переписку отличает редкая литературоцентричность и откровенность. Архиппов делает детальный разбор стихотворений Усова, сочиняет для него «Исповедь» – «книгу» о своих любовных увлечениях – «потаенных романах». Усов отзывается на нее подробной, серьезной рецензией¹³³. Друзья, увлеченные Черубиной де Габриак, договариваются создать о ней две параллельные работы¹³⁴. Работа Усова должна была стать главой из так и ненаписанной им книги о русских «проклятых» поэтах (ее героями кроме Черубины должны были стать К.К. Случевский, И.Ф. Анненский, А.В. Звениго-

¹³⁰ Т, 137.

¹³¹ РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 18.

¹³² По уточненным данным, Архиппов родился 22 декабря 1880 г. ст. ст. (Литвин Е.Ю. Указ. соч. С. 367). Однако сам он пишет Усову о 13–14 годах старшинства (Хранитель. С. 159).

¹³³ См. письмо 30.

¹³⁴ Статьи Архиппова «Корона и ветвь» и «Темный ангел Черубины» хранятся в составленном им сборнике стихотворений Черубины де Габриак (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 102). Статья ДУ, насколько нам известно, не сохранилась.

родский и А.К. Лозина-Лозинский)¹³⁵. В 1919 г. в ученом обществе Астраханского университета в десятую годовщину со дня смерти Анненского Усов делает доклад «Русский Еврипид – Иннокентий Анненский»¹³⁶; опубликовать ему удалось лишь упоминавшуюся выше статью о Лозина-Лозинском.

В эти годы Усов изредка печатался в астраханских газетах «Коммунист»¹³⁷, «Профессиональная жизнь»¹³⁸, в саратовском «Саррабисе»¹³⁹.

В 1921 г. Усов женился на Елене Александровне Костроминой. Почти все, что мы знаем о ней, рассказано в стихотворении «Ты свету рождена не нужной и не лишней...». В нем говорится о каком-то событии Гражданской войны, коснувшемся семьи Костроминых:

Был жарок шепот твой: «О, если я могла бы...
Но пусть – я сделаю и то, что я могу...»
И в столике твоём – секретный план у Штаба,
И беглецы спаслись на дальнем берегу...¹⁴⁰

Увы, никакого комментария к этим строкам мы дать не можем.

В 1922 г. Усов стал отцом, но родившейся в браке вопреки его желанию дочери он отказался дать свое имя. О мотивах этого поступка Усов рассказал в откровенном письме к Е.Я. Архиппову: «Теперь я пишу Вам в состоянии глубокого душевного смятения и потерянности. В четверг 22 (9) февраля в 5½ ч. дня по солнечному времени у Лены родилась девочка, которая будет названа в крещении Ириной. Все это произошло наперекор моему желанию. Я совершенно не желал и не желаю иметь детей. Причин к этому много. Я боюсь житейских трудностей, считаю, что детство в настоящее время есть нечто очень грустное. А помимо всего не хочу “восстанавливать себе потомства” – кто знает, как исказится мой облик в телесном и нравственном существе моей дочери? Поэтому ребенок этот не будет моим. Я от него решительно отказываюсь: его возьмут родители моей жены, и он даже не будет носить

¹³⁵ О ней – в письме ДУ к Архиппову 13 февраля 1923 г. См. II, 117.

¹³⁶ Упоминание: Личное дело в ГАХН. Л. 3 а.

¹³⁷ Лекции Л. Рейснер о Шекспире // Коммунист. 1919. 26 сент.; рец.: Виктор Шкловский. Революция и фронт // Там же. 1922. 9 июля; Стихи // Там же. 1922. 11 июля; 11 окт.

¹³⁸ Александр Блок [Некролог] // Профессиональная жизнь. 1921. 25 авг., подпись: Д. См. I, 448–450.

¹³⁹ Поэзия М. Зенкевича // Саррабис. 1921. № 3; О Данте // Там же. См. I, 450–457.

¹⁴⁰ I, 127.

моего имени. Не упрекайте меня за это и постарайтесь меня понять»¹⁴¹.

Для многих интеллигентов 1920-х гг. нежелание заводить детей – осознанная позиция (со своими полюсами иронии и отчаяния от «Хорошо, что мы вовремя сообразили, что живем не в идиллическую эпоху, и не завели детей»¹⁴² и до «Хорошо – что никого, / Хорошо – что ничего, / Так черно и так мертво, // Что мертвее быть не может / И чернее не бывает, / Что никто нам не поможет / И не надо помогать»¹⁴³). Акт отказа от ребенка стал для Усова новой ступенью в системе защит от мира, в котором исчезли все признаки привычного быта и строя жизни, без которых для него немислимо представление о счастливом детстве.

К чему нам просыпаться, если завтра
Увидим те же кочки и дорогу,
Где палка с надписью: «Проспект побед»,
Лавчонку и кабак на перекрестке
Да огороженную лужу: Капитолий.

А дети вырастут, как свинопасы,
Разучатся читать, писать, молиться,
Скупую землю будут ковырять,
Да приговаривать, что время – деньги.

Бессмысленно толпиться в Пантеоне,
Тесовый мрамор жвачкой заплывав,
Выдумывать машинки для сапог,
Плодить детей и тупо умирать,
Почти не сознавая скучной славы
Обманчивого слова: пионеры¹⁴⁴.

В нищете и лишениях, принесенных революцией и Гражданской войной, Усов видел повторение уже пережитого – в другое время и на другой земле:

Проходит день, холодный и пустой.
Как долгод вечер с крохотной светильней!

¹⁴¹ См. письмо 38.

¹⁴² *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 376.

¹⁴³ *Иванов Г.В.* Хорошо, что нет Царя... (1930 г.) // *Иванов Г.В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 276.

¹⁴⁴ *Кузмин М.* Переселенцы (1926 г.) // *Кузмин М.* Стихи и проза. М., 1989. С. 165.

Мы стали проще, злее и бессильней,
Привыкнув к этой комнате простой.

На голый стол поставлен скудный ужин:
Хлеб дольками, печенье и айва.
Пускай болит пустая голова –
Твой день прошел, и никому не нужен.

Так где-нибудь в Голландии, давно,
Внимая, как на башнях бьют куранты,
И глядя в запотевшее окно –
Прекрасной Франции нишали эмигранты¹⁴⁵.

Было – юность, университет, домашний очаг, Москва, – и все это было потеряно. К привычке болезненного (сердце, ишиас, подагра) молодого человека быть центром внимания в семье, угроза чему с рождением ребенка наступала самая очевидная, добавлялось чувство брезгливого презрения к победившим чужакам, и Усов воспринимал себя последним в роду, памяти которого хотел быть верным:

Оттого я только с теми,
Кто не мог иначе жить,
Что свое родное семя
Не хочу переступить¹⁴⁶.

Дочь вырастили родители жены¹⁴⁷. Летом 1923 г. Усов один вернулся в Москву, и его брак фактически распался, хотя жена

¹⁴⁵ См. I, 118.

¹⁴⁶ См. I, 152.

¹⁴⁷ А.Е. Парнис треть века назад разыскал Ирину Дмитриевну Усову. По его словам, никаких литературных документов в ее семье не осталось, даже хранившихся там некоторое время бумаг Вяч. Иванова. Из письма к Парнису вдовы Е.Я. Архипова от 18 декабря 1970 г. известно, что после смерти ДУ его библиотека и архив по суду были разделены между дочерью и второй женой ДУ – А.Г. Усовой. Часть книг, принадлежавшая А.Г. Усовой, долгое время находилась у Л.В. Горнунга. Его племянник М.Б. Горнунг в личной беседе (2006 г.) пояснил нам, что Л.В. не смог ее сохранить – так как из-за крайней нужды и неустroенности в военные и первые послевоенные годы ему пришлось продать многие из этих книг, в чем он смог признаться А.Г. лишь после ее настойчивых многолетних вопросов в письмах. Как ни горестно для А.Г. было это известие, она простила Л.В. Горнунга, понимая, насколько вынужденным был его поступок.

навешала его и в 1924 г.¹⁴⁸, юридически развод был зарегистрирован в 1926 г.¹⁴⁹

С 1 сентября 1923 г. Усов стал «сотрудником Комиссии по исследованию художественной жизни России в эпоху Октябрьской революции»¹⁵⁰ в Российской академии художественных наук (РАХН, с 1925 г. – ГАХН), центре академической гуманитарной науки Москвы 1920-х годов. Созданной в 1921 г. при поддержке А.В. Луначарского и разместившейся в бывшем здании частной Поливановской гимназии (Пречистенка, 32) академией руководил президент – П.С. Коган. В 1924 г. вице-президентом академии, возглавившим некоторые направления научной деятельности, стал Г.Г. Шпет, ранее деятельный сотрудник Г.И.Челпанова (вероятно, устройство Усова на службу состоялось при поддержке Шпета и семейства Челпановых). Усов работал в академии, по-видимому, вплоть до ее закрытия (последнее письмо на бланке ГАХН, посланное Архиппову, датируется январем 1931 г.). Деятельность Усова в ГАХН хорошо документирована¹⁵¹.

Помимо службы в ГАХН с сентября 1923 г. Усов преподавал обществоведение в школе № 10 имени Ф. Нансена¹⁵² (бывшая гимназия А.Е. Флерова, Мерзляковский пер., 11; ныне – школа № 110 им. М. Эрнандеса), читал лекции по теории стиха в организованном В.Я. Брюсовым Литературно-художественном институте (он располагался в том здании, где сейчас находится Центральный Дом Литераторов – ул. Никитская, 53). Кроме него курс с таким же названием вели сам В.Я. Брюсов, Г.А. Шенгели, Адалис и И.С. Рукавишников. Преподавательский состав этого учебного заведения был неординарен: П.С. Коган читал западноевропейскую литературу, Г.А. Рачинский – немецкую литературу Средних веков и вел семинар по «Фаусту» Гёте, М.Д. Эйхенгольц – курс «Эмиль Золя и французские писатели XIX в.», С.В. Шервинский – культуру Италии, Я.Э. Голосовкер – античную мифологию, Б.М. Соколов – древнерусскую литературу, Ю.М. Соко-

¹⁴⁸ См. письмо 56.

¹⁴⁹ Постановлением Хамовнического Нарсуда от 9 февраля 1926 г. (Личное дело в ГАХН. Л. 1).

¹⁵⁰ Личное дело в ГАХН. Л. 1. 1 сентября 1923 г. ДУ назначен ученым секретарем комиссии изучения революционного искусства, 15 декабря 1923 г. – ученым секретарем подсекции Русской литературы, 1 февраля 1926 г. – техническим секретарем Библиологического отдела (Там же. Л. 1 об.).

¹⁵¹ См. о ней Приложение в наст. изд. (I, 471–499).

¹⁵² Личное дело в ГАХН. Л. 11.

лов – русское народное творчество, П.Н. Сакулин – новую русскую литературу, Н.К. Пиксанов – историю русской критики, М.А. Цявловский и Н.Л. Бродский – спецкурс по Пушкину, В.Ф. Переверзев – по Достоевскому, С.М. Соловьев преподавал латынь, Я.О. Зунделович вел семинары по творчеству Гоголя, Достоевского, Тютчева, А.М. Пешковский и Д.Н. Ушаков читали общую лингвистику и поэтический синтаксис, К.Г. Локс – теорию прозы, В.М. Волькенштейн и А. В. Луначарский – драматургию¹⁵³.

В 1927–1929 гг. Усов преподавал теорию и технику художественного перевода с немецкого на Высших курсах иностранных языков при Библиотеке иностранной литературы (Главнауки)¹⁵⁴.

Первое время по возвращении в Москву Усов жил вместе с родителями в Биологическом институте им. К.А. Тимирязева (Пятницкая, 48)¹⁵⁵. 1 сентября 1924 г. ему выписали документы на комнату, ранее занимаемую П.С. Коганом, в доме 51 на Арбате¹⁵⁶. Осенью 1925-го Усов получил странную жилплощадь – в одном из флигелей Новодевичьего монастыря (Б. Пироговская, 2, Новодевичий монастырь. Корпус II. Кв. 6/7), но по несколько дней в неделю жил в д. 25 по Староконюшенному переулку у своей второй жены, Алисы Гуговны Усовой¹⁵⁷. Это был дом ее тетки Р.М. Хин¹⁵⁸. Осенью 1931 г. дом в Староконюшенном снесли, и Усовы осели в Новодевичьем монастыре.

Когда во взоре, чуть расширенном,
Одна безвыходность видна,
Когда во всем подлунном мире нам
«Жилая площадь» не дана,

¹⁵³ Подробнее см.: *Пуришев Б.И.* Воспоминания старого москвича. М., 1998. С. 41–44.

¹⁵⁴ Личное дело Усова в ГАХН. Л. 62, 64.

¹⁵⁵ Пройдя через несколько переименований и реорганизаций, в 1937 г. институт был закрыт.

¹⁵⁶ Личное дело в ГАХН. Л. 24.

¹⁵⁷ См. о ней: *Нешумова Т.Ф.* «Гуговна» // «Сохрани мою речь...» Вып. 4/1. М., 2008. С. 226–244.

¹⁵⁸ *Рашель Мироновна Хин* (в замуж. Гольдовская; 1863–1928) – писательница, театальный критик. См. о ней: *Хин-Гольдовская Р.М.* Из дневников 1913–1917 / Предисл. и публ. Е.Б. Коркиной; примеч. А.И. Добкина // *Минувшее: Ист. альм.* [Вып.] 21. М.; СПб., 1997. С. 521–596.

Когда действительностью русскою
Мы сведены почти на нет –
Тогда приветливое «Узкое»
Нам шире, чем бескрайний свет¹⁵⁹.

Эта эпиграмма Усова написана в Узком – имении Трубецких, где скончался В.С. Соловьев, в советское время превращенном в санаторий работников ЦЕКУБУ.

«Проезжая или проходя в Новодевичий, я минуя каждый раз места моего детства – Плющиху¹⁶⁰, переулки Смоленского бульвара, скверы Девичьего поля, в которых я вырос. В Старокопшенном я нахожусь в краях моей юности, неподалеку от Никольского и Власьевского¹⁶¹ переулков и от вечно милого Арбата. Вечером я иногда хожу в кино в здании рядом со зданием бывшего Военно-Окружного суда на Арбате (между Кривоарбатским и Никольским переулками, куда ходил в те годы, когда жил в Никольском) – или в студию Художественного Театра имени Е. Вахтангова на Арбате, где работает мой гимназический товарищ, П.Г. Антокольский»¹⁶². В одном из писем Усов упоминает об «остром, совершенно физиологическом чувстве Москвы» в прозе А.Н. Толстого. Но это была и его собственная тема, его собственное физиологическое восприятие родного города: «О встрече с Москвою думаю с дрожью; вспоминаю тот разнеженный, теплым летним теплом октябрьский день 1918 года, когда я в последний раз мчался на трамвае, вдоль Смоленского и Зубовского бульваров на Павелецкий вокзал, – и осеннее золото, и прозрачное солнце, и дальний ковер Нескучного сада, открывавшийся с Крымского моста, и воспоминание обо всем, всем оставляемом говорили, ластились ко мне: “Останься! Не забывай нас!” А по улицам, там и сям, с пустым грохотом мчались автомобили – грузовики, с наваленной на них крепкой и белой капустой: в ту осень был необычайный огородный урожай – последняя надежда москвичей перед лицом голода. И всё реквизировали. Весь наш чудесный Охотный ряд опустел в одно утро и уж больше не наполнялся»¹⁶³.

¹⁵⁹ См. I, 217.

¹⁶⁰ В доме 10 на Плющихе жил Павел Сергеевич Усов, знаменитый московский врач, лечивший Л.Н. Толстого.

¹⁶¹ В доме 13 по Большому Власьевскому переулку жил Дмитрий Андреевич Усов (справочник «Вся Москва 1901 г.». С. 457); судя по отчеству, брат отчима ДУ.

¹⁶² Из письма 98.

¹⁶³ Из письма 40.

В записной книжке Усова 1935 г. есть такой текст: «Пейзаж Москвы.

1-й Ильинск<ий> переулоч. Войдем со стороны Остоженк<и>. В 15 шагах от ул<ицы> спиной к ней. Ближний план – коридор, торьма, дальний – свободен. (Вдали переул<ок> перерезан линией белого дома). Тянет туда: там осн<овной> фон пейзажа небо. Дерево вправо радует глаз весной и летом; живым рисунком ветвей – поздней осенью. Сложные комплексы первичных <лагаемых> города (постройки и усадьбы, мостов, стальн<ые>? линии проводов, группировка перекрестков).

Город в городе и природа в городе (удельный вес неба, зелени и воды).

Переменные фактора пейзажа в городе (свет, движение).

1-й план. Д<ом> 13. Давящее чувство. Преобладает масса. Светло-сер<ый> № 11 и светл<ый> 9 не уничтож<ают> чувства. Ввысь идущие линии прижимают зрителя. Небо и деревья – единственно красочные пятна. Чувство трехмерности, рисунка, но живописных впечатлений нет.

2-й план. Медленно движемся. Из-за угла левого небоскреба выходит кирпичный куб. Остановка на линии подъезда кв. № 1–6 и 45 дома 11. Куб отнимает часть неба, это непр<иятно>? неправильно? – Т.Н.> На левый тротуар, всматриваемся в правый угол пейзажа. Из-за линий небоскреба и зелени вырисовывается церковь Ильи Обыденного. Остановка у конца каменного забора дома 12. Масив церкви занимает весь дальний план, но неба не жаль: живые массы барокко церкви.

На правый тротуар. Вдоль 1-го Ильинского, а далее Обыденского, во 2-й Ильинский, в 25 шагах от угла обернемся в сторону Остоженки.

1-й пейзаж 2-го Обыденского переулка. 2 плана: задний – коридор, передний – природа, зелень, небо, простор.

Основное впечатление города дают архитектурные массы, затем линии и краски» (РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 8 об. – 9).

Не совсем понятно, какой может быть жанровая природа этого текста: что-то среднее между наброском раскадровки фильма или записью чьей-то экскурсии. Точно так же Черубина перед визитом Усова в Ленинград наставляла, что и как смотреть¹⁶⁴, а

¹⁶⁴ «Из мест, которые я особенно выделил бы в самом Петербурге, назову: арку Ламотта (т<ак> наз<ываемый> порт «Новая Голландия») – указание Ч<ерубины> де Г<абриак> и ее предпочтение» (письмо 79 к Архиппову 12 апреля 1925 г.).

Усов подробно инструктировал Архиппова, как ходить по Царскому Селу – сохранился путеводитель Анциферова с подрисованным Усовым планом расположения памятных мест И.Ф. Анненского¹⁶⁵. Но чья это экскурсия? Усова ли? Или перебравшегося в конце 1933 г. в Москву Анциферова?¹⁶⁶ Так или иначе – этот текст означал что-то существенное во внутренних отношениях Усова с пространством его родного города¹⁶⁷.

В 1928 г. это чувство воплотилось в программных стихах, обращенных к Москве:

Тебя живописать я не устану,
И я всегда хранил тебя такой –
От Яузы до Тушинского Стана,
И от Лефортова до Поварской.

Я узнаю незыблемые знаки
На вывеске и рыночном лотке,
Во вкусе просфоры и кулебяки,
В заботливом московском языке.

Твои дома, с их деревянным скрипом,
Твоих окраин пеструю мазню
Я предпочту и царкосельским липам,
И медному державному коню.

С рекою одесную и ошую.
С ее Кремлем, стоящим на гербе,
Москву мою – нелепую, большую –
Я ошушаю сызнова в себе¹⁶⁸.

Строки эти были выстраданы, оплачены пятилетней разлукой с городом (1918–1923), возвращением в родные места, где шла совершенно новая жизнь, где никто его не ждал, где только обострились ощущения чужака, не желающего и не могущего разделить дикова-

¹⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 12.

¹⁶⁶ *Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. М., 2010. С. 52.*

¹⁶⁷ Документально факт знакомства Усова и Анциферова не подтвержден. Но вне всяких сомнений, «московский текст» – существеннейший компонент мироощущения ДУ.

¹⁶⁸ См. I, 160–161.

тый строй новой жизни. Отрицание Усова не столь абсолютно, как у Мандельштама («нет никогда ничей я не был современнику»), он помнит ту точку, когда последовательное течение русской истории кончилась, и в стихотворении 1924 г. «Московская весна» пишет об уходе «седьмой зимы», ведя отсчет новой эры с 1917 г. Слиться с новым строем жизни такому человеку уже невозможно:

А город, как больной, переболевши,
Приветствует уход седьмой зимы –
Веселым пеньем петухов горластых,
Теплом дождей, безудержных и частых,
И маковками ярких куполов,
И голосом густых колоколов,
Под утро говорящих об обедах,
И быстрым лепетом ручьев последних,
И грохотом сосуллек ледяных...

Но в переулках старых и родных,
Где гложущих садов узорны ветки...
...Лишь комсомолка в клетчатой каскетке –
И в белых, как у девочки, носках,
На четких и упрямых каблуках
Отшелкивает тротуара плиты.
И пусть дома теплом весны облиты –
Его струит уже не прежний день,
И зацветет не прежняя сирень,
Чтоб окаймить забор лиловым краем,
Не выкатится детское серсо,
Не повернется Счастья колесо,
И этот Май не станет нашим маем¹⁶⁹.

Привыкший к академическому укладу жизни, Усов каждый день неизбежно сталкивался с людьми новой эпохи и учился маскировать свою физиологическую неприязнь к ним. Об этом он почти не пишет в письмах к Архиппову, но несколько раз проговаривается: «Боже, Боже! Как велика потребность в спокойной работе! Как хочется делать что-то такое одно, изо дня в день, отрабатывать свои месяцы, и в какой-то своей глубине складывать кирпичики, один к другому; чтобы каждый год был оформленным и сделанным, а не так, как теперь,

¹⁶⁹ См. I, 138.

когда все годы валятся в пустоту и жизнь изнашивается скорее платьем, тогда как ей нужно созреть. Чтобы снова комната была комнатой, а не кухней и не складочным местом, и чтобы нам не приходилось пожимать руку людям, которые 6 лет тому назад стояли у нас в передней. Простите меня, что я говорю так – я знаю, что это может быть очень плохо. Но мне по горло надоело беспрестанно размениваться на мелочи. А без этого никак не обойтись...»¹⁷⁰. «Тяжело отдавать себя людям не в той форме, в какой сам этого хотел бы и мог бы... Ну вот, например, несколько картинок: Я учу девушек синтаксису... Я экзаменую в Медицинском институте фельдшеров, которым нужно сдавать «общеобразовательный минимум» по русско-ому» яз<ыку> и истории... Я пишу обстоятельную рецензию на никому не нужную книжку *старого* пролетарского поэта (!) из калмыцкой жизни <...> И – верх великолепия: из Меди<инского> Института просят меня выступить с публичной лекцией: «Отражение сифилиса в изящной литературе»... Можете представить себе мой «холодный» ответный взгляд, без слов?»¹⁷¹ (1923); «Ваши строки о «пещерных людях» – пронзающи. Я так их представляю себе, это рыльце из какого-нибудь «соцвеса»¹⁷². Я тоже их знаю...»¹⁷³.

В 1924 г. Усов переводит воспоминания княгини Палей – моргантической супруги великого князя Павла Александровича¹⁷⁴. Старшие писатели М.А. Кузмин, Б.А. Садовской и даже А.В. Звенигородский становятся ему порою ближе, чем сверстники. Он был не вполне своим среди «гермесовцев»¹⁷⁵, с которыми сошелся, приехав в Москву. По крайней мере, не разделял, позиции Б.В. Горнунга («мой путь был <...> преодолением эстетизма и теургии»¹⁷⁶, «никто из нас не был настроен контрреволюционно, антисоветски <...> Принятие революции как факта, признание неизбежности жить так, как можно жить после нее; отказ от всяких мечтаний об изменении строя жизни; непримиримость к мечтам о

¹⁷⁰ Письмо 29 (1922 г.).

¹⁷¹ Письмо 41.

¹⁷² Социального воспитания.

¹⁷³ Письмо 56 (1924 г.).

¹⁷⁴ На русском языке воспоминания были изданы (без указания имени переводчицы) в составе сборника: Февральская революция. [Мемуары: М.В. Родзянко, П.Н. Миллюков, А.Ф. Керенский, В.В. Шульгин, А.И. Деникин, А.С. Лукомский и др.] / Сост. С.А. Алексеев; предисл. и примеч. А.И. Усагина. М.; Л., 1925. См. письмо 56.

¹⁷⁵ См. примеч. 4 к письму 52.

¹⁷⁶ Горнунг Б.В. Письмо Г.Г. Шпету от 23 августа 1925 г. // Горнунг Б.В. Поход времени. Кн. 2. Статьи и эссе. М., 2001. С. 393.

реставрации и к игнорированию новых социальных условий»¹⁷⁷). Мнимое единство «гермесовцев» – очевидный факт, но людей этого круга сближала необходимость постигать «искусство дышать без воздуха и без земли стоять» (А. Ромм)¹⁷⁸, им пришлось стать тем поколением поэтов, которому, по словам Ахматовой, «не дали раскрыть рта»¹⁷⁹. Б. Горнунг, более других склонный к конструированию группы единомышленников, много мемуарных строк посвятивший созданию этого образа «мы» для людей своего круга – в письме к Шпету 1925 г. включил Усова в число лиц (наряду с Г.О. Винокуром, М.А. Петровским, Р.О. Шор), от которых, по его мнению, необходимо отмежеваться: «Они не желают вмешиваться в сегодняшний день»¹⁸⁰. Этот аргумент, кажется, был важнее другого – на этот раз далекого от справедливости – обвинения в «непонимании самой сущности искусства, отношению к нему прежде всего как к объекту изучения»¹⁸¹. Усов, в свою очередь, не испытывал оптимистических иллюзий и еще в 1923 г. писал о собраниях «Кифары»: «Гнусно, что Анненский в собраниях “Кифары” как-то разбавлен ... Шпетом, <оторы>й у “кифаристов” в большом почете»¹⁸². Усов, с юности прилежный читатель Вл. Соловьева, участник университетского семинария В.Ф. Эрн по Платону, не собирался преодолевать ни «эстетизма», ни «теургии». Притом, что Усов вряд ли сочувствовал позиции Шпета, его критике Эрн и религиозной философии, выражаемое здесь недовольство вызвано, видимо, не сутью философии Шпета, но расположением ее в плоскости, весьма далекой от реального научного изучения поэзии Анненского, о котором мечтал Усов, вступая в «Кифару».

Все сказанное не мешало, однако, Б. Горнунгу и Усову обмениваться стихотворными посвящениями в 1924 г.¹⁸³, делать совместную работу в 1928 г. (перевод Золя) и поддерживать товарищеские отношения в течение всей последующей жизни¹⁸⁴. Бо-

¹⁷⁷ Горнунг Б.В. Записки о поколении 20-х годов // Горнунг Б.В. Поход времени. Кн. 2. Статьи и эссе. М., 2001. С. 377.

¹⁷⁸ Ромм А. Стихи 1927–1928 гг. / Публ. и вступ. статья М. Гаспарова // Toronto Slavic Quarterly. 2003. № 13.

¹⁷⁹ Цит. по: Паливанов К.М. Из истории литературной жизни 1920-х гг.: по поводу одной рецензии (<http://gumilev.ru/about/32/print/>).

¹⁸⁰ Горнунг Б.В. Указ. соч. С. 394.

¹⁸¹ Там же. С. 39.

¹⁸² См. письмо 50.

¹⁸³ См. I, 142 и 561.

¹⁸⁴ В ОР ГЛМ хранится машинописный сборник Б.В. Горнунга «Поход времени. Московские стихи 1925-го года» с дарственной надписью автора «Дорогому Дмитрию Сергеевичу Усову от автора. 4.XI.[19]25» (Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 396. Л. 2.).

лее теплыми стали отношения Усова с младшим братом Бориса Горнунга – лишенным лидерских амбиций Львом Владимировичем, чьи стихи Усов не ленился переписывать для Архипова.

В 1925 г. Усов соединил судьбу с Алисой Гуговной Левенталь¹⁸⁵. Ее отец, Гуго Левенталь, был известным московским врачом. Семья Алисы Гуговны была не чужда литературе. Сестра матери, Рашель Мироновна Хин-Гольдовская, была знакома с В.С. Соловьевым, А.Ф. Кони, Л.Н. Толстым, М. Горьким, Г. Брандесом, К.Д. Бальмонтом, С.А. Поляковым, М.А. Волошиным (посвятившим ей стихотворение «Я мысленно вхожу в Ваш кабинет...» и дружившим с ее сыном – двоюродным братом Алисы Гуговны, Михаилом Соломоновичем Фельдштейном, который вторым браком был женат на Вере Яковлевне Эфрон, сестре С.Я. Эфрона – мужа М.И. Цветаевой)¹⁸⁶. Среди знакомых Алисы Гуговны – жена Андрея Белого антропософка К.Н. Бугаева, поэт Ю.Н. Верховский, литературовед Н.К. Гудзий. Два варианта экслибриса для книг Алисы Гуговны выполнил в 1923 г. знаменитый московский гравер И.Н. Павлов. На одном из них мы видим Алису Гуговну с ее сестрой в старинных платьях тургеневских времен. С доброжелательной симпатией относились к ней навещавшие Усовых в Москве поэты: Вс. Рождественский (он писал Усову 1 сентября 1927 г.: «Она такая тихая, домашняя и удивительно милая... И вообще она диккенсовская умница у Вас»¹⁸⁷), Е.И. Васильева, В.А. Меркурьева («Она <А.Г. Усова. – Т.Н.> очень мне понравилась, милая, простая, умная и с большим тактом», «Мне очень по душе Алиса Гуг<овна> – она изящна и гибка»¹⁸⁸). Б. Садовской адресовал ей два мадригала¹⁸⁹. В 1928 г., когда Усовы прожили около

¹⁸⁵ См. о ней: *Нешумова Т.Ф.* «Гуговна» // «Сохрани мою речь...». Вып. 4/1. М., 2008. С. 226–244.

¹⁸⁶ О жизни других родственников Алисы Гуговны – семьи ее кузена Э.И. Гриннера – рассказывают воспоминания его жены, преподавательницы ритмики Театрального училища им. Б.В. Щукина и Вахтанговского театрального училища, В.А. Гриннер: *Гриннер В.А.* Мои воспоминания о С.М. Волконском // *Минувшее*. Ист. альм. [Вып.] 10. М.: СПб. 1992. С. 330–340.

¹⁸⁷ Цит. по машинописной копии из архива М.А. Торбин, Дом-Музей Марины Цветаевой. Далее ссылки на письма Рождественского из этого собрания даются без указания источника.

¹⁸⁸ Из писем В.А. Меркурьевой Архипповым: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 123. Л. 8 об., 26 об.

¹⁸⁹ См. комментарий к письму 174.

месяца в Царском Селе, с Алисой Гуговной очень подружился Э.Ф. Голлербах¹⁹⁰.

Получив юридическое образование, Алиса Гуговна работала над архивными документами Зимнего дворца под руководством академика М.М. Богословского¹⁹¹ и служила в ГАХН в должности архивистки. Там она и познакомилась с Усовым. В ГАХН она работала в Кабинете Революционной литературы, принимала участие в словаре «Писатели современной эпохи» (М., 1928), занималась изучением литературного наследия Л. Рейснер¹⁹².

С 1929 г. в ГАХН стали заседать комиссии, проверявшие идеологическую благонадежность научных исследований и работников академии, в апреле 1931 г. ГАХН была ликвидирована¹⁹³.

В 1930 г. Алиса Гуговна была уволена из ГАХН «по сокращению штатов». Н.Я. Мандельштам вспоминает, что до войны Алиса Гуговна была художественным экспертом Ленинской библиотеки: легко определяла, кто изображен на портретах XVIII–XIX веков. Часто гостивший у Усовых поэт Вс. Рождественский писал: «Живут они с А.Г. в двух маленьких комнатухах с окнами на тихий московский дворик¹⁹⁴, дома у них также все очень тихо и в большом порядке: каждой книге, каждому стулу найдено свое место. У них культ быта – настолько, насколько это возможно в нашем сквозняке. Оба они домоседы, никого у них не бывает, и каждый телефонный звонок, каждое явление почтальона вызывает тревогу. Дм. Серг. очень занят своими лекциями, Ал. Гуговна – теперь, когда она без места – хозяйством. Дм. Серг. увлекается теорией художественного перевода, мы с ним много говорили на эту тему и кое-что пытались делать вместе (Жамм). За чаем играли все трое в домино, вывезенное мною с Черноморья. Часто ходили в театр – видели «Пиковую Даму» у Станиславского, «Три толстяка» там же. Один раз пошли даже на звуковое кино, которое произвело на нас

¹⁹⁰ «А.Г. утешала меня в те горькие две недели, когда я терзался разлукой». – Голлербах Э. *Meditata* [глава «Эрос», подглавка «Лето 1928 года»] // Голлербах Э.Ф. Встречи и впечатления. СПб., 1998. С. 358.

¹⁹¹ См. письмо 71.

¹⁹² Личное дело Усовой в ГАХН (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 349) было уничтожено по акту № 1 от 15.01.1974. Но другие материалы позволяют реконструировать круг ее работ в Академии.

¹⁹³ Постановлением СНК РСФСР № 436 от 10 апреля 1931 г. ГАХН вошла в состав Государственной академии искусствознания (ГАИС). См.: Якименко Ю.Н. Из истории «чисток аппарата»: Академия Художественных Наук в 1929–1932 // Новый исторический вестник. 2005. № 1(12). http://www.nivestnik.ru/2005_1/11.shtml

¹⁹⁴ Старокожоушенный пер., 25, кв. 6. Дом был разрушен в 1931 г.

жалкое впечатление. Ездили в Новодевичий монастырь. Было очень хорошо и тихо. Жизнь Дм. Серг. всё яснее и углубляется. Скоро она начнет отражать звезды.... Ал. Гуг. очень подходит к нему. Она тоже тихая умница. В ней, пожалуй, еще больше этой мягкости, закругленности духа. Она из породы тех женщин, которых больше на свете нет.

В жизни Усовых я чувствую уклад-порядок, русский замоскворецкий уют и немецкую прибранность души. Эти два начала здесь соединились. На полу их комнат всегда должно было бы лежать солнце.

Да благословит господь тишины и порядка их неторопливые дни!»¹⁹⁵

В стихотворении Усова, обращенном к жене, слышна тихая и выстраданная гармония их жизни:

Милый друг! Нас небо не забыло
И земли нам лучшей не найти.
Мы с тобою были всем, что было,
Что на нашем встретилось пути:

Были садом, облаком и башней,
Были домом, печью и ковром,
И разлучены, как день вчерашний,
И как день сегодняшней – вдвоем.

Я судьбы своей не испытую
И не знаю про свою звезду.
Я тебе всю жизнь мою простую
Полотенцем на руки кладу,

Чтобы в час, полуденный и строгий,
Отереть в прохладе пот земной
Возле вяза у большой дороги,
Об руку исхоженной со мной.

16–21 августа 1928¹⁹⁶.

С Всеволодом Александровичем Рождественским (1895–1977) Усов познакомился во время командировки в Ленинград в 1925 г.

¹⁹⁵ Письмо Е.Я. Архиппову от 18 ноября 1930 г. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 74).

¹⁹⁶ См. I, 160.

Это знакомство довольно быстро переросло в дружбу. Рождественский стал писать Усову почти еженедельно, во времена своих наездов в Москву в 1926–1934 гг. останавливался у него, называя дом Усова своей московской «Итакой». Рождественский разглядел и оценил в Дмитрие Сергеевиче не только поразительную эрудированность (А.В. Звенигородский писал, что Дмитрий Сергеевич знает столько, что иногда становится за него страшно¹⁹⁷). Его притягивает в Усове «возможность снова ощутить такую обрядовую стройность жизни (даже в условиях нашей беспорядочной действительности)», «милое изящество беседы»¹⁹⁸. Он признавался (говоря и о личности Усова, и о его стихах): «Ваша геометрическая ясность очень успокаивает меня».

«Вы – человек, лишенный непосредственного эмоционального дыхания, над Вами надо думать, останавливаясь. Иногда одной черты Вам достаточно, чтобы сказать многое. Вы очень убедительны, но не заразительны. Вы, вероятно, очень плохой оратор, и для Вас навсегда заказана дорога Мирабо.

Я люблю Вас за четкость и строгость слова, за акмеистическую осторожность. Я прощаю Вам – от всего сердца! – и некоторую Вашу академичность, беспорывистость, осторожность мечты. Я знаю, как это все ценно в нашей варварской стране. И еще больше ценю я все это и потому, что окружен сейчас лирическим многословием, подавлен установкой на убедительность только тоном, вообще всеми теми свойствами прозы, которые так успешно плодят вокруг меня мои друзья-общественники («Содружество», журнал «Звезда», «Серапионовы братья»). Я Вам завидую. Вы еще умеете быть скупым. Конечно, Вам надо благодарить за все это свою германскую и романскую культуру. Вы для меня в Москве – все же «Немецкая слобода». А я, увы – где-то глубоко в сердце только варвар, научившийся латыни, чтобы читать наизусть Проперция и Катulla. Или так – скиф, которому хорошо рассказали об Эллад»¹⁹⁹.

Почти с самого начала этой дружбы обоим уже очевидна та черта, далее которой сближение было невозможным.

«Если отнять от Ваших стихов их настойчивое стремление к акмеистической весомости образа, к насыщенной интонации, одним словом, всю их земную сладостную плоть, я бы охотно сравнил

¹⁹⁷ Письмо к Архиппову от 19 сентября 1923 г. (из собрания М.Ю. Гоголина).

¹⁹⁸ Недатированное письмо, полученное 26 марта 1929 г.

¹⁹⁹ Письмо от 22 октября 1926 г.

Вас, нюрнбергского москвича, с князем Одоевским²⁰⁰, чьи “Русские ночи” часто утешали меня в те дни, когда казалось, что над всей землей нашей одна только широкая ночь и “всемирная пустота”.

Все это – для меня – немалое достоинство. Я их понимаю, ценю, люблю. И никому иному, как мне, ведома до конца их обреченность. Да, обреченность, дорогой Дмитрий Сергеевич. Это слово страшно даже произнести. Судите сами, кому *понятны* сейчас такие стихи? Тем, что еще несет в себе благородную филологическую культуру? Таких людей остается немного. Новым идущим на смену она не нужна. У них есть своя *правда*. Мне лично в этой правде просто нечем дышать, но от этого она не теряет в моих глазах права выглядеть самой настоящей правдой. Я уже давно знаю, что в мире есть не Истина, а истинное отношение сердца к ней, не сверкающая обнаженная мысль, а любовь и ненависть к этой мысли, не Истина, а Правда, не дорога, а путь, не человечество, а люди, человек!»²⁰¹

Рождественский не сомневается в правоте нового строя жизни, сметающего старые ценности, он готов к внутренней трансформации – которая и происходит с ним. «Надо отказаться от всего <...> Надо вгрызаться в трезвый и будничный век – без лирики, без всякого сердца, которое мешает и мучит. Всякая «культура» сейчас обременительный и больной груз. Она выветрилась, исчезла <...> Наша эпоха полая. Она требует, чтобы ее заполняли – безжалостно и жадно. И выходит так, что мы должны ее накормить собственным телом, собственной кровью. Иного *честного* выхода нет. Можно, конечно, закрыть глаза, можно загородиться красивой ширмой эстетического спокойствия, можно упиться готовым лозунгом – но все это будет не то и не так. Прекрасные сны моей юности: Пушкин, Античность. Как далеки они сейчас от меня! <...> Стать похожим на всех, и на место фантазий, иллюзий, привычек к «культуре» (так страшно предавшей всех нас, русских людей!) поставить будничный разум и завести его, чтобы ходил, как часы»²⁰². Усов отвечает: «если глядеть теми глазами, которыми Вы смотрите на мир *сейчас*, сам я – именно мертвый человек...

²⁰⁰ О нем ДУ написал рассказ: [Усов Д.]. В.Ф. Одоевский. Из юношеских лет русского писателя. [М.], 1916 (В серии «Детство и юность знаменитых людей». Вып. 7. С. 99–112. Бесплатное приложение к журналу «Проталинка»).

²⁰¹ Письмо от 6 октября 1926 г.

²⁰² Письмо к ДУ от 6 ноября 1930 г. (архив семьи Рождественского).

выше сил моих видеть *жизнь* там, где для меня и мне подобных есть смерть и разрушение»²⁰³. Последнее письмо Рождественского к Усову датируется зимой 1934 г. После ареста Усова Рождественский, видимо, не решился поддерживать переписку. Посвященные им ранее Усову стихи в новых книгах переиздавались уже без посвящений.

Теперь знакомые разделились на тех, кто был готов поддерживать связь с бывшим зеком (Л.В. Горнунг, А.В. Федоров, М.Л. Лозинский, С.В. Шервинский, В.В. Виноградов), и тех, у кого не хватило на это смелости. В 1964 г., когда и Усова и Алисы Гутовны уже не было в живых, Л.В. Горнунг рассказал в письме к Рождественскому об их судьбе. 18 мая 1964 г. Рождественский отвечал: «Сердечно благодарю Вас за сведения о Дмитрие Сергеевиче и Але. Грустно было возвращаться памятью к светлым дням молодости и дружеских московских бесед, но что поделаешь...

*Labintur anni**.

У меня в ленинградскую блокаду погибли и письма Дм<итрия> С<ергеевича>, в которых он так проникновенно писал об Анри де Ренье, о русских древностях Подмосковья, о прочитанных книгах. Я не раз гостил у него в Новодевичьем, и эти дни дружеского общения навсегда остались добрыми воспоминаниями».

В письме Горнунгу от 20 января 1966 г. Рождественский писал: «...Вы спрашиваете о стихах Д.С. Усова. Были они у меня, но все пропали за время ленинградской блокады. И, разумеется, я был бы рад восстановить в памяти его “Венок сонетов”, и “Балладу”, и лирику. Помнится, была у него <статья> о творчестве Анри де Ренье, тонкое искусство которого он очень ценил. Не знаете ли Вы, сохранилась ли эта рукопись? Три года тому назад по счастливой случайности мне удалось получить из архивов литературного музея копии своих писем к Д.С. и они живо воскресили в памяти годы нашего содружества»²⁰⁴.

Однако в свои мемуары Рождественский Усова не рискнул впустить²⁰⁵. От этой дружбы осталось лишь одно незакавыченное словосочетание. Рассказывая о своей старой учительнице,

* Годы берут свое (лат.).

²⁰³ Письмо ДУ к Рождественскому от 22 марта 1931 г.

²⁰⁴ Архив Торбин.

²⁰⁵ Хотя прекрасно помнил о нем. 20 января 1969 г. Рождественский писал главной хранительнице ГЛМ В.С. Попову: «Интересует меня также фонд умершего филолога и лингвиста Дм. Серг. Усова, с которым у меня была в свое время оживленная переписка на литературные темы. Есть ли там мои письма?» (ОР ГЛМ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 8).

любившей читать наизусть «Медного всадника», Рождественский пишет: «И быть может, ей обязан я первым, еще смутным ощущением упругости, тугоплавкости и победоносно замирающего звона многих слов родного языка»²⁰⁶. Центральный эпитет в этих строках пришел к Рождественскому из хорошо знакомого ему стихотворения Усова «Как тугоплавко ямб и как он труден...» (1924)²⁰⁷.

Можно только догадываться, с каким чувством Усов пересказывал Архиппову слова Рождественского о своей поэзии: «Он <...> находит, что во всякие поэтические эпохи параллельно основным каноническим линиям стихотворного мастерства идет в стороне работа вот таких стихотворцев, которые вбирают в себя крепнущую традицию и, в свою очередь, сами могут повлиять на некоторых поэтов – современников, даже оставаясь за чертою „известности“»²⁰⁸ – «Когда дело касалось его собственных стихов, Дм<итрий> Серг<еевич> был очень, вернее даже – преувеличенно скромн<ен>»²⁰⁹.

В 1926 г. в ГАХН был объявлен конкурс на лучший перевод первой песни «Поэтического искусства» Буало. В нем участвовало девять человек. Переводы не подписывались, но сопровождались девизами. Усов выбрал для девиза строчку Анненского – «Искать следы ее сандалий между заносами пустынь». Его перевод победил в этом конкурсе. 12 мая 1927 г. на специальном заседании секции художественного перевода он читал своего Буало коллегам: Б.И. Ярхо, С.В. Шервинскому, Б.В. Горнунгу. «Вам удалось быть строгим, сдержанным и ясным. <...> Вы инстинктом берете многое из того, что Гумилевская студия находила в свое время в ретортах и перегонных кубах алхимии. <...> Я прочитал перевод с тем большим удовольствием, что мое побежденное предубеждение к этому пудренному резонеру окончательно восприняло автора как человека не только простого и точного в своих определениях, но и наделенного несомненным духом искренности, которую не смогли сковать даже чопорные “александрийцы”» – так оценивал этот перевод Вс. Рождественский²¹⁰, получивший ру-

²⁰⁶ Рождественский В.А. Страницы жизни. М., 1974. С. 32.

²⁰⁷ См. 1, 139.

²⁰⁸ Письмо 136 от [7–8 января 1928 г.].

²⁰⁹ А.В. Федоров. Письмо Л.В. Горнунгу от 29 ноября 1976 г. ОР ГЛМ. Ф. 397. Оп. 2. Д. 185. Л. 31 об.

²¹⁰ Письмо от 22 апреля 1927 г.

копись от Е.И. Васильевой. К сожалению, эта работа Усова, с которой были знакомы и Ахматова, и Лозинский, видимо, не сохранилась. По крайней мере, нам удалось разыскать лишь «следы ее сандалий» – всего несколько строк, вписанных Усовым в альбом Э.Ф. Голлербаха²¹¹.

В 1928 г. вышел первый том словаря «Писатели современной эпохи» (тонкость в названии: не «современные, т.е. актуальные, писатели», но всего лишь «писатели современной эпохи» – такая формулировка расширяла рамки словника). Уникальный среди советских изданий конца 1920-х гг. отсутствием истерических пропагандистских этикеток, говорящий языком фактов биобиблиографический словарь напоминал Ноев ковчег, подобранный на борт не только пролетарских писателей, но и буржуазных «попутчиков», даже писателей-эмигрантов, тех, кому в литературном бытии было уже давно отказано. Составители словаря включили в число «писателей современной эпохи» и Л.Д. Троцкого. Это фатально сказалось на судьбе издания. Подготовленный к печати второй (а также третий²¹²) тома словаря в свет не вышли²¹³. А первый том из библиотек распорядились изъять. При подготовке словаря писатели получали от редакторов типовой опросник, ответы на который ложились в основание словарных статей. Письма и шуточные стихи Усова, курировавшего добрую четверть текстов в словаре, пожалуй, единственный источник, по которому можно узнать, кто из гахновцев за кого из писателей в этом издании отвечал (статьи словаря не были подписаны). В выборе «персонажей» легко улавливались личные вкусы редакторов-составителей. От Усова Пастернак получает анкету для живущей в эмиграции Марины Ивановны Цветаевой (ее ответы – как художественный текст и важнейший биографический источник – Усов переписывает для Архиппова). Большинству статей словаря можно придать статус автобиографический (именно так относилась к заметке о Мандельштаме из этого издания Анна Андре-

²¹¹ См. I, 339.

²¹² О существовании его исследователям не было известно, однако при просмотре протоколов заседаний социологического отдела ГАХН мы обнаружили сохранившийся словник третьего тома, фиксирующий закрепление персоналий за авторами словаря и записи о заседаниях и докладах, посвященных отдельным статьям. См. I, 500–506.

²¹³ В 1992 г. был переиздан первый том; второй тоже, наконец, увидел свет: Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь русских писателей XX века / Под ред. Б.П. Козьмина. Т. I. 2-е изд. М., 1992; Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь // Кн. подгот. к изд. Н.А. Богомоловым. Т. 2. М., 1995.

евна Ахматова; не сохранилось документов о том, как Усов получил от него ответы, думается, что записал при личной встрече²¹⁴). Усов включает в словарь Софию Парнок (и описывает Архиппову мельчайшие детали обстановки ее комнаты²¹⁵); считает необходимым присутствие в издании умерших Хлебникова и Лозина-Лозинского, для этой цели навещает П. Митурича и сестру Лозина-Лозинского. Усова интересовали люди стремительно уходящей эпохи.

В середине 1920-х гг. Усов посещает некоторые литературные кружки: бывает у Е.Ф. Никитиной (в ее собрании сохранился автограф его сонета «Дант»²¹⁶), ходит к московским акмеистам (в этом кружке бывали М.А. Зенкевич, Л.М. Пеньковский, М.А. Тарловский, С.А. Укше)²¹⁷, собирается в «Узле»²¹⁸ редактировать книгу стихотворений Е.И. Васильевой²¹⁹ (книга не вышла – в июньском письме 1927 г. Усов предупреждал Архиппова: «Ch<erubina> de G<abriak> – in carcere, давно; и я очень советую Вам больше не писать, пока сами не получите от нее письма. В Москве становится душно»²²⁰). В том же 1927-м – вызывают на допрос С. Укше. Н. Бернер – еще в 1925-м выслан на Соловки. Круг общения постепенно сужался.

В январе 1928 г. Усов признается Архиппову: «Я мало кого выдаю, кроме музыкантов, и бываю почти только в концертах. В Г.А.Х.Н. всё до ужаса неинтересно и уныло»²²¹. Значительной частью жизни становятся музыкальные радиопередачи: Рождественский пишет Усову целые письма о том, как лучше собрать аппарат по той или иной схеме.

Академической зарплаты не хватало, Усов совмещал работу в ГАХН с преподаванием, занимался корректурой журнальных статей на немецком языке и много переводил немецкую и французскую

²¹⁴ Вспоминая, видимо, более позднюю ситуацию начала 1930-х годов, Н.Я. Мандельштам писала: «Совершенно права была Алиса Гуговна Усова, которая не пускала к О.М. своего мужа: “К ним нельзя – там всякая сволочь бывает”», – говорила она. Ее идея: лучше не рисковать – кто знает, на кого нарвешься в пылу литературного спора» (*Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1999. С. 46*).

²¹⁵ См. письмо 125.

²¹⁶ РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 1 об. См. I, 111.

²¹⁷ *Виноградов В.* «Зеленая лампа»: Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты» // *Независимая газета.* 1994. № 74. 20 апр. С. 5.

²¹⁸ Московское издательство. См. о нем: *Громова Н.А.* Хроника поэтического издательства «Узел». 1925–1928. М., 2005; *Она же.* Узел. Поэты: дружбы и разрывы (из литературного быта конца 20-х – начала 30-х годов.). М., 2006.

²¹⁹ См. примеч. 14 к письму 106.

²²⁰ См. письмо 127.

²²¹ См. письмо 136.

поэзию и прозу на русский язык: Золя²²², Гейне²²³, Гёте²²⁴, Гофман²²⁵, Флобер²²⁶, Расин²²⁷, Эйхендорф²²⁸.

Себя самого он оценивает скромно. Он – «переводчик». Именно так названо ключевое стихотворение Усова (1928)²²⁹, в котором наглядно была показана принципиальная возможность стихотворного перевода.

С весны 1931 г. – после разгрома ГАХН – Усов был поглощен «"ке-лейной" и бесшумной работой лексикографа»²³⁰ (он вел раздел фразеологии в Большом немецко-русском словаре, издаваемом «Советской энциклопедией»). Тираж первого тома (А–К)²³¹ почти весь

²²² Романы «Жерминаль» и «Радость жизни»: Золя Э. Полн. собр. соч. Т. XIII. М.; Л., 1929; Т. XII. М.; Л., 1930.

²²³ Переводы опубликованы под именем Е. Дмитриевского: Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1939. Т. 3. См. I, 266–304.

²²⁴ Гёте И.В. Собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1932. Т. I. Переводы включены в наст. изд. См. I, 247–259.

²²⁵ Новелла «Угловое окно» была принята к печати в редакции издательства «Academia» (6 февраля 1934 г.), однако в печати не появилась. Машинопись с авторской и редакторской правкой: РГАЛИ. Ф. 629. Оп. I. Ед. хр. 682. В вышедшем в 1936 г. сборнике Гофмана «Новеллы и повести» был опубликован перевод А.В. Федорова.

²²⁶ Роман «Воспитание чувств. История молодого человека» (совместно с А.В. Федоровым). Перевод опубликован под вынужденным (после ареста) псевдонимом А.В. Димитревский: Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1935. Т. 3. См. письмо 218.

²²⁷ Трагедия «Аталья». Перевод вышел без указания имени переводчика: Расин Ж. Сочинения: В 2 т. М.; Л. 1937. Т. 2. С. 245–340. См. письмо 215.

²²⁸ Повесть «Из жизни одного бездельника». Опубликовано в сб.: Немецкая романтическая повесть. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 349–436. Несмотря на то, что книга вышла в год ареста, перевод подписан именем Усова. Стихотворения из этой повести см. I, 259–264.

²²⁹ ОР РГБ. Ф. 218.1071.24. Л. 2 об. Впервые опубликовано – без указания авторства Усова в кн.: Литературные игры: Сборник. Пособие для руководителей литературных кружков и библиотечарей / Сост. В.А. Мануйлов. Л., 1938. С. 32; републиковано (с именованием автора, но без указания на издание 1938 г. и с пометой «публикуется впервые») в специально посвященной этому стихотворению статье: Гаспаров М.Л. «Переводчик» Д.С. Усова: с русского на русский. // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 434–439.

²³⁰ Слова из письма от 17 апреля [1931 г.] Голлербаху.

²³¹ Большой немецко-русский словарь / Под ред. Е.А. Мейер; при участии в ред. работе А.Г. Габричевского, Л.Ю. Городецкой, А.Г. Левенталь, Н.Н. Лямина, Н.Э. Мамуна, М.А. Петровского, Д.С. Усова, А.Г. Челпанова, Г.Г. Шпет[а], Б.И. Яхно и др. М.: Сов. энциклопедия, 1934. Т. I. А–К; рец.: Сушкова В. За большевистск. книгу. 1934. № 22. С. 21–22. Усов принимал участие в выпуске тем же издательством и другого словаря: Немецко-русский, русско-немецкий словарь-минимум / Сост. Н.С. Чемоданов, В.М. Угрюмов и Н.М. Шейнина. Под ред. Д.С. Усова. М.: Сов. энциклопедия, 1934.

был уничтожен. Немногие сохранившиеся экземпляры – библиографическая редкость. Второй, уже подготовленный том (L–Z), так и не был напечатан.

Осенью 1932 г. в круг общения Усовых входит приехавшая в Москву из Владикавказа старая приятельница Архиппова Вера Александровна Меркурьева²³². Усов шутит, что в своих письмах Архиппов давал только «один ее аспект» – «аскетический»²³³. Меркурьева, в свою очередь, рассказывает Архипповым о чете Усовых (Усова она называет иногда «Ус Сергенч»²³⁴): «Они оба тоже немножко подведенные, уставшие от выкачивания годовой работой. Но впереди у них хороший отдых, так еще можно жить. Оба милы, как всегда, сидели за чаем, слушали концерт по радио (прекрасный аппарат, установленный Всево^{лодом} Алекс^{андровичем})²³⁵, переговаривались немножко о стихах, немножко о делах. Читал Дм^{итрий} Серг^{еевич} свои переводы Лукиана, чудесные, остроумные. Вообще у них – оазис»²³⁶.

Новый 1933 год Усовы встречали вместе с приехавшим из Ленинграда переводчиком Андреем Венедиктовичем Федоровым²³⁷, учеником Ю.Н. Тынянова.

Зимой 1933 г. Усов переводил греческих поэтов (для издательства «Academia»), составил (в сотрудничестве с двумя немецкими коллегами) небольшой сборник учебных текстов для перевода с немецкого языка²³⁸.

²³² См. о ней: *Гаспаров М.Л.* Вера Меркурьева (1876–1943): Стихи и жизнь // Лица. Биографич. альм. Вып. 5. М.; СПб. 1994. С. 5–97; *Меркурьева В.А.* Тшета: Собр. стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. В.А. Резвого. М., 2007.

²³³ Шутка/ДУ, пересказанная в письме поэтессы к К.Л. Архипповой 28 ноября 1932 г. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 8), отсылает к собственным стихотворениям Меркурьевой, изображающим Вяч. Иванова: «аспекты» «мифический», «космический», «лирический», «комический», «люциферический» (см.: *Меркурьева В.А.* Тшета. С. 206–231).

²³⁴ «А Ус Сергенч цел, хранит колокола», – писала она вместе с А.С. Кочетковым. См.: *Меркурьева В.* «Умейте жить минуткой» / Подгот. текста и коммент. Т.Ф. Нешумовой // *Toronto Slavic Quarterly*. 2008. № 24.

²³⁵ Рождественским.

²³⁶ Письмо Меркурьевой к К.Л. Архипповой от 7.06.1934. – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 123. Л. 48.

²³⁷ См. о нем примеч. 6 к письму 217.

²³⁸ *Усов Д., Циль З., Тунцер А.* Сборник текстов для переводов с немецкого. С прил. статей по методике и технике перевода. Пособие для высших педагогических учебных заведений. Допущено коллегией РКП РСФСР. М., Учгиз, 1934.

В 1934 г. Усов написал брошюру о принципах работы переводчика²³⁹. Труд пестрит такими «формулами времени», как «прямое языковое вредительство», неточности в переводе «должны расцениваться как грубая политическая ошибка, а в иных случаях – и как особая форма вредительства на языковом фронте»²⁴⁰. Этот новояз был почти неизбежен²⁴¹. Сохранившийся экземпляр брошюры Усова, подаренный Чуковскому («Глубокоуважаемому Корнею Ивановичу Чуковскому с приветом от автора. Москва. 28 XII <19>34»), прочитан очень внимательно, многие строки отчеркнуты²⁴².

Весной 1934 г. Алиса Гутовна перенесла брюшной тиф, «оба поухдели и побледнели, извелись; она стала совсем маленькая, а у него нервно дергается лицо. Болезнь ее подвела обоих», – сообщала Архиповым В.А. Меркурьева²⁴³. Летом 1934 г. Усовы отдыхали в Долгой Поляне – имении между Казанью и Симбирском, превращенном в санаторий Союза писателей (членом которого Усов стал в 1934 г.). «Алисе Гутовне нравилось – я же отдыхаю едва ли не лучше всего дома, и, пожалуй, единственный “вид”, который мне из всех прекрасных видов мил – это вид на мой собственный стол, окно и постель», – писал Усов Голлербаху²⁴⁴, рассказывая об отдыхе, – за месяц до ареста.

Последнее свидетельство об участии Усова в официальной литературной жизни Москвы – стенограмма обсуждения доклада О.М. Брика «Проблемы стихотворного перевода на материале последних переводов “Германии” Гейне»²⁴⁵ – 28 декабря 1934 г.

Последнее из доарестных стихотворений Усова – поздравление В.А. Меркурьевой с новым 1935 годом:

²³⁹ Усов Д.С. Основные принципы переводческой работы / Отв. ред. Б.А. Грифцов. М.: Гос. учебно-педагогич. изд., 1934. А.В. Федоров осмелился дать ссылку на эту работу: Федоров А.В. Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы). Л., 1958. С. 360.

²⁴⁰ Усов Д.С. Указ. соч. С. 30, 44.

²⁴¹ Так, в статье о новых русских переводах «Германии» Гейне – неудачный, с точки зрения А.В. Федорова, перевод Л.М. Пеньковского назывался «вредным» (см.: Федоров А.В. «Германии» Гейне в четырех переводах // Звезда. 1935. № 5. С. 222–230.

²⁴² ОР РГБ. Ф. 620. К. 57. Д. 33. Однако ссылки на это издание в работах Чуковского о переводе нет.

²⁴³ РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. I. Ед. хр. 123. Л. 42 об.

²⁴⁴ Письмо от 30 декабря 1934 г.

²⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Ед. хр. 6. См.: Доклад О.М. Брика о новых переводах «Германии» Гейне и его обсуждение на секции переводчиков Союза писателей (1934) / Подгот. текста, публ. и примеч. Т.Ф. Нешумовой // Philologica 2006/2009. [М., 2011]. Т. 9. № 21/22 (в печати).

Если б не курево,
Нам было б слаще
С Верой Меркурьевой
Видеться чаще²⁴⁶.

3 февраля 1935 г. Усов был арестован.

Когда вы мните ясно жить
И тихо умереть –
Для вас неведомая нить
Плетет не ткань, а сеть²⁴⁷.

«На момент ареста преподавал в Московском педагогическом Институте новых языков и в Московском областном комбинате иностранных языков, одновременно работал по литературным договорам в разных издательствах, член союза советских писателей». 14 марта были арестованы Г.Г. Шпет, М.А. Петровский, А.Г. Габричевский, Б.И. Ярхо. Усов и его коллеги проходили по так называемому делу «Немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории в СССР» (№ Н 9276 в ЦА ФСБ России).

Как указано в обвинительном заключении, «ячейки организации выявлены в Москве, Ленинграде, Саратове, Ярославле и Крыму». Всего по делу арестовано и привлечено к уголовной ответственности 140 человек, в основном граждан СССР немецкой национальности: преподаватели, учащиеся вузов и техникумов, литературные работники. Кроме того, была арестована группа лиц – литературоведов и искусствоведов, бывших сотрудников Государственной академии художественных наук, закрытой в 1930 г. как «некоммунистическое учреждение» – по обвинению в создании «ячейки русских фашистов». В их числе: писатель, литературовед, переводчик М.А. Петровский, философ Г.Г. Шпет, искусствовед А.Г. Габричевский, профессор Б.И. Ярхо, литератор и переводчик

²⁴⁶ Из письма Меркурьевой к Архипповым 3 января 1935 г. – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. I. Ед. хр. 123. Л. 64. Из стихов 1935–1943 г. до нас дошла лишь одна фраза из стихотворения «Скорпион», написанного ДУ незадолго до смерти: ее процитировала в письме к Архиппову от 29 июля 1944 г. А.Г. Усова: «Звездное небо играло в нашей жизни, особенно в последние годы, очень большую роль. Отсюда ведь и “Скорпион”»: «...он среди созвездий Зодиака озаряет годы и века» («...Все это очень замечательно, сложно и мрачно»: Письма А. Усовой к Е. Архиппову / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е. Литвин // Вопросы литературы. 2010. Май–июнь. С. 379).

²⁴⁷ Слова из «Баллады о езде туда и обратно». См. I, 129.

В.Н. Дружинина. Они обвинялись в связях с «руководителем закордонного центра русской фашистской партии» кн. Н.С. Трубецким и участниками «Российской национальной партии» (Н.Н. Дурново и др.). На чем базировались обвинения в «русском фашизме», свидетельствуют протоколы допросов А.Г. Габричевского. Признавая под давлением следствия свою вину, он показывал: «В этих беседах высказывались также и националистические взгляды. В частности, Петровский М.А., стоящий на позициях русского национализма, ставил вопрос о том, что на русской интеллигенции лежит задача отстоять русскую самобытную культуру от «варварского» разрушения ее большевиками. Этот вопрос особенно остро дебатировался в период слома и сноса Сухаревой башни, Китайгородской стены и других исторических памятников». Г.Г. Шпету, А.Г. Габричевскому, Б.И. Ярхо вменялось в вину «участие в составлении фашизированного Большого немецко-русского словаря» (к следственному делу приобщен документ, озаглавленный «Политическая экспертиза», в котором отмечается: «Политико-идеологический уровень словаря явно неудовлетворительный. Соответствующий по построению материал не соразмерен с общим объемом словаря и политически недостаточно заострен, обнаруживая ряд промахов, ввиду буржуазно-либеральных и местами даже фашистских толкований и пробелов, как-то недостаточное отражение роли и значения “эпохи” установления монополюльно-финансового капитала и фашизации государства с одной стороны и победы пролетарской революции – с другой»). М.А. Петровский обвинялся в «организации широкой пропаганды фашизма путем фашизации немецко-русских словарей». Г.Г. Шпету было также предъявлено обвинение в том, что «будучи одним из руководителей Государственной Академии художественных наук, вел активную борьбу с коммунистическим влиянием в области искусствоведения». 1 июля 1935 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело «Немецкой фашистской организации». Во главе организации следствием была поставлена профессор Московского педагогического института новых языков Е.А. Мейер. Она обвинялась в шпионаже в пользу Германии, пропаганде фашизма, составлении «фашизированного» Большого немецко-русского словаря. Ближайшим помощником Е.А. Мейер следствием был выведен старший научный сотрудник Государственного словарно-энциклопедического издательства А.Г. Челпанов, который обвинялся в руководстве «контрреволюционной» ячейкой среди сотрудников редакции иностранных словарей, пропаганде германского фашизма при изда-

нии «Большого немецко-русского словаря» и систематической пропаганде террора в отношении руководителей Советского правительства. Военная коллегия приговорила Е.А. Мейер и А.Г. Челпанова к расстрелу.

Члены «ячейки русских фашистов» были приговорены в июне 1935 г. Особым совещанием при НКВД: В.Н. Дружинина – к 5 годам ИТЛ; Б.И. Ярхо – к 3 годам ИТЛ (с заменой на ссылку в Омск); М.А. Петровский и Г.Г. Шпет – к ссылке на 5 лет. А.Г. Габричевский лишен права проживания в режимных пунктах сроком на 3 года. Проходящие по делу лица реабилитированы в 1989 году. М.А. Петровский и Г.Г. Шпет отбывали ссылку в Томске и тройкой УНКВД Западно-Сибирского края 27 октября 1937 г. по обвинению в участии «в офицерской кадетско-монархической контрреволюционной организации» были приговорены к расстрелу. А.Г. Габричевский в июне 1942 г. особым совещанием при НКВД приговорен к 5 годам высылки²⁴⁸.

Л.В. Горнунг, который прекрасно знал всех арестованных, постарался поскорее уехать из Москвы. Возможно, именно благодаря своему поспешному отъезду он и уцелел. 11 марта 1935 г. Горнунг писал С.В. Шервинскому из Юрьевецкой Слободы²⁴⁹: «В Москве я застрял до 17-го февраля. Отсутствие комнаты, безалаберная жизнь между Корнелем и безденежьем, угроза “Академии” и пр. совершенно истрепали мои нервы»²⁵⁰. Шервинский, конечно, прекрасно понял и это, и нижеследующие «пр.» Горнунга, который интересовался: «Не знаете ли, выздоровел ли Дм. Серг. и пр. и пр.»²⁵¹ – т.е. не выпустили ли Усова и арестованных с ним.

По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 20 июня 1935 г. «за участие в контрреволюционной организации» Усов Д.С. заключен в ИТЛ сроком на 5 лет»²⁵².

Летом 1935 г. Мандельштам цитирует две строфы перевода Усова «Мальчик розу увидал» в своем сценарии передачи «Молодость

²⁴⁸ Просим освободить из тюремного заключения / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 185–187. См. также: *Северцева О.С.* Комментарии к материалам следственных дел сотрудников ГАХН // Г.Г. Шпет: Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Маршинской. М., 2000.

²⁴⁹ И уточнял адрес: г. Юрьвец, Ивановская обл. Завод «Красный профинтерн». Слободская больница. Кв. врача Петрова.

²⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 282. Л. 12 об.

²⁵¹ Там же. Л. 13.

²⁵² Цитируем ответ за подписью заместителя начальника Центрального Архива ФСБ России Ю.Н. Титова от 28.04.2005 № 10/А-Н-560 на наш запрос.

Гёте», написанном для воронежского радио. Сосланный шлет привет арестованному.

Осенью 1935 г., убитая горем, умерла мать Усова²⁵³.

В «Воспоминаниях» Н.Я. Мандельштам ошибочно пишет, что Усов отбывал свой срок на строительстве Беломоро-Балтийского канала: «Молодые и здоровые языковеды Дмитрий Сергеевич Усов и Ярхо, выйдя на волю, умерли почти сразу, так их разрушили несколько лет, проведенных на канале, а ведь они на физической работе почти не были»²⁵⁴. Однако Усов не принимал участия собственно в строительстве канала, так как оно к моменту его ареста уже было завершено (фактическое начало работ, примыкающих к фазе планирования и изысканий на местности, приходится на ноябрь 1931 г.; 20 июня 1933 г. (двадцать месяцев спустя) канал принимается в эксплуатацию, и летом 1933 г. на канал приезжает делегация советских писателей во главе с Горьким). Но Усов и в самом деле был заключенным Белбалтлага. Л.В. Горнунг пишет в воспоминаниях, что Усов «был выслан на территорию Медвежьей горы»²⁵⁵. Первое время (пока наркомом внутренних дел был Ягода) «родственникам разрешались свидания с сидевшими в этом лагере. Алиса Гуговна время от времени ездила, даже на несколько дней, на свидания с Дмитрием Сергеевичем. Для свиданий было отведено отдельное помещения, где можно было встречаться»²⁵⁶.

²⁵³ Слова об этом – на ее записке к Б.А. Садовскому. РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 220. Л. 2 об. Сохранились всего две недатированных записки. В одной из них она просит Садовского зайти: «Мне будет очень приятно познакомиться с Вами, хотя сама я очень скучный человек. Завтра день рождения моего сына, и хотя он отсутствует, мы вспомним его за чаем» (Там же. Л. 1).

²⁵⁴ В биографическом очерке, кратко рассказывающем о жизни ДУ, А.Г. Левинтон и Л.Г. Степанова также допускают неточность. Они пишут: ДУ «сидел в Карелии (Медвежья гора); в начале войны лагерь был расформирован из опасения, что его захватят немцы или финны, при этом Усов был освобожден» (Степанова Л.Г., Левинтон Г.А. Из истории дантоведения в России (Неизвестная статья Усова о переводе «Новой жизни») // Язык, литература, эпос (к 100-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского). СПб., 2001. С. 340). Как следует из писем ДУ, он был освобожден не в начале войны, а в феврале 1940 г., очевидно потому, что истек пятилетний срок его заключения.

²⁵⁵ Горнунг Л.В. Дмитрий Сергеевич Усов // ОР ГЛМ. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 2. (Цит. по архивному делу, так как в выше упомянутой публикации писем А.Г. Усовой, подготовленной Е.Ю. Литвин, документ напечатан с купюрами).

²⁵⁶ Горнунг Л.В. Указ. соч. Л. 2. Ср. воспоминания Е.А. Благиной о посещениях примерно в эти же годы – правда, не заключенного, а сосланного на Медвежью гору Г. Оболдуева (в кн.: Оболдуев Г. Стихотворения 20-х годов. М., 2009. С. 240 и др.).

Согласно официальным данным, за время строительства (1931–1933) в Белбалтлаге умерло 10 936 заключенных, в том числе 2 066 человек в 1932 г. и 8 870 человек в голодном 1933-м (по другим данным, на строительстве канала погибло от 50 000 до 200 000 человек). Однако на Беломорканале издавались газета «Перековка», журнал «Под знаменем Беломорстроя», функционировал Центральный театр ББК. В газетной заметке сообщалось, что «Библиотечная сеть ББК насчитывает 21 стационарную библиотеку и свыше 300 передвижек. Книжный фонд достигает 250 000 томов... выдается на руки 65–70 000 книг»²⁵⁷. В письмах к друзьям Усов писал, что в первые два с половиной года заключения ему удавалось даже следить за библиографическими новинками²⁵⁸. Газета сообщала, что заключенные с радостным энтузиазмом проходят «перековку» и осваивают новые профессии, чтобы после выхода из лагеря стать полезными членами советского общества. Среди отчетов о неслыханных урожаях в Приполярье, об успешном проведении опоросной кампании в Повенецком совхозе в газете очень редко, но попадались статьи на литературные темы. Даже была рубрика «Литературная консультация», где со статьями «Ответы нашим поэтам» выступал будущий автор «Поэтического словаря» А.П. Квятковский. В подборке за 1935 г. нашлась маленькая заметка Усова: рецензия на комедию XVII века Дж. Флетчера «Испанский священник», переведенную М.Л. Лозинским²⁵⁹. Несмотря на то что эта была не единственная статья о литературе в «Перековке», тема ее была все-таки неслыханной: Усову удалось «подать голос», сохранив верность интересующей его проблеме: проблеме художественного перевода.

Условия лагерной жизни ужесточились в 1937-м, когда на смену Ягоде пришел Ежов. О второй половине лагерного срока Усова (середина 1937 – февраль 1940) мы не знаем почти ничего.

Л.В. Горнунг вспоминал: «Сталин начал высылать из Москвы жен арестованных. Он говорил, чтобы не было “Русских женщин” – по Некрасову. Алису Гуговну выслали в Киргизию»²⁶⁰.

²⁵⁷ У нас много книг // Перековка. 1935. 4 июня. № 66 (500). С. 4.

²⁵⁸ См. письмо к С.В. Шервинскому от 8 мая 1940 г.

²⁵⁹ См. I, 461–462.

²⁶⁰ Алиса Гуговна была выслана «по постановлению УНКВД Московской области от 9 июля 1937 г. «как член семьи осужденного за антисоветскую деятельность» (справка из ЦА ФСБ. 15.09.1937). В.А. Меркурьева писала К.Л. Архиповой из Старков: «Алису Гуг<овну> не видела. Катя <Е. Юрченко. – Т.Н.> ей писала, но не имела ответа, должно быть она уехала» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. I. Ед. хр. 123. Л. 110–110 об.).

Написать по почте мужу она не могла и не знала, как его известить, что ее высылают. Он ждал ее на свидание. Усова обратилась ко мне с просьбой отвезти письмо Дмитрию Сергеевичу. Поездка эта была довольно рискованной, но мне трудно было ей отказать. Стазя²⁶¹ очень беспокоилась за меня, но что было делать. Письмо Алиса Гуговна написала одному знакомому, с которым встречалась, бывая у мужа, лагерный срок которого кончился. Жил он вне лагерьной зоны. Продолжая работать в лагере, он был вхож туда. Только он мог передать письмо, где писалось о еесылке из Москвы.

Дорога была очень длинная. Надо было ехать до Ленинграда, а оттуда "полярной стрелой" до Медвежьей горы. Усова, конечно, дала мне денег на эту поездку... Подъезжая к зоне лагеря, я видел в окно вагона ужасно унылый пейзаж. Вероятно, здесь когда-то были леса, сейчас торчали одни пни. Недалеко от станции я по адресу разыскал того, кому надо было передать письмо, и взял билет обратно до Ленинграда. Туда и обратно я ехал в плацкартном вагоне. Пассажиры, уезжавшие оттуда, по-видимому, местные руководители, ехали в общем вагоне. Когда я вошел в свой вагон, он был почти пуст. Я сел у самой входной двери и увидел на другом конце вагона людей. По-видимому, это было лагерное начальство, которое на выходной день уезжало в Ленинград, – тот день была суббота. Мужчины были в полувоенной форме, – во френчах и сапогах. Они стояли около сидевших своих толстых жен. Мне было с ними очень неприятно, и я боялся, как бы они не подошли ко мне, чтобы узнать, кто я и зачем я оказался в этом районе. К счастью, они были заняты разговорами, смеялись и не обращали на меня внимания. По-видимому, они меня приняли за кого-то командированного. Откуда-то я узнал, что в других, в общих, вагонах была проверка документов. Одним словом, я вздохнул с облегчением, когда поезд пришел в Ленинград и можно было выйти из вагона. Слава Богу, что все кончилось благополучно. Алису Гуговну я застал еще в Москве, но она собиралась в Киргизию»²⁶².

Освободившись по истечении пятилетнего срока (в начале февраля 1940 г.), Усов, заехав на день в Ленинград и на несколько дней в

²⁶¹ Жена Л.В. Горнунга. См. о ней примеч. 11 к письму 228 ДУ к Горнунгам от 20 марта 1940 г.

²⁶² Горнунг Л.В. Дмитрий Сергеевич Усов. Л. 2–3. 18 февраля 1936 г. Горнунг записывает в дневнике: «Усова уезжает в Киргизию всылку из-за мужа и, разбирая вещи, подарила мне плоский ящик с пастелью всех оттенков. Конечно, я подарю его Леониду Евгеньевичу <Фейнбергу>» (Горнунг Л.В. Воспоминания о семье Фейнберг (из дневников 1923–1960 гг.) // РГАЛИ. Ф. 2841. Оп. 1. Ед. хр. 376. Л. 38).

Москву, отправился в Киргизию. С.В. Шервинскому он объяснял в письме: «Я поехал в Киргизию потому, что здесь живет с 1937 года Алиса Гуговна (хотя я мог бы поехать и в любом другом направлении)». В Ленинграде он зашел к А.В. Федорову, в Москве – к Л.В. Горнунгу²⁶³, и уже в конце февраля 1940 г. соединился с Алисой Гуговной²⁶⁴.

С.В. Шервинский, Л.В. Горнунг, А.В. Федоров, М.Л. Лозинский, В.В. Виноградов, Е.Я. Архиппов – вот круг адресатов Усова последних лет. Письма к Лозинскому, Виноградову, Архиппову (этого периода) нам найти не удалось. О пережитом Усов не писал – новый сдержанный тон говорит в этих последних письмах больше, чем слова. Лейтмотив писем к друзьям в Москву и Ленинград – просьбы о присылке новых книг, мечты о возобновлении переводческих заказов – отчаянная попытка вернуться к профессиональной литературной жизни (очень скоро была осознана невозможность осуществления этих планов). Из киргизского Беловодска в январе 1941 г. Усов перебрался в Ташкент: благодаря рекомендации Б.В. Горнунга он познакомился с филологом-классиком Л.Д. Тарасовым и стал преподавать в Ташкентском государственном педагогическом и Учительском институтах²⁶⁵. Алиса Гуговна была с ним.

Началась война. Эвакуация привела в Ташкент старых знакомых Усовых: Б.В. Горнунга с семьей, поэта и переводчика А.С. Кочеткова, В.А. Меркурьеву. 23 февраля 1942 г. она писала жене Архиппова: «Видела Алису и Дм<итрия> Серг<еевича>. Он не изменился, даже лучше выглядит, чем прежде, она же очень постарела, исхудала, болеет. Живут они тоже трудно, хотя не так голодно, как мы. Мечтают о возврате в М<оскву>, – как я. Живут замкнуто, Алиса к нам изредка приходит, он – нет. Я до них добраться, раз<умеется> не могу – я ведь во двор выхожу с трудом и одышкой. Инна Гр<игорьевна>²⁶⁶ была у них, Ал<ександр> С<ергеевич>²⁶⁷ не удосужился. Он работа-

²⁶³ Л.В. Горнунг почему-то запомнил, что ДУ был у него летом 1941 или 1942 г.: «Хотя была жаркая погода <февраль! – Т.Н.>, он приезжал в шубе, которая была у него с собой в лагере. Он был сильно изменившийся, очень нервный. Я ему сообщил киргизский адрес жены, и он, переночевав где-то у родственников, вероятно на другой день выехал к ней» (*Горнунг Л.В. Дмитрий Сергеевич Усов*. [Авторизованная машинопись]. Дом-музей М.И. Цветаевой. Фонд М.А. Торбин).

²⁶⁴ См. письмо к Л.В. Горнунгу от 20 марта 1940 г.

²⁶⁵ См. об этом в письме к Л.В. Горнунгу от 21 января 1941 г.

²⁶⁶ Жена Кочеткова.

²⁶⁷ Кочетков.

ет над переводами местных классиков, написал вместе с Липскеровым пьесу «Надежда Дурова»²⁶⁸.

4 апреля 1942 г. Меркурьева писала Е.Я. Архиппову: «Ус<овы>х не вижу, они поглощены работой и заботами, он совсем не выходит иначе как на лекции, а она – дни в очередях, добычах, готовке и проч.»²⁶⁹. С Усовыми общалась оказавшаяся в Ташкенте Н.Я. Мандельштам. Она вспоминала об особой кружке, из которой у Усовых разрешали пить чай только тем, кто помнил наизусть стихи Мандельштама. Дмитрий Сергеевич напоминал ей Мандельштама одною своей чертою: «Был всем напуган и ничего не боялся»²⁷⁰. Однако общаться с Усовым Надежде Яковлевне пришлось совсем недолго: 29 апреля 1943 г. от болезни сердца в возрасте 46 лет Д.С. Усов умер. 3 июня 1943 г. Алиса Гуговна сообщала Горнунгам: «Дорогие Стазя и Лева! Вчера я получила письмо от Эмм<ануила> Ив<ановича>²⁷¹, в котором он пишет, что видел вас. Не можете себе представить, как я обрадовалась, что вы в Москве. После Митиной кончины это было мое первое радостное чувство. Ведь я уже ничего о вас не знаю. Когда скончался Митя, я послала с оказией из клиники, где с ним жила, записку Бор<ису> Влад<имировичу>²⁷² с просьбой заехать ко мне. Но так никто из них и не был у меня²⁷³. А сегодня приходила прощаться Инна Моис<еевна>²⁷⁴ и сказала, что Вы прислали для меня телеграмму на имя Б.В., но он и ее мне не доставил и это мне особенно жалко. У меня есть Митина последняя фотография, снятая прошлой весной для какого-то удостоверения, правда не особенно удачная. Один экземпляр (их всего два) я оставила себе, другой сохранила для Вас. Сейчас я уже не успею передать ее кому-либо из отъезжающих, но, кажется, через две недели едет Эфрос²⁷⁵ и, быть может, я пошлю с ним ее. Но Вы сами узнайте, когда он придет в Москву, потому что хамом и свиньей он оказался страшным и на

²⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 10–10 об.

²⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 10.

²⁷⁰ Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 429–432. Глава «Гуговна», посвященная А.Г. Усовой, написана с исключительной доброжелательностью.

²⁷¹ Гриннера, кузена А.Г. Усовой.

²⁷² Горнунгу.

²⁷³ Именно в эти дни семья Б.В. Горнунга получила разрешение вернуться в Москву, поэтому на просьбу А.Г. Усовой они не успели отозваться (это разъяснил нам в устной беседе, состоявшейся в 2005 г., сын Б.В. Горнунга, М.Б. Горнунг).

²⁷⁴ Возможно, переводчица И.М. Зусманович.

²⁷⁵ Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) – искусствовед, театровед, литературовед, литературный критик, переводчик.

него надеяться нельзя, что он сам передаст. Так что понаведайтесь, т.к. мне бы не хотелось, чтобы фотография пропала. С благодарностью вспоминаю Вас часто: все те снимки, которые Вы присылали мне за эти годы, я дала окантовать. Подробности, те, что я в силах была описать, передал Вам, по всей вероятности, Эмм<ануил> Ив<анович>. Сердце <Дмитрия Сергеевича> не вынесло той нагрузки, которая выпала на его долю. Хотя все время, с 21 февраля 40 г.²⁷⁶ и до зимы 42 г., мы жили прекрасно во всех отношениях. А уже с конца зимы 42 г. Митя не получал того, что ему было нужно для поддержания сердца. Московские вещи начали продавать лишь с этой осени, т.е. с приезда Э<ммануила> И<вановича> в Москву, деньги поступали с переборами. Питался он последнее время неплохо, но, к несчастью, было уже поздно²⁷⁷. Наступила вторая декомпенсация. У меня такое опустошение и такое оупение, что я все еще не осознаю всей глубины своей утраты. Я поступила на работу, сперва научным со-

²⁷⁶ День встречи А.Г. и Д.С. Усовых в Киргизии.

²⁷⁷ Ср. письмо Б.В. Горнунга, эвакуировавшегося в Ташкент с женой, сыном и матерью, Л.В. Горнунгу от 20 ноября <19>42 г.: «Все больше и больше сказывается на всех нас наше питание. Я, конечно, работаю вне зависимости от этого (на меня убийственно действует в смысле работы только холод). Но Мише <М.Б. Горнунг, сын Б.В. Горнунга. — Т.Н.> естественно трудно заниматься так усиленно (два класса за один год), когда от обеда до обеда мысль у него невольно отвлекается воспоминаниями о еде, которую по вечерам все кругом варят и жарят, наполняя зал разнообразными запахами. Все дело в деньгах и даже в довольно небольшом их количестве. Будь у меня приработок в 200—300 руб. в мес<яц> или даже единовременная получка в несколько сот рублей — сразу кое-что изменилось бы. Вот сейчас все покупают “маш” (нечто вроде здешней фасоли, 80 рублей кило), он быстро уже дорожает, а мы не могли еще ни разу купить даже 250 гр. на одну кашу (не говоря уже о рисе, которого 250 гр. стоят 35 руб.). Даже больше: если бы мы *один раз* купили на базаре кило хлеба за 70 руб., то “выровнялись” бы, то есть брали бы его по карточкам на день в день, а не на день вперед <...> Мне сейчас очень твердо обещают с января специальный курс в САГУ по истории латинск<о>-го яз<ыка>, вульгарной латыни и введ<ению> в романск<ие> языки. Это почасно (при 12 руб. в час) будет давать около 100<0> руб. в месяц плюс *личный* абонемент в б<иблите>ке в САГУ, что очень важно. <...> Была у нас вчера Алиса Гуговна. Жаловалась все время на тяжелую жизнь, дороговизну дров, истощение Д<митрия> С<ергеевича>. Но нам это смешно. Разве можно сравнить их положение с нашим. Д<митрий> С<ергеевич> получает теперь 1500 руб., их двое, а не четверо, столовая у них лучше, а главное, ее брат в Москве продает ее вещи (лишние (!) шубы и пальто) и высылает ей деньги, а сама она здесь тоже продает зол<ото>, а покупает не только маш и рис, но и масло и сахар (стаканчиками). Вот уж сытый голодного не разумеет, и нас, я думаю, можете понять только Вы и Стазя, которые сами месяцами были в подобном положении <...> А. Ахматова заболела брюшным тифом» (ОР ГЛМ. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 202. Л. 1 об. — 2).

трудником по разделу библиографии в Публ<ичную> Библ<иотеку>, а сейчас перешла зав<едующей> филологическим кабинетом в Университет. Там ставка больше и работы немного. Но я стараюсь больше работать и меньше думать. Жизнь утратила для меня весь свой вкус и ценность. До 10-го нахожусь пока на обеих службах, т<а>к к<а>к еще не развязалась с первой. Устаю.

За это время умерла Вера Алексеевна Меркурьева. Мы ее почти не видели, потому что общение с Кочетковым, у которого она жила, было весьма мало приятным. Да и сама она пришла в большой упадок (не тем будь помянута): читала Вербицкую, занималась сплетнями и т.п. Вообще быт здешний Кочетковых – это такая юмористика, над которой Вы бы смеялись до слез.

Вышла книга стихов Ахматовой: всё почти старые. Ее выдаю иногда. Она по-прежнему великолепна, но окружена каким-то невероятным бабьем. Видаю также Над<ежду> Як<овлевну> Мандельштам, иногда ночуем друг у друга, т<а>к к<а>к живем далеко. Но она – это “обормотник” и терпеть ее можно только ради стихов О<сипа> Э<милевича>. Если поедет в Москву И.А. Кашкин, я пошлю с ним и фото, и последние стихи Ос<ипа> Эм<илевича>, которые вы, может быть, не знаете, и два последних стихотворения Мити, “Скорпион” и одно без названия, написанные 28 февраля²⁷⁸, за два месяца до кончины²⁷⁹.

9 июня 1943 г. Архиппов писал Е. Юрченко: «Вы боитесь сообщить мне о кончине Д. С–а, – как бы она не повлияла на меня и как бы я тоже не сдох... Этого бояться не следует: боязнью долголетия не наживешь... А потеря для меня действительно ужасающая и незаменяемая. Ни <А.В.> Федоров, ни Руднев всей своей жизнью и одного слова Дмитрия Сергеевича заменить ни могут...»²⁸⁰

Со временем Алиса Гуговна стала вести те курсы, которые раньше читал в ташкентских вузах Дмитрий Сергеевич. Об одном случае из ее тогдашней жизни, красноречиво рисуящем твердый характер этой маленькой женщины, рассказали дневники Г.С. Эфрона²⁸¹, навещавшего Усовых на правах дальнего родства-свойства. Сходные тяготы жизни: ссылка, вдовство, – и совместная работа в САГУ (Среднеазиатском государственном университете) способ-

²⁷⁸ Второе стихотворение не сохранилось. Из стихотворения «Скорпион» известен лишь процитированный А.Г. Усовой фрагмент (см. I, 165).

²⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. I. Ед. хр. 18. Л. 6–7.

²⁸⁰ ОР ГЛМ. Ф. 490. Оп. I. Ед. хр. 16. Л. 2.

²⁸¹ Эфрон Г.С. Дневники. М., Т. 2. 2004. По указ. В комментарии ошибка в дате смерти А.Г. Усовой.

ствовали сближению Алисы Гуговны с Надеждой Яковлевной Мандельштам. А.Г. Усова и Н.Я. Мандельштам часто виделись на протяжении нескольких лет, но особенной дружбы между ними все-таки, как это видно из писем, не было²⁸².

К известной фразе И. Бродского о том, что «в тридцатые и сороковые годы государство производило писательских вдов в таких количествах, что к середине шестидесятых из них можно было создать профсоюз»²⁸³, надо сделать существенное добавление: из тех из них, кто до середины шестидесятых смог дожить. Алиса Гуговна Усова – не смогла.

«Постановлением УМГБ Омской области от 2 декабря 1949 г. Усова А.Г. от ссылки на поселение освобождена»²⁸⁴. Возвращаться в Москву – без Дмитрия Сергеевича – Алиса Гуговна не захотела. Осталась в Ташкенте. В 1951 г., пережив мужа на восемь лет, Алиса Гуговна умерла.

Заключением Прокуратуры СССР от 30 марта 1989 г. Д.С. Усов реабилитирован.

* * *

«Случай – орудие Провидения» – эти слова Пушкина я вспоминала все время работы над этой книгой, которая не возникла бы, если бы О.А. Лекманов не предложил мне весной 2004 г. написать маленькую заметку о Д.С. Усове для «Мандельштамовской энциклопедии».

* * *

В течение этих лет я пользовалась щедрой поддержкой и советами близких, друзей, коллег, которым хочу выразить огромную признательность. Прежде всего, хочу поблагодарить И.А. Ахметьева, Н.А. Богомолова, К.Г. Боленко, С.Ю. Мазура, А.Л. Соболева, Р.Д. Тименчика и Л.М. Турчинского, которые взяли на себя труд внимательного чтения больших фрагментов рукописи.

²⁸² Подробнее см.: *Нешумова Т.Ф.* «Гуговна» // «Сохрани мою речь...». Вып. 4/1. М., 2008. С. 226–244.

²⁸³ Цит. по: *Полухина В.* Бродский глазами современников. Кн. 2. СПб., 2006. С. 212.

²⁸⁴ «Дело на спецпоселения Усову А.Г. хранится в ИЦ УВД Омской области» (*Титов Ю.Н.* Указ. соч. С. 1).

Я благодарю тех, кто предоставил мне материалы домашних архивов и личных коллекций: М.Б. Торнунга, Е.А. Калло, М.Ю. Гоголина, М.В., Н.В. и Т.В. Рождественских, О.С. Северцеву, А.Л. и А.И. Тоом, Э.Г. Флешину. В самом начале разысканий меня очень поддержал М.Л. Гаспаров.

За помощь и советы в работе над книгой я хочу поблагодарить Л.И. Агееву, К.М. Азадовского, А.Ю. Бабосова, А.Ю. Балакина, М.В. Безродного, В.В. Вебера, М.Б. Велижева, И.Г. Вишневецкого, Е.И. Водоноса, М.З. Воробьеву, М.А. Выграненко, З.Г. Годович, Н.А. Громову, А.А. Губера, З.Д. Давыдова, Г.М. Дашевского, П.В. Дмитриева, В.А. Дроздова, С.Е. Зенкевича, Л.В. Зубову, Б.А. Каца, О.Я. Кельберт, Г.Э. Киршбаума, А.А. Конюхову, Е.В. Конюхову, Э.С. Красовскую, О.Б. Кушнину, А.В. Лаврова, Г.А. Левинтона, Е.Ю. Литвин, И. Лукка, Е.Э. Лямину, Е.И. Лубяникову, В.И. Масловского, М. Маурицио, В.Э. Меладзе, К.В. Меладзе, В.А. Мильчину, Г.А. Морева, П.М. Нерлера, Г.В. Обатнина, Н.Г. Охотина, А.В. Павлову, М.М. Павлову, С.И. Панова, А.Е. Парниса, И.А. Пильщикова, К.М. Поливанова, А.П. Прокопьева, Е.Б. Прокопьеву, В.А. Резвого, Н.В., М.В. и Т.В. Рождественских, А.А. Россомахина, Н.М. Сперанскую, Е.Е. Степанова, Е.А. Тахо-Годи, В.Н. Торопову, Ю.Л. Фрейдина, А.И. Червякова, М.В. Честных, А.Б. Шишкина, М.Ю. Эдельштейна, О.А. Юрьева. Учитывая свою рассеянность, я хочу поблагодарить и тех своих консультантов, кого я неумышленно здесь не поименовала, и заранее повиниться перед ними.

Особая благодарность – творческому коллективу Дома-музея М.И. Цветаевой, поддержавшему меня и предоставившему для этой книги уникальные архивные материалы.

Татьяна Нешумова

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХИ О ЖИЗНИ МОЕЙ

Проходит, закутавшись в длинный темный
плащ. И она с ним, змеиноокая.

Сологуб

1

Первые дни. Молчаливый дом.
Пальмы, стоящие прямо.
В зале шаги смягчены ковром,
В дальних комнатах — мама.

Белая детская. Игрушки на полу.
Белым кровать укрыта.
Голову поднимешь — грозитя в углу
Образ митрополита.

Грустная Fräulein. Девичья рука.
Старонемецкие сказки.
Редкие гости. Веселье слегка —
На Рождество и на Пасхе.

.....

Было и лето. Кресты без конца,
Пенье ладанов росных.
Много венков. Хоронили отца.
Похороны в старых соснах.

.....

Снова – зима. Надоевший каток,
Колокол прежнего храма,
Те же игрушки и французский урок.
Только в трауре мама.

2

Здесь час тому назад ребенок умирал.
Теперь он крепко спит. Затихли стоны, крики.
Звонили на церквах, и запад догорал.
И таяла весна; кончался пост Великий.

И доктор с нею был – родной и близкий друг.
«Ведь он спасен? Ах, да. Спасибо Вам за Митю».
Но в синей полумгле ее касаясь рук,
Он только прошептал: «Теперь меня спасите».

3

Так много слов, так много дней
За дальним рубежом.
И где-то там, среди полей
Затерян прежний дом.

И столько замков и картин,
И столько новых книг,
И рыцари во мгле годин,
И страшной сказки крик.

Собор готический тяжел,
Расписано окно,
И лик распятого так зол,
И с оцетом – вино.

Святых монастырей венцы,
Баранчики в лугах,
И синих дальних гор зубцы
На снежных облаках.

Цветущих яблонь белый ряд,
Шиповники в крови,

Какой-то девушки наряд –
Подобие любви.

Но вновь склоняется туман.
Не вспомнить, не вздохнуть,
И все – виденье и обман,
И дальше, дальше путь...

4

Солнце. Куст бузины (мимозы)
У пустынной железной дороги.
А внизу, у крутого откоса
Восседают песочные боги.

Весь пустырь – храмовое владенье.
Я ношу истуканам жертвы:
Кирпичи и другие камни,
Что даруют радости смертным.

Я из глины слепил искусно
Для упавших богов пирамиду.
Но сегодня мне грустно – так грустно,
Я богам поклонился для вида.

Алтари клинописные пусты.
Недовольны песочные боги.
Бузина разрастается густо
Возле рельс окружной дороги.

Дышат ядом болотные струи.
На горячем песке мне снится,
Будто я в Египте целую
Молодую, жаркую жрицу.

5

Она ко мне пришла, как Таня, как Beata,
В тот час, когда я пел о восковых руках.
И как во сне сестра целует нежно брата –
Дала мне поцелуй прихода и возврата
И, опустив глаза, прошла в моих стихах.

И вместе с ней прошли забытых парков сказки,
Запели бубенцы, и заалелся час,
И мы обручены – она в заветной маске,
И утро темное благословило нас.

Но в жизни нет ее, а только отраженье
И не найти ее – ни в темных городах,
Ни в селах, ни в церквях при светлом песнопенье,
Ни в снеговых горах, ни в роскоши весенней,
Ни в небе, ни в аду: она – в моих стихах.

<1913>

ПЕСНЯ МЕРТВОЙ

Но ты от холодного лобзанья
Свои уста оторвала.
А.С. Пушкин

Я знаю – путь не мной указан.
Ты без меня его нашел.
Ты клятвою со мною связан.
Ты человек, и ты ушел.

А я осталась. Над могилой
Стоят узоры страшных звезд,
Я в них хочу найти мой милый,
Мой золотой и тонкий крест.

А где-то, где-то жизнь все та же,
Все те же руки и духи;
Ты вырезаешь картонажи
И прячешь их в свои стихи.

И спутница с тобой другая.
Ну что ж, люби ее, иди!
Тебе незримо дорога я,
И мы сойдемся. Подожди!

23 декабря <1913>

Ты знаешь, Господи, что я всегда – в Тебе.
Моя душа укрыта платом Спаса.
И крест, и розы есть в моей судьбе,
И сердце в пламени, и Лик с иконостаса.

Но только путь к Тебе велик и страшен,
И я не знаю, как его пройти.
И чья мольба и верность крепче башен?
И чья любовь за мной? И где ее найти?

<1913>

ФРАГМЕНТ

А небо, Господи, – предвечный циферблат,
И солнце – только часовая стрелка,
Которая часов считает долгий ряд.
И там секунды золотом горят,
Как звезды, по небу рассыпанные мелко.

И этот сад – он только календарь,
Который нам поставил Вседержитель.
Написанный от век, он верен, как и встарь –
И в свой черед покажет снег Январь,
И принесет тепло Апрель-Освободитель.

А сердце – это мой зашифрованный дневник,
И каждый день свою главу приводит.
Пусть молод я – в груди моей старик,
И, голову подняв от чертежей и книг,
Вещает мне, что всё, как день, проходит...

1913

Взор мой чист и видит всё до грани:
Сетку трав, эмаль небесных зданий
И, далеко наверху, – Эдем!

В травах я лежу, в июньских травах.
Солнце гаснет на небесных главах,
Скоро спрячется за церковью совсем.

Тихо в небесах и в травах тихо,
Ветер сладок — кашка и гречиха...
Солнце гаснет, клад святой храня.

Купол неба — пуст и неогляден.
Воздух вечера прозрачен и прохладен —
Кружева цветов вокруг меня.

1913

Сияет солнце в белых летних облаках.
Три рощи мирно спят на скошенных лугах,
И всё так близко мне, так ясно и так мило,
Как будто семи лет совсем не проходило.
Все так же разрослось плетенье эпомей
По белым столбикам уютных флигелей,
Где у балкончиков на клумбах — темно-синий
Пахучий гелiotроп и звезды жестких цинний.
Беседка ветхая крапивой заросла,
И зацветает пруд, и лодка загнила...
А в доме — та же тишь: пьянино, бюст Гомера,
Ореховый диван, безрукая Венера,
На пыльном столике торчащая в углу,
Все тот же половик на лаковом полу;
Без просыпа в шкафах заснули фолианты,
Все четверти часов в часах поют куранты,
А за окном, вдали, в нежалящих лучах
Три рощи мирно спят на скошенных лугах...

Июль 1913

СТИХИ БЕРТОЛЬДА ВАГУСА

Из моих песен

1

AVE MARIA

Царица синих вод – звезда морей глубоких –
Базальтовый дворец на дне моих очей.
Пылающий венец на лике туч высоких –
Звезда морей.

Вероники букет у горних пьедесталов.
Заря, что умерла за далями полей,
И в синей вышине – девица в нимбах алых –
Звезда морей.

2

НОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

И вот я был один среди ночного мрака.
А прялка дум ночных вела рассказ о брате,
Который так живет у крепких башен храма.
Над башнями горят созвездья Зодиака,
Чугунная луна глядит в тройные рамы,
И он, как я, не спит в закованной палате.

И чорт сидит в углу. И слышен гнусный смех,
Как ржавый бубенец. И то не смех, а грех,
И скука. Крест луны ложится на полу,
И взвизгнув, и вскочив, как под бичом собака,
Чорт убежал в нору – в другом углу.

И я был вновь один среди ночного мрака.

ЭКЗОРЦИЗМЫ

Перст о перст. На сердце – латы.
Имя Господа трикраты,
Имя Девы на груди,
На двери – слова Франциска
Против беса василиска
Черным углем начерти.

Ночь. Молчат скелеты, призмы...
Лишь словами экзорцизма
Еле дышит гнусный мрак.
Червь страницы жадно гложет,
И скребется, и тревожит
Красной мышью дальний Враг.

Перст о перст. Сутана – броня,
Руки – копья, мысли – кони,
Очи – стрелы алых битв.
На словах горят узоры
Громоздятся с громом горы
Экзорцизмов и молитв.

Пусть от клятвы неустанной
Луч планеты пятигранной
Темноту пронзит до дна,
Чтобы от семи печатей,
Двух костей и трех распятий
Провалился Сатана.

MATER DOLOROSA

Склоняется солнце и кровью рыдает в снегах.
Я слышу – Ты тихо поешь, Пресвятая Мария:

«Уста Мои в ранах. Так ранят его поцелуи.
И тело застыло. Я телом его отогрела.
И пусто и умерло сердце. Его я любила».

Я слышу во сне, как поет Пресвятая Мария.

1913

MARIE

Горько твое имя, как миндаль.
Тонко твое имя, как Апрель.
Перед нами – будущая даль.
Ты венок несешь, а я – свирель.

Я тебе спою, а ты колдуй.
Чара сердце цепью заплетет.
И когда проснется поцелуй –
Ты промолвишь: «Он теперь поет».

Я пою, играю и дремлю.
Только имя и душа во мне,
Только знаю, что теперь – люблю.
И целую милую во сне.

<1914>

An den Bruder Paul

В пролете башни, у часов,
Где дремлет старый гном, –
Гремит неведомый засов
Под чьим-то злым ключом.

И вот один, и вот другой,
И дева, и дитя –
Ползут и тощею толпой
За выступ средневековой
Цепляются, кряхтя.

И чьей-то скрипки злой напев,
И хохот черепов.
Один идет, венец надев,
Другой читает нараспев
Свой старый часослов.

Но мне заря Твоей руки
Зардеет над крестом –
То, воя от глухой тоски,
Уйдут, толкаясь, костяки,
Как в паутину пауки –
В свой старый, узкий дом.

1914

Дни темны, скудны и мелки
кружатся в годах,
словно часовые стрелки
на больших часах.

Время сыплет неуклонно
золотой песок.
И смеется у колонны
темный ангелок.

Но горят лучами света
старые гербы,
и доспехи, и портреты –
и мои мольбы!

И в душе поет весенний
радостный набат.
В синем небе – словно звенья
белых кавалькад.

Ты, как Ангел, с веткой счастья
сходишь с полотна –
и в устах твоих причастье,
и в очах – весна.

Я закрыт семью замками,
но разбей – войди –
осени меня руками,
стань за мной и жди.

1914

СЕРДЦЕ
(газета)

Золотым огнем пылает сердце.
Алой кровью истекает сердце.
Меч с крестообразной рукояткой,
Как небесный луч, пронзает сердце.
Херувимы, облака и розы
Белой цепью обрамляют сердце.
Эта кровь – сладчайший виноградник –
Винной кровью опьяняет сердце,
И на алтаре души атласной
Пламенея, не сгорает – сердце.

<1914>

МОЯ КРОВЬ

Мне в сердце вписаны сердца,
Что бились в целом роде:
И страх священного венца,
И грусть венчального кольца,
И планы о свободе.

В гербе красуются ключи
И львы хранят корону,
И перекрещены мечи,
И трех масонских звезд лучи
Под именем Патрона.

А предки знали сабель стук,
Звон труб и ржаний конских.
И клавесина тонкий звук;
А я – последний в роде внук –
Несу печать Болконских.

Но предки спят глубоким сном
В неведомой часовне,
И мышь трудится над гербом,
И видно, как отходит дом
На старой родословне...

Всему дана своя пора.
Все свечи догорают,
И с ними кончена игра...
Но где-то есть моя сестра;
Она меня не знает...

1914

В соседней комнате во мгле слышна рояль,
И, как укор, в толпе бесплодных искушений —
Серебряную нить выпрядывает пенье
И, завершив рассказ, уходит тихо вдаль.

И нечего желать, и всё чего-то жаль.
Так. Надо всё принять: кошмары повторений,
И немощь первую, и ярость двух цветений,
И белую любовь, и алую печаль.

Романс умолк во мгле. Рояль захлопнут глухо.
Шаги двух девушек теряются. Старуха
В соседней комнате считает сердца стук.

Но вот возникло то, что было мной забыто,
И чудится во сне, что сердце перевито
Теньями белыми двух скорбных, тонких рук.

1914

ПЕЧАЛИ

В церквах поет печаль, как тонкая тревога,
И ложная весна, головку наклоня,
Глазами девочки, узнавшей слишком много,
Порой пронзит окно и смотрит на меня.

Грозятся небеса, как ветхая божница,
Вокруг всё тот же стук и розы тех же ран,
И на скупой душе все та же власяница,
И на груди, как крест, пестреет мой обман.

И только далеко, за белыми домами,
Где вянут облака в чахотке дождевой –
Там сердце темное, пробитое гвоздями,
Погребено в полях под книгой снеговой.

1914

НАЕЗДНИЦА

Колеблются перья в холодном огне.
Наездница в белом на белом коне.

И стройно, и строго, как мрамор, стоит
Под музыку вальса и такты копыт.

И лошадь несется, как гибкая трость.
Наездница стынет, как Каменный Гость.

В отважной душе замыкается лед,
А кровь Дон-Жуана горит и цветет.

Но вот из оркестра доносится ропот,
И медные стоны, и бархатный рокот,

И флейты, и скрипки дрожат и поют –
Ленивые, знойные звуки цветут...

Цветы рассыпаются в струны, как арфы,
Гирлянды из зелени, алые шарфы.

Над белым конем серпантиновый мост,
И синяя бездна, и тысячи звезд.

Но звуки и краски, как тени, бледнеют,
Цветы погасают, и скрипки слабеют...

И снова колеблются перья в окне.
И снова на белом и гибком коне

Наездница стройно, как мрамор, стоит
Под музыку вальса и такты копыт.

<1914>

BRODERIE

Лидии Всеволожской

Два мягких цветка на багете,
В котором архангел поет.
Закрыты глаза на портрете,
И вечер мечтает и шьет.

И руки тоскуют о звуках,
О том, что сказала рояль,
О том, что в стихах и разлуках
Все та же весенняя даль.

У алой горючей лампадки,
Где сердце цветет от тоски —
Виднеется облик пресладкий
Мучительно тонкой руки.

И дремлет Апрель в гиацинтах,
В окне ледяного трюмо.
Уснут анфилады гостиных
И грусть голубого Рамо.

<1914>

AN CHERUBINA DE GABRIAK

Im Zimmer war es hell von blauen Hyacinthen;
Der Sommer spannte aus sein sonnendünnes Netz.
Da warst du im April, das Haar getürmt von Hinten
Wie eine Königin vom schweren Velasquez.

Die Hände fromm und dünn, fast wie bei einer Nonne,
Ein inkrustiertes Kreuz (es war ein Souvenir).
Da flammte mir das Herz, wie eine rote Sonne,
Und alles stand in Blut, in seiner alten Zier.

Ich wollte einen Kuß auf deine Augen brennen.
Doch du bliebst unbewegt und lispeltest nur kaum,
Und als ich schüchtern dich "St. Ignaz" hörte nennen –
Da kam das Blut in Nacht: es war ein Fiebertraum.

<1914>

МОЙ СВЯТОЙ
(ДИМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ)

Так мирен тяжкий шум его парчовой ризы.
На праведной груди – Нерукотворный Спас.
Венцы Солунских гор молитвенны и сизы,
А небо с радугой – святой иконостас.

И венчик у лица спокойного спокоен.
С сияющим копьем, сияющий, как царь,
На образе моем стоит священный воин,
На страже райских врат – заступник и вратарь.

Когда придет пора, когда нагрянет битва,
Когда прольется кровь на множество цветов –
Возникнет у души, как щит, его молитва,
И броней золотой замкнется цепь крестов.

И за победой вслед взойдут лучи Софии,
Как новый, синий день на храмовой стене.
И древний багрянец державной Византии
Мой радостный святой с небес протянет мне.

<1914>

МОЛИТВА

Ветры бродят духами бездомными.
И полям неявленное снится.
О тебе, одна, с глазами темными,
О тебе мне хочется молиться.

О твоих руках, печально связанных,
Гибких пальцах, вымытых слезами,
О твоих страданиях нерассказанных,
Грустная, с глубокими глазами.

Все провижу, что таят лучистые
От других непонятое взоры,
И молюсь... И ночь со мною мгlistая
И ветров стнящих злые хоры.

Все провижу, тихая, скорбящая,
Все возьму в молитвенные строфы.
Поведет тебя судьба незрящая
Через мир до сладостной Голгофы!

<1914>

Мне хочется молиться о весне,
О той весне, где небеса – иконы,
И где берез расцветшие короны
И рясы елок спят в голубизне...

Где соловей приветствует рассвет
И образок с дороги глаз не сводит,
Где платье белое в сиянии проходит,
И где так свеж фиалковый букет...

И где Господь на срубленной сосне
Глядит в весну и, зяблика лаская,
Поет духовный стих... о чем, не знаю...

Мне хочется молиться о весне.

<1914>

TANGO

В семейных зеркалах явился образ грешника.
Он был с пробором и зятанут в модный страх.
И ей казалось: он ласкал мадонну-девочку
И спрятал труп ее в оранжевых цветах.

А между тем она сама в шелках страдания
Под плеск рояля и надушенный экстаз,
Забыв кольцо, стихи и обещания
С каким-то призраком сцепила цепи глаз.

Она какое-то сознание обидела,
Но усмехнулась раной тонких алых губ.
И сквозь безумие не знала и не видела,
Что с ней тангирует напудренный инкуб.

<1914>

Настали дни: весна горит и плачет,
Стоит Распятые в купах белых роз,
И в серебре тяжелый рыцарь скачет
Туда, где Запад алый меч занес.

А здесь невеста, услышав от боли,
Что между ней и мной звенят ключи —
Рыдая, рвется в дверь моей неволи...
Но ей связали руки палачи —

И я один. Кандальное бряцанье
Печально глохнет в зачумленной мгле.
Но вот лучи... Какое-то мерцанье
И ореол в решетчатом стекле,

И тихим шагом близится Распятый
В одежде белой, в розах и в крови,
И на руках — любимые стигматы...

Он говорит, что близок час расплаты...
И сердце в пламени от боли и любви...

1914

ТОСКА

Ранен во сне вечереющий день
Жалом греховным и острым.
В сердце цветет и страдает сирень.
Где мои сестры?

Где ваши взгляды? В молчании зал,
Черные, чуткие платья,
Бледные лица в овалах зеркал...
Где мои братья?

Старые, мудрые тихо ушли
В темные, ветхие рамы.
Вы не искали того, что нашли...
Где ваши храмы?

Где ваши клятвы? Но тонет их ряд
В сердца обостренном стуке.
Вечные формулы в небе горят.
Где Твои Руки?

1914

Ave Maria! Святая война
Смолкла. Икону проносит Весна.
Копья устали, устали...
Знаменем стала небес глубина,
Тучи и синие дали...

Меч засиял, вознесенный Тобой.
Череп глядит в небосклон голубой,
Солнечным знаком излученный.
В белые розы, забывши про бой,
Падает рыцарь измученный.

1914

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

I

Ты в платье траурном, с одним пучком фиалок,
Поникнув золотистой головой,
Руками бледными, как у русалок,
Сжимаешь тело свечки восковой.

Хоронят Господа. Цветут в горах маслины,
О, не рыдай – Он будет воскрешен!
Но слезы льются – льется черный звон,
И, чудится, рыдает Магдалина.

II

И снова в тишине растает снег свинцовый,
И зачернеется усталая земля.
За каменной стеной вздымается пунцовый
Закат, как алый меч, и зябнут тополя.

Унылый тонкий звон. Зачахлые деревья
Подстрижены. Кричат у церкви воробы.
Сугробы грязные, как дикие кочевья,
И в сумерках журчат апрельские ручьи...

Семь долгих, скорбных дней. Иконы всё чернеют.
Мне слышатся часы, которые читал
На клиросе дьячок... Она со мной говееет
За долгой всенощной Страстей. Я так устал.

1914

Темные венки
Суждены избранным, но безвинным.
Ч<ерубина> де Габриак

Твой путь далек. И камень межевой,
Пугающий во мгле зловещим, тусклым зраком, –

Не верь ему: под строгим Девы знаком
Растет твой стих – тревожный и простой.

Познай века в их темном покрывале,
Сними их цепь, корону и печать,
Чтобы из гроба – новое поднять;
Твоя любовь – в кольце святой печали.
Здесь – долгий путь. А в небе – Дева-Мать.

30 мая 1914

«МЕЛАНХОЛИЯ»

К гравюре Дюрера

Колокол нем. На старинной медали
Ангел забыл чертежи и скрижали,

Ангел склоненный с увенчанным ликом.
Замерли воды в томленье великом.

Радуга скорби всё так же светла.
Так же ничтожны людские дела.

Гранями камень неведомый Зодчий
Строго исполнил. Покорные очи

Агнец сомкнул. Цепенеют весы.
Сфера не двинется. Молкнут часы.

Тяжко сияет на небе звезда.
Шагом чугунным проходят года.

1914

И ранним утром будет встреча:
Она возникнет из зеркал.
В ее кольцо сверкнет опал,
И загорятся тихо свечи.

Сквозь предрассветную вуаль
Из комнат рокового дома –
Как отдаленный призрак грома
Архангел, облаченный в сталь,

Прострет разящую десницу
И грозно скажет: «Пробил час!
Воспламенел иконостас,
И путь разлуки серебрится».

Но не страшись. Разлуки – нет.
Усни – пока святой рассвет
Играет на венце Распятья.
Рога зовут в дневной поход,
И солнце золотой печатью
На грамоте небес встает!

1914

Глубокий взор неумолимо строг,
И волосы овал лица ласкают,
И Божье Имя губы повторяют,
И в восковых руках – мартиролог.

И платье черное, и чуткий шаг Тревог
Все зеркала покорно отражают,
И все мечты один венок свивают
Старинному гербу, где вписан рог.

Но только служба отойдет во храме –
Как Вы одна в гостиной с образами
Ведете долгий, долгий разговор,

И Ваша страсть от Вас самой укрыта –
Пока не вспыхнет затаенный взор
Под темными глазами иезуита.

<1914>

Заржавел темный клен и дикий виноград.
На солнечных часах короче ходят тени,
И тихо по лугам ступает конь осенний.
Ты знаешь, кто на нем? Его глаза горят.

Теперь пришла пора. Всё лето свершено,
И зреет сладкий плод, и пенится вино,
И в небе облака, как глыбы алебастра...
Подсолнечник стоит, и тихо плачут астры.

И снова ясен день, и вечер тих и строг.
Ты слышишь? На заре играет звучный рог
И реют в воздухе седеющие нити...
Я смерти не боюсь, пока я не один.
Смотри со мной, смотри, как вянет георгин
И улыбается в шиповнике Спаситель...

1914

В СОЧЕЛЬНИК

Вновь Спаситель на землю нисходит...
И, светла и чиста, как всегда,
На темнеющем небе восходит
Рождества золотая звезда.
И, как прежде, в церквах озаренных
Жарко пламя горящих свечей.
И, как прежде, у женщин склоненных
Слезы скорби текут из очей...
И за дальних – творятся молитвы,
И за тех, кто к живым не придет...
Будет час – и закончатся битвы,
Будет час – и твердыня падет.
И сокроются мрачные тени,
Загорится огнями алтарь,
И с горячей мольбой на колени
Станет пастырь, и воин, и царь!

<1915>

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Кто-то шепчет: «Закройте глаза».
Так тревожно в тягучем бессилье...
За окном наступает гроза –
Темный Ангел и алые крылья.

И от крыльев колышется гром.
Вот – захлопнулись окна со звоном.
Пламень белых зарниц серебром
Пробежал по заснувшим иконам.

И, закрывшись, не видят глаза,
Погруженные в сумрак багровый,
Как плывет восковая слеза
По зажженной свече четверговой...

1915

В темную ночь непроглядную
Думы такие несвязные
Бродят в моей голове.

Апухтин

Звездный холод целует и режет
Знойных пашен усталую сушь,
Да железного флюгера скрежет
Прорезает полночную глушь.

И теперь вот, в руках лихорадки,
Под петуший магический зов –
Помечтай о зажженной лампадке
В уголке у больших образов,

О румянном сиянье заката,
Заглянувшем в двойное окно,
Где побольше меж рамами ваты,
Хотя снег и растаял давно...

О столовой с большими часами,
Где секунды так важно идут,
О портрете с большими глазами –
И о том, что всё это – не тут.

И одно остается: внимая
Разговору невидимых лип –
Всё следить, как свеча, оплывая,
Превратилась в уродливый гриб,

Да под шелест ползущих видений
(Позабывши про отдых и сны) –
Замирать перед трепетом тени
На обоях знакомой стены.

1915

I

В этом мире, который так часто,
по крайней мере, во сне, открывает
нам дух – попробуй вновь узнать
привычные образы такими, какими
они окружают нас в действительной жизни.
Ты поймешь тогда, что этот
мир гораздо ближе, чем ты думал.

Э.Т.А. Гофман

В складках мелкой драпировки
Залегла ночная тишь.
Сердце, в мелкой мышеловке,
Тупо мечется, как мышь.

Ночь проходит в теплых туфлях,
Со свечой – и каждый час
Ставит в комнатах по кукле,
С белым взглядом глупых глаз.

Но за рамою последней,
Где последний свет потух,
Кто-то ждет, когда к обедне
Ранний прозвонит петух...

И полночного рассвета
Солнце – черный древний лик –
Озарит глаза портрета,
Пальцы свеч и зубы книг.

2

Когда, в пасмурном глянце плиты
Ускользают в желтый туман,
Когда крыши дождем облиты –
Мы творим полусонный обман,
Сомкнут мир четырьмя стенами,
Словно взор в прозрачных очках.
Дух Земли, с двумя временами
В побледневших, узких руках
Создает небывалые формы
И грозит под медный звон,
И диктует страшные нормы,
Побеждая наш тусклый сон...

.....
А сверху, за белым пожаром,
Где созвездья сияют, летя,
Тихо дремлет с хрустальным шаром,
Над вертящимся миром – Дитя...

1915

КОППЕЛИУС

Bei dem Professor war's nun dunkel...

E.T.A. Hoffmann

Лишь на город картонный прольются ночные чернила
И закутанный сторож протрубит двенадцатый час –
Я запрусь в кабинет, чтобы в сердце Коппелии милой
Завести часовой механизм и одеть ее в розовый газ.

– Я теперь автомат. Мы с Коппелией вместе танцуем.
Сердце бьется, как скрипка, и в стук его – метроном.
Я стараюсь румяные щеки согреть поцелуем,
Пока ночь не проснется, а будет сидеть за окном.

Только сердце к рассвету играть и стучать перестанет.
Ночь проснется. За город уйдет и не будет видна;
И заря после бала в пустой переулок заглянет
И нальет золотого рейнвейна в стаканы окна.

И когда загорятся на ширмах сусальные блески
И петух прокричит, как бездарный и старый фигляр –
Успокоив завод и поправив немного прическу,
Я Коппелию в шкаф уберу, а скрипичное сердце – в футляр.

<1915>

Когда в городе ходит покой,
Иногда (это редко бывает)
Кто-то скрытый незримой рукой
Мне вторые глаза открывает,

И лучи проникают на дно,
Рассекаясь по двум направлениям.
Обещанье мне было дано –
Дожидаюсь его исполнения...

Отстоявшись, отходит печаль,
И земные стираются лица –
Назначенья открыта скрижаль,
Словно там, у последней границы,

Позабыв о кругах бытия,
Кто-то видит, сказать не умея,
В глубине потаенное «я»,
Озаренное лампой Психеи.

1915

АРСЕНИЮ АЛЬВИНГУ

Зачем отдавать вдохновениям
Все чувства, все разные пять...
А. А.

Там Легенда сокрыта в гробнице.
Дверь замкнута. Задвинут засов.
Только мучают страшные лица
Сквозь удары сердец и часов;

Да под гнетом тревоги и мрака --
Тяжкий сон, утаенный везде:
В темном соке снотворного мака
И в миндалины горьком плоде...

Только сердце, в тупом сокращенье
Проходящее все времена;
Только души в своем окруженье,
Только солнце, земля и луна...

<1915>

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Чаша сердца ужасом полна.
Медь поет. Считаются поклоны.
Упадают звезды с небосклона,
Потемнели Солнце и Луна.

За вечерней – куши белых роз.
Вздых стихиры. Сказочные птицы.
Изможден, покоился Христос
В гиацинтах чистой плащаницы.

А у врат Архангел держит меч
И поет о пламени и крови,
И стекают слезы с тонких свеч
Застывая на молитвослове.

<1915>

НА ПАСХЕ

Открыты окна. Кричат разносчики.
И дует ветер – весенний, радостный,
и, на колесах, стучат извозчики
и звон на церкви – пасхальный, сладостный.

Темнеют лужи у низкой паперти...
Проглянет солнце – и вытрет насуху.
А здесь, в столовой, на белой скатерти –
яички красные, кулич и пасха.

<1915>

ПАМЯТИ И.Ф. АННЕНСКОГО

Ты помнишь лик светила, но иного.
И. А.

Здесь только тени – вещи же не здесь.
Часы ночей мне ведомы без бою,
И кто-то за меня живет моей судьбою
И знает, что душа познала мир – не весь...

Я свечи жгу при белом свете дня
И темный кипарис кроплю слезами
И широко раскрытыми глазами
Смотрю на тех, кто около меня.

И я скорблю. Мне жаль недель, годов,
Идущих по обманам городов,
Средь бела дня беспутного кошмара.

Но чудится: когда приходит сон –
Я знаю путь, которым приведен
В действительность – с неведомого шара.

<1915>

На томительной грани
Всесожжённыя весны.

И. Анненский

Шара земного круженье.
Солнца двойного обход.
Алчут в могилах цветенья
Зерна, таящие плод.

В синем сиянье прозрели
Темные очи прудов.
В дальних морях прозвенели
Латы серебряных льдов.

Снега зачахлые розы,
Словно забытое зло,
В жаркие светлые слезы
Новое плавит тепло...

Вечная смена явлений,
В мысли построивших мир;
Тайные токи растений;
Синий бездонный эфир...

<1915>

ВСЕХ СКОРБЯЩИХ

Мимо летят журавли, и осенние дни все короче.
Там, на террасе пустой, провожу я последние ночи.
Серое небо идет – над густыми рябинами виснет.
Сыплются листья в лесу, как отрывки разорванных писем...

В комнатах тише, темнеет. Зажигают высокие свечи.
Рано за чайным столом замолкают ненужные речи.
Рано болеют и вянут в высоком кристалле бокала
Пестрые перья цветов, как узор моего одеяла.

Только субботы страшны – оттого, что мне в пенье вечерни
Чудится лик восковой и венец из терзающих терний.
Райские птицы поют и клюют виноградные гроздья.
В крышку соснового гроба впиваются ржавые гвозди.

<1915>

НЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Письма смяты. Немеет рука,
Да и свечи давно догорели.
Вот теперь бы забыться, пока
Прикорнув на несмятой постели.

За гардинами спряталась мгла,
В стену стучает, в стекла глазеет:
Это – ночь без покоя пришла,
А она уходить не умеет.

Как знакомые с детства стихи,
Чьи-то образы сердце изводят.
За окошком поют петухи,
Только ночь не идет, не проходит.

Скоро утро. Теперь бы, пока,
Угол сна захватить – да не дастся.
Надо ждать до рассвета звонка,
Что в уснувшей передней раздастся.

1915

СКЛАДЕНЬ

Посв. Евгению Архипову

I

Vae victis

Труды Скорбей глубоки и черны.
Над ними – свод, как траурная риза.

Кольцо разбито. В камне нет девиза,
И линии ладони не верны.

На неподвижном круге циферблата
Пронзили стрелки вечный, мертвый час.
И радость снов, не сбывшихся для нас,
Хранит печать тяжелого агата.

И навсегда забыты числа дней.
Темны глаза, как пеплы всех огней.
Почила боль на лице изможденном.

И с крыльями поникшими Тоска,
Склоняя ветвь из раннего венка,
Сказала громко: «Горе побежденным».

II

Sursum corda

Здесь семь светильников сияют в темноте.
Святые письма застыли на скрижали.
Здесь за обедней ждут явления Грааля
И роза тернием увита на кресте.

Здесь обретут покой и утешенье те,
Кто скорбью скованы, кто солнца не познали.
Здесь та, которую царицей называли,
Томилась, исходя в молитве и посте.

Но грань перейдена. Обет исполнен. Там,
Где по двенадцати невидимым кругам
Свершая день и ночь, скользя, сияют луны,

Вблизи тех областей, где Ангелы видны –
Там с ветвью золотой и с зеркалом луны,
Видна из мертвых вновь воскреснувшая Una.

<1915>

НА РОЖДЕСТВО

О плавающих, путешествующих,
недугующих, страждущих, плененных
и о спасении их...

Из Великой ектении

1

И снова, как во все года,
Свершилось по словам Пророка:
На небосклоне, от Востока
Сияет светлая звезда.

И в мире, сквозь ночную тьму,
Священный свет сияет снова;
Поем рождение Бога Слова...
Он благ... Помолимся Ему.

О воинах в чужом краю,
О кораблях, уплывших в море,
О всех, принявших боль и горе,
О всех, отдавших жизнь свою...

И правда снова возвратится!
Господь осушит токи слез!..
Так будем верить и молиться,
И знать, что родился Христос!

2

Забыть про страшный мир... Зажечь свою свечу,
Виденья детских снов хранить, боясь разрушить,
И жаркой головой к любимому плечу
Припав, не говорить, а только тихо слушать.

И долго слушал я легенды Рождества,
И кто-то в тишине загрезившего дома
Нашептывал сквозь сон неясные слова
О том, что с первых дней понятно и знакомо...
И близок стал снежок, летящий за окном,

И скрипки тонкий тон, подобный нити шелка,
И на стенных часах запрятавшийся гном,
И в зимних комнатах тоскующая елка...

Пуškai вокруг души волшебный сомкнут круг,
Пусть молодость идет, волнуя и печалю,
Пусть догорает жизнь, как свечи у рояля.
И под крылом Судьбы последний, милый звук

Сорвется, исказясь, замрет в фальшивой ноте...
Пуškai повсюду тьма, в ее слепом болоте
Враждебные глаза, как острые мечи...
Пуškai повсюду зло, и правды нет на свете:

Но мытарства земли минуют только дети,
И только им даны Небесных Врат ключи.

1915

НОВЫЙ ГОД

И вот в железной колыбели
В громах рождается новый год.
Тютчев

Часы идут неумолимо.
Подходит полночь, вещий час,
И духи светлые незримо
Повсюду окружают нас.

И вот, когда удар железный
На башнях строго полночь бьет —
Увядший год слетает в бездну,
И расцветает Новый Год!

Он там, где тихо у камина
Седые кудри склонены,
И там, где снежная равнина
Дрожит под шествием войны...

Пуškai виденья тьмы мелькают —
Свершится мера: час пробьет!

Рокочет гром, но крест сияет,
И молча время совершает
Свой неизменный оборот.

1915

БЕСПОКОЙНЫЕ СОСЕДИ

Пляшут весело мышата,
Водят хоровод,
А в земле, в своих палатах,
Дремлет толстый крот.

Он хотел бы, да не может
Часик отдохнуть –
Мыши топотом тревожат,
Не дают уснуть.

Крот надел халат из меха,
Вылез из норы...
Мыши прыснули со смеха
В суетне игры.

Крот де встретил их словами:
«Будет, наконец!
В нижнем этаже, под нами,
Спит больной жилец».

<1916>

Таить в себе, как драгоценность, слезы.
Не плакать, а забыться за столом.
И нюхать жадно желтую мимозу,
Что пахнет Югом, летом и теплом.

На картах стран, синееющих морями,
И в потемневших надписях монет
Читать рассказы... Тешиться словами
На языке племен, которых нет.

Иль, раковину приложивши к уху,
Закрыв другое теплою рукой –
Под стук часов заслушаться, как глухо
Доносится невнятный шум морской.

1916

Перед дачей просохла дорога,
Небо чисто, и стало тепло.
Нам хотелось бы сделать так много,
Только знаешь? Ведь лето – прошло.

Так проснись же! К чему сожаленье
О бегущих так быстро часах,
И багряных листов украшение
На твоих золотых волосах?

Дни так ясны и тихи. Взгляни-ка,
Как вода серебрится в реке...
Мы у ёлок искали бруснику
И построили дом на песке,

Домик эльфов, возникший как чудо,
Дом, неверный и зыбкий, как мы,
Как моя прожитая причуда
И предчувствие новой зимы;

Чтобы молча, под лаской воздушной,
Мы мечтали, в слезах и одни,
О причуде, душистой и душной,
И прошедшей, как летние дни.

1916

МОЙ АВГУСТ

И роскошь цветников, где проступает тленье.
И. Ф. А.

И в том же городе проснувшийся
При свете розового дня
Мой Август – новый и вернувшийся –
Ведет с улыбкою меня.

И чем ясней, недостижимее
Небес прозрачных синева,
Чем желтый лист неотвратимее
И ядовитее трава, –

Тем ярче парков доцветающих
И пестрых цветников узор,
Наряд детей, в песке играющих,
И чей-то промелькнувший взор...

И вот, считая дни последние,
Неповторимые часы,
Есть радость: любоваться тлением
Твоей невидимой красы,

Забывать про знающих, про смеющих, –
И только тихо целовать
Твоих волос, едва седеющих,
Над бровью сникнувшую прядь.

1916

БАЛЛАДА

La souvenance va, musant.
Le jeu plaisant!

J. Moréas

Прохожий – ты видишь, я фея.
Так розовы губы мои.
Побудь же со мной, не краснея,
И тайну свою не таи.

Прохожий, уж поздно, и птицы
Пропали, и дня уже нет.
На белой руке золотится
От розовой зорьки браслет.

Как станет закат розовее
И сырость потянет из трав –
Отдамся тебе на траве я,
Сырую прическу измаяв.

И, с мутью в измученном взгляде,
Припомни в припадках тоски
Как красили пышные пряди
Мои молодые виски!

...Никем на дороге не встречен,
Вернувшись из леса домой –
Ты будешь потом искалечен,
Затем, что отныне ты – мой.

Затем, что измучен недугом
От сырости белой травы –
Расчесывать новым подругам
Не будешь убор головы!

И в долгие, трудные ночи
Не в силах ни встать, ни заснуть –
Ты вспомнишь одни только очи,
Одни только губы и грудь.

<1916>

ДОН-КИХОТ

Вот едет рыцарь... Необычный вид!
Испанец тощий в панцире бумажном,
С худым лицом – нахмуренным и важным;
В его руках – картонный меч и щит.

У лошади, как у скелета, ребра. –
А кто же всадник? Раньше весь народ

В деревне звал его «Алонзо Добрый»,
Теперь же он – бесстрашный Дон-Кихот.

С ним толстый Санхо-Панса на осле,
С мешком закуски, с флягою и ромом,
Он не привык держаться на седле...
Так скачут вдоль по выжженным дорогам
Под знойным солнцем всадники в поход,
Держа свой путь в неведомые страны...
Пусть впереди драконы, великаны –
Всех победит бесстрашный Дон-Кихот.

Но великанов на земле уж нет,
И колдовать колдуны перестали,
И без чудес давно остался свет,
И рыцари в кольчугах все пропали –
О них ребенок в сказке лишь прочтет,
Их только всякий на смех поднимает, –
Ну что ж? Пускай! Он этого не знает,
Он все же рыцарь, храбрый Дон-Кихот.

Он славу рыцаря искал по свету
И не нашел ее... Но он живет
До наших дней в создании поэта
Сервантеса – в романе «Дон-Кихот».

1916

Н. Челпановой

Год обошел. Вернулись святки –
Пора чудеснейших* из игр,
Когда, шая в гостиной в прятки,
Вдруг вспомнишь: рядом, в зале – тигр!

Там есть диван и зверя шкура,
Чей мех так безопасно-тих...

*Так! – Т.Н.

Мы будем вновь смотреть гравюры
И говорить о нас самих.

Кто мы? — кто скажет нам об этом?!
Какими снами мы живем,
Каким излюбленным поэтам
Свои досуги отдаем?

Мы любим сказки и загадки,
И верность карточных примет.
И платья траурного складки, —
И то, чего на свете нет...

Тома нечитанных романов,
И Дон-Кихота на коне,
И Феи Девяти Фонтанов
Секрет, рассказанный во сне.

Фригийских пастухов свирели,
Восток, узорный, как змея,
Дворец принцессы Акварели
(Ты видела его, как я...).

И вот, с улыбкой в сером взгляде
Ответив на немой вопрос,
Ты поняла: здесь — снова дядя,
Который Рождество принес,

То Рождество, где дети рады,
А Дед Мороз всегда ворчлив,
Когда прекрасней нет улады,
Как в сумерки, тоску смирив,

Следя, как рдеют и дробятся,
Золою становясь, дрова —
С ногами на диван забраться
И слушать сказки Рождества.

Рождество 1916

Quand je dors – tu veilles dans l'ombre.
Lamartine

Спи, мой милый, спи, мой давний,
И любимый, и чужой...
Я закрыла плотной ставней
Мир – тяжелый и большой;

Там давно, стучась о крышу,
Плачет дождь – как плачу я,
Говоря (но только тише)
Про далекие края.

Там давно, как вехи горя,
Осенья наш уют,
С безутешным ветром споря,
Тополя про смерть поют,

И про то, что тут, в изгнание,
Где всему – предел и дно,
Без причуд и без страданья
Жизнь истратить суждено,

И про то, что ты, в пустыне,
До моих седых волос,
Креп, и цвел, и зрел, – и ныне
Свое детство перерос,

Чтобы там, в бреду цветенья,
В жарком мире, в жарком сне –
Помнить разве мое пенье
И не думать обо мне...

Слышишь? Видишь? – Вижу, слышу,
Вижу затененный лик,
Слышу, как ты ровно дышишь
И лелеешь хрупкий миг.

Пробудясь от дремы странной,
Перед тем, как вновь уснуть, –
Что шепнуть тебе, желанной,
Улыбнувшейся чуть-чуть?

Что тебе, узнавшей чудо, –
Все сказанья и слова,
Если ты всегда и всюду
До конца *во всем* права?

В крóви губ и в блеске взора –
Все открыто: не тебе ль?
...Близок час – и скоро, скоро
Станет *ложем* – колыбель.

<1917>

Еще и первых почек нет,
А уж весна дрожит и греет,
И звучно стучает крокет,
И платья девочек белеют.

Я помню все: кусты, балкон,
Пестро накрытый стол пасхальный,
Надтреснутый, короткий звон,
Такой далекий и печальный.

И в глине четкие следы,
Твоим оставленные шагом,
И прошлогодние листы,
Что мчались в ветре по оврагам.

А серый свод был так высок,
И миг тоски казался горем,
А круглый пруд – огромным морем,
Катящим волны на песок...

Пасха 1917

Саввино Моск<овской> губ<ернии>

ЖЕЛЕЗНОВОДСК

Снова белый, знакомый и давний,
Позабывший для новой игры,
Городок из горячего камня,
Вверх взошедший по срезу горы!

Где же бывшее в детстве так мило,
Чем дышала и мучилась ты?
Здесь застроено то, что сквозило,
И деревьями стали кусты.

Но зато – лиловатые кисти
Нависают почти до земли,
И дорожек не сыщешь тенистей,
Чем вот эта, которой мы шли.

Только стало как будто упорней
И, быть может, еще горячей –
Там, где тени от листьев узорней, –
В гулких гротах биенье ключей.

Только дети, игравшие в теннис,
Были, верно, в то время не те...
Только сердце, вздымаясь и пенясь,
Возвращаясь к ожившей мечте,

Вспоминая померкшее слово,
Будто шепчет тебе: «Не забудь
Свой потерянный прежде – и снова
На мгновение найденный путь».

Июль 1917

ЗНОЙ

Удлинил ли нам день чародей?
Иль какой-то не близится срок?
Все равно – от степей до степей
Пыльный путь меж домами пролег.

И ограда груба и низка,
А за ней так тенисты сады,
Где в аллеях почти до песка
Недозрелые виснут плоды.

Но повсюду, куда б мы ни шли,
Пролит зноя горячий елей:
На осколок, сверкнувший в пыли,
На гордыню прямых тополей,

И так ярки вверху небеса,
Так устал воспалившийся взор –
Что не радуют даже леса
На гребнях зеленеющих гор.

Июль 1917

Станица Константиногорская

ТРИ ОДИНОКИХ

30 ноября 1919

Нас трое в комнате. И каждый одинок:
Тоскливый маятник, и я, и хризантема.
И каждый в дрожь свою вложил недолгий срок,
И сердце каждого взволнованно и немо.

Захлопнут и замкнут часов стальных футляр,
Чьи петли желтые покошены и ржавы.
И сердце-маятник лепечет: «стар я, стар,
Пора уж перестать качанья лить отраву».

Но ходит и стучит, все так же одинок,
Безжалостно и зло движенью обреченный.
Я слышу хрип его: «Ты тоже не далек
От боя гулко-тревоги похоронной!»

Все ходит – так, и так. И, мерным стукам вняв,
Смотрю испуганно и пристально, как немо
И жалобно дрожит, чужое сердце сжав,
Полузавядшая, больная хризантема.

1919

СИРЕНЬ НА АСФАЛЬТЕ

Покрытые копотью пыли,
Отброшены взмахи руки, —
Намеки мучительной были,
Сирени лежат лепестки.

Бессмысленно-тяжкая кара, —
Всем чужды, как кто-то чужой...
И только плита тротуара
Томит их горячей тоской.

Нет больше ни друга, ни брата —
Есть только далекий поэт.
Последняя радость измята,
И смысла надеяться — нет.

Теперь не возьмет их с асфальта
Ничья, сострадаая, рука.
И остро-немая печаль та
И мне, и тебе далека.

А если их кто и поднимет —
Так только на мало минут,
И снова забудет и кинет,
И многие мимо пройдут...

Лишь ветра тревожащих шорох,
Что ходит и ходит кругом —
Лиловый и нежный убор их
Горячим засыплет песком.

<1919>

Жди старый друг, терпи, терпи.
А. Блок

I.

Если можешь — не жди и не думай.
Ставни заперты крепко. Засни.

Только ветер – сырой и угрюмый –
Вспоминает про ночи и дни.

Про короткие ночи июня,
Про зарю, что сейчас умерла,
И про горечь дождей накануне
Тех недель, когда осень пришла.

Разве в комнате было три света,
Или месяц за левым плечом?
Позабудь же про сны и приметы,
Все равно – ты не властен ни в чем:

Ведь каких ни создать вычислений,
И каких ни собрать величин,
И каких ни придать им значений –
Но конец предназначен *один...*

Скоро в небе накопятся тучи,
Будет дождь барабанить сквозь тьму...
Разве что-нибудь есть еще лучше,
Чем отрада – заснуть одному?

<1920?>

ЛЮБИМЫЕ ПОЭТЫ (Венок сонетов)

I

Кто первый отрока пленил из вас?
То был сказатель Дании печальной
С душой, похожей на привет прощальный,
И с чистым взором. Когда вечер гас,

Он мне рассказывал, как беден Клаас,
Как грустно елке со звездой сусальной,
О лебедях на глади волн зеркальной
И как учил Принцессу Свинопас.

Где эта книжка в пестром переплете?
Вы не замените и не вернете
Ее мне, книги прожитых годин.

Но к ней одной приникнуть сердце радо...
Мой милый Андерсен. Ты был один,
Кто юноше давал часы услады.

II

Кто юноше давал часы услады?
Катулл-священник в черном сюртуке,
Herr Paster Mörike. В его стихе
Дышал и Рим, и старая баллада.

Я вижу: он, полив салата гряды,
Идет неспешно к солнечной реке –
Викарий, в шлафроке и в колпаке,
Но... венчанный лозою винограда.

Где край Орплид, сиявший издали?
Где розы, что в его саду цвели?
Где свежий шум лесного водопада?

Взамен его явился мне другой,
Дававший знак изнеженной рукой
И к чаше грезы примешавший яда.

III

И, к чаше грезы примешавши яда,
Он видел, как в болотах спит вода,
Как отливает вечная звезда
Скользящей чешуей большого гада.

Не вырыть окровавленного клада.
От Эшеров не сыщешь и следа,
И не пройти подвалами туда,
Где замуровано Амонтильядо.

Давно Эдгара скрыла склепа тьма.
Но тайных знаний толстые тома
Вновь оживут, и разгорится пламя,

И вновь прорвется страшных сил запас
Того, кто странно-точными словами
Об ужасе поведал в первый раз.

IV

Об ужасе поведал в первый раз
Еще один чудак сквозь флер загадки.
Немецкий город... Сказочные святки...
И снег, как платья бального атлас.

– «Здорово, Гофман!» – «Я не знаю Вас». –
И черный плащ уходит без оглядки.
Смерть или Чорт играет с жизнью в прятки?
И кто в игре сегодня скажет: пас?

Забытый мир, где дамы и валеты,
И короли, и старые портреты
Внезапно оживают в Рождество

И где из зеркала, как из оклада,
Кивает грустный силуэт того,
Кто раскрывал пути и тайны Ада.

V

Кто раскрывал пути и тайны Ада?
Пред кем отверзлись страшные врата?
Средь тех, кого не видит взор Христа,
Внимал он душам, стонущим: «пощады!»

Но пусть была прекрасна та чета,
Чета теней из рокового ряда, –
Кому сияла горняя Триада,
Тому – ничто земная красота.

Ты – страж с мечом у затворенной двери,
Наставник строгий, Данте Алигьери!
Ты никого не предал и не спас;

Но твой завет понятен в полной мере
Не юности, не знающей потери,
А в напоенный жизнью поздний час.

VI

А в напоенный жизнью поздний час,
Когда, как плод, созреет мысль и слово –

Мне Рильке на страницах «Часослова»
О Господе начнет, как прежде, сказ,

Как девушки, под чарами былого,
Со ступеней белеющих террас
К себе пловца манили молодого,
И как у церкви темен старый вяз.

Ведь есть же у земли еще для нас
Дни отдыха, привычные предметы
И счастье – без раздумий и прикрас,

Дарящее и щедрое, как лето...
И песни одинокого поэта,
Над чьею книгой не сомкну я глаз.

VII

Над чьею книгой не сомкну я глаз?
Сэр Лоренс Стерн – над Вашей несомненно.
Позвольте мне, с любовью и смиренно,
Как дядюшку, приветствовать и Вас.

Неверен жизни Вашей был компас!
Опаздывая всюду неизменно,
Вы жили не особенно почтенно,
Хоть проповеди изрекал Ваш бас.

Покоясь в креслах иль катясь в карете,
Вы ведали на этом старом свете
Сердца седых и добрых маньяков,

Решающих решенную награду.
И я поверю шаржу Ваших слов,
Когда уж будет ничего не надо.

VIII

Когда уж будет ничего не надо –
Останется одно: быть одному,
Следить, как погружается во тьму
Осенняя листва большого сада

И только чуть белеет колоннада
Дворца, далекого теперь всему.
(Как он задумчив. Как идет к нему
Зеленых буксов вечная ограда).

С отцовской тростью по саду блуждать,
Свой слыша шаг в песочном легком хрусте,
И одного поэта вспоминать,

Исполненного мудрости и грусти —
Тебя, Ренье, чей дар так стар и нов
В большом венке поэтов всех веков.

IX

В большом венке поэтов всех веков
Есть маленький цветок, простой и милый,
То радостный, как школьник, то унылый,
Как осенью тяжелый шум листов,

Он не забыл ни негров, ни ослов
В молитвах, сказанных с такою силой...
Ведь зайцы в поле, инок над могилой
Впивают звон одних колоколов.

Поэзия его земле вернула,
Как девочка любимая, взглянула
С убогих деревенских образов.

На своего раба, Франсиса Жамма,
Небесная достойнейшая дама
В короне тайн, сияний и цветов.

X

В короне тайн, сияний и цветов
Ты восходила над чертой востока.
Лазурным пламенем обвел далеко
Тебя жемчужный нимб из облаков.

Из горных стран, из мысленных краев
Склонила ты лучащееся око

На странника, поэта и пророка
По имени Владимир Соловьев.

О, Радуга! О, ключ запечатленный!
Зари вечерний свет неизреченный!
Ковчежец неизведанных даров!

Затвор Эдема. Крик полей нагорных!
Замкнутый ряд таинственных цветов,
Сиреневых, и розовых, и черных.

XI

Сиреневых, и розовых, и черных
Тонов наряд к твоей красе идет.
И шея лебедя, и алый рот,
И черный жемчуг в небывалых зернах,

И блеск очей, манящих и покорных –
Все тайною тревожит и влечет...
О, не для тех, кто ищет только горных
Простых путей был, Муза, твой приход.

Но Иннокентий Анненский тебя
Искал везде, стараясь и любя, –
В чужих чертах, в созвучиях нестройных,

Дробивших вечный ребус, как орех,
Не зная песен, царственно-спокойных,
Чарующих, как юношеский смех.

XII

Чарующий, как юношеский смех,
Рабле – магистр умный и лукавый,
Добряк-гигант, ты не кичился славой,
Но услаждал утробу без помех.

Как много глупых ты нашел прорех
На тоге Франции с короной ржавой,
И все же ловко миновал заставы
Судей-котов, одетых в белый мех.

Ловец хмельной, без бочки Диоген,
Ученый клирик, лекарь и Силен,
Враг паутины и растений сорных, –

В ладье веселой выплыл ты на лов...
Не ведая сокрытых в тайне слов
Глухих, как Смерть, крылатых и узорных.

XIII

Глухих, как Смерть, крылатых и узорных
Стихов, тяжелых тяжестью свинца,
Печальный ряд я слышу без конца,
Лишь вспомню о твоих ресницах черных.

Печать раздумий, злых и непокорных,
Хранит агат старинного кольца...
О Черубина, силой мудреца
Ты помнишь и Мадрид, и тихий Дорнах.

Как много душ и жизней прожитых
В твоих страницах, страшных и святых.
Мне верится, что ты и Херувима,

Сведя с небес, могла склонить на грех...
Средь тех, кто были бы тобой любимы –
Я не могу найти, кто выше всех.

XIV

Я не могу найти, кто выше всех...
Быть может, ты? Загадочный, правдивый,
Кто с Гамлетом, Виолой и Оливой
Нам показал строй путеводных вех

В дали веков: владычицу утех –
Венецию с улыбкою счастливой,
Офелию с ее плакучей ивой
И Порцию – прекраснее всех тех.

Ты – Возрождения последний пламень.
Ты средь поэтов – драгоценный камень,
Сапфир, который лучше, чем алмаз.

Но вот: твое неназванное имя
Я вдруг включаю – наравне с другими...
Кто первый отрока пленил из вас?

XV

Кто первый отрока пленил из вас?
Кто юноше давал часы улады?
И, к чаше грезы примешавши яда,
Об ужасе поведал в первый раз?

Кто раскрывал пути и тайны Ада,
А в напоенный жизнью поздний час
Над чьею книгой не сомкну я глаз,
Когда уж будет ничего не надо?

В большом венке поэтов всех веков,
В короне тайн, сияний и цветов,
Сиреневых, и розовых, и черных,

Чарующих, как юношеский смех,
Глухих, как Смерть, крылатых и узорных –
Я не могу найти, кто выше всех.

1921

ЗА ЧЕРТОЙ ИЗГНАНИЯ

I

Душа, замкнутая давно,
Приотворяется так туго...
Ей было слышать не дано
Ни песнь мечты, ни голос друга.

Она и жизнью не жила,
Она и солнцем не дышала:
Года глубоким сном спала
И в нем покоя не встречала.

Но вот, забыв угрюмый плен,
Прорвав покровы заточенья,
Опять – в затворе чуждых стен
Она струит и стелет пенье...

О чем?.. – Ты слышишь прежний звук?
Она коснулась песни краем.
Размах ее крыла упруг
И, как мечта, – неназываем.

II

АСТРАХАНЬ

Дома без возраста и без лица,
И, позабывшие о небе горнем,
Иссохшие кривые деревца,
Солончака достигнувшие корнем.

И тупо каждое окно глядит
(Давно забывши обо всем на свете),
Как над горбами серых крыш торчит
Убогий профиль церкви иль мечети.

Упорно где-то рубятся дрова,
Вороний грай порой звучит уныло...
А улица пустынна и мертва,
Как вырытая к вечеру могила.

III

Дома людей превращены
В руины язвами пробоин.
На камнях рухнувшей стены
Такой неверный дом построен.

Но не зови его своим,
Позабывая про утраты:
В степи холодной у костра ты,
И всё кругом – как ночь и дым.

IV

Здесь было море. Здесь зеленая волна
Ложилась умирать у плоских побережий,
И неся ветер здесь – такой победно-свежий,
И пусто было всё – ни судна, ни челна.

Столетия прошли – и море отступило,
И где морского дна таинственная тишь
Лежала под водой – остался лишь камыш,
Шумя метелками над скользкой гладью ила.

Железная зима – и летних дней кошмар,
И знойная полынь степного бездорожья...
Край Каина – на нем легло проклятье Божье,
Плен Золотой Орды и призраки хазар.

И только иногда, летя с морей, ветра
И воют, и кричат от потаенной боли, –
И проступают пятна белой соли,
Как след неизгладимого тавра.

V

Проходит день, холодный и пустой.
Как долгод вечер с крохотной светильней!
Мы стали проще, злее и бессильней,
Привыкнув к этой комнате простой.

На голый стол поставлен скудный ужин:
Хлеб дольками, печенье и айва.
Пусть болит пустая голова –
Твой день прошел и никому не нужен.

Так где-нибудь в Голландии, давно,
Внимая, как на башнях бьют куранты,
И глядя в запотевшее окно –
Прекрасной Франции нищали эмигранты.

VI

КАК СЛОНЫ

Е.Я. Костраминой

Тот Эдем, залитый мягким светом,
Как тогда встает передо мной:
В цирк на Рождество, на дачу летом
И в Зоологический – весной.

Как бы хорошо – не молчаливым,
Равнодушным с головы до пят,
А опять взволнованно-счастливым,
Как тогда, войти в волшебный сад!

Но, привыкнув к пестроте бульвара,
Мы следили мельком, на ходу,
В проволочных клетках – белых ара,
Злобных и прелестных какаду.

И заметив, как печален ибис,
Как недвижим на скале муфлон
Хохотали, шли и торопились
К той ограде, где топтался слон.

Что в его слоновьем сердце билось
И в его огромной голове?
Мысль о странах, где так сладко жилось,
И об африканской синеве,

Где тропические лили ливни,
Но бананы были хоть куда,
Где рабочий не пилил им бивни,
А на горизонте шли стада.

Где слоны, наставив в даль два глаза,
Неотвязной мыслью заняты,
От оаза топали к оазу
И покачивали хоботы,

А теперь... тянули их к решетке,
Где две дамы, завернувшись в креп,
Мальчики в матросках и коготки
На зонтах совали белый хлеб...

Только знаешь? Мы в тоске упорной,
Мучаемся больше и сильней
У ограды острой и узорной
Наших, нами выдуманных дней;

И томясь всё той же старой басней,
Всё одни и те же видя сны –
Ты поймёшь, что мы еще несчастней,
Чем к тоске привыкшие слоны.

VII

Пустая синева опять ясна,
И низкие домишки разогреты;
И в ранней осени – вторичная весна,
Как в поздней груше сахарное лето.

И снова виноградом полн базар
Среди соломы, сена и посуды;
И мягкой поступью идут верблюды
Под окрики гортанные татар.

Я прохожу. Ровняют спешный шаг
И трости, и шагов двойные такты...
О город, не любимый и не враг,
Но мне привычным сделавшийся как-то!

И холодеет час моей тоски...
Пойми: среди разгула и разгрома
У берегов разбойничьей реки –
Надолго или нет – ты все же дома.

29 сентября 1922

<VIII>

НА КОЛОКОЛЬНЕ

Запомни: груз кирпичных стен
в каком-то ломаном разрезе...
Так рисовал их Пиранези,
познав «Тюремных замков» плен.

И задохнувшись, бросив счет
уступам лестницы скрипучей,
не думай, что там – небосвод
все синь или прочерчен тучей:

здесь вечный морок полумглы
и башня мнится заточеньем,
и все осквернены углы
ее крылатым населеньем,

и все колокола гудут
в груди старинной колокольни;
тебя ступени ввысь ведут
туда, где чище и привольней,

туда, где воздух нов и свеж
и город виден, как на плане;
в нем пустыри белы, как плешь,
и даль теряется в тумане;

и – лоскутки письма скорбей
души бескрылой и бездомной –
летают стаи голубей
над грудой купола огромной

и, словно расставаясь с ней,
круги обводят долго-долго
там, где за грязью пристаней
седая развернулась Волга.

1922

ПОЖАРНЫЕ НОЧЬЮ

Тишины разрезав шорох,
вдруг просыпалось в ночи
три удара звучно-скорых
с недалекой каланчи.

И сейчас же вслед за ними
трех повозок дребедень...
За окном, я знаю, в дыме
факелов багровый день,

праздник ночи в грозных красках,
блеск огнистого столпа,
и легионеры в касках,
и смятенная толпа...

Сердце тоже жечь могло бы
и, пируя, отгорать;
но ни радости, ни злобы
не дано ему сорвать;

Сон его возьмет и свяжет...
Сердце – тяжесть, сердце – пласт:
ничего тебе не скажет,
ничего тебе не даст.

Сердце дышит ровно-ровно
и, лаская, тяжелит...
К утру будут только бревна,
и горящий ад – залит.

<1922>

У РОДОВОГО ЛОЖА

Покуда синий день, бледнея и серея,
не станет чернотой в квадратах галереи
и галок яркий крик не спрячется в гнезде,
и льдинка ломкая не хрустнет при звезде –
окончи этот труд! Последние потуги,

держашие тебя в своем железном круге,
как пытка старая в немыслимой тюрьме —
окончиться должны в надвинувшейся тьме.
То, чем ты для меня была и пребывала,
то, что в тебе цвело, играло и дышало —
на дыбе розовой, как после долгих лет,
извергнет скользкий плод и отрыгнет послед.

.....

О Пастырь слабых душ! Отбившегося стада
Вожатый благостный! Хранитель вертограда,
запечатленный ключ исторгший у скалы
и моря Чермного раздвинувший валы!
Приди и претвори в вино гнилую воду,
и муки обрати к единому исходу,
и сделай, сделай так, чтоб через кровь и слизь
медвяные цветы, как прежде, поднялись!

Март 1923

Весь дождик выпила земля,
И сырость улиц дышит гнилью...
О, не сжигать бы корабля,
О, если б всё осталось былью!

Осталось?... Да, как влага та,
Прозеленевшая в подвалах...
И вновь, и вновь чертит мечта
Маршруты странствий небывалых;

И жадно звуки ловишь ты
Еще неведомой баллады
Сквозь бремя душной черноты,
Где даже ночью нет прохлады...

И только в легкой высоте
Юпитер розовый и ровный
Скользит незримо по черте,
Кому-то помогая словно...

Но приторна весна сама:
Смотри, как ветки тяжелеют;
Глупей душистого письма
Акаций кисти забелеют,

Чтобы в слепящий трудный зной,
Как во дворе тюрьмы горячей,
Такой нелепою весной
Потешить чей-то взор незрячий...

И от скворешни до песка,
От синевы до степи дальней –
Всё станет белым, как тоска,
Иль, может быть, еще банальней.

<1923>

В АБРИКОСОВОМ РАЮ

Сердце бьется лаской давнею,
И в прохладе утра – лень.
Ясно светится за ставнею
Золотой июньский день.

Встань, пойдем! В труде исполненном
Отдыхают лета дни.
Там лежат под небом огненным
В белом зное ильмени.

И, пройдя тропой полынною,
Где устала степь белеть,
Где среди села пустынного
Голубая спит мечеть –

Мы увидим: за деревнею
Есть татарский старый сад,
Где с такой усладой древнею
Тени от деревьев спят.

Над рекой, текущей по лугу,
Замолчала неба ширь.
Влагу каплями по желобу
Обветшавший льет чигирь,

И походкой мягкой, важною
Дремлющий обходит пруд
Чьей-то песнею протяжною
Понукаемый верблюдо...

Посмотри, в оправе шелковой
(Рай полуденной поры!)
Абрикосы ярко-желтые,
Юга сладкие дары,

Скрыты сенью круглолистою,
Золотые, как Руно, –
В них под кожей пушистою
Бродит жаркое вино...

И протянуты шпалерами,
Кудрями свисая вниз,
Над тропами грязно-серыми
Лозы четкие сплелись...

Если нам в пути назначено
Утерять покойный след,
Если нами не оплачена
Сладость этих горьких лет –

Сердцем ясным и уверенным
Сохрани мечту свою,
Как она цвела в потерянном
Абрикосовом раю...

<1923>

Ты такая ж, такая ж, как все,
Как сто тысяч других в России.
С. Есенин

Ты свету рождена не нужной и не лишней,
Любимой дочерью семейство подарив,
Там, где с крутой горы, белея, древний Нижний
Задумчиво глядит на царственный разлив.

И покатились дни, и замелькали сроки,
Вращаясь, как клубок, и прыгая, как мяч,
Неся тебе то лень, то ласку, то уроки
И только иногда совсем не горький плач.

И шире день за днем ты очи раскрывала
И всё запоминал их чистый, серый взгляд:
Как с войском комаров сестренка воевала
И в шахматы играл с друзьями старший брат.

Так подрастала ты, насмешливой и ловкой.
И бабушкин чепец, и вицмундир отца
Скользили над твоей сияющей головкой,
Готовой тешиться без края и конца...

Потом ты выросла и жизнь переменялась...
Зачем, зачем навек ты не осталась тут,
Где было всё твое, где ты со всем сроднилась,
Где домом стал тебе старинный институт,

Где берегли тебя родного сада кручи,
Домовой церкви сень и белый дортуар?
Ты променяла их на грозные тучи
И юга пыльного полуденный кошмар.

И в ветре темных лет, когда всё потерялось,
И грудой кирпичей домашний стал очаг,
Когда на Рождество ни крошки не осталось
И близился нужды незамедлимый шаг –

Был жарок шепот твой: «О, если я могла бы...
Но пусть – я сделаю и то, что я могу...»
И в столике твоём – секретный план у Штаба,
И беглецы спаслись на дальнем берегу...

Но в эти дни тоски и в эти годы смуты,
Когда коснулась скорбь твоих веселых глаз –
Забудь свою тоску и расскажи: кому ты –
Такая ясная, как лето – отдалась?

О да, он нежен был! Но меж строками писем,
В чертах его лица, как на больших часах
Ты прочитать могла, как он сожмет и стиснет
Тебя, дрожащую, в недрогнувших руках.

И ты извела ошибку... для чего же?
Чтоб снова повторить всё тот же вечный жест
И в судорогах лечь на родовое ложе,
Зажав между зубов нательный узкий крест?

Или затем, чтоб малой жизнью любоваться,
Хранить ее росток, как Бог его хранит,
И детство позабыть, и с юностью расстаться
Под солнцем зрелости, вступающим в зенит...

<1923>

Там тень моя осталась и тоскует.
Анна Ахматова

Как выжили – как измельчали мы!
Года идут – а мы играем днями.
Москва распродана – и вся блестит огнями,
Звонит в колокола и ждет зимы.

А там... а там всё тот же ветра свист
По улицам влачит бездомный, грязный лист,
И под арбой скрипит горбатый мост,
И, как тиран, о стены бьет норд-ост.

И деревца в садах искривлены
И с каждой осенью становятся все старше;
У пристаней столпились стадом баржи,
И ловля кончена, и фрукты свезены...

Там обо мне не думает никто,
И лишь, как острый росчерк по бумагам,
Моя худая тень в моем пальто
К твоим дверям проходит быстрым шагом.

<Осень 1923>

БАЛЛАДА О ЕЗДЕ ТУДА И ОБРАТНО

Сэр Роберт на скамье сидел,
Лэди Маргрет за станком.
Он столько лет глядел и глядел
На блеск ее рук с кольцом.

Он столько лет любил одну,
Что умер прежний пыл
И он родимую страну
И город свой забыл.

А сердце билось, как дождь в окно:
Что будет дальше — мне всё равно,
Что завтра и что сегодня...

Сменялся лиственный убор,
Пестревший за окном,
И снег, укрывший древний бор,
Сменялся теплым днем,

Сменялась дичь больших охот —
Волк, рысь, глухарь, олень —
Сменялся праздников черед,
За Пасхой — Духов День,

И вновь зима и Рождество,
Рождественский уют,
И в старом замке — торжество
И блеск тяжелых блюд.

А сердце билось, как дождь в окно:
Что будет дальше – мне всё равно,
Что завтра и что сегодня...

Но знайте: прежних дней любовь
Не отпускает нас
И сквозь туман прорвется вновь –
И, может быть, сейчас.

Когда вы мните ясно жить
И тихо умереть –
Для вас неведомая нить
Плетет не ткань, а сеть.

Сэр Роберт видит прежний мир
И прежний жизни ход.
Так весел был с друзьями пир,
Рога других охот!

Он вспомнил город и весну,
Сады в густом цвету,
Небесный блеск и глубину
И в летнем платье ту,

Чьих кос волна была густа,
Чье имя было Ив,
И алы влажные уста,
И шаг нетороплив;

Она, кому он так любил
Колени целовать,
Она, кого он так забыл,
Пред ним встает опять. –

Сэр Роберт вдруг заговорил;
Его голос был глубок.
И песню вмиг остановил
Распевшийся челнок,

И лэди Маргрет подняла
На мужа серый взгляд

И в самом сердце поняла,
Что нет пути назад.

«Лэди Маргрет! Мой цветок и честь
И друг любимый мой!
Я слишком много прожил здесь,
Мне хочется домой. —

Посмотреть мой город, сад и дом
Моих далеких дней,
Других церквей услышать звон,
Увидать других людей.

Когда же липа отцветет
И минет летний жар,
И жница с кувшином пройдет,
И снимут жатвы дар,

И в серых облаках подаст
Свой голос дикий гусь,
И желтых листьев ляжет пласт —
Тогда я к вам вернусь».

Как ярок был знакомый взор!
Как молод лик его!
Лэди Маргрет встала и в упор
Взглянула на него.

И поцелуй ему дала
Так, как целует мать,
И медленно произнесла:
«Мой друг, я буду ждать». —

Несется конь и пыль дорог
Летит из-под копыт.
Сэр Роберт держит на Восток —
Там край его лежит.

Скорей, скорей! Как лес душист,
Как листья широки,
Как свеж и весел птичий свист
И пестрых стад звонки!

Как дальней церкви шпиль хорош,
Черепица красных крыш,
И как русой девушки волосы – рожь,
И как шелк – у озер камыш.

А сердце бьется: Скорей, скорей.
О, только б дойти до ее дверей,
А дальше – воля Господня...

Но день устал, и конь устал
И хочет отдохнуть.
И вдруг сэр Роберт услышал:
«Куда лежит ваш путь?

Туман белеет по лугам
И меркнет свет дневной.
Мой господин! я всё вам дам –
Побудьте же со мной».

Черна была ее коса,
А руки так смуглы;
Смеялись темные глаза,
Смеялись губ углы;

Была ль она царицей вод,
Чей в озере престол,
Или крестьянкой одного
Ему подвластных сел –

Но сердцем ясным и прямым
Сэр Роберт дал ответ,
Взглянул на ту, что перед ним,
И твердо молвил: «Нет!

И пусть ваш взор меня манит,
Пусть вечер зрел и тих –
Но если одна перед нами стоит,
Тогда мы не видим других».

А сердце бьется: Скорей, скорей.
О, только б дойти до ее дверей,
А дальше – воля Господня...

Но в мире людям нет числа,
Чей труд недобр и смел,
Кому орудьем ремесла –
Аркан и самострел.

Дороги быстрый поворот,
Прыжок и резкий свист –
И кто-то всадника зовет:
«Эй, друг, остановись!»

Один что сделает с семьей?
Как усидеть в седле?
И вот, проклявши мощь свою,
Сэр Роберт на земле,

В лесу с разбитой головой,
Без верного коня,
Без кошеля, почти нагой,
Забывшись и стена...

А рядом чуть пылился шлях
И летнее небо синело...
Как жаркий, треснувший плод на углях,
Его голова горела.

А сердце бьется: Скорей, скорей.
О, только б дойти до ее дверей,
А дальше – воля Господня...

Очнулся он и видит: дом;
Прохладно и темно;
Свеча горит перед крестом;
Завешено окно;

Подушки чистой белизна
Свежит горячий лоб.
Ах, если б ночь не так тесна,
Как крепко сбитый гроб!

Ах, если б – тихий лик сестры,
Склонившийся над ним,

В круженье бредовой игры
Не таял, словно дым!

Ах, если б жажда, как свинец,
Не жгла уста ему!
Ах, если бы скорей конец
Дороге и всему!

Так пролежал он много дней
Больной в монастыре.
Уж ночи делались длинней,
Свежело на заре,

И лето, перейдя свой срок,
Но осенью не став,
Давно сплело густой венок
Из ягод и из трав.

И вот однажды ясным днем,
Уставши отдыхать,
В другом плаще, с другим конем
Сэр Роберт мчит опять,

И сердце бьется: Скорей, скорей.
О, только б дойти до ее дверей,
А дальше – воля Господня...

Но сколько нитку ни тянуть –
Конец настанет ей.
И с каждым часом шире путь,
И город все видней.

Застава... стража у ворот...
Высокая тюрьма...
Знакомых улиц поворот,
Знакомые дома,

И переулок – все такой,
Как много лет назад,
И башня церкви вековой,
И лип зеленых ряд,

И дом, который столько раз
Встречал его приход,
В котором, может быть, сейчас
Он вновь ее найдет.

Стучит. Открыли. Нет, не тут.
А рядом? И не там.
«Другие здесь давно живут.
Кого угодно Вам?»

И как больной к устам зовет
Последнее питье –
Сэр Роберт увидел исход
И простонал: «Ее,

Чьих кос волна была густа,
Чье имя было – Ив»...
Старик, открывши ворота,
Нахмурен и ворчлив,

В него всмотрелся и сказал:
«А... помню... столько лет...
Я вас сперва и не признал,
А той давно уж нет.

Та осень теплая была,
Как вы расстались с ней.
Она здесь в доме прожила
Не очень много дней.

Куда она ушла потом –
Не скажет вам никто.
И сам я стар, и стар наш дом,
И всё кругом – не то».

Сэр Роберт слишком понял сам,
Что нечего искать,
Что здесь предел его мечтам
И что ему не знать

Ни взгляда незабвенных глаз,
Ни слова с милых уст,

Что кончен путь и день погас,
И людный город – пуст;

И снова шпоры дал коню
И путь направил свой
Вослед мерцающему дню
От темени ночной...

Но знайте, счастье многих лет
Не оставляет нас.
Пред ним и пламя – только свет,
И вечность – только час.

К истокам вспять идет река
И легче дышит грудь,
И чья-то верная рука
Забывший кажет путь.

А сердце бьется тугой струной:
О, только б вернуться, вернуться домой,
А дальше – воля Господня.

Домой, домой! Как темен свет
Осеннюю порой!
Как рыхл и вязок конский след –
Вдаль по земле сырой!

Как тусклы окна деревень,
Встающих по пути,
И как спешит угрюмый день
Сказать земле: «Прости».

«Лэди Маргрет! Мой цветок и честь!
Увижу ль снова вас?
Смогу ли вновь привет прочесть
Во взоре ваших глаз?

Но всё же, всё ж исполнил я
Обет весенний мой:
Мчат гуси в теплые края –
И я вернусь домой».

А сердце бьется тугой струной:
О, только б вернуться, вернуться домой,
А дальше – воля Господня.

И снова намоталась нить
Обратно на клубок.
«Сэр Роберт! Надо ль коня горячить?
Хорош ли его ездок?

Поехал за подругой он
И вот идет к жене.
Одна ушла, другой спасен,
И всё, как сон во сне».

Так, насмехаясь над собой,
Волнуясь и скорбя,
Совершив обратный свой путь домой,
Сэр Роберт – у себя.

Уж замка островерхий лик
Из-за леса смотрит вниз.
Осенних стай неровный крик
В потемневшем небе повис.

Как странно. В замке все темно,
Как будто людей и нет.
Одно далекое окно,
В котором слабый свет.

И копыт по дворовым плитам звук
Родная тишь взяла,
И сказал один из вышедших слуг:
«Леди Маргрет умерла».

1923

Und nichts war anders seit dem Abendgang,
da ihre Seelen sich die Wahrheit sagten.

Frida Schanz

Что же было? Что переменялось?
Всё осталось в мире, как всегда:
так же были шумны города,
и кружились темные года –
только ласка на уста просилась,
да любовь возшла, как дар, как милость,
как рождественских ночей звезда.

И когда давно замерзли лужи
и под грузом снега парк притих –
эти двое шли сквозь ночь и стужу
и легенду слушали всё ту же,
что и тысячи людей до них.

4 декабря 1923

МОСКОВСКАЯ ВЕСНА

То были вёсны над другой Москвой,
Сменявшие совсем другие зимы...
Как был желанен танец снеговой
И лужи под апрельской синевой!
Но оценить тогда их не могли мы,
Доколе не извели печаль
Тех лет, чью повесть лучше умолчать.

Но с нами вновь зерно, вода, огонь,
И город заскорузлую ладонь
Устал тянуть за недоступной пищей.
Изглоданный, разграбленный и нищий,
Перевязавший раны инвалид
Со вздохом встал, как жизнь ему велит.
Раскрылась неизбытая тюрьма,
Явилось вновь лицо родного мира,
Согрелись просыревшие квартиры,

Окрасились знакомые дома,
Летит трамвай, сверкнув и прозвеневши,
И вновь мелькают люди – но не мы...

А город, как больной, переболевши,
Приветствует уход седьмой зимы –
Веселым пеньем петухов горластых,
Теплом дождей, безудержных и частых,
И маковками ярких куполов,
И голосом густых колоколов,
Под утро говорящих об обеднях,
И быстрым лепетом ручьев последних,
И грохотом сосуллек ледяных...

Но в переулках старых и родных,
Где глохнувших садов узорны ветки...
...Лишь комсомолка в клетчатой каскетке –
И в белых, как у девочки, носках,
На четких и упрямых каблуках
Отшелкивает тротуара плиты.
И пусть дома теплом весны облиты –
Его струит уже не прежний день,
И зацветет не прежняя сирень,
Чтоб okayмить забор лиловым краем,
Не выкатится детское серсо,
Не повернётся Счастья колесо,
И *этот* Май не станет *нашим* Маем.

<1924>

Под ногами – крепкий отзвук шага,
Плитяной московский тротуар.
Полдень бел, как писчая бумага,
И фарфор небес не так уж стар.

Что же ты бледнеешь, мой румяный?
Присмотрись в знакомые черты:

Гимназист в тужурке полотняной,
Проходящий мимо – это ты.

<1924>

Как тугоплавок ямб и как он труден!
Но мы к нему навек прикреплены.
Наш полный день, наш неисходный будень
Окончился затмением Луны,

Окончился таким смятеньем в доме,
Когда набата ждут колокола;
Забвением всего, что было, кроме
Одной притихшей мысли: ты пришла.

<1924>

ОСТАНКИНСКИЙ ДВОРЕЦ

Кн. А.В. Звенигородскому

Смотри: его фасад велеречив и точен,
И в лени барственной замкнулся въезда круг,
И бархатный газон еще глубок и сочен,
И держит Аполлон, как в оны дни, свой лук.

И там, где ищешь ты покоя и прохлады,
Где любопытный шаг паркетам звонким рад –
В растворе сумрачном воздушной анфилады
На желтом лаке лег окна косой квадрат.

И может быть, что там, вошедших не заметив,
Вливая из окна июньский запах лип,
За письменным столом дородный Шереметев
Гусиного пера задерживает скрип.

И Амор повторен в зеркальном холодном плане,
Пускай его камин давно не знал золы –

О, как нам не любить в отлёте вечной длани
Его божественной замедлившей стрелы.

<1924>

Посв. Р.М. Хин

Погасшие огни былых иллюминаций.
М. Волошин

Смерть века. Холод бронзы. Шум парчи.
Последние закаты так кровавы!
Былых вулканов потускнела лава
И Академий лавры и лучи.

Давно сменили мрамор кирпичи
И слесаря познали строй октавы,
И прячется седеющая Слава
У пламени ветшающей свечи.

Лишь иногда пришлец с другой дороги,
В высокие вникая монологи,
Как бы читая старую печать

В глухих словах умеет различать
И гул времен, и взлет сановней дури —
Ворчание состарившихся фурий...

<1924>

Они черней черновика,
Мои ненужные страницы,
Писания не новичка,
Не мастера и не тупицы.

Но в ученичестве моем,
Мой друг, ты помощь мне одна лишь.

Так пробуждает спавший дом
Рука, коснувшаяся клавиш.

И ты, с улыбкой на губах,
Ждешь утолиться звучным часом –
Но то не Моцарт и не Бах,
А только Gradus ad Parnassum.

<1924>

ВОСПОМИНАНИЯ

Есть портреты, письма, кольца, раны.
И в одной из пожелтевших книг
Был «цветок засохший, безуханный»,
Мертвый друг, пленительный двойник.

Так и мне дано воспоминанье:
Рыжий лист, прилипший на грибе,
Что заложен в летнем расписанье
Поездов, носившихся к тебе.

<1924>

Глухая ночь. Трамвай едва плетется,
И головы соседей тяжелы.
Фонарь под снегом, ветхие воротца
Медлительно плывут из полной мглы.

Так в давний час, когда мороз полезный
На стеклах окон выдавил листву,
На диво слаженный возок уездный
Провинциалку Таню влек в Москву.

Но перевернута уже страница.
Окраина, пустырь и бревна свай.
И заспанным рыдваном снова мнится
В глухую ночь плетущийся трамвай.

20 декабря 1924

НЕМЕЦКИЙ РОМАН

Нет, не Лакло, не Стерн, не Свифт
Дарованы моим досугам:
Готический, домашний шрифт,
Хрустящий на листе упругом.
Роман, пропахший стариной,
Несущий бюргерское имя,
Не упомянутое мной
И позабытое другими.

Там с башни смотрит циферблат
И усмехается долине.
Там на гряде растет салат,
Моей посажен героиней.
И я уже безмерно рад
Вдыхать крепящий запах пихты
И видеть белый пасторат
Неторопливой Vorgeschichte.

Kapitel eins, Kapitel zwei,
Три части, сшитые тесьмою.
Жасмином дышит нежный май
И кофе жарится зимою.
И дочке пастора, увы! —
Любовь, душа и чувство, где вы? —
Осталось разве две главы
До верной роли старой девы.

Но верною Судьбой ей дан
Семейственный немецкий жребий.
«Он» был не пылкий Флорестан,
И не мечтательный Эвзебий,
А просто русский кандидат,
Усидчивый и долговязый,
Примерный сын и верный брат
(Герой не моего рассказа).

И напряжение растет
От эпизода к эпизоду:
Вот пастор с миром кончил счет

На горе ветхого прихода;
И Fräulein бедная должна,
Оплакав креп портретных рамок,
Чтоб окупить свой хлеб сполна,
Идти служить в баронский замок.

Но есть старинный документ,
И кандидат о нем узнает.
Не пропустить бы лишь момент —
Срок исполненья истекает.
Об этом знает и барон,
Готовящийся план разрушить,
Ход повести заторможён.
Ведь есть же такие души!

И что за буря в голове,
Когда с почтовою каретой
Герой исчезнет в той главе,
Чтобы приехать к сроку в этой.
И вынимает Herr Notar
С лицом торжественно-сердитым,
Вспоров сафьяновый бювар,
Лист с завещанием забытым!

И бабушкиной скрини ключ
Фамильную откроет тайну.
И двух сердец заблещет луч,
Как свет окна в стекле рейнвайна.
А, рай открывши наяву,
Какой даруешь сердцу мир ты,
Скрепив последнюю главу
Концовкой свадебного мирта!

<1924>

ПОРТОВАЯ ПЕСЕНКА

Пахнут здесь Петровы стружки...
Вс. Рождественский

Запах дегтя и селедки,
И суда смолить пора.

Как с Галерной девки – лодки,
Корабли – как шкипера.

И лесов мачтовых сетка
Парусистой ждет листвы.
– Эй, не пяль глаза, соседка,
Нам не скружишь головы!

И не надо нам в обнову
Ни гранита, ни перил.
Деревянный Питер снова
Мастер Питер смастерил,

Чтоб мы крепили, обвыкая,
Как Нева на холодке,
Как весна, весна морская
«В Питербурге-городке».

<1925–1926>

«МУРАНОВО» БОРАТЫНСКОГО

Благословен читающий; но в том
Живет и дышит знание о поэте,
Кто видел край, дорогу, сад и дом
Его недель, годов и многолетий.

И два гнезда в большом ряду других –
Лелеятели певческого дара
Среди просторов, вольных и глухих;
Их имена – Мураново и Мара.

Но лишь одно цветет до новых лет;
Оно еще пленительней и резче,
Живой урок, живой, как сам поэт,
Как эти книги, записи и вещи.

И мужественный облик восстает,
И вновь гудят, обновлены и юны,
Когда-то для строительных забот
Его рукой отвергнутые струны,

И лес его, труда и мира знак,
И в эти дни, среди иных стремлений,
Благословляет каждый твердый шаг
На ступенях грядущих поколений.

12 июля 1925

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ПЕТЕРБУРГ

Гранитный город славы и беды.
Ахматова

I

Город, многожды воспетый,
«Город славы и беды»,
Где с рукой, к Кресту воздетой,
Ангел видит ширь воды.
Птица пасмурной погоды,
Отплеск северных морей,
Где с последней поздней одой
Затихает мой хорей.

Поросли травой плиты.
Хоры спеты, лавры свиты,
И немотствуют граниты,
И в каналах спит вода.
Отлетел орел монарший,
И колонны стали старше;
Императорского марша
Не услышат города.

Но, как встарь, гремят телеги
У Двенадцати Коллегий,
И закат последней неги
Там, за шпилем, не погас.

Но к морям зовут сирены.
Те же гребни невской пены
Все толкают безы^{<з>}менно
Каждый ялик и баркас.
И, как прежде, сердце радо
По просторам Петрограда
Волочить свою отраду,
Забывать идущий час...

17 сентября 1925

II

НОЧЬ НА МОЙКЕ

Над канавкой у Пиковой Дамы
Пролетел петербургский лихач...
Черубина де Габриак

В том городе, где Рок грозил порфире
За скоком конниц, поступью пехот,
Где наводнение и ледоход
Столкнули чаши на державном пире –

Есть узкий и торжественный проход
Из Зимнего канала к невской шири...
О, петербургский Ponte dei Sospiri!..
Торопится последний пешеход,

И блеск воды – как отблеск медной каски,
И легкий шум несущейся коляски
Изогнутый не повторяют мост;
И в этой мгле, туманистой и сизой,
Под аркою, так трогающе прост,
Намечен неподвижный образ Лизы.

III

ВОСПОМИНАНИЕ

Что-то мне в крови немолчно шепчет...
Память, не тоскуй и не пророчь.

Помни благодарнее и крепче
И в осеннюю, густую ночь,

И румяным утром спозаранку, —
Наших дней благословенный дол,
Где и ты — на час петербуржанка,
Где и я — случайный царскосел.

<1925>

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

М. П. Р-вой

Я вижу зеркало былого,
И как Вы отразились в нем
Спокойной девушкой Брюллова
За лакированным столом,

В той комнате, где стены белы,
На них три карты и скелет
Венецианской каравеллы,
И Петербург петровских лет...

Но миг — и Вы не та для взора,
И я воображаю Вас
По этой линии пробора,
По вишням удлинённых глаз,

По стеблям рук, так смугло-белым,
По скатам медленным плечей —
Купальщицею с узким телом,
Прищурившейся на ручей.

<1925—1926>

Мышиный писк в глухой ночи.
Москва в снегу — что море в стужу.

Ляг, обогрейся и молчи:
Ночь запекает песню ту же.

И корабля могучий ход
Морозный вал не остановит,
И юный месяц – новый год –
Своим серпом не прекословит.

Но Капитан Январь не спит
И слышит, старый, в вечном вое,
И то, как древний руль скрипит,
И то, как под полом мы двое

Плечо к плечу, рука с рукой,
Едва скребемся в этом шуме –
Две мыши у мешка с мукой
В полночном океанском трюме.

<1925?>

НИНЕ ВОЛЬКЕНАУ

Все перепуталось – и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

О. Мандельштам

Стрела вонзилась в дивную мишень,
Но тетива не скоро присмирет.
Пусть солнце зимнее стоит, не грея, –
Руке еще надеть перчатку лень.

Здесь Актеон – лишь северный олень,
А Лучница румяней и добрее,
И древней Лиры вычерчена тень
На мраморном снегу Гиперборея.

Но вот терцета плавный поворот –
И радостной улыбкой тронут рот
При имени прирейнской маркграфини.

Мы понимаем, кто она была,
И что аллеи Царского Села
Девичью поступь помнят и поныне.

4 декабря 1925

МОСКОВСКИЙ МАРТ

Как у Николы колокол натружен,
Как медленно выходит синева,
И шлепает еще по тощим лужам
Оттаявшая, постная Москва.

О город мой! Наскучив зимней тьмой
По смуглым куличам и по теплу,
Уже пекутся жаворонки в семьях
И след окна печется на полу.

Но Сорок Мучеников нечестивцев
На сорок утренников обрекли!
Еще полночью хрустнет мерзлый Сивцев
Раздавленною льдинкой у земли,

Доколе воробьи, как распуск школы,
Черкнут, что месяц мартовский щербат,
И что под шапкой-гречником Николы
Ореховый счищается Арбат.

9 марта ст.ст. 1926
Москва

ФУГА

Молодость моя простая,
Груз мой четвертьвековой,
Летопись неначатая,
Ход незримый часовой.
Седины итог начальный,
Сердца высохший сухарь,
Звон обычный, звон пасхальный,
Круг замкнувший календарь.

Так перо скрипит и ходит;
А весна – в который раз –
Темной зеленою выводит
Ожидаемый рассказ.
И уже весна пропета:
Смолкший лес и первый гриб,
Час полдневный, межень лета,
Поколений перегиб.

Так идут часы немолчно,
Так растёт и зреет час,
Как рябина – у проселка
Легкой веткой наклонясь.
И, не дав рукам мозолей –
Разве посолив виски, –
Время заполняет поле
Малой аспидной доски.

Так сложилось в круг незримый
То, что будет, – с тем, что встарь,
С повестью весны родимой –
Обыдённый календарь,
Что медлительно листает
Под пера разумный скрип
Молодость моя простая,
Поколений перегиб.

13 апреля 1926

И нельзя остановиться,
И остановить нельзя.
Седина легко ложится,
Время движется, скользя.
Движется всё в том же круге
(Жаль его или не жаль),
Словно Вождь и Спутник фуги,
В сокращаемую даль.

<1926>

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

МОСКВА

Рынки с зеленой, с румяною снедью.
Площадь овсом засыпают телеги.
Старая дрожь колокольной меди.
Лишь Иоанновский колокол нем.

Ныне ответствуй: затем ли, затем ли
Ты миновал отдаленные земли,
Чтобы увидеть в предутреннем пепле
Балчуг железный и каменный Кремль?

Камнем Италии, златом Багдада,
Цесарским пурпуром, войлоком хана,
Хрупким фарфоровым сном богдыхана,
Башней замщенной, венцом Покрова,

Тяжкою шапкой, ушастью, мохнатой,
Зеленью купола, круглой, пузатой,
Дальней китайской стеною зубчатой —
Царством середины ложится Москва.

II

Я в крови — не по бумаге —
Знаю древо, ветвь и плод,
Всю игру старинной браги,
Что оставил мне мой род.

Где встречал людей торговых
Пола крашеного лоск,
Где от месяцев медовых
В церкви жертвовали воск.

И садов московских шапки,
И настой заволжских трав,

Посох керженки-прабабки,
Прадеда крутого нрав.

Оттого я только с теми,
Кто не мог иначе жить,
Что свое родное семя
Не хочу переступить.

Апрель 1926

ГОГОЛЬ

Я ли разломаю семь печатей,
Отогну страниц твоих крыла?
На столбцы нехитрых хрестоматий
Тень твоя отчетливей легла.

Востроносый, ястреб богомольный,
Масляный пробор на голове,
Что тебе в сырой и колокольной
Из квашни расползшейся Москве?

После солнца Рима и Помпей,
После древнего Днепра в разлив –
Деревянный шаг отца Матфея
И в кутье вареный чернослив.

И в золе каминного разгара
Пачки покоробленных листов,
И в пыли Никольского бульвара
Зеленя украинских садов;

Да еще вот этот ветхий ясень,
Черный осеняющий гранит,
Где твой лик, что больше не опасен,
Вечная лампада прояснит.

*4 июня 1926
Москва*

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТАНСЫ

1

Свои страницы Север разогнул,
Вот – холодок, тугой и полотняный.
Прелестный друг! В твоей Москве румяной
Колоколов и галок ровный гул.

А здесь – молчанье, камень невесомый
И нетемнеющие вечера.
И тот же конь, эфебами влекомый
Иль выносящий грузного Петра.

11 июня 1926

2

Ночь – лампа млечно-белая; на ней
Мосты из черной вырезной бумаги.
Им не хватает только колымаги
Да цугом выступающих коней.

И шпиль над Петербургской Стороною,
И облака над влагою ночною,
И всё, что есть, и всё, чего уж нет,
Обращено в двуцветный силуэт.

13 июня 1926

3

Елис. Васильевой

То вечный свет, сошедший к нам на срок,
Весною раскрывающийся, белый.
То затемненный день иных пределов,
Переступивший призрачный порог.

И сумеречным холодом дыша
На той черте небес и дали водной –

Нигде себя не ведает душа
Такой развоплощенной и свободной.

14 июня 1926

4

Ночь, вываленная в пыли
Сенных, Фонарных и Разъезжих.
Где Петербурга корабли?
Где крылья слав его зловещих?

Ни лавром венчанных побед,
Ни дивных, мужественных вестниц.
Один пролитый белый свет
По закоулкам черных лестниц.

И облик этот так знаком,
Что кажется порой и мельком
Простым Наташиным платком
Иль Сонечкиною омбрелькой.

16 июня 1926

5

Мы будем помнить, город стройный,
Виденья вещие твои.

М. Лозинский

Мы будем помнить в каждом деле
Чугун ограды, камень плит,
Все петербургские недели,
Где календарь дождем облит,

Где не родная, не чужая,
В моря идущая река,
Где город, временем мужая,
Учительствует сквозь века,

И утверждая, и тревожа,
Преображаясь каждый час,

Всё омраченнее и строже —
Того же требует от нас.

18 июня 1926

6

Ночь, белая в покрове облаков.
Твой образ — неописанный и новый,
И свет на круге площади таков:
Из времени изъятый и лиловый.

Таков и купола надмирный вес,
И золота глагол необоримый,
И колоннады многословный лес
На Невский переставленный из Рима.

20 июня 1926

7

Мое окно выходит на Неву.
Я чужестранец в городе знакомом,
Пустой дворец, где я на срок живу,
Еще не сделался обычным домом.

И лестницей, завившеюся в винт,
Я каплею в пустотах сложных уха
Спускаюсь в этот гулкий лабиринт,
Как некогда — сенатор Аблеухов.

21 июня 1926

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ОБЕЗЬЯНА

Вероятно, в жизни предыдущей...

Н. Гумилев

Ты всегда казалась мне не тою,
Если голос памяти не лгун –
Ты была за жизненной чертою
Кортезаной Города Лагун.

И глаза твои – они морские,
Словно с прázеленью бирюза.
И уста твои – они такие,
Сладостней, чем горная лоза...

Но еще, сквозь золото тумана,
Помню я: на пестроте ковра
Подружилась лапка обезьяны
С розовостью узкого бедра.

И когда в последнем содроганьи
Ложу скрипом отвечало нам –
Был еще усмешкой обезьянней
Твой овал прочерчен пополам.

И как с нежной шеей – нить жемчужин,
Так и в этот пряный, скользкий миг
Был с ее улыбкой странно дружен
Человека обращенный лик.

2 октября 1926

II

Как этот дом ореховым фасадом
Воспроизводит улицы черты!
Один каштан стоит над целым садом,
Одно окно, в котором я и ты.

И по ночам на шатких антресолях
Я слышу дом, скрипучий, как постель, —
Твое качанье в равномерных долях,
Москва моя, звучанья колыбель!

В далекой тьме гудок с его повтором;
А тут ему в ответ скрипят полы;
Как бы волчок колеблемый, в котором
Гуденье самовара и пчелы.

Но этот звук, и сладостен, и горек,
Стихия погружается на дно.
И с новым днем глядит московский дворик
На антресолях в ветхое окно.

10 ноября 1926

III

Как я рубашку близкую сомну?
Покой упругой груди как нарушу?
Как восковую палевую грушу
В бумаге шелковистой разверну?

Как опишу касание ступней
И под коленом теплую морщину,
И этих бедер светлую лошину,
И темный вьющийся лесок над ней?

А стих, который к телу не привык,
Всё ж назовет, наперекор прикрасам,
И трепетным плодом, и пресным мясом
Твой влажный отдающийся язык.

Осень 1926

СТИХИ НА ПЕЧНЫХ ИЗРАЗЦАХ

Когда в снегу завеянной тропой
Идет хромец тяжелою стопой,
Когда окно в плетенье ледяном,

И календарь на тридцати одном,
И сторож темной шкурою оброс,
Когда глотнул крепчающий мороз
Крепчающий настой крутой зимы,
Всех стен и всех камней вернее мы.
Нас не равнял ваятеля резец,
Но ровным жаром дышит изразец.
И в новогоднем сумраке седом
Единой печью держится весь дом.
Благословен отныне и навек
Слагатель очага и дровосек.

2 января 1927

ОСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Лету был немалый срок.
Лето было складно.
Тянет острый ветерок,
Ясно и прохладно.

И, как прежде, посох мой
Ударяет оземь.
Осень! Осень! Путь прямой!
Яблочная осень!

17 сентября 1927

ЛЕТНИЙ СОНЕТ

Там голоса детей из чащи звали.
Свет солнечный над далью луговой
И темный запах монастырских хвой,
Которые приветно нам кивали.

Когда он был – сегодня ли, вчера ли –
Сей полдень, томный и береговой,
И летний, загорелый облик твой,
Воскресший из российской пасторали?

Но оглянись: уже вокруг не то.
Окно в слезах, осеннее пальто
И смуглая увяла земляника.

И стынет омраченная река.
Лишь в памяти звучит издалика:
Натуся, Коля, Сашенька и Ника.

8 октября 1927

СОНЕТ ЗАБВЕНИЯ

Идут года, и нет для них прощенья.
Я сквозь тебя другую целовал.
О, как надлом незримый заживал
В медлительном и тягостном сращеньи!

И помню твоего лица овал,
И помню я свое полусмущенье,
Январь в Москве, метельное Крещение.
И Шумана звенящий «Карнавал».

Теперь уже рояль захлопнут глухо.
В густом саду немотствует Москва.
И отзвук гула редко и едва

Доходит до слабеющего слуха,
И позабыты многие слова...
О, Боже мой! Ведь ты – почти старуха.

8 октября 1927

ПЕРЕВОДЧИК

Недвижный вечер с книгою в руках,
И ход часов так не похож на бегство.
Передо мною в четырех строках
Расположенье подлинного текста:

«В час сумерек звучнее тишина,
И город перед ночью затихает.
Глядится в окна полная луна,
Но мне она из зеркала сияет».

От этих строк протягиваю нить;
Они даны – не уже и не шире:
Я не могу их прямо повторить,
Но все-таки их будет лишь четыре:

«В вечерний час яснее каждый звук
И затихает в городе движение.
Передо мной – не лунный полный круг,
А в зеркале его отображенье».

15 февраля 1928

Милый друг! Нас небо не забыло,
И земли нам лучшей не найти.
Мы с тобою были всем, что было,
Что на нашем встретилось пути:

Были садом, облаком и башней,
Были домом, печью и ковром,
И разлучены, как день вчерашний,
И как день сегодняшний – вдвоем.

Я судьбы своей не испытую
И не знаю про свою звезду.
Я тебе всю жизнь мою простую
Полотенцем на руки кладу,

Чтобы в час, полуденный и строгий,
Отереть в прохладе пот земной
Возле вяза у большой дороги,
Об руку исхоженной со мной.

16–21 августа 1928

Тебя живописать я не устану,
И я всегда хранил тебя такой –
От Яузы до Тушинского Стана,
И от Лефортова до Поварской.

Я узнаю незыблемые знаки
На вывеске и рыночном лотке,
Во вкусе просфоры и кулебяки,
В заботливом московском языке.

Твои дома с их деревянным скрипом,
Твоих окраин пеструю мазню
Я предпочту и царскосельским липам,
И медному, державному коню.

С рекою одесную и ошую,
С ее Кремлем, стоящим на гербе,
Москву мою – нелепую, большую –
Я ощущаю сызнова в себе.

19 ноября 1928

ДИМИТРИЙ, ЦАРЕВИЧ УГЛИЧСКИЙ УБИЕННЫЙ

Глава застыла в потускневшей митре,
На белом горле – темная тесьма,
И скопчески-одутловат Димитрий
На полотне фарсуного письма.

Он скоро будет выбит на медали,
И лавр его чеканен и тяжел:
Вся пышность императорских регалий,
Латынской веры девка и престол.

За ним – Ивана коготь ястребиный,
За ним – Король, опальная Москва,
За ним еще пожухлый фон картины
И выцветшего неба синева.

Вверху – просфорка белого собора
И страстотерпцу райский клир кадит.
Но ясно пан вельможного Самбора
Уже на нас из Углича глядит.

Август 1929

Углич

УГЛИЧ

От малины пахнет Волгой,
Липой – от луны.
Жар июльский, жар недолгий
Греет валуны.

Колокольни – старожилы
Плачут о своем.
Всё, что не было и было,
Поросло быльем.

Поутру – рожок подпaska,
Поутру – туман,
Где лежал в болоте вязком
Отрок Иоанн.

Вечеру меж стойких сосен
Теплится заря
Там, где храмов тридцать восемь,
Три монастыря.

Всё, что люди в доле бедной
Оберечь должны –
Это звонниц голос медный
С Малой Стороны,

Да стрелецких пушек жерла
В лиственнном Кремле,
Да густая кровь из горла
На сухой земле.

<1929>

ЗИМНИЕ СТИХИ

I

ТЕПЛО

Охапка хрустящих березовых дров –
Не львиная пещь и не огненный ров,

Не отроков трое, не свет-Даниил –
Домашний огонь мою печь заслонил.
Он ввек не разнимет обнявшихся рук.
Он ходит и ходит, кругом да вокруг,
И ветер печной в стародавней трубе
Всё песню поет обо мне и тебе.

II

МОРОЗ

Голубая ночь Москвы!
Бледно-золотой собор.
Под навесом синевы –
Сеть березы и забор.

И пора домой брести
И полозьям на покой.
Полости не отвести
Занемевшею рукой.

Когда я ребенком был,
Не сиял ночной простор –
Только синий отсвет плыл
В щели полуночных штор,

И прильнувших губ тугих
Не толкал саней размах
На холодных, на твоих
Мехом пахнувших губах.

III

НОЧЬ

Зимний свет и чахл, и жуток.
Ночь и ночь глядит на нас;
В каждом круге каждых суток
Повторяющийся час.

На окне, глухом и старом,
Ветви инея сплелись.

В этот час пушистым Ларам,
Ларам маленьким молись:

Чтобы был кусок твой лаком,
Полон ларь и гладок кот,
Чтобы тем же ровным шагом
Проходил за годом год...

Спит лампада, печка греет,
И мурлычет серый мех:
Каждый за себя радуется,
А кошачий Бог – за всех.

1929

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ «ВИНОГРАДА» ПУШКИНА

Что тужить о розах полных,
Если месяц их отцвел?
Виноград созрел на холмах,
Озаряя злачный дол.

Но смуглее и златистей
Те, что вижу в забытии,
Две продолговатых кисти –
Персты юные твои.

1932

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Чаадаев был так добр, что
навестил меня больную.
Из письма Евд. Серг. Норовой,
1835.

Она не Грация, не роза
В сосуде хладного стекла.
Недуга раннего угроза
Цветущий день заволокла.

Вся грудь – в последнем беспокойстве.
Письмо милей шитья и книг.
Но деде дмитровской несвойствен
Философический язык.

«Пусть бренный мой состав телесный
Терзает память горьких мук –
Лишь Вам да светит луч небесный,
Мой вечный, мой прекрасный друг!»

А друг, презревши пыль земную,
Высокой лысиной блестя,
Так добр, что посетил больную,
Отца Всевышнего дитя,

Чтоб на исходе жизни ровной,
Забыв гусарской жженки ром,
Распоряжение в духовной
Бесстрастным начертать пером:

Дабы мужской лишенный силы
И плоти мужеской костяк
Покоился вблизи могилы
Той, что его любила так.

15 июля 1932

СКОРПИОН

...он среди созвездий Зодиака
Озаряет годы и века...

<1943>

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ

Листья осенние кружатся в воздухе.
Сад пожелтевший печально шумит.
Дом одинокой старинной усадьбы
Пуст и покинут стоит.

Где же вы, дни лучезарно-веселые
Юной, цветущей весны?
Песнь соловьиная, ночи волшебные,
Лунного цвета полны?

Липы-красавицы, клены могучие —
Все обнаженны стоят:
Осени поздней дыханье суровое
Их разметало наряд.

Осень унылая, осень безмолвная...
Сада аллеи травой поросли.
Птичек осенних печальная песенка
Слышится где-то вдали...

<1910–1912>

БЕЗМОЛВИЕ

Через долгие блужданья по пустынным
равнинам и провалам Тишины...

Бальмонт

В комнатах пусто, темно и тоскливо.
Жутко ползет тишина.

Маятник бьется, как птица, пугливо.
Тускло блестят зеркала.

Тяжко поникли букеты отцветшие,
Пальмы, как тени, стоят.
В окна вливаются синие сумерки.
Мрачно портреты глядят.

Отзвуки прошлого, светлого, милого
Веют душистой весной
В этих туманных, томительных комнатах,
Полных неясной тоской.

<1910–1912?>

Посв. А. П.

Я стою у окна. Преду мной далеко за домами
Запылали зловещие краски заката в кровавом пурпуре.
Мрачно светлые главы высоких церквей засияли
На обрывках бездонной, зловеще-лиловой лазури.
Засинела над городом ночь. Опускаются в душу
сомнения.

Я не знаю – мне стало так жутко – невольно
Я грущу о потухшем, прекрасно-далеком светиле,
И душе так томительно-тяжко, и грустно, и больно.

<1910–1912?>

СМЕРТЬ

Посв. П.Г. А<нтокольскому>

Средь наших исканий, средь бурных тревог
Нас смерть ожидает, как солнечный бог.
Она не изменит, она не забудет –
Как старый, забытый друг подойдет,
С улыбкой усталые веки сомкнет –
И к вечной, прекрасной жизни пробудит.

<1910–1912>

РУСАЛКА

На поверхности зеркальной
В свежем лоне вод
Отражается глубокий
Звездный небосвод.

У ветвей плакучей ивы
Тихо лебедь спит,
Смутной грезой объятый.
Все кругом молчит.

В белых лилиях сверкают
Капельки росы.
И алмазы заплетают
В сеть моей косы.

Я над гладью изумрудной
В тихий час ночной
Призываю дивной песнью
Месяц золотой.

В брызгах пены, в светлых волнах
Зыбкого огня
Он чарует, и ласкает,
И манит меня.

Но чуть утро встрепенулось –
Он уже исчез.
Небо ярче разгорелось.
Пробудился лес.

Ночь прошла... Я замираю,
Снова я одна...
И в пучину погружаюсь,
Холодна, бледна...

<1910–1912?>

К КАРТИНЕ М. ВРУБЕЛЯ

Отсвет заката потух.
Месяц и чертополох.
Из-за колючих кустов
Смотрит рогатый петух.

Грозно синеет восток.
Лошади с хрустом жуют,
Чутко махают хвостом,
Тихо копытами бьют.

Глухо. Во мгле предночной
Смутная слышится трель:
Древняя плачет свирель.
Сатир уснул над травой.

1912
Крым

КУНДРИ

Herauf! Herauf! Zu mir!
Dein Meister ruft dich, Namenlose:
Ur-Teuf<e>lin, Höllenrose!
<Herodias warst du, und was noch?>
Gundryggia dort, Kundry hier...
Richard Wagner

Gell glaenzte, wie es damalss war,
Topasengleich iehr augenpaar.
Herr Wolfram von Eschenbach

Губы махровым цветком расцветают.
Цепь на груди, аметистом горящая,
В трапезе воинов Божьих пылает
Вестница Кундри, Граалю служащая.

Дева-Причастница, с верой испившая
Чашу греховной любви и печали,

В тайном ковчеге навеки вкусившая
Плоть и любовную кровь Парсифаля.

Руки – одежды Марии нежнее.
Шлем словно солнце, и перья как лилии.
Жабы и змеи в душе, а над нею –
Голубя-Духа святого воскресие.

Смертью в луче благодати спасенная,
Бога и Деву до смерти любившая,
Роза-Блудница, Крестом осененная, –
Вестница Кундри, Граалю служившая.

1912

ФИНЛЯНДСКИЕ МОТИВЫ

I

ВЕЧЕР

Плескались холодные волны,
Заря догорала вдали.
Как сильные белые птицы
По морю неслись корабли.

II

БАРКАРОЛА

Тяжек зной. Беззаботной истомой полна,
На побережье не бьется, не плещет волна.
Только сосны тихонько шумят.
Медно-желтое солнце из синей дали
Посылает могучие стрелы-лучи,
Негой воздух горячий объят.

Белоснежная чайка, сверкая крылом,
Отливает в лазурной дали серебром.
Набежал ветерок. Задрожала вода.
И, змеясь, выливаются струи в струю,

Навеяла дремоту на душу мою.
И опять тишина...

III

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Занавеску опущу,
Чтобы белой ночи
Беспокойно-тихий свет
Не бросался в очи.
А цветы в воде снесу
Прочь, за занавеску,
Чтобы рано поутру
Родовались блеску.
В переулке тишина,
Небо бело-бело.
Из-за пристани свисток,
Что-то прогремело.
На гранитах синева,
Мох лежит коврами,
Сосны гномами глядят,
Говорят с водами.
Спи-усни, всю ночь проспи,
Ночь минует тенью,
Утром солнце заблестит
Над твоей сиренью.

14 декабря 1912
Москва

П.Г. Антокольскому

Пролетай в бесконечном просторе,
Синий ветер далекой страны,
Расскажи мне о северном море
И о ласках высокой сосны!

Расскажи мне о том, что минуло,
Что исчезло в бегущих веках,

Расскажи мне о северной деве,
О копье в белоснежных руках.

Ты развеи мое светлое горе,
Подари мне весенние сны –
Пролетай в бесконечном просторе,
Синий ветер далекой страны.

13 апреля 1913
Москва

ГАМЛЕТ

П.Г. Антокольскому

Мой принц, как Вы стройны, в берете и при шпаге,
С лицом, загрезившим в опущенных кудрях,
Со взором девушки какой-то старой саги,
С холодной мечтой о кровных королях.

С руками, чьи цветы белее перьев гаги.
Но душу заковал отца суровый прах,
Хоть крест звенел не раз в дерзающих мечях
И синий излучал огонь святой отваги.

В рассудочный туман вонзив упорный взор,
Вы свиток зол и скверн раздрали на позор.
Ваш древний силлогизм и праведен, и горек.

Но сердцу мудреца не знать червлёных роз –
И даже в скорбный час вы не забыли поз,
На кладбище векам сказав: «О, бедный Йорик!»

<1913>

СКИТАНИЯ И СКИТЫ

Ангел благого молчания,
Кроткий смиритель страстей.
Сологуб

ВЕСНА

Помню, я шел по дороге –
Вечер отравленный был.
Пар из воды поднимался,
Между березами стыл.
В рощах весенних стояли
Луж снеговых зеркала.
Почки на ветках шептали:
«Весна с Востока пришла».
Ели вдаль над обрывом
Точно монахи стоят.
Тучи идут над закатом,
Золотом синим горят.
Месяц четко разрезан
Чьей-то рукой пополам:
Вместе со мной он уходит
Вдаль по дорожным водам.
Тихо, и жутко, и душно.
Саван в болотах лежит.
Сердце в груди беспокойно,
Сердце с душой говорит:
«Душе, открой мне всю правду;
Страшно мне – но почему?
Зло или благо свершится,
Есть ли мольба и кому?»
С лаской душа отвечает:
«Весна с Востока пришла.
Белою лилией рая
В теплой земле расцвела.
Больше и больше темнеет,
Мягко идти в тишину.
Сердце тревожное бьется,
Сердце встречает весну».

<1913>

ОТРОК

А.П. Гречанинову

Я иду непросохшей тропинкой,
Зеленеет травую пустырь.
Из-за рощи березовой славно
Смотрит синей главой монастырь.
В рощи свищут весенние птицы,
И тоскует кукушка вдали...
Потянулись под куполом неба
Треугольной толпой журавли.
Шевелятся весенние травы,
Наклонилась осока к воде.
Провозвестники Божией Славы
Облаками плывут в вышине.
И когда я дойду до посева –
Преклонюсь я челом до земли:
«Помоги мне, Пречистая Дева,
И печали мои утоли».

<1913>

ЛЕТОМ

Девушка шла с монастырской заутрени
Вдаль по меже серебристой.
В небе бездонном, глубоком, как море,
Жаворонок пел голосистый.
В небе вставало и таяло облако,
Солнце по нивам играло.
Рожь колосилась волною морскою,
К деве колосья склоняла.
Сердце, как ангел, в груди ликовало,
Песни любовные пело.
Божии птицы ему отвечали,
Солнце на небе горело.

<1913>

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Робко за окном шумят деревья,
Чуть в туманном утре виден сад.
Солнце по аллеям золотится,
И на крыше птицы говорят.
Осень не пришла еще, но скоро
Все дорожки лист устелет золотой.
Сеть ветвей откроет постепенно
Глубину лазури водяной.
И когда дожди заплачут над землею
И придет печальная пора —
Голубую лампу погашу я
И настанет завтра, как вчера.
В бесконечности душевной возникает
Мертвых мыслей, тихих песен ряд...
За окном шумят зеленые деревья,
Чуть в туманном утре виден сад.

<1913>

ХЕРУВИМСКАЯ ПЕСНЯ

Ангелы нетленные,
Белые, небесные,
Божьею сияющей
Славой просветленные,
Над церквами белыми,
Над лесами, водами,
Грезами несмелыми
Под лазури сводами
Медленно проходят.

Солнце чашу алую
Тихо поднимает,
Фимиамом выющим
Ветер налетает.
Песня горне слышится:

«Песнь поем великую
Вечному, Всесильному.

Ангельскими сонмами
Копиеносимому.
Аллилуйя Славному,
Аллилуйя Крепкому,
Господу Бессмертному
В веки – аллилуйя».

<1913>

Благоухают травы на пчельнике,
Малиновка распевает внятно.
В синем небе – ни облачка.
Лето Господне благоприятно.
Привечают меня воды озерные,
Кадят на лугах цветы душистые –
Медуница, кашка смиренная,
И звездчатки – слезы пречистые.
В горнице моей светло и уютно,
Нету в ней земного томления,
Дремлют на окнах лики цветочные
В чаянье святого просветления.

<1913>

С.Н. Дурылину

День встает над радостной землею,
Божий мир так ясен и далек.
Положу в молитвенник раскрытый
Первоцветной травки стебелек.
С кем пойду я, бедный, по полянам
И кому поведаю печаль?
Кто поймет весной мои тревоги?
Никому на радостях не жаль.
Богородица, высоко голубея,
Вознеслась на снежных облаках.
О, склонись ко мне, Пречистая, Святая –

Вижу я цветы в Твоих руках,
Из Твоей кошницы благовонной
Подари былинку мне одну,
Да возрадуюсь и я Твоей святине,
Именуя светлую весну.

<1913>

ВТОРОЙ СПАС

Облако тихо проходит над садом,
Яблоко в зелени прячется.
Церковь из дали прозрачной виднеется,
Маковкой светлой маячится.
Жертва бескровная – Богу угодная,
Яблоки белые, красные...
Смотрится главка в бездонное небо,
Озеро стелется ясное.
В утренний час, когда небо светлеет,
Птицы молитву творят,
Ангелы сходят из Горнего Града
И над садами кадят.
В Августе месяце – житница года,
Теплых небес растворение,
Золото хлеба, обилье садовое –
Спасу Второму – хваление.

<1913>

В СТРАСТНУЮ СУББОТУ

Запада сиянье золотое
Опустилось алою парчой.
Ангел белый в облаках проходит
С тающей воскресною свечой.
В небе бледном теплится высоко
Ясная алмазная звезда.
Чей-то голос в сердце повторяет:
«Страсти не вернутся никогда».
Скоро мрак субботний разойдется,
Словно воск от облика огня.

Встанет Он, дарует жизнь умершим,
Не забудет с ними и меня.

<1913>

АЛКОНОСТ, ПТИЦА РАЙСКАЯ

К.Д. Бальмонт

Эта птица живет недалеко от рая
И, жемчужной чредой песнопений небесных
Всю долину озер на заре оглашая,
Призывает к высотам невест невестных.
Эта птица сидит на венце кипариса,
Но когда вострубит Грозный Ангел из бури,
То в очах ее вечный огонь загорится.
Запоет -- улетит -- и утонет в лазури.

<1913>

ПОЛЕВАЯ ИКОНА

Пресвятая Дева по лугам ходила,
По лугам ходила, слезы уронила.
Месяц их увидел, солнце подобрало
И в золотой оправе лесу показало.
Сердце загорелось светлою печалью,
Слышен звон к обедне за лесною далью.
У простой иконы тихо лью я слезы
И в сиянье вижу белые березы.
А над ними небо блещет бирюзою,
Озеро струится чистою слезою.
Там, за белым храмом, где кресты и поле,
Умирится сердце на весенней воле.

<1913>

ПАСХА

Холодно, но Пасха на дворе.
Старый храм сияет в серебре.

И под взмахи свято дышащих кадил
Совершается служенье вышних сил.
«Христос воскрес, погибла смерть», —
Поют в туманной вышине.
И что-то отклик подает,
Как эхо дальнее, во мне.
Христос воскрес, весна идет.
Ее гонцы с небес несутся,
Весна идет, манит, зовет,
Снег посинел, и воды льются.
И в небесах душа поет.
Холодно, но Пасха на дворе.
Вся церковка засветилась в серебре.
И со звонами архангельских кадил
Совершается служенье вышних сил.

<1913>

ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ

ЗВЕЗДНЫЙ ТАНЕЦ

Смутное мерцанье,
Теней трепетанье,
По цветам, по травам
Призраков мельканье.
Капли, бриллианты —
Роз ночных отрада,
Бабочки крылатки,
Звезды золотые, —
В пляске все кружится
И остановиться
Уж никак не хочет.
А, устав кружиться,
По полям носиться,
В рощице хохочет
Леший огнеглазый.
Звездные алмазы
С неба покатались,
Падая, разбились
И пропали в поле,

Порезвившись вволю.
Из болот, затонов,
Из прудов зеркальных
Легче перезвонов,
Поднялись русалки,
Грезы вод печальных.
Лилии в заливах
Закачались плавно,
В нежных переливах
Колокольчик белый –
Трубадур несмелый –
Запевает славно.
В небе извиваясь
Длинной вереницей,
Златокрылой птицей
В плеске все кружится,
Кольцами свиваясь,
И до утра будет,
Дальше поднимаясь,
К звездам уноситься.

<1913>

СЕВЕРНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

Н.К. Рериху

Стоит шест с гагарой,
С убитой, вещей гагарой.
Опускается тусклое солнце,
По тайге ходят волки,
Рыщут сквозь колючие ветки.
Далеко, далеко за солнцем
И еще дальше на север
Маленькая рыбка Векан
Лежит в ледяном океане.
Выросла, стала больше кита,
Хвостом землю поворачивает.
Догорело вечернее пламя,
Забродили холодные ветры.
А со звездного неба

Смотрит Хозяин
Со звезды Воткнутого Дерева.
Хозяин все видит и знает,
Пошлет добрую охоту
С серыми и бурыми шкурами.

<1913>

ЧАСЫ

А. Ремизову

Тик-так –
– Раз еще –
– Так –
И замолчали.
Долгим, протянутым боем,
Злым и завистливым воем
Сколько вы мне докучали!
Вот – наконец, тишина,
Тишь небудимого сна –
Это часы замолчали.
Сердце, как маятник, бьется.
Сколько бы жизни часы ни стучали,
Сколько бы боем души ни терзали –
А замолчать им придется.

<1913>

RONDEAU AMOUREUX

На станции, при свете фонаря,
Я шел один, не ожидая встречи,
В глубокой вышине горели звезды-свечи.
Мы встретились в безмолвии ночном
И по платформе вдоль пошли – вдвоем.
Я полюбил, в глаза ей не смотря,
И горько сожалел о лете прожитом –
На станции, при свете фонаря.
Нам звезды сказку золотую говорили,
И пели о любви, и в вышину манили.

Мы понимали их, слова не говоря,
И век любви в минуту пережили
На станции при свете фонаря.

<1913>

ГАВОТ

J.S. Bach. 2-te Violin-Sonate H-moll

«Пойдем, пойдем,
Аллею пройдем
До верхнего боскета.
Под шепот цветов,
Под говор листов,
Под песни лунного света».
«Иду, иду –
Только розу найду –
Я ваше письмо получила».
И вот, идут,
То там, то тут,
Луна им дорогу светила.
Втроем, втроем
В боскете глухом:
Он ей любовь предлагает,
Она горит,
Амур царит
И с ними в гавоте порхает!

<1913>

СТИХИ О ПУШКИНЕ

Посв. П.Г. Антокольскому

I

Белый Фавн на лужайке смеется.
Осень яркие нити прядет.
По дорожке лицейского парка

Замечтавшийся Пушкин идет.
А Парни – стихотворец лукавый –
На последней странице открыт.
Чтоб директор стихов не увидел,
Он в латинской грамматике скрыт.
Но сильнее, чем огонь Аполлона,
В сердце Пушкина светят мечты
И рисуют Бакуниной профиль
И дворовой актрисы черты.
Позабыта раскрытая книга,
И влюбленное сердце дрожит,
И молчат вековые деревья,
И осенняя тишь ворожит.

II

На небе заря не погасает,
Тонкий шпиль высоко золотится.
В каменном русле Нева струится,
Вечер деву-Утро обнимает.
Спит спокойно город утомленный,
В беспокойном свете дня ночного.
Высоко горит огонь бессонный,
Пишет Пушкин у окна большого,
И в творенье – райская отрада.
Не сомкнет кудрявый Пушкин очи,
Отражая грезы белой ночи
В ковanej поэме Петрограда.

<1913>

UN FANTÔME

В дымке тюля ты закутана свободно и легко.
Близок блеск твоих невиданных очей
За стеной немногих, неизвестных лет.
Как тебе отдам я твой привет?
Близок час венчальных обручей.
Сердце бьется, точно в вальсе, поднимаясь высоко.
Ты прошла по розовой узорчатой стене,
Голубая тень затем проследует легко.

Но ко мне ли ты? Иль это лишь во сне?
Минет осень и зима, придет черед весне –
Ты ко мне вернешься в вальсе – я опять вздохну легко.

<1913>

МАДОННА

Ты все, как прежде, хороша,
Как и в моем воспоминанье,
Когда ты мне обет дала
При нашем сладостном свиданье.
Ты говорила: «Для тебя
Я снизойду из ниши темной,
Чтобы в твой светлый дом войти
Женой незлобивой и скромной».
Но Ты ответа не даешь –
Горит лампада светом красным,
Как кровь из сердца Твоего,
Источена цветком прекрасным.
Так знай: в ночи, когда луна
Достигнет дьявольского срока –
Стилет трехгранный разорвет
Твое ласкающее око.

<1913>

ПЕРЕД СНОМ

Ты только что взошла и тихо погасила
Свечу. Я, может быть, сейчас усну.
Я улечу... А может, и умру.
Гаси свечу, гаси – открой окошко сну.
Моя любовь мала – ах, так мала!
Она поместится на тоненькой травинке.
Но ты не сердись – не ты ведь это, я...
Теперь темно – ни слова, ни кровинки.
Сегодня мы исполним Божью волю,
И возлюбить друг друга мы должны.
Но где же дом? Я вижу только поле –
Над ним любовь и облака весны.

Пойми и погаси. Я понял – поцелуй же,
Сорви черемухи цветущую свечу.
Пускай это обман, пускай нам нету крыльев –
Я осенен. Прости. Сейчас я улечу.

<1913>

ПРОЩАЛЬНЫЕ ТЕРЦИНЫ

Веселому поэту

Тебе, мой друг, последние стихи,
Последние – от нынешнего года.
Да, вспомним наши милые грехи!

Когда в сердцах царила странно мода
Приспособлять и мысли, и сердца
К поэзии сорокового года.

Казалось, нашим дэнди нет конца...
Но вот Кузмин и Пушкин испарились,
Исчезли баки с юного лица,

И мы в двух итальянцев превратились.
Ходили на бульвар весенним днем,
За бедными модистками влачились.

Пока не порешили мы вдвоем
Оставить их в покое. И тогда-то
Явилось рыцарство с червлеющим мечом

И с латами, горящими от злата.
И дама с нежной прелестью лица
Была перед Мадонной не богата.

Но чувствую начало я конца:
Весна прошла – уже настало лето,
Пришла пора алмазы снять с венца.

Прощай, прими последние стихи поэта.

<1913>

Замыкаются тяжкие двери,
Замыкают сердце мое.
Говори — я тебе не поверю,
Не приму лобзание твое.

Не поверю в твои обеты —
Ты когда-то была иной.
Дымным облаком небо одето,
Так удушлив бессолнечный зной.

Только там, за тягостным домом,
Где над бревнами вечер горит —
Прогремит разыгравшимся громом,
На вечерней заре прогремит.

В грозовой ночи, в полудреме
Я твое кольцо вспомяну;
Вижу сон о старинном доме,
Ясно вижу сквозь шторы луну.

Тихо утро, как змейка, крадется,
Льет рассвет в полумраке ночном.
Вместо солнца — на небе зажжется
Мое сердце кровавым вином.

<1913>

Москва

ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

Что это — пролог или надпись кольца?
Оно кратко. — Как любовь женщины.
Шекспир (Гамлет и Офелия)

Что есть любовь? — Июльский триолет,
Отрадный поцелуй и встреча у реки.
А в поцелуе есть печаль? — О нет!
А в чем она? — В кольце твоей руки.

<1913>

Миновали шлагбаум. Вот старинная арка.
Сколько листьев желтеет
В сенях старого парка!
Серый день чуть темнеет.
Очертанья далеких строений
Пропадают – как будто в тумане.
Обелиск на поляне
С потемневшим злаченым орлом.
Вспоминается радужный гром
Отлетевшего века державной Фелицы.

.....

Над верхами столетних дубов
Пролетели, прогряли птицы...
Мы идем по пустынным аллеям;
Осень с нами идет – за кустами.
Мы нарушить молчанья не смеем.
Тихо-тихо. Лишь листья шуршат под ногами.

<1913>
Куз<ь>минки

П.Г. Антокольскому

Мой друг, ты ведаешь о том, что совершится.
Проносятся пески и груды кирпича,
И там, за дачами, дорога чуть пылится,
И паровоз летит, пронзительно крича.

Ты знаешь обо всем. Ты полн старинным ядом,
Полученным от книг, в часы ночных лампад.
Но я с тобой – и, верь, своим покорным взглядом,
Как зеркалом святым, твой успокою взгляд.

<1913>

ОСЕННИЕ ТАИНСТВА

М.

Для нас и осенью настанет Май.

Кузмин

Таинство осеннее прекрасно,
Но свершить его немногим суждено.
Осень мирит душу, сердце ясно,
Точно озеро, что кажет оку дно.

И в зеркало вод

Смотрит небосвод.

В чаше осени – пьянящее вино.

И неслышно, легкими стопами
В гулкий сад ступая за тобой –
Вижу обостренными очами
Желтый лист и купол голубой.

Осень принесла

Синего стекла

И поставила киоты за собой.

Осени святое покрывало,
Девушку с распущенной косой –
Все узнало сердце, как бывало,
Окропилось светлой росой.

И рекут уста:

«Всюду красота».

Так исполнится любви священный строй.

Сентябрь 1913

Что-то ищу я в неясных чертах.
Сердце алеет – как будто стыдится.
Медным ударом пробьет на часах.
Миг – и безжалостно сон разлетится.

Мгла. И во мраке светлеет окно.
Ночь убегает и утро наводит.

Грешным покоя в ночи не дано.
Совість очей от меня не отводит.

<1913>

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Георгию Эрард

I.

ROSAIRE

Хоть я в слезах о том томлюсь,
Что нас покинул Иисус,
Но все же радуют меня его заветы:
Он сердце скорбное лучом весны пронзил,
И увенчал меня венцом златого света,
И розы с тернием любовно перевил,
И томик бархатный Древнейшего Завета
Мне в руки тонкие с улыбкой положил.

II

LIRE PENDANT LES PASSIONS

Весь Ты в ранах, мой любимый,
И скорбишь от них.
Алый, жаркий Запад тих...

Кто осмелился, Учитель,
Эту кровь пролить?
— Чтобы грех твой искупить,
Я, небесный Искупитель,
Отдал плоть Мою пронзить. —

Не лиши меня причастья
Тела — Хлеба Твоего.
Дай и мне увидеть счастье —
Розы рая в темной страсти,
В смерти Бога моего.

Весь ты в ранах, мой любимый,
И скорбишь от них.
Алый, жаркий Запад тих...

Купиной Неопалимой
В полночь расцветет жених...

<1913>

Сергею Новикову

Спасов образ, пресладкий и древний,
И полей православных узор...

Только там – за последней деревней –
Есть ушедший под землю собор.

В ночь глухих новолуний застонет
Ветхий колокол – звон земляной:
У собора кого-то хоронят,
Кто скончался прошедшей весной.

Лик неузнанных, темных страданий,
Алой страсти, любовных оков –
Долетит из фамильных преданий, –
Из зеркал династических снов...

А наутро – синеющий свиток
Неба малого – мягкий атлас,
Жемчуга заревых маргариток
И роса у невестиных глаз,

Да из утренних ласковых далей
Белый всадник к Востоку идет
От собора пронзенных печалей,
Где пронзенное сердце цветет...

<1913>

Снова белая церковь. Две старушки на паперти,
У ограды грачи – ведь конец февраля.
На весеннем снегу, на синеющей скатерти,
Точно черные хлебы, проступила земля.

В этой церкви когда-то отца отпевали,
И меня причащали, и венчали сестру,
И меня обвенчают с кем-то в белой вуали,
А потом похоронят – я ведь тоже умру.

<1913>

НЕУЖЕЛИ ЭТО Я?

М. Кузмину

Белая туфля на ножке обтянутой,
Флаги и подсолнухи в простом переулке.
Знакомство с девицей, еще раньше обманутой,
Лимонад и мороженое на вечерней прогулке.

Вальс граммофонный и щеки намазанные,
Мимо запертых лавок ночное хождение.
Звезды запыленные и слова недосказанные,
Слезы проходящие – амура введение.

<1913>

СВИДАНИЕ

Свежел воздух, липы пахли сладко,
В парке мелькало гулянье.
Наши все собирались туда –
А мне предстояло свиданье.
Он прислал записку вчера,
Просил придти к пароходу;
Он будет проездом здесь,
А я его не видала около году.
Как я ушла – никто не слышал,

На окнах заря потухала.
Вдали уже гудок прокричал,
Не помню – как побежала.
Подошел пароход. Он вниз сошел,
Все такой же. Роза в петлице.
Не говоря ни слова, с собою повел –
А кругом – все знакомые лица.
В каюте было уютно и светло,
Сколько минут прошло – не знаю.
Старалась вспомнить, что пора идти,
И знала, что засыпаю.
Когда я проснулись – мы плыли давно,
Дома вдалеке скрывались.
Что было дальше – не все ли равно,
А пока мы с ним целовались.

<1913>

ПОСВЯЩЕНИЕ

Есть у меня в столе портрет.
К нему – засушенный букет
Почти безжизненных цветов
Акаций, прежде белых,
Теперь же пожелтелых.
И на портрете пара слов.
«Будьте всегда таким, каким Вы сейчас».

И этот ворох лепестков
Вечерних и ночных стихов,
Рожденных в звездном свете,
Я посвящу – кому?
Тому,
Кто на портрете.

<1913>

ВОССА ВАСІАТА

В солнечном свете рассыпались кос
Хрупкие сети.

Розовый голос сквозь день произнес
Имя Россетти.

В зарослях роз золотеет венцом
Осень платана.
Скованы тонким тяжелым кольцом
Раны Тристана.

Слово любовное – белый опал.
Алое имя.
Губы, которые я целовал,
Станут святыми.

<1913>

Сеть сновидений святых
Снова сплелась надо мною,
Сердце в поля унесла,
В рошу, где пахнет весною.

К церкви, где липа цветет
Свечкой златой, благовонной,
К тропке, где зяблик поет
Над полевою иконой.

Нынче весь день над землей
Солнце прозрачно светило.
Солнце зашло за березы.
Сердце с весной говорило.

В синей прохладе весны
Дева сошла Пресвятая,
Мне подарила цветы
И отошла, золотая.

Эти цветы – не с земли,
Только во сне они были,
Утром в окошко ушли
И в бесконечность уплыли.

1 мая 1913

СНОВА

Да, ты укрылся в тишине
От искушенья злого.
Ты год провел в обманном сне,
Забыл, что есть цветы в огне,
Что в дреме – яда много.

Ты думал у креста спастись
От страшного объятья.
Но знай – не спи, и берегись,
И, если можешь, оградись
Святым щитом распятья.

Твой путь неведом и далек –
Не обрести покою.
Но – затуманится восток,
Перед тобою встанет Рок
С своей улыбкой злою.

9 мая 1913

И пока цветы лиловели –
Я Вам руки насквозь проколол.
Даже сам херувим Боттичелли
К Вам на помощь с небес не пришел.

А когда кончалась соната –
Вы совсем перестали стонать.
И лицо было тихо и свято,
Точно дева блаженного брата,
Точно юного Господа мать.

<1913>

НАВСЕГДА

М.Г. Антокольской

Но запомни: призывы напевного рога
Принесут тебе весть, что твой рыцарь идет.
П. Поплавский

Я знаю, мой единый друг
Среди веселых дев,
Что ныне мой печальный стих
Не возбудит твой гнев.
Что сердце больше не горит,
Что прежних весен нет
И что нельзя искать любви
В течение ранних лет.
Весны тоскливые дожди
Не миновали нас.
И потемнел лучистый взгляд
Твоих прекрасных глаз.
И я направил дальше путь —
— От вянущих цветов
К напеву строгому икон
И к далям островов.
Но если ты из темных дней
Подашь свой голос мне —
То я как рыцарь, брат и друг
Опять приду к тебе.

<1913>

ОТРЫВОК

Я уйду из города подальше,
Побреду по полю и лесам,
По путям и по тропинкам малым,
Днем по солнцу, ночью по звездам.

Только ветер ходит по вершинам,
Только птицы по небу летят.

Все со мной – от тучи до былинки
Языком великим говорят.

<1913>

И вот как прежде тихо
Свалился с плеч долой
Тяжелый, некрушимый
Обломок горевой.

Опять перед иконой
Вечерний свет поет,
Опять из тучи серой
Алмазный снег идет.

И кажется, что будет
Такая тишина
Вовеки небудима,
Лучиста и нежна.

<1913>

Б. Шманкевичу

Будет все, что прежде только снилось.
Кузмин

В Вашей речи – пенье дольних хоров,
Стройный лад античного театра,
Белый голубь на эмали неба,
Ветер осени в прозрачном парке
И любовь, не знавшая лобзаний.
Я люблю прекрасной муки чашу,
Язвы рук, закрытые цветами,
Сердце, пламенеющее в розах,
И любовь, распятую в часовне.
Как же согласить два разных гласа?

Дать один ответ на два вопроса?
А ответ так прост и так нетруден:
Мудрость есть во всем – в вине янтарном,
В танце двух под солнечной луною,
И в любви подруги у левкоев...
Мудрость скажет – а любовь ответит;
Будет все, что я сказал, навеки.

<1913>

КАРМЕН

М. А.

Яркий плащ, как кровь, на бандерильо.
Ярким солнцем все дома облиты.
В ярких лентах, в черных косах Карменсита,
И на бой быков собралась вся Севилья.

Карменсита побывала у Мадонны –
Тридцать раз прочла латинскую молитву...
Ждет тореадор кровавой битвы –
Золотеют апельсины и лимоны.

Яркий плащ и в сердце – кровь цыганки.
Под корсажем жгучая записка...
А уж бык несется – близко-близко,
Крови ждут дымящейся испанки.

Но в глазах Кармен пылает счастье:
Победит – придет и поцелует!
Как толпа на площади ликует!
Сколько страсти ждет в таверне Лилас-Пастья!

<1913>

ПСАЛОМ

Борису Петровскому

Coeur de Jésus, océan de souffrance
Foyer brûlant de votre amour pour nous.

Иисус мученья
Нам на избавленье
Понес.
В крови – рая пенье,
Тихое горенье
Меж роз.
Болей исцеленье,
Мир и утешенье
От слез.

Кровь Христова в чаше,
В белой, хрупкой чаше
Из роз.
Сердце, сердце наше,
Злое сердце наше
Для грез
Пробудилось. В чаше
Видим тайну Вашу –
Христос!

<1913>

СТРАЖИ НОЧИ

Traumselige Vigilie!
Jetzt wallt die Nacht durch Land.
Rilke

1-я СТРАЖА

П.Г. Антокольскому

Закат у рва прощался с ивой
И в старый дом ко мне проник,

Прошел дворы неторопливо,
Как отживающий старик.

В окно готической часовни,
Где все святые на стекле,
Он заглянул еще любовней
И застыдился в полумгле.

Его слепая позолота
И в эти дни свежа, как встарь;
С улыбкой нежной Ланчелота
Он запечатал наш алтарь.

Он увенчал Мадонну в нише
И предкам вечный дал покой,
И тихо отошел на крыше,
Как старый, верный часовой.

И вот, когда его плюмажа
Концы увяли в облаках –
В мой дом пришла Святая Стража
С мечами синими в руках.

Чтобы спасти во имя Бога
Меня от снов и злых невест –
Она у моего порога
Мечи склонила в тяжкий крест.

2-я СТРАЖА. ПОЛНОЧЬ

Мэри посвящается

Полночи глухие часы
Бьют на стене.
Им отвечают рояля басы
Точно во сне.

Книга дочитана. Ночь наступила.
Бедный свет догорел.
Стража вторая внизу проходила,
Дальний петух пропел.

Тени стучат дверями,
В залах идут пустых,
Пары спешат рядами,
В спальню, где нет живых.

Даму пик не тревожьте!
В кресле заснула она.
Старую грусть не множьте –
Ночь и без вас страшна.

Боже... да это Мэри!
Это – не дама пик!
Крест побледнел у двери...
Милый портрет возник...

Мэри у столика чинно
Шьет покрывало мне.
Тени идут старинно,
И пропадают во сне.

3-я СТРАЖА

Автору «Tertia Vigilia»

Я сплю. Но стража ночи медной
Проходит у высоких стен,
И блеск луны-щита победный
Ее трубой запечатлен.

Царица там, на паланкине,
Под небом звездного венца.
К ее погаснувшей святыне
Склонились копья без конца.

Но замолкают песни вдали.
Я их теням сквозь сны внемлю,
Но тщетно – трубы отзвучали.
Их больше не найти. Я сплю.

Все стены, стены и стены.
В небо ушли перспективы.

Вместе с ней поднимаюсь
По высокой цепи-галерее;
Надо мною – звездная пена.
Я шепчу «люблю» торопливо,
И невольно иду скорее,
И понять этот сон стараюсь.

Но это – сон, и он минует,
И в свой черед настанет день,
И слабый Ангел поцелует
Заснувшей спальни тишь и тень.

Узнав постель и одеяло,
На окнах – светлые края,
Поняв, что греза миновала,
Воскликнет спящий: «Это – я!»

<1913>

Е.И. Васильевой

Я так еще молод. И каждый звук
Мне что-нибудь новое значит.
И в звуке стихов, и в движении рук
Я слышу, как девушка плачет.

Ты, Господи, знаешь, что я – с Тобой,
И строю Твою часовню,
И словом режу туман голубой,
И раздвигаю шиповник.

Я раны шипов и гвоздей люблю,
И в чашу собираю слезы,
И кровью в алтарный герб вкраплю
Твою предвечную Розу.

<1913>

РЫЦАРСКИЙ РОМАНС

A Dieu mon âme,
Ma vie au roi,
Mon coeur aux dames,
L'honneur pour moi.
Рыцарский девиз

Утро на небе встает.
Песня день встречает.
Светел Ангела полет.
Божьего Собора свод
Роза украшает.

Доблесть древнего щита –
Сердца украшение,
Вашей чести красота,
Острый меч и знак Креста –
Вот мое спасенье.

Душу – Богу, королю
Жизнь отдам с отрадой.
Сердцем даму умолю –
Но оставляю честь мою
Для себя наградой.

Май 1913

НАБРОСОК

Дождик и ветер не помешают –
Все равно, придет.
А пока – нет, она не знает,
Что начать – то Грига играет,
То по рисунку шьет,
То сочинит стихи, то разорвет,
То польет цветы и забудет...

Иногда – по ошибке – возьмет
Carte postale – и горестно пишет,
Хотя сердце говорит, и она его слышит,
Что он не забудет, а придет.

<1913>

М.А. ОЛЕНИНА Д'АЛЬГЕЙМ

Мы ее видим, и она еще с нами –
Но настанет час,
Когда с тем же лицом и святыми руками,
В белом гробу с восковыми цветами
Она уплывет от нас.

Мы ее видим наверху, у органа,
Там, где она поет
Про святейшие Божьи раны,
И про розы с берегов Йордана,
И про голубой полет...

Голос – ключ. Сердца растворите,
Исповедайте все грехи...
Руки, тонкие руки, молитесь
Бога за нас – и когда придет час – положите
В гроб ей наши стихи.

Так внимайте, внимайте же ей, как во храме –
Ибо настанет час,
Когда в белом гробу с цветами,
С тем же лицом и святыми руками
Она уплывет от нас.

<1913>

Гиацинты зацвели в гостиную;
День морозный ясен и душист.
Нам нескучен будет вечер длинный,
Если поцелуй так мил и чист.

С нами вечер в секретер играет;
На листе знакомая рука
Рифму к рифме точно подбирает,
И потом внезапно забывает...
Так – сегодня. Так – во все века...

Но теперь, в январский вечер длинный
Мы запишем рифмами весь лист.
Небо в окна светит кровью винной;
Гиацинты зацвели в гостинной,
Где во мгле наш поцелуй так чист.

<1913>

Дожди, дожди, и плачут крыши,
И полдень сумрачен, как ночь.
И крыльев нет – подняться выше,
И не уйдут кошмары прочь.

Но пусть повеет ветер дальний,
Тот ветер горестных полей,
Чтобы рассеять дым печальный,
Туман кирпичных площадей.

И путь убогий озарится
Нежданной встречей слов и слез.
Так поздний, поздний гость стремится
Сорвать последнюю из роз.

И светит радостью случайной
Окно в долине голубой,
Где ты над всем, как купол тайный,
И только солнце над тобой.

<1913>

Das sind nun eitle Gedanken.

Rückert

Будет час, когда над лугами,
Над рябинами, над крестами
Солнце склонит презренную длань.
Недалекие вспомнятся муки.
В небесах обозначатся руки.
Засинеет вечерняя рань.

Будут кольца, и мы обручимся.
Будет ночь, когда мы простимся.
Будут дни, преклоненные сну.
Будет холм на старом закате,
Боль разлуки, мечта о возврате,
Будет лето – и я отдохну.

<1913>

Унесет бывшее в будущее дали.
Это – первый путь.

Н.И.

У меня нет ни уютной комнаты,
Ни веселой мансарды,
Лучи так зловеще сомкнуты
В фокусе моей алебарды.

Тонут виселицы на волшебных горах.
Конь мой – античен и бел.
Но его кто-то испортил (должно быть, монах):
Раньше он говорить умел.

По морским лучам я скачу без мыслей.
Заря – цветное витро.
Все мои мысли около шлема повисли,
Уцепившись за рыцарское перо.

За холмами Рериха пролит рейнвейн.
Разбиваются окна зари.
А на пергаменте неба, откровенней всех тайн
Стыдится Jungfrau Marie.

<1913>

У скелета на пальце злое кольцо –
Кольцо с похотливым рубином.
Это – моя подруга, и она мстит за то,
Что я у ней сердце шоколадное вынул.

И с тех пор я наказан – колко и жестоко:
Чья-то маска меня скрывает.
Я могу жить только в городе высоком,
В городе, где меня никто не знает.

Я тоскую о золотых бубенцах –
Я, Бертольд, – но зачем-то во фраке.
Все равно вы знаете о глупых стихах –
И на моих девичьих щеках
Расцветают алые маки.

Но, чтобы скрыться от визитов похоронных –
Я ряжусь иногда Арлекином
И бегу, сумасшедший, по улицам темным,
И не хочу возвращаться в спальню сонную,
Где меня ждет скелет с похотливым рубином.

<1913>

КАРТЫ

В.Г. Шершеневичу

Вечер пудренный туалет кончает
И уходит прогуляться в город.
Я один со своими духами – и, чтобы не скучать,

Распечатал безупречную колоду.
Разложить пасьянс у застроенного окна –
Дело двадцати одной секунды.
Пульверизатором солнца весна распылена.
А в картах начинается чудо:

Вот приходят, как автоматы, короли.
Дамы занимают весь передний план.
Пиковая вздыхает: *Je grains de lui...*
И я слышу, как воркуют куранты.

«Sige, я тоже романтик», – заявляет бубновый
валет.

Променируют разноцветные линии.
Вот мелькает малиновый берет
На провинциальной героине.

Дама Соеиг в меня, кажется, влюблена –
Но я абсолютно ее не знаю.
И вдруг они рассыпались. А в стакан окна
Наливается янтарь вечернего чая.

<1913>

Чья-то маска меня скрывает,
Я могу жить только в городе высоком.
Бертольд Вагус

В пыльных письмах я делаю одинокие раскопки.
Надушенный день сломался.
Развиваются, точно темы, пропавшие строки,
Точно экивоки в морозном вальсе.

Тонкая трель телефона – голубая Верочка
Написать сегодня просила.
Чтобы не обидеть милую девочку,
На бумагу ложатся анилиновые чернила.

Вывел слова из букв – изнемог и заплакал.

(Собственный почерк несносен...)
Налепил узорную с алым портретом марку
И конверт на зимнее небо бросил.

Сумрак жадно запрятал письма,
Точно безумный археолог.
А в часах чиновный понедельник позвонился,
И сказал, что скучать – это мой долг.

<1913>

Черубине де Габриак

Сложены руки над книгой твоей.
Все старо.
Не алеет сердце от острых мечей –
Сердце мертво.

Но я верю в чудо, когда, по ночам,
Стою на мосту,
И смотрю в морозный дневной туман,
Смотрю в пустоту.

И еще надеюсь и сквозь дым пламенею,
Когда в ночь твою
Вижу на смуглой девичьей шее
Злую змею.

И опять гроба, катафалки тьмы...
Сердце мертво.
Но по мглистым дням и неделям зимы
Идет Рождество.

<1913>

Занесли снега глубоко.
В церкви Рождество поют.
Рождество уж недалеко –

Елка близко, елка тут!
Но тревожно вечерами...
Темных комнат долгий круг...
Смягчены шаги коврами.
Тихо-тихо... Только вдруг

Кто вскрикнет, кто-то станет –
Стукнет на часах сова.
Из-за двери быстро глянет
Привиденье Рождества...

И молитву повторяешь,
Ручку кресла сжав в руке,
И не видишь, не узнаешь
Дядю в страшном колпаке.

Но в гостиной мирно снова.
На часах не молкнет ход.
Где-то Рождество Христово
Собирается в поход.

Декабрь 1913

ЦЫГАНСКИЕ ПЕСНИ

Александру Блоку

Mich rührt so sehr
Böhmischen Volkes Weise
Rilke

1

Вчера в большой пустынной зале
Звенела старая рояль.
За окнами огни стояли,
В прорывах туч влеклась печаль;
И ты, сложив девичьи руки
И белый стыд забыв, – в словах –
Словами вышивала звуки,
Тоскуя в четырех стенах.

О, пой – вонзай в меня измену,
За то, что я больной и злой,
Что я из книг построил стену
Между твоим лицом и мной.

Но ты изменой, и косою,
И яркой песней – без конца,
Изрань меня! И будь со мною
Под стон цыганский бубенца.

2

Снежные ночи, любовные раны,
Город в далеких огнях.
Песня костров, бубенцов и обмана.
Пара в летящих санях.

В древних глазах моих пенятся слезы.
Грустно о прежних стихах.
Холодны щеки твои от мороза,
Милая дама в мехах!

Выше церквей надо мною сияют
Тонкие руки твои.
С неба снежинки на город слетают.
Снежные ночи любви...

<1913>

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Сереют далекие парки.
Чернеют сквозь белые арки.
На тяжком мосту народ.

И солнце горит в тумане.
И катятся по снегу сани.
И колокол долго поет.

И много домов дымится,
И много крестов золотится
На зимних больных бирюзах.

И снег золотеет тоже.
И быстро каждый прохожий
Проносит сердце в глазах.

<1913>

EN PLEIN AIR

Л.Б. Всеволожской

Эти дали так нежны и тонки.
Утро тихо деревья целует.
И вуаль молодой амазонки
По далекому ветру тоскует.

Голубыми краями, лугами,
Горизонты свой круг обводят.
А над ними неясными снами
Облака идут... и уходят.

Где-то там – в небесах, на юге,
Белоснежный всадник несется.
И она вспоминает о друге,
И под бархатом сердце бьется.

Но за радостью следует горе,
И растаял облачный витязь
В бесконечном небесном море...
О, тоскуйте, ветры, томитесь!..

Амазонка всё так же скачет,
Только хлыстик сжимает сильнее,
Только ветры поют всё грустнее,
И вуаль, развеваясь, плачет.

1914
Аблезево

Четверг закован, как собор
Какой-то тягостной гравюры.
На мне горит клеймо тонзуры,
Но я гляжу в твой грешный взор.

Не говори. Ты не узнаешь.
Твой грех не будет искуплен.
Ты ран моих не обвиваешь
Венком из белых анемон.

Пойми – я здесь, в исповедальной,
А ты мне подаешь в окно
С твоей улыбкою прощальной
Твое любимое вино.

Но факел совести потух
Под ложью тонкой и весенней,
И вот из дымных отречений
Гнусаво прокричал петух.

<1914?>

Л.В. Всеволожской

Как и ты – я вне жизни живу.
Черубина де Габриак

Мы живем в бесконечной тоске
У церквей, и полей, и заржавленных башен,
Где набат в полночи так страшен
И святые идут по реке.

Мы убоги, мы ищем друг друга во зле.
Мы – слепые... Мы так одиноки
Оттого, что какой-то Господь в полумгле
Одинокó стоит на востоке.

И бессильны сиянья церковных крестов,
И не могут лампадные звуки
Упокоить грызущие муки...

Только там, в глубине моих тихих стихов
Чьи-то нежные тонкие руки
Возлагают на душу покров.

<1914?>

ЭПИТАФИЯ

Вы больше меня никогда не узнаете,
Ведь я заточен и наверно умру –
А вы за бокалом Изольды играете
Со смертью седой в дорогую игру.

Я распят Апрелем в соборе суровом.
Лицо, как в сиянии, в белом венке.
А сердце лежит под свинцовым покровом
(Конечно, с мечтою о вашей руке).

Но вспомнив в дыму голубой панихиды
Письмо – и на Вашу змею-бирюзу
Склонивши глаза – Вы от алой обиды
Уроните злую, святую слезу...

<1914>

Ангел стоит у белой кровати,
Держит серебряный арум.
Бог глядит из-за синей лампадки
Взором темным и старым.

Девочке снится святая Агата –
Дева с растерзанной грудью.
Чистая кровь, словно медь заката,
Плавится в звездном чуде.

Тонкие пальмы в розовом свете,
Горы, как на иконах,
Слабые лютики в светлых коронах,
Райские птицы, умершие дети...

Меркнет лампадка. Постель во мраке.
Ангел с образа глаз не сводит.
Где-то лают чужие собаки.
Девочка к Богу уходит.

1914

Венчик терновый
На девочке, спящей
В постельке сосновой.

Ржавые гвозди
Вопьются мне в руки,
Рябинные гроздья

Уснут в моих косах.
Меня похоронят
Там, на откосах.

И встанут святые
В одежде атласной.
Их лики, кресты я

Из гроба замечу –
И молитвой безгласной
Кому-то отвечу.

<1914>

ПИКОВАЯ ДАМА

...Влюбленно склонясь, он над ней прошептал
Слова слаще звуков Моцарта;
Графиня, ценой одного rendez-vous,
Хотите, пожалуй, я вам назову
Три карты, три карты, три карты...

Чайковский

I

В ВЕРСАЛЕ

Карета катит по аллее,
А сверху падают листья
На неподвижного лакея,
На золотые хомуты.

Карету увидав с балкона,
Я вспомнил смутно, как в бреду,
Изящность Вашего роброна
И две строки из *billet doux*.

И час любви в салоне синем,
И розы утренней зари,
В которых Вы за клавесином
Пропели арию Гретри.

Но тихо тонут стоны скрипки
В прозрачном кружеве аллей.
То по далекой Эвридике,
Как я, печалится Орфей.

И, пропадая за боскетом,
Карета кажется мечтой,
И тучи скорбным силуэтом
Украшен купол голубой.

1913

2

AU JEU DE LA REINE

Графиня вздрогнула, как бы почувствовав,
что последняя ставка – она сама.

Анри де Ренье

Ту ночь мы провели на карточной дуэли.
Лик месяца прильнул к холодному окну.
Горели две свечи. Безмолвно гибли карты.
И ты, следя их смерть, бледнея от азарта,
Чертила вензели по гладкому сукну.

В глубоких зеркалах играли наши тени,
А золото, звеня, сияло за тобой.
Валеты, короли и дамы погибали,
Дразня твой темный взор, потухший от печали
Над пестрой цепью карт, разложенных судьбой.

Ты к утру поняла: игра свечей не стоит.
Еще единый ход – и поражен валет.
Ты молча отдала последние червонцы...
И третьим игроком, в луче большого солнца,
Явился за столом оскаленный скелет.

1914

3

СМЕРТЬ

«Я слышу – сердце бьется
не знаю почему».

Гретри

В душной спальне свет кровавый от лампад,
По углам скребутся мыши и пищат.

Отколов чепец и ленты, сняв парик,
В мягком кресле спит графиня – Дама Пик.

На лице, как мощи, старом, – тень греха,
В страшной грезе ждет ночного жениха,

И тревожно сжались тени бледных рук
А за дверью кто-то близок... Вещий стук...

...В целом доме не узнают ни о чем...
Только мышь поет в молчаньи гробовом.

Только час – последний, смертный быют часы,
Только в окнах брезжит утро – словно сталь косы.

1914

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

ИЗ «УЗКОВСКИХ ШАЛОСТЕЙ»

<1>

Когда во взоре, чуть расширенном,
Одна безвыходность видна,
Когда во всем подлунном мире нам
«Жилая площадь» не дана,

Когда действительностью русскою
Мы сведены почти на нет –
Тогда приветливое «Узкое»
Нам шире, чем бескрайний свет.

<1924>

<2>

МАДРИГАЛ

Коробка «Luxe», коробка спичек
Et cette geste, naive et fine,
Прелестнейшей из истеричек,
Судьбой попавшей в Наркомфин.

Такой сулили жребий годы,
Раздувшие в сердцах пожар.
И Вы – последний экземпляр
Увы, редеющей породы!

<3>

ОСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

И только рога сквозь луга: тон-тон-тэн.
Лафорг – Шершеневич

С желтою в отъезд картонкою,
С бурым кэпи для охот,
Щеголя амазонкою,
Осень правит свой обход.

Стаи ветров фокс-терьерами
Поднимают звонкий лай.
Пятнами, как замша, серыми,
Осень тронет лета край.

И наметив красным точки,
Желтым чашу исчертив –
Задудит в рожок охотничий
Тот же заячий мотив,

И свистки локомотивные
Завершают наш сезон...
Есть ли что еще противнее,
Чем годичный chant d'automne?

6 сентября 1924

<4–5>

ДВОЙНОЙ МАДРИГАЛ

М.П. Петровской

I

Frau Nachbarin zur linken Seite!
Wie glücklich bin ich Ihrer Näh',
In froher Rede und im Streite,
Bei jeder Mahlzeit und beim Tee!

Ich bitte nur die Himmelsmächte:
Es sei die Ruhe nicht getrübt
Der späten Tage und der Nächte
Des alten Sängers, der Sie liebt!

II

Как счастлив я – скажу по чести –
В беседе иль с набитым ртом
Сидеть от Вас на правом месте
За круглым узковским столом!

Молю Владыку сна и света:
Да не смутит – хотя б на час –
Покоя старого поэта,
Безмерно любящего Вас!

3 сентября 1924
Узкое

<6>

N.N.

Ты носишь также имя Нины,
Чье имя – принадлежность той,
С которой встреча – именины
Души, уколотой тоской.

<7>

Н.Ф. Горелину и В.И. Дунаеву

Два гения бильярдного катанья,
Мои два брата в бездне мировой,
Где нам даны – безмерные страдания
И беспредельность музыки живой.

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПРОЧИТАННОЕ МНОЮ
18 МАЯ 1929 г. НА ТОВАРИЩЕСКОЙ ВСТРЕЧЕ
У МЕНЯ НА КВАРТИРЕ УЧАСТНИКОВ СЛОВАРЯ
ПО СЛУЧАЮ СДАЧИ В ПЕЧАТЬ II-го
(НЕИЗДАННОГО) ТОМА

Не мысля гордый свет забавить,
Далек от лести и прикрас,
Хотел бы одой я прославить
Словарь, редактора и нас.

И вот опять весною пахнет...
...А между тем, летят года
В зеленом кабинете (в ГАХНе)
(А также в красном иногда),¹

Кто завсегдатаи, кто редки,
Одни рачительны порой,
Другие кинут две заметки,
А третьи сыплют их горой,

Вдали от дрязг и от невзгоды,
Удел избрав себе благой,
Приходит раз в две трети года
На заседание Благой².

И равнодушен к лести женской,
Любимый баловень небес,
Питомец муз – Захаров-Мэнский,
Биограф старых поэтесс³.

Засим театроведы наши
Нам доказали без помех,
Что если с кем и сваришь кашу,
То с Кашиным – вернее всех⁴.

В пыли архивных фолиантов,
Во взоре затаив печаль,
Описывает эмигрантов,
Вздыхая томно, Левенталь⁵.

Но пеньем рога, львиным ревом
Зовущий нас на подвиг муж
Недаром носит имя Львова
И Рогачевского к тому ж⁶.

Над ворохом стихов и прозы
Былых журналов и газет
Сплетенье Розана и Розы
Струит благоуханный свет⁷.

А из таинственных туманов
Встает, уныл и одинок,
Никем не виданный Челпанов,
И двух не написавший строк⁸.

И, неудачному поэту,
Судьбою Усову дано
Писать лишь жития эстетов
И формалистов заодно⁹.

Но где стилистики фигуры
Мешают видеть смысл один –
За ножницы берется хмуро
Без сожаления Козьмин¹⁰.

Покончивши со всеми нами,
Еще семь-восемь кратких строк,
Где в траурной, зловещей раме
Печатается некролог:

«Непрочности живым примером –
Быть может, в Лете утонув –
Пропал без вести Машбиц-Веров
Всю веру нашу обманув)»¹¹.

Сегодня труд закончен горький
И, право, мало страху в том,
Что, может быть, вторично Горький
Второй раскритикует том –

Пройдут года, утихнут громы¹²
И мы, друг друга, может быть,
Поздравим также с третьим томом –
А уж четвертому не быть!

1929

<ВЕРЕ МЕРКУРЬЕВОЙ>

Если б не курево,
нам было б слаще
с Верой Меркурьевой
видеться чаще.

1 января 1935

DUBIA
MARIE MADELEINE

Принцессе Н. Мюрат

Христос являет свой древний лик.
Христос рабом предо мною поник,
И глаза горят на лице молодом.
Пышет солнце пронзенной рукой
Над городом старым и жаркой рекой –
О, пойдем со мною в мой белый дом!

На бархатной шляпе моей – посмотри –
Сияет лучами святое эспри
И алеют стигматы на бледных руках.
К Твоим сладчайшим ногам, Иисус,
К любовным ранам любовно склонюсь,
Как женская рифма в печальных строках.

Но Ты загрезил в цепях креста...
О, дай мне изранить Твои уста!
Но Твои уста не живут, не цветут,
Ты все молчишь, и взгляд так же слаб?

Прочь! На колени, проклятый раб;
Над постелью святой, как Твои слова,
Свивают греховный узор кружева,
И в них мечтает мой тонкий кнут.

Прочь! На колени, негодный пес!
Кнут над Тобой свою косу занес,
И в резкий свист пролилась любовь...

Но лик Твой сияет – святой мертвец.
Я вижу на лбу колючий венец
И на бледной коже застывшую кровь.



**Сергей Андреевич Усов —
отчим Д.С. Усова, профессор Московского
и Астраханского университетов**

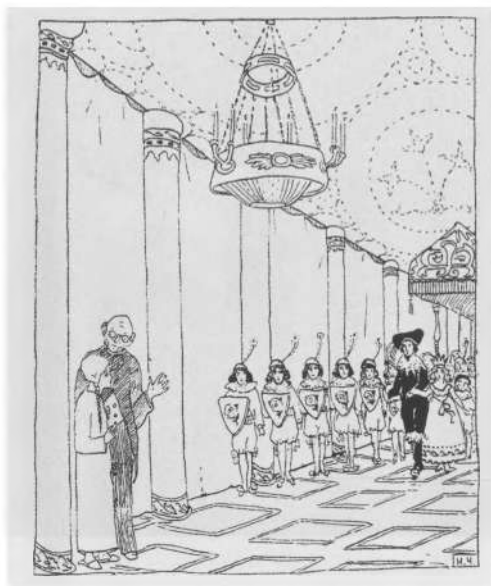
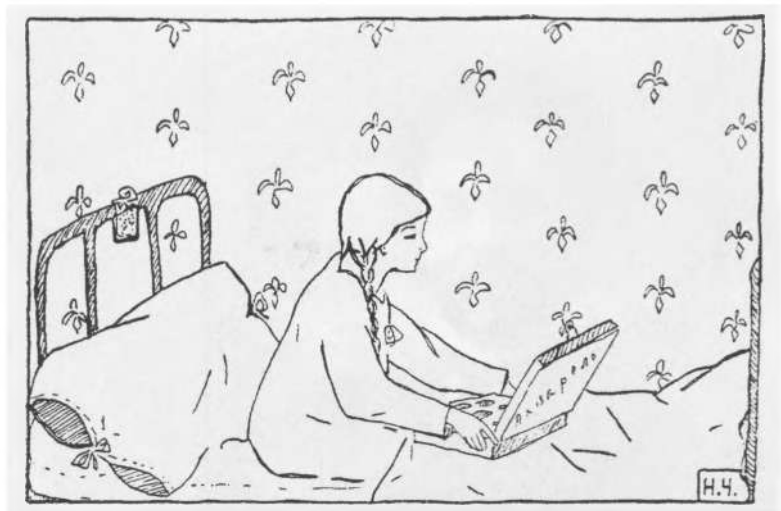


**Дмитрий Усов. 1914 г.
Фотография из личного дела
в Московском университете**

**«Д. Усов на прогулке
в Царицыно».
Рис. П.Г. Антокольского.
1912 или 1913 г.**



«Песни Жатвы».
Обложка сборника. 1915 г.



**Н.Г. Челпанова. Иллюстрации к сказке
Д.С. Усова «Принцесса Акварель»
(«Проталинка». 1915. № 9. С. 539, 541)**



Е.Я. Архиппов. Около 1915 г.



Д.С. Усов. Около 1918 г.

Арсений Альвинг



Стихотворение
Е. Арсения Альвинга

„Мо и это“

Когда светящаяся точка,
Собрав последние лучи,
Нежданно вывертит: оборотка —
Терпи, надейся и толпи.

И знай: не то страшит, что нежит,
А что знаяще зовёт.
Ах, никогда зубовный скрежет
Своей тоски не разгрозит.

И только мертвый шар крокета,
Когда судьба его горька,
Порой меняет то на это
Под стук сухого молотка.

1924.

Стихотворение Альвинга, переписанное
Д.С. Усовым для Е.Я. Архипова.
Собрание А.Л. Соболева



Н.М. Подгоричани. 1920-е гг.



Н.М. Подгоричани.
Фотографии 1949 г. из следственного дела

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕНМОР

Орган Политотдела
Волжско-Каспийской Военной Флотилии.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Астрахань, Политотдел Флота.

ТЕЛЕФОН № 63 морской.

Принимает редакция от 11 — 1 ч. дня

Рукописи должны быть за подписью
с указанием адреса автора.

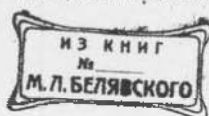
№ 1

7-го ноября 1919 года

№ 1

Коммунизм — наш факел победный.

1917 26 октября 1919.
7 ноября



Товарищи, военные моряки!

День двухлетней годовщины Октябрьской победы есть вместе с тем день нашего торжества.

Военные моряки были всегда неизменным авангардом русской революции.

Кто первый явился в 1917 году под командой т. Раскольниковца из Кронштадта в Питер на июньский смотр грядущего восстания?

Военные моряки!

Чьи пушки с «Авроры» и чьи вышки создали победу рабочих и крестьян над керенскими буржуями и своей кровью утвердили власть советов в новой социалистической России?

Военные моряки!

Кто затем в непрерывных боях и походах в течение долгих двадцати-четырёх месяцев бился в переловных отрядах на Балтике и Каспе, на Волге и на далеком севере?

Военные моряки!

Товарищи, на двух противоположных концах нашей республики стоит стража военных моряков — в Астрахани и в Питере.

И где стоят моряки — там бесsilно разбивает свои клыки об их сталь белый зверь реакции.

Нет страшнее для бешеных собак царской своры чем название «военный моряк». Где только они услышат о нашем присутствии — дрожат и удирают.

И вправду нет у нашей свободы пресаннейших защитников как наши военные моряки. С революцией они восстали, с ней готовы погибнуть.

Но оставить свой пост — никогда!

И это понятно.

Военные моряки сами вышли из рядов рабочих и крестьян и знают всю тяжесть кулацкой палы и хозяйской лести.

Военные моряки прошли суровую школу в своих училищах и на кораблях и знают, что только всеобщее знание и дисциплина могут организовать творческий труд.

Военные моряки знают, что только социализм, и коммуна спасают человека от порока частной собственности, от голодной неволи, от массового убоя на войне и на выселке.

Два года идет борьба не на жизнь, а на смерть. Два года весь мир капитализма и богачей нас порочит, убивает, разоряет, мучит, мучит наши семьи, затягивает смерть у нас на шее.

Два года боремся и отбиваем, терпим поражения и побеждаем. Но теперь побеждаем решительно и навсегда.

Как раз накануне второй годовщины нашей революции мы нанесли сильный удар по собранным своим последним силам.

Еще одно напряженное великое усилие и война будет окончена. Будет разлагаться армия капитала на русских полях.

И везде мы навстречу восставшим пролетариям Европы.

Да здравствует братство мирового труда! Военные моряки! К бою готовы!

Политотдел Волж.-Касп. Воен. Флотилии

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАШ ДОБЛЕСТНЫЙ КРАСНЫЙ ФЛОТ

Первый номер журнала «Военмор»
(7 ноября 1919 г.)



Е.Я. Архиппов и К.Л. Архиппова в своей комнате в Новороссийске. Начало 1920-х гг.

Во вторник 18^{го} XI А.В. имел прощальную беседу с Г.И. Челпановым („Введение в философию“ которого он, оказываясь, очень ценит). На просьбу об автографе Г.И. написал Андрею: „Человечеству нужна мораль, а не право.“

Последняя ночь в Москве – со вторника 18-го на среду 19-го – была проведена у Я.С. Зиминки (на Новинском бульваре).

У Челпановых Андреем Владимировичем был прочитан отрывок из автобиографии (выполненный в деликатных тонах „Детства и Юности“). Я имею его. Вам он пообещал прислать его сам. Пока он посылает Вам вот этот портрет; он очень ценит его, п.ч. он является его „ноуменом“, а не „феноменом“, каков и должен быть истинный портрет. Об этом портрете Б. Садовской сказал, что не кем А.В. напоминает римлянина эпохи упадка, готовящегося вскрыть себе жилы... Этот портрет помещен в Нижегородском Педагогическом Музее, в отделе „мест-

**Фрагмент письма Д.С. Усова
к Е.Я. Архиппову. Из собрания М.Ю. Гоголина**



Е.И. Васильева
(урожд. Е.И. Дмитриева) --
Черубина де Габриак.
1910-е гг.

Страница журнала «Аполлон».
(1910. №10 (сентябрь) Стр. 3. С. 3)
со стихотворением
Черубины де Габриак,
оформленная Е. Лансере

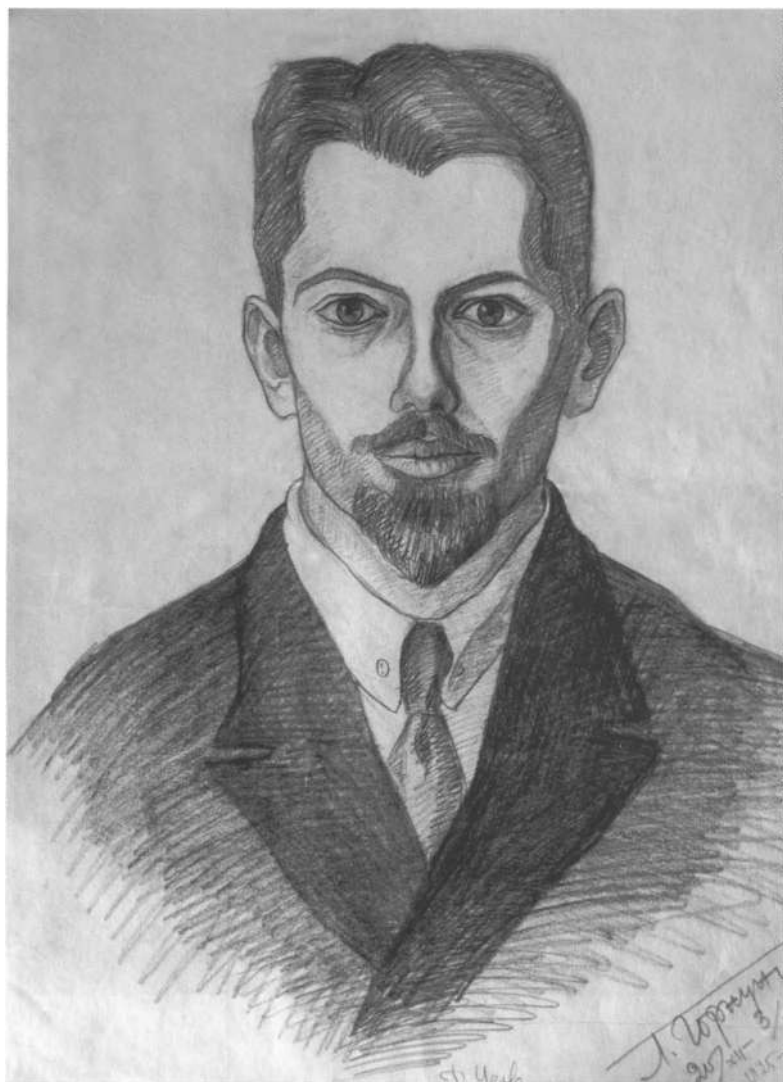




В.А. Рождественский. Начало 1920-х гг.

Получено 19 июля 1927. 15/VII 27.
Дорогой Владимир Сергеевич!
Это письмо деловое, деловиное. И не
про меня. Но самое главное про то, что
мы скоро увидимся с Вами.
Мне вот, слушаю:

**Фрагмент письма В.А.Рождественского
к Д.С. Усову с пометой Д.С. Усова.
Из семейного архива Рождественских**



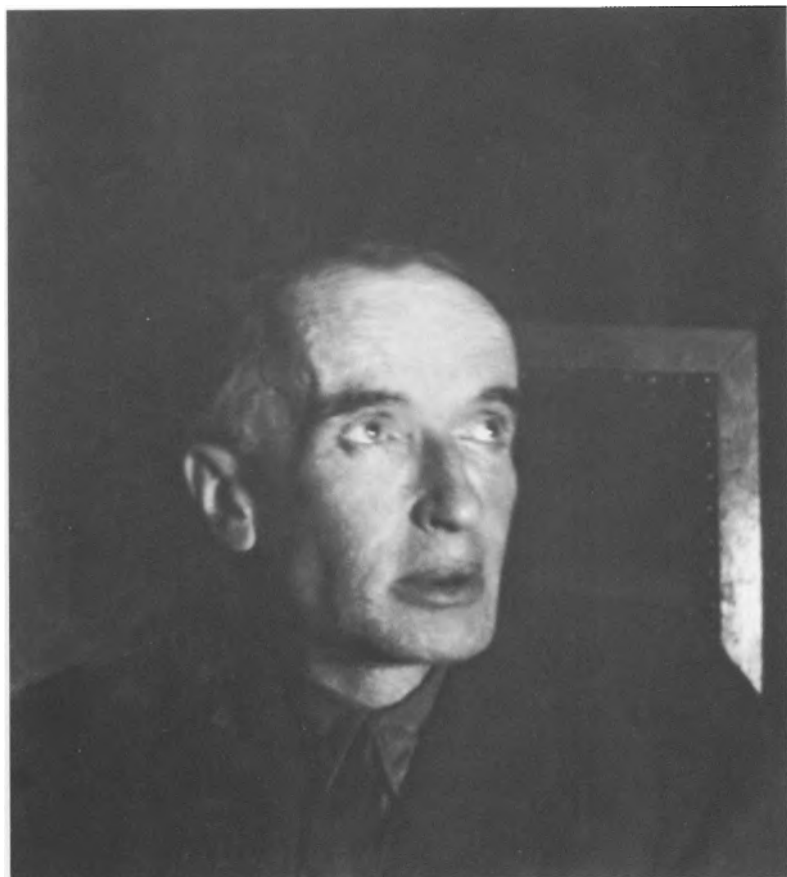
Портрет Д.С. Усова работы Л.В. Горнунга.
Декабрь 1925 г. Из семейного архива Горнунгов



Д.С. Усов в конце 1920-х гг.



А.Г. Усова. Фотография Л.В. Горнунга



А.В. Звенигородский.
На обороте фотографии
в альбоме Архиппова надпись:

*Дорогому другу Евгению
неизменно преданный ему Андрей.
1931 г. Ноябрь. Москва*

*Хоть острый серп судьбины
Моих не косит дней,
Но нет уж половины
Во мне души моей.*

Державин



**А.В. Звенигородский и Б.Л. Пастернак
в Переделкино.**

Фотография Л.В. Горнунга. 1 декабря 1936 г.



Слева направо:

**Д.А. Тарноградский, К.Л. Архиппова,
Е.Я. Архиппов, В.А. Меркурьева, А.С. Кочетков**



Слева направо:

**сидят Д.А. Тарноградский, В.А. Меркурьева,
стоят К.Л. Архиппова, Е.Я. Архиппов,
А.С. Кочетков.**

Около домика Д.А. Тарноградского
на Военно-Грузинской дороге, станция Ларс
под Владикавказом. 1931 г.



В.А. Меркурьева



А.С. Кочетков.
Фотография Л.В. Горнунга



**Д.С. Усов, А.Г. Усова, В.А. Рождественский
в Новодевичьем монастыре. Начало 1930-х гг.
Фотографии Л.В. Горнунга**



Интерьер здания ГАХН. Пречистенка, 32



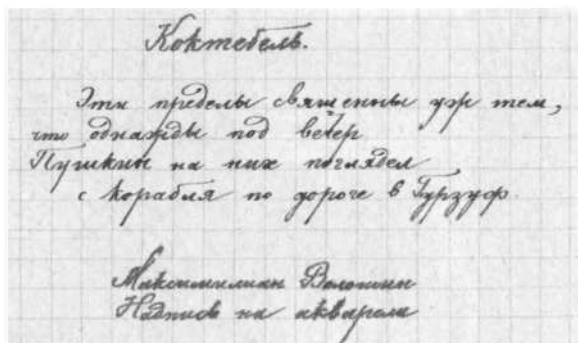
Д.С. Усов в ГАХН. Середина 1920-х гг.



Д.С. Усов за работой в комнате Казначейской палаты Новодевичьевого монастыря.
Начало 1930-х гг. Фотография Л.В. Горнунга



Казначейские палаты Новодевичьего монастыря, где жили Усовы



Лист из рукописной книги Е.Я. Архиппова.
Из собрания Э.Г. Флесиной



М.А. Волошин и В.А. Рождественский
в кабинете Волошина в Коктебеле.
Из семейного архива Рождественских



Получено 25 авг. 1932 (на Восточной).

17/VIII. Алуш-Ага

Перед тем как написать Вам письмо, которое сейчас пишу, по-
пытался вспомнить адрес, потому что не знал, где Вы сейчас.
Севастополь, Крым, конечно! Получил Ваше, и рад был
ему безмерно. Здесь - дикая страна, и все ку-
рорт, жара с солнцем, "из России" - как говорят в этих
местах) здесь - не дождешься.

Вот сейчас я представляю себе Вашу поездку - и разлив-
ные леса, и луга в березах, и лиственницы. Куда-то
очень уютно и деревенски Север!

Да, лето мое оказалось очень интересным и по-
настоящему: это в нем и первозданный лавный лес
Урала, и холмистые рощи предгорья, и степные
вершины с оврагами в холмистом лесу, и равнин-
ные украинские села, и украинские казацкие селения
и типичные юрты кочевников. Это и украинские
высокие горы, и паша у горного казачьего
ручья, это, наконец, украинский оазис, где эти
переходы дают ощущение маленького домашнего
остатка - маленького уютного и счастливой городишки
ага - забавно, что в самом и так же близком (мно-
го про восток!) ледниковых речьях - прохладный,

Льву Горнунгу.

Ты мнел тайко стерегуций,
Ты разделивший сон и смерть—
Скажи: что пред твоею кузней—
Эфир, или видимая твердь?

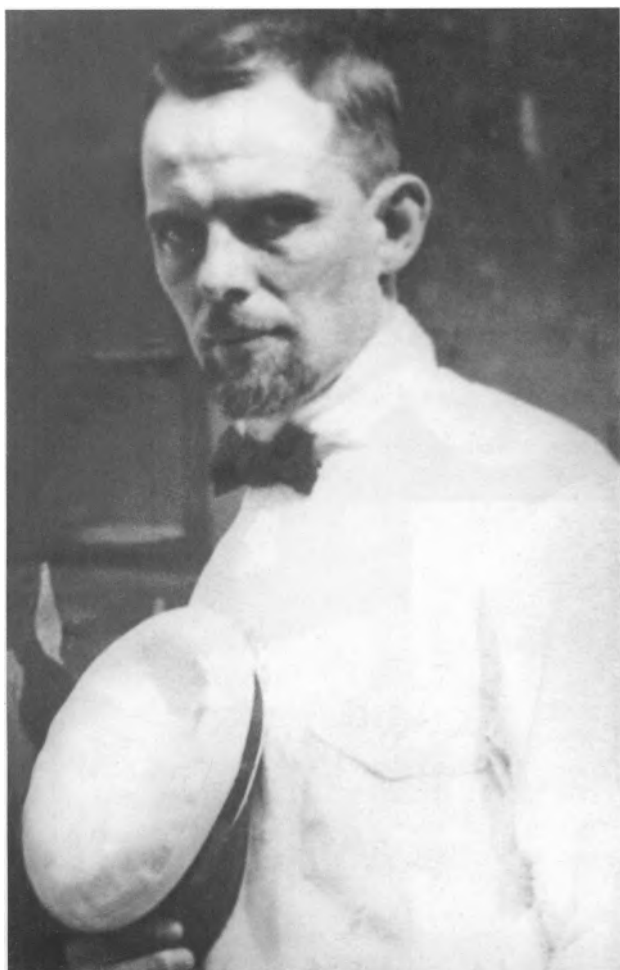
Стремится ль, утомленным духом
Туда, где облака легли,
Или вклинать прижавшим ухом
Печальным шорохом земли?

И где Мелз постичь полнее:
В росинке малой, или там,
Где ниже воеком плетется
Рядом востроенный храм?

Стихотворение Арс. Альвинга,
посвященное Льву Горнунгу.
Переписано
Е.Л. Кропивницким.
Частное собрание



Обложка книги стихов
Арс. Альвинга, переписанных
Е.Л. Кропивницким.
Частное собрание



Д.С. Усов в начале 1930-х гг.
Фотография Л.В. Горнунга



Б.А. Садовской
Начало 1930-х гг.
Фотография Л.В. Горнунга

**Б.А. Садовской во дворе
Новодевичьего монастыря.**
Начало 1930-х гг.
Фотография Л.В. Горнунга



Борису Садовскому.

Не налить крови голубой,
Не цвет геральдики усталой,
Но профиль Долихоцефала
В Вас обольщает, Садовской.

Наверно, самый древний филин
Единым взмахом тудрых крыл
Костлявый череп осенял
До сокровеннейших извилил.

Законы перы и числа
Хранят цинические взоры,
Как духи в ящике Пандоры,
Не ведая добра и зла.

1916.

Лариса Рейснер.

«Борису Садовскому».
Стихотворение Л.М. Рейснер,
переписанное Д.С. Усовым.
Из собрания М.Ю. Гоголина



Титульный лист первого тома
Большого немецко-русского
словаря. 1934 г.



Д.С. Усов. Фотография
из следственного дела. 1935 г.
Предоставлена О.С. Северцевой



Газета «Перековка»,
выходившая в Белбалтлаге



**Последняя фотография
Д.С. Усова. 1942 г.**

**А.Г. Усова.
Фотография Л.В. Горнунги**



ПЕРЕВОДЫ

ПЕРЕВОДЫ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ЭЛЛАДЫ

ЛАСТОЧКА

Вот ласточка снова
С весной к нам прилетела
И с красными днями.
У ней белая грудка,
У ней черная спинка.
Ты выкатывай смоквы
Из полного дома.
Вина дай нам чарку
И сыру корзинку.
И хлеб, и коврижку
Ласточка примет.

Что же, что дашь нам? Или, не получив, идти обратно?
Коли дашь – добро. Коли нет – смотри, не спустим тебе:
Мы дверь снесем иль ставень прочь с окон твоих,
Не то сударушку возьмем, что там сидит:
Нам ведь легко ее снести – она мала!

Если подашь нам,
То больше неси.

Открой, открой скорей касатке нашей дверь –
Мы ведь не старики еще, а мальчики!

ПЕСНЬ В ЧЕСТЬ ЛИСАНДРА

Священной Эллады вождя
Из Спарты, где хоры гремят
На стогах градских, воспоем,
Владыка Пэан!

СПАРТАНСКОЕ ТРОЕХОРИЕ

(старцы, юноши, дети)

- Мы прежде были молодцами храбрыми.
- А мы храбры! Коль хочешь – нас испытывай.
- А мы, подросши, станем много доблестней!

СКОЛИЙ

Желудь есть у свиньи, все же она хочет еще один.
Дева есть у меня, все же еще хочется мне одну.

РАБОЧАЯ ПЕСЕНКА

Мели, жернов, мели!
Питтак малывал прежде,
Что теперь во главе стал Мителены.

ГИМН ДИОНИСУ

Приди, герой Дионис, к нам
С Харитами вместе
В храм священный Элиды
Бычьей стопою стремяся,
Тур достохвальный,
Тур достохвальный!

ПАРРАСИЙ

Муж, ревнитель добра, Паррасий, ефесянин родом,
Знающий толк в красоте, эту картину писал.
Также родитель его, Евенор, да будет помянут:
Первый художник страны эллинов им порожден.

Пусть не поверят, но всё же скажу: пределы искусства,
Явные оку людей, мною достигнуты здесь.
Создан моею рукой, порог неприступный воздвигся.
Но ведь у смертных ничто не избегает хулы.

Здесь он таким предстоит, каким ночью порою
Множество раз его видел Паррасий во сне.

МЕНАНДР

Честь вам, два сына Никокла: отчизну от тяжкого рабства
Древле избавил народ, от неразумья – другой.

ФИЛИСК

Дочь Каллиопы, Молитва прекрасноречивая, ныне
Мудрость яви мне свою, гимн помогая сложить
Лисию, что, перейдя в иные миры по кончине,
Вечно в ином бытии новою плотью живет.
Всю добродетель его восславить хочу в песнопеньи;
Будет ему оно в честь дар и бессмертный венок.
Доблесть усопшего друга, любовь к нему в моем сердце
Пусть предо всеми людьми въяве покажет мой гимн.

ПАВЕЛ СИЛЕНЦИАРИЙ

Долго ли будем с тобой воспаленные взоры украдкой
Друг на друга бросать, пламя желанья тая?
Молви, какая забота томит тебя – кто нам помехой,
Чтобы мы нежно сплелись, горе в объятьях забыв?
Если же так, только меч исцелить нас обоих возможен,
Ибо слаще пребыть в жизни и смерти вдвоем.

ДИОНИСИЙ ХАЛК («Медный»)

А

Сколько нас есть на пиру, несчастных влюбленных – утехам
Бромия дань уплатив, в Коттаб играть мы начнем:

Вы, сотрапезники, все за ручки кубков руками
Крепко беритесь, и пусть, прежде, чем капли метать,
Вымерит глаз ваш, далеко ль сосуд установлен, в который
Звонким ударом о медь капли вина упадут.

Б

<Фрагмент>

...Так же иные, везя на судне Диониса вина, —
Кормщика дружных пиров, кубков застольных гребцы, —
Мудро беседу ведут о том, что желанное — вечно.

СПЕВСИП

ЭПИТАФИЯ ПЛАТОНУ

В недрах могильных земля держит тело Платона,
Дух богоравный его в сонме блаженных живет.

ПРАКСИТЕЛЬ

НАДПИСЬ НА СТАТУЕ ЭРОТА

Бога любви изваял Пракситель, охвачен любовью.
Первообраз его в сердце своем он обрел.
Фрине в дар за меня он отдал свое изваянье.
Раню теперь не стрелой — негой вперенных очей.

ВАКХИЛИД

НАДПИСЬ НАД ДВЕРЯМИ ХРАМА

В поле за стенами храма святилище это Зефиру,
Щедрому ветру, воздвиг муж благодарный Эвдем,
Ибо Зефир по молитве его от праха колосьев
Зерна отвеять помог легким дыханьем своим.

ЭЗОП

Смерти путем лишь возможно, о жизнь, твои скорби
покинуть.

Трудно тебя оставлять, трудно в тебе пребывать.
Ибо отраднa для смертных природа: земля и морские
Волны, и звезды ночей, лунный и солнечный круг.
Все остальное – напасти и страхи; едва доведется
Счастье тебе испытать – тотчас возмездие жди.

ФОКИЛИД

А.

Друг поистине я, и друга знаю, как друга,
Но от порочных людей я отвращаю свой взор.
Льстивые речи вести не умею – но тех, кто мне дорог,
Раз полюбив, до конца я безраздельно люблю.

Б.

Так говорит Фокилид: от существ четырех
происходит
Женское племя – одна от пчелы, от собаки другая,
Та от свиньи, а эта от длинногривой кобылы.
Эта в движениях легка, проворна, резва, миловидна.
Та, что от грубой свиньи, собой ни дурна, ни красива.
Эта, что от собаки, дика и трудного нрава.
Та же, что от пчелы, домовита и любит работу.
Друг мой, желай, чтобы в жены тебе такие достались.

ИЗ ФРАГМЕНТОВ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

Сколько напастей и горя у смертных. А Керы стеною
Сгрудились так, что меж них щели для колоса нет.

В годы раздоров и смут и ничтожный в почете бывает.

Страже удел – сторожить, любящих участь – любовь.

СОФОКЛ

ЭПИГРАММА

*в ответ Еврипиду, издевавшемуся над Софоклом, увидев
его без одежды в летний зной*

Гелиос, о Еврипид, а не мальчик, меня распаяя,
Так обнажил; а тебя, жен обольститель чужих,
Ветер студёный застиг: тебе не пристало Эроса
В краже одежды винить, сея в чужой борозде.

НАДПИСЬ

Песнь Геродоту сложил Софокл, когда от рожденья
Свыше семидесяти семь он насчитывал лет.

АФАРЕЙ

Зевсу изваянный образ отца своего Исократа
Сын, Афирей, посвятил, праотцев чтя и богов.

ДЕМОСФЕН

Эллинов ввек одолеть не смогли бы войска Македонян
Если б твоя, Демосфен, сила равнялась уму.

Мертв я; мертвый есть тлен, а тлен возвращается в
землю.
Если ж мертва и земля, сам я не мертвый, но бог.

<КЛЕОБУЛИНА>

ЗАГАДКА

Некий имеет отец сыновей двенадцать, и каждый
Тридцать рождает сынов, столько ж числом дочерей.
С виду белы сыновья, черны все дочери ликом,
И, хоть бессмертны они – всем суждено погибать.
(Год, месяц, дни и ночи).

ЛУКИАН

ЭПИГРАММЫ

1

К собственной книге

Вот Лукиана писанья о глупостях рода людского;
Глупость же часто свою мудростью мнит человек,
Ибо всегда меж собою расходятся люди во мненьях:
Что превозносит один – на смех поднимет другой.

2

О расточительных

Юноша Ферон, Мениппом рожденный, отца состоянье
Всё без стыда промотал, в тратах не зная узды.
Добрый Евктемон, отца приятель старинный, проведав,
Как он влачит свои дни, голод терпя и нужду,
Принял к себе его в дом, проливая от жалости слезы,
Сделал и зятем своим, много приданого дав.
Ферон, едва лишь учуял, что стал человеком богатым,
Взялся за старое вновь. Траты пошли да пиры,

Стал угождать он без меры утробе своей ненасытной;
Низкую похоть его блуд разжигал лишь сильнее.
Так-то богатство уплыло от Ферона вновь безвозвратно.
В бездне лихой нищеты он очутился опять.
Снова заплакал Евктемон – уже не о Фероне больше:
Плакал о дочери он и о приданом ее.
Поздно он понял, что мота едва ли возможно исправить:
Кто расточает своё – верен не будет в чужом.

3

Об умеренности

Тратить разумно не бойся добро своё – помни о смерти.
В тратах же будь бережлив – помни, что надобно жить.
Мудрым зову я того, кто, постигнув и то, и другое,
Тратить умел и беречь, должную меру блюда.

4

О жизни человеческой

Смертных владение смертно, и вещи со временем гибнут;
Всё же и вещи порой могут людей пережить.

5

О краткости жизни

Целая жизнь коротка для тех, кого счастье балует.
Тем, кто судьбой обойден, ночь – нескончаемый срок.

6

Об Эроте

Нет, не Эрот обижает людей, но рабы своей страсти,
Вечно стремятся ему вины свои приписать.

О благосклонности

Дар благосклонности быстрый всегда и милее, и слаще;
Если ж медлителен он – в нем благосклонности нет.

8

О неблагодарных

В ком благодарности нет – продырявленной бочке подобен:
Сколько в нее ты ни лей – всё будешь лить в пустоту.

9
О богах

Дело дурное свершив, от людей еще можно сокрыться,
Но от богов не сокрыть даже и мысли дурной.

10
О льстецах

Горше на свете никто досадить человеку не может,
Нежели тот, кто друзей искренних вводит в обман,
Ибо льстеца не врагом ты считаешь, но другом, и душу
Всю открывая ему, терпишь сугубый ущерб.

11
О тайне

Есть несказанные речи – заткни же язык свой печатью:
Тайны важнее хранить, чем достоянье свое.

12
О богатстве

Только богатство души достойно истинным зваться;
Прочие бедствий одних и огорчений полны.
Все ж справедливо того состоятельным звать и богатым,
Кто от накопленных благ вдоволь умеет вкушать.
Тот же, кто ночи и дни за камнями счетными сохнет,
Полон заботы одной: как бы еще прикопить –
Будет, подобно пчеле в многоскважинных сотах медовых,
Век свой в трудах проводить, мед же другие возьмут.

Нивую Ахэменида была я, Менипповой стала,
После него перейти в руки другого должна.
Каждый из них полагал, что мною всецело владеет –
Мной же никто не владел, кроме одной лишь судьбы.

14

Будешь любезен ты смертным, покуда удача с тобою.
Боги охотно внимать станут молитвам твоим.
Если же доля твоя переменится к худшему – всякий
Недругом станет тебе с первым ударом судьбы.

15

Мощь божества безгранична, и пусть это кажется
 странным,
 Слабых возводит оно, сильных свергает во прах.
 Так и тебе оно, верь, собьет и спесь и гордыню,
 Если бы даже к тебе золота реки текли.
 Ветер не мальвы одни и камыш прибрежный колеблет —
 Он пригибает к земле дуб и ветвистый платан.

16

Все, что обдумаешь зрело, стоит нерушимо и крепко.
То, что решил второпях, будешь менять, и не раз.

17

Семь проработай часов; восьмой же своим начертанием –
Литерой старой: «Живот» нам возвещает: «Живи!»

18
Обжоре

Если в еде ты проворен, а в беге ленив состязаться —
Бегать давай челюстям, ноги жевать заставляй.

19
О невозможном

Смуглое тело Индийца отмыть не старайся напрасно.
Так же и темную ночь солнцем нельзя озарить.

20
Борцы

Алиса тут схоронили друзья по кулачному бою;
Сам же боец никогда ран никому не нанес.

21
О том же

Где б ни бывало в стране состязание в бое кулачном —
Знайте, что Андролеонт всюду участником был.
Уха в Олимпии я и глаза в Платеях лишился,
В Дельфах же други бойцы вынесли мертвым меня.
Всем говорил мой отец Дамотел, что на поприще верно,
Мертвым подымет меня или увечным вконец.

22
На грамматиков

Славься вовеки, благая Грамматика! Ты даровала
Средство от голода нам — «Гнев, о богиня, воспой».
Храм подобает воздвигнуть тебе, как и прочим
бессмертным,
Чтоб на твоём алтаре смолы курились всегда;
Ибо земные пути, и моря, и прибрежные грады
Полны тобою одной. Всех Ты приемлешь под сень.

23

О зловонных

Запах дурной изо рта имел заклинатель болтливый.
Демона не волшебством – вонью одной он изгнал.

24

О зловонных

Нет, омерзительно так ни Химера сама не дышала,
Ни изрыгавшее огонь стадо колхидских быков,
Ни даже с Лемноса люди, ни стая несчастная Гарпий,
Ни Филоклета нога с гнойною раной своей.
Так превзошла ты Химеру, быков и гниющую ногу,
О Телесилла! Твое первенство ясно для всех.

25

Некий поэт, состязаться прийдя на Истмийские игры,
Молвил соперникам там: «Астма, увы, у меня!»
Если же в Дельфы теперь на Пифийские игры пойдет он,
Нечего будет сказать – разве что пафосу нет.

26

Гермий, вожатый умерших, поведай мне, как нисходила
Тень Лоллиена в предел, где Песефона царит?
Если в молчаньи – дивлюсь я. Тебя поучать он не
вздумал?
Даже и там повстречать я бы его не желал.

27

Вас, как всегда, приглашаю сегодня к себе отобедать,
Но распорядок иной мы учредим за столом:
Лирик, откинувшись томно, читать свои строфы не
будет
И грамматических ты споров не станешь решать.

28

О детях

Я, Каллимах, пятилетний ребенок, беспечный и резвый,
В царство теней унесен смертью безжалостной был.
Но не скорби обо мне, что мало я жизни изведаль –
Мало и горя зато в жизни пришлось мне узнать.

29

К изваянию Эхо

Путник, вот Пана подруга, на кручах живущая Эхо,
Та, что на песнь и на зов голос ответный дает,
Всякому звуку подобье, утеха для пастырей сельских.
Только повторит она оклик твой – дальше иди.

30

К изваянию Афродиты Книдской

Зрел Афродиту нагою из смертных один лишь ваятель,
Тот, чей резец изваял здесь Афродиту нагой.

31

К ней же

Здесь изваял я, Киприда, из камня прекрасный твой образ,
Лучше которого я в мире не знал ничего.

32

К изображению Приапа

Здесь, посреди пустыря, Приапа, меня, по уставу
Меж Евтихид водворил лозы сухие стеречь.
Вот и стою над обрывом. А если заявятся воры –
Нечего будет украсть, разве что стража – меня.

33

От женщины

В плен Лаиса взяла красоты пленительной властью
Эллинов доблестный край, Мидянам давний отпор.

Старость Лаису одна победила – и в дар Афродите
Зеркало, милое ей прежде, она принесла.
Облик седой красоты, подобный прежней всецело,
Ей ненавистен, а с ним и отраженье его.

34

От потерпевших кораблекрушение

Главку, Нерею, Ино, Меликерту и мощному сыну
Кроноса – богу пучин, Самофракийским богам
Волосы в жертву я срезал, Лукилий, из моря спасенный
Ибо другого теперь нет у меня ничего.

35

Все упились на пирушке. Акиндины лишь трезвым остался.
Вот и казалось, что он только один опьянен.

36

Блохи кусали глупца. Светильник тогда погасил он,
Молвив при этом: «Меня больше не видите вы».

37

Если ты голову с плешью и грудь, и плечи увидишь,
Спрашивать «Кто?» не трудись – лысый болван пред тобой.

50

Пусть из бессмертных никто не даст мне тех кушаний редких,
Что у тебя за столом вижу я, Эрасистрат.
С жадностью ты поглощаешь великое зло для желудка.
Даже врагу своему я бы его не желал.
Голод готов я терпеть гораздо более лютый,
Чем в пресыщении есть тонкие блюда твои.

51

Старца с обдуманной речью седины внушают почтение,
Но и седины смешны, ежели старец болтлив.

Некий прислал ко мне врач своего любезного сына,
 Чтобы читать и писать я обучать его мог.
 Только лишь «Гнев, о богиня» и «Множество бедствий содеял»
 С ним я прошел, а затем также и третью строку –
 «Многих могучих героев он души к Аиду низринул» –
 Врач на уроки ко мне сына не стал присылать,
 Но, повстречаясь со мной, заявил: «Благодарствуй, милейший!
 Этому я без тебя сына могу научить:
 Многие души и сам я в Аид отправляю,
 И грамматических мне правил не нужно совсем!»

<Взялся ты мне написать моего ненаглядного сына>.
 Чей же принес ты портрет? Это – ребенок чужой,
 Мало того: с головою собачьей. Вопрос меня мучит:
 Как Зопириона я мог от Гекубы родить?
 Так то и вышло, что я за свои же кровные деньги
 Сына Анубиса в дар с песьей главой получил.

ПЕРЕВОДЫ С ЛАТИНСКОГО

МАРЦИАЛ

ТАРЕНТСКИЙ ЛУК

Если ты луку поешь зеленого с запахом острым –
 При поцелуе потом сжатыми губы держи.
 (Xenia, XIII, 18)

ТРОЙНОЙ СКЛАДЕНЬ ДЛЯ ПОСЛАНИЙ

Если подруга тебе на воске: «Приду» начертает –
 Ты этот складень тройной даром пустым не сочтешь.
 (Apophoreta, XIV, 6)

БЮСТОДЕРЖАТЕЛЬ (*Amictorium*)

КАРТИНА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ДАНАЮ

РАБЫНЯ ИЗ КАДИКСА
(*Puella Gaditana*)

ПЕРЕВОДЫ С ИТАЛЬЯНСКОГО

ТАНЕЦ
Неаполитанская тарантелла

242

Лунной негой дышит море.
Час настал, сойдемся в круг!

Громче пенье, звонче струны.
Перебор гитары част.
Самой стройный самой юной
Руку смуглую подаст.
О, как пышны ночи юга!
Сколько счастья впереди!
Есть у каждого подруга
С сердцем пламенным в груди.

Час настал! Час настал!
Море дышит негой лунной.
Час настал! Час настал!
Час настал, сойдемся в круг!
Живо, живо, живо, живо, живо,
Час настал, сойдемся в круг!
Живо, живо, живо, живо, живо,
Час настал! Сойдемся в круг!

Словно крыты темным лаком
Моря гладь и скал уступ.
Из танцоров каждый лаком
До вишневых наших губ.
О, как дышится привольно
Лаской моря и земли!
И напев волны трехдольный
Вторит музыке вдали.
О, как дышится привольно
Лаской моря и земли!

Живо, живо, час уходит.
Наша юность — краткий сон.
И в веселом хороводе
Вдвое слаще будет он!
Звуки быстрой тарантеллы
Нас зовут пуститься в пляс.
Всех любви настигнут стрелы.
Упоенья томен час!
Ну, живей! Ну, живей!

Море дышит негой лунной.
Час настал! Час настал!
Час настал, сойдемся в круг!
Живо, живо, живо, живо,
Живо, живо, час настал,
Сойдемся в круг!
Живо, живо, живо, живо,
Живо, живо, час настал!
Сойдемся в круг!

ФРАНЧЕСКО СЦИПИОН МАФФЕИ

<ОТРЫВОК ИЗ ТРАГЕДИИ «МЕРОПА» (1714 г.)>

...Когда

Спокойствие мы водворим в умах –
Я наслажусь искусством управленья.
Кривыми и безлюдными путями
Сойдут в Аид все доблестные души.
Порокам, что народ лишают силы,
Ослаблю я узду, и снисхожденье
Под ликом сострадания явлю
Преступникам, чтоб волю дать злодейству,
На произвол судеб покинув благо, –
Чтоб, наконец, их собственная ярость
Натравливая слепо друг на друга,
В кровавых, долгих схватках истощилась.
Последуют приказы за приказом.
Усугублю законы я, что пользу
Властителю приносят – если их
Блюдут иль преступают. Повсеместно
Распущен будет слух, что угрожают
Нам войны внешние – тогда народ,
Смятенный, склонится под новым игом,
И я введу наемные войска...

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1525 г.

Немецкая революционная песня

Мы все идем за Флорианом, гейя хо-хо!
Гибель мы несем тиранам, гейя хо-хо!

Все вперед, выше меч!
Надо, братцы, монастырь поджечь.

К чему нам бог над небесами? Гейя хо-хо!
Сведем с попами счета сами! Гейя хо-хо!

Все вперед, выше меч!
Надо, братцы, монастырь поджечь.

В те дни, как землю рыл Адам, гейя хо-хо!
Где было место господам? Гейя хо-хо!

Все вперед, выше меч!
Надо, братцы, монастырь поджечь.

В те дни, как Ева лен пряла, гейя хо-хо!
Где в целом мире знать была? Гейя хо-хо!

ЛАСТОЧКИ

Народная песня

Две ласточки звонко щебечут с утра,
Летая то ниже, то выше.
У нас они гнездышко свили на крыше,
И радостней летняя стала пора.

По осени путь направляют они
К заморскому теплему краю.
Они возвратятся на север, я знаю,
Как только настанут апрельские дни!

Про ласточек песенку дети споют.
Крестьянин им выйдет навстречу.

И снова, как прежде, они защебечут,
Приветствуя солнце, и землю, и труд!

МАРТИН ЛЮТЕР

ХОРАЛ

1

Господь – могучий наш оплот,
Надежный меч и латы.
Нас от напасти он спасет,
Которой мы объаты.
Сам царь адских сил
Сгубить нас решил.
Лукав и силен,
Он в бой вооружен.
И нет ему подобных.

2

Мы с нашей силой в грозный час
Разбиты скоро будем;
Но муж-защитник есть у нас,
Что Богом послан людям.
То – наш властелин,
Христос, Божий сын,
Господь Саваоф,
И нет иных богов;
Одержит он победу.

3

И если сонмы духов тьмы
Нас поглотить грозятся,
То их не убоимся мы,
Нам все должно удался.
Князь мира сего
И слуги его
Для нас не страшны:
Они осуждены,
Словечко их повергнет.

Да, слово, истинный завет,
Не тронута врагами;
Его дары, и дух, и свет
Вовеки будут с нами.
Пусть отнял злодей
Добро, жен, детей
И смертью грозит –
Он все ж не победит,
И царство Божье – наше.

ЛЮДВИГ УЛАНД

КУЗНЕЦ

Мой милый кует.
Он молот вздымает
Размахом могучим
И вновь опускает,
И голосом звучным
Железо поет.

Под грохот и звон
Работает милый
С упорством и силой.
Плечистый, проворный,
Стоит он у горна,
Огнем озарен.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ

ДИКАЯ РОЗА

Мальчик розу увидал,
Розу в чистом поле,
К ней он близко подбежал,
Аромат ее впивал,
Любовался вволю.
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

«Роза, я сломяю тебя,
Роза в чистом поле!»
«Мальчик, уколою тебя,
Чтобы помнил ты меня!
Не стерплю я боли».
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

Он сорвал, забывши страх,
Розу в чистом поле.
Кровь адела на шипах.
Но она – увы и ах!
Не спаслась от боли.
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

О виноград, зеленей
Сочной листвою,
Мое заплетая окно!
В тяжелых гроздьях,
Ягоды, зрейте,
Соком прозрачным налившись!
Вас греет прощальный
Солнца взор, вам струится
Нежного неба
Обилье благое;
Месяц вас освежает
Ласковым веяньем,
И вас орошают – ах! –
Из этих очей
Вечно живой любви
Набежавшие слезы.

ПЕРЕМЕННЫЙ НАПЕВ К ТАНЦУ

Равнодушные

Руку подай мне, красавица, в танце;
Танец венчает торжественный день.

Пусть не любим я – меняется время,
Пусть не моя ты – со мною танцуй.
Руку подай мне, красавица, в танце;
Танец украсит торжественный день.

Нежные

Что без тебя мне, любимая, танец?
Что без тебя мне, желанная, пир?
Если не твой я – к чему этот танец?
Если моя ты – вся жизнь торжество.
Что без тебя мне, любимая, танец?
Что без тебя мне, желанная, пир?

Равнодушные

Пусть они любят – с тобой мы танцуем!
Танцу враждебна истома любви.
Радостно вместе идем мы по кругу,
Те удаляются в сумрачный лес.
Пусть они любят – с тобой мы танцуем!
Танцу враждебна истома любви.

Нежные

Пусть их кружатся – блуждать им милее.
Танец небесный в блуждании любви.
Амур – он близок, он слышит насмешки,
Месть не минует, и скорая мечь.
Пусть их кружатся – блуждать нам милее!
Танец небесный в блуждании любви.

ОДИНОЧЕСТВО

Вы, что в ветвях и на скалах живете, о нимфы благие,
Каждый да примет от вас то, чего в тайне желал.
Скорбным даруете мир, объятых сомнением наставьте:
Любящим дайте в удел счастье свое обрести!
Вам богами дано то, в чем отказано смертным, –
Всем, кто доверится вам, помощь и мир посылать.

ИЗБРАННЫЙ УТЕС

Любящий тут вспоминал в тиши о деве любимой;
Молвил он радостно мне: «Камень, свидетелем будь!
Все же не вознесись – у тебя немало собратьев:
Каждый камень полей тех, что питают меня.
Каждое дерево леса, которое я огибаю,
Образом памятным я счастья зову моего.
Но лишь тебе я голос дарю: так, среди многих
Муза, избрав одного, нежно лобзает в уста».

ФИЛОМЕЛА

Знаю, младенец Эрот тебя вскормил, о певунья;
Детской рукой подавал корм он тебе со стрелы.
Звучное горло твое отныне пропитано ядом;
Ранит любовью сердца нам Филомелы напев.

ОСВЯЩЕННОЕ МЕСТО

В час, когда к нимфам, собравшимся лунною ночью
священной,
Сами Грации тайно с высот Олимпа нисходят,
Их наблюдает поэт и стройные слышит напевы,
Видит плясок заветных движения, полные тайны.
Все, что дивного есть в небесах, вся прелесть,
землею
Щедро рожденная в дар, наяву сновидцу предстанет.
Все он поведает Музам – и, дабы не гневались боги,
Музы научат его говорить о таинствах скромно.

ИЗВИНЕНИЕ

Женщину ты не кори, что в руки из рук переходит:
Друг мой, ищет себе верного мужа она!

МОГИЛА АНАКРЕОНА

Здесь, где роза цветет, где лозы сплетаются с лавром,
Где голубка манит, где нам цикада поет, –

Чья здесь могила видна, на которой боги взрастили
Жизни цветущий убор? Анакреонов покой.
Все, счастливый, вкусил: весну, и лето, и осень;
Но от зимы, наконец, этот укрыл его холм.

ПЕРВАЯ УТРАТА

Кто вернет мне пору счастья,
Пору первой любви прекрасной?
Кто вернет хоть час единый
Той отрады бытия?

Я один с моей кручиной
И, скорбя, лишен участия,
Об утрате помню я.

Кто вернет мне пору счастья,
Те отрады бытия?

СВОЕЙ НЕДОСТУПНОЙ

Ты видишь померанец?
Желтеет он на ветке.
Но март уж на исходе,
И все в расцвете новом.
Я прикоснулся к ветке
И молвил: «Померанец,
О зрелый померанец,
О сладкий померанец,
Ты чувствуешь? – трясусь я,
О, ниспади ко мне!»

НЕДОСТУПНАЯ

Солнце вешнее горело,
По лугам пастушка шла,
Песню радостную пела,
Беззаботна и мила.
Всё ла-ла-ле-ралла.

Тирсис посулил ягненка
За одно лобзание ей;
Но она запела звонко,
Засмеялась веселей.
Всё ла-ла-ле-ралла.

А другой сулил ей ленты,
Сердце третий предлагал;
Но овечек, сердце, ленты
Смех пастушки отвергал.
Всё ла-ла-ле-ралла.

ОБРАЩЕННАЯ

В час вечерний лучи грели.
Я домой из леса шла.
Там Дамоновой свирели
Гулко вторила скала.
Всё ла-ла.

Он привлек меня – ах! – в объятья,
Сладко, нежно целовал.
Вновь просила поиграть я,
И мой милый заиграл.
Всё ла-ла.

Мой утрачен покой сердечный,
Скрылась радость, отлетев,
И в ушах раздается вечный
Несмолкающий напев:
Всё ла-ла-ле-ралла.

К МИНЬОНЕ

Над рекой на небосклоне
Ясно мчатся солнца кони.
Ах, оно, свершая путь,
Пробуждает боль разлуки.
Наши муки
Вновь и вновь терзают грудь.

Не дает и ночь забвенья,
Ибо даже сновиденья
Мне являют скорбный лик;
И я чувствую разлуки
Боль и муки,
Тайной горечи родник.

За годами канут годы.
Бороздя речные воды,
К цели все придут суда.
Но упорна боль разлуки.
В сердце – муки.
Не уплыть им никуда.

Вот должна и щеголять я,
Достаю из шкафа платья
Ради праздничного дня;
Кто ж увидит боль разлуки?
В страшной муке
Рвется сердце у меня.

Слезы лить я не устану,
Но лицо мое румяно
И со всеми я мила;
Будь смертельна боль разлуки,
Сердца муки –
Ах, давно б я умерла.

АМИНТ

Никий, муж превосходный, души и тела целитель!
Болен я, правда, – но все ж средство жестоко твое.
Ах! Не в силах я был советам твоим подчиниться;
Видеть противника я в преданном друге готов.
Я тебя не могу опровергнуть – я всё повторяю,
Всё, даже то, чего ты, друга шадя, не сказал.
Но – увы! – со скал стремительно падают воды
Вниз, и течение ручья не остановит напев.
Разве удержишь ты бурю? И разве с вершины зенита
Солнца не катится шар в моря бездонную глубь?

Вся природа кругом говорит мне: Аминт, ты
 подвластен,
 Как и все на земле, строгим законам судеб.
 Друг мой! Не хмурия чела, послушай меня
 благосклонно:

Мудрый дало мне урок дерево, там, у ручья.
Мало яблок на нем – а раньше ветки ломились.
Что же виною тому? Ствол обвиняет лоза.
К дереву я подошел, сплетенье раздвинул и начал
Острым кривым лезвием гибкие ветви срезать.
Тотчас, однако, я вздрогнул: с глубоким и
жалобным вздохом

Дерево стало шептать, скорбно листвою шелестя:
«О, не мучай меня, садового верного друга,
Мальчишкой ты от меня радости много вкусил.
О, не мучай меня! Срывая сплетенные ветви,
Ты жестокой рукой жизнь исторгаешь мою.
Кем иным, как не мной, лоза вскормлена эта?

Листьев ее от моих я не могу отличить.
Как не любить мне лозы, которой я лишь опора?
Тихо и жадно прильнув, ствол мой она обвила.
Сотни пустила она корней и сотни побегов;
Крепче и крепче они в жизнь протекают мою,
Пищу беря от меня, поглощая то, что мне нужно,
Всю сердцевину она, с ней мою душу сосет.
Я понапрасну питаюсь: мой корень, ветвистый
и мощный.

Сока дивного струит лишь половину наверх.
Ибо опасная гостья, любимая мной, по дороге
Мигот отторгнуть спешит силу осенних плодов.
Крона всего лишена; вершины крайние ветви
Сохнут, и сохнет — увя! — сук, наклоненный к ручью.
Так изменница лаской готова и жизнь, и достаток,
Все устремленья мои, все упованья отнять.
Чувствуя только ее, смертоносному рад я убранству,
Цепким узам я рад, счастлив нарядом чужим.
Нож отведи, о Никий! Пощады достоин тот, жалкий,
Кто обрекает себя страсти губительной сам.
Сладко нам расточенье: оставь мне эту отраду!
Тех, кто отдался любви, может ли жизнь удержать?»

ЗАМОК НА ГОРЕ

На горной вершине замок
Стоит с незапамятных дней.
Там прежде таилось немало
Бойцов и быстрых коней.

Ветшают бойницы и башни.
Везде молчанье и жуть.
По старым разрушенным стенам
Свободный открыт мне путь.

Здесь был глубокий погреб
И бочки с пенным вином;
Сюда не спускается боле
Служанка с веселым лицом.

И в зале с чашею пенной
Гостей не обходит она.
Попу для трапезы священной
Не цедит во фляжку вина.

Пажу-сластене пригубить
Не даст в проходе у стен
И ласки поспешной не примет
На дар поспешный в обмен.

Сгорели стропила и балки
И кровли нет на столбах.
Ступени, проход и часовня
Распались в пепел и прах.

Когда же с цитрой и флягой
В день летний, покинув дол,
Сюда, на скалистые выси
Вослед за милой я шел —

Казалось, пустынные своды
Нам радость живую дарят;
Казалось, в былые годы
Свершается чинный обряд.

И замок обширный гостями,
Как прежде, весь населен.
И шли жених и невеста
Тех добрых, старых времен.

И будто, как прежде, в часовню
Вступил капеллан тогда
И молвил: «Согласны ль вы оба?»
А мы улыбнулись: «Да!»

И в сердце к нам песнопенья
Проникли на самое дно.
Взамен толпы, в отдаленьи
Им вторило эхо одно.

Когда же перед закатом
Последний отзвук исчез --
Взглянуло багряное солнце
Наверх на крутой отвес.

Служанка и паж сияют
Четой властителей там;
Она не спеша наливает,
Он — чашу подносит к губам.

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ ПОДМАСТЕРЬЕ

Мила соседка у меня —
Румяней нету щечек!
Гляжу на окна лавки я,
Едва взойдет денечек.

Чеканю кольца в мастерской
И звенья для цепочек.
Когда-то я скую такой
Для Кати перстенечек?

Проснулся город, все спешат;
Торгует мой дружок.
Несет из лавки стар и млад
Кто сверток, кто мешочек.

Когда порву я, увлечен,
Иную из цепочек,
Бранится мастер: знает он —
Мелькнул в окне платочек!

И в миг, едва уйдет народ,
Подвесивши замочек,
Сидит за прялкой и поет
У двери мой дружок.

Малютка ножка стук да стук.
Как мил на ней чулочек!
Подвязка — их моих же рук
Подарок, мой дружок!

Вот поднесла к губам своим
Спряженный ей моточек;
Лобзал бы вечно, будь я им,
Уста твои, дружок!

МАЙСКАЯ ПЕСНЬ

Меж лугов и дубрав,
Меж колосьев и трав,
У зеленой межи
Где путь милой?
Ну, скажи!

Не сидится
Дома ей;
Все резвится
Средь полей.
Весь в уборе
Майский луг;
На просторе
Милый друг.

Где над речкой, у скал
Я ее целовал,
Где трава так нежна,
Что-то видно!
Не она?

ВЕСНА КРУГЛЫЙ ГОД

На грядках землю
Рыхлит побег.
Вот первый ландыш,
Белей, чем снег;
Шафран пылает,
Луга цветут;
Здесь – пурпур крови,
Там – изумруд.
И первоцветы
Стоят, кичась,
Фиалки глянет
Лукавый глаз.
И все в движеньи,
И все живет.
Короче: снова
Весна идет.

Но в чаще сада
Прекрасней всех
Моей подруги
Веселый смех.
И что желанней
Ее очей,
Задорной песни,
Живых речей?
Душа любимой
Чиста, ясна,
В невзгодах, в счастье –
Всегда одна.
Пусть розы щедро
Июнь растит –
Он прелесть милой
Все ж не затмит.

БЛАЖЕННОЕ ТОМЛЕНИЕ

Пусть толпа поднимет травлю –
Вы лишь мудрым это вверьте.
Всё живое я прославлю,
Что стремится в пламень смерти.

В свежести ночей любовных,
В час великого зачатья,
При свечи сиянье ровном
Будто чуешь ты заклатье.

Ты – не пленник зла ночного,
И тебя влечет желанье
Вознестись из мрака снова
К лучезарному слиянью.

Чары крепнут, крылья прянут,
Путь не труден, не далек;
И в конце, лучом притянут,
Ты сгоришь, как мотылек.

И пока ты не поймешь
Смерть как жизнь и силу –
Темною землей пройдешь
Ты, как гость унылый.

ПЕСНЬ СТАРЦА

(Из «Вильгельма Мейстера»)

Стану скромно у порога,
Тихо в двери я войду;
Кто подаст мне ради бога,
Снова далее пойду.

Счастлив кто перед собою
Узрит бедного меня;
Он поплачет надо мною,
А о чем, не знаю я.

ЙОЗЕФ ФОН ЭЙХЕНДОРФ

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Вереницей над садами
Птицы к северу летят.
Поросли холмы цветами.
Льется вешний аромат.

Сердце бьется, замирая,
Обновилось в мире всё.
Полный месяц, вестник мая.
Заглянул в окно мое.

Звезды блещут ясным взором,
Шепчет роща, чуть шумя,
Соловьи твердят мне хором:
«Милый друг, она твоя!»

Кому бог нежность посылает,
Того он в дальний путь ведет,
Тому он чудеса являет
Средь гор, дубрав, полей и вод.

Кто век свой коротает дома,
Того не усладит рассвет;
Ему докука лишь знакома,
Заботы, люльки да обед.

Ручей проворный с гор несется,
И жаворонка трель слышна –
А я пою, когда поется,
Когда весельем грудь полна.

Бог – мой вожатый неизменный.
Кто ниспослал сиянье дня
Ручьям, полям и всей вселенной,
Тот не оставит и меня.

В лесу ли я блуждаю,
Бреду ли по меже,
Гляжу ли в даль без краю –
Привет я посылаю
Прекрасной госпоже.

Немало я собираю
В саду моем цветов,
Венки из них свиваю
И сотни в них дум вплетаю,
И много милых слов.

Ей протянуть не смею
Ни одного цветка.
Ведь я – ничто пред нею,
И сам, как цветы, бледнею,
А в сердце моем тоска.

Я рук не покладаю,
Моя приветна речь,
И как я ни страдаю,
Я землю всё копаю,
Чтоб в землю скоро лечь.

Только утра первый луч
Долетит в долину с круч –
Зашумят леса ветвями:
«Ввысь! Смелей! – Взмахни крылами!»

Путник шляпою взмахнет
И в восторге запоем:
«Песнь крылата, как и птица, –
Пусть она свободно мчится!»

Смолкли голоса людей,
Мир стихает необъятный
И о тайне, сердцу внятной,
Шепчет шорохом ветвей.
Дней минувших вереницы,
Словно отблески зарницы,
Вспыхнули в груди моей.

В час, когда кричит угод,
Белый день настает,
В час, когда заря блеснет,
Сладок сон, точно мед.

Кто вдаль уходит из дому,
Тот должен с любимой идти.
В стране чужой, незнакомой
Ему взгрустнется в пути.

Вершины в дубраве черной,
Что знаете вы о былом?
Ах, за дальнею цепью горной
Остался родимый дом!

Люблю я звездочек очи,
Меня провожавшие к ней,
Соловушку в тихие ночи,
Что пел у ее дверей.

Но радостней в летнюю пору
Встречать румяный рассвет.
Я всхожу на высокую гору,
Шлю Германии свой привет.

Ах, быть бы птичкой мне —
Пропел бы я песенок много!
Ах, быть бы птичкой мне —
Нашел бы я к милой дорогу!

Стоят на страже выси гор
И шепчут: «Кто то в ранний час
Идет с чужбины мимо нас?

Но вот завидел их мой взор,
И вновь привольно дышит грудь,
И радостно кончая путь,
Кричу пароль и лозунг я:
Виват, Австрия!

И тут узнал меня весь край –
Ручьи, узоры нежных трав
И птичий хор в тени дубрав.
Среди долин блеснул Дунай,
Собор Стефана за холмом
Мелькает, словно отчий дом.
Места родные вижу я –
Виват, Австрия!

Уж снова птицы в южный
Заморский край летят,
И вдаль гурьбою дружной
Вновь странники спешат.
То господа студенты.
Они уже в пути –
И с ними инструменты,
Трубят они: «Прости,
Счастливо оставаться!
Прошла пора вакаций,
Et habeat bonam pacem
Qui sedet post fornacem!»*

Когда ночной порою
Мы городом идем
И видим пир горою
За чьим-нибудь окном –
Мы у дверей играем.
Проснулся городок.
От жажды умираем.
Хозяин, дай глоток!
И се, мы узрим вmale:
Неся вино в бокале:

* И добрый мир вкушает, / Кто дома пребывает (лат.). Пер. Д. Усова.

Venit ex sua domo
Beatus ille homo*.

Уж веет над лесами
Студеный злой Борей,
А мы бредем полями,
Промокши до костей.
Плащи взлетают наши
Под ветром и дождем,
И обувь просит каши,
А мы себе поем:
Beatus ille homo,
Qui sedet in sua domo.
Et sedet post fornacem
Et habet bonam pacem!**

Мы свадебный венок несем
И ленту голубую,
Тебя на шумный пир ведем,
Где с нами все ликуют.
Мы венок тебе несем,
Ленту голубую.

Я за то тебе в награду
На главу сплела венок,
Что не раз давал усладу
Мне певучий твой смычок.

* Идет сей муж достойный / Из дома своего (лат.).

** Блажен тот муж достойный / Кто в горнице спокойной / У печи пребывает /
И добрый мир вкушает (лат.).

ФРАНЦ КСАВЕР ШЛЕХТА ФОН ВШЕРД

НАПЕВ РЫБАКА

Рыбак, пора за дело!
Зарей горит восток.
Волну встречая смело,
Вперед летит челнок.

Холмы покрыты тенью,
И мирно дремлет луг,
Но ты веселым пеньем
Пробудишь всё вокруг.

Нам радость и свободу
Несет с собой заря,
И крепкий невод в воду
Закинешь ты не зря.

Звенит в тиши рассвета
Живой напев труда,
Сияют алым светом
И небо, и вода.

Кто хочет ставить сети
И рыб ловить со дна,
Свободен будь, как ветер,
И весел, как волна.

Вот тень густой ракиты,
Пастушка там сидит.
Тебя, ловец мой хитрый,
Она перехитрит.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

На Севере кедр одиноко
На голом холме растет.
Он дремлет. Покровом белым
Одел его снег и лед.
Все снится ему, что пальма
В полуденной стране,
Молча, одна тоскует
На знойной крутизне.

ФИЦЛИПУЦЛИ

Прелюдия

Вот она – Америка!
Вот он – юный Новый Свет!
Не новейший, что теперь,
Европеизован, вянет –

Предо мною Новый Свет,
Тот, каким из океана
Был он извлечен Колумбом
Дышит свежестью морскою,

В жемчугах воды трепещет,
Яркой радугой сверкая
Под лобзаниями солнца...
О, как этот мир здоров!

Не романтики кладбище,
И не груда черепков,
Символов, поросших мохом,
Париков окаменелых.

На здоровой почве крепнут
И здоровые деревья –
Им неведомы ни сплин,
Ни в спинном мозгу сухотка.

На ветвях сидят, качаясь,
Птицы крупные. Как ярко
Оперенье их! Уставив
Клювы длинные в пространство,

Молча смотрят на пришельца
Черными, в очках, глазами,
Вскрикнув вдруг – и все болтают,
Словно кумушки за кофе.

Но невнятен мне их говор,
Хоть и знаю птиц наречья,
Как премудрый Соломон,
Тысячу супруг имевший

И наречья птичьи знавший, –
Не новейшие одни,
Но и древние, седые
Диалекты старых чучел.

Новые цветы повсюду,
С новым, диким ароматом,
С небывалым ароматом,
Что мне проникает в ноздри

Пряно, остро и дразняще –
И мучительно хочу я
Вспомнить наконец: да где же
Слышал я подобный запах?

Было ль то на Риджент-стрит
В смуглых солнечных объятьях
Стройной девушки-яванки,
Что всегда цветы жевала?

В Роттердаме ль, может быть,
Там, где памятник Эразму,
В белой вафельной палатке
За таинственной гардиной?

Созерцая Новый Свет,
Вижу я: моя особа,

Кажется, его пугает
Не на шутку... Обезьяна,

Что спешит в кустах укрыться,
Крестится, меня завидя,
И кричит в испуге: «Тень!
Света Старого жилец!»

Обезьяна! Не страшись:
Я не призрак и не тень;
Жизнь в моих клокочет жилах,
Жизни я вернейший сын.

Но общался с мертвецами
Много лет я – оттого
И усвоил их манеры
И особые причуды.

Годы лучшие провел я
То в Кифхойзере, то в гроте
У Венеры – словом, в разных
Катакомбах романтизма.

Не пугайся, обезьяна!
На заду твоём бесшерстом,
Голом, как седло, пестреют
Те цвета, что мной любимы:

Черно-красно-золотистый!
Обезьяний зад трехцветный
Живо мне напоминает
Стяг имперский Барбароссы.

I

Был он лаврами увенчан
И сверкали на ботфортах
Шпоры золотые – всё же
Не герой он был, не рыцарь,

А главарь разбойной шайки,
Но вписавший в Книгу Славы

Дерзкой собственной рукой
Дерзостное имя: Кортес.

Вслед за именем Колумба,
Расписался он сейчас же,
И зубрят мальчишки в школах
Имена обоих кряду.

Христофор Колумб – один,
А другой – Фернандо Кортес.
Он, как и Колумб, титан
В пантеоне новой эры.

Такова судьба героев,
Таково ее коварство:
Сочетает наше имя
С низким именем злодея.

Разве не отрадней кануть
В омут мрака и забвенья,
Нежели влачить вовеки
Спутника с собой такого?

Христофор Колумб великий
Был герой с открытым сердцем,
Чистым, как сиянье солнца,
И неизмеримо щедрым.

Много благ дарилось людям,
Но Колумб им в дар принес
Мир, дотоле неизвестный;
Этот мир – Америка.

Не освободил он нас
Из темницы мрачной мира,
Но сумел ее расширить
И длиннее цепь нам сделать.

Человечество ликует,
Утомясь и от Европы
И от Азии, а также
И от Африки не меньше.

Лишь единственный герой
Нечто лучшее принес нам,
Нежели Колумб, – и это
Тот, что даровал нам бога.

Был Амрам его папаша,
Мать звалась Иохаведа,
Сам он Моисей зовется,
Это – мой герой любимый.

Но, Пегас мой, ты упорно
Топчешься вблизи Колумба.
Знай, помчимся мы с тобою
Кортесу вослед сегодня.

Конь крылатый! Мощным взмахом
Пестрых крыл умчи меня
В Новый Свет – в предел роскошный,
Тот, что Мексикой зовется.

В замок отнеси меня,
Что властитель Монтецума
Столь радушно предоставил
Для своих гостей-испанцев.

Но не только кров и пищу
В изобилии великом
Дал король бродягам пришлым –
Драгоценные подарки,

Золотые украшения
Хитроумного чекана, –
Все твердило, что монарх
Благосклонен и приветлив.

Он, язычник закоснелый,
Слеп и нецивилизован,
Чтил еще и честь, и верность,
Долг святой гостеприимства.

Как-то празднество устроить
В честь него решили гости.

Он, нимало не колеблясь,
Дал согласие явиться.

И со всей своею свитой
Прибыл, не страшись измены,
В замок, отданный гостям;
Встретили его фанфары.

Пьесы, что в тот день давалась,
Я название не знаю.
Может быть – «Испанца верность».
Автор же – Фернандо Кортес.

По условленному знаку
Вдруг на короля напали.
Связан был он и оставлен
У испанцев, как заложник.

Но он умер – и тогда
Сразу прорвалась плотина,
Что авантюристов дерзких
От народа защищала.

Поднялся прибой ужасный.
Словно бурный океан,
Приливали ближе, ближе
Гневные людские волны.

Но хотя испанцы храбро
Отражали каждый натиск,
Все-таки подвергся замок
Изнурительной осаде.

После смерти Монтецумы
Кончился подвоз припасов;
Стал паек теперь короче,
Лица сделались длиннее.

И сыны страны испанской,
Постно глядя друг на друга,
Вспоминали с тяжким вздохом
Христианскую отчизну,

Вспоминали край родной,
Где звонят в церквях смиренно
И несется мирный запах
Вкусной олlea-потриды,

Подрумяненной, с горошком,
Меж которым так лукаво
Прячутся, шипя тихонько,
С тонким чесноком колбаски.

Созван был совет военный,
И решили: «Отступленье».
На другой же день с рассветом
Войско все покинет город.

Некогда легко проникнуть
Удалось туда испанцам.
Не предвидел умный Кортес
Всех препятствий к возвращенью.

Город Мексико стоит
Среди озера большого;
Посредине укреплен
Остров гордою твердыней.

Чтобы на берег попасть,
Есть плоты, суда, паромы
И мосты на мощных сваях;
Вброд по островкам проходят.

До зари во мгле рассветной
Поднялись в поход испанцы.
Сбор не били барабаны,
Трубы не трубили зорю,

Чтоб хозяев не будить
От предутренней дремоты
(Сотня тысяч мексиканцев
Крепкий замок осаждала).

Но испанец счет составил,
Не спросясь своих хозяев;

В этот день гораздо раньше
Были на ногах индейцы.

На мостах и на паромах,
Возле переправ, они
С угощением провожали
Дорогих гостей в дорогу.

На мостах, плотам и гатях,
Гайда! было пированье.
Там текла ручьями кровь,
Смело бражники сражались.

Все дрались лицом к лицу,
И нагая грудь индейца
Сохраняла отпечаток
Вражьих панцирей узорных.

Там друг друга в страшной схватке
Люди резали, душили.
Медленно поток катился
По мостам, плотам и гатям.

Мексиканцы дико выли;
Молча бились все испанцы,
Шаг за шагом очищая
Путь к спасению себе.

Но в таких проходах тесных
Трудно выиграть сражение
Стратегическим искусством
С панцирем и конным строем.

Многие испанцы также
Золото несли с собою,
Что награбили недавно —
Бремя желтое, увы,

Было в битве лишь помехой;
Этот дьявольский металл

В бездну влек не только душу,
Но и тело в равной мере.

Стаей барок и челнов
Озеро меж тем покрылось;
Тучи стрел неслись оттуда
На мосты, плоты и гати.

Правда, и в своих же братьев
Попадали мексиканцы,
Но сражали также многих
Благороднейших идальго.

На мосту четвертом пал
Кавалер Гастон, который
Знамя нес с изображением
Пресвятой Марии девы.

В знамя это попадали
Стрелы мексиканцев часто;
Шесть из них торчать осталось
Прямо в сердце у Мадонны,

Как мечи златые в сердце
Богоматери скорбящей
На иконах, выносимых
В пятницу Страстной недели.

Дон Гастон перед кончиной
Знамя передал Гонсальво,
Но и он, сражен стрелою,
Вскоре пал. — В тот самый миг

Принял дорогое знамя
Кортес, и в седле высоком
Он держал его, покуда
К вечеру не смолкла битва.

Сотни полторы испанцев
В этот день убито было;

Восемьдесят их живыми
К мексиканцам в плен попало.

Многие, уйдя от плена,
Умерли от ран позднее.
Боевых коней с десятков
Увезли с собой индейцы.

На закате лишь достигли
Кортес и его отряды
Твердой почвы – побережья
С чахлой рощей ив плакучих.

II

Минул битвы страшный день;
Бредовая ночь настала.
Тысячи огней победных
Запылали в Мексико.

Тысячи огней победных,
Факелов, костров смолистых
Ярким светом озаряют
Капища богов, палаты

И превосходящий всё
Храм огромный Фицлипуцли,
Что из кирпича построен
И напоминает храмы

Вавилона и Египта –
Дикие сооружения,
Как их пишет на картинах
Англичанин Генри Мартин.

Да, узнать легко их. Эти
Лестницы так широки,
Что по ним свободно всходит
Много тысяч мексиканцев,

А на ступенях пируют
Кучки воинов свирепых

В опьянение от победы
И от пальмового сока.

Эти лестницы выводят
Через несколько уступов
В высоту, на кровлю храма
С балюстрадаю резною.

Там на троне восседает
Сам великий Фицлипуцци,
Кровожадный бог сражений.
Это – злобный людоед,

Но он с виду так потешен,
Так затейлив и ребячлив,
Что, внушая страх, невольно
Заставляет нас смеяться –

И приходят две фигуры
Одновременно на ум:
Базельская «Пляска смерти»
И брюссельский Мэннкен-Писс.

Справа от него миряне,
Слева – все попы толпятся;
В пестрых перьях, как в тиарах,
Щеголяет нынче клир.

А на ступенях алтарных
Старичок сидит столетний,
Безволосый, безбородый;
Он в кроваво-красной куртке.

Это – жрец верховный бога.
Точит он с улыбкой ножик,
Искося порою глядя
На владыку своего.

Фицлипуцци взор его
Понимает, очевидно:

Он ресницами моргает,
А порой кривит и губы.

Вся духовная капелла
Тут же выстроилась в ряд:
Трубачи и литавристы –
Шум и гам, и вой, и грохот –

Шум и гам, и вой, и грохот,
И внезапно раздается
Мексиканское Te Deum –
Как мяуканье кошачье –

Как мяуканье кошачье,
Но такой породы кошек,
Что название тигров носят
И едят людское мясо!

И когда полночный ветер
Звуки к берегу доносит,
У испанцев уцелевших
Кошки на сердце скребут.

У плакучих ив прибрежных
Все они стоят печально,
Взгляд на город устремив,
Что в озерных темных струях

Отражает, издеваясь,
Все огни своей победы –
И глядят, как из партера
Необъятного театра,

Где открытой сценой служит
Кровля храма Фицлипуцли,
И мистерию дают
В честь одержанной победы.

Называют драму ту
«Человеческая жертва»;

В христианской обработке
Пьеса менее ужасна.

Ибо там вином церковным
Кровь подменена, а тело,
Упомянутое в тексте, —
Пресной тоненькой лепешкой.

Но на сей раз у индейцев
Дело шло весьма серьезно,
Ибо ели мясо там
И текла людская кровь,

Безупречная к тому же
Кровь исконных христиан,
Кровь без примеси малейшей
Мавританской иль еврейской.

Радуйся, о Фицлипуцли:
Потечет испанцев кровь;
Запахом ее горячим
Усладишь ты обонянье.

Вечером тебе зарежут
Восемьдесят кабалеро —
Превосходное жаркое
Для жрецов твоих на ужин.

Жрец ведь только человек,
И ему жратва потребна.
Жить, как боги, он не может
Воскуреньями одними.

Чу! Гремят литавры смерти,
Хрипло воеет рог зловещий!
Это значит, что выводят
Смертников из подземелья.

Восемьдесят кабаллеро,
Все обнажены позорно,

Руки скручены веревкой.
Их ведут наверх и тащят,

Пред кумиром Фицлипуцци
Силой ставят на колени
И плясать их заставляют,
Подвергая истязаньям

Столь жестоким и ужасным,
Что отчаянные крики
Заглушают дикий гомон
Опьяневших людоедов.

Бедных зрителей толпа
У побережья во мраке!
Кортес и отряд испанцев
Голоса друзей узнали

И на сцене освещенной
Ясно увидали все:
Их движения, их корчи,
Увидали нож и кровь.

И с тоскою сняли шлемы,
Опустились на колени
И псалом запели скорбный
Об усопших: «De profundis!»

Был в числе ведомых на смерть
И Раймондо де Мендоса,
Сын прекрасной аббатиссы,
Кортесом любимой страстно.

На груди его увидел
Кортес медальон заветный,
Матери портрет скрывавший –
И в глазах блеснули слезы.

Но смахнул он их перчаткой
Жесткой буйволово́й кожи

И вздохнул, с другими хором
Повторяя: «Miserere!»

III

Вот уже бледнеют звезды,
Поднялся туман рассветный –
Словно призраки толпою
В саванах влекутся белых.

Кончен пир, огни погасли
И в кумирне стало тихо.
На полу, залитом кровью,
Все храпят – и поп, и паства.

Только в красной куртке жрец
Не уснул и в полумраке,
Приторно оскалив зубы,
С речью обратился к богу:

«Фицлипуцли, Пуцлифицли,
Боженька наш Фицлипуцли!
Ты потешился сегодня,
Обоняя ароматы!

Кровь испанская лилась –
О, как пахло аппетитно,
И твой носик сладострастно
Лоснился, вдыхая запах.

Завтра мы тебе заколем
Редкостных коней заморских,
Порожденья духов ветра
И резвящихся дельфинов.

Если паинькой ты будешь,
Я тебе зарежу внуков;
Оба – детки хоть куда,
Старости моей услада.

Но за это должен ты
Нам ниспосылать победы –

Слышишь, боженька мой милый,
Пушлифицли, Фицлипуцли?

Сокруши врагов ты наших,
Чужеземцев, что из дальних
Нам неведомых пределов
По морю сюда приплыли.

Что их гонит из отчизны?
Голод или злодеянье?
На родной земле работай
И кормись – есть поговорка.

Нашим золотом карманы
Набивать они желают
И сулят, что мы на небе
Будем счастливы когда-то!

Мы сначала их считали
Существами неземными,
Грозными сынами солнца,
Повелителями молний.

Но они такие ж люди,
Как и мы, и умерщвлению
Поддаются без труда.
Это испытал мой нож.

Да, они такие ж люди,
Как и мы – причем иные
Хуже обезьян косматых;
Лица их в густой шерсти;

Многие в своих штанах
Хвост скрывают обезьяний –
Тем же, кто не обезьяна,
Никаких штанов не нужно.

И в моральном отношении
Их уродство велико;

Даже, говорят, они
Собственных богов съедают.

Истреби отродье злое
Нечестивых богоедов –
Фицлипуцли, Пуцлифицли
Дай побед нам, Фицлипуцли!»

Долго жрец шептался с богом,
И звучит ему в ответ
Глухо, как полночный ветер,
Что камыш озерный зыблет:

«Живодер в кровавой куртке!
Много тысяч ты зарезал,
А теперь свой нож себе же
В тело дряхлое вонзи.

Тотчас выскользнет душа
Из распоротого тела
И по кочкам и корягам
Затрусит к стоячей луже.

Там тебя с приветом спросит
Тетушка моя Крысиха:
«Добрый день, душа нагая,
Как племянничку живется?

Фицлипутствует ли он
На медвяном солнцепеке?
Отгоняет ли Удача
От него и мух, и мысли?

Иль скребет его богиня
Всяких бедствий, Кацлагара,
Черной лапою железной,
Напоенною отравой?

Отвечай, душа нагая:
Кланяется Фицлипуцли

И тебе, дурная тварь,
Сдохнуть от чумы желает.

Ты войной его прельстила.
Твой совет был страшной бездной –
Исполняется седое,
Горестное предсказанье

О гибели страны
От злодеев бородатых,
Что на птицах деревянных
Прилетят сюда с Востока.

Есть другая поговорка:
Воля женщин – воля божья;
Вдвое крепче воля божья,
Коль решила богоматьер.

На меня она гневится,
Гордая царица неба,
Незапятнанная дева
С чудотворной, вещей силой.

Вот – испанских войск оплот.
От ее руки погибну
Я, злосчастный бог индейский,
Вместе с бедной Мексикой».

Поручение исполнив,
Пусть душа твоя нагая
Спрячется в нору. – Усни,
Чтоб моих не видеть бедствий!

Рухнет этот храм огромный,
Сам же я повергнут буду
Средь дымящихся развалин
И не возвращусь вовеки.

Все ж я не умру; мы, боги,
Долговечней попугаев.

Мы, как и они, линяем,
И меняем оперенье.

Я переселюсь в Европу
(Так врагов моих отчизна
Называется) – и там-то
Новую начну карьеру.

В черта обращусь я; бог
Станет богомерзкой харей;
Злейший враг моих врагов,
Я примусь тогда за дело.

Там врагов я стану мучить,
Призраками их пугая –
Предвкушая ад, повсюду
Слышать будут запах серы.

Мудрых и глупцов прельщу я;
Добродетель их щекоткой
Хохотать заставлю нагло,
Словно уличную девку.

Да, для них я стану чертом,
И меня достойно примут
Сатана и Велиал,
Астарот и Вельзевул.

О, Лилит, грехов праматерь,
Скользкая змея – ты с ними!
Дай мне стать, как ты, жестоким,
Дай искусство лжи постигнуть!

Дорогая Мексика!
Я тебя спасти не властен,
Но отмщу я страшной мстью,
Дорогая Мексика!»

ПОМЕСТЬЕ ОБИДИНО

Идут года, но старый дом,
Тот старый дом с зубчатой башней
И с глупыми его людьми
Мне памятен, как сон вчерашний.

Я флюгер вижу, как сейчас,
И скрип его железный слышу.
Кто только рот хотел раскрыть,
Поглядывал сперва на крышу.

Откуда ветер, он следил,
Не смея вымолвить ни слова
Из страха, чтоб ворчун Борей
Не оборвал его сурово.

Кто был умней – совсем молчал,
Затем, что эхо обитало
Там в переходах – и оно
Все речи злобно искажало.

В саду я помню водоем
И сфинксов белых изваянья;
Он был сухой, хотя в него
Струились слезы в час молчанья.

Проклятый сад! Ни уголка
Доныне вспомнить не могу я,
Где не бывал я оскорблен,
Где слез не проливал, тоскуя.

Там вправду не было скамьи
В густой тени деревьев садовых,
Где не слышал бы я обид
Из уст жестоких иль медовых.

Об этом крыса в тот же миг
Золовке-жабе сообщала,
А та шушукалась в траве
С гадюкой, высунувши жало.

Кума-лягушка тут как тут –
И вся семейка из болота
Могла обиды узнавать,
Что наносились мне без счета.

Струя влекущий аромат,
Прекрасны были розы сада;
Но рано увядали все
От непонятного мне яда.

И соловей, что воспевал
Те розы песнью величавой,
В недуге смертном захирел,
Отравлен тою же отравой.

Проклятый сад! Казалось, рок
Над ним зловещий тяготеет.
Я чувствовал средь бела дня,
Как сердце в страхе цепенеет.

Зеленый морок на меня
Глядел, с усмешкою оскалась.
Стенанья, вздохи и мольбы
В кустах колючих раздавались.

Аллея длинная вела
К террасе над крутым откосом,
Где Северного Моря вал
Дробился, отражен утесом.

Оттуда в море я глядел.
Мной дикие владели грезы
И пенился в груди прибой –
Порыв, и ярость, и угрозы.

Угрозы, ярость и порыв,
Бессильный, как волна прилива,
Что разбивалась о гранит,
Как ни катилась горделиво.

Я видел: плыли корабли
К побережьям стран – счастливых, новых.
Но крепко тот проклятый дом
Держал меня в своих оковах.

МОРФИНА

Какое сходство меж сестрой и братом,
Прекрасными и юными – хотя
Сестра бледней лицом и много строже,
Сказала бы я даже: величавей,
Чем брат – к нему доверчиво в объятья
Склонялась я не раз... Как взор его
Был счастья полон, как нежна улыбка!
Тогда случилось, что венок из мака,
Алевший на главе его, касался
И моего чела, благоуханьем
Смиря боль души – на малый срок...
Но лишь тогда смогу я исцелиться
Вполне, когда опустит факел свой
Сестра, что так сурова и бледна. –
Прекрасен сон, прекрасней смерть – но лучший
Удел – не быть рожденной никогда.

ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Над миром раздалась труба –
Клич ужаса и славы.
Всех мертвых отдали гроба,
Хрустят и трещат суставы.

Кто ноги имеют, те прочь бегут.
Вся в белом, спешит вереница
К Иосафату, на общий суд –
Туда приказ явиться.

Христос возглавляет судейский стол
В апостольском окружение.
Они – присяжные; их глагол
Есть мудрость и снисхождение.

Никто не спрячет под маской лица –
Судить открыто станут,
Когда в огне мирового конца
Громовые трубы грянут.

Таков последний, страшный суд
В долине лучезарной,
А так как ряды подсудимых растут,
Порядок принят суммарный.

Налево – козлиц, направо – овец,
И все решено мгновенно:
Овечке послушливой – райский венец,
Козлу-похотливцу – геенна.

ИСПАНСКИЕ АТРИДЫ

В лето тысяча и триста
Восемьдесят три, в Губертов
День, в Сеговии дворянству
Дал король обед парадный.

Все придворные обеды
Одинаковы. Зевает
Та же царственная скука
За столами всех монархов.

Блюда золотые, яства
Всех краев и побережий
И свинцовый тот же вкус –
Вспомнишь о стряпне Локусты.

Та же чернь в шелках нарядных,
Что кивает головами,
Словно в цветниках тюльпаны;
Только соуса различны.

И шушуканье, и гомон,
Словно мак, наводят дрему.
Лишь фанфары пробуждают
Вас от одури и жвачки.

Дон Диего Альбукерке
Был моим соседом, к счастью,
И лилась живым потоком
Речь разумная его.

Знал он, как свои пять пальцев,
Все придворные рассказы
Дней кровавых Дона Педро,
Что «Жестоким» прозывался.

Я спросил, за что Дон Педро
Повелел казнить Фредрего,
Своего родного брата?
Молвил мой сосед со вздохом:

«О сеньор! Не верьте песням,
Что бренчит погонщик мулов
Иль бродяга на гитаре
В кабачке или харчевне.

И не верьте небылицам
Пошлым о любви Фредрего
И супруги Дона Педро,
Нежной Доньи Бланш Бурбонской.

Жертвой зависти и злобы,
А не ревности супруга
Пал Фредрего – Калатравы
Ордена магистр великий.

Слава – вот то преступленье,
Что Дон Педро не простил,
Слава, о которой всюду
Госпожа молва трубила.

Также не прощал Дон Педро
Высоты его душевной
И прекрасного обличья –
Зеркалу души подобной.

В памяти моей не блекнет
Рыцарства цветок тот стройный;

Никогда не позабуду
Лик мечтательный и юный.

Верьте: был он из породы
Тех, которых любят феи.
Тайной сказочной и вещей
Облик был его отмечен.

Синий блеск его очей
Камнем редкостным слепил,
Но была и твердость в них,
Твердость редкостного камня.

Были волосы его
Иссиня-черны с отливом
И на плечи ниспадали
Пышно выующейся волною.

В стройном городе Коимбре,
Отвоеванном у мавров,
Принца бедного увидел
Я живым последний раз.

Из Алькасара скакал он
На коне вдоль улиц тесных.
Много юных мавританок
За решетками вдыхало.

Перья веяли на шлеме
Кавалерственно-галантно,
Но твердил о чистоте
Крест на епанче суровый.

Близ коня, хвостом махая,
Весело бежал любимый
Пес его Аллан. Порода
В Сьерре выведена эта.

Был велик он непомерно,
Но стройнее горной лани,

С благородной острой мордой,
Что напоминала лисью.

Шерсть волнистая казалась
Мягче и белее снега;
Был рубинами усеян
Золотой его ошейник.

Говорили: талисман
Верности закован в злате.
Ни на миг не покидал он
Господина, верный пес.

Как страшна была та верность!
До сих пор я содрогаюсь,
Вспоминая, как она
Объявилась перед нами.

О, как день тот был ужасен!
Это было здесь в палате,
И сидел я, как сейчас,
За обедом королевским.

За столом на главном месте,
Там, где ныне Дон Энрико
С цветом рыцарей кастильских
Осушает кубок свой –

Нем и хмур сидел Дон Педро
И сияла красотой,
Словно дочь богини, рядом
С ним Мария де Падилья.

Здесь, на самом нижнем месте,
Где сейчас мы видим даму,
Утопающую в брыжах,
Схожих с белою тарелкой –

Между тем, как желтизною
Личика с улыбкой кислой

Кажется она лимоном
На тарелке таковой; –

Здесь, на самом нижнем месте
Был прибор один свободный;
Золоченый стул, казалось,
Гостью знатному оставлен.

Дон Фредрего был тот гость,
Для него прибор и место.
Не являлся он – мы знаем,
Отчего замедлил он.

В этот самый час, о горе,
Дело темное свершилось.
Схвачен юный был герой
Стражниками Дона Педро,

Схвачен в западне коварной,
Связан был и отведен
В сумрачное подземелье,
Где лишь факелы горели.

Там уж палачи стояли,
Там стоял заплочный мастер;
Опираясь на секиру,
Скорбно он проговорил:

«Вы, магистр Калатравы,
К смерти ныне приготовьтесь.
Четверть часа вам дано
На последнюю молитву».

Преклонив колени тихо
Помолился Дон Фредрего
И, сказав: «Теперь я кончил», –
Голову склонил под меч.

В тот же миг, едва на плиты
Голова его упала,

Подскочил Аллан, пес верный,
Что пробрался в подземелье.

Голову за кудри цепко
Он зубами ухватил
И с добычей дорогою
Прочь стремительно умчался.

Крик и вопли провожали
На пути его повсюду
По проходам и палатам,
Вверх и вниз по ступеням.

Только с пиром Валтасара
То смятение сравнится,
Что внезапно воцарилось
В нашем пиршественном зале

Лишь туда ворвался вихрем
С мертвой головой Фредрего
Страшный пес, ее влачивший
За волос кровавых пряди.

И на золоченый стул,
Что свободным оставался,
Он вскочил и нам, как судьям,
Показал свою улику.

Ах, то был нам всем знакомый
Лик героя, но бледнее,
Строже от смертельных мук,
И вокруг чела ужасно

Черные свивались кудри,
Вздыбившись, подобно змеям
На главе Медузы, в камень
Превращавшей человека.

Да, и мы окаменели.
Мы смотрели друг на друга.

Скованы уста все были
Ужасом и этикетом.

Лишь Мария де Падилья
Вдруг нарушила молчанье;
Вскрикнув, заломила руки,
Вещим ужасом полна:

«Слух пройдет отныне, будто
Я была виной убийства,
Рок детей моих настигнет,
Неповинных и несчастных!»

Дон Диего смолк, заметив,
Что обед уже закончен,
Что придворные все встали
И покинули палату.

Он меня сопровождать
Вызвался, учтив отменно,
И отправились мы вместе
В старом замке побродить.

В полутемной галерее,
Что ведет к дворцовым псарням,
Издали уже заметным
По рычанию и лаю –

Я увидел, проходя,
В каменной стене глухую
Келью наподобье клетки,
За решеткою железной.

Два каких-то существа
Там виднелись – два ребенка.
Цепью за ногу прикован,
Каждый, скорчившись, сидел.

Лет двенадцати был младший
И другой – едва ли старше;

Оба с тонкими чертами,
Но изнурены и хилы.

Не могли рубцов на теле
Скрыть убогие лохмотья.
На гнилой соломе дети
В лихорадке сотрясались.

Удрученные несчастьем,
Поднимали взор они,
Сонно-призрачный и белый,
Так, что становилось страшно.

«Кто они? Кто эти двое?» –
Вскрикнул я, схватив Диего
За руку; я ощутил,
Как она в моей дрожала.

Дон Диего, чуть смутившись,
Оглянулся осторожно
И затем, вздохнув глубоко,
Молвил с напускной улыбкой:

«Перед вами здесь два принца,
Что давно осиротели.
Их отец король был Педро,
Мать – Мария де Падилья.

Бой при Нарвасе известен,
Где Энрико Транстамаре
Брата Педро, венценосца,
Сразу от двух нош избавил:

От венца и от тяжелой
Ноши, что зовется жизнью.
Также он и к детям брата
Проявил великодушие.

Позаботился о сирых,
Как и подобает дяде,

Во дворце своем назначил
Им жилище и питание.

Тесно, правда, в той каморке,
Где велел он поместить их,
Но прохладно здесь в июле,
А зимой не так уж люто.

Им дается черный хлеб,
Что питателен и вкусен,
Будто испечен Церерой
Для бесценной Прозерпины.

Иногда приносят им
Миску сладкого горошку.
Дети знают: в этот день
У испанцев воскресенье.

Не всегда, однако, праздник,
Не всегда дают горошек,
И порой начальник псарни
Угостить идет их плетью.

Ибо сказанный начальник,
Коего надзору псарни
И с племянниками клетка
Вверены на усмотренье,

Есть супруг – притом, несчастный,
Той лимонно-кислой дамы,
Желтолицей, в белых брыжах,
Что сидела за обедом.

И она брюзжит порой
Так ехидно, что супруг,
Плетку взяв, уходит – злобу
Выместить на псах и детях.

Но король, узнав об этом,
Недовольный, приказал,

Чтобы делали различье
Между принцами и псами.

От наемного кнута
Он племянников избавил
И теперь собственноручно
Их воспитывать решил».

Дон Диего смолк внезапно:
К нам приблизился дворецкий,
Поклонился и спросил,
Как довольны мы обедом?

МИМИ

«Я не кошечка-мещанка,
Не мурлычу у окошка.
На высоких крышах я –
Независимая кошка.

В ночи летних снов, на крыше,
Где в прохладе я мечтаю,
Музыка во мне урчит –
В песне чувство изливаю».

Так она твердит, и звуки,
Страстью дикою объаты,
Рвутся из груди, маня
Всех котов, кто не женаты.

Все коты, что не женаты,
К ней стремятся петь дуэты,
То мяуча, то мурлыча,
Пламенем любви согреты.

Это ведь не виртуозы
В поисках за гонораром –
Чистому искусству все
Искони служили с жаром.

Инструментов им не нужно,
Весь оркестр – они же сами;
Барабан у них – живот,
А трубят они носами.

Запевают хором все;
Это – гимны, интермеццо,
Это – словно фуги Баха
Или Гвидо из Ареццо.

Звуки бешеных симфоний –
Как Бетховена каприччо;
Превзойден и Берлиоз,
То мяуча, то мурлыча.

Сколь чудесна власть напева!
Бесподобных звуков сила
Даже небо потрясает,
И бледнеют в нем светила.

Услыхав поток волшебных,
Чудодейственных созвучий,
В небесах ночных Селена
Лик окутывает тучей.

Слыша песнь Мими, одна лишь
Примадонна Филомела
Недовольно морщит нос –
В ней душа оледенела!

Все равно! Поет капелла
(Пусть завидует синьора!)
До поры, когда блеснет
Розовым лучом Аврора.

РОЖДЕННЫЕ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА

Ты, плача, смотришь на меня,
Скорбя, что так несчастлив я.
Не знаешь ты в тоске немой,
Что плачешь о себе самой.

Томило ли тебя в тиши
Сознание смутное души,
В твои прокрадываясь сны,
Что мы друг другу суждены?
Нас вместе счастье ожидало,
На скорбь разлука осуждала.

В скрижали вписано судьбою,
Чтоб сочетались мы с тобою.
Ясней бы ты себя сознала,
Когда б на грудь ко мне припала;
Тебя б из косности растенья
Возвел на высшую ступень я,
Чтоб ты, ответив поцелую,
В нем душу обрела живую.

Загадки решены навек.
В часах иссяк песчинок бег.
Не плачь – судьба предрешена:
Уйду, увянешь ты одна.
Увянешь ты, не став цветком,
Угаснешь, не пылав огнем,
Умрешь, тебя охватит мгла,
Хоть ты и прежде не жила.

Теперь я знаю, всех дороже
Была мне ты. Как горько, Боже,
Когда в минуту узнаванья
Час ударяет расставанья,
Когда, встречаясь на пути,
Должны мы в тот же миг прости
Сказать навек! Свиданья нет
Нам в высях, где небесный свет.
Краса твоя навек завянет;

Она пройдет, ее не станет.
Судьба иная у поэта;
Он не вполне умрет для света.
Не ведая уничтоженья,
Живет в стране воображенья;
То – Авалун, мир фей чудесный.
Прости навеки, труп прелестный!

ПОЭТИКО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОЮЗ МОЛОДЫХ КОТОВ

Музыкальный Союз Молодых Котов
Собирался на крыше у башни
Сегодня ночью – однако не с тем,
Чтоб строить куры и шашни.

«Сон в летнюю ночь» не в пору теперь;
Что проку в любовном гимне,
Когда в желобах замерзла вода
И холод свирепствует зимний?

Притом заметно, что новый дух
Овладел породой кошачьей;
Особенно все молодые коты
Занялись высокой задачей.

Минувшей фривольной эпохи сыны
Испустили дыханье земное;
В искусстве и в жизни новый расцвет –
Кошачьей веет весною.

Музыкальный Союз Молодых Котов
Стремится назад, к примитивной
Бесхитростной музыке ранних времен,
К простой и котятски-наивной.

Поэзии-музыки хочет он,
Рулад, но трелей без чувства,
Вокальной поэзии – словом, того
Искусства, где нет искусства.

Он хочет, чтоб в музыке ныне царил
Безраздельно свободный гений,
Который, хотя и фальшивя порой,
Достигает высшей ступени.

Он гений славит, который ничуть
От природы не отдалился,

Не ставит ученость свою напоказ
И впрямь ничему не учился.

Такова Программа Союза Котов,
И, стремясь подняться все выше,
Он дал свой первый зимний концерт
Сегодня ночью на крыше.

Но как воплотилась идея в жизнь –
Нельзя подыскать выраженья.
Кусай себе локти, мой друг Берлиоз,
Что ты не слыхал исполненья.

То был поистине адский концерт,
Как будто мотив галопа
Три дюжины пьяных волынщиков вдруг
Заиграли под свист и топот.

То был такой несказанный гам,
Как будто в ковчеге Ноя
Животные хором все в унисон
Потоп воспевали, воя.

О, что за мяуканье, стоны, визг!
Коты все в голос орали,
А трубы на крышах вторили им,
Совсем как басы в хорале.

Всех чаще слышался голос один –
Пронзительно, томно и вяло,
Как голос оперной дивы, когда
Свой голос она потеряла.

Ужасный концерт! По-моему, там
Псалом воспевали великий
В честь славной победы, которую бред
Над разумом празднует дикий.

А может быть, Союзом Котов
Исполнялась та кантата,

Что венгерский крупнейший пьянист сочинил
Для Шарантона когда-то.

Окончился шабаш лишь когда
Заря, наконец, появилась;
Кухарка, что плод под сердцем несла,
В неположенный час разрешилась.

Она потеряла память совсем,
Как будто спятив от чада,
И вспомнить не может, кто был отец
Рожденного ею чада.

То Петр? Или Павел? Лиза, ответь.
Иль, может быть, неизвестный?
С блаженной улыбкой она говорит:
«О, Лист, о кот мой небесный!»

ТЕЛО И ДУША

Так говорит душа: «О тело!
Я одного бы лишь хотела:
С тобой вовек не разлучаться,
С тобой во мрак и в ночь умчаться.
Ведь ты — мое второе я,
И облекаешь ты меня,
Как бы наряд, что шелком шит,
И горностаями подбит.
Увы мне! Я теперь должна,
Абстрактна и оголена,
Навек блаженным стать Ничем,
В холодный перейти Эдем,
В чертоги те, где свет не тмится,
Где бродит Эонов немых вереница,
Уныло зевая, — тоску вокруг
Наводит их туфель свинцовых стук.
Как я все это претерплю?
О тело, будь со мной — молю!»

И тело отвечает ей:
«Утешься от своих скорбей!

Должны мы выносить с тобою,
Что нам назначено судьбою.
Я – лишь фитиль; его удел –
Чтоб в лампе он дотла сгорел.
Ты – чистый спирт, и станешь ты
Звездой небесной высоты
Блистать навек. – Я, прах исконный,
Остаток вещества сожженный,
Как все предметы, стану гнилью
И, наконец, смешаюсь с пылью.
Теперь прости, не унывай!
Приятнее, быть может, рай,
Чем кажется отсюда он.
Привет медведю, если б он,
Великий Бер (не Мейербер),
Предстал тебе средь звездных сфер!»

ЭДУАРД

Гробовая колесница,
В траурных попонах клячи.
Он, кто в мир не возвратится,
На земле не знал удачи.

Был он юноша. На свете
Все бы радости изведаль,
Но на жизненном банкете
Рок ему остаться не дал.

Пусть шампанское, играя,
Пенилось в его бокале –
Тяжко голову склоняя,
Он сидел в немой печали

И слеза его блестела,
Падая в бокал порою,
А толпа друзей шумела,
Тешась песней круговую.

Спи теперь! Тебя разбудит
В залах на небе веселье

И томить вовек не будет
Жизни горькое похмелье.

ФРИДРИХ РЮККЕРТ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты вечно в сердце у меня.
Ты моя радость, грусть моя.
Все разделила ты со мною.
С тобой мой путь отрадней вдвое.

Тебе одной вверял не раз
Я грусть мою в тяжелый час.
Ты мой покой, ты мир желанный.
Ты как заря во мгле туманной.

И на меня твой луч упал.
В своих глазах я выше стал,
И ясен мир, и все вокруг,
Мой верный, мой прекрасный друг.

Ты вечно в сердце у меня.
Ты моя радость, грусть моя.
Все разделила ты со мною.
С тобой мой путь отрадней вдвое.
Мой верный, мой прекрасный друг.

СТЕФАН ГЕОРГЕ

СОН И СМЕРТЬ

Блеск и меч! Так наш мир пробужден.
Буйный сонм покорит небосклон.
Юный дух необузданно зрит
На посев и поток, что кипит.

У пути виден свет, реет лик.
Злую скорбь сеет хмель, рьян и дик.
И склоняется, плача, завет:
«Ты мне меч, ты мне спас, ты мне свет».

Дальше гордо возносится сон.
Бог творящий навек покорен.
Некий зов нас умчит на крылах
И повергнет пред смертью во прах.

Все гремит и уносится прочь.
Только в позднюю темную ночь
Кажет слитыми звездами твердь:
Блеск и меч, хмель и скорбь, сон и смерть.

О травы лета, душен ваш аромат.
Но горький ветер темной, святой земли
Влечет меня по ярой жатве
Прочь от садов – к истукану Солнца.

Из дней забытых сон восстает: дитя
На свежем дерне дремлет среди снопов.
А там жнецы на знойной ниве;
Серп пламенеет, вода иссякла.

Сонливо вьется воинство тонких ос.
Сквозь сеть колосьев – рдяные лепестки
На жаркий лоб роняют маки,
Словно тяжелые капли крови.

И всё, что было – вспомнилось в свой черед.
С былым страданьем в страдных лежу полях.
И губы шепчут истомленно:
«Как я устал от цветов и жары...»

Рдяные рощи на срезах гор.
Цепких кустарников желтый убор.
Прежде чем в чан его сок не взят,
Ты поднимаешь янтарь-виноград.

В солнечном блеске он долго зрел.
Помнишь, как сноп и веночек пестрел?

И, постигая осенние дни,
Лета богатый дар пожни.
Он же, не знавший, как сладостен плод,
К сонму веселых вовек не примкнет.
Спросишь его – он скажет в ответ:
«Отнят мой последний свет».

ДЕТЛЕФ ФОН ЛИЛИЕНКРОН

ПОСЛЕ БАЛА

Чуть виден мне в каретной мгле
Атласный башмачок.
Ты дремлешь, прислонясь ко мне,
Мы едем на восток.
В мечтах еще мерцает бал...
Букет фиалок так устал
И с ним моя comtesse.

Рассвет в болотистых лугах
Кровавил полосу;
И чибис в тонких камышах
Отряхивал росу.
Букет фиалок вяло спит,
И чутко слышит стук копыт
Во сне моя comtesse.

Звенела на лугу коса,
И голубь ворковал,
И пес бежал у колеса –
Веселый день вставал.
И солнце грело даль долин,
А мы летели в Гретна Грин –
Я и моя comtesse.

ГАНС БЕНЦМАН

ПАРСИФАЛЬ

Послушай – в волнах полевых цветов
Загрезил серебряный звон бубенцов.
Вспорхнул коростель и резко кричит –
Спугнул его топот тугих копыт –
Кто едет в цветущем поле?

Вот слышно ржанье. Вот светлый крик
В шиповнике алом на миг возник:
И белый конь, и всадник на нем –
Окутан кроваво-красным плащом
И в шелковом, алом камзоле.

.....

«Здесь снова радость – смеясь, шутя,
Я буду рыцарь, я буду дитя;
И чистой душой, без помыслов злых
Я только мечтаю в лучах золотых
Далеко от злой неволи!»

Он поет и смеется, и, смеясь, поет,
Шутовской колокольчик ответ дает –
И вновь коростель далеко кричит –
И замер в шиповнике топот копыт –
И снова – цветущее поле.

ДОЛОРОЗА

LE JARDIN DES SUPPLICES

Мрачны наши сады и полны тоски,
Когда красные свечи дня догорают.
И когда во хмелю ночей мотыльки
К ароматным чашам цветов припадают.
И в садах наших – сонмы любовных грез,
Что природе явились в свадебном сне,
Но в безумье своем мы не видим роз,

Господин, мы любим пытки одне.
Пронизанный солнцем песок сухой
Режет острым клинком наши голые ноги;
И в сердцах наших стонет пожар глухой
Сладострастья и едкой тревоги.
Свое черное платье я молча сняла,
Дрожащей рукой косу распустила –
И нагой пред тобой на землю легла,
И юное тело тебе подарила.
Ты пробудил дремавшие муки,
Ты зажег их экстазом дремавших лучей;
Я хочу целовать свои страшные руки
За поющее счастье свистящих бичей!
Узкие ноги хочу целовать я,
Они мою шею к земле пригнули;
Жесткие путы хочу целовать я,
Они мое тело, как змеи, стянули!
Бич твой хочу, господин, целовать я –
Он мне о радостях мук свистал;
Мелкий песок хочу целовать я –
Он мою кровь так жадно впитал!
А сады были полны любовных грез,
Что весна дарует в ласковом сне;
Но в безумье своем мы не видели роз,
Господин – мы любили пытки одне.
Как рабыня лежала я пред тобой
И молила о счастье под милым бичом;
Сладострастье и муки любви неземной
В этом страшном саду мы узнали вдвоем.

СТЕФАН ЦВЕЙГ

ПЕНИЕ ФОНТАНА

Синий блеск луны с карниза
Пробивался по стене.
Я слышал голос снизу,
Раздававшийся во мгле.

И поднявшись в изумленье,
Раму опустив в окне,

Я услышал чье-то пенье,
Что сквозь ночь неслось ко мне.

Ни души. Но там, в потемках,
Лунным светом осиян,
В тишине так дивно-громко
Искрился и пел фонтан.

Беспокойно-постоянный,
Серебристый и живой
Был в ночи напев фонтана,
Как большого сердца бой.

Я спросил: о чем поешь ты
Мне сегодня в первый раз?
А в ответ: «Меня зовешь ты
Лишь сегодня в первый раз.

Глядя в золотые очи
В звоне песни, в зное дня,
Сквозь душистый бархат ночи
Все журчит моя струя.

И поет о мгле, о свете...
А ты, кто так близко спал –
Лишь теперь, в ночном привете,
Наше дружество сознал?

Разве утром, у порога
Пробуждения от сна,
Ты не знал, как в сердце много
Смыла чистая волна?

Разве ты не знал те песни,
Что во сне стремились ввысь
И, шепча тебе: «Воскресни!», –
Кровью в кровь тебе влились.

Разве трепетное слово,
Канув в бездны снов твоих,
Не вставало в силе новой
И тебе рождало – стих?

Так с твоею жизнью пенье
Соплела моя струя.
Но в кругу всех сил творенья –
Только тихий голос я,

Лишь одна из тех безмолвных
И таинственных теней,
Что, струя живые волны,
Душу делает сильней.

Но твоя душа чужая
И не знала обо мне,
Только отзвук мой встречая,
Да и то – в глубоком сне».

Пенье дальше все казалось,
Все темнее смысл и речь.
Только сердце порывалось
Белый голос устеречь,

Что, из сада долетая,
Чрез ограду ветвь и куст,
Грудь прохладою лаская,
Как улыбка дивных уст,

Приникал к ночному ложу
И томился, облетев,
Пока я, в дремоте лежа,
Блеск лишь чуял и напев.

АЛЬФРЕД МОМБЕРТ

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Склоняется солнце и кровью рыдает в снегах.
Я слышу – Ты тихо поешь, Пресвятая Мария.

«Уста Мои в ранах – так ранят его поцелуи.
И тело застыло – Я телом его отогрела.
И пусто, и умерло сердце – его Я любила».

Я слышу сквозь сон, как поет Пресвятая Мария.

ХЕДВИГ ЛАХМАН

ЛАНДШАФТ

Холмов смягченных сводчатые тропы
Для утесненных, стрелчатых лесов.
В глубокой скорби шепчутся их кроны.

В них – грозный гнет великого усилия
И бега опаленных облаков,
Чьи по ночам трепещут тяжко крылья.

А там, внизу, где в пахотной отчизне
Суровый плуг священный путь ведет –
Стоят дома спокойной, тесной жизни.

И вечной прялкой Вышнего Веленья
Прядется тайно нить – за годом год –
Вокруг листвы, зеленой и осенней.

РИХАРД ДЕМЕЛЬ

МОЯ ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Час-другой – и настанет мгла;
Пейте все, до краев души.

Эй, вина!

Маски солнца – красна и зла –
День потонет в своей крови;

Пьем, до дна!

Спеть нам о жизни и смерти нельзя ли?
Дьяглени, глэйа, глюляля!

Клинг-кланг, смотрите: розы увяли.

Что ж! Мы ягоды все оборвали!

Хэй!

Час-другой – и настанет мгла;
В бледном ручье огонь бежит
От лучей.

Красный месяц встал ото сна
Выглянул с гор и, смеясь, говорит:
Солнце, пей!

Песню о жизни и смерти мне спойте,
Пойте, хоть это и пахнет грехами,
Клин-кланг грехами! Всё же, пойте:
Пить и петь можно только устами!
Хэй!

Час – еще час – и ночь придет;
Над рекой мосты поднялись,
В высь, о в высь.
Всадник проедет, мост упадет,
Черный всадник собрался в поход?
Трижды в высь!!!
Песню о жизни и смерти затянем,
Дьяглени, стекла, клярляля!
Клинг-кланг: новый стакан достанем!
Пейте! От сонной жизни воспрянем
В высь!

ГОЛОС ВЕЧЕРА

Уж ночь идет.
Колосья, травы
стихают рано.
Ты слышишь, будто
встают туманы
Ты ждешь и вот:
не твой ли чуткий
тревожит ход
поляны.

ИЗДАЛИ

Вечер тянет туч узоры
вдаль к звезде.
Тишь везде.
Тусклый месяц выйдет скоро.
Тишь везде
Сквозь туман, что утро стелет,
слабым луком месяц целит
по звезде.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

*ИЗ КНИГИ «ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»
(«ERSTE GEDICHTE», 1913)*

<ЗАМОК ЭНГЛАР В ГОРОДЕ ЭППАН>

Поздний час. Дома без света.
Засыпает все село.
В купах вешнего расцвета
башни строгие воздеты,
для которых все прошло.
Ветер в залах так и хлещет.
Все закатом залито.
И зачем в тиши зловещей
Все еще фонтаны плещут –
Не поведает никто.

ИЗ КНИГИ «ЖЕРТВА ЛАРАМ» («LARENOPFER», 1896)

ВИГИЛИИ

Поля заснули желтые,
Лишь сердца слышу бой;
Свивает вечер в гавани
Пурпурный парус свой.

О всенощная тихая!
Ночь шествует в полях;
И месяц белой лилией
Расцвел в ее руках.

ИЗ КНИГИ «АДВЕНТ» («ADVENT», 1898)

ДЕВУШКИ ПОЮТ

Девушки ведь кого-то ждут,
Когда деревья цветут;
Они бесконечно шьют и шьют,
И больно глаза пылают.

– Наши песни тоской полны,
Так мы боимся весны:
Если его повстречаем мы –
Он больше нас не узнает.

Тебя я встречу в воскресенье,
Где май свершает чудеса,
И тихое благословенье
С ветвей стекает, как роса.

И где жасмин, простерши руки
У придорожного креста,
Скрывает в белом цвете муки
На лбу распятого Христа.

ИЗ КНИГИ «МНЕ НА ПРАЗДНИК» («MIR ZUR FEIER», 1899)

МОТТО

И эта грусть: жить посреди тревоги
И быть безродным в суете земной,
И все желанья – только диалоги
Дневных часов и вечности немой.

И это жизнь. Пока из дней минувших
Не встанет самый одинокий час.
И этот час, иначе улыбнувшись,
Пред вечностью не склонит глаз.

Я обитаю между днем и сном,
Где от игры уставши шепчут дети,
Где старики, отжившие на свете,
По вечерам сидят перед огнем.

Я обитаю между днем и сном,
Где колокол вечерний затихает,

И девушки о звоне вспоминают,
Устало опершись о водоем.
И липу я люблю; в цвету своем
Она хранит умолкнувшие лета,
Что пробудились в чаше белоцвета
И снова грезят — между днем и сном.

Часто в часы, когда ночь темна, —
Пробудясь, как дитя от сна,
Тихий ветер без троп, без дорог
До села дойдет, одинок.

Черный пруд и дубов ряды
Обогнет он кругом:
Все дома, словно смерть, бледны,
Тонут в мраке немом...

Вы кажетесь, сестры, садами,
Над вами закат и апрель.
Весна с большими путями,
Только неведома цель.

МОЛИТВЫ ДЕВУШЕК МАРИИ ДЕВЕ

Сотвори из нас иных!
Дай нам эту жизнь постигнуть,
Видишь, мы хотим возникнуть,
Словно свет и словно стих.

II

Взгляни, как скудны наши дни,
Как страшен наш покой;
Мы розы достаем Твои
Неловкою рукой.

Услышь, Мария, нас – ведь мы
В твоей крови цветом,
И эту грусть познала Ты
В томлении своем;
Ведь Ты узнала по Себе,
Как душу грусть томит:
Она, как снег на Рождестве,
Но вся в огне горит.

IV

Я обратиться в божий сад
Во дни младенчества хотела,
Чтоб красота Твоя созрела
Во мне – девической, несмелой
Улыбкой празднуя возврат.

Но Ты пришла и Ты пройдешь,
С Тобою что-то в сад вступает:
Оно из алых роз кивает –
А Ты из белых встаешь.

VIII

Прошлой ночью приснилось мне,
Что звезда стоит в тишине,
И мадонна сказала: – «Во мгле ночной
Цвети вослед за звездой».

И все силы собрав во единый круг –
Снег сорочки перерастаю –
Стала я всё стройней цвести. –
И мне больно вдруг...

XVI

После молитв

А я теплей и всё теплее,
О королева, становлюсь, –
И с каждым вечером бледнею,
И с каждым утром все томлюсь.

Мы белый шелк терзаем в злобе
И слышны крики в смутных снах:
О, дай мне скорбь о том же гробе,
О, пусть мы обе
Сгорим в единых чудесах!

Я так боюсь человеческих слов.
Так громко они говорят обо всем:
Вот это собака, а это дом,
Таково начало и конец таков.

Мне страшен их разум, их игры, их ложь;
Всё знают, что будет, что было вчера;
Их сказками больше не манит гора;
За долом и садом – хоть Бог... ну, так что ж?

Хочу им сказать я: Пусть все отойдут.
Я так люблю, когда вещи поют.
Вы их коснулись: они молчат.
От вас все вещи как мертвые спят.

Ночь вырастает, как черный град,
Где по немым веленьям
Переулки проходят по странным сплетеньям
И где тысячи башен стоят.

В черном городе много домов, –
Ты не знаешь, кто в них обитает,
В этом безмолвном блеске садов
Стройно кружат хороводы снов, –
Ты не знаешь, кто им играет...

Ночью, когда часы идут
В лад с людскими сердцами,
Робкими голосами

Предметы поют:
«Где ты тут?» – :

Тогда я не тот уж, кто утром встает.
Свое имя ночь мне дает;
Люди, узнав, как зовут меня,
Поникнут, со страхом во взорах...

Каждый шорох
Услышу я.
И я знаю: ничто не прейдет
Из моих молитв и работ.
(Все предметы хранят свой вес).
Мое детство всегда встает
Вкруг меня, как лес.
Одному мне быть не дано.
Те, кто раньше дышали
И в могилу упали –
Ткали,
Ткали
Мое бытие.

И как сердце мукой полно –
Я тебе расскажу в тишине ночной.
Слышишь?

Бог знает, кто
Шепчет со мной.

Песни те, что рождались когда-то
на заре моих ранних годин,
я певал перед часом заката
в тишине обветшалых руин.

Я хотел эти песни прилежно
в ожерелье снизать на заре,
подарить его девушке нежной,
одинокой сестре.

Но, больной и усталый,
я рассыпал их все: и легко
покатились они, как кораллы,
в вечер теплый, махровый и алый,
далеко-далеко.

ИЗ «КНИГИ ОБРАЗОВ» («DAS BUCH DER BILDER», 1902)

РЫЦАРЬ

Рыцарь, закованный в черную сталь,
Скачет в мир шумящих тревог.

И в мире всё: там и день, там и даль,
Там и друг, там и враг, и пиры, и печаль,
Там и дева, и май, и леса, и Грааль.
И виден Бог и его алтарь
У всех проезжих дорог.

Только в груди, где сомкнулись латы,
В самом темном затворе
Смерть сидит в ожиданье расплаты:
Долго ли или вскоре –
Час роковой учую:
Сломает железную маску,
Броню разбив вековую,
Меч и панцирь треснет,
И, сбросив старую каску,
Громко играть начну я
И песню,
И пляску.

НЕВЕСТА

Громче зови, о милый, меня!
Пусть невеста так долго не ждет у окна.
Аллея платанов заснула одна,
Вечер ушел и унес мечту
В пустоту.

Если ж ты не приходишь – в затвор мечты
Вместе со мной заточиться,
То, улетая с земной черты,
Я должна в сады синевы
Вся излиться.....

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Слова Ангела

Ты к Господу не ближе нас;
Мы все – в дали разлук.
Но как благословен атлас
Твоих прекрасных рук.
И с плотью не сравнить земной
Их блеск и красоту;
И я – роса, я – луч дневной,
А Ты – лоза в цвету.

Я так устал, мой путь далек,
Прости мне, я забыл,
Что Тот, сияющий, изрек,
Кто солнцу равен был;
Перед тобой внимающей,
Я весть не помню ту.
Пойми: я – зачинающий,
А ты – лоза в цвету.

Я крылья в воздухе раскрыл,
В пространстве голубом,
И этот милый дом укрыл
Своим большим плащом.
Но Ты сидишь передо мной,
Одета в чистоту;
Пойми: я – ветра вздох лесной,
А Ты – лоза в цвету.

Все ангелы в сиянии исходят от тоски:
Вовек еще желания
Так сильно не росли.
Быть может, скоро в смутных снах

Ты вдруг себя поймешь.
Благословенна Ты в женах!
Ты зреешь, Ты цветешь!
Ты – царства царственная дверь,
И я ключи несусь.
О, лоно слов моих, поверь:
Затерян мой напев теперь

В Тебе, как бы в лесу.
Так я пришел свершителем.
Последнюю мечту
Свершил, я ослепителен...

А Ты – лоза в цвету.

ПЕСНЬ СТАТУИ

Кто может безмерно меня полюбить
и жизнь отвергнуть свою?
Чтоб камню дыханье и кровь подарить,
он должен в море себя утопить –
и я живу, живу.

Со счастьем жить – не сравнится ничто;
Ведь камень – как лед,
А в жизни солнцем все залито.
Ужели никто
меня пробудить не придет?

Но если жизнь мне будет дана
и весь золотой ее пыл, –
.....

то я одна
долго буду слезам отдана.
На что мне кровь горячее вина?
Она не поднимет с морского дна
Того, кто меня любил.

И я вошел как пилигрим,
Мой лоб был удручен
Тяжелой мукой, камнем злым,
Семью свечами освещен.
Ты – темным естеством Своим
Был темной Матерью храним
На каждой из икон.

И там, где скудных нищих ряд
Стоит – там я стоял.
В поклонах, что они творят,
Я ветер узнавал.
Я видел мужика в летах
С пророческим лицом.
В его темнеющих чертах,
В кругом стоящих стариках
Ты, нежный, скрытый раньше в днях,
Явился мне без слов – в лучах,
В молящихся и в нем.

Ты времени дал ход
И в нем Свой отдых затерял,
Твой тайный смысл постиг народ,
И уронил его, и вот
Опять с земли поднял.

И вот один из бывших за столом
Встает, чтоб в путь идти, идти, идти, –
И на Востоке церковь обрести.

Как об умершем, молятся о нем.
А тот, кто дома жил и опочил,
Тот навсегда и останется тут.
И уже дети в свой черед идут
Искать ту церковь, что отец забыл.

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

И она всю ночь, всю ночь стоит
На коленях, и все зовет бледнея,
Дева слабая: «Ты видишь змея?
Почему он близ меня не спит?»

Витязь появился на коне
Из тумана; шлем и щит сияли.
Он узрел ее в слезах, в печали,
А она узнала в светлом дне,

Кто имеет свыше власть
Вызволить ее. Копье поднявши,
Он скакал, дракона увидавши,
Раскрывающего пасть,

Кроткий вождь, страшной самой Судьбы,
И она колени преклонила,
И победы для него молила,
И не ведала, что из борьбы

Выйдет тот, кого мольбой обета
Из лучей Божественного света
Призывало сердце. В битве этой
Стали башнями ее мольбы.

ПОРТРЕТ ДАМЫ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

И она стоит в моленье странном
У атласных темных штор,
Что приподнял грузно и жеманно
Купидонов лживый хор;

И ее как будто подменили
С ночи свадьбы: подавляет вздох
Сердца, что узоры лент закрыли
(Локоны шиньона утомили),
Словно кто застал ее врасплох.

В час мечтаний и неясных планов,
Как отныне жизнь переменить:
Иначе, живее, чем в романах...
Чтобы все сцепленья пережить, —

Положить в футляр благоуханий
Сувенир, и в адский час
Утонуть в волнах воспоминаний;
Наконец-то сбывшийся рассказ

Записать в дневник, и чтобы он
Под пером не становился ложью,
Чтобы пальцы клали с легкой дрожью
Листик розы в тяжкий медальон,

Что колеблет с каждым вздохом грудь,
И с приветом из окна прощальным
Чуть сверкнуть колечком обручальным —
И потом надолго отдохнуть.

ТРИ ВОЛХВА

Легенда

Раз, когда щедрость Господа
в далекие года
была, как зерна в мякоти
созревшего плода, —
Бог чудо дал: тогда,
узнав друг друга, встретились
Звезда и три короля.

Три мага из восточных стран
(Звезда была везде),
составив малый караван,
они сквозь ночь и сквозь туман
пошли вослед Звезде.

Они несли подарки в дом
к младенцу в Вифлеем,
шагая дружно все втроем.

Тот, кто скакал на вороном,
прирос к седлу совсем.
А шедший справа,
тот сверкал,
как золотой божок.
А слева от него шагал
еще один; он хлопотал,
своей кадильницей бряцал,
ее качал и раздувал,
и синий шел дымок.
Тогда Звезда пустилась в смех
и понеслась вперед
открыть Марии раньше всех
трех королей приход:

— За мной сейчас идут сюда
из стран Тебе чужих
три коронованных волхва
в камнях дорогих,
их кожа, как песок, темна, —
но ты не бойся их.
У них на родине живут
двенадцать дочерей.
И вот они к тебе идут,
проведав, что родился тут
владыка всех царей.
Но не подумай, что одно —
владеть языческой страной
Иисусу суждено.
Цари идут давно,
как пастухи, своей тропой, —
а дома, может быть, войной
их царство сметено.
И вот отсюда, где бычок
на них дохнет теплом —
быть может, каждый, одинок,
вернется бедняком.
И, чтобы им взошла заря,
ты встань и улыбнись,
и подними свое дитя,
и к солнцу обернись:

там за семью долинами
лежит его страна;
она горит рубинами
и синевой полна.

ИЗ ВТОРОЙ ЧАСТИ КНИГИ «НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»
(DER NEUEN GEDICHTE ANDERER TEIL, 1908)

Справа и слева — аллея,
Путь для твоих шагов.
Следуя дальше за нею,
будто на чей-то зов,

выйдешь к площадке сразу;
там тебя ждут в тени
водоем и большая ваза
и четыре скамьи;

время одно проходит,
только себе отдано.
Взор твой подножья находит,
статуй нет уж давно.

Слышно, как веет плесень,
ты переводишь вздох;
капель серебристые песни
и потемневший мох,

ставши тебе родными,
дальше рассказ ведут.
И ты затихаешь с ними:
лишь камни внимают тут.

Бассейны и пруды в своих овалах
всё помнят королей и пышный двор
и словно ждут в волнистых покрывалах,
и каждое мгновенье, Монсеньор,

пройдет, быть может; и они хотят
смягчить его каприз иль огорченье;
тогда внизу сквозь мраморных наяд
старые воскреснут отраженья,

как будто на развернутом ковре:
зеленый фон с серебряно-седым
отливом роз и светло-голубым
налетом и король, и дама с ним,
и рой цветов в струящейся игре.

Боги, что стояли и белели
и, аллеи от аллей деля,
на Диан с улыбкою смотрели
в час, когда охота короля

поздними утрами пролетала
и, как вихрь, гнала и настигала –
вам улыбки слали, но, моля

к вам ничьи не простирались руки.
Людам элегантный псевдоним
вы давали, чтобы в легком звуке
был расцвет, молчанье или муки –
всё, что можно было скрыть за ним.

Но порой, страхнув оцепененье,
в час, когда садовое цветенье
отдаляло холод с ваших лиц
и они пред ночью оживали –
обещанья снова вы давали,
все без образов и без границ.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Изредка из сада шорох тонкий,
капель звук и запах листьев пряный
донесутся с птичьей трелью странной
до куртины и колонки,

где среди густого майорана
летний час увидит взгляд;

лишь порою дама в пелерине,
наклонившись над колонной, кинет
тень на черный циферблат;
и тогда часы молчат —.

Или если летний ливень, вея,
барабанит по листьям аллеи —
смокнет время для часов колонны;
но оно тогда сверкнет цветами,
яркими плодами, овощами,
за стеклом большого павильона.

СТАРЫЙ БРЮГГЕ

Здесь переулки медленно бредут
(так ходят, чуть оправившись, больные,
не помня, что тут было в дни былые)
и, выходя на площадь, долго ждут,

чтобы другой дорогу указал
на маленький мосток через канал,
где тонут в ясном зеркале предметы,
смягченные от меркнувшего света,
достигшие нездешней полноты.

Но жил ли этот город? Видишь ты
(вступил в права неведомый закон):
все оживает в раме отраженья;
там все сады повисли, все строенья
и танец силуэтов в освещеньи
блеснувших сразу окон заведен.

А наверху? Мне кажется, молчанье
Осталось, нерушимо и одно,
И тихо пьет воздушное звучанье
Курантов, словно сладкое вино.

БРАК В КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ

Да, она гордилась. Но могла ли
Иначе? Не он ли средь забот
Украшением был ее печалей?
Даже звезд торжественные дали,
К знаменьям привыкшие, встречали
Словно вне себя – его приход.

Разве – отрок – между мудрецами –
Он, отысканный с таким трудом,
К славе, ослепляющей, как пламя,
Не восходил уже? В старинном храме
Разве те, мудрейшие, с ушами
Рты не спутали? И разве дом

Не стоял, звуча и молодея
В голове его? О, сколько лет
Прождала она, страшась, не смея
Всей безмерной радостью своею
На него излиться, – и светлея,
И дивясь, шагала молча вслед.

Но когда на свадьбе, в зале длинной,
Весть прошла вдоль шумного стола,
Что в подвалах иссякают вина,
Обернулась мать, просила сына:
Только слово, только жест единый! –

И понять отказа не могла.

Поздно, поздно, в черный день Мария,
Вспомнишь ты, как было тяжело
Чудотворцем стать ему впервые!
Он – свершил. Отныне – роковые –
Сдвинулись решенья мировые:
Все отныне к гибели текло

Неизбежно... Так в Писанье было
Сказано. Но был ли он готов?
Но созрела ль жертвенная сила? –
Мать, наверно, сердца не спросила,

Мать на гибель сына торопила
В слепоте своих беспечных слов.

За столом, где как гора цветная,
Снедь и фрукты высились – она
Радовалась, гордая, не зная,
Что теперь близка пора иная,
Что слезниц ее вода святая
Кровью стала этого вина.

ИОГАННЕС БЕХЕР

НАСИЛЬНИКИ

Тешьтесь в бешенстве своем!
Это наш последний гром!
Режьте мясо! Кровь кипит!
Это Вам принадлежит:
Вы насильники.
Вас на жалованье взял
Темный рок, в чьем злате – кал.
Всех швыряйте, рад не рад,
На заводы, в скорбь и смрад.
Режьте, рвите всё в клоки.
В лоск начищены штыки,
И за вами власть – пока.
Это – право кулака,
Вы – насильники!
Убивайте! Вы должны!
Будет зелень, день весны.
Майский день и добрый плод.
Жаворонок запоем,
Звуки мира – братский хор.
Полный воздуха простор
Человечеству открыт.
Ваша свора задрожит
Перед судом...

Кровоопийцы! Взбешены?
Убивайте ж! Вы должны!

Но за ложь и цепь обид
Справедливость вечно мстит.
Угнетенный! Верь и жди!
Вас на жалованье взял
Темный рок, в чьем злате — кал.
Но для нас преграды нет.
Наше царство — целый свет,
Полюса и здезд высоты.

Планетарные полеты...
Это все пустые бредни.
В небе райские обеды
Тешат извергов толпу.
Мы себе растим тюрьму...
Дети смерти и позора!
Мы добычей станем скоро.
Палачей нас травит свора.
За работой мясорубы.
В залах чавкают обжоры,
И дымятся фабрик трубы
Нашей мощью!

В золото себя убрав,
Тешьте нрав!
Море духа не убудет.

Реку силы не запрудит
Ни петля, ни гильотина,
Ни расстрелов миллионы,
Ни кулак, ни нож у горла.
Скоро ваш настанет час!
Будет прорвана плотина.
Вольным светом озаренный
Хрустнет дряхнувший скелет,
Хаоса зияют жерла,
И от вас исчезнет след.

ЭРИХ МЮЗАМ

ПЕСНЯ ОБОРВАНЦЕВ

Карман – пустой, жилье – чердак.
Мы хуже уличных собак.
Богач плюет на нас.
У Богача на туфлях лак,
Увешан орденами фрак,
Под мышкой – новый шапоклак,
Смиренье – в шелках глаз.

Богач плюет на тех, кто рван:
Ведь у него набит карман.
У нас – лишь водка есть.
Кто водку пьет – тот скоро пьян,
А тот, кто пьян, тот грубиян,
Тот поступает, как буян,
Забыв, что значит честь.

Богач давно остепенен,
Он знает церковь и закон,
Мы – зависть лишь одну.
Кто слушает бокалов звон,
На дачах солнцем опьянен,
Тот несказанно возмущен,
Завидя нас, шпану.

Откуда ж у буржуя всё –
Кошель с деньгами и ружье?
Ворует он, как мы.
Но нас – в тюрьму за воровство,
А он богат, и сверх того
Рабочих щупальца его
Доводят до сумы.
О, если б был я богачом,
Кому и кража нипочем,
И кто в почете сам!
Ну, попадись мне за углом,
С кем раньше был я земляком,

Я б плюнул в вас, и поделом —
Так вам и надо, псам!

ПЕСНЬ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Что же! Издевайтесь, как хотите,
Но помнит пусть поработоритель:
Мы жить не станем больше так.
Наш путь и нашу цель осмейте,
Вино в свои бокалы лейте —
Мы не уступим ни на шаг!

Пусть будет взгляд у вас расстроен
И сон кошмарно-беспокоен,
И всё для вас — зловещий знак.
Раскрыв окно, кричите громче
И призывайте всех на помощь —
Мы не уступим ни на шаг!

Свои бумаги в сейф кладите,
Молите бога о защите,
Своих наученных собак,
Полицию, тюремных стражей
Спускайте против рати нашей.
Мы не упустим ни на шаг!

Чтобы принять крутые меры,
Скорей берите револьверы
(Запас патронов не иссяк!)
Украсьте ваши авангарды
Белогвардейскою кокардой —
Мы не уступим ни на шаг!

Пусть гибнут сотни тысяч смелых
На виселицах, от расстрелов;
Сметайте в кучу наш очаг.
Готовьте пушки и снаряды —
Мы не уступим ни на шаг!

Что ваши адские машины
Перед народом-исполином,

Поднявшим свой кровавый флаг?
Свобода нас ведет и право.
Одно из двух: смерть или слава!
Мы не уступим ни на шаг!

ПРИМИРЕНЬЯ НЕТ

Проснись и знай: «Революция – путь!»
Подумай о дне возмущенья.
Тогда лишь вздохнет истомленная грудь,
И грехи получают прощенье.

Не съевши хлеба утренний кус,
Тверди всю ту же клятву:
«Пока за оружие я не возьмусь –
Не будет радостной жатвы!»

Пусть ненависть полнит досуги твои,
И гневом дыши на работе,
И помни в час любви,
Что времени не воротишь.

Прочти во взоре своих детей
Угрозу на долгие годы:
«Ты жить не можешь среди людей,
Не взявши с бою свободы!»

Не молви ближним: «Счастливый путь!»
А спрашивай их: «Готов ли?»
Гони врага от порога и будь
С товарищем лишь под кровлей.

Смотри, чтобы голос твой звал вперед,
И речь твоя медью звенела.
Живи, как воин в боях живет,
Служа революции делу.

Трудись и знай: еще не конец.
Готовься к схватке новой,
И в каждом деле будь борец,
На жизнь и на смерть готовый!

ГАНС ШВАЛЬМ

ШТУРМКВАРТАЛ

Будь на страже, пролетарий!
Слышишь грозный шаг бойцов?
По врагу сильнее ударим!
Красный Берлин всегда готов!

Кровью пышет горизонт!
Дружно в ряды зовет Рот-Фронт!

Пусть предместья безоружны
И спокоен каждый дом.
Но обманчив лик наружный;
Близок уж час, рокошет гром.

Там, где камни стен молчат,
Вырастут сотни баррикад.

Градом пуль дома изрыты,
Здесь прошел Кровавый Май.
Тридцать три бойца убито.
Красный Берлин, не забывай!

Мая первого заря
Вспыхнет пожаром Октября.

Мы высоко держим знамя,
Нас никто не разобьет.
Дни побед еще за нами.
Красный Веддинг, марш вперед!

Кровью пышет горизонт!
Нас на штурм ведет Рот-Фронт!

Дышут силой и отвагой
Песни классовых боев.
Красный Веддинг с красным стягом
До конца идти готов!

Шлет жандармо капитал
На мятежный наш квартал.

За одно мы бьемся дело,
И у нас единый клич;
Мы идем за Вами смело,
Либкнехт, Люксембург, Ильич.

Мы высоко держим знамя,
Нас никто не разобьет.
Дни побед еще за нами.
Красный Веддинг, марш вперед!

Кровью пышет горизонт!
Нас на штурм ведет Рот-Фронт!

АЛЬБЕРТ ЦИММЕР

ТОГДА БУДЕТ РАБОТА

Четыре миллиона нас!
Нужда глядит из наших глаз.
Нам в горе чудилось не раз,
Будто надежды свет погас.

Застыл в безумном крике рот,
Застыл, как камень, гневный взгляд.
Подачек из нас никто не ждет.
Нам больше нет пути назад,
Мы все должны идти вперед!

Нету работы, денег нет.
Для бедняка на всем лежит запрет.
Вы гнали нас в окопы на войну,
И все за вашу грязную мошну!
Наш молот наготове,
Он расправы ждет.
Умеем мы еще
Готовить пулемет.
Красное знамя вспыхнет как сигнал,
Когда в атаку мы пойдем на капитал,
Всем хватит дела!

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

КАНСОНА

(XV век)

Вижу тебя в саду зеленом.
Пышно кругом весна цвела,
И ты была свежа, бела,
Подобно первым анемонам.
Песне моей внимала ты,
Сельская дева, дочь полей.
Для тебя пестрели цветы
Ярким ковром в тени тополей.
Ты подрезала тихо лозы
Там у низкой белой стены.
Сестры младой твоей весны,
В саду пылали жарко розы.
Песне моей внимала ты.
А на заре, среди ветвей,
В честь твоей простой красоты,
Сказочник юга, пел соловей.

ФРАНСУА ВИЙОН

БАЛЛАДА О ПАРИЖСКИХ ЖЕНЩИНАХ

Весьма болтливы и лукавы
И Флорентинки и Тосканки;
О них идет по свету слава,
И таковы же все южанки.
Но пусть Ломбардки, Венецьянки
В красе жемчужин, янтарей
Гордятся речью иль осанкой –
Язык Парижа всех острей.

Мудры в речах, как доктор права,
О русских косах Англичанки
И, словно стаи птиц, вертлявы
Венгерки, Немки и Цыганки,
Бретонки, Шведки и Гречанки,
И, с берегов иных морей,

Испанки или Каталанки...
Язык Парижа всех острей.

Гасконки все того же нрава
В беседе или в перебранке.
Заткнуть им рот – одна забава
В Париже, на торгу, крестьянке!
Ну, а Швейцарки, Тулузанки
(Назвал я много областей),
Эльзаски и Валенсианки?
Язык Парижа всех острей...

Обращение:

О Принц! Веселой Парижанке
Воздайте вы хвалу скорей.
Пускай речисты Итальянки –
Язык Парижа всех острей.

НИКОЛА БУАЛО

<ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ПОЭТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО»>

Трудитесь не спеша, не думайте о сроке;
С безумной быстротой не выводите строки:
Стихи, привыкшие лишь рифму к рифме мчать,
Хранят не гения, но спешности печать.
Милее мне ручей в его русле песчаном,
Текущий медленно по рощам и полянам,
Чем пенистый поток, мутящий глубину.
Несущийся, бурля, по илистому дну.

МИШЕЛЬ ЖАН СЕДЕН

МНЕ СТРАШНО С НИМ НАЕДИНЕ

Je crains de lui
Parler la nuit.

Мне страшно с ним наедине;
Я вся дрожу, как в жутком сне.

Он мне в любви клянется –
Но верить ли ему?
Я чувствую, как сердце бьется –
Не знаю – почему.
Заснуло всё. Во мгле ночной
Он шепчет что-то надо мной –
Ответить не могу я,
Как я боюсь его!
Мне страшно поцелуя,
Не знаю – отчего.

И он ушел, и я одна...
Мерцает полночь из окна.
Он больше не вернется,
Я не прощу ему...
Я чувствую, как сердце бьется,
Не знаю – почему.

ВОЛЬТЕР

<ОТРЫВОК ИЗ ТРАГЕДИИ «МЕРОПА»>

Коль сын оплаканный предстанет снова тут,
Пятнадцать лет трудов бесплодно пропадут.
Поверь мне, что ему все предрассудки рода
Опору создадут, ожив в сердцах народа.
Сто предков царственных и память об отце,
И отблеск божества, что зрят в его лице,
И вопли матери, тоскою удрученной,
Мой поколеблют трон, непрочно утвержденный.

ПЕСНИ И ГИМНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СПАСЕМ ОТЕЧЕСТВО

Свободу и мир храня,
Мы держим испытанный меч
И замыслы вражеской стаи
Мы вскоре сумеем пресечь.
Свобода! Свобода!

Свободы враги, трепещите!
Страшитесь, тираны!
Мы сломили насилия гнет.
Всегда готовы мы к защите
И, как один, пойдем вперед!
Всегда вперед!
Застенков разрушили своды,
Кровавое царство прошло.
Багряное знамя свободы
Взвевает над нами крыло.
Свобода! Свобода!
Свободы враги, трепещите!
Страшитесь, тираны!
Мы сломили насилия гнет.
Всегда готовы мы к защите
И, как один, пойдем вперед!
Всегда вперед!

ГИМН РЕВОЛЮЦИИ

Слава, слава тебе, огромный мир без края.
Тебе, моя земля, гладь морей, солнца свет.
На нивы пролей золотой океан урожая!
Смети навеки рабства след, рабства след!

Мы построим наш мир, и нам не надо бога.
Наш мятеж на земле ниспроверг алтари.
И нам теперь ясна и открыта дорога
В лучах свободы и зари, в лучах свободы и зари!

Когда по всей земле наше знамя и слово
Пройдет везде, неся наш могучий привет,
У наших ног во прах упадут все оковы,
О свобода, равенство, свет, О, свобода, равенство, свет!

КАРМАНЬОЛА

Жена Людовика клялась
В Париже всех зарезать нас.
Зато попало ей
От наших пушкарей.

Пропляшем Карманьолу,
Дружно вперед, дружно вперед!
Пропляшем Карманьолу,
Пушечный гром нас зовет.

Хитер Антуанетты план
Поставить нам славный капкан.
Но дело сорвалось:
Она расшибла нос.

Пропляшем Карманьолу,
Дружно вперед, дружно вперед!
Пропляшем Карманьолу,
Пушечный гром нас зовет.

Друзья, сомкнем тесней ряды,
Тогда враги нам не страшны.
Пускай откроют бой,
Мы встретим их пальбой.

Пропляшем Карманьолу,
Дружно вперед, дружно вперед!
Пропляшем Карманьолу,
Пушечный гром нас зовет.

ВСЕ ВПЕРЕД!

Ah, ça ira, все вперед, все вперед!
Все мы повторяем без конца сегодня:
Ah, ça ira, все вперед, все вперед!
Кто бы ни роптал, все на лад пойдет.
Наши враги повержены во прах,
Мы же поем о новых временах:

Аh, ça ira, все вперед, все вперед!
Если будет злоба душишь господ
Аh, ça ira, все вперед, все вперед!
Дружно захохочет им в лицо народ
Тра-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла!
Тра-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла!
Вперед, друзья, и вместе с нашей песней
Все смелей вперед!
Аh, ça ira, все вперед, все вперед!
Все мы повторяем без конца сегодня:
Аh, ça ira, все вперед, все вперед!
Кто бы ни роптал, все на лад пойдет.

ФРАНЦУЗСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ОТВЕТЫ МАРИОН

- Зачем к колодцу ты ходила, скажи, Марион!
И с кем так долго говорила?
— С ведром ходила за водою, поверь мой друг,
Я там была с моей сестрою.
- Зачем сестра была при шпаге, скажи, Марион,
Зачем крутила ус в отваге?
— Ты плохо видел нас в окно, поверь мой друг,
Она несла... веретено.
- Зачем ты лжешь на каждом слове, скажи, Марион!
За ложь ты мне ответишь кровью.
— Когда в могилу лягу я, поверь мой друг,
Несладко будет без меня.
- Но если ярый гнев остынет, скажи, Марион,
Клянешься ль верной быть отныне?
— Как ты простил меня сейчас, поверь, мой друг,
Простишь в другой и в третий раз.

МАТРОСЫ ИЗ ГРУА

Я расскажу для вас, друзья,
Как три матроса из Груа

Плыли на шхуне «Франсуа».
Тра-де-ри-тра – ла-ла-ла,
Тра-де-ри-тра – ла-ле-ра.

Сильный подул на них Норд-Ост,
В небе не стало видно звезд.
Первый решил покинуть пост.
Тра-де-ри-тра – ла-ла-ла,
Тра-де-ри-тра – ла-ле-ра.

Ну а второй, заслышав шум,
Ну а второй, заслышав шум,
Спешно забрался в темный трюм.
Тра-де-ри-тра – ла-ла-ла,
Тра-де-ри-тра – ла-ле-ра.

Только покрыла небо тьма,
Третий совсем сошел с ума.
Вот так матросы из Груа!
Тра-де-ри-тра – ла-ла-ла,
Тра-де-ри-тра – ла-ле-ра.

В СТАРЫХ БАШМАКАХ

Проходила я поляной
В старых башмаках.
Повстречала горожанок,
Трех нарядных горожанок,
Ах, ах, ах!
В новых башмаках!

Мимо я прошла стороной
В старых башмаках,
Раздалось мне вдогонку:
Деревенская девчонка
В старых башмаках!

Не хожу я в платьях ценных,
В новых башмаках!
Но красивей дам надменных,

Очень многих дам надменных,
В старых башмаках!

ПЬЕР ЖАН БЕРАНЖЕ

ПОТОП

О будущем, по должности пророка,
Я Господа дерзаю спросить.
Прольются воды вольно и широко,
Чтоб землю от царей освободить.
Прибой растет, — за ним всё море следом.
«Эй, берегитесь, вас не унесло б!»
Так я кричу. Вам это мнится бредом?
Властители! Поглотит вас потоп.

Чем виноваты эти властелины?
Законы их прославила молва.
А если под ярмом изрыли спины,
То вспомним нашу вольность и права.
Но короли разлюблены народом.
Им надо строить не ковчег, а гроб:
Валы идут ускоренным походом.
Властители! Поглотит вас потоп.

Вот в Африке сын Хама чернолицый,
Босой царек смирят бури вой:
«Покорствуй, Океан, моей деснице!
О, грозный вал! Доходы мне удвой!»
С пиратов дань беря благополучно,
Чтоб нам доставить сахар и сироп,
Он подданных распродает поштучно.
Властители! Поглотит вас потоп.

«Ко мне, ко мне, все евнухи и жены! —
Кричит султан, державный азиат. —
Преградой от пучины раздраженной
Вас уложу я, обезглавив, в ряд».
В гареме, где благоухает праздник,
Откуда скрылся стражник и холоп,
Султан пирует, назначает казни.
Властители! Поглотит вас потоп.

У нас давно раздался гул потопа.
«Господь! Господь! От кары нас избавь!»—
Так молят Бога короли Европы,
А он в ответ: «Пускайтесь, дети, вплавь».
Престолы снесены, и в Океане
Мы видим этих царственных особ.
Из них венцов монету начеканят.
Властители! Поглотит вас потоп.

«О прорицатель! Где же это море?»
Народы мира! Мы — тот Океан,
Мы, рать голодных, с яростью во взоре
Восставшая на деспотов всех стран.
И сила наша, словно волны, хлещет.
Ничто сдержать нас дольше не могло б.
Потом всё стихнет и заря заблещет.
Властители! Поглотит вас потоп.

14 ИЮЛЯ
Тюрьма Форс

Для узника ты, память, — утешенье!
Я молод был; клич неся громовой:
«К оружию, граждане! К Бастилье! Мщенье!»
Бежали все: купец, мастеровой.
Старуха-мать и девушка бледнеет.
Под громы пушек барабан зовет.
«Мы взяли верх! Бастилья пламенеет!»
Был залит солнцем день великий тот.

Все говорят о сверженной твердыне;
Ликуя обнялись и стар и млад.
Герой борьбы, проходит в форме синей
Рукоплесканьем встреченный солдат.
И короля клеймят уста народа,
И Лафайету слава и почет.
Я понял всё: во Франции — свобода.
Был залит солнцем день великий тот.

На следующий день среди развалин
Мне говорил один седой старик:

«Тираны здесь народу цепь ковали,
Его предсмертный заглушая крик.
Но подземелья новым жертвам роя,
Они подрыли собственный оплот,
И замок рухнул при начале боя!»
Был залит солнцем день великий тот.

Исконная мятежница, Свобода,
Вооружившись дедовским мечом,
С сестрою Истиной под эти своды
Сошла во тьму сверкающим лучом.
Ударил гром, — тюрьма распалась пылью,
И Мирабо громит придворный сброд.
Он нам кричит: «Еще одну Бастилью!»
Был залит солнцем день великий тот.

Где мы посеем, — всколосится нива
И жатву снимет всех народов серп.
Про нас уж люди шепчут боязливо,
И короли цепляются за герб.
Свободы эра, сокрушив оковы,
Весь шар земной по кругу обойдет.
Среди развалин мир возникнет новый.
Был залит солнцем день великий тот.

Те речи для меня не потонули, —
Они дремали, погрузившись в тень,
И, под замком, чрез сорок лет, Июля
Я вижу вновь четырнадцатый день.
Свобода! Голос мой, отныне пленный,
Мне сквозь решетку светит луч нетленный.
Был залит солнцем день великий тот.

ЭЖЕН ПОТЬЕ

КОММУНАР

1

Коммунар — имя боевое!
Он стряхнет иго вековое.

Ему один разум закон.
Он вдаль идет без колебания,
За тем, что скоро солнце знания
Зажжет зарей весь небосклон.

Притев:

На борьбу с лихой нищетою,
На борьбу с рабством и нуждою,
Зарядив ружье, коммунар идет.

2

Коммунар – дружной рати воин –
С баррикад, весел и спокоен,
Под градом пуль смотрит вперед.
В глазах его горит отвага
И ярко-алый отблеск флага,
Который он гордо несет.

Притев.

3

Он идет за Коммуну биться
И стереть межи и границы
По всей земле – вот его цель.
Природы так богаты недра:
Она для всех источник щедрый,
А капитал – общий кошель.

Притев.

4

Бедняки долго гнули спины
В рудниках, в доках, у машины,
Обогащая лишь господ.
Рабочий требует возврата
Всего, что взял эксплуататор,
Всего, что создал сам народ.

Притев.

Мы пойдем вслед за коммунаром!
Смертный бой всем попам и барам –
Мы истребим их до конца.
На свете не должно остаться
Ни богатея-тунеядца,
Ни фабриканта, ни купца.
Припев.

ФРАНСУА КОППЕ

ОКТАБРЬ

Пока в холодный мрак не завернулся день
И птицы не летят от снега на чужбину –
Смотри, как ясен ряд далеких деревень,
Как в желтизне листвы краснеются рябины.

Вот месяц пурпурный пред тягостным концом,
Здесь осень бледная закатом озаряет
Деревьев строгий ряд – и золотым венцом
Природы красоту к могиле украшает.

Ты знаешь, о душа, что это все – обман,
Что отцветает лес... придет зима и круто
Сорвет листву и дни закутает в туман...
Лови свою мечту в последние минуты!

Еще не выпал снег: эмаль небес светла:
Сорви последний плод, последнюю отраду –
И вихрей северных колючая метла
Опалую листву сметет в аллеях сада.

СЮЛЛИ-ПРЮДОМ

НЕПОСТОЯНСТВО

Звезда моих причуд бывалых!
Узнай, что я когда-то звал их

Владычицами в свой черед.
Все хороши – и все несхожи
Между собой... и всё же, всё же
Затмил их чары твой приход.
Я каждую люблю – последней.
Но чем ее краса победней –
Тем глубже мука для меня.
И ты... тебя не так люблю я,
Как ту, от чьей руки умру я
При свете завтрашнего дня.

СОН

Крестьянин снился мне. Он говорил: «Ступай,
Паши и сей – я не кормлю тебя, как прежде»,
И ткач сказал: «Заботься о своей одежде».
И каменщик: «Иди, жилище создай».

И вот я был один навеки, без людей,
Влача повсюду груз их страшного проклятья.
Когда же к небесам дерзнул в мольбе воззвать я,
То на своем пути увидел лишь зверей.

Но я раскрыл глаза. Лучи зари белели,
Снаружи маляры и каменщики пели,
Жужжали все станки и колосилась рожь.

И я сказал себе: «Дорогу трудовую
Лишь об руку с людьми ты на земле пройдешь»,
Я счастлив с той поры, и всех людей люблю я.

ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ

Сонет

Как мало дел! Как велика затрата
Труда и сил. Как скучно! День и час
Бесплодные заботы мучат нас,
А время утекает без возврата...

«Я завтра бедняку снесу обед,
Я завтра кончу книгу начатую,
Тебе, душа, на завтра все скажу я,
Я буду прям и смел... Сегодня – нет».

Сегодня – сколько дел, шагов, визитов!
И как жесток приличий-паразитов
У чайного стола кишаший полк!

Мы позабыли сердце, мысль и книгу,
И, жизнь влача от мига и до мига,
Не можем истинный исполнить долг.

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

ПРИДВЕРНИЦА

Я замок раствору из мудрости и грезы.
Там – дверь высокая, ряд ветхих ступеней.
И хоть очаг потух – пролей над небом слезы
И в горести оплачь ошибку прошлых дней.

И если там, в лесу, где ветер тихо бьется,
Деревья свой убор роняют у ручьев –
Подумай, осень – тут, но гроздий не найдется,
Для тех, кто до зари бежали от трудов.

Я на пороге жду; за мной темнеют сени,
Темнее сумрака, где зябнет скорбь твоя.
Тот дом, где я живу, есть дом тоски и тени,
И осени в глаза смотрю спокойно я.

Приди. Раскрыта дверь. И если сердце сжалось,
Томясь под бременем истраченных забот –
Себя лишь упрекни, узнав, какую малость
В осенний сбор плодов твоя тоска сберет.

Пускай молчание одним ответом будет,
И если сельский стол не знает пышных яств –
Мой дом открыт для тех, кому не нужны люди,
Кто молча жребий свой во власть судьбе отдаст.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

ДОЖДЬ

Дождик прядет бесконечные нити,
Пряжу намокшую треплет и тянет,
Тусклое небо парами туманит,
Словно вода проливается в сите,
Дождь проливной без конца барабанит.

Так, со вчерашнего дня беспрестанно
Над деревьями, над нивой туманной
Ливень шумит,
Тихо струясь по земле и по крыше.
Реки вздымаются выше и выше;
Небо как мокрая тряпка висит.

А по дорогам, вдали, меж полями,
В старых рыдванах с большими верхами
В город поклажу везут.
Как в похоронной процессии, хмуро
Лошади мокрые тянут понуро
Тяжесть телег – и ползут
С храпом вперед без отдышки – туда,
Где колеи заливают вода.

Реки, бушуя, прорвали плотины.
И затопили в округе низины
Гряды, посевы, луга;
Мызы погибли, упали ограды;
Залито пеной ревущее стадо,
Смыты сенные стога.

Вечер подходит. Надвинулись тени.
Тихо сгущается сумрак осенний.
И в деревнях, закоптелых и старых,
В темных овинах и в ветхих амбарах,
Помнящих долгие, трудные зимы, –
Все почернело от гнили и дыма.

Трубы на кровлях давно покривились,
Крылья у мельниц к земле опустились,

Кучи белья на веревках не сняты,
Выбиты стекла в оконницах хаты,
Мокрой бумагою наспех заткнуты.
Ржавые шпили на башнях погнуты...

Дождь все закутает в серый покров.
Небо в лохмотьях седых облаков
Станет темнее свинца.
Дождь нескончаемый северных стран.
Льется и льется сквозь вечный туман.
Дождь – без конца.

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

ПОД СУРДИНКУ

Стихнув в сумерках дня
Под навесом высоких ветвей,
Всю любовь, что тебя и меня
Проникает – в молчаньи излей.

И душою, и сердцем мы
Отдадимся чуткой тиши
И наплывам вечерней тьмы,
Что меж сосен так хороши.

Очи полузакрыв,
Положивши руки на грудь –
Всякий образ, что в сердце был жив,
Навсегда, навсегда позабуди.

И пока поет ветерок –
Колыбельной отдайся волне,
Что так мягко проходит у ног
По курчавой и желтой траве.

А в час, когда строгая тьма
С почерневших дубов упадет –
Безнадежный, как скорбь сама,
Соловей запоеет.

Луна, белея,
В лесах горит;
Мечты нежнее
Голос звучит,
В ветвях таимый...

О, друг любимый!

В пруду мерцает
Полночный свет,
Ива склоняет
Свой силуэт,
Шурша, над нами...

Играй мечтами!

Покой глубокий
В небе ночном.
Купол высокий,
Звездным огнем
Весь осиянный...

О, час желанный!

КОШМАР

Я видел: пронесся во сне
Как ураган, на коне,
Держа в простертой руке
Оружье, поднятое вверх,
Тот кавалер

Старо-немецких баллад,
Что скачет чрез горы в град,
И в села... вперед, назад,
И ярко горит, как огонь
Сказочный конь

Из пламени и черноты,
Без стремени и без узды,
В полете безумной езды
Глухие рокочат слова
Всегда! Всегда!

И шляпа с длинным пером
Оттеняла черным крылом
Глаза, что в тумане ночном
Горели и гасли. Звения,
Так блещет копьё из огня.

Как грозной бури крыло,
Когда в пространстве темно,
Снега наметает легко –
Так плащ его вихрь поднимал
И в ночь развеивал,

И чудилось: из-под полы
Всё тело – из кости и мглы,
И четко блестели из тьмы
От криков, звучавших грубо,
Тридцать два зуба.

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

ОКНА

Устав от комнаты с больничною кроватью,
От ладана и штор с их пошлой белизной,
Спиной к огромному, унылому распятью
Вдруг поднимается нахмуренный больной.
Не столько для того, чтоб отогреть гниенье –
Скорее увидеть на плитах солнца свет –
Проковыляв к окну, прижмется в опьяненье
Костлявой головой, где волос хил и сед;

И утомленный рот, запекшийся и жадный
(Таким в былые дни вдыхал он аромат
От кожи девственной, желанной и прохладной!)
Лобзаньем длительным сквернит стекла квадрат.

И он живет, забыв часы, лекарства, кашель,
Постель, к которой он недугом присужден;
Когда ж закат, как кровь, за черепицей башен,
То видит взор его, сияньем напоен —

Галеры в золоте, прекрасные, как стая
Безмолвных лебедей на пурпурной реке,
Роскошных тел своих изгибы отражая
В великой неге вод, заснули вдалеке!

Так я, охваченный предельным омерзеньем
К погрязшим в счастья, но с холодом в сердцах,
Что ищут нечистот с таким упорным рвением
Для женщины с грудным ребенком на руках,

Бегу, чтобы прильнуть к тем окнам с головою,
Где можно жизни всей одно промолвить «нет»;
И там, в стекле, омытом вечною росой,
Которое златит Безбрежности рассвет —

Я ангелом кажусь! И я умру, желая
Да будет мастерством и таинством стекло —
Родиться вновь, свой сон в короне подымая,
Где небо прежнее Красою расцвело!

Но верх берут, увы! вседневные тяготы:
Порою их череда в приют доходит мой,
И чтоб не обонять, как пахнет Дури рвота,
Я зажимаю нос пред вечной синевою.

О ты, вкусивший желчь, проломишь ли в затворах
Те стекла, что сквернит чудовищная пасть,
Затем, чтоб унести на двух крылах бесперых
— И в вечность, может быть, сорваться и упасть?

ЗИМНЯЯ ДРОЖЬ

Эти саксонские часы, что отстают и бьют «тринадцать», украшенные цветами и божествами, — кому они принадлежали? Подумай, что их привезли из Саксонии в одном из длинных рыдванов былых времен.

(Странные тени виснут на обветшалых оконницах).

А твое венецианское зеркало, глубокое, как холодный водоем, в берегах из меди со стершеюся позолотой, — кто любовался в нем собою? Ах! Я уверен, что не одна женщина омывала в этой влаге грех своей красоты; и, может быть, я увидал бы там нагой призрак, если бы стал смотреть долго.

Негодный, ты часто говоришь мерзости.

(Я вижу паутины в вышине громадных окон).

Наш сундук тоже очень стар; посмотри, как этот огонь багрит его дряхлое дерево; ослабевшие занавеси пожили на своем веку, а обивка полинялых кресел, а старинные гравюры на стенах, а все наши старые вещи? Тебе не кажется, что бенгальские зяблики и голубая птица — и те выцвели от времени?

(Не думай о паутинах, что дрожат в вышине громад-ных окон).

Ты любишь всё это; вот почему я могу жить возле тебя. Не желала ли ты, сестра моя со взором, обращенным в прошлое, чтобы в одном из моих стихотворений предстали эти слова: «очарование блеклых вещей»? Тебе не любы новые вещи; они и тебя страшат своей крикливой дерзостью — тебе нужно, чтобы они износились, а это очень трудно сделать тем, кто не любит действовать.

Поди сюда, закрой свой старый немецкий альманах, который ты со вниманием читаешь, хотя и вышел он более 100 лет тому назад, и короли, о которых в нем говорится, все умерли; и опустившись на старый ковер, прижавшись головою к твоим дорогим коленям, к твоему поблекшему платью, о тихое дитя, часами буду я говорить тебе; нет более полей и улицы пусты; я буду говорить тебе о нашей мебели... Ты рас-сеянна?

(Эти паутины дрожат от холода в вышине громадных окон).

МОРИС МЕТЕРЛИНК

ПЕСНЬ БОГОМАТЕРИ

Всем, кто принял скорби крест
И кого гнетет проклятье,
Я раскрою в нимбе звезд
Благодатные объятья.
Всякий грех уйдет, как тень,

Пред моим любовным словом;
Душам вечность суждена
Под святым моим покровом.
Тот, кто, про любовь забыв,
На путях земных страдает –
Обретет меня в слезах
И вовек не потеряет.

Ее заключили в грот
И сделали знак у ворот:
Пресвятая забыла лучи,
И упали в море ключи.
Она всю зиму ждала и ждала:
Семь лет прошло. Каждый год
Прохожий мимо идет.
Она прождала всё лето;
И пока проходили года – у нее
Стали волосы белого цвета.
Ее искали, ее нашли.
Они между скал со свечами прошли
К давно позабытой пещере.
Но проходит странник в глубокой ночи,
Он не знает, откуда сияют лучи,
И не смеет приблизиться к двери.
Он думает: это таинственный знак,
Струи родника золотого,
Иль ангелов неба ночная игра...
И он возвращается снова.

ЖОЗЕ МАРИЯ ДЕ ЭРЕДИА

КОРАЛЛОВЫЙ РИФ

И солнца под водой таинственный восход
Являет взгляду лес пурпурного коралла,
Где теплая вода в кустах его смешала
Звериные цветы и зверя, что цветет.

И всё, на чем лежит морская соль и йод, —
Мох, звездный анемон, полиповые скалы, —
Роскошным багрецом заря обрисовала;
А в глубине воды такой же лес растет.
Вот рыба плавает под чащею густою,
Гася игру лучей блестящей чешуею,
В прозрачном сумраке скользя то там, то тут.

И вдруг, плеснув хвостом, как огненным сияньем,
Прорежет хрустали морской воды мерцаньем,
Где слиты золото, эмаль и изумруд.

ПЕРЕВОДЫ С ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

ШУТОЧНАЯ

Английская народная песня

Май расцвел в лесной тени
по полю и по лугу.
Я нашел себе в те дни
милую подругу.

Молода и свежа,
Очи лучезарны.
Поздно я узнал грустя,
Сколь она коварна.
Вот она со мной кольцом
брачным обменялась,
Мне создать счастливый дом
Перед всеми клялась.
Марш звенел,
Пунш кипел,
Пудинг был отменный.
Но, увы,
Не знали мы,
Как любовь мгновенна.

В руки забрала меня —
Да и как супруга.
Больше не проходит дня,
Чтоб я не был руган;

Что таить —
Даже бит
И при том до смерти.
Мой совет:
В расцвете лет
Девушкам не верьте.

РОБЕРТ БЕРНС

ПРОЩАНИЕ ГОРЦА

Я сердцем в нагорьи, в родимых краях,
Где сосны седые по кручам стоят.
Там гонят оленей звук рога и лай.
Стремлюсь я всем сердцем в нагорный мой край.

В какой бы земле ни пришлось мне блуждать,
Все же в горы сюда вернусь я опять.
Прощайте, горы в глубоких снегах,
Медовый клевер на сочных лугах.

И вы, деревья могучих лесов,
И мшистые камни, и ропот ручьев.

Я сердцем в нагорьи, в родимых краях,
Там сосны седые по кручам стоят.
Там гонят оленей звук рога и лай.
Стремлюсь я всем сердцем в нагорный мой край.

ГЕБРИДСКИЕ ПЕСНИ

1. Сборщицы водорослей

День за днем
мы идем
в час отлива на побережье.
Всем селом
мы идем
за морской травой.

Так же резки крики чаек
и ползут туманы,

так же хмуро отвечает
голос океана.

2. За прялкой

Девушки, пойте, пойте!
Прялка, пряди живей!
Как веретена пляшут,
Тянутся нити наши.
Нити выпрядем,
Лэди вырядим,
Знатная будет тканьь.
Леди износит платье,
Кончится царство знати,
Скоро для нее мы
Саван выпрядем.
Прялка, пряди, пряди!

ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Мне скоро минет восемь лет.
Я хотел бы меньше быть:
Трех лет моей сестренке нет,
А ей куда привольней жить!

КАЛМЫЦКАЯ ПЕСНЯ

Там, под ивой, что за бродом,
Невод свой раскинул я.
Как туман над рекою
Жизнь грустна моя.

Руки больно режет невод,
Холодна в реке вода.
Тяжек труд рыболова
И гнетет нужда.

У богатых, у хозяев
В юртах пир идет горой.

А бедняк в горькой доле
Тянет невод свой.

НА РИСОВЫХ ПОЛЯХ
Японская революционная песня

Там, в полях сырых,
Зреет пышно рис.
Маки в садах,
Как огонь, зажглись.
Целый долгий год
Градом лился пот.
Труд наш тяжелый
Нам пойдет ли впрок?
Кто себе возьмет
Стадной жатвы плод?
Братья! Мы знаем — кто!
Стадной жатвы плод
Зверь-богач возьмет!
Хой! Хой! Хой! Хой! Хой!
Там, в полях сырых,
Зреет пышно рис.
Жатву с полей
Всю возьмет богач.
Горек наш удел:
Голод и нужда.
Долго ль еще
Будем мы терпеть?
К жатве рис готов —
Блещет сталь серпов.
В битву! Сомкнем ряды!
Блещет сталь серпов —
Дружно выйдем в бой!
В бой! В бой! В бой! В бой! В бой!

Там, в полях сырых,
Зреет пышно рис.
Маки в садах,
Как огонь, зажглись.
Но алей, чем мак,
Вспыхнет красный флаг!

Мир наш построим –
Новый мир труда.
Весь Восток в огне.
Мчится вдаль напев:
Близок новый сев.
Хой! Хой! Хой! Хой! Хой!

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ

Драма в двух актах

Лица:

ГЕОРГ МИЛЬНЕР, художник.

СОФИЯ, его сестра.

ЛОЙТХОЛЬД, доктор.

МАША, натурщица.

ЕЛЕНА.

ФРАУ ВЕБЕР.

ПЕРВЫЙ АКТ

Большая мастерская художника. Возле высокого окна – стол для гравировки, на нем начатые работы и всевозможные приспособления. Слева мольберт, на нем перевернутый экран. Посреди комнаты стоит еще один большой мольберт, около него скамеечка с разными чашками и пузатыми бронзовыми сосудами, в которых стоят кисти. Узкий комод с ящиками для красок. На нем всевозможные мелочи, между прочим, маленькое зеркало, бутылка коньяку, стаканчики, коробка с папиросами и красная японская вазочка с печеньем. Возле комода – глубокое дедовское кресло с широкой спинкой и широкими ручками; против него стоит красный лакированный соломенный стул; стул и кресло поставлены так, как будто бы на них сидят и разговаривают. Задняя стена вся сплошь состоит из одного окна. У стены слева: черный шкаф, на нем череп в шапочке, терракотовая статуэтка и корона. На стене – масса эскизов углем, сангиной и масляными красками; они частью вставлены в рамки, частью нет. На переднем плане – низкая, круглая железная печка, на ней кое-какая кухонная посуда. Рядом со шкафом – входная дверь из передней.

У правой стены: возле окна, совсем близко – кушетка, покрытая ковром, на котором лежит еще несколько сверкающих, шитых золотом тканей. Стена за кушеткой задрапирована до половины зеленой материей. Там и сям развешаны картины. Маленькая фотографическая карточка убрана свежими весенними цветами. На полке ряд низеньких нидерландских трубок с длинными чубуками, затем небольшие скульптуры, куклы, рельефы и т.д. У конца кушетки одностворчатая дверь, ведущая в спальню. На переднем плане – подножие, наполовину скрытое ширмами; на ширмы наброшены драгоценные покровы старинного, алого бархата, расшитые золотыми узорами. Совсем у края сцены – большой стол, служащий в качестве письменного; на нем – бумаги, письма, книги и множество мелочей; у стола этажерка со светлыми, большей частью не переплетенными книгами. Мастерская находится на окраине города. Время действия – вскоре после полудня. За окном видны серые, гладкие крыши, высокое весеннее небо и верхушка сосны, слегка покачивающаяся.

Георг Мильнер, художник; не очень высокого роста; ему года 24; он – белокурый, с мягкими волосами и с маленькими усами.

ГЕОРГ (выходит из спальни в черном сюртуке и черном галстуке; он разглаживает руками костюм, который, видимо, только что надел, и стряхивает с него пыль. Совершенно занятый этим, подходит к окну. Смотрит некоторое время. Затем быстро оборачивается, ходит по сцене, как бы отыскивая что-то, находит, наконец, на комодѣ зеркало, хочет посмотреть свой галстук и делает недовольный жест, так как зеркало все в пыли. Достает носовой платок, протирает зеркало и бросает платок на стул. Затем смотрится в зеркало и оправляет галстук). Так (с видимым облегчением делает несколько шагов по направлению к окну. Смотрит на часы). Так... Три часа... еще много времени. (Возвращается к комоду и берет коробку с папиросами. Ворчит) Пыль! За что ни возьмись! (Достает папиросу. В это время кто-то стучит. Он говорит, не обращая вниманья). Да (и начинает искать спички. Находит коробку, достает спичку и зажигает ее. Опять стучат. Георг говорит раздраженно) Да – войдите же (а спичка между тем гаснет. Он бросает ее на пол, достает новую и, зажигая папиросу, не особенно внимательно глядит на дверь).

Девушка в соломенной шляпе и очень простом черном платье; она входит тихо и застенчиво. Георг говорит, помахивая спичкой в воздухе). Благодарю, благодарю! Мне не нужно натурщицы. *(Отворачивается, курит).*

МАША. Я, господин Мильнер... я...

ГЕОРГ *(быстро оборачиваясь)*. Маша? Ах, вот кто! Со всем не узнал тебя. В черном? Ну, что ж такое приключилось?

МАША. Просто я хотела зайти...

ГЕОРГ. Так. Мы давно не видались. Хорошо поживаешь?

МАША. Я-то... пожалуй. Но разве я вам совсем больше не нужна?

ГЕОРГ. Я теперь не работаю. Не присядешь ли?

МАША. Хорошо. Но ведь вы, кажется, собираетесь уходить?

ГЕОРГ. Почему ты знаешь?

МАША *(указывая на его костюм)*. Ну, ведь вы так...

ГЕОРГ. Ах, вот что. Да, потом, попозже; мне нужно будет... Ну, садись. Много работы?

МАША *(подходит и садится на соломенный стул. Георг одним коленом опирается о ручку кресла)*. Нет, никто не занимается.

ГЕОРГ *(улыбаясь)*. Ну, вот видишь, я тоже.

МАША *(также улыбаясь)*. Что же вы делаете весь день?

ГЕОРГ. Служу своему костюму, то есть хожу в гости, меня приглашают...

МАША. Это вам доставляет удовольствие?

ГЕОРГ. Нет.

МАША. Так что же?

ГЕОРГ. Видишь ли, я не могу делать того, что доставляет мне удовольствие.

МАША. А писать?

ГЕОРГ. Вот именно – писать.

МАША. Не можете?

ГЕОРГ. Нет.

МАША. Так я вам и поверила! Зимой...

ГЕОРГ. Зимой – да. В темные ноябрьские дни... Ты же знаешь... Как часто я дожидался света, когда в одиннадцать все еще было темно. Как страшно мне тогда бывало. Ведь легко мог пройти день совсем без – дня. И вот, как раз в такие часы я мог – и упускал это. А теперь я сплю до полудня, чтобы только не видеть этого множества ненужного света, который с раннего утра льется в окно.

МАША. Может быть, это происходит еще и оттого, что вы поздно возвращаетесь домой? *(Пауза)*.

ГЕОРГ *(серьезно)*. Может быть – и оттого, что я поздно возвращаюсь домой. Да. Ведь нужно рассеяться...

МАША. Да, рассеяться, а потом – собрать себя.

ГЕОРГ. Что? Что ты сказала?

МАША *(смущенно)*. Мне так просто взбрело на ум, к слову пришлось...

ГЕОРГ. К слову пришлось... А вдруг ты умна?

МАША *(смеется)*. Да нет, это только слова... *(В смущении запинаяется)*.

ГЕОРГ. Скажи-ка, ты ведь училась кое-чему?

МАША. Мало. Как раз, когда я выучилась хорошо читать – мы обеднели.

ГЕОРГ. Сразу?

МАША. Да, в одну ночь. Отец спекулировал. А потом...

ГЕОРГ. Так, так. А читать ты, значит, уж умела?

МАША. Да, это я уж умела. Раньше я все стояла перед отцовскими книгами и думала: если б я только могла их прочесть. А когда я выучилась...

ГЕОРГ. Ну, что же случилось тогда?

МАША. А то, что у нас больше не было книг.

ГЕОРГ. Ах, вот, – у вас всё отобрали?

МАША. Да, у нас всё отобрали.

ГЕОРГ. А потом?

МАША. А потом... *(Становится грустной)*.

ГЕОРГ. Если ты захочешь взять что-нибудь из этих книг... *(указывает на этажерку)*.

МАША. О, с удовольствием! Я давно уж хотела попросить у Вас. *(Пауза)*.

ГЕОРГ. Тут ведь немного. Но, может быть, ты все-таки разыщешь что-нибудь. *(Пауза)*. Чего ты на меня так смотришь?

МАША. Вы сейчас выглядите совсем как тогда.

ГЕОРГ. Когда?

МАША. Как в ноябре, когда вы писали.

ГЕОРГ. Когда я писал...

МАША. Да так... так... смиренно...

ГЕОРГ. Как?

МАША. Это не то слово. Нет. Я совсем не то хочу сказать.

ГЕОРГ. А что же?

МАША. У вас такое лицо, какое бывает за работой и – и другое еще.

ГЕОРГ (*кладет папиросу в пепельницу*). – Гм! А как же выглядит то лицо, которое у меня бывает за работой?

МАША (*спокойно*). Благочестиво.

ГЕОРГ (*серьезно смотрит на нее. Маша встает*). И сегодня у меня это – это лицо?

МАША. Да. (*Пауза*).

ГЕОРГ (*помолчав, с улыбкой*). Так значит, я опять должен воспользоваться твоими услугами?

МАША (*радостно*). О да!

ГЕОРГ (*нерешительно*). Может быть. (*Он начинает нервно ходить взад и вперед*). Может быть; планов-то у меня много, на все время хватит... но один план расстраивает другой... Временами только... Как-то на прошлой неделе, в дождливый день, к вечеру, вдруг все стало золотым-золотым, как в сказке – после дождя. Земля влажная, насыщенная... Это фон. И на нем все – сияющее, все с ясными очертаниями, так просто, так трогательно просто... Это было на прошлой неделе в четверг; и потом – у кого хватит духу, тут же и начать – начинать всякий раз сейчас же. А то раздумываешь...

МАША. И рассеиваешься...

ГЕОРГ (*останавливается*). Ты права, я скоро позову тебя, Маша.

МАША. Завтра.

ГЕОРГ. Завтра? Уже завтра? Вряд ли. Я поздно вернусь домой... и потом, надо же здесь прибраться... и... Смотри, как всё выглядит.

МАША быстро снимает шляпу и пальто.

ГЕОРГ. Что еще?

МАША. Пыль вытереть. Есть у вас тряпки?

ГЕОРГ. Ты сейчас хочешь?

МАША. Да, сейчас. Где тряпки?

ГЕОРГ. Но...

МАША открыла шкаф, что стоит налево, и ищет.

ГЕОРГ (*выдвигая нижний ящик шкафчика*). Вот здесь, здесь (*он кидает ей две пыльные тряпки, и она начинает*

вытирать шкаф и приводить все в порядок; при этом она расставляет вещи без симметрии, но со вкусом. Георг закуривает еще одну папиросу и становится спиной к окну, прислонившись к столу для гравировки. Он наблюдает за ней).

МАША (стоит на коленях у мольберта; все еще занята; говорит тихо). Но, может быть, вам на этот раз нужна натурщица с лицом?

ГЕОРГ. Почему? (Курит).

МАША (стоя, вытирает пыль с картин на левой стене). Ну, у меня только руки и ноги чего-нибудь стоят...

ГЕОРГ смотрит на нее. МАША оборачивается к нему с вопросом во взгляде, потому что он не отвечает.

ГЕОРГ (вдруг поспешно бросает папиросу и спешит к мольберту). Стой, ради бога, стой, стой так... (Маша спокойно сохраняет позу, а Георг носится по мастерской, перерывает доски и экраны, ставит картон на мольберт, открывает шкаф, достает коробку с рисовальным углем и начинает работать у мольберта летучими штрихами. Весь в пылу работы). Так, так... руки ты можешь преспокойно опустить... (Растегивает сюртук и кидает его на пол).

МАША неподвижна.

ГЕОРГ (продолжая работать). Опустил руки. Мне нужно только лицо.

МАША тихо, словно пораженная изумленьем, опускает руки.

Георг работает. Маша внезапно в горячем порыве закрывает лицо руками.

ГЕОРГ. Маша! Маша! Господи, Боже мой, теперь ты мне все испортишь!..

МАША рыдает.

ГЕОРГ (бросает уголь). Ну, теперь кончено...

МАША (испуганно). Нет, нет – извините, я... (Она отнимает руки от лица и пробует принять прежнее положение).

ГЕОРГ (*злобно*). Да, конечно, так... Почему ты, черт возьми, не можешь стоять смирно?

МАША (*совсем смущенно*). Извините... я...

ГЕОРГ. Извините! Теперь конечно... ты совсем заплакала... Довольно.

МАША (*печально продолжает стоять*).

ГЕОРГ. Довольно, говорю я! (*Швыряет рисунок об стену, потом замечает, что он в одном жилете, поднимает сюртук и снова надевает его*).

МАША (*подходит*).

ГЕОРГ. Чего еще?

МАША (*смущенно*). Сюртук ваш... Он совсем запыхлился...

ГЕОРГ. Ну, так почисти меня.

МАША (*ищет щетку*).

ГЕОРГ (*указывает на стол*). Там.

МАША (*берет щетку и чистит. Пауза. В это время стучат*).

ГЕОРГ (*громко*). Войдите. (*Голос за дверью: «Можно?»*). Ты, Софи. (*Голос: «Да, я»*). Входи, сестренка.

МАША (*перестает чистить, со страхом поглядывает на дверь*).

СОФИЯ. Стареющая девушка, просто одетая, с пробором в волосах; она некрасивая, но нежная; у нее умные и добрые глаза, которые готовы понять все. Она запирает за собою дверь и не решается подойти, видя Машу.

ГЕОРГ. Добрый вечер! Иди, иди. Это Маша. Ты знаешь, она только чистит меня. Ведь мне нужно на обед к Малингам.

СОФИЯ (*подходит*). Добрый вечер, Георг. (*Маше*). Добрый вечер. (*Протягивает ей руку. Маша, видя это, поспешно и молча подает ей руку и сейчас же отнимает ее. Заметно, что она удивлена такой любезностью. Потом она сейчас же находит себе занятие: укладывает тряпки в ящик комода, который все еще выдвинут, и спешит одеться*).

СОФИЯ. Куда тебе надо идти, говоришь ты?

ГЕОРГ (*предлагает ей место на кушетке, а себе придвигает соломенный стул*). К Малингам.

СОФИЯ (*садится на кушетку*). А разве сегодня не свадьба молодого Малинга?

ГЕОРГ (*садится, обратившись наполовину спиной к публике*). Вот именно. То-то и есть. В церковь я не поеду, потому что не люблю этих церемоний. Но от приглашения на обед я не мог отделаться. Молодой Малинг очень привязался ко мне за последнее время и обидится, если я не приду. И потом, к обеду приглашен довольно близкий кружок. Не нужно даже фрака, как видишь. А ты – как ты поживаешь? Здоровы вы с мамой?

СОФИЯ (*улыбаясь*). Ах, мама-то ведь и направила меня сюда. Она тебя не видала три дня и беспокоится. Ты ведь знаешь, какая она. А еще она прошлую ночь видела тебя во сне, и теперь ей кажется, что с тобой непременно что-нибудь приключилось. Но больные люди суеверны, знаешь ли – ведь ты здоров?

ГЕОРГ. Да – если ты только хроническую лень не считаешь за болезнь.

СОФИЯ (*улыбаясь*). О, нет – не за смертельную, во всяком случае.

ГЕОРГ (*серьезно*). Все-таки! В известном смысле... (пауза). Но ты можешь сказать маме, что я только что отправился к Малингам, то есть, значит, в Hotel l'Europe; там будет обед. А что мама поделявает?

СОФИЯ. О, как всегда. Но, кажется, mademoiselle... Маша хочет сказать тебе что-то... (*Она показывает головой на Машу, которая уже совсем одета и в нерешительности стоит у двери*).

МАША. Я только хотела сказать... Я сейчас уйду.

ГЕОРГ (*немного приподнявшись, вполоборота*). Хорошо, хорошо. Прощайте, Маша.

СОФИЯ. Прощайте.

МАША. Добрый вечер, барышня (*уходит*).

СОФИЯ. Так это Маша? Знаменитая Маша.

ГЕОРГ (*рассеянно*). Да, Маша.

СОФИЯ. О которой ты мне рассказывал в ноябре, когда рисовал большую картину...

ГЕОРГ (*вдруг поспешно вскакивает*). Прости, на минутку.

СОФИЯ. Да...

ГЕОРГ (*быстро идет к двери, открывает ее и зовет*). Маша! (*Пауза. Шаги на лестнице затихают*). Маша! (*Голос снизу*): «Сейчас!»

Слышны быстрые шаги наверх, Маша, очевидно, вернулась, но стоит за дверью. Георг говорит.

ГЕОРГ. Я только хотел сказать вам, Маша: это ничего не значит. Знаете, — то.

МАША (*запыхавшись*). О, мне было так стыдно...

ГЕОРГ. Стыдно?.. Ну я же сказал: это ничего не значит. Может быть, еще не все потеряно, эскиз ведь тут, и в мыслях у меня тоже цело. Приходите-ка завтра.

МАША (*в неопишуемой радости*). Да?

ГЕОРГ (*спокойно*). Да, пораньше — в восемь или в половине девятого. Идет?

МАША. Да, конечно, да.

ГЕОРГ. Значит, хорошо. До свиданья (*запирает дверь и быстро возвращается*). Прости... нам нужно было сговориться кое о чем.

СОФИЯ. Как ты прилежен... Завтра хочешь работать уже с восьми часов?

ГЕОРГ. Нет, нет, это только попытка... Маша думала... — Хорошо, впрочем, что ты подала ей руку...

СОФИЯ. Ах! Я ведь была с ней почти знакома, по твоим рассказам. Ты зимою много говорил о ней. И потом. Я думаю, она не натурщица, не такая, как все они.

ГЕОРГ. Нет, нет...

СОФИЯ. Но она не к р а с и в а?

ГЕОРГ. Разве я говорил это когда-нибудь?

СОФИЯ (*улыбаясь*). Нет, но я всегда представляла ее себе такой. Со строгим тихим лицом, немного бледной, с прекрасным молчаливым ртом, с гордым лбом и глазами... Глаза, действительно, почти такие, как я создала ей в воображении.

ГЕОРГ (*поспешно*). Да, не правда ли, глаза! Я тоже обратил на них сегодня вниманье! (*Пауза*). Может быть, ты и в остальном не ошиблась...

СОФИЯ (*вопрошающе смотрит на него*).

ГЕОРГ. Я думаю, таков, быть может, образ ее души. (*Пауза. Внезапно*). Знаешь, Лойтхольд может придти с минуты на минуту. Тебе не будет неприятно встретиться с ним?

СОФИЯ. Неприятно? Нет.

ГЕОРГ. Ну, я думаю, если отклонить чье-нибудь предложение, то...

СОФИЯ. О, так-то, по-дружески; бывать ему у нас уж, конечно, больше нельзя. Мама нашла бы это странным. В самом деле, ведь нет формы отношений для людей, которые не повенчались в свое время. Но потому-то именно и было бы возможно установить отношения, которые не предусмотрены никакими правилами; отношения, которые далеки от всего общепринятого. Правда?

ГЕОРГ. Bravo! Это идея! Да, это даже моя идея. Задача моей жизни, так сказать.

СОФИЯ. Не слишком ли это маленькая задача для целой жизни?

ГЕОРГ. Что ты хочешь сказать?

СОФИЯ. Да разве все настоящие отношения не таковы — не далеки от общепринятого?

ГЕОРГ. Дитя, дитя, блаженное ты дитя...

СОФИЯ. Нет, кроме шутки, наши, например.

ГЕОРГ. Наши? Гм. Не будь ты моей сестрой, пришла бы ты разве сюда, в мастерскую?

СОФИЯ. Да, но в какой роли могла бы я придти сюда?

ГЕОРГ. Ну, в роли дамы, знакомой, подруги...

СОФИЯ. Подруги?

ГЕОРГ. Ага, вот видишь...

СОФИЯ (*смеясь*). Ну, конечно, я пришла бы, к тебе я пришла бы.

ГЕОРГ (*смеясь*). Ладно, ладно... верю уж. (*Пауза. Серьезно*). Если бы ты все-таки пришла.

СОФИЯ (*не понимает*). Георг?

ГЕОРГ. Да, я очень одинок, очень, очень одинок. Я уж подумывал, не переехать ли мне к вам. Ведь у вас есть еще одна свободная комната. И тогда можно было бы, в самом деле, быть вместе. Маме, и тебе, и мне. Вечером, например, правда? Мы бы читали; но это утомляет глаза при лампе — значит, разговаривать, рассказывать — а то и молчать... Это совсем не то, что молчать одному... Я часто мечтаю: вот мы сидим так вместе... (*Останавливается, заметив недоверчивый взгляд у Софии*). Гм?

СОФИЯ. Георг, я боюсь, ты не о нас мечтаешь...

ГЕОРГ (*удивленно*). Не о вас? А о ком же?

СОФИЯ. А вот... о результате твоей жизненной зада-
чи.

ГЕОРГ (*делает отрицательное движение рукой и, после паузы, говорит тепло*). Мне очень хочется помочь тебе, Софи.

СОФИЯ (*видимо, очень удивлена*). Помочь?

ГЕОРГ. О, я знаю, тебе нелегко приходится – весь день у матери, и так годами... Старость делает ее неблагодарной, а страдания – капризной. Я могу представить себе, что это такое...

СОФИЯ. Сказать тебе одну вещь, Георг? Я теперь вижу: и у меня, совершенно не по моей воле, оказалась та же самая жизненная задача, что и у тебя.

ГЕОРГ.?

СОФИЯ. Создать такие отношения, которые далеки от всего общепринятого. (*Тише*). Я давным-давно ушла от моей матери, Георг, – но я нашла человека, бедного человека, который жалуется; я служу ему, и для него я – всё. Ведь это я опускаю вечером занавески у нее в комнате, и делаю темно, и снова открываю свет, раздвигая ставни поздним утром. И мои руки приносят ей пищу и лекарство, и когда я тихим голосом читаю вслух – к ней приходит сон, ... Ты напоминаешь мне о том, что этот человек – моя мать.

ГЕОРГ (*тепло протягивая ей руку*). Наша мать!

СОФИЯ (*протягивает ему руку. Они смотрят друг другу в глаза. Пауза*). А мама, наверное, ждет меня.

ГЕОРГ. Да, но ведь тогда ты не увидишь Лойтхольда.

СОФИЯ. Жаль, но уже поздно. Часто он бывает у тебя?

ГЕОРГ. Нет, он, знаешь ли, необщительный человек; но сегодня он обещал зайти за мной, чтобы отправиться вместе на этот обед...

СОФИЯ. Он тоже дружен с Малингами?

ГЕОРГ. Да, и, кажется, больше со старым бароном, чем с Рольфом. Он ведь, так сказать, принадлежит к другому поколению.

СОФИЯ. Да, да, теперь это так скоро делается...

ГЕОРГ. Да... хотя молодые... (*стучат*). А вот это, может быть, он. Войдите. – Так и есть!

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД (*входит*). (*Он стройный, художавый*). Добрый вечер! (*Останавливается в изумленье, видя Софию, и не сразу узнает ее, потому что близорук; внезапно говорит*). О, сударыня!

СОФИЯ (*идет к нему, протягивает ему руку*). Здравствуй-те, доктор! Мы только что говорили о том, к какому поколению вас отнести – к старому или к новому?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД (*подает Георгу руку и потом говорит, снимая pinse-nez*). Пожалуйста, ни к какому! Но если уж меня непременно нужно приткнуть к какому-нибудь, то отнесите меня к старому поколению. Я лучше сперва посижу да подожду там, не будет ли чего нового.

СОФИЯ. Как, вы думаете?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Я не думаю, чтобы разрушенное старое представляло из себя что-нибудь новое.

ГЕОРГ. Но вы все же согласны, что старое надо убрать?

СОФИЯ. И так, чтобы не обидеть его при этом?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Вы меня слишком уж обо многом спрашиваете. Возможно, что и не понадобится разрушения, потому что Новое, может быть, вообще не взойдет на этой, – оскудевшей, обремененной развалинами почве, – а где-нибудь на новой девственной земле...

СОФИЯ. Так вы думаете, на свете столько места?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. О, если на свете больше и нет земли – нетронутой земли, то оно возникнет из моря, это Новое...

ГЕОРГ. Вы поэт, доктор.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Но только старомодный – такой, которого вы, наверное, не станете читать.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. О, я-то – я, вообще, никаких поэтов не читаю. У некоторых я люблю два-три стиха, и хоть это все совершенно различные поэты, романтики и декаденты, французы, итальянцы, немцы, русские, – мне кажется, что мои любимые стихи все написаны одним поэтом – до того они похожи друг на друга.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. В конце концов, у всех только и есть один творец.

ГЕОРГ. Так... вы думаете, это – Господь?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. А вы думаете, это Он?

ГЕОРГ (смущенный). Я не знаю (*Пауза*).

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД (*смотрит на часы*). Но мне кажется...

ГЕОРГ (*словно проснувшись*). Да, конечно, пора. Экипаж внизу?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Да.

ГЕОРГ. Присядьте, пожалуйста, на минутку! Софи, предложи доктору папирос. Ты знаешь, где они. Я сию минуту... *(быстро идет в спальню)*.

СОФИЯ *(указывает на кресло)*. Пожалуйста. Вы курите?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Нет, благодарю вас, сейчас, перед обедом, – нет.

СОФИЯ *ставит себе соломенное кресло*.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД *(спешит помочь ей)*. О, простите, пожалуйста *(хочет взять кресло)*.

СОФИЯ. Спасибо, доктор. Я привыкла обходиться сама, без посторонней помощи *(садится)*.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД *(садится прямо, не прислоняясь к спинке. Пауза)*.

СОФИЯ. Вы дружны с Малингами?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Хорошо знаком. У старого барона мне часто приходилось бывать в качестве врача. И потом, я еще знаю семью невесты молодого Малинга.

СОФИЯ. Так, значит, вас вдвойне касается эта свадьба? И вы не были в церкви?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Нет, я не могу видеть свадеб.

СОФИЯ. Вы боитесь этого жуткого зрелища?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Меня коробит все громкое, показное в этом обычае.

СОФИЯ. По-вашему, надо тихо венчаться?

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Да, так незаметно, как только можно. По-моему, лучше уж пусть хоронят человека с шумом; мертвому никто не завидует!

СОФИЯ. Это правда, – мертвому никто не завидует. Как хорошо, что вы говорите так!

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Почему?

СОФИЯ. Значит, вы любите жизнь.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД *(улыбается)*. Я живу.

СОФИЯ. И этого достаточно. Вы не принадлежите к старому поколению, доктор.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД *(с улыбкой)*. А оно не живет разве?

СОФИЯ *(медлит с ответом)*. Не так...

ГЕОРГ *(входит в пальто; шляпа и перчатки у него в руке)*. Вот и я. Идем? *(Доктор Лойтхольд встает)*.

СОФИЯ. Тебе, наверное, уже давно пора, Георг?

ГЕОРГ. Ну ведь мы через несколько минут будем там.

СОФИЯ (*доктору Лойтхольду*). Так значит, всего хорошего, доктор. Как жаль, что вам уже пора уходить. Может быть, мы случайно опять как-нибудь встретимся тут.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. И у вас не явилось бы недоверия к этому «случаю»?

СОФИЯ. Нет, потому что, в конце концов, каждый случай — закон.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. А законы вы читаете?

СОФИЯ. Да, некоторые законы, например...

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. Например?

СОФИЯ. Например, закон дружбы. (*Подает ему руку*).

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД (*почтительно целует поданную ему руку*). Благодарю, благодарю вас.

СОФИЯ. И до свиданья.

ДОКТОР ЛОЙТХОЛЬД. До свиданья, да.

ГЕОРГ. Но мы, по крайней мере, все вместе сойдем по лестнице. Пожалуйста. (*Он открывает дверь и пропускает Софию и доктора Лойтхольда вперед, потом идет сам*).

В продолжение нескольких минут сцена пуста. Потом дверь отпирают снаружи и входит Маша, натурщица, и женщина с метлой, ведром и тряпками.

МАША (*весело*). Так, фрау Вебер. Я же знала, что у швейцара есть ключ от двери. Входите. (*Она уже сняла шляпу и пальто и надевает большой фартук*.) Нам надо поторопиться. Еще часа два будет светло. За это время надо сделать главное. Вы сейчас же можете начать... с печки.

ФРАУ ВЕБЕР (*суется*). Да, да, поздно уж нынче! И комната не мала... было бы умнее завтра...

МАША (*нетерпеливо*). Нет, нет, этого никак нельзя, — к завтрашнему-то ведь всё и должно быть прибрано.

ФРАУ ВЕБЕР (*надевая фартук*). Вон оно что! (*Начинает убирать*). Верно, тут праздник завтра!

МАША (*уже занятая уборкой стола говорит с сияющей улыбкой*). Да, фрау Вебер, — праздник.

Занавес падает.

ВТОРОЙ АКТ

На следующий день. Утро. Георг сидит в покойном кресле, курит, пьет кофе, перелистывает альбом с эскизами.

Стучат.

ГЕОРГ. Да?

МАША. С добрым утром.

ГЕОРГ. А, Маша. Входи, входи.

МАША (*быстро проходит на передний план*).

ГЕОРГ (*спокойно продолжая перелистывать*). Хоть я и не буду работать...

МАША (*испуганно*). Не будете?

ГЕОРГ. Нет. (*С улыбкой*). Разве у меня то лицо, которое бывает за работой?

МАША. Нет, – но...

ГЕОРГ. Но?

МАША. Вы, кажется, так радостны.

ГЕОРГ. Я и рад, в самом деле. Со мной произошло нечто, и это...

МАША. Вчера?

ГЕОРГ. Да, поздно. Нечто совсем неожиданное.

МАША. И это вас радует. Правда?

ГЕОРГ. Да.

МАША. Но ведь это пустяки...

ГЕОРГ (*вопросительно смотрит на нее*).

МАША (*смущенно*). Не стоит и речи. Я думала, раз вы уж сегодня будете работать...

ГЕОРГ. Ты думаешь?

МАША. Ну, вот потому я и прибрала тут все... но это, право, не стоит и речи, господин Мильнер.

ГЕОРГ (*удивленно смотрит по сторонам и только теперь замечает, что мастерская блестяще убрана*). А, да-да.

МАША. Вы даже не заметили...

ГЕОРГ (*поспешно, видя ее разочарованное лицо*). Да нет же, конечно, заметил. Я хотел сказать: и это. В самом деле, сюрприз. Очень хорошо. – Спасибо, Маша.

МАША (*отвернувшись, холодно*). О, пожалуйста.

ГЕОРГ. Это как раз кстати, именно сегодня. Тут сегодня должно выглядеть по-праздничному.

МАША. Значит, вы все-таки собираетесь работать? (*Оборачивается к нему*).

ГЕОРГ. Не для работы, нет. У меня будут гости.

МАША. Вот как?

ГЕОРГ. Да, одна дама.

МАША. Вот как?

ГЕОРГ. Да, одна молодая дама.

МАША. Вы хотите писать ее?

ГЕОРГ. Да, и писать... Может быть, и писать. (*Отвечая на свои мысли*). Нет, это было слишком замечательно – вчера. Я хочу тебе рассказать... у тебя есть время?

МАША. Время-то у меня есть

ГЕОРГ. Ну так садись.

МАША (*продолжает стоять*).

ГЕОРГ. Ну вот, ты ведь можешь себе представить, каково бывает на парадных обедах. Сухо и скучно. Особенно на таком свадебном обеде. Безвкусные тосты, постоянное смущение и глупый смех. Конечно, я вчера и не ждал ничего другого. Но я был немножко в настроенье, наговорил целую кучу, и тогда произошло то, замечательное.

МАША. Неожиданно.

ГЕОРГ. Да, неожиданно. Она поняла меня. Я хочу сказать: она по-настоящему поняла меня, между слов. Понимаешь, мы видели друг друга в первый раз, и вот, без всякого введения, без всякой условности... Человек с человеком. Ты не можешь представить себе, что это такое. После обеда мы удалились в угол и рассказывали – каждый про себя. Оба мы перебирали отдельные подробности, потому что главное мы все знали друг про друга. Все существенное. Разве это не замечательно.

МАША (*пробует улыбнуться*). О да, это должно быть...

ГЕОРГ. Что?

МАША. Я хочу сказать, что это, вероятно, редко бывает.

ГЕОРГ. Чего, чего только не приходится пережить, чтобы подойти к человеку. Потрясения, ошибки, смертные случаи нужны для этого. Вломиться нужно к человеку, напасть на него в час, когда он беззащитен. Надо быстро и властно войти вместе с тем самым происшествием, которому человек как раз отворил дверь. А тут: все было открыто, и вот – я вошел. И тогда... (*Смотрит на нее*). Ты хотела что-то сказать?

МАША. О нет, я только думала, что это должно быть очень хорошо.

ГЕОРГ. Очень хорошо, Маша, очень хорошо! Подумай только — подойти к человеку, когда в нем все спокойно. А не в бурю, в неизвестность, как это обыкновенно бывает. Прийти во время его мира, его полдня, и прийти, как тот, кому все уготовано.

МАША. Да, да.

ГЕОРГ. Ты понимаешь меня?

МАША (*пробует улыбнуться*). Немножко.

ГЕОРГ (*улыбается рассеянно*). Хорошо, хорошо! Ведь я говорю много такого... Но мне нужно хоть раз найти слова для всего этого, и услышать эти слова. Даже если бы я был один, я бы все равно рассказывал все это...

МАША. О, — (*печально*) значит, это не мешает, что я тут.

ГЕОРГ. Нет, нет (*увлекаясь*) и, знаешь, как это хорошо — прийти к человеку, когда все спокойно в нем. Ты видишь человека таким, каков он на самом деле...

МАША. На самом деле?

ГЕОРГ. Да, тут нельзя ошибиться.

МАША (*рассеянно*). О конечно... (*поспешно*). Вы думаете, ошибка совершенно исключается — при таких условиях?

ГЕОРГ. Да, исключается. И мы сочли бы столь же неизбежным жить вместе, как мы вчера сочли неизбежным рассказывать друг другу всякие вещи про себя.

МАША (*подавляет свой испуг, потом говорит быстро*). А она, я хочу сказать — та дама, тоже рассказывала Вам про себя?

ГЕОРГ. Да, потом, под конец. Сначала я, а потом, когда я уже все сказал, она — совсем интимно, как старому знакомому. О своем детстве, о родителях. Они, впрочем, оба умерли. Она совсем одна. И, может быть, потому только это и было возможно...

МАША. Что?

ГЕОРГ. Это странное доверие.

МАША. Потому что она так одинока, эта дама?

ГЕОРГ. Да, одинока — как я...

МАША. ...Как..?

ГЕОРГ (*улыбаясь*). Как я — или как ты. Ведь ты, собственно говоря, тоже совсем одинока.

МАША (*принужденно смеется*). О, я-то что, у меня много друзей!..

ГЕОРГ (*едва замечает ее смех*). Кто бы мне мог сказать это вчера (*встает*).

МАША (*опять опечалилась*). Да, вчера еще ничего нельзя было предугадать.

ГЕОРГ. Такова жизнь. В этом ее красота. В неожиданном (*пауза*).

МАША. Да, отец часто говорил, что неожиданная смерть – прекрасна.

ГЕОРГ (*смотрит на нее*). Как тебе это пришло в голову?

МАША. Так, вспомнилось.

ГЕОРГ. У тебя нет радостных воспоминаний?

МАША (*хочет сказать что-то, потом говорит быстро*). Но... теперь мне пора...

ГЕОРГ. Как, уже? – Ну, тогда до свиданья?

МАША (*отходит на несколько шагов*). Вряд ли теперь до скорого свиданья, господин Мильнер.

ГЕОРГ. Почему?

МАША. Ну, теперь из нашей... я хочу сказать, из нашей работы ничего не выйдет.

ГЕОРГ. (*Подошел к окну, не оборачиваясь*). Да, ты, может быть, и права... (*Вдруг оживает и подходит на несколько шагов*). Хотя вчера ночью, во время разговора с Еленой, мне казалось, что все так близко. Я, знаешь ли, рассказал ей обо всех картинах.

МАША. И о той... и о той, что была в ноябре?

ГЕОРГ. И о той, но особенно о будущих. Старые ведь так хорошо знаешь, по чутью...

МАША (*вопросительно смотрит на него*).

ГЕОРГ. Да, – я хочу сказать, как все мое прошлое стало ей так странно-близко по моим торопливым рассказам. Но с картинами, которые я еще должен написать, дело обстояло так же, как с будущим: про них нам еще приходилось рассказывать.

МАША (*тихо*). И – все сразу?..

ГЕОРГ. Да... Видишь ли... Там была картина. Переселенцы: ровное поле, где кончаются посевы, бедное, истощенное. И люди уходят. Тесно сгрудившаяся, темная кучка идет на закат солнца. Множество спин согнулось – словно под тяжестью собственных очертаний... И она сказала при этом: «Как будто они станут горами на краю земли...»

И это было совершенно верно. Моя картина обозначала именно э т о – что они станут горами на краю земли. (*Пауза*). И потом была еще одна картина. Я называл ее «Христос». И она тотчас поняла, что это – не образ. Не человек, а природа. Грядущее, возвещенное ожиданием... О Маша, кто бы только смел начать! (*Делает широкое движение*).

МАША. Да, это должно быть, самое трудное.

ГЕОРГ. Это – преодоление! Нет ничего – утро, как всегда. И вот кто-то подходит к столу или к мольберту и – совершает это, неслыханное. Говорит нечто такое, что мыслимо, собственно, лишь в молчанье. Но он все-таки скажет это, воскликнет горячо, громко, не переводя духа, как будто тысячи стоят перед ним и погибнут без этого слова...

МАША (*тихо, почти неслышно*). Их б о л ь ш е, чем тысячи...

ГЕОРГ. Ты не можешь понять всего этого, дитя. (*Он устал, закрыл глаза рукой*).

МАША (*спокойно*). Нет.

ГЕОРГ. Ты уже уходишь. (*Подходит к комоду, закуривает папиросу*). Так, значит, прощай, покуда; Елена, должно быть, сейчас придет. Я напишу тебе, если ты мне понадобишься.

МАША. Если я вам буду нужна, да?

ГЕОРГ. Ну да, открытку (*подает ей руку*).

МАША (*берет ее*).

ГЕОРГ. Тебе холодно? (*Как будто он только что заметил ее*). Ты сегодня плохо выглядишь. Ты не спала?

МАША. Мало.

ГЕОРГ (*опускает ее руку, вскользь*). Все еще масленица?

МАША (*печально*). Всегда, весь год...

ГЕОРГ (*смеется*). Так, так... Ну, не все коту масленица! Прощай!

МАША. Прощайте (*быстро уходит*).

ГЕОРГ (*остается стоять у письменного стола, курит, оглядывает комнату. Когда Маша уже открыла дверь, он говорит быстро*). И еще раз – большое тебе спасибо за уборку... Но знаешь что, не могла бы ты... Когда ты еще будешь проходить здесь?

МАША. Здесь?.. В обед мне надо к матери... часа через два, стало быть.

ГЕОРГ. Через два часа, превосходно. Знаешь, ты бы могла тогда занести немного цветов для Елены. Хочешь?..

МАША (медлит). Для?..

ГЕОРГ. Да, для той дамы. У меня совсем нет в доме цветов, пока. Сам я не могу уйти, Елена может придти каждую минуту. А дворничиху я не хочу посылать, она всегда приносит желтофиоль. Всякий раз, как пошлешь ее, она покупает желтофиоль, это уж ее *idée-fixe*... Выбери что-нибудь покрасивее. Да?

МАША (тихо). Роз?

ГЕОРГ. Чего хочешь. Вкус ведь у тебя есть. Эта дама — блондинка, вроде тебя, по своим волосам и можешь выбрать.

МАША. В волосы?..

ГЕОРГ (нетерпеливо). Боже ты мой — может быть, и в волосы. Я не знаю. (Пауза). (Маша собирается уходить). И еще захвати немного фруктов, слышишь? Весна не совсем лишена лета. Принеси апельсинов, совсем спелых, темных. В которых затаена частица сладкого южного лета... Хорошо? Значит, часа через два?

МАША. Да, цветов и апельсинов. (Открывает дверь).

ГЕОРГ. И входи спокойно. Чтобы увидеть ее.

МАША. Я должна увидеть ее? (Выражение как будто враждебное).

ГЕОРГ. Почему нет?

МАША. Так только... я... значит, цветов и апельсинов.

ГЕОРГ. Да, да. Прощай.

МАША (уходит).

ГЕОРГ (медленно ходит по комнате взад и вперед. Останавливается у некоторых из картин, смотрит на них бездумно, проходит дальше, вдруг быстро подходит к письменному столу, прерывает все, отыскивает, наконец, в настенной сумке щетку и чистит себе костюм. Стучат. Он тотчас перестает чистить и бросает щетку; делает два-три больших шага по направлению к двери и говорит) Войдите.

ЕЛЕНА (в очень элегантном городском костюме; она блондинка, очень выдержанная, уже не совсем молодая).

ГЕОРГ (пристально смотрит на нее некоторое время)

ЕЛЕНА. Что же, вы меня не узнаете?

ГЕОРГ (вне себя). Елена. Я ждал вас, но...

ЕЛЕНА (*снимает правую перчатку и протягивает ему тонкую руку, на которой нет кольца*). Я вас тотчас узнала.

ГЕОРГ (*берет ее за руку. Смущенно*). Узнали?

ЕЛЕНА. Ну да, до некоторой степени. Мы ведь еще никогда не виделись днем.

ГЕОРГ (*облегченно*). Да, это правда. И потом, представьте себе, я почти ожидал, что вы будете под вуалью.

ЕЛЕНА. Ах, вы хотите сказать, для подобных визитов?..

ГЕОРГ. Но... как вы можете думать это! Нет, я почему-то представлял себе это...

ЕЛЕНА. Вы можете быть совершенно спокойны, — никто не видел, что я вошла сюда.

ГЕОРГ (*смущенно*). Да нет, я... Пожалуйста — (*он указывает на комнату*).

ЕЛЕНА (*смеясь*). Теперь вы чуть не сказали *mademoiselle*. Да? (*Идет на передний план*).

ГЕОРГ. Нет, я право...

ЕЛЕНА. Или, может быть, — милостивая государыня? (*Она садится в покойное кресло*).

ГЕОРГ (*серьезно*). Да, откровенно говоря, я чуть было не сказал: м и л о с т и в а я государыня*.

ЕЛЕНА (*с комическим выражением*). Вот как далеко мы зашли! (*Смеются*).

ГЕОРГ. Вы ведь курите? (*Предлагает ей коробку с папиросами*).

ЕЛЕНА (*вынимает папиросу*). Называйте меня сегодня еще Еленой...

ГЕОРГ (*изумленно глядит на нее*). Сегодня еще?... А потом?

ЕЛЕНА. Когда потом? Дайте мне огня. Пожалуйста!

ГЕОРГ. Да, но скажите все-таки (*он неподвижен*).

ЕЛЕНА. Ну, видно придется мне самой зажечь себе папиросу.

ГЕОРГ *поспешно зажигает стичку*. Простите, но... (*Словно вдруг озаренный*). Ах, может быть, вас на самом-то деле зовут вовсе не Еленой?

*Примечание ДУ: Живость и меткость речи этого пассажира не вполне передается в русском переводе за отсутствием в русском разговорном языке выражений, точно соответствующих немецким «*Fräulein*» и «*Gnädige Fräulein*».

ЕЛЕНА (*пробует папиросу*). Нет, нет, меня именно так зовут...

ГЕОРГ. Я весь внимание...

ЕЛЕНА. Не заставляйте меня курить одну. И потом, садитесь же...

ГЕОРГ (*поспешно садится*). Ну вот я и сижу...

ЕЛЕНА (*улыбаясь*). Удобно?

ГЕОРГ (*смеясь*). Да же...

ЕЛЕНА (*медленно оглядывается по сторонам*). Хорошо.

ГЕОРГ. Что вы хотите сказать?

ЕЛЕНА. У вас хорошо. Можно себе представить, что вы тут работаете (*она откладывает папиросу в сторону и протягивает ему обе руки, тепло*). Я так радовалась, что мне можно будет узнать это место. Все это.

ГЕОРГ (*вскакивая*). Правда?

ЕЛЕНА (*спокойно*). Да, это еще было необходимо, увидеть место действия.

ГЕОРГ. Какое место действия?

ЕЛЕНА. Где прошла наша жизнь...

ГЕОРГ. Наша?...

ЕЛЕНА. Наша вчерашняя жизнь...

ГЕОРГ. Простите, но вы так странно говорите обо всем этом.

ЕЛЕНА (*отпускает его руки и откидывается на спинку кресла*). Я, может быть, несколько неудачно выразилась. Но это простительно. Для подобных вещей слова не созданы.

ГЕОРГ. Что вы говорите?

ЕЛЕНА. Как вы думали, что мы будем сегодня делать, Георг?

ГЕОРГ. Делать? Разве вы этого не знаете?

ЕЛЕНА. Нет, я-то знаю... дело только в том, что вы об этом думаете.

ГЕОРГ. Я... ну, я... думал, что мы сегодня начнем...

ЕЛЕНА. Что?

ГЕОРГ. Ну, т о – вчерашнее, наше взаимное...

ЕЛЕНА. Начать – еще раз?

ГЕОРГ. Да, вы правы. Мы уже начали вчера – значит, продолжать, расширять, одним словом: жить!

ЕЛЕНА. Жить – еще раз?

ГЕОРГ (*отступает на шаг*). Как?

ЕЛЕНА. Да, разве вы не заметили, что у нас уже все было вчера?

ГЕОРГ (*смотрит на нее, не двигаясь*).

ЕЛЕНА (*вытягивает руки, как бы желая защититься от ужаса в его глазах*). Да вот теперь на вас напал тот ужас, который овладел мною вчера. Этот несказанный страх...

ГЕОРГ (*беззвучно и с трудом*). Страх?

ЕЛЕНА. Когда вы не хотели остановиться. Когда вы взяли меня с собою в эту летящую жизнь, где уже нельзя различить настоящего, прошлого и будущего, как нельзя различить щепок в одном огромном пламени. Когда вы все истратили – и то, что было у нас с вами, и то, что нам еще предстояло... Я должна была бы удержать вас. Довольно! Не теперь, не здесь! Не сразу! Мы лучше переживем это... потом... О – но вы не слышали меня. Вы увлекли меня за собой. Вы, вы хотели взять все-все... (*Тихо, печально*). И вот тогда я всё отдала тебе.

ГЕОРГ (*одно мгновение неподвижно смотрит на нее; потом бросается перед ней на колени и хватает ее за плечи с криком*). Елена!

ЕЛЕНА (*берет его голову, оборачивает ее к себе... и серьезно смотрит ему в глаза; потом говорит тихо, очень печально*). И это! (*Пауза*).

ГЕОРГ (*внезапно радостно, порывисто обнимая ее*). Но дитя, дитя! Что с тобой? Ведь мы были в обществе, на людях, ни минуты наедине. Подумай.

ЕЛЕНА (*нежно*). Все-таки, все-таки, Георг. Все-таки, это как бы было... ведь ты заставил меня раскрыться пред тобой до конца...

ГЕОРГ (*медленно отпускает ее*).

ЕЛЕНА. Все твои жесты я знаю. Твою нежность и твою силу. Ничто не будет мне ново. И ты тоже знал – один миг – когда наши руки встретились – что я нагая и в твоих объятиях.

ГЕОРГ (*беспомощно*). Прости...

ЕЛЕНА (*склоняется к нему*). Я не то хочу сказать, Георг. Ведь это было счастье. Оно ведь действительно было. И оно было прекрасно.

ГЕОРГ (*дрожжа, умоляюще поднимает глаза*). Елена! (*Он вдруг кладет голову ей на колени*).

ЕЛЕНА (*гладит ему волосы*). Я только не могу иметь от тебя ребенка, Георг. Но все остальное было. В действительности. Есть только о д н а действительность.

ГЕОРГ (*плачет*).

ЕЛЕНА. Не надо, Георг, не надо. Ведь ты хотел этого.

ГЕОРГ (*тихо*). Нет, не так...

ЕЛЕНА. А как же?

ГЕОРГ. В жизни... здесь...

ЕЛЕНА. Тут бы это, наверное, раздробилось.

ГЕОРГ. А так?

ЕЛЕНА. Разве не кажется и тебе, Георг, что мы жили вместе, на острове – долго, долго?

ГЕОРГ (*поднимает голову*). Да.

ЕЛЕНА. И любили, и целовали друг друга.

ГЕОРГ. И не должны этого больше делать?

ЕЛЕНА (*улыбаясь*). Нет.

ГЕОРГ. А почему?

ЕЛЕНА. Потому что мы больше не на острове... Мы опять там, где у всякой вещи есть вес и тень. И где между отдельными событиями лежат годы, словно долгие пути. И потому мы должны проститься.

ГЕОРГ (*безнадёжно*). Проститься?

ЕЛЕНА. Да. Т а м не было прощанья. Прощанье – оно здесь, во времени. И оно – единственное, что нам еще осталось (*пауза*).

ГЕОРГ (*встает*). Елена, разве ты не можешь представить себе, что все это было только вступление, в котором все лейтмотивы прозвучали в летящем стремлении. И что мы теперь...

ЕЛЕНА. Начнем оперу, хочешь ты сказать?..

ГЕОРГ (*кивает*). Да, действие.

ЕЛЕНА (*с улыбкой*). Зачем ты подмениваешь слова? Ведь это все-таки стало бы только оперой. И этого я боялась.

ГЕОРГ. Этого?

ЕЛЕНА. Всю ночь (*пауза*).

ГЕОРГ (*начинает ходить взад и вперед*). Все это глупости. (*Пауза. Он говорит на ходу*). Странно!

ЕЛЕНА. Да, Георг, это странно. Но мы не собьемся.

ГЕОРГ. (*Останавливается*).

ЕЛЕНА. Да, потому что многие сбиваются. Когда они опьянены какой-нибудь стремительной мелодией, то хотят еще раз сыграть ее в будни. Но то, что призвано сопровождать танец – трудно приспособить к шагам. Оно легко может стать смешным и нелепым. А мы ведь не хотим этого? Мы, с нашими окрыленными чувствами – правда, Георг?

ГЕОРГ. Ты подумала обо всем этом?

ЕЛЕНА. Я знала, что ты не сделаешь этого. Ведь я старше тебя.

ГЕОРГ (*делает жест*).

ЕЛЕНА (*тихо*). Там — нет... там я была... ведь ты знаешь. (*В другом тоне*). Но... мы по крайней мере знаем, что мы, действительно, другие люди.

ГЕОРГ. Другие?

ЕЛЕНА. Новые. Что у нас могло все это быть в обществе, совершенно без усилия, как у двоих, которые могут сделаться невидимыми...

ГЕОРГ. Это ты тоже говорила вчера; мы — как двое, которые...

ЕЛЕНА. Да, разве это не было так? Подумай, ведь мы уже преодолели все условное... Оно нам больше не мешает. Сегодня станут говорить, что художник за мной ухаживал. Завтра тетя скажет мне, что она была бы рада познакомиться с тобою и потом недели две будет ждать, не придешь ли ты к нам (*смеется*). А за это время мы уже прожили вместе двадцать лет. Вчера, когда для других людей прошло два часа.

ГЕОРГ. Почему именно двадцать лет?

ЕЛЕНА (*весело*). А так. Ведь мы, в конце концов, умерли еще молодыми.

ГЕОРГ (*качает головой*).

ЕЛЕНА. Мы умерли в самом расцвете счастья. Как это хорошо! Ты думаешь, что другие уже пережили это?

ГЕОРГ (*насмешливо*). Таким способом можно прожить много жизней?

ЕЛЕНА (*серьезно*). Да, понимаешь? Это стало бы искусством современного человека.

ГЕОРГ. Искусством?

ЕЛЕНА. Или задачей: найти соответствующие ритмы для каждого переживания; тогда каждое стало бы цельным, целю жизнью. И человек жил бы множеством жизней...

ГЕОРГ. И умирал бы многими смертями...

ЕЛЕНА. Которые бы он все преодолевал... понимаешь?

ГЕОРГ. Как тебе пришло это в голову?

ЕЛЕНА. Такие мысли? Ты спрашиваешь? (*Встает*). Ты художник, Георг. Когда ты пишешь вечер, скажи, разве это о дне и не вечер?

ГЕОРГ. Нет, конечно. Я собираю множество похожих вечеров на моем полотне, по возможности — все, которые я знаю.

ЕЛЕНА. Видишь, вот ты сам высказал тайну.

ГЕОРГ. Почему?

ЕЛЕНА. Ты пришел вчера на этот обед с работы?

ГЕОРГ. Не совсем... но...

ЕЛЕНА. Но ты как раз мог работать?

ГЕОРГ. Да, я бы, наверное, был в состоянии творить.

ЕЛЕНА (*радостно*). И ты творил. Ты подошел ко мне с мерилом художественного творенья, и ты завершил меня, нас... Из «нас» ты сделал «творенье», вечное...

ГЕОРГ (*печально*). Которое даже не может пережить этого дня.

ЕЛЕНА. О... разве твои образы здесь?.. Я хочу сказать, разве то, что ты создал, действительно существует для каждого человека? Нет! Оно – только для тех, кто может проникнуть туда, где обитают твои образы, где они ж и в у т. Оттуда и мы с тобой, Георг – Вечные!

ГЕОРГ (*серьезным взором смотрит на нее*) (*пауза*). Так тебе пришла эта мысль?

ЕЛЕНА (*кивает*). Что мы нашли нечто, важное для жизни.

ГЕОРГ. Но разве ж мало людей, которые – как бы это сказать – живут без всякого образца перед глазами, не применяя к себе откровенья – как это делают первые, принявшие его; ведь они все-таки невольно меряют события истинной мерой.

ЕЛЕНА. Да, они делают это бессознательно при одном, при двух или при трех событиях. Но все-таки все они – только начинающие, которые в нужде познают пять или шесть мер, и потом они измеряют ими всё... Но у жизни тысячи мер. И если вкралась ошибка, то они заблуждаются и поспешно хватаются за ту общепринятую условность, которая всего больше похожа на их положение в данный момент... (*Пауза*). Ты, например, женился бы на мне...

ГЕОРГ (*откровенно, с удивлением*). Нет.

ЕЛЕНА. Нет? А что бы мы стали делать?

ГЕОРГ. Мы – но ведь это глупости.

ЕЛЕНА. Нет, нет, пожалуйста, скажи, как ты себе это представлял?

ГЕОРГ. Ну, мы просто остались бы вместе.

ЕЛЕНА. Здесь?

ГЕОРГ. Здесь, а лучше еще где-нибудь из-за твоей... твоей тети...

ЕЛЕНА. Так. И больше ничего?

ГЕОРГ. Больше ничего. Как художники...

ЕЛЕНА (*смеется*).

ГЕОРГ (*вопросающе смотрит на нее*).

ЕЛЕНА (*смеется*).

ГЕОРГ. Ну, чего же ты смеешься?

ЕЛЕНА. Но, Георг, послушай... ведь это давным-давно стало общепринятой условностью.

ГЕОРГ. Это... однако...

ЕЛЕНА. Да, так принято, не в обществе, а в известных кругах... Разве это лучше? Я бы стала небрежно одеваться...

ГЕОРГ (*безмолвно смотрит на нее и потом начинает смеяться сам*).

ЕЛЕНА (*смеясь*). Вот видишь! – А теперь я пойду, покуда мы смеемся.

ГЕОРГ (*испуганно*). Ты уйдешь?

ЕЛЕНА. Да. Но еще одно. Ты не должен печалиться. И если ты будешь вспоминать о нас, то думай о нашей судьбе, воображая ее только в том темпе, в котором она прекрасна, в котором она – мелодия... Обещай мне это... Не пытайся мерить ее мерами жизни, ты оскорбишь ее этим.

ГЕОРГ (*берет ее за руку, они молча глядят друг другу в глаза*). Я бы хотел счастья, которое... (*Отпускает ее руку*).

ЕЛЕНА. Ты хочешь сказать: которое больше согласуется с жизнью?..

ГЕОРГ (*поспешно*). Да.

ЕЛЕНА. Сказать тебе, что я думаю с тех пор, как пришла сюда?

ГЕОРГ. Как ты пришла сюда?

ЕЛЕНА. Такое счастье...

ГЕОРГ. Оно придет?

ЕЛЕНА. Или оно уже около тебя... Здесь все так... как будто...

ГЕОРГ. Как будто?..

ЕЛЕНА. Как будто оно уже около тебя...

ГЕОРГ. С каких пор?..

ЕЛЕНА (*спокойно*). Давно уже. Ты только не замечаешь его. До того близко оно к твоей жизни, – его дыхание и дыхание жизни – как одно единое. Может быть, я и ошибаюсь... Я ведь не знаю... Я говорю только как женщина... Но ты подумай...

ГЕОРГ (*опускает голову*).

ЕЛЕНА (*тихо отходит от него*). Подумай, нет ли кого-нибудь, кого ты почти не замечал до сих пор, и кто все-таки всегда около тебя. Кто-нибудь, кого ты совсем не можешь отличить от жизни, Георг... может быть... подумай, Георг... (*Тихо идет к двери, тихо отворяет ее*). Подумай! (*Уходит*).

ГЕОРГ (*некоторое время стоит неподвижно, погруженный в раздумье... Вдруг он шевелится, как человек, которого покидает сон, и оглядывается. Постепенно он сознает все*). Елена! (*Бежит к двери, распахивает ее и кричит*). Елена!

Прислушивается – всё тихо; запирает дверь, возвращается, сосредоточенно ходит взад и вперед, берет в руки какой-то предмет, затем другой. Закуривает папиросу. Вдруг он кидает ее, бросается к письменному столу и начинает торопливо писать. Через некоторое время раздраженно и неясно говорит что-то и рвет письмо. Берет другой листок, начинает писать, опять бросает. Рвет и его. Смотрит в одну точку; потом, порывистым движеньем, закрывает лицо руками и сидит так без движенья, облокотившись на стол. Через некоторое время входит Маша, тихо, осторожно; она пугливо озирается каждую минуту. В руках у нее букет красных итальянских анемон и корзиночка с апельсинами. Заметив Георга, который при ее появлении сидит все так же неподвижно, она пугается и говорит тихо.

МАША. Здравствуйте! (*Все тихо. Она подходит к печке, берет глиняную кружку, несет на шкафчик и ставит туда все множество ярких анемон. В это время Георг поворачивается и замечает ее. Хочет встать, но остается сидеть и следит за ее движеньями. Вдруг Маша ощущает на себе его взор и говорит поспешно*). Вы спали. Я только принесла цветы. А вот апельсины...

ГЕОРГ (*быстро*). Хорошо, хорошо. (*Встает и подходит*). Ты принесла анемоны? Ты их любишь?

МАША (*испуганно*). Не хороши?

ГЕОРГ. Нет, хороши. (*Берет несколько цветов и прикладывает ей к волосам*). Они тебе идут.

МАША (*просто*). Да, если только у дамы действительно такие же волосы.

ГЕОРГ (*с изумлением смотрит на нее. Потом говорит*).
Ах, вот что. – Об этом я сейчас не подумал. Я думал, если бы сплести венки из этих анемонов – тебе...

МАША (*хватает анемоны*). Вы бы хотели написать это?..

ГЕОРГ. Предположим. Я бы хотел написать это. Тебя в венке. И он был бы тебе к лицу, так, как мне нужно, но...

МАША. Но?

ГЕОРГ. Но что, если бы мне сейчас не хотелось бы писать, – или болела бы голова?

МАША. Тогда я подождала бы.

ГЕОРГ. Но тем временем может стемнеть, а писать тогда уж нельзя.

МАША. Ну, может быть, удастся на другой день?

ГЕОРГ. Да, а кто сможет надеть венок совершенно так же, как он был надет.

МАША. Ну, тогда я останусь сидеть в венке.

ГЕОРГ. Всю ночь?

МАША. Да.

ГЕОРГ. Но тебе нельзя спать. А то сдвинешь.

МАША. Да, спать мне уж нельзя.

ГЕОРГ. Но до утра цветы завянут у тебя в волосах...

МАША (*грустно*). Да, правда. А с вялым венком...

ГЕОРГ (*отворачиваясь*). Конечно, ничего не выйдет.

МАША. Конечно! (*Пауза. Она продолжает делать букет*). А что же дама? Ее еще нет.

ГЕОРГ. Дама? (*Он внезапно останавливается, смотрит ей прямо в глаза и быстро приближается к ней. Кладет ей руки на плечи и ищет ее взгляда*). Маша... это ты?

МАША. (*Изумленно смотрит на него*).

ГЕОРГ. Ведь ты всегда здесь, правда, Маша?

МАША (*отступает от него*).

ГЕОРГ. Но... ты ведь совсем не можешь понять этого, Маша (беспомощно, робко). Маша, эти цветы твои...

МАША (*все еще смотрит на него широко раскрытыми глазами, не понимая*).

ГЕОРГ (*не зная, что сказать*) И... и... апельсины тоже... апельсины... мы их будем есть вдвоем, мы – теперь всегда – будем вместе есть все апельсины...

МАША (*внезапно, блаженно*). Георг?

ГЕОРГ (*принимает ее в объятия*). Прости меня...

МАША (скрывает лицо у него на груди, а он тихо гладит ей волосы. Вдруг она начинает рыдать).

ГЕОРГ (тихо). Что же, что же ты так плачешь?

МАША (смеясь и плача). Потому что во мне теперь нет покоя — как ты хотел...

ГЕОРГ (нежно). Ты...

МАША. Да, во мне совсем ничего не готово теперь...

ГЕОРГ (тихо спускается перед ней на колени).

МАША (кладет ему обе руки на глаза. И говорит с тихим упреком, в то время как улыбка ее все проясняется). Как часто все, все было готово для тебя. А ты пришел как раз не вовремя...

Занавес падает.

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

КНИГА ЧАСОВ Р.М. РИЛЬКЕ

Ч. 1. О МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ

24 стихотворения, в переложении Юлиана Анисимова
Книгоиздательство «Лирика». М. 1914

Третья книга, изданная молодой Лирикой¹. В начале книги сообщается, что стихи Р.М. Рильке переложены Ю. Анисимовым в сельце Хованском в июне 1913. Затем следует предисловие: «Эта книга менее всего хочет стать тетрадью стихов, так, как это понимают современные поэты и полупоэты».

Что такое за странное сословие – полупоэты? Все знают, что бывают фунты и полфунты, бутылки и полубутылки, но чтобы поэтическое дарование могло измеряться целым и половинным званием – это для нас совершенная новость. И потом, как может книга хотеть стать тетрадью?

В том же предисловии г. Анисимов говорит, что он отдает этот сборник тем немногим, которые чувствуют значение Рильке для России. Нам кажется, что г. Анисимов сделал большую ошибку, не переведя такие прекрасные и действительно ценные для России вещи, как «*Selten ist die Sonne im Sobor*» и «*Da trat ich wie ein Pilger ein*»². Крайне жаль также, что переведена только 1-я часть книги, и то далеко не вся.

Переводы (переложения) очень пестры: то – фотографическая точность, то совершенно фантастическое толкование немецких текстов. Вся книга усеяна недочетами, почти что как *Tanglefoot*^{*} – июльскими мухами.

«*Das Blatt... das sich hoch in fremden Händen dreht*»³ по смыслу «лист, который высоко держат чужие руки» переведено «лист, что отторгнут чужаком»... Только очень большая нечуткость позволила переводчику обратить пластический образ «чужих рук» в уродливый провинциализм – чужак.

^{*} Липкая бумага от мух (англ.).

«Es giebt ein Aufgerichtetsein»⁴ переводится «Пусть выпрямленный час настал». Во-первых, самое окончание sein показывает, что тут дело идет не о времени, но о некотором состоянии. Aufgerichtet означает не только «выпрямленный», но также «возбужденный», и это становится еще яснее, если возьмем предыдущую строку: «Есть гимны, с коими смолаю». Приходим к выводу, что Aufgerichtetsein содержит понятие возбужденного состояния духа, и непонятно, почему г. Анисимов заменяет его каким-то нелепым «выпрямленным часом».

Прекрасные слова «Und dich besitzen (nur ein Lächeln lang)»⁵ («Обладать тобой, только пока длится улыбка») затуманены и обезображены: «Имеет тебя (на срок улыбки зная)». «Иметь тебя» – скверно, «на срок» – еще хуже, а к чему приложено «зная» – это, очевидно, профессиональная тайна переводчика.

Если г. Анисимов решил отказаться от буквы ħ, то ему следует оставаться верным себе; а то получается странное впечатление, когда он пишет: колħни, напħв, и т.д., и после этого вдруг – отсе́ле, зеница⁶.

Строки

И лучше ли вспахана кем, засеяна лучше страна
Касанье лишь легкое знаешь ты от похожих посевов, –

напоминают какой-нибудь стихотворный перевод Овидия, одобренный Министерством Народного Просвещения для классных библиотек.

Нам кажется, наконец, что самое заглавие книги переведено неверно: Stunden-Buch – Книга Часов. Stunden-Buch (Livre des heures, Horavium*) скорее может быть передано словом «Часослов», тем более, что здесь подразумевается именно каноническая книга, написанная монахом.

Если мы прибавим ко всему сказанному, что язык перевода отличается крайней тяжеловесностью, туманностью и негибкостью, что книга богата опечатками, что собственный лик Рильке остался вовсе не выявленным – ни в словах, ни в созвучьях – то придется сознаться, что «Лирика» никак не поднимется выше; переводы, разобранные нами,

* Часослов (нем., фр., лат.).

сделаны, очевидно, «полупозтом» (теперь мы как будто уясняем себе значение этого слова) и к тому же «полубездарным».

MARIE MADELEINE

В Кружке молодой немецкой Лирики¹ мы встречаем целые серии всевозможных типов; одним во что бы то ни стало хочется устроить эстетный маскарад (например, Schaukal, Holz, Vollmoeller²), другие устраивают целые трагедии потопления собственной персоны в мирах, в стакане воды, в природных, городских и прочих хаосах (Mombert, Dehmel, George и др.³), третьи – очень немногие – довольствуются подражаниями и так далее*. Но сквозь дым этого достаточно сыгравшегося оркестра золотует одно пылающее женское трио: Elsa Lasker-Schüler – бряцающая цыганка, Dolorosa⁵ – скорбная фаталистка и Marie Madeleine – самая молодая. Имя ее (или девиз?) прекрасно идет к ее творчеству; только она Магдалина без раскаянья.

Marie Madeleine – прежде всего женщина вполне; трудно себе представить стихи более женские, чем ее. Она знает только себя, свое личное счастье и свою боль – кроме этого, она, к счастью, ничего не знает.

О н а с а м а – вот для нее всё, единственный аспект ее творчества и единственный финиш ее звездного, жизненного пробега. «Я люблю мое собственное существо, мое святая святых – и все то, что редкостно и болезненно». И что ей еще любить? Еще она любит «Interieur von roter Scharlachseide»⁶ и женщину, лежащую в этом interieur'e, освещенную тонкой восковой свечой, в то время как на тугой шелк постели стекает черная кровь с израненных губ.

Или казино в Monte-Carlo, где по разграфленному кругу бежит маленькое белое сердце и где она между двумя партиями внезапно ранит своих седых партнеров гениальным хлыстом Тристана и Изольды⁷; а потом, после автомобильной causerie⁸, вспомнит о своих 19-ти годах и о темнокожем самаркандском рабе с лотосами в волосах, которого она, как собаку под кнутом, заставляла отвечать на свои лацковые капризы.

* Совершенно одиноко стоит только maître Рильке.

Хуже, когда она начинает писать прозу – тогда ее новеллы и новеллеты крайне напоминают приторные истории Julia Jobst или Eva von Baudissin⁹ из дешевой библиотеки Kürchner's Bücherschatz¹⁰.

Еще хуже, когда она впадает в перемежающуюся лихорадку риторики, в припадках коей посвящает свои черновики «самому белокурому» или дает возлюбленному советы спасаться, потому что она стала бы виллисой¹¹), если бы умерла в его объятиях блаженной смертью (Wonnnetod^{*}).

Бывают маленькие скандалы, когда она вдруг становится добропорядочной хозяйкой дома, пишушей для удовольствия мужа и знакомых стихи о том, как она лежит по ночам без платья в парке и думает о смерти.

Бывают и другие своеобразные инциденты.

Но, во всяком случае, мы должны быть очень благодарны Marie Madeleine за два прелестных сюрприза, которые она нам сделала: за искренность и абсолютную единенность с жизнью.

АННА АХМАТОВА. ЧЕТКИ. СТИХИ

Петроград. 1914. Издательство «Гиперборей»

Новалис писал: «Женщины совершеннее нас. Они познают лучше, чем мы. Их природа кажется нашим искусством, наша природа – их искусством»¹. Подобное повторил И.Ф. Анненский: «Они интимнее и, несмотря на свою нежность, они более дерзкие, почему и лиризм их почти всегда типичнее мужских»²). Эти два утверждения вспоминаются при чтении второй книги Анны Ахматовой: «Четки»³). Сопоставляя ее с первой книгой «Вечер»⁴), можно, при внимательном рассмотрении, заметить неуклонное развитие, движение вперед. В «Вечере» – мучительная, порой слепая, алчущая любовь к тому, кто или мертв, или недостижим. Теперь как будто наступил покой, отдых после долгого, бесплодного искания («Я научилась просто, мудро жить, смотреть на небо и молиться Богу...»⁵) А. Ахматова взяла четки, как внешний знак этого умирения. Но ее четки – только украшение на темном платье, успокоение – временное или мнимое; оно дает возможность открыть сердцу мир – весь;

^{*} Блаженная смерть (нем.).

а он, в свою очередь, несет новые страдания. Поэт воплощается в разные образы (канатная танцовщица⁶, Сандрильона⁷, монахиня⁸), попадает в различные, часто странные положения, совершает неожиданные, но оправданные скрытой причинностью поступки. Но сквозь все эти личины глаза смотрят одни и те же.

А. Ахматова, по собственному признанию, прочитала «что бессмертны души»⁹; но это проходит мимо нее, потому что для нее есть, главным образом, «вещи», законы действительности, ее лица и предметы; они поставлены на место прежних, существовавших лишь как оболочка. Это застилание вещами имеет совершенно определенный характер. Чтобы стать поэтом, А. Ахматова (по выражению И. Анненского) не «выдумывала себя»¹⁰, не полагала в центр что-либо, ведомое только ей одной. Наблюдая внешнюю жизнь, она выделяет из ее пестрой бессмыслицы только то, что ей близко; отсюда – недосказанность (обусловленная также тесными рамками тем), тревожность образов. Мальчик, раньше веселый и довольный, теперь «знает все не хуже мудрых и старых» и не может сладить «с горькой болью первой любви»¹¹; смерть простирает к нему руки. Мощи для А. Ахматовой – только княжна с плотно сомкнутыми губами, лежащая на сапфирной душистой парче при жарком свете трех тысяч свечей¹². Смерть представляется А. Ахматовой сестрой, которой она в свое время уступит место «у лесного, у высокого костра»¹³:

Ты пришла меня похоронить.
Где же заступ твой, где лопата?
Только флейта в руках твоих.
Я не буду тебя винить,
Разве жаль, что давно, когда-то,
Навсегда мой голос затих¹⁴.

Можно не касаться вопросов о стилистике, о технике, о пэонах и паузах – острота, гибкость и беспокойный ритм стихотворений А. Ахматовой настолько своеобразны, что бросятся в глаза всякому, раскрывшему ее книгу на любой странице. Критика, правда, неоднократно отмечала влияние М.А. Кузмина на поэтессу (напр., в статье Н. Львовой «Холод утра» – Жатва. Кн. V¹⁵). Примеры этого влияния, пожалуй, можно найти и в «Четках»: с известной натяжкой во всяком случае:

Сколько просьб у любимой всегда,
У разлюбленной просьб не бывает...¹⁶

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы¹⁷.

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен...¹⁸

и особенно начало последнего в «Четках» стихотворения, озаглавленного «Отрывок из поэмы»:

...Мне дали имя при крещенье – Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.

Но надо сказать, что вообще вопрос о влиянии – крайне сбивчивый и трудный вопрос. Часто совпадение принимается за влияние. Во всякую литературную эпоху существуют течения идей, общие настроения, которые каждый переживает субъективно. И о несомненном совпадении, созвучии приходится говорить по отношению к учителю А. Ахматовой – И.Ф. Анненскому. Постигание того, что боль и смерть – прекрасны, душевную муку и любовь своего одиночества А. Ахматова приняла от него и только от него.

Десять лет замиранья и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его напрасно¹⁹.

Совпадение с И. Анненским наблюдается во многих сходных образах и определениях («лиловый сумрак гасит свечи»²⁰, «часы с кукушкой ночи рады»²¹, бессонница так баюкает, что от ее слов не спится третий месяц²², тихий дом у непроезжей дороги глядит на лес одним окном – «в нем кого-то вынули из петли и бранили мертвого потом»²³, скорбные скрипки, по-

ющие: «благослови же небеса, ты первый раз одна с любимым»²⁴, сядя прядь, вплетающаяся в темные косы, безголовый соловей²⁵, «звонкий голос не узнавших счастья»²⁶ и др.) От И. Анненского А. Ахматова научилась также сострадать сердцам «неживых вещей»²⁷, потому что их сиротство и ее – одно и то же.

И. Анненскому дано было знать, «что где-то есть не наша связь, а лучезарное слиянье»²⁸. Это пока не ясно А. Ахматовой; мир реальный (на самом же деле, призрачный) еще заслоняет ту среду, «где живем мы совсем по-другому»²⁹, которую ведал ее учитель. Познать себя, углубиться в свой дух – вот доля, которую должно дать будущее А. Ахматовой.

ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО. ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

Т. V. Петроград

Собрание очерков и рассказов В.Г. Короленко, издаваемое редакцией журнала «Русское Богатство», дошло до пятой книги; в ней заключаются: «Птицы небесные», «В Крыму», «Необходимость», «Не страшное», «На Волге», «Божий городок» и «В пустынных местах».

Представляется весьма трудным сказать что-либо новое о литературном облике В.Г. Короленко, – художнике, давно выявившемся и любимом. Но, думается, в пятой книге есть нечто, мимо чего пройти нельзя, умолчав: описание Светлояра в волжских очерках; оно уже известно русским читателям, но сейчас о нем, может быть, утешительнее вспомнить, чем когда-либо. Однако, прежде чем говорить об этом, обратим внимание на небольшой рассказ «Необходимость». Самая возможность создания или воссоздания этого сказания указывает на то, сколь силен подлинный миф; мудрый и положительный этнографический наблюдатель, осененный его темными крыльями, воистину перевоплощается; сердцу открывается иной мир, иное существование, о котором нельзя поведать обычным языком, – творческая Воля, подобно Мастеру, обретает новую форму для найденного чистого золота. Содержание «Необходимости» лучше всего можно передать следующим изречением одной из священных индусских книг Упанишад: «Мудрец не должен пренебрегать личным усилием, ссыла-

ясь на необходимость, даже если необходимость проявляется через свободу». «Необходимость» есть в полном смысле слова «восточная сказка», не только пестрое изображение «Индии богатой», которая мерещилась и мерещится многим даже до ныне, а глубокое проникновение в недра индусской философии и прекрасное поэтическое воплощение, заставляющее вспомнить о том нектаре поэзии, которым, по уподоблению Бавабути, опьяняется «пламенный Индра»¹.

После мифа индийского – проникновение в тайники мифа православного, который, подобно идее Святой Софии, Премудрости Божьей, и ее иконографическому изображению «есть дело нашего собственного религиозного творчества» (Вл. Соловьев)². Этнографический наблюдатель отдается светлой силе религиозного вдохновения. Стремление к единому столпу и утверждению Истины³ – к церкви – есть религиозный смысл раскола. Печатью этого стремления отмечено сказание о невидимом граде Китеже и о тихом озере Светлояре.

В.Г. Короленко посетил это лежащее в зеленых берегах, словно в чаше, «овальное озерко, окруженное венчиком берез»⁴. На это «озерко» Светлояр совершалось много паломничеств; в числе странников были некогда и Зинаида Гиппиус, и Д. Мережковский, и М. Пришвин, и многие другие, часто несходные по своим путям и по своему творчеству люди⁵. Но думается, не многие из них чуяли «нежную тайну», сквозь «грубый обман телесных чувств» яснее, чем В.Г. Короленко. Он видел телесным взором «тайну Китежа», которая лежит обнаженной у большой дороги и «тихо выдыхается». Но вторыми, духовными глазами он прозрел над Светлояром и другой «настоящий, но невидимый мир», который «только изредка мелькнет для благочестивого взора сквозь водную пелену и исчезнет», – благолепный град с золочеными палатами и церквями, где множество «святых отец, просиявших житием, яко звезд небесных», молят Господа за истинную, святую Русь, таимую под видимым покровом «распятой страны» – нынешней России.

Таким образом, напоминанье, сделанное в пятой книге В.Г. Короленко, особенно важно в настоящие дни, когда чается воскрешение царьградской святыни Востока, которая есть внешний знак идеи Божьей Премудрости. Скромный

очерк «Светлояр» ныне оказывается пламенной молитвой о том, чтобы, по словам Достоевского, «воссиял в отпоре Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали!»⁶.

Р.М. РИЛЬКЕ. – КНИГА ЧАСОВ

В переложении Юлиана Анисимова

К<нигоиздательст>во «Лирика». Москва. 1914.

«Прежде чем стать чем-либо, я был в Боге; вот почему Он всецело открылся мне», – говорил Angelus Silesius в своем творении «Херувимский странник»¹, представляющем ясли возникшей на исходе века «Книге Часов» Рильке². В области этой темной мистики и открылся источник религии Рильке. Но Господь явился для него во множестве ликов, самым близким и, вместе с тем, самым далеким.

Ты – будущего алое сиянье;
Над ровной вечностью горит зарею твердь.
Крик петуха во мгле ночи последней.
Ты – иней, дева, ранняя обедня.
Ты – человек чужой, Ты – мать, и смерть.
(Пер. Д.У.)³

Кроме «Херувимского странника» на образование богопонимания Рильке подействовала в большей мере Россия, страна, где, по его словам <, > «люди одиноки, каждый со своим миром в себе; каждый глубок в своем смирении, не боясь унизиться, и потому набожен». России, ее путям и вере отдано большинство «Рассказов о Господе Боге» и стихотворений «Книги Часов»⁴. Несмотря на это, Рильке в России знают мало. Появлявшиеся до сих пор в небольшом количестве переводы (некоторые из которых сделаны удовлетворительно) очень разрозненны и не могут дать почти никакого представления о творчестве Рильке⁵. Переводы Ю. Анисимова являются первыми солидными, и более или менее цельными, хотя «Книга Часов» переведена им далеко не вся, а лишь 22 стихотворения из I-й части «О монашеской жизни» и 2 («Ты монастырь у язв крестовых» и «Так одинок последний дом в деревне»⁶) из II-й «О паломничестве»; неизвестно, по каким причинам

они отнесены переводчиком к I части. Переводы сделаны в большинстве случаев достаточно старательно, хотя и не всегда ясно. Самыми удачными являются «Склоняется час», «Богородице» (хотя в оригинале стихотворение это не имеет никакого заглавия)⁷, «Есть много братьев у меня в сутанах», «Как у стражи на садах плодовых», «Ты мне сосед, Господь» и «Так одинок последний дом в деревне»⁸. В перечисленных стихотворениях подлинный поэтический образ Рильке можно считать выявленным. Все же книга имеет много недочетов. Переводчик злоупотребляет «неточными рифмами», которые «допускает Рильке», как говорится в предисловии; в качестве примера дана рифма *zu – du*⁹. Но такие согласования, как *zu – du* (или: по-русски: *огнях – прах*) <приемлемы>, а например, *тесно – песне* (стр. 11) или *пашне – страшно* (стр. 21)¹⁰ просто режут ухо. Таких «неточных рифм» нет в оригинале и незачем делать их в переводе. Далее, язык перевода слишком архаизован, и это неуместно, ибо Рильке никаких архаизмов в данных стихотворениях не употребляет. Но глубокая, непоправимая ошибка переводчика такова: он принялся (без достаточных средств на то) толковать Рильке – вместо того, чтобы изложить его. Лучше пожертвовать в иных случаях исконным размером (в тех местах, где смысл по-русски не укладывается в короткие строчки, как, например, в стихотворении «Раз человек тебя алкал когда-то»¹¹), заменить его другим часто встречающимся у Рильке ритмом. Такие «толкования» подчас совершенно искажают смысл подлинника (это, впрочем, грех большинства современных переводчиков). Так, «сотни тысяч арф, словно крылья» переводится: «и струн несчетные качели»¹², «я вновь хочу Тебя собрать» – «соберу Твои приметы»¹³, «ведь так Тебя любят дети» – «так детям любовно Тебя нести»¹⁴. Образ «древняя ночь» (*alte Nacht*) обесцвечивается: «мрак глухой»¹⁵. В стихотворении «Живу как раз, когда уходит век» строки: «тихие силы пытаются свой рост и темным взором смотрят друг на друга» переданы так: «и тихих сил – друг друга испытать – уж скрещены темно зеницы»¹⁶. Не раз встречается количественное изменение смысла, сужение или расширение: «за многими стенами» переводится «за стеною»; в том же стихотворении («И вот проснулся я...») недостаток этот выступает еще ярче: слова «с мои-

ми темными руками» переведены «с моей слепой рукою»; а речь идет о святом лике и темных руках – возникающее таким образом представление иконы в русском переводе не передается¹⁷. Далее «большая часть Твоего смысла» переведено «частица смысла Твоего»¹⁸. Наоборот, образ «дерево над могилой» расширен не в меру – «роща над кладбищем»¹⁹. В упомянутом стихотворении «Ты монастырь» пропущена строка о том, что стены этого монастыря были выложены опалами и янтарями²⁰.

Следует сказать, однако, что, несмотря на эти недочеты, «Книга часов» Ю. Анисимова в значительной мере восполняет пробелы всех изданных до сих пор переводов Рильке. Упомянутые вначале стихотворения, передающие подлинник точно, а также остальные переводы, если читать их, имея в виду сделанные замечания, могут дать о творчестве Рильке этого периода достаточное представление.

«ВНОВЬ БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ»

(О новом издании стихотворений Владимира Соловьева)

В грозные, знойные
Летние дни –
Белые, стройные
Те же они.

Так говорил Вл. Соловьев о своих любимых белых колокольчиках...¹

В наши дни грозная атмосфера сгущена до последней тягости; и теперь стихи Вл. Соловьева чудятся именно этими белыми, чистыми цветами, в которых поэт прозревал лики ангелов.

Новое издание его стихотворений еще раз напоминает об этом аспекте творчества философа-поэта. Издание (В. Соловьев. Стихотворения. Изд. 6-е с биографич. очерком, примечаниями, fac-simile и двумя портретами. М. 1915) выполнено бережно и любовно племянником поэта – С.М. Соловьевым². Книге предпослано его введение, написанное, несомненно, уже под знаком истории (быть может, даже – легенды). Драгоценен для любящих творчество В.С. впервые объединенный круг неизданных его стихотворений (особен-

но примечательны: «От пламени страстей, нечистых и жестоких» и «В час безмолвного заката»); ценны также воспроизведенные портреты – 1-й Соловьева-юноши с вдумчивыми глазами, и другой, где человеческое лицо уже переходит в лик, и кажется, недостает лишь тонкого нимба вокруг головы пророка.

Стихи В. Соловьева давно оценены; хочется лишь еще раз, совсем кратко, напомнить основные элементы его поэзии.

Может быть, удел Соловьева как исключительного стихотворца – не велик. Но если внешне его стихи иногда незаметны, то внутренне они прекрасны высшей красотой – духовной. Они таят те же бесценные дары, которые принесла его глубокая и щедрая философия. В них живо и поклонение общей матери-жизни – владычице Земле, и пламенное почитание другой Матери – Пресвятой Девы. Особенно сильно его стремление к единой Мировой Душе, «страстно тоскующей в объятиях Хаоса»³; земной образ подруги, отошедшая душа, Ангел-Хранитель – вот иерархические ступени единого женственного начала, в конце которых сияет Премудрость Божия.

И мнится: стихи Соловьева зовут тихим зовом – шелестом белых цветов из «места светлого, злачного, покойного», зовут подняться выше над временным и мгновенным. Ибо «все проходящее есть только символ»⁴.

Поэтому Владимир Соловьев может сказать собственными словами о своей поэзии:

И над живой водой в таинственной долине
Святая лилия нетленна и чиста⁵.

ЕВРИПИД. ДРАМЫ. Том II.

Перевод И.Ф. Анненского, под ред. Ф.Ф. Зелинского.

Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1918. Цена 12 р.

Издание «Театра Еврипида» продолжается¹. Вышедший ныне 2-й том его (новый выпуск «Памятников мировой литературы») содержит 4 трагедии (со введениями): «Гераклиды», «Геракл», «Елена», «Ипполит». «Гераклиды» и «Елена» печатаются впервые. К «Гераклидам» Ф. Зелинский написал введение «Алтарь Милосердия». К книге приложен снимок с античного бюста Еврипида.

В редакторском предисловии воспроизведены перекрестные полемические письма, которыми обменялись Ф. Зелинский, В. Розанов², О. Хмара-Барщевская³ – невестка И. Анненского – и сын его В. Анненский (поэт Валентин Кривич)⁴. Дело в том, что Ф. Зелинский очень усердно «поправил» перевод Анненского, уже после смерти последнего. Имел ли он на это внутреннее право? Допустима ли вообще такая контаминация? Я склонен думать, что степень приближения перевода к подлиннику всегда относительна; то, что для одного переводчика является приближением к оригиналу, – другому может показаться удалением от него. Во всяком случае, редактор обязан был отмечать стихи своего перевода, втиснутые им в перевод покойного поэта – тут же, в тексте (например, другим шрифтом). Он должен был сделать это хотя бы для тех, кому близко творчество Иннокентия Анненского. И только потому, что И.Ф. Анненский уже не может больше возразить Зелинскому – его перевод оказался обезличенным. «Еврипид Анненского» утрачен, есть какой-то другой, чужой, безразличный Еврипид, «химическое соединение».

I том Еврипида вышел у Сабашниковых летом 1916 г., т.е. почти 2 года тому назад. Все драмы и фрагменты должны составить 6 томов. Неужели издание будет закончено только через 12 лет? Жутко становится при мысли, что много, много рук, перелиставших этот том, не прикоснутся к страницам последнего. Судьба, изводившая Иннокентия Анненского при жизни, не щадит его даже по смерти, – обрекая труд, связанный с его прекрасным именем, на долгое, мучительное прорастание.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

Хорошо видеть человека в его доме, где он долго жил или всегда живет, посреди вещей, которые он сам расставил вот так, а не эдак, и с которыми дружит. Лучше видишь человека, когда знаешь, что вокруг него. И когда станешь писать его портрет, – уже непременно захочется в глубине, за лицом, оставить какой-нибудь уголок книжного шкафа, спинку дивана, колер букета на обоях...

Из всех портретов А.М. Ремизова, которые мне попадались на глаза, ни один его не передает – и превосходный голубкинский бюст всего менее¹. Такие лица бывают.

Мне довелось встречать А. Ремизова в августе месяце 1917 г. в самом для него не подходящем месте – на одном из кавказских курортов. Время было беспокойное, все ждали и говорили, и слухи (как и всегда, впрочем) ходили один другого нелепее. А Ремизов все это записывал к себе в дневник, и между своими записями вклеивал печатные вырезки. Так составилась его «Временник». «Это я для отвода души», – пояснял он.

И многое из того, что писал Ал. Ремизов, тоже было «для отвода души». Недаром он, по собственному признанию, в тот памятный конец февраля 17-го года (так это кажется давно!) дописывал под выстрелы свою старинную повесть об Аполлоне Тирском².

У Ремизова два почерка – один четкий, простой, как печатный (едва выучившийся грамоте ребенок прочтет); другой узорчатый, мудреный; так бы, кажется, должен строчить думный дьяк или древнерусский писец переписывать какой-нибудь Торжественник.

Когда читаешь ремизовские повести или «повествования по апокрифам» – чудится, что рядом, за стеной, лежит покойник и монашенка над ним читает ровным голосом, – и встает перед глазами страница старинного письма с большой заглавной буквой, расцвеченной киноварью и золотом, где разводы и райские птицы сжаты травною вязью. Недаром Мережковский назвал творчество Ремизова «археологическим ясновидением»³.

Но, кроме того, Ремизов ведь написал и «Пруд» и «Часы»⁴, где наша русская действительность сгущена до того, что не знаешь – могло или не могло такое быть. Не знаешь, но боишься: а вдруг было? Мало ли творится всякого в черных деревнях и в старых гнездовьях, столь щедро рассыпанных по всему пространству «российской территории»! Один рассказ «Жертва»⁵ дает полное понятие о даровании автора и неисчерпаемости материала.

Но и это не все: Ремизов еще вдобавок – чудный сказочник, для ребятишек и для больших, умеющий рассказывать и об умном бесе, и о сметливом зайце, и о слезе Господней. Его сказки, хотя и построенные на народных сюжетах, никак не смешаются с другими сказками – так сильны в них типично ремизовские черты.

Таким же хочется видеть и самого Ремизова – хотя его облик выступает перед нами сейчас только в виде наброска

на белом, гладком фоне бумаги: сгорбленный начетчик, поднимающий от книги свой пристальный взор, — и рождественский дядя, выглядывающий из-за двери, с гостинцем в кармане и сказкой про запас; умный и осторожный, недоверчивый и внимательный — и весь, до самого последнего уголка, — русский.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Этот профиль надо представить себе... над могилой. Пусть это будет эмалевый портрет под стеклом, вправленный в камень памятника, а снизу — чуть-чуть уже потускневшие буквы: Иннокентий Федорович Анненский. Род. 20 августа 1856 г. † 30 ноября 1909 г.

Но, несмотря на то, что он ушел навсегда — он еще весь с нами, весь наш. И он даже как будто придвигается все ближе с каждым годом. Больше его трудов выступают из сумрака; пристальнее начинают всматриваться многие в черты его духовного образа. Тут, может быть, и кроется и секрет, и аромат посмертности.

На одном из последних и лучших портретов И.Ф. снят почти совершенно *en face*; глаза глядят прямо на вас, очень серьезным и хорошим взглядом. Лицо — красивое, с печатью напряженной умственной работы и все же не успевшее постареть. И.Ф. в жакете с сильно открытой грудью, в старомодном галстуке¹.

Но сколько различных «Анненских» кроется под одним и тем же обликом! Гуманный директор царскосельской гимназии, писавший «педагогические письма» — например, — об эстетическом элементе в образовании²; автор научных рецензий в «Журнале Министерства Просвещения», указавший надлежащее место стольким изданиям, грамматикам и хрестоматиям³; филолог-классик, переводивший Еврипида, в то время как белые цветы в бокале роняли свой душистый убор на письменный стол; и, наконец, это — тот, кто оставил стихи «Тихих песен» и «Кипарисового ларца», две «Книги отражений» и четыре античных трагедии, из которых одна («Фамира-Кифаред») уже видела свет рампы⁴.

При достаточном внимании, однако, заметно, что все это писал один человек; мало того: он писал прежде всего и главным образом — о себе. Только поэт мог сказать то, что сказал

И.Ф. о поэтах. Только Анненский мог прочесть интимные мысли античных героев, бывшие и его мыслями. Стасимы Еврипидовых драм становятся в переводе стихотворениями Иннокентия Анненского.

Лирика Анненского хорошо определяется словами, которые он говорил о своей душе: «Вся вина этой души заключалась только в том, что кто-то и где-то осудил ее жить чужими жизнями... жить и даже не замечать при этом, что ее в то же самое время изнашивает собственная, уже ни с кем не делимая мука»⁵. «Недуг» и «краса» – были любимыми словами Анненского-поэта.

В ноябре 1909 г. – на вопрос, когда он будет готовить к печати II том Еврипида – И.Ф. шутливо отвечал: «С декабря месяца я иду в затвор»⁶. И, действительно, пошел: 30-го ноября в царскосельском вокзале остановилось его сердце, и мертвый хозяин среди ночи был водворен к себе в кабинет, где он работал еще накануне; а в первых числах декабря по талому петербургскому снегу уже кодыхалась погребальная колесница, нагруженная венками хризантем, везшая гуманиста к последнему и окончательному затвору.

Книга стихов «Кипарисовый ларец» вышла уже по смерти автора⁷. Вычурно-красивое название не придумано: кипарисовый ларец действительно существует. Большая часть поэтического наследия покойного замкнута в любимой им старинной кипарисовой шкатулке с вензелем – тетради цветного сафьяна, осиротевшие листы с набросанными началами, концами и вариантами – осиротевшие потому, что писавшая их рука давно стала восковой. А за узорной решеткой зябнут и дрожат неживые цветы; жестяные поржавели, фарфоровые побились.

И снег идет... и черный силуэт
Захолодел на зеркале гранита⁸.

П.Н. ПЕТРОВСКИЙ. НЕВОЛЬНЫЕ ПЕСНИ

2-е изд. с предисл. Ю. Айхенвальда

М.: «Жатва». 126 стр. 1 р. 50 к.

Хронологическая рама стихов 1885–1915. Этим обусловлено разнообразие «течений», повлиявших на автора; эйдология сразу обнаруживает это: с одной стороны – «завечеревший лес»¹, «встреча двух северных зорь»², с другой – «гла-

за опаловой кобры»³, «тина малахитовая»⁴ (из И. Анненского). Сильнее всего ощутимо хорошо пережитое влияние Фета (особенно, стр. 16, 35, 65)⁵. Иногда вкус досадно сбивается, и автор дает бессодержательные или вовсе неудачные образы, как, напр., «жизни сумерки»⁶, «обольстительный обман»⁷, «восторг животный вожделенья»⁸, «нескромность солнца» (?)⁹. К таким же сбоям вкуса относятся «Ноктюрны»¹⁰, «Лунные мелодии»¹¹ и всевозможные «похвальные слова» (Тютчеву¹², Пушкину¹³, Чехову¹⁴, Скрябину¹⁵), за исключением очень хорошего посвящения Дрожжину¹⁶.

Из удачных стихотворений следует назвать еще «Отъезд»¹⁷, «Раскрой в траве твой зонтик белый»¹⁸, «Тоска»¹⁹, «Моя опора в жизни здешней»²⁰ и «Привыкнув к холоду разлуки»²¹. В них налицо и красивый слог, и своеобразный лиризм старости. Вообще к «Невольным песням» хочется применить слова Гёте: «Я пою, как поет птица, живущая в ветвях»²². Но... избалованный вкус современника требует не только этого.

О.А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. КУЛЬТ СВ. МИХАИЛА В ЛАТИНСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ V–XIII в.

Задача настоящего исследования – проследить возникновение и развитие культа Михаила Архистратига на протяжении восьми столетий средних веков (вплоть до так называемого «позднего средневековья»).

Святой Михаил – столь же сильный и благодатный образ, как и Св. Георгий. Это – водитель бесплотных сил неба в великой борьбе с другими, нижними силами. Культ его загорается особенно ярко в эпохи, полные напряжения и насыщения историческим содержанием.

Провести читателя по запутанным эпохам варварской мощи, каролингской монархии, крестовых походов и др. может лишь рука твердая и опытная. И автор предлагаемого сочинения справляется с этим в полной мере, посильно ставя и разъясняя много серьезных проблем европейского прошлого.

К делу привлечен обширный материал, составившийся из духовного наследия латинских народов католического мира. Исследование О. Добиаш-Рождественской есть детальная карта одного слоя формации всего массива средиземной культуры.

Цвела некогда прекрасная культура рыцарства – корни культуры вообще европейской.

А значение последней для России, думается, ныне уже достаточно понято во всем масштабе – и потому предлагаемое изыскание (написанное, к тому же, мастерским, свободным от штампа языком и доступно не только суженному кругу специалистов) – никак не может вызвать упрека в несвоевременности или оторванности от нашего «сейчас».

Книга не отпечатана, а отлитографирована (как множество замечательных университетских курсов). Несомненно, она (и скоро, может быть) станет библиографической редкостью.

**ПРИВАТ-ДОЦЕНТ А.А. СИДОРОВ.
ЧТО ТАКОЕ СРЕДНИЕ ВЕКА**

Книгоиздательство «Практические знания». М. 1918.
62 стр. Ц. 2 р.

В массе читающей (может быть, почитывающей?) публики долго держалось и до сих пор не вполне вытравилось абсурдное представление о средних веках. Оно в значительной степени поддерживалось всевозможными полуграмотными и даже грамотными пособиями по истории и истории литературы; в них о средневековье говорилось не иначе как о «мрачной поре», а Ренессанс рисовался каким-то непредвиденным золотым цветением иссохшего древа. Такая схема возникла, правда, давным-давно, но от нее надо было своевременно отрешиться, а между тем, ее держатся даже в некоторых новейших курсах.

Обычно в учебниках истории излагается история царствований, история войн; таким вопросам как «средневековая культура», «искусство XIV–XV в.» отводится небольшая глава или просто параграф.

Разбираемая книга является, очевидно, вводящим руководством для неподготовленных¹; это показывают хотя бы сноски на стр. 11, 13, 16². Но цель книги не только популяризация. Это пособие должно было бы служить дополнением ко всякому учебнику истории вышеуказанного типа. Автор, по собственному признанию, сделал попытку привлечь искусство «для решения исторических вопросов»³. Введение выясняет понятие «средние века». Первая глава показывает, что пришло на смену античности. Далее сле-

лан очерк культуры эпохи Карла Великого. Затем следует глава «Оттон и Бернвард» и глава о готической архитектуре.

На рисунки издательство поспешило; вряд ли можно очень сетовать на это теперь. Все же к этому немногому следовало прибавить еще немного. Жаль, например, что не воспроизведен каролингский *minuscule*⁴: письмо всякой изучаемой эпохи так же важно, как ее костюм.

ДОГАДИНСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ В АСТРАХАНИ

В частных коллекциях центральных городов России зачастую запирались на ключ художественные ценности гораздо более крупные, чем те, которые имеются в местных галереях и музеях. А хорошее провинциальное собрание картин являлось довольно большой редкостью. Потому люди, не имевшие возможности посетить столичных выставок, часто не узнавали вовсе о новейших событиях в русском искусстве.

Астрахань не имела до сих пор своей картинной галереи. Потому хроника культурной жизни этого города должна отметить в числе наиболее выдающихся фактов последнего времени — открытие такой галереи. Она основана П.М. Догадиным¹ и в октябре 1918 г. пожертвована Совету Профессиональных Союзов Астраханского Края. При передаче галереи Совету основателем выражены следующие пожелания. В название картинной галереи навсегда должно войти указание на то, что она основана П.М. Догадиным; основатель должен состоять ее заведующим или пожизненным хранителем. Все предметы, пожертвованные (или имеющие быть пожертвованными) для галереи П.М. Догадиным, ни в коем случае не могут быть изъяты или увезены из Астрахани или подвергнуты раздроблению. В будущем постоянном помещении галереи все такие предметы должны носить указание, что они пожертвованы П.М. Догадиным.

В сущности название «галерея» не вполне приложимо к Догадинскому собранию в его теперешнем виде. Оно еще создается. Посетителю оно может показаться на первый взгляд небольшой и очень удачной выставкой. Но это только на первый взгляд. Если всмотреться присталь-

нее – можно заметить, что большинство крупных русских художников (от 70-х гг. до «Мира Искусства» включительно) представлены – пускай в немногих, пускай в небольших, но характерных произведениях. Эта превосходная коллекция украшала прежде жилые комнаты особняка на набережной Кутума, только теперь превращенные в галерейные залы².

Выясним сперва недочеты и пропуски, чтобы покончить с ними сразу. О скульптуре я не говорю: собрание ее, очевидно, не входило в план П.М. Догадина. Но не представлена русская живопись конца 18 – нач. 19 в. Не представлена богатая русская графика последнего времени (Масютин, Манганари, Чехонин, Кругликова и др.) – имеется лишь офорт покойной М.В. Якунчиковой «Деревня». Далее, не представлена та группа художников, взор которых так или иначе обращен к прошлому – я разумею Бакста, Добужинского, Лансере, Стеллецкого, Судейкина; из работ Александра Бенуа (основателя «школы Петербургского стилизма») есть лишь одна иллюстрация к «Медному Всаднику». Некоторые произведения не характеризуют своих авторов; так, 2 этюда Сомова (о них будет сказано особо) не показывают Сомова как мастера ретроспективного жанра. Нет таких художников, как Бродский, Головин, Пастернак.

Но, повторяю: все время надо помнить, что Догадинское собрание открылось публике «до срока». Разумеется, это несколько не умаляет его значения; о поступательном движении русской живописи оно дает достаточное понятие. И если некоторые мастера отсутствуют, то виною этому – только острота современных условий, при которых культурный основатель много просто не смог и не успел приобрести.

Зародышем Догадинской галереи можно считать несколько (совершенно незначительных) полотен французских художников (приобретенных на французской картинной выставке в Астрахани в самом конце прошлого века).

Систематическое составление коллекции началось с 1913 года³. Картины приобретались в Москве и в Петрограде, на выставках «Союз»⁴, «Мир Искусства», на «Выст<авке> картин русских художников старой и новой школы»⁵, у ав-

торов и из некоторых частных собраний: А.Г. Голикова⁶ в Москве, из галереи П.П. Саурова⁷, у К.А. Коровина, у И.К. Крайтора⁸, у К.В. Кандаурова и др. Многие картины нигде доселе не воспроизведены.

После передачи коллекции в Совет Профессиональных Союзов к ней были присоединены картины и художественные вещи из коллекции Виблингера¹⁹ (хрусталь, фарфор, деревянный барельеф с персидскими изразцами, венецианский фонарь, венецианский бронзовый лев и пр.); пожертвовал свою коллекцию картин и рисунков А.А. Перов¹⁰, осенью же 1918 г. присоединено собрание Сапожникова¹¹. Наконец, в апреле 1919 г. галерея пополнилась, благодаря сотрудничеству худ. В.А. Эйфорта, целым рядом картин, приобретенных в Москве на выставках, у коллекционеров и у художников.

Самим П.М. Догадиным приобретено больше 100 картин и рисунков. Теперь в галерее имеются этюды, наброски, рисунки и картины следующих авторов: Дубовского, В. Маковского, Васильева, Шишкина, Куинджи, Крамского, Васнецовых (Виктора и Аполлинария), Поленова, Альб. Бенуа, Архипова (отвратительно реалистическое «Чаепитие»), Мещерина, Бялыницкого-Бирули, Герасимова, С. Коровина, Юона, В. Денисова, Петровичева, Крымова, Туржанского (дар К.А. Коровина), Грабаря, Сарьяна, Бычкова и некоторых других, о произведениях которых будет сказано

* Преимущественно местных художников. Интересны портреты работы Г. Бершадского и (несколько однообразные) акварели Кузнецова-Иванова, изображающие унылую и сумрачную землю самой ранней весны. В порядке времени упомяну 2 этюда Котова.

** Семейные портреты; примечателен портрет П.С. Сапожникова, писанный с натуры в Москве в 1802 г.; Л.Н. Бенуа отдал этот портрет реставрировать в Петроград, и тогда выяснилось, что оригинал писан Тропининым. В Догадинской галерее находится копия, сделанная в Петрограде в 1916 г. художником В.И. Думитрашко. Чрезвычайно ценны далее 4 старинных цветных гравюры (с такой, например, изъяснительной надписью: «Изображение конечного разрушения шведской армии от российского войска после главной Полтавской баталии, случившегося недалеко от Переволочны. Где она без всякого супротивления ружье свое положили в 18.000 пред нашими 9600 больше июня в 30 день 1709 году»).

Отметим еще картину неизвестного автора (английской школы?). На аллегорический характер ее намекает жест амура, наставительно показывающего полуобнаженной женщине зеркало, рукоять которого обвита змеей [может быть, аллегория Гордости, Тщеславия?]. Картина вряд ли старше конца XVIII в.

подробнее. При галерее создается отдел литографии (русских и западных мастеров) и библиотека по различным вопросам истории и теории искусства.

Кроме того, П.М. Догадиным собрана порядочная коллекция автографов различных деятелей искусства и литературы (Бурже¹², Додэ, Толстой, Чехов, Достоевский, Тургенев, Лесков, Полонский, Чайковский, Балакирев, Бородин, Скрябин и др.). Некоторые из них являются человеческими документами, а не только мертвым «приложением руки».

Средоточием и «жемчужиной» всего собрания, несомненно, можно считать последний эскиз М.В. Нестерова к картине «Видение отроку Варфоломею», 1890 г. (19х11)¹³. Эскиз этот приобретен летом 1915 г. у автора, в руки которого случайно возвратилось 2 варианта первоначальных эскизов (остальной материал к этой картине весь давно разошелся). М.В. Нестеров уступил один из них лишь с тем условием, что, в случае устройства выставки его произведений (в России или в Англии), эскиз этот должен быть отослан ему на все время выставки. Как видно из писем М.В. Нестерова к П.М. Догадину¹⁴, автор особенно дорожит настоящим эскизом, хотя и называет его «ранней, молодой вещью». В одном письме даны подробные указания относительно повески: «Повесить эскиз следует в полном, но спокойном без солнца, свету. Освещение на него должно падать с левой стороны (от зрителя) при малом наклоне. Если же придется повесить эскиз против окон, то следует дать значительный наклон» (1 сентября 1915). Надо ли говорить о том, что желание автора исполнено со всей тщательностью?

Впечатление, производимое этой «ранней, молодой вещью» Нестерова неизмеримо выше впечатления, получаемого от большого полотна Московской Третьяковской галереи. Важнейшее отличие эскиза от картины, как мне представляется, – в лице отрока. Если на картине ему придан характерный (уже традиционный!) облик «нестеровского отрока», то здесь это – просто смуглый русский мальчик, в котором, однако, смутно предчувствуется весь трепет грядущих молитв подвижника.

И не лучше ли так?

Нестеров увидел, и почувствовал и возлюбил весь грустный русский пейзаж и – русского святого. Этот мальчик, как березка, – неотъемлемая часть всего. Справедливо сказал Ключ-

чевский, что грусть свойственна русской живописи; он вспоминал тот стих молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: «Да будет воля Твоя»¹⁵. – Травы качаются. Березки и елки бегут в овраг. Речка сквозит меж кустарника. Из-за леса выставились синие главки убогого храма. Недалеко две лошади пасутся у серой дороги. На дневном небе лежит месяц, слабый и тусклый*. И в траве, как цветок, как белая свечка – отрок, испуганно сложивший руки глядя на представшее ему темное чудо.

Благообразная действительность, разумно приближенная к запредельному и священному, изнутри озаряется светом той, второй действительности. Старые мастера хорошо знали это; они заставляли своих святых жить одной с ними жизнью, в тех же домах, работая ту же работу, отдыхая за теми же трапезами. То глубокое и теплое благоговение, которое показало Дюреру его Иосифа как добропорядочного немецкого мастера¹⁶ и Мемлингу – его Богородиц в обличьи красивых своей некрасивостью бегинок¹⁷ – то же самое благоговение дало Нестерову провидеть в чертах заблудившегося пастушонка духовный образ пастыря и великого молитвенника древней России: преподобного Сергия Радонежского.

Вторая вещь Нестерова у Догадина – небольшой этюд «Осень» (1908). Впечатление от него хорошо передается стихами Вячеслава Иванова:

Рощи холмов, багрецом испещренные,
Синие, хмурые горы вдали...¹⁸.

Третья довольно большая нестеровская картина – «За Волгой» (1905) – воспроизводит спокойный, словно застывший пейзаж Среднего Плеса. Если эта картина и не написана на одну из тем Мельникова-Печерского, то заставляет думать об его повестях прежде всего. Мужская фигура (замечу в скобках, что она писана с одного астраханца) в сущности не принадлежит Нестерову; это – общее место (так же, как приторная фабула «В лесах» и «На горах»¹⁹). Зато женская фигура – один из типичных женских образов Нестерова – с восковым и бесконечно смиренным лицом. Привожу слова П. Муратова

* Две последние детали – только в эскизе. На картине (Третьяковская Галерея) их нет.

об этой картине: «Художник забыл все и стал по народному негибок и топорен, сочиняя чисто песенную тему. Эта девица краса, этот молодец в картузе с «соколиным» взором, могут идти в лубки, по избам. И Волга как стекло, и пароход бежит, и взято все так густо, упористо»²⁰.

Переходим к 11-ти этюдам Левитана («В парке», «Цветущий луг», «Серый день», «Ручеек с лилиями», «Сумерки» и др.). Три из них засвидетельствованы К. Коровиным. Очень хороша «Дорога в лесу», полная бодрящей зелени и золотого солнца; она вызывает в памяти и свежее благоухание после дождя, и шум листвы, и птичий крик; все в этом этюде как будто сложилось для того, чтобы вызвать и поддержать иллюзию аромата. Но наиболее своеобразными и содержательными представляются мне 2 очень небольших по размерам этюда: «К осени» (строгая лазурь и празелень холодеющего неба над рыжими лесами, из за которых белеют какие-то строения в сумрачном осеннем воздухе) и «Закат»; последний этюд изображает собственно одно вечернее гаснущее небо; только внизу – тяжелый край земли с полосой тумана и одиноким деревом на фоне темной зари; высоко-высоко летит стая птиц и, чудится, внятен ее далекий говор. Но небо – всюду и во всем, и весь крошечный этюд полон до края его величиной.

Из произведений Репина выделяется рис. «Пушкин выпрашивает у Брюллова рисунок» (1912) – посвящ. Н.О. Лернеру²¹. Эта вещь доказывает еще раз, что между «возвышающим обманом» и «низкой истиной»²² может лежать нечто среднее. Пушкин представляется нам, большей частью, в традиционном благообразии, в парадной неподвижности портрета Кипренского или Тропинина, окруженный холодом медали, памятника. Репинский же рисунок есть «воображаемый портрет», измышленная деталь Пушкинской биографии; это – Пушкин-«сверчок», Пушкин Вульфовских памяток²³; и никто не может упрекнуть Репина в исторической безжизненности или в искажении образа «бессмертного». Думается, напротив, что он навсегда сохранит всю прелесть своеобразия и неожиданности; сходное впечатление получается при чтении некоторых милых интимных писем Пушкина. И, наконец, рисунок Репина напоминает чем-то рисунки самого Пушкина, рассеянные по его бумагам. Такой иллюзии способствует, может быть, то, что он сделан пером (как и Пушкинские).

Сурикова имеется только одна вещь, но она стоит многих: этюд казака-гребца к «Стеньке Разину». Это – одно усилие живого тела, переданное несколькими суровыми тонами. Если Левитановская «Дорога в лесу» вызывает обонятельное, а «Закат» – слуховое представление, то про Суриковского «Казака» с уверенностью можно сказать, что он вызывает представление мускульно-двигательное. Заразить такой богатой ассоциацией может только художник, переживающий явление, а не копирующий его; мало того – не только переживающий, но хотящий воплотить переживание в адекватной форме. Ибо что есть искусство, как не радость вечно повторяемого плодотворного усилия?

2 небольших рисунка Врубеля ценны, как и все, что осталось от этого незабываемого мастера. Первый – портрет Е.К. Мурашко²⁴, рисованный углем (в бытность Врубеля в Киеве в 1884 г.); он показывает Врубеля в процессе работы, где самая продолжительность творческого наплыва рассчитана по часовой стрелке и подчинена нормам воли (пометка на рисунке: «38 минут»). В той специальной литературе, которая, несомненно, будет посвящена киевскому периоду творчества Врубеля, должен занять подобающее место этот рисунок, обличающий высокое умение вызвать человеческое лицо в пространствах бумаги.

Другой рисунок – акварель, мотив экрана для каминна, вариант на тему «Царевна Лебедь» показывает мельком единственную безумную и нежную Музу-Мечту Врубеля, так скоро исчезнувшую вместе с ярким и горячим всплеском его небывалых годов.

Затем – Сомов, несколько непохожий на самого себя²⁵, но, конечно, все же интересный. Ни островов Любви, ни любезных остряков в клетчатых панталонах, ни жеманно изогнувшихся некрасивых *damoiselles*; только лес развешивает свой темно-зеленый плюш и влюбленным нет места в нем (этюд к карт. «В лесу»); а неизвестная дама еще не надевала голубого платья и не прогуливала своей меланхолии в старом парке – она такая же, как все другие, в трауре, старающаяся не казаться печальной, хотя, может быть, только что плакала; и за ней сереет апрельский день с переплетами голых прутьев и крышами, на которых не осталось больше снега («Дама с весенним пейзажем» 23 апр. 1897).

Как жаль, что в галерее так мало В.Э. Борисова-Мусатова – только один этюд дубков к «Изумрудному Ожерелью», сине-зеленая, тусклая и томительно красивая гирлянда дубовых листьев. Когда Борисов-Мусатов жил в окрестностях Черемшаны²⁶ и подготавливал вышеназванную картину – он писал этюды кустов и деревьев целыми днями. Настоящий этюд – страница тех дней.

От Рериха (как и от Сурикова) – тоже лишь один осколок: этюд к картине «Зловещее» (пейзаж со шхерным берегом вдали, как будто написанный в далеком углу Финляндии); среди соседних картин он – как обломок оружия древне-каменного века, как кусок седого камня на письменном столе кабинета.

К.Ф. Богаевский представлен двумя в высшей степени характерными этюдами. Особенно хорош трагический Ландшафт со страшным вымершим городом на срезе горы, с дымящимися облаками и тусклой зеленью древесных куп: «пределы скорбные безжизненной страны»²⁷.

Б. Кустодиева – 3 вещи. В «Поэзии» (из собрания Виблингера) Кустодиева нет. «Жатва» (1914 г.) вся залита зном позднего лета и созревшей ржи. Натюрморт (собрание Виблингера. 1914) – с грубоватой яркостью розана в синем фарфоре, с румяным яблоком, с багрянцем «кардинала моря» – омара и с пестротой фазана; этот этюд – вполне кустодиевский, хотя и дает вспомнить о голландцах XVII-го в., у которых мертвая натура слагалась в еще более вкусную гармонию на обеденном столе.

Кустодиев – уроженец Астрахани; и в галерее имеется полотно работы его учителя – художника П.А. Власова: «Приам в стане Ахилла» (старец, припадая к руке врага, вымаливает тело Гектора), конкурсная работа в Академии на звание классного художника. Галерее необходим такой образчик строгого академизма. Какая это, прежде всего, умная картина! Как явственно отпечаталась на лице Ахилла суровая покорность перед Мойрой. Но, на мой взгляд, всего удачнее – смуглая фигура дароносца с амфорой, гармонирующая с нежными, блеклыми тонами слишком зрелых плодов на блюде; в этом уголке античность чувствуется сильнее и непреложнее, чем во всех остальных фигурах и подробностях обстановки.

«Киргизы на молитве» Мальцева, вещь, может быть, слишком нарядная, представляет бесспорный «краевой»

интерес, а также подтверждает лишний раз, что реализм имеет в искусстве свое вечное оправдание. Вся эта серьезная картина озарена спокойным вечерним светом, который подчеркнут темнотой надвинувшейся тени первого плана. Все рассказывает о невозвратимом наивном величии первобытной жизни: и смиренные фигуры молящихся старцев, и нежный, сложный рисунок сухих трав, и ровная линия степного горизонта с отдаленными кибитками и силуэтом верблюда.

Такой же краевой интерес имеет этюд Павла Кузнецова «Внутренность кошары» (писано в степях Астраханской губ.).

Астрахань и Астраханский край мелькают в двух мало-значительных вещицах Сергеева («Астраханский рейд» и «Ловецкие лодки» – на взморье), в этюде Котова «Гилюнг», в его же картине «У окна» и в некоторых этюдах Перовской коллекции.

Из других вещей П. Котова я выделяю небольшой портрет дамы, выдержанный в спокойных, светлых тонах и напоминающий манеру северных художников, а также дикий скифский мотив «Похищение невесты» (тот и другой – из коллекции Перова); хотя этюд приводит на память – с одной стороны, Врубеля (несущиеся кони – в «Фаусте и Мефистофеле»), с другой – Лансере (клубящиеся облака).

Большим сокровищем галереи является «Автопортрет» М.В. Сабашниковой²⁸: женщина в свободном, старинном платье, с пучком синих цветов в руке, на балконе, в тихом жемчужном свете весеннего утра; и есть нечто от Боттичелли, от его Мадонны Magnificat²⁹ – в этой больной улыбке на лице, которое склоняется, как слишком тяжелая от небесных слез хризантема.

Такое же благотворное, умиротворяющее впечатление выносишь от «Пасторали» сравнительно мало выявившегося художника Н. Зайцева. Но в ней ничего сладкого. «Пасторальна» только группа белых овец на переднем плане. Если воспользоваться еще раз стихотворным образом – трудно найти что-либо более подходящее, чем строки А. Блока: «Там наверху, в изумрудах облаки-овцы бредут, в тихих и темных запрудах их отраженья плывут»³⁰. Это – глубокое счастье летнего дня, хотя солнце и за тучами. «Отдохни и забудь» – вот, кажется все, что хочет сказать эта проникно-

венная картина. Перед ней можно стоять долго-долго, и потом перейти к другим картинам с совершенно новым чувством.

Из 6 этюдов В. Серова акварель «Задумалась» представляет мотив для игральных карт (рисунок намечен контуром в обратном положении); насколько я знаю, это – редкий и своеобразный опыт применения русского типа при изображении карточных фигур. Характерны: «Сирень» и «Этюд женской головки». Вообще, многие этюды и рисунки Догадинской галереи ценны именно тем, что дают человеку, незнакомому с современной русской живописью и обреченному на жизнь в провинции, достаточное представление о творческом облике того или иного художника. В этом отношении надо отметить еще набросок (карандашом) Малявина «Бабы», 2 акварели (Иллюстрация к «Руслану и Людмиле», «Внутренность терема») и портрет В.А. Гиляровского работы Малютина, а также «Дорогу» Жуковского (осеннее золото под солнцем), характерную для первого периода его творчества.

«Вечер на реке» А. Рылова (1915) вызывает безотчетную жуть своими массивными закатными облаками, отразившимися в темной глубине вод. Как будто за зыбким зеркалом колеблется и шевелится нечто давнее, затонувшее и готовое выплыть. Интересно сопоставить с этим вечером другой легендарный мотив, обработанный Плотниковым в эскизе к картине «У града Китежа» (озеро Светлояр Нижегородской губернии). Здесь призрак невидимого града задуман, как мерцанье воды; но контуры церквей и зданий слишком сделаны, слишком прямолинейны и нарочиты. Насколько фантастичнее и содержательнее отражения облаков у Рылова!

Этюд Н. Сапунова «Розы» производит особенно сильное впечатление, если смотреть на него издали. По-видимому, это – одно из ранних вещей Сапунова, когда он писал цветы в классе у Левитана. Этюд изображает штамбы роз на фоне спокойной глади пруда, в которой отразилась трепетная зеленая сеть листвы и синева летнего неба; отражение настолько ясно, что его можно принять за второе небо. Вспоминаются прекрасные слова М. Волошина об этом утонувшем художнике: «После его смерти что-то выявилось в его картинах. Стала понятна подводность их красок. Это не сумеречный воздух, это зеленоватый кристалл водной глуби-

ны дает такую расплывчатость их линиям, влажность их тону; это синие текущие отливы, в глубине которых светит охлажденное золото высокого земного дня, говорят о призрачном подводном царстве, где давно жила его душа»³¹.

Наконец, из отдельных произведений менее определившихся или менее выдающихся художников назову акварель Г. Бобровского «Сиенна» (площадь под дождем, видимая со второго или с третьего этажа и как будто сквозь оконное стекло, залитое дождевыми струями). Большая акварель А. Остроумовой-Лебедевой «Бургос» дает подлинную Испанию, гордую, сухую, выжженную горячим солнцем, Испанию Зулоага³² и Сервантеса. Запоминается натюрморт Лобанова (ученика К. Коровина), – веселый китайский уродец, гримасничающий на фоне цветной гравюры в рамке карельской березы рядом с яркой скомканной тканью; но зачем эти томящие полосы красно-синей материи в левом углу, которые только задерживают впечатление? Наконец, небольшой «Interieur» Е. Теодорович-Карповской (с ученической выставки при Академии художеств 1917) поражает редкостным благородством старой картины.

Таков существенный состав Догадинской галереи. На другого зрителя, конечно, могут действовать совсем иные вещи, а описанные – совсем иначе. Но, ведь, самое созерцание художественного произведения, фиксирование впечатления есть нечто творческое сложное. Иннокентий Анненский сказал очень хорошо: «Поэты пишут не для зеркал и не для стоячих вод»³³. Не относится ли это и к художникам?

Во всяком случае, восполнять недочеты моего обзора должен обстоятельный каталог галереи, и составление его есть ближайшая задача художественных деятелей Астрахани и друзей города.

Хочется думать, что «Догадинская галерея» закристаллизуется и станет для Астрахани столь же близкой, любимой и нужной, как Третьяковская – для Москвы.

«ЭДДА». СКАНДИНАВСКИЙ ЭПОС

Перевод, предислов. и коммент. С. Свириденко. М. 1917 г.
Изд. М. и С. Сабашниковых. Стр. 377. Ц. 10 р.

Россия имеет (правда, не всегда удовлетворительные) переводы тех немногих памятников эпической поэзии, ко-

торые являются достоянием всего культурного человечества.

Таковы «Гомеровские поэмы», песнь о Роланде, песнь о Нибелунгах, Калевала, Божественная комедия... Только «Эдду» нельзя было включать в этот список; до самого последнего времени на русском языке имелись лишь разрозненные переводы и переложения произвольно выбранных отрывков. Большинству же читателей, несомненно, приходилось удовлетворяться пересказами немецких переводов, помещенными в различных устарелых учебниках истории литературы – пересказами часто безграмотными и почти всегда безвкусными.

Между тем, древнескандинавская литература решительно вошла в круг зрения русской университетской науки, и потребность в русском пособии по «Эдде» ощущается с каждым годом все явственнее.

Перевод С. Свириденко является первым и пока единственным полным переводом «Старшей Эдды». В 1918 году¹ вышла только первая книга («Песни о божествах»), но и по ней можно судить о достоинстве всего.

Во введении упомянуто о статье проф. Ф. А. Брауна², которая предпосылается всему труду, причем замечено, что в ней читатель найдет ряд специальных историко-филологических сведений относительно Эдды. Статья эта, очевидно, будет помещена во II т.³ Потому С. Свириденко считает возможным ограничиться в своем введении необходимыми сжатыми указаниями. Некоторые части этого введения воспроизводят уже написанное С. Свириденко в статье «Исландская литература» (Новый Энциклопедическ. Словарь Брокгауз-Ефрона)⁴.

Введение дает очень краткий обзор истории исландской литературы, а затем общие замечания относительно Эдды и северной мифологии.

В «Предисловии», следующем за «Введением», автор дает обстоятельный разбор предшествующих русских переводов и пересказов отрывков из «Эдды» и показывает, какая ничтожная доля их отвечает своему назначению. Далее указываются существенные особенности эддической метрики и те основные принципы, которыми должен руководствоваться русский переводчик, желающий достигнуть максимальной близости к скандинавскому подлиннику. Говоря об аллитера-

ции в русском стихе, автор правильно замечает, что здесь речь идет «о создании известного звукового сочетания, предназначенного действовать на слух». Но почему, в таком случае, С. Свириденко считает что между «у» и «ю» аллитерации нет?⁵ Почему аллитерация «щ» с «сч» считается «погрешностью», хотя и «позволительной»?⁶ Почему, далее, говоря об аллитерации в русской (древней и новейшей) поэзии, автор, не давая ни одного примера, ссылается только на Слово о Полку Игореве, на Вяч. Иванова, Бальмонта и... Чешихина (стр. 55)⁷, не упоминая вовсе об аллитерации у Пушкина и у Тютчева?⁸

Самый перевод сделан с древнескандинавского, размером подлинника, с сохранением аллитерации и деления на строфы⁹. Компетентный русский германист, проф. Ф.А. Браун, замечает по поводу перевода С. Свириденко: «<Автор перевода> доказал на деле, что применение аллитерации в русском стихе возможно, что она дает и здесь, как в древнегерманском стихе, такие яркие и сильные созвучия, что они невольно врезаются, сами навязываются слуху и действительно становятся носителями известного музыкального принципа»¹⁰.

Каждая строфа (а иногда и двустилишие) обнимает законченную мысль или дает полный, завершенный образ; их наиболее легко запомнить именно в этом виде.

Таковы изречения «народной мудрости».

Тратить не бойся добро, что добудешь:
Счастья не скопит, кто скуп!¹¹

В меру быть мудрым для смертных уместно,
Многого лучше не знать!¹²
(«Изречения Высокого»).

Или – «матери мертвой завет», пропетые на святом камне заклатья:

Долог твой путь – и опасный, и дальний –
Но держится дольше любовь!
Доблестен будь – и желанное сбудется,
Если не враг тебе Рок.¹³
(«Заклинания Провидицы Гроа»).

Или образец задушевного лиризма (в «Песни о Скирнаре»):

Длинна одна ночь, длиннее две ночи!
Не знаю, как выдержать три.
Месяц не раз мне короче казался,
Чем ожидания час!¹⁴

Или, наконец, по выражению В. Шерера, «меланхолический взор, устремленный из мрачного, бурного Настоящего в лучшее Будущее»¹⁵:

Знаю я, вижу, как снова возникнет,
Вновь зеленея, из моря земля.
Бьют водопады; орлы за добычей
Станут к водам на лету припадать.

...Станут хлеба вырастать без посевов.
Горе забудется; Бальдр возвратится.
...Вижу чертог, затмевающий солнце,
Золотом крытый, украсил он Гимли.
Только достойные там обитают,
В вечном блаженстве жизнь проводя¹⁶.

(«Прорицание Провидицы»).

Веский ритм, строгая звучность резко разграниченных строф, не говоря о суровой красоте своеобразного стиля, перенесены в русский стих почти без ущерба. Автору приходилось преодолевать при этом труднейшие препятствия; таковы, например, «Речи Гримнира», «Песнь о Гимире», испешренная метафорическими эпитетами, или «Песнь об Альвиссе», во многих стихах которой каждое слово оригинала должно найти себе место в переводе. Иногда (но не часто) заметно некоторое насилие над русской стихотворной речью: такие стихи, как «Молоко ея – неиссякающий мед»¹⁷ или «Что выпросила у невесты запястья»¹⁸ не отвечают требованиям четырех ударной строки (в «выпросила» – ударения на «вы» и на «ла», что недопустимо). Мешает временами злоупотребление скандинавскими именами собственными; напр. в «Прорицании Провидицы»: Нагльфар [50, IX] – можно было прямо перевести «Ладья из ногтей мертвецов»; иностранное слово мало у кого вы-

зовет жуткий образ «корабля мертвых»; также Идавалльр, Гампахэллир – эти звучные наименования можно иной раз опустить или заменить конкретными образами; я не говорю о таких местах, как поразительное перечисление карлов в «Прорицаниях Провидицы» – здесь самая вереница этих суровых, странно звучащих имен подкрепляет художественную убедительность: все они были, были, и люди никогда не забудут их! Обойти их – было бы то же, что выпустить список кораблей в «Илиаде». Особенной выразительностью и художественностью отличаются переводы: «Песнь о Путнике», «Песнь о Скирнире», «Песнь об Альвиссе» и «Песнь о Свиндагре». Им надо войти в хрестоматию, наряду с русской «Одиссеей», с «Калевалой» Л. Бельского и «Песнью о Роланде» графа Ф. де ла Барта¹⁹, потому что это – образцовые русские переводы мирового эпоса.

В.М. ЖИРМУНСКИЙ. РЕЛИГИОЗНОЕ ОТРЕЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РОМАНТИЗМА

Известия Саратовского Университета. (год издания IX).
Историко-Филологический Факультет. Вып. I. Саратов. 1918.
Стр. 285+XVI. Цена не обозначена

Весь настоящий выпуск (если не считать обзора преподавания на Историко-Филологическом Факультете Саратовского Университета в 1917–1918 и в 1918–1919 учебных годах) заполнен исследованием проф. В.М. Жирмунского: «Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков»¹.

В России с некоторых пор определенно оживился интерес к немецкому романтизму. Появился ряд переводов и работ по нему. В «Истории западной литературы» (под ред. Ф. Батюшкова) напечатана статья Ф. Брауна «Немецкий романтизм»², статья В. Жирмунского «Последние немецкие романтики»³ и статья обоих названных Ученых: «Немецкий романтизм и наука»⁴. Далее: книга В.М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика»⁵; статья Вас. Гиппиуса (Русская Мысль, 1914) о кн. В.Ф. Одоевском и немецком романтизме⁶; работа С. Игнатова «Э.Т.А. Гофман. Личность и творчество»⁷; пять глав книги графа де ла Барта «Литера-

турное движение на Западе в первой трети XIX столетия». (Превосходная статья Ф. Зелинского «Трагедия веры» — о «Мерлине» К. Иммермана — вышла значительно ранее⁸). Из переводов: переложения Вяч. Ивановым Новалиса⁹ и полный перевод «Гейнриха фон Офтердингена»¹⁰, «Прародительница» Грильпарцера в пер. А. Блока¹¹; проф. Сакулиным переиздан старинный (тридцатых годов) перевод «Сердечных излияний одного любящего искусства инока» Вакенродера¹²; издан перевод гофманова «Золотого горшка», принадлежащий Вл. Соловьеву (часть)¹³, перевод «Дон Жуана» того же Гофмана с рис. Масютина...¹⁴ Многие из этого — на протяжении всего пяти-шести лет.

Новейшая русская поэзия, бесспорно, сродни немецкому романтизму (через Владим. Соловьева, Фета, Тютчева, Жуковского). Проф. Ф. Браун даже склонен думать, что все «искусство нашего времени переживает настроение, во многих отношениях напоминающее то, что когда-то пережито было немецким романтизмом. То же искание новых путей, то же стремление охватить и изобразить жизнь в ее целом»...¹⁵

Рассматриваемая работа проф. В. Жирмунского является прямым продолжением его предыдущего исследования «Немецкий романтизм и современная мистика», целью которого было проследить в творческой интуиции ранних романтиков и в их теоретических взглядах зарождение и развитие мистического чувства. В настоящей работе устанавливаются основные факты поэтического чувства жизни в ту литературную эпоху, когда совершается переход от раннего романтизма к позднему.

Творчество Клеменса Брентано в русской ученой литературе почти не затронуто. Даже в Германии, где вопросы о личности и творчестве не только первостепенных, но и третьестепенных поэтов разработаны предельно, где так много монографий, например, об отношении того или иного поэта к изобразительным искусствам, о «музыкальном» в поэтическом творчестве, об эстетических воззрениях писателей — даже там специальной работы о религиозном отречении Брентано не имеется. Тем очевиднее, на какое внимание может рассчитывать труд проф. Жирмунского. Его хотелось бы видеть тщательно переведенным на немецкий язык.

В первой части книги намечены важнейшие этапы трагедии отречения от жизни в произведениях Гейдельбергских романтиков.

Источником этого отказа от мистического оптимизма первого романтического поколения является любовь¹⁶. Измена недостойной возлюбленной оскверняет просветляющее чувство поэта. Но земной, грешный образ все же влечет и вызывает нежность. Романтическая лирика переходной поры построена на мотиве «радости – страдания»¹⁷. Такое соединение страдания и радости в любви знаменует начало трагедии отречения. В поэзии оно обозначено новым романтическим истолкованием традиционного образа «прекрасной грешницы», Манон Леско¹⁸. Вместе с тем в романтическое мировоззрение проникает сознание непоправимого зла. Нравственный, религиозно обоснованный закон требует отказа от земных стремлений во имя божественного вечного начала в человеке. Земная любовь становится теперь соблазном. Тема искушения греховной земной любовью озаглавлена появлением в поэзии образа чародейки-искусительницы, «Сирены», а также новым применением старинного средневекового образа демонической любви – «Венериной горы», Венеры¹⁹, вступающей в борьбу с Мадонной. Но свершенный грех тяготит душу, и она жаждет искупления. В этой жажде – источник обычного в поэзии переходной поры образа Магдалины, кающейся грешницы.

Результатом романтического отречения является новое мировоззрение, дуалистическое и аскетическое, связанное с переходом к традиционному учению католичества.

Во второй части своего исследования автор еще раз прослеживает все этапы трагедии отречения в жизни и произведениях Клеменса Брентано. У Брентано переживание становится темой поэтического изображения; с другой стороны, пережитое получает форму и смысл через поэтический образ.

Измена Софии Мери создает в поэзии Брентано образ романтической Манон (гл. 6–7). Встреча с Августой Бусман становится увлечением обманчивой, искушающей Сиреной (гл. 9–10).

В последних главах рассматривается эволюция религиозных представлений, которая привела Клеменса Брентано от мистического индивидуализма иенской поры к рели-

гиозному учению церковного католичества; дается оценка католического периода творчества Брентано, пристальный анализ «*Romanzen vom Rosenkranz*»²⁰ и характеристика церковного мирозерцания Брентано-католика; рассматривается любовь к Луизе Гензель²¹, преданной церковной вере, и долгий искус послушания у ложа стигматизованной монахини Анны Екатерины Эммерих, со слов которой он записал Жизнь Пресвятой Девы и Горькие страдания Господа нашего Иисуса Христа (по ее видениям)²². Это – пора осуждения всей прошлой жизни и поэтической деятельности. И трагедия религиозного отречения Брентано завершается страшным решением поэта: сжечь во славу Божью рукопись своего лучшего произведения²³.

Каждый будущий исследователь творчества Кл. Брентано (и Арнима) несомненно должен прибегать к книге Жирмунского, как к основному труду по данному вопросу. Использован весь обильный биографический материал, собранный вокруг личности Брентано. Обширный филологический комментарий отнесен к III-й части. Работа написана прекрасным литературным языком, иногда только замутненным ненужными повторениями.

Рассмотрение двух других работ по германской филологии, появившихся за 1917–18 г. (статья Б.И. Ярхо «Мансанг. Любовная лирика скальдов» в «Московском Меркурии» вып. 1. М. 1917 и его же статья «Илиас-Илья-Хильдебрант» Изв. Акад. Наук. 1918. XXII, не входит в план настоящей рецензии. Я только не хотел оставить их неназванными. В оглавление настоящего журнала упоминание о них попало по недосмотру.

Остается несколько слов.

История литературы с одной точки зрения совпадает с историей культурных идей, с другой – представляет историю изобразительных средств. Глубоко содержательный труд проф. Жирмунского прослеживает развитие нескольких религиозно философских идей в одну из сложнейших и прекрасных литературных эпох. В области изучения эволюции идей эта исчерпывающая монография синтетического свойства является отличным образчиком методологически-правильного исследования.

Что касается русской Эдды, то, читая переводы и объяснения С. Свириденко, убеждаешься лишний раз в правильности взгляда, что точность перевода в значительной степе-

ни обуславливается точностью передачи формы; ибо произведение литературно постольку, поскольку оно самой своей формой стремится произвести впечатление. И еще начинаешь признавать, что скандинавский эпос есть нечто нужное нам, забытое нами и такое, о чем нам теперь напомнили. Это — здоровая, древняя жизнь, «удары боевых мечей об крепкие брони, гордый бег корабля к чужим берегам за добычей и славой, шипение пенного меда в тяжелых заздравных рогах, скрип зерна под увесистым ручным жерновом»²⁴ — вся радость живого человеческого бытия, к которой приобщает читающего вдумчивый и умелый переводчик-толкователь.

Работа русской германистики не остановилась, несмотря на всю остроту переживаемой эпохи; она продолжается и дает ценные плоды.

Появление трудов проф. В. Жирмунского и С. Свириденко убеждает в этом.

P.S. Цитаты из Эдды не могли быть приведены в подлиннике ввиду того, что местная типография не обладает знаками, необходимыми для печатания их.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА И КОММУНИЗМ

Искусство мы можем определить всего точнее как радость творящей воли, воплощающей то или иное переживание — в слове, в звуке, в линии. Творческим напряжением художник, ваятель или зодчий подчиняет своему замыслу косный материал — и в радостном созерцании (к которому всегда примешивается чувство благодетельной неудовлетворенности) отступает перед своим созданием и, молчаливо подписывая свое имя и дату, как бы говорит народным массам: «Вот — я сделал. Смотрите. Если хотите — наслаждайтесь. Если умеете — цените. Если можете — изучайте».

Всякий знает, что коммунизм отвергает личную собственность и производство труда (общего или единоличного) распределяет поровну между членами данной общины. Нам приходится повторить это учебное определение для уяснения дальнейшего.

В создании произведения искусства, без сомнения, заключен и момент труда. «Да и, кроме того, как произведение — оно уже подлежит распределению».

«Хорошо, — ответят нам, — но как же вы “распределите” статую, картину и т.д.?»

Такой вопрос никого не должен заставить врасплох. Да, и статуя, и картина, поскольку они созданы в данной комму-не, являются общим достоянием, достоянием трудящихся масс.

Посмотрим на прежний режим: художники и скульпторы устраивают выставку, на которой собраны этюды, картины, портреты, бюсты, вышивки, проекты зданий — плоды целого года; это как жатва искусства, как сбор плодов исполненного лета. В течение пяти-шести недель (из коих на круг пять-шесть дней совпало с праздничным отдыхом рабочего населения) перед посетителем двери выставки открыты. А потом... да, потом эти мраморы, эти панно, эти вышитые ковры запирались на ключ в особняках буржуазии, и раскормленные рыцари капитала, часто не отличавшие картины от олеографии, созерцали их вполне равнодушным взглядом своих заплывших глаз.

Приобретения галерей, музеев, ученых комиссий?

Да, они были; но сколько тут кумовства, сколько случайностей и безвкусицы, и сколько шедевров, пройдя «под руками», исчезало в частных, невидимых для «непосвященных», коллекциях русских и иностранных капиталистов!

Теперь не то. Время, диктующее свои неумолимые нормы всему и всем, должно переделать это. Искусство подойдет вплотную к жизни. Явятся художники, которые умело и тактично соединят служение искусству с организацией промышленного предприятия и с коммунистической пропагандой. Искусство разбросает свои цветы на страницах избранных, достойных и доступных книг; оно уставит площади городов памятниками деятелей культуры и борцов революции, оно украсит плакаты, знамена, фронтоны зданий и залы аудиторий! Оно подготовит умелых реставраторов и научит их применять вечные принципы зодчества в выработке современного стиля. А музеи и галереи соединят все недоступные до сих пор жемчужины искусства, отгороженные от народных масс стенами дворцов буржуазии. Наконец, искусство разукрасит быт человека, живущего каждодневным трудом — оно обставит его жизнь более красивыми предметами, оно внесет вкус в изготовление всех вещей домашнего обихода.

Но для всего этого необходима, прежде всего, горячая активная любовь к пролетариату. Только она изменит в корне

обычное представление об условиях развития промышленности: успех ее не только не связан с эксплуатацией рабочих капиталистами, а, напротив того, требует превращения труда в радость, в свободное бодрое проявление творческих сил, которые призваны украсить новую жизнь!

В таких общих чертах и рисуется нам роль и значение искусства в коммунистической стране. И кто скажет, что это — мечты? Если они и мечты — пока, то они станут действительностью. Они должны стать ею. Так хочет история.

О ВЕРЕСАЕВЕ

Белыми расстрелян писатель Вересаев...

Такое известие принес в октябре телеграф¹, наряду со множеством других, радостных или безразличных сообщений, наряду с вестями о разгорающейся на Западе революции, о каком-нибудь разбойничьем совещании в Париже. Чаша терпения давно переполнена, но предательская рука снова и снова подливает масло в огонь, и тем сильнее хлынет на «них» поток нашего гнева и нашей ненависти! Вересаев расстрелян за сочувствие коммунистам! Белые, в чьем стане набралось так много отрепьев русской интеллигенции, белые, мнящие себя самыми культурными из культурных людей — убивают писателя, являющегося наиболее ярким отражением состояния русского общества конца XIX — начала XX века.

Впрочем, одряхлевшая история без конца повторяет все одни и те же безобразные и страшные гримасы: еще в XIII столетии черное воронье католического духовенства, прикрываясь крепкими щитами и латами бронированных рыцарей, налетело на благословенные области южной Франции и расклевало ее на куски, потому что там прорастали семена свободного духа и гордого мятежа против всего изжеванного и черствого. А кто пал первым от железных зубов этих волков, одетых в монашеские рясы? Прекраснейшие цветы средних веков — радостные певцы жизни, провансальские трубадуры, лирические поэты, являвшиеся, вместе с тем, самыми радостными политическими агитаторами. Вечно то же. История повторяется. Только слишком больны некоторые ее повторения.

Свершившееся злодеяние слишком близко к нам. Мы не можем еще спокойно и осмотрительно с остывшим серд-

цем, взвесить и оценить деятельности Вересаева. То, что мы говорим сейчас про Вересаева, есть лишь «беглый взгляд» и знак почтения к его могиле, о которой мы не знаем, где она находится.

Его звали Викентий Викентьевич Смидович. Он родился в 1867 г. Уже студентом, дерптским медиком², он ездил на холерную эпидемию в Екатеринославскую губернию³, где самостоятельно заведовал баракком. Потом он занимался частной практикой. Потом отдался почти исключительно литературе. Мы уже имеем полное собрание его рассказов, повестей и статей, которому во втором, дополненном издании — увы! — суждено стать посмертным⁴.

Сколько их! Но лишь немногие сегодня пусть будут названы. — В своих произведениях Вересаев отражал типичное существование русской интеллигенции — с лихорадочной кружковой жизнью в молодости, с высылками и «поднадзорностью» позднее, с беспокойными порывами и гложащими, мучительно-тревожными мыслями. Творческий процесс у Вересаева совершался не легко: он писал долго и трудно, он не был плодовит. Но зато он всегда писал только о том, что знал действительно, до конца, что срослось с его сердцем; Вересаев всего сильнее и ярче там, где он открывает читающему частицу себя.

Внешне рассказы Вересаева часто лишены фабулы. По содержанию они подходят отчасти к Гаршину, отчасти к Чехову и к Горькому; но при этом в них, конечно, остается и ясно звучит то «свое», никому не принадлежащее, что отличает всякого цельного, самостоятельного писателя.

Настоящая известность, заслуженная и тяжелая, пришла к Вересаеву с его знаменитой книгой «Записки врача»⁵. Как закрипели перья, как завозились практические умы модных докторов при появлении этой справедливой, этой раздражающей книги! Как они закричали, что их молодой сотоварищ не имеет права «подрывать основы» науки!⁶

А эту книгу написал просто образованный рядовой врач, не пожелавший маскировать свое бессилие латинской чепухой и профессиональными тайнами, но вынесший на яркий свет все бессилие медицины, все противоречие, всю психику врача и свое горькое убеждение: до какой степени человек не защищен от случайностей. Это — серьезная, страшная книга, о которой хочется говорить не часто, а только в те особенные

минуты, когда говоришь, например, об очень тяжелых случаях в семье... Недаром один французский критик сказал, что после «Записок Охотника» немногие русские книги так волнуют, как эта⁷.

Медицина часто пуста и бессердечна. Она дает ненужные лекарства, «чтобы больному казалось, что для него что-то делают»⁸. Она лечит, чтобы по результатам определить, от этой ли болезни следовало лечить! Она калечит человека без нужды, она обращается с живым телом, как часовщик со своим автоматом – и при всем том она не особенно далеко отошла от шарлатанской медицины XIII в., которая бралась исцелять все недуги тремя средствами: слабительным, промывательным и кровопускательным. (Страшное описание трахеотомии.) И однако не вся книга напитана злобой, обличающим гневом, мы находим и такие страницы, где писатель преклоняет колени и воздаёт непритворную хвалу человеческой мудрости, читающей в живом теле, как в развернутом свитке.

В повести «Без дороги»⁹ выведен представитель большого надломленного поколения, знавший холодный туман и бездорожье 80-х гг., один из тех, к кому так хочется применить слова А. Блока: «Рожденные в года глухие пути не помнят своего... Мы – дети страшных лет России, забыть не в силах ничего»¹⁰. Чеканов – интеллигентный врач (как и Вересаев), растерявшийся перед жизнью. Он бросается на борьбу с голодом и с холерой, но народ, еще темный, еще слепой и глухой, увидавший во враче – врага, избивает его насмерть. – Зато героиня повести – Наташа – является воплощением бодрого и верящего типа; жизни она не боится, она только не знает, куда приложить свои силы, не знает, где лежит «дело всей жизни». И мысль этой повести может быть сформулирована так: работа революционера, который не способен довольствоваться малыми делами, может быть плодотворна исключительно в промышленно-рабочей среде.

В повести «На повороте»¹¹ мы видим интеллигента, вступившего в полосу полного разочарования. В прошлом – молодой задор, страдания «за идеи». Но вот стукнуло 30. Горячие слова надоели. Окружающая молодежь кажется как-то слишком запальчивой. Хочется мечтать об уютном кабинете... и о таком деле, которое бы не требовало больших жертв. Это – будущий человек в футляре, еще не затворивший свою скорлупу, но уже костенеющий, и трагичнее всего то, что эти люди сами

чувствуют ужас медленного холодания: «Во мне все сохнет, как сохнет ветка дерева»... «Во мне исчезает что-то, исчезает страшно нужное, без чего нельзя жить»... Замечательно, что героиня этой повести, Варя, называющая марксизм верной теорией, как будто карается самой судьбой: она приходит к самоубийству.

То же настроение – в рассказе «Товарищи»¹². Старые друзья, прежде – горячие, смелые головы, прозябают в тоске мертвого, провинциального города, как учителя и чиновники, как люди двадцатого числа и вицмундира. Когда-то они любили и читали книгу, но она «только искалечила их и пустила гулять по свету с больной совестью». Вот эту больную, раненую совесть Вересаев чувствует даже тогда, когда обращается к типам пролетариата («Конец Андрея Ивановича»¹³ – история горемычного переплетного подмастерья).

Дальше. Повесть «Поветрие»¹⁴ написана под впечатлением крупных успехов марксизма, так ярко сказавшегося в небывалых стачках 1896–7 гг. Героиня здесь уже не мятется и не мучается: с принятием марксизма она находит свое дело. Характерно, что Вересаев вкладывает в уста интеллигентке такие слова: «Пусть хоть призраку подчинится человек... Лишь бы нашел ответ, с которым можно жить»¹⁵.

В повести «К жизни»¹⁶ перед нами – работники освобождения. Время – 1906 год. Одни все еще дерзают, другие уже сдались, разуверились, и поникли. Один из них, самый восторженный, добровольно уходит из жизни, бросившись под поезд. Но другой, его товарищ, наоборот, возрождается для жизни. Его спасает – природа. Он задумывается над вселенским бытием, над жизнью всего: над звездами, над ребенком, вчера больным, а сегодня здоровым. И приходит к утешительному, бодрому выводу: «Как может быть скучно там, где все перенасыщено жизнью!»

Это настроение близко настроениям самого Вересаева. Еще раньше он почти во всех своих произведениях любил ставить героев лицом к лицу с каким-то неведомым, что передвигает людей на жизненных дорогах, словно шахматные фигуры.

Но потом Вересаев отводит взор от этого гнетущего представления о Роке. Он обращается к природе, и именно в ней, как Чердынцев¹⁷ (герой повести «К жизни») находит свое спасение и утешение. Еще в поэтическом этюде «Загадка»¹⁸ он останавливался на вопросе об отношениях мыслящего образованного человека к природе.

Все последние вопросы Вересаева посвящены вопросам о ценности жизни, о тайнах жизни и умирания, о великой, облагораживающей роли природы в культуре. Даже смерть представляется ему в этом периоде его творчества законной и мудрой силой, устраняющей, берущей из жизни все слишком зрелое, чтобы оно не загнило. (Рассказ «Дедушка»¹⁹. И вместе со спокойным, высоконравственным мудрецом Марком Аврелием Вересаев мог бы воскликнуть: «Где есть возможность жить, там можно и хорошо жить»²⁰. Недаром он относится отрицательно к Достоевскому, как представителю болезненно-надрывного элемента в русской литературе, и восхищается «солнечностью» Л. Толстого («Живая жизнь»)²¹. Недаром он за последние годы тщательно переводил древнегреческих поэтов, у которых чувство жизни розлито так полно и равномерно, как нигде²².

Нет сомнения, что нить духовного развития привела бы Вересаева к настоящему, разумному пониманию жизни в ее целостности, к пониманию, окрашенному лучезарным оптимизмом.

И эта нить оборвана. Бессмысленная жестокость лишила крови это большое и хорошее сердце, полное исключительной чуткости.

Но, убив Смидовича, белая свора не могла и никогда не сможет убить «Вересаева»: он наш, его красная кровь вливается в безудержный океан крови всех наших героев, а его слова и образы, переживши «сегодня», будут жить долго-долго, ибо нетленного не может скрыть даже земля.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

Произведения поэта-социалиста современности бельгийца Эм. Верхарна все более входят в духовную жизнь широких масс не только на Западе, он и в России: стихотворения Верхарна занимают хорошее место в пролетарских сборниках, его переводят, ему посвящают лекции и беседы и недалеко то время, когда ему будет поставлен памятник в одной из наших красных столиц.

Уже детство Верхарна определило направление его творчества. Он вырос в местечке Сент-Аман; это – своеобразный край моряков, плотин и ветряных мельниц. Море – вот история этой страны; море отдало людям эту землю, и приливы его зачастую возвращаются к самым деревням, и ветер пахнет

морем. Недаром Верхарн говорит про себя: «Море и цвет его в моих глазах»¹. Он вырос в непрестанном соприкосновении с народом, и мощные образы кузнеца, моряка, перевозчика, олицетворяющие мировой труд, подсмотрены именно тогда: «Над красным горном наклонен во глубь столетий смотрит он и их сверканьем озарен – седой кузнец, немой старик, тот, что молчанием велик»².

В свободных стихах первых книг («Вся Фландрия»³, «Деревни-призраки»⁴ и др.) Верхарн отражает жизнь своей страны, где наряду с бесконечными равнинами, заросшими темно-зеленой травой, раскинулись деятельные фабричные города. «Фабричные гудки запели над простором, церковные кресты марают черный дым»⁵. Или вот северная приморская деревушка; на пристани толпятся люди и смотрят на приближающийся корабль, озаренный багряным закатом; и они не могут узнать своих же односельчан-моряков, ни мастей, ни парусов, для которых они сами соткали полотно⁶.

В следующих книгах («Мятежные силы», «Образы жизни» и др.)⁷ кругозор Верхарна непрестанно расширяется. Для него нет материала поэтического и непоэтического. Все, что переживает пролетариат, все, что его мучит, – все это Верхарн перековывает в стих. Вся современная эпоха отражается в его творчестве. Сумрачная красота огромных мировых городов, с сетями проводов, с силуэтами фабричных труб, с безумным бегом поездов передана им, как никем. Верхарн любит большие города, потому что именно в них прорастают семена классовой борьбы, потому что в них всегда впервые оглушительно врывается бомба революции.

Революционные стихи Верхарна особенно значительны. Вот он обрисовывает твердым пером ненавистные черты хищного, низколобого банкира, который восседает как идол, перед столом, заваленным бумагами; и в мечтах у него железнодорожные рельсы, «стальные щупальцы, что протянуть он мог в отчизну амбры и слоновой кости; строй вышек нефтяных, которым счету нет, и шахты с их подземною загадкой, и банки, заражающие свет злой золотою лихорадкой»⁸.

Вот раздается песня обезумевшего от голода пролетария, которому кажется, что его страну наводнили отвратительные крысы, готовые сгрызть все свежие побеги новой жизни – и грозным набатом звучит постоянный припев: «Перебейте же крысам хребты!»⁹.

Или вот, наконец, знаменитое «Восстание»: день, когда великая народная ярость больше не может таиться: «в казенные зданья, где княжил и правил сановник, в сияньи законов и правил, толпа проникает со взломом... Бумаги горят»¹⁰. Слышатся залпы расстрелов. «Мерно деля промежутки времен, действуют пушек несытые жерла»¹¹. В соборах выбиты окна. Башенные часы не показывают времени, потому что их стрелки сломаны, потому что времени больше нет, а есть «только миг роковой, больше дающий отрады народу, чем весь удел роковой»¹²! И Верхарн заканчивает это стихотворение могучим призывным кличем:

Убивая, твори, обновляй, —
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай, —
Ты, искра в сияньи встающей зари!
И что бы судьба ни судила, —
Сквозь сонмы веков нас влечет,
Спеша, задыхаясь, безвестная Сила
Вперед!¹³

Замечательно, что последняя книга Верхарна, сданная в печать незадолго до его смерти, носит заглавие: «Красные крылья войны»¹⁴. Верхарн знал Россию, он как будто предчувствовал ее 1917-й год и тот мировой пожар, которому суждено разгореться вслед за ним¹⁵. Но сам он до этого не дожил. В 1916 г. он погиб под колесами поезда. Принято говорить, что рано погибшие таланты могли бы дать еще много, много... Будем благодарны Верхарну и за то, что он дал ряду поэтов Свободы и Мятēja, ему принадлежит одно из первых мест. Он сумел отразить наше «сегодня»¹⁶ так полно и так живо, как удавалось лишь немногим избранным поэтам революции.

ЛУНАЧАРСКИЙ-ПИСАТЕЛЬ

Оценить литературную деятельность товарища А.В. Луначарского в небольшом журнальном очерке представляется делом тем более трудным, что многие его статьи по вопросам воспитания, эстетики, его переводы и проч. рассеяны по различным периодическим и непериодическим изданиям разных годов, и разыскать их все, особенно в Астрахани, — почти не-

возможно. Потому в дальнейшем я останавливаюсь главным образом на тех произведениях, которые вышли уже в советской печати и доступны всякому.

А.В. Луначарский выступал и выступает как писатель на политическо-просветительные темы, недаром он сам говорит, что мы переживаем такое время, когда, неся в одной руке светильник просвещения, в другой руке приходится нести – меч. Но, с другой стороны, он все время напоминает и подчеркивает, что именно наше время есть время, когда пролетариат может проявить свой огромный организующий талант, когда «общественные силы продолжают теперь ткать ту же золотую нить» свободной культурной работы, которую «история прервала такой жестокой рукой» в 1906 году и узел которой вновь завязали февральские дни 1917 года¹. (Статья, напечатанная отдельной брошюрой: «Культурные задачи рабочего класса»).

Луначарский занимался также западноевропейской (преимущественно новой) литературой. Им написаны статьи об отдельных ее представителях (напр., о Метерлинке²), им сделаны весьма искусные и художественные, прозаические и стихотворные переводы, особенно с немецкого (часть их печаталась за подписью Ан. Анютин³). Луначарскому, например, принадлежит единственный полный русский перевод драматической поэмы Ник. Ленау «Фауст»⁴, переводы стихотворений Конрада Фердинанда Мейера⁵, поэтов революционного социализма Франции и Германии (Л. Шарф⁶ и друг.) и величайшего современного поэта-революционера Германии – знаменитого Рихарда Демеля⁷.

В статье «Диалог об искусстве» (Изд. В.Ц.Б.К. Москва, 1918) Луначарский пользуется формой оживленной беседы, чтобы дать возможность высказаться людям самых разнообразных вкусов и убеждений. Один из беседующих – грубова-тый, прямолинейный, но честный и искренний, – считает, что сейчас вообще не время для занятий искусством («надо в набат бить, а чтобы бить в набат, не надо быть художником!»⁸). Другой разделяет искусство на низшее (искусство-игра, которое только тешит человека красотой) и высшее (искусство-проповедь, зовущее человека к борьбе, к самосовершенствованию). Третий читает целую, весьма интересную лекцию, призывая хранить драгоценные для нас памятники искусства прежних лет и эпох, так как познание их насущно необходимо нам для закладки здания грядущей социалистической

внеклассовой культуры, которая вся исполнена светом победы. «На настоящую красоту способны лишь художники, которые станут на сторону трудящихся масс, выразят самый высший момент нашей общественной жизни – борьбу по всему фронту за коллективизм»⁹. Но симпатии тов. Луначарского оказываются на стороне последнего оратора – это умная чуткая женщина, энергичная партийная работница с душою настоящего художника, в которую вливается и практика жизненной борьбы, и гнев и сатира по отношению к угнетателям, и горячая, единственно утешающая надежда на грядущую солидарность делателей одного и того же великого дела. «Не нужно проповеди и тенденции: пой, пой, как птица, художник, но если глаза твои видели, если уши твои слышали, ты споешь песню железную и золотую, ты ударишь в неслыханный еще набат...» Одни любят «музыку, под которую задумываются», другие не любят «той, под которую пляшут. Я люблю и ту и другую, но больше всего ту, под которую совершают подвиги и борются за торжество человечности». И подойдя к рояли, она с силой играет «божественную марсельезу»¹⁰.

Наконец, коснемся еще одной группы произведений А.В. Луначарского: его оригинальных сочинений. К сожалению, я не имел возможности познакомиться с его новейшей драматической поэмой «Фауст и город» (кажется, она еще и не напечатана)¹¹. Потому в заключение – два слова о некоторых пьесах Луначарского.

Пьеса «Королевский брадобрей» (Литер.-Изд. Отдел Наркомпроса, П. 1918)¹² создана безусловно и только для сцены – в чтении она утрачивает половину своей остроты и убедительности. Суть пьесы сводится к следующему: цирюльник Аристид, выходец из народа, стал любимым приближенным мрачного, чудовищно развращенного короля Драгобера, который отравил его ядом мыслей и грез о власти как о верховном наслаждении. Но инстинктивно ненавидящий деспотизм Аристид в своей кошмарно-колеблющейся жизни доходит до желания пресечь это упоенное самовластие; в нем оживает мститель-пролетарий, и в порыве трагического иступления творит свой страшный и праведный суд – перерезает бритвой самодержавное горло в час утреннего туалета.

Пьеса очень хороша по простоте и удобопонятности своего построения, по соблюдению своеобразного колорита сред-

них веков, ее так хотелось бы видеть на совсем простых подмостках какого-нибудь старинного народного театра!

Гораздо большее литературное значение имеют недавно вышедшие «Комедии» (Издание Петроградского Совдепа, 1919), ранее озаглавленные: «Идеи в масках»¹³. То есть автор, не желая быть скучным, поучающим, вывел свои мысли на сцену, предоставил им двигаться и жить в пестрых или темных нарядах веселых или трагических театральных масок.

Наибольшее идейное (а, пожалуй, и художественное) значение имеет двухактная пьеса «Король-художник». На престоле одного из северных королевств сидит слабовольный и развращенный Хиальмар, последний отпрыск умирающего рода. Он тратит народные деньги, скудное достояние нищих крестьян и рыболовов, на безумные и совершенно ненужные постройки. Он воображает, что он – великий, никем не понятый художник, а на самом деле он только эфироман и недоучившийся любитель, попавший в руки лъстивых аферистов. Хиальмар узнает, что один талантливый скульптор из народа закончил лучшее свое произведение. Он едет к нему и видит мощную, дышащую отвагой группу: два крестьянина – старый насторожился и слушает, а молодой стоит в смелой напряженной позе с топором в руке, словно готовясь отразить какую-то опасность. Королю кажется, что это – вредно действующее на массы произведение, что это – «подкова для коня революции»¹⁴. Он хочет купить чудное изваяние за какую угодно цену... Для того, чтобы разбить его! И мгновенно присутствующие видят, что ими правит не король, а самодовольный паяц с вялой, сморщенной душой, и всеми овладевает жуткое и неумолимое предчувствие, что «конь революции» в своем безумном разбеге скоро-скоро опустит копыта. Горе тем, на кого направлены их удары! – Именно такие пьесы, краткие и захватывающие, пробуждают в народе самую острую ненависть к чудовищам, еще носящим короны. Именно такие пьесы будут желанными гостями на сцене рабоче-крестьянского театра, потому что они звучат как музыка перед решительным боем, потому что в своих выразительных масках они несут народным массам самые глубокие и плодотворные революционные идеи.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Среди всех средств борьбы с насилием, с золотой плеткой, с обманом в рясе, какие знает человеческий гений, несгибающийся и нетленный, одно из самых сильных, самых действенных, это – могучая насмешка. Она, хохочущая, безжалостная, идет всегда во главе переворотов, выбивая мелкую дробь на своем барабане. И она раньше всего открывает глаза обманутым и угнетенным, срывая всякие шоры с их глаз, показывая все в чистом дневном свете и все называя своими именами. Потому всякая революция имеет своего сатирика. Франция XVIII века дала Камилла Демулена¹, Советская Россия вынесла на своих волнах Демьяна Бедного.

Его голос раздался не только теперь, когда громко могут говорить только те, кто раньше шептался в подвалах. Демьян Бедный еще до империалистической бойни писал свои ядовитые басни², где ему приходилось, как всем баснописцам, прибегать к картинам из мира животных, из жизни природы, чтобы на малом показать всю ложь, всю грязь того общественного строя, насквозь прогнившего.

Но как свободно полилась речь Демьяна Бедного после октябрьского переворота! Какую страшную и новую правду стали вещать раскованные уста!

Вся гниль и нечисть прожитого старого, все гады, выползшие из застарелых щелей, должны бояться его обжигающего стиха; потому что Демьян Бедный умеет видеть и распознавать зло, под какой бы маской оно ни крылось.

Вот кулак, который «купив пудовую свечу, тем малость совесть успокоил. А мироед другой взял да собор построил: не всякому со мной равняться по плечу»³. Вот советский праздник на Красной Площади – и старые буржуи, глядя на пролетариатские полки, злобно шипят: «Тоска. Казенный юбилей. День этот проходил куда как веселей при прежнем строе»⁴.

Вот оживающие картины нестарого, недоброго времени; пролетарского ребенка мать приводит «к господам на елку», и буржуйские дети выбегают нарядной гурьбой на кухню смотреть на «мужичонка», – а он, как затравленный зверенок, угрюмо смотрит на них, не говоря ни слова... потому что в нем бессознательно просыпается будущий враг⁵.

Но беспощаднее всего Демьян Бедный относится к духовенству. Да это и не может быть иначе. Слишком долго

обманывали народ крестом и иконостасом, слишком много народных денег протекло в «атласные карманы» поповских ряс. Мощи, новоявленные чудотворные иконы, пожертвования на украшения храмов... Как это все далеко от истинного Иисуса!

Он царство обещал лишь сирым и убогим, –
Им, только им одним: бездомным беднякам.
Наемным <п>лотникам⁶, безвестным рыбакам, –
Что проповедовал Христос не «грамотеям», –
 Что заповедь Христа
 Проста,
А толковать ее приходится злодеям,
Всем сытым подлецам, которым смысл прямой
 Простого благовестья
Грозит лишением прибýtка иль поместья,
Мешая по миру других пускать с сумой⁷.

Но в последнее время поэзия Демьяна Бедного как будто начинает окрашиваться в самые яркие и пламенные цвета. Осторожный, язвительный шепот басни сменяется громким и гордым революционным стихом. «Удар ножа верней – к чему лобзанья в губы?.. На злое дело палача ответ один: удар меча!»⁸

Таковы все стихи 2-й части замечательной книги «В огненном кольце»⁹. Здесь и хорошо ведомая всем нам «Коммунистическая марсельеза» (мы – пожара всемирного пламя, молот, сбивший оковы с раба)¹⁰. Здесь и тревожные, призывные, пробуждающие строки: «Глубоко ночью воздух морозный прорезал призыв твой тревожный и грозный: – Вставай, поднимайся, рабочий народ! Смертельный твой враг – у ворот!»¹¹

Значение стихов Демьяна Бедного помимо художественного заключается и в том, что он весь – наш. Ему не надо было отрясать никакого праха со своих ног, как многим «интеллигентным» работникам на советской ниве. И то, что он дает – нужно только народу, а «бедному» трудящемуся поэту также нужен лишь – народ.

Мой твердый, четкий стих – мой подвиг ежедневный
Родной, народ, с<т>радалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой.¹²

И, как поэт, Демьян Бедный является также товарищем в полном и лучшем смысле этого прекрасного слова. Он не нарядный поэт, чьи стихи приспособлены только для блеска эстрады, для роскошного альманаха. Он сам сознает это, и видит в своей близости к общенародному труду, горю и радости высшую награду.

Не вождь, а воин рядовой,
Я горд был тем, что шел с народной ратью в ногу.
Деля с ней жребий боевой,
Ее печаль, и скорбь, и радость, и тревогу¹³.

ОБ ОДНОМ ЗАБЫТОМ ПОЭТЕ (А. ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ)

Бывают рано умершие, незаслуженно забытые поэты; словно заколоченный дом в стороне от проезжей дороги: сад прекрасен своим гложущим великолепием, и в доме еще так хорошо было бы жить, работать, петь, но... о нем просто не думают. Вот таков умерший в 1916 г. А.К. Лозина-Лозинский (печатавший свои произведения также за подписями: А. Любяр и Алексей Ярмолович).

Каким бы «влиянием» не поддавался Лозина-Лозинский — несомненно одно: он был революционером, по своей натуре, не терпевшей никаких цепей и затворов. И будучи сам плотью от плоти буржуазной интеллигенции того времени — он умел видеть и понимать то, что не все тогда видели. Так, в своей брошюре «Смерть призраков» (речь, произнесенная после неудачных выступлений студентов Петербургского Университета в 1909 г.)¹ он совершенно правильно указал, что активная роль русской интеллигенции в революции уже сыграна, и грядущая русская интеллигенция неизбежно будет пролетарской. — В своем творчестве Лозина-Лозинский охотно останавливается на образах революционеров, на изображении восстаний — на темах, свойственных пролетарской поэзии. Таково стихотворение: «1871-й год», кровавую память которого мы так недавно праздновали:

Глухая улица и зарево пожара.
И где-то частая ружейная пальба...

За баррикадою четыре коммунара
Уже бесцельная, последняя борьба.

Две бочки, омнибус, разрыта мостовая...
А слышно: далеко, но это к ним идут.
Рабочий процедил, винтовку заряжая:
«Конец. Но дети с них свое еще возьмут!»

...
«Мы, четверо, умрем. Но будет жив наш пятый!» –
Сказала девушка с задумчивым лицом.
Перестреляли их, всех четверых, солдаты,
А зная «пятого» порвали сапогом².

Или вот в стихотворении «Разбойники» (сцена в лесу) – другая, древнерусская картина, и от самого склада стиха веет простором. Разбойники бредут за своим «батькой»: – Истаскали вовсе лапти, двое суток, знай – беги... «У боярина на грабьте, будут вам и сапоги: ...Дворню вешать по воротам, утром пустим петуха, да как свистнем по болотам... Чем дороженька плоха? Чаща, братцы, что берлога; не найдет и леший сам... А стрельцам одна дорога – прямо к чортовым когтям». И в конце стихотворения – вольный клич, словно вырвавшийся из молодой груди и гулко отдающийся в лесу: «Не боярски, не царевы, – дети матушки-земли!...»³

Вот проникновенные строки о великой «колдунье свободы»: – «Ее коммунары видали на гребнях своих баррикад.<...> Но каждый боец, как в невесту, в ту злую колдунью влюблен: с ней Разин шел к лобному месту, с ней шел к гильотине Дантон»⁴.

Вот прекрасное стихотворение, посвященное «царице всех маршей» – нашей вечной вдохновительнице Марсельезе, старающееся рассказать словами – о звуках:

Сперва лишь смутный гул. Как будто зародилось
Тяжелое... и боль... что, где – не разгадать...
...На миг замолкло все. Ведь все боялись слова
И ждали все его... И вот оно: «Долой!»
Вдруг прокатился рев, а после цельный, снова,
Еще ударил раз, безбрежный громовой...
...Они звенят, свистят, они уж не боятся,
Они разрушат все, им надо разрушать...

Вот стали новые и новые вливаться...
 Нет, их никак теперь, ничем не удержать.
 А, строятся уже, ровнее крик ответный...
 Он уж торжественен. Да, это весь народ,
 В колонны сомкнутый, восторженный, несметный,
 Народ, который встал и умирать идет.
 ...И рявкнули в ответ на пламенные ноты
 Басы миллионами и стали грохотать...
 Я слушаю, нет, я... я вижу бой, высоты,
 Я с Марсельезой сам иду, чтоб умирать⁵.

И, любя свободу, Л<озина>-Лозинский не мог не любить природы, неба, и моря, и деревьев. Он любил и создания человеческих рук – книги, портреты, старинный здания – но бывали часы, когда стены людского жилья становились ему ненавистными, когда весь город казался ему только скудным «человеческим муравейником»⁶; и тогда он уходил – все равно, куда: на остров Капри⁷, в северные фиорды⁸ или в окрестности Петербурга⁹; чтобы только быть одному – с огромной Природой. И среди ее ликов одним из самых влекущих казалось – море. У Л<озина>-Лозинского мы можем найти прекрасные стихи о море, вполне достойные стать рядом с лучшими изображениями моря в русской поэзии. Незабываемы, например, следующие строфы: «Как фаланга в шеломах из пены волна, шла на штурм, говоря, к берегам; и, ныряя из тучи, внезапно луна рассыпалась по пенным верхам. Все не спят в деревушке, в домах рыбаков, не заставить заснуть детвору: не приметят сегодня, поди, маяков рыбаки, что ушли поутру»¹⁰. На скале ждет рыбака: «вот удар иступленный – и брызги летят, слезы моря навстречу слезам... И остатки волны, и крутятся, и шипя, подымая у берега муть, уходили опять, проходили, кипя, бить угрюмо молчавшую грудь»¹¹. Такие строки хочется заучить наизусть и петь их – под торжественный и мрачный, древний, как само море, напев. Или вот простой, полновесный, немного угрюмый, как речь моряка, и необычайно образный стих: «В койке лежу я угрюмо... и тишина, тишина... Снизу о дерево трюма тяжело шибает волна. Где-то ритмично качает снасть – отвинтившийся блок, мерно идет, проплывает кверху и вниз потолку»¹². – «Эй, брат, смениться б недурно! Слышь! Я устал за рулем... – Вышел на палубу... Бурно. Крэн. Бейдевиндом идем.

Взоры вливаются жадно в море и чуешь одно – как оно, море, громадно, как равнодушно оно»¹³.

Революция и море – вот 2 мотива, которые прозвучали нам сегодня из песен этого мало популярного, не по заслугам, поэта¹⁴. А у него их так много!

Конечно, исчерпать поэзию Лозина-Лозинского в пределах небольшого очерка – нет возможности. Но мне хотелось, чтобы наши читатели, товарищи моряки, знали, что был такой значительный современный русский поэт, чтобы, если им попадется когда-нибудь книга с его именем – это имя бы не звучало совсем чужим. На полке нашей новой, пролетарской библиотеки 5 книжек стихов Лозина-Лозинского и книга его странствий – «Одиночество»¹⁵ – пусть займут свое хорошее место!

АЛЕКСАНДР БЛОК

В Петрограде умер один из значительнейших современных поэтов – Александр Александрович Блок (1880–1921), создавший свою школу, сильно повлиявший и на пролетарскую поэзию.

В деятельности Блока различаются две отрасли: чисто лирическая и критическая; и как лирик Блок гораздо ценнее, нежели как критик и журналист (его статьи «Революция и Россия», «Россия и интеллигенция»¹, написанные в славянофильском духе, не отличаются большой продуманностью!). Блок занимался и переводами, преимущественно стихотворными (Гейне, Грильпарцер², Рютбеф³, Байрон и др.), а также написал несколько статей по истории литературы – (он окончил Петроградский университет по историко-филологическому факультету).

После октябрьского переворота 1917 г. он вошел в Р.К.П. (Политической работой он занимался и раньше, в 1905 г.) и до конца своих дней работал в ТЕО Наркомпроса и других культурно-просветительных организациях. Для театра им также написано 5 пьес.

Поэтическая деятельность Блока начинается как раз в 1905 году (1-й сборник)⁴. В начале он писал нежные и звучные, но слишком нежизнеспособные стихи, как бы лишенные корня. То были романтические песни молодости, «предутренние сны»⁵, под влиянием Фета, Вл. Соловьева, Гейне и (отдаленно) Жуковского.

Чем дальше вперед, тем больше появляется в поэзии Блока реалистических элементов. Устав смотреть на небо, он стал пристально вслушиваться во все многообразие человеческой, земной жизни. Ему открывается красота труда, обаяние больших городов, величие революций. Его песни становятся понятными, простыми; вот, например, одна (в извлечении), которая вполне может стать народной: («Мы миновали все ворота и в каждом видели окне, как тяжело лежит работа на каждой согнутой спине... Нет! Счастье – праздная забота. Ведь молодость давно прошла. Нам скоротает век работа, мне – молоток, тебе – игла. Сиди да шей, смотри в окошко, людей повсюду гонит труд, а те, кому трудней немножко, те песни длинные поют»⁶).

Сельская жизнь, жизнь улиц и фабрик, наряду с событиями 1905 г., дают одинаково богатый материал поэту. Вот – забастовка рабочих, в богатых домах потухло электричество «над грудой рюмок, дам, старух» в столовых: «Так – негодует всё, что сыто, тоскует сытость важных чрев: ведь опрокинуто корыто, встревожен их прогнивший хлев!»⁷. Вот митинг; оратор говорит «умно и резко», но – полиция близка: («И в звонны стекол перебитых ворвался стон глухой, и человек упал на плиты с разбитой головой... Но огонек блеснул у входа... Другие огоньки... И звонко брякнули у свода взведенные курки»⁸). Здесь самый стих звенит, хлопает и гремит, как породившие его выстрелы и крики. А вот и самый бой: («Шли на приступ. Прямо в грудь штык наточенный направлен. Кто-то крикнул: "Будь прославлен!" Кто-то шепчет: "Не забудь!"»⁹).

Таковы некоторые из революционных тем, которые мы взяли в виде образчиков (других тем здесь не касаемся). Но они не ограничиваются 1905 годом. Еще до пролетарского поворота, изображая, Блок сознательно отказался от всякой романтики былинной, театральной «Руси». «Нет, не выются там по ветру чубы, не пестреют в степях бунчуки... Там чернеют фабричные трубы, там заводские стонут гудки»¹⁰. Россия не прекрасна, она – кошмарна, она, после долгой гульбы, в чаду пробирается в церковь, чтобы бить поклоны и бросить «в тарелку грошик медный... – а воротясь домой, обмерить на тот же грош кого-нибудь». Но именно такой он готов ее петь и славить: «Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне!»¹⁰. И пролетарскую революцию он изображает

не в празднествах, не с ее показной стороны, а в ее буднях, в черной работе. В таком духе выдержан замечательный его цикл стихотворений «Двенадцать» (1918 г.), описывающий несколько эпизодов из жизни красноармейцев в Петрограде непосредственно после переворота. В русской читательской критике этот цикл вызвал много и неизменных восторгов, и несправедливых порицаний, но, не вдаваясь сейчас в ее оценку, нельзя не сказать, что это – явление незаурядное в русской поэзии; в еще большей степени относится это и к высокохудожественному стихотворению «Скифы», в котором Блок и со стороны содержания, и со стороны формы достигает пушкинской высоты (тема – контраст между одряхлевшим Западом и диким молодым русским Востоком). И теперь, отдавая дань памяти умершего хотя бы этими несколькими строками, сознавая, что не должно излишне скорбеть на могиле одного деятеля, когда его место, д<олжно> б<ыть>, займут десятки других – новых, мы не можем не сказать невольно: «Слишком рано! Много-много мог бы дать еще русской литературе этот исключительный поэт!»

О ДАНТЕ

Италия и весь культурный мир отпраздновали шестисотлетие со дня кончины Данте Алигьери.

Шестьсот лет назад, в 1321 году, этот одинокий и непреклонный гордец доживал свои последние дни в затишье Равенны. Люди хорошо знали его полумонашеский наряд и его капюшон. Девушки, говорят предания, со страхом поглядывали на его загорелые щеки – им казалось, что они опалены подземным пламенем ада, куда единым из живых нисходил поэт. Однажды – это было 6 сентября – на закате, во время своих вечерних скитаний по городу, Данте присел в тени собора и долго, долго сидел в неподвижности. Сначала не обращали внимания – должно быть, привыкли; потом подошли, потрогали, потрясли – мертвец!

Строки, написанные здесь, не будут «листочком в надгробный венок», и, во всяком случае, не статьей, претендующей на какую-либо полноту, но просто напоминанием. Данте неоднократно переводился и переводится на русский язык. Его «трилогия» (выражение Александра Веселовского¹) теперь имеется на русском языке полностью², причем перевод «Но-

вой жизни» вышел даже в 1918 году, в Самаре³; переводу «Пиршества», сделанному покойным В.Ф. Эрном, видимо, не скоро суждено выйти в свет⁴; «Божественная комедия» переведена раньше и неоднократно, хотя вполне удовлетворителен только «Ад» – Мина и «Чистилище» – Горбова⁵. Но все-таки: необширно числе знающих Данте, даже помнящих о нем не так много.

По различным причинам это – понятно. Нужно быть достаточно сведущим, чтобы разобраться, как должно, не запутавшись, во всех узорах его нескончаемого повествования, выливающегося из терцины в терцину. И потом, Данте – не всюду поэт. Часто, и очень часто, в нем с необычайной силой проступает схоласт, обличитель, а иногда и просто человек, сводящий в стихах счеты с современниками, со своими партийными и иными недругами. Данте – последний средневековый поэт; средневековые опутало его своими узами. Сухой геометрический чертеж, игра годами, часами и числами дней беспрестанно нарушают обаяние нежных красок «Новой жизни»; «Божественная Комедия», эта лебединая песня Средних Веков, от первых шагов «на половине жизненной дороги»⁶ до грандиозных заключительных аккордов, прославляющих «любовь, что движет солнце и планеты»⁷, – в значительной своей части не будет понятна без знакомства с историей и культурой средневековой Италии и вообще Европы; воспоминания, намеки на факты, исторические портреты останавливают читателя на каждом шагу. Можно ли удивляться огромности выросшей вокруг Данте ученой литературы?

Для широкой массы читателей (в особенности для тех, которым только теперь открывается невозбренный доступ к книге) далеко не все из литературного наследия Данте представляет интерес. Трактат «О единовластии» оценят специалисты-историки, трактат «О красноречии на народном языке» – специалисты-филологи; хотя зерно, основная мысль этого последнего – должна быть глубоко ценна для всех. Данте хотел, чтобы поэтическое и научное творчество его дорогой Италии были действительно близки народу; а для этого не нужно торжественной, но не многим понятной латыни: пусть поэты и ученые пишут на родном языке, чтобы их читать могли все.

«Новая (или Обновленная) Жизнь» – это вереница сонетов и канцон, перемежающихся пояснениями и отрывками

чего-то вроде дневника. Это – рассказ о любви Данте, не нашедшей себе ответа. Из этого произведения почерпнуто художниками много сюжетов из истории Данте и Беатриче, и можно смело сказать: добрая половина тех, кто знает «Беатриче», – знает ее по картинам. Нельзя говорить с уверенностью, что тайна Данте раскрыта и что воспетая им прекрасная донна действительно была Беатриче, урожденная Портинари⁸; эта красавица, хотя и существовала наяву, носила, вероятно, иное имя, и только Данте окрестил и обессмертил ее «задумчивым именем»⁹ Беатриче, созвучным с «блаженством»¹⁰. В строках «Новой Жизни», наряду с туманными и отвлеченными рассуждениями о природе числа «9», о духе любви – сквозит живая жизнь прекрасной Флоренции: благородные юноши, празднества, прогулки верхом, улыбки и поклоны, которыми обменивается молодежь в соборе, весенние процессии паломников... Нерушимую клятву дает Данте, когда умирает та, которую он любил: трудиться упорно и неустанно, чтобы создать творение, достойное ее памяти.

И Данте создал «Божественную Комедию», свой памятник в веках. С великим, пламенным гневом рисует он преисподнюю, куда он хотел бы низвергнуть всех, недостойных попираť землю; он называет их открыто, по именам, и его не остановят ни короны, ни священные убранства, ни мечи; папы проваливались в огненные ямы, короли испытывали жесточайшие терзания наравне с последними из отверженных, и сильнее всего была наказана *измена* – измена долгу, принципу, дружбе...

Колеблясь и сомневаясь, проходит Данте сумеречную область Чистилища; ему самому потребно очищение от грехов, свойственное человеческой природе, дабы вполне приготовленным мог он предстать перед лицом Чистой Любви, которая одна в силах показать ему во всем блеске тайны небесных сфер, откуда земной шар покажется в отдалении ничтожной крупичей...

Но как раз «Рай», который, по замыслу Данте, должен был являться венцом всей поэмы, на теперешний взгляд кажется самым монотонным; по удачному выражению одного критика, это – рисунок белым по белому, золотом по золоту; лица святых, героев и мудрецов сливаются в одно, и все томит своей ненарушимой симметрией. Наоборот, «Ад» – наиболее со-

хранил свои краски: это потому, что здесь Данте не отрывается от земли, а идет к ней, живописует ее и, говоря о самых ужасных мучениях грешников, помнит о безраздельной радости жизни и природы: отдаленные адские огни в беспросветной мгле итальянской ночи, и среди рая темных казнящихся призраков проплывают светлые тени Франчески и Паоло, чаруя повестью своей вечной любви...

Данте в мировой литературе высится как гора. Она выросла темными лесами, скрывающими неведомо что; пропасти пугают своей чернотой и скалы – крутизной своих срывов. И все же: мрачный лик этой горы озарен первыми золотыми лучами показавшегося солнца. Но подъем по этой горе не легок; для того, чтобы читать Данте, надо изучать его пристально и долго. Это изучение трудно; но только оно доставляет – и, думается, много десятилетий будет еще доставлять счастье общения с одним из величайших гениев, каких знает культурное человечество.

ПОЭЗИЯ М. ЗЕНКЕВИЧА

О поэте живом, молодом по возрасту и еще «становящемся» не может быть, разумеется, окончательного суждения. Но если это такой поэт, который не только написал 2–3 удачных стихотворения, но сумел рассказать по-своему и о своем – он безусловно подлежит рассмотрению; и такая оценка может стать полезной не только для его собственного будущего, но и для будущей истории русской поэзии.

Речь пойдет о Мих. Зенкевиче, с именем которого соединены (пока) три книги: «Дикая Порфира» (СПб., 1912), «Четырнадцать стихотворений» (там же, 1918) и «Пашня танков» (Саратов, 1921); его стихотворения, между прочим, были приложены к двум «акмеистическим манифестам» в числе произведений других поэтов Аполлоновского содружества в 1913 году¹.

Есть поэты, которые только поют, есть такие, которые рисуют, колдуют, сходят с ума, опьяняют – и еще многие, многие. М. Зенкевич принадлежит к тем, которые **остро видят** – а потом хотят поведать об этом, беря те слова, которые как раз идут им навстречу, и ломая те, которые не покорны. **Конкретный образ** – вот в поэзии Зенкевича I-го периода самое главное.

Мне кажется, что к первым двум книгам Зенкевича могут быть поставлены эпиграфом слова Блока (из «Скифов») о любви к плоти, к ее вкусу, к ее душному запаху².

Вячеслав Иванов, этот мудрый, но часто мудрящий оценщик, хорошо сказал про Зенкевича, что он «пленился материей и ею ужаснулся»³. Выше я сказал об остром зрении Зенкевича. Но да не сочтут его реалистом! Это зрение – мучительно острое. Его взор не видит земных, радостных, трепещущих покровов природы, он – прожигает, прорезывает и «мясную багряницу»⁴, и толщу земных напластований, доходит до «состава частей земных»⁵ – и видит: минувшие геологические эпохи, страшные страницы «дней творения». Поэт напоминает того уэллсовского «путешественника во времени», который на своей сложной и хрупкой машине пронесся не только в будущее, но и в прошедшее, и, может быть, утонул в безднах Мелового Моря⁶. Он видит ящеров, которые по отмелям древних побережий «проволокли громоздкие хвосты»⁷, он чует гул океанов, которые, гудя, идут, притягиваемые «лунной мутью»⁸, он слышит «тяжкий грохот» песен металлов, «поющих без усталости о том, что они владыки земли, как плесень, слизнут красным языком»⁹. Металлы, камни, воды, мясные ряды, в которых поэту «чудится, что в золотом эфире и нас, как мясо, вешают весы» – мир крепкой плоти, терпкой, сочной, цельной в своей полноте, как и в своем разложении, – вот что раскрывают перед нами стихи Зенкевича. «Дикая порфира» – это старинное выражение Боратынского¹⁰, желавшего рассказать о последнем цветении природы, когда из нее исчезнут земные племена. Этим заглавием Зенкевич ставит себя (и совершенно правильно) в известное отношение к Боратынскому, но это не назовешь ученичеством. И эпиграф из Анненского¹¹ свидетельствует о том, что некоторые стороны мира – преимущественно его манящая красота – будут восприняты в тонах этого поэта: у берегов заводей, «где солнце ищет берега, так упоительно застыли лилово-красные снега»¹².

Нелепо было бы сравнивать стихи Зенкевича с «прикладной поэзией» Ломоносова или утверждать, что читатель бросит «стихотворную палеонтологию» (как это делалось!)¹³. Весь смысл «Дикой Порфиры» в том, что поэт иначе видеть не может.

«14 стихотворений»¹⁴ даны в несколько иной тональности. Правда, некоторые мотивы вновь приходят (мамонт; аэроплан – «стальной птеродактиль»; кровожадный тигр). Но окраска иная: на все лег тон «сафировый» (стр. 14, 17), «золотой» (стр. 9, 11, 21) больше ясных, чем мрачных тонов. В одном месте («Купанье») поэт достигает на мгновение пушкинской чистоты и прозрачности; но это не его лад. «14 стихотворений» свидетельствуют о непрекращающейся работе над собой и стихом. Такие пьесы как «Удавочка» (влияние рассказа о 7-ми повешенных?¹⁵), «Тигр в цирке», «Купанье», «Подсолнух поздний догорал», «Россия» показывают, что поэт умеет взять иные струны, более нежные, более жуткие, более человеческие, чем прежде.

После трехлетнего перерыва – «Пашня Танков».

На первой же странице поэт говорит здесь об «упорстве, порывистости и гордости»¹⁶ «в неустанном искании»¹⁷. Ритм сломан, стихи разрифмованы, образы сдвинуты. Вместо массива «Дикой Порфиры», вместо ярких светящихся красок «14 стихотворений» – черная линия извилистая, пунктир, многовидно и прихотливо изогнутый зигзаг. Вместо пения стиха – сухой треск. Много строк об аэропланах, о дредноутах, о технике, о войне, о «бронтозаврах, танках»¹⁸. «Дрожащие, смотрите! Смотрите! Истлев и воскреснув в мертвой петле, на экране неба в сумасшедшем прицеле снарядом летящего цилиндра обстреливая солнечные недра, экспроприруя вечность, производит Пегу амортизацию смерти...»¹⁹. Это выписанное место дает хорошее представление о стиле и образах всего сборника.

Думается, этот сборник – не достижение и даже не этап. Это какой-то период лабораторной работы, запись, сданная в печать непросохшими чернилами. Это – не вывих и, конечно, не выверт! Поэт вошел в какую-то новую среду, в новую атмосферу. Его взор не привык к ней, и грудь переносит ее пока с напряжением. Но мне кажется, что это только переход, за которым откроется новая творческая даль, что это – искус излома, который поэту надлежит преодолеть, чтобы снова стать глубоким, ясным и цельным, каким, на мой взгляд, он рожден и предназначен остаться в русской литературе.

«ЕВГЕНИИ ОНЕГИН» В ИСПОЛНЕНИИ ЯХОНТОВА

10 декабря по радио были переданы отрывки из «Евгения Онегина» Пушкина в исполнении В.Н. Яхонтова¹. Из работ этого мастера радиослушатели уже знают монтажи «Ленин», «Октябрь», «Пушкин», «Казначейшу» Лермонтова².

При передаче театральной постановки по радио отпадает зрительная сторона, которая играет большую роль и для работ артиста Яхонтова. Подача им текста обычно сопровождается здесь рисунком жестов, которые то являются дополнительной характеристикой, то связаны с текстом рядом сложных ассоциаций. Однако постановка «Евгения Онегина» представляет собою в основном работу над стихом, и радиопередача может донести последний до слушателя полностью.

Играя текст, Яхонтов не только углубляет и динамизирует его, но стремится вскрыть его подлинный социальный смысл, показывая лицо писателя, обращенное и к его времени, и к нашей современности. В истолковании образов Пушкина Яхонтов твердо и четко проводит определенный принцип. Помещица Ларина разгримирована от всякого налета сентиментальности и — в ней проступают жесткие черты помещицы-крепостницы, которая сама «езжала по работам, вела расходы, брила лбы, служанок била»³. В образе Евгения рядом интересных интонационных приемов обрисована надуманная поза российского дендизма. Ему противопоставлен образ Татьяны, который дан не столько в лирической, сколько в драматической трактовке, согретой живым и неподдельным чувством. В этом отношении особенно интересна сцена последнего объяснения Онегина с Татьяной в VIII главе, которое пересекается строками из девического письма Татьяны и напыщенными тирадами поучения Онегина. Создается целостный сценический рисунок по формуле «было — стало», где картина попеременно переносится то в прошлое, то в настоящее, сравнивая и противопоставляя их.

Связывая «Евгения Онегина» с современностью, Яхонтов включает в I главу стихи Маяковского о Париже, из которого поэт рвется обратно в нашу Москву⁴; стихи эти резко контрастируют с порывом Пушкина прочь из той России на Запад. Тема «Поэт и чернь» является здесь в новом освещении: если для Пушкина «чернь» была Бенкендорфом⁵, чиновным миром

и двором, то для Маяковского «чернь» оборачивается белоэмигрантами, которые сопровождают злобным шипением каждый его шаг.

Из отдельных приемов мастерской трактовки текста у Яхонтова следует указать еще декламационные «фанфары» в рассказе о ложноклассицизме петербургского театра (Озеров⁶), ритм танца в строфе о танцовщице Истоминой⁷, реалистический показ крепостных слуг, ожидающих на лютном морозе господ у театрального подъезда, под отдаленный гул аплодисментов и оваций, и даже убедительную передачу светового момента – ясный, «дневной», мажорный голос Яхонтова на стихе: «На синих иссеченных льдах играет солнце»⁸ после предыдущего рассказа о хандре Онегина в спертom воздухе барских покоев (этот же голосовой мажор применен Яхонтовым в картине морозного утра и появления Ольги, сменяющего сон Татьяны).

Работы В.Н. Яхонтова – острые, свежие, проникнутые духом подлинно-революционного искусства – должны быть широко представлены в программах литературных передач.

Мастерство Яхонтова, не имеющее ничего общего с приемами обычной «читки», ведет советского радиослушателя, читателя и зрителя вперед к полному освоению классической литературы.

Ф. ШУБЕРТ. ПЕСНИ НА ТЕКСТЫ ГЁТЕ ДЛЯ ГОЛОСА С ФОРТЕПИАНО. ПЕРЕВОД С.А. АДРИАНОВА.

Редакция Зои Лудий. Москва. Гос. Музыкальное Издательство.

1934. 135 стр. Цена 10 руб.,

переплет 1 р. 50 к. 1.500 экз.

Настоящее отлично оформленное издание (к сожалению, запоздавшее на два года «к столетию со дня рождения» Гёте) содержит 31 песню; среди них – не только ряд лучших вокальных произведений Шуберта, но и выдающиеся образцы лирики Гёте. Выбор песен обдуман и удачен; из множества гётевских песен Шуберта к нему следовало бы, может быть, прибавить «Willkommen und Abschied» и «Liebhaber in allen Gestalten»^{*}.

Значение подобного тематического сборника для исполнителей, для педагогической и исследовательской работы чрезвычайно существенно.

^{*} «Свидание и разлука» и «Любимый во всех обликах» (нем.).

В предисловии от редакции характер издания определяется как «сборник стихотворений Гёте с музыкой Шуберта». Совершенно очевидно, какая ответственность ложится при этом на переводчика текстов классического немецкого поэта в музыкальной интерпретации одного из крупнейших немецких композиторов.

Необходимо отметить, прежде всего, то отрадное явление, что Музгиз выпустил переводы, которые ставят исполнителя и слушателя лицом к лицу с поэтическим текстом в его подлинном облике, не прибегая к затушевыванию и вуалированию всякого рода (как это имело место, например, в музгизовском издании песен Листа, где некоторые переводы являются грубым искажением текста).

Русские переводы Гёте, выполненные такими мастерами слова, как Жуковский, Лермонтов, Тютчев, Фет¹, могут облагать высокими литературными достоинствами и в то же время оказаться совершенно неприменимыми к музыке.

В настоящем издании С.А. Адрианов², как видно из самих его переводов, поставил себе целью с возможной точностью передавать содержание текстов в их музыкальном воплощении, воспроизвести мелодический рисунок песен, ритм стиха, его эмоциональную и стилистическую окраску.

Работа С.А. Адрианова значительно выше того, что выпускалось музыкальными переводчиками прошлого столетия (как, например, Горчаковой, Костомаровым, Тюменевым³); представляет собою шаг вперед с новейшими переводами песен Шуберта Коломийцова⁴ (особенно показательны в этом отношении «Песня Клерхен», «Пряха» и «Сын муз»).

Некоторые из переводов С.А. Адрианова должны занять определенное место в нашей переводной вокальной литературе (таковы особенно удачные переводы: «Крысолов», «Швейцарская песня», «Ювелирный подмастерье», «Границы человечества»).

Другие (как, например «Песнь арфиста», ор. 12, «Гретхен за прялкой») хотя и отражают подлинник более тускло, все же могут быть признаны удачными по сравнению с предшествующими русскими переводами тех же песен (интересно также сравнить перевод «Ночной песни странника» с тем вялым и слабым переводом этого стихотворения, который был опубликован в свое время с музыкой Н. Метнера⁵).

Однако переводы С.А. Адрианова не свободны от некоторых недочетов, вообще свойственных работам русских музыкальных переводчиков, а именно:

1) В отношении звуковой формы приходится отметить и здесь нарушение логического ударения на сильном времени и на слигованных нотах, встречающихся, к сожалению, во многих песнях. Несколько примеров: «но как коснусь я до кудрей» (стр. 25) (что легко было изменить: «но лишь твоих коснусь кудрей»), «через теснины» (45), «озаряет небосвод» (74), «утро каждое несет» (75), «и предаете *искушёнью*» (79 и 81), «лимон на солнце зреет *золотой*» (82), «и слезу он *проливает*» (97) «озабочен» (101), «*людожди*» (102).

Восприятие вокального текста слушателем и без того в известной мере осложнено, а неправильные акценты, заставляя исполнителей делать какое-то насилие над языком произносимого текста, мешают ему дойти полностью до аудитории.

Нежелательными слияниями двух одинаковых гласных («и из шкафа», 76) и сочетаниями, затрудняющими артикуляцию («давно б взяла», 76), переводы С.А. Адрианова почти не страдают.

Рифмою переводчик местами жертвует (например, конец «Тайны», рифмы нечетных строк в «Фульском короле», «Пряхе», во 2-й песне Миньоны), а местами допускает менее точные рифмы в интересах большей смысловой и стилистической близости. Конечно, в стихотворном переводе это — линия наименьшего сопротивления. И все же возражать против этого не приходится, поскольку рифма в музыкальном изложении часто совершенно стусевывается. Однако нежелательно скопление на близком расстоянии очень бедных рифм, как, напр., в «Лесном царе» — меня : тебя, тебе : мне (стр. 71, в момент почти наивысшего напряжения: «Ich liebe dich, mich reizt deine schöne Gestalt»⁶ — в переводе читаем: «Люблю тебя, пленил красотой ты меня» — сила впечатления значительно ослабевает; стр. 68–69, два раза подряд!).

Досадно расхождение эмоционального содержания слов и музыки в песне «Гретхен за прялкой»: «Веселой, веселой мне больше не быть» (52, 55 и 58), где повторение слова «веселой» музыкально не оправдано.

⁶ «Люблю тебя, меня прельщает твой милый облик» (нем.).

2) В отношении смысловом стремление к дословной передаче подлинника приводит иногда переводчика к своего рода «наивному вербализму»; в таких случаях результат может получиться нежелательно комический, как, напр., в третьем куплете «Розочки на поле»:

Мальчик дерзкий все ж сорвал
Розочку на поле;
Шип напрасно защищал,
«Ах» и «Ох» не помогал,
И пришлось позволить...⁷

или в начале «Тайны»:

Взгляд очей моей любимой
Вводит всех в недоуменье...

Иногда, наоборот, С.А. Адрианов довольствуется отдаленным приблизительным пересказом. Это отнюдь не значит, что от вокального перевода надо требовать буквального сохранения всех образов; но С.А. Адрианов дает нивелирующий перевод именно в таких местах, где подлинник содержит реальные бытовые черты, при соблюдении которых русский текст стал бы значительно ярче.

Например, стих: «Das kleine Füßchen tritt und tritt» («Малютка-ножка стук да стук» – речь идет о работе пряжи) передан: «Кружится колесо быстрей» (17), или: «Der stumpfe Bursche bläht sich, das steife Mädchen dreht sich nach meiner Melodie» («На мою мелодию туповатый парень спесивится, а неуклюжая девушка начинает кружиться в пляске») – «Все сразу ожились, все в пляске закружились под песенку мою» (133–134).

3) Наконец, в отношении стилистическом следует отметить несколько спорный выбор слов: «пусть будут мальчики бунтливы» (13) (с незначительным отступлением можно перевести: «драчливы»), «снег сугробный» (44). Нежелательна форма «Оркус» (130) в русском тексте (ср.: «Что мне страшиться всесильного Орка?» – Брюсов⁸).

Фразеологическое построение местами отяжеляет текст: «Твой взгляд в мои глаза я вспоминаю» (40), «Лучше б с несчастьем вечно вел сечи» (45).

Стихотворный перевод должен быть свободен также от поэтических штампов, которые встречаются у С.А. Адрианова в нескольких местах, хотя подлинник не дает к этому повода: «Кто знал как я, тот миг очарованья» (40–41) («миг очарованья» в подлиннике отсутствует), «пламя очей, обаянье улыбки» (56) (в подлиннике: «Его благородный облик, улыбка его уст»).

Вокальный перевод – это русский текст, который должен побуждать к исполнению песни. Между тем отмеченные шероховатости неблагоприятно отразятся именно на исполнении. Они легко могут быть исправлены в следующем издании.

Еще одно соображение об организации перевода: поскольку такой сборник, как «Песни Шуберта на тексты Гёте», включает большое разнообразие вокальных жанров – от ярко драматической «Гретхен за прялкой» до близкой к народной песне «Розочки на поле», от драматического монолога «К вознице Кроносу» до образцов интимной лирики – то было бы, может быть, целесообразнее представить тексты в переводах нескольких авторов; тогда каждый из переводчиков смог бы сосредоточиться на передаче той или иной группы песен, сообразно своему поэтико-переводческому стилю. При наличии общей музыкальной и стилистической редакции такое разделение работы может обеспечить более адекватную передачу вокальных текстов – более высокое их качество.

ДЖОН ФЛЕТЧЕР. «ИСПАНСКИЙ СВЯЩЕННИК»

Комедия. Перевод, обработка и вступительная статья М. Лозинского. Москва. Гослитиздат. 1935. Стр. 147.

Цена 2 р. 25 к.

Драмы Шекспира хорошо знакомы советскому зрителю и читателю. Менее известно, что у Шекспира было много современников – драматургов, которых в Англии 16–17 века не менее ценили, чем его самого. Комедия одного из современников Шекспира, Дж. Флетчера, «Испанский священник» рисует картины быта и нравов духовенства. Священник Лопес помогает молодой женщине одурачить своего и без того неумного мужа. Любовь празднует победу назло «установленному» (т.е. буржуазному) «порядку».

Типы скупого законоведа-крючкотворца, алчного попа, хитрого пономаря выпуклы и яркие, язык – живой и выразительный, положения забавны и занимательны.

Пьеса переведена мастерским русским стихом, заставляющим забывать, что это переводное произведение. Хотя комедия и рассчитана на профессиональный театр – отрывки из нее можно поставить и на клубной сцене.

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ Е.Я. АРХИППОВА «ВОПРОСЫ О ЛЮБВИ К ПОЭТАМ И КНИГАМ»

1. *Возвращаетесь ли Вы к чтению Державина? Хотите ли его перечитывать? И что больше всего?* – Державин, к сожалению, до сих пор был для меня «школьным поэтом». Я очень хотел бы его прочитать.

2. *От каких поэтов, ценимых Вами ранее, Вы отошли теперь? (Я разумею тот круг поэтов, который владел нами в <19>22–23 гг.).* – За всю жизнь я по-настоящему отошел только от Бальмонта, если только это значит «отойти». Много ли мы ответственны перед теми, кого любили в 5 и 6 классе гимназии?

3. *Любите ли Вы перечитывать стихотворения Лозина-Лозинского?* – Да, и особенно – из «Благочестивых путешествий»¹.

4. *Возможно ли для Вас перечитывание стихов Ф. Сологуба? Что Вы цените в нем сейчас?* – Да, я люблю из него стихи хмурые, пасторальные, злые и, вообще, – предметные. Не люблю стихов о Голубой Пустоте² и обо всем, что пишется с больших букв.

5. *Любите ли Вы сти<хотворе>ния Пастернака или он просто для Вас интересен и ценен?* – Пастернака, конечно, люблю, хотя бы многое множество из него было бы просто неприятно. Он – воздух, которым не может не дышать одно из поколений.

6. *Тот же вопрос о Мандель<шта>ме.* – И Мандельштам очень люблю, но уже по-другому. Нельзя не любить того, у кого учился и учишься. Он – «контрапункт старого письма»³, и в то же время он живет многих живых.

7. *Согласились ли Вы с построением линии: Баратынский – Случевский – Ходасевич?* – Да.

8. *Что из Случевского Вы цените?* – Из прозы – ничего. А стихотворения (очень многие) люблю, как голос редко посещающего меня друга.

9. *Можно ли любить поэта Волошина или ему можно будет только удивляться?* – Можно и любить, и удивляться. А Волошин после 1918 г. просто громаден.

10. *Какую из книг Гумилева любите Вы больше всего?* – Весь Гумилев для меня – в «двух книгах»⁴. Раздел происходит в «Колчане»⁵, в котором их воды смешиваются, как река в дельте с морем. И я люблю больше всего его «вторую книгу»⁶.

11. *Что больше любите из Блока: <<Скифы>> «12-ть» – <<Возмездие>?»* – «12» мало для меня составляют. Вот о «Скифах» могу сказать, что я им «удивляюсь». А «Возмездие» люблю по-настоящему.

12. *Может ли быть то время, когда Вы отойдете от Блока, или – оно уже наступило?* – Трудно сказать. Многое из I (и II) тома, может быть, уже отошло. III храню весь.

13. *Что Вы оставляете для себя из прозы М. Кузмина?* – Все – и большое, и малое, и даже скомканное.

14. *Что больше всего любите у Лескова?* – Легенды, Левша, Островитяне, Запечатленный Ангел, Захудалый Род, Интересные мужчины, Лэди Макбет Мценского уезда.

15. *Что вы могли бы еще перечитать из Достоевского?* – Хозяйка, Униженные и Оскорбленные, Преступление и Наказание.

16. *Какие 7-мь книг стихов и 7-мь книг прозы Вы оставили бы навсегда с собой из своей библиотеки?* – Те, что названы в моем «Венке сонетов». Но, может быть, когда я стану старше, этот круг стянется (или некоторые – немногие – имена заменятся другими). И все же четырнадцати книг (не имен!) для меня мало.

17. *Кто ближе всего к Вам: Сомов, Мусатов, Судейкин, Сапунов?* – Сомов.

18. *Любимое Вами прозаическое сочинение Пушкина?* – Письма, Повести Белкина, Пиковая Дама.

19. *Любимая поэма Пушкина?* – Граф Нулин, Домик в Коломне.

20. *Цените и дорожите ли сейчас Земною осью и Огненным Ангелом?*⁷ – «Огненный Ангел» принадлежит европейской литературе, как Вальтер Скотт, Диккенс и Флобер.

21. Кто Вам ближе: Ахматова или Марина? – Обе, каждая по-своему.

22. Возможно ли для вас пристальное и любовное перечитывание Вяч. Иванова – «*Cor Ardens*»?⁸ – Да, но: «не камнями украшенный венец и не порфира, не орифламма, даже не лира Ваш настоящий голос, а бедный и “дикий колос” – такой простой среди великолепий – как сердце, такой златой на темном склепе – как солнце, такой святой, как счастье»⁹.

И всюду, где прорастает этот «бедный, дикий колос» (– а прорастает он и в *Cor Ardens*) – я люблю и храню Вячеслава Иванова, как первые стихи<> заученные еще вместе с грамотой и с П<исанием>¹⁰.

<Вторая часть анкеты>

1. Какие Ваши любимые книги в детстве? – «Сказка о Щелкуне и мышинном царе» Э.Т.А. Гофмана в пер. С.В. Флерова¹¹. Семь сказок русского автора, к<оторо>го не помню (среди них «Розовое стеклышко», «Сказка о принцессе Формозе»)¹², Андерсен. «Книга чудес» Натаниэля Гауторна¹³. Разные комплекты старых (русских и немецких) журналов.

2. Какие из этих книг Вы хотели бы перечитать теперь? – «Сказку о Щелкуне» именно в этом старом издании.

3. Какими романами (пусть даже наивными и нехудожественными) Вы увлекались в молодые годы? – Додэ, Гамсун.

4. Какие из поэтических произведений были прочитаны для Вас и кем именно? – Отцом – «Баллада о старушке» Саути в пер. Жуковского, «Заколдованное место» и «Пропавшая грамота» Гоголя (и др. вещи). Много произведений (Пушкина, Лермонтова, Лескова, Чехова) – матерью. Много немецких сказок (напр. Гауффа¹⁴, Гримма) и стихотворений – воспитательницей В.А. Марведель (от которой пошла и вся моя германистика)¹⁵.

5. Какая картина или иллюстрация в журнале (в книге) впервые поразила Ваше воображение? – Иллюстрации Головина к «Сказке о царе Салтане», с синим морем, белыми парусами и золотыми буквами и куполами.

6. Кого из поэтов Вы считаете обладающим атлантической памятью? – Эдгар По. Черубина де Габриак. Максимилиан Волошин. Автор «Огненного Столпа»¹⁶.

7. Назовите вечную, неизменяемую цепь поэтов, о которых Вы можете сказать, что любите их исключительно и

неотступно. — Поэты венка сонетов «Любимые поэты». Кроме них: Пушкин, Боратынский, Тютчев.

8. На кого из поэтов современности (после 1920–1921 г.) — печатающихся и не выходящих в печати — обращено Ваше внимание? — Вс. Рождественский, М. Светлов, М. Тарловский¹⁷, А. Кочетков.

9. Кого из западных и восточных поэтов любите больше всего? — Поэты, названные в венке сонетов «Любимые поэты». На Востоке: поэты и летописцы, создавшие книги Писания.

10. Что любите больше всего из Вальтер-Скотта и Диккенса? — Диккенс. «Большие ожидания», «Холодный дом», «Наш общий друг». В. Скотта вообще не причисляю к любимым.

11. В какой ряд поэтических имен Вы поставили бы имя 1) Комаровского В.А. 2) имя Парнок С. 3) Лозины-Лозинского А.К. — 1) Брюсов. Автор «Огненного столпа». Французы-парнасцы. 2) <1 слово зачеркнуто. — Т.Н.> Тютчев. Ахматова. 3) Шарль Кро¹⁸. Верлэн. Гейне. Беранже.

12. Взаимоотношения с какими поэтами и писателями (непосредственные и заочные) Вы считаете для себя ценными (на протяжении всей жизни)? — Черубина де Габриак. Автор «Горного Ключа»¹⁹. Вс. Рождественский. Редкие встречи с М.А. Кузминым. Е.Я. Архиппов. Б.А. Садовской.

13. Считаете ли возможным сейчас перечитывание Данте и в чьем русском переводе? — Да. Лучше всего — в подлиннике. Из русских переводов — только Д. Мина²⁰.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д.С. УСОВА В ГАХН

По архивным документам, хранящимся в РГАЛИ, можно составить довольно подробную картину деятельности Д.С. Усова в ГАХН.

«Д.С. Усов с начала своей работы в ГАХН (сентябрь 1923 г.) состоял ученым секретарем комиссии по изучению революционного искусства Октябрьской эпохи и затем — комиссии по социологическому изучению искусств *Социологического Разряда*, вплоть до уничтожения последнего (май 1929 г.). Принимал ближайшее участие в организации и проведении первой в РСФСР выставки революционной литературы (1925 г.) в Москве и в Ленинграде, и в деятельности кабинета революционной литературы (ныне — кабинета современной литературы): в издании словаря писателей современной эпохи, сочинений Ларисы Рейснер, ежегоднике советской литературы, и др. В комиссиях *Социологического Разряда* прочитал ряд докладов по новейшей литературе СССР и ее усвоении на Западе (в Германии). С декабря 1923 г. работал также в *Литературной Секции* ГАХН, где состоял ученым секретарем подсекции истории русской литературы, а с 1928 г. — ученым секретарем *Комиссии по изучению художественного перевода* (область, в которой работает в настоящее время, сосредоточиваясь на вопросах культуры советского перевода)»¹.

«Состоял членом Выставочного Комитета Выставки Революционного Искусства Запада, по поручению которого составил библиографию по разделу *Rossica u Leniniana*»².

В 1926—1927 академическом году «написал 70 статей для Словаря «Писатели современной эпохи» (в I-м томе, вышедшем из печати в Августе 1928 г.), 50 статей для II тома того же Словаря (гото-

¹ Личное дело: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 634. Л. 57.

² Там же. Л. 60.

вится к печати)³, участвует в разработке материалов из архива Ларисы Рейснер и подготовке к печати III-го тома ее сочинений»⁴.

«Участвовал в Терминологическом словаре»⁵, «написал статью о художественном (музыкальном) переводе»⁶.

Многие протоколы заседаний социологического отделения, исторической подсекции литературной секции и Комиссии художественного перевода аккуратно записаны четким почерком ДУ.

1923

16 октября 1923 ДУ присутствовал на заседании литературной секции РАХН, на докладе И.Н. Розанова «Пушкин и Белинский о Тютчеве».

31 октября 1923 ДУ «командирован в Кремль для переговоров с О.Д. Каменевой по вопросу о связи Академии с «Обществом друзей Новой России» в Германии»⁸.

21 декабря 1923 принимал участие в обсуждении доклада И.Л. Поливанова «Л.Н. Толстой в 1881 году».

1924

14 января 1924 – на докладе П.Н. Сакулина «Социологический метод Е. Соловьева (Андреевича)».

21 января 1924 слушает доклад В.М. Жирмунского «Русская романтическая поэма как литературный жанр. В связи с методологией вопроса».

25 января 1924 ДУ делает доклад «Анри де Ренье-романист», приуроченный к выходу в свет первого полного собрания романов Анри де Ренье в русском переводе. В протоколе сказано: «Доклад рассматривает композиционные приемы прозы Ренье, характерные

³ В отчете за 1928–1929 год: «30 статей в дополнение к предыдущим 50-ти» (Там же, Л. 64). О словаре см. I, 46–47.

⁴ В отчете за 1928–1929 год: «В составлении и редактировании I-го тома сочинений Ларисы Рейснер».

⁵ Личное дело. Л. 62.

⁶ Там же. Л. 62.

⁷ Там же, Л. 64. В печатный вариант словаря статья не вошла. См.: Словарь художественных терминов. ГАХН. 1923–1929 гг. Под ред. и послесл. – И.М. Чубарова. М.: Логос-Альтера, Ессе Ното. 2005.

⁸ Личное дело. Л. 13. В личном деле остались пропуск-командировка в Кремль для переговоров с О.Д. Каменевой по вопросу о связи Академии с «Обществом друзей новой России в Германии» от 31 октября 1923 г. и пропуск на заседание ВЦИК в Кремль по служебным делам Заграничного Бюро 14.02.1924.

мотивы и их литературную конфигурацию; фигуры романов Ренье при видимом многообразии сводятся к небольшому запасу искусно варьируемых устойчивых типов; из них наиболее четкими являются фигуры манаков, восходящие к литературной традиции XVIII века. Влияния, испытанные Ренье, идут в 1-й половине его творчества со стороны Э. По и Стеф. Малларме, в дальнейшем – со стороны французской литературы XIX в.; традицию “Парнаса” и влияние Флобера можно считать особенно определятельными». В обсуждении доклада участвовали Б.В. Горнунг, Б.А. Грифцов, Н.К. Гудзий и М.А. Петровский⁹. В отчете о деятельности в 1926–27 академическом году ДУ упоминает написание статьи «Анри де Ренье – романист» для научного сборника подсекции западной литературы¹⁰.

1 февраля 1924 участвует в обсуждении доклада В.В. Яковлева «Чехов и Чайковский».

14 февраля 1924 направляется «В Кремль, в здание ВЦИК Заграничного Бюро по делам службы»¹¹.

18 февраля 1924 присутствует на докладе И.И. Гливенко «Литература этих лет» (о книге П.С. Когана).

19 февраля направляется в Кремль «на заседание Комитета по организации заграничных турне и художественных выставок при Комиссии по заграничной помощи при ВЦИК»¹².

4 апреля 1924 присутствует на докладе М.М. Кенигсберга «Составные рифмы в лирике Иннокентия Анненского» и участвует в его обсуждении наряду с А.А. Буслаевым, Б.В. Горнунгом, Н.К. Гудзием, М.А. Петровским, А.В. Артюшковым и А.И. Роммом.

18 апреля 1924 присутствует на докладе С.Б. Балухатого «Новости чеховского текста» и участвует в его обсуждении.

9 июня 1924 присутствует на докладе Вяч. Иванова «Пушкин и формальная поэтика» (сохранились краткие тезисы доклада, запись выступлений оппонентов: Г. Шенгели, Б. Ярхо, М. Кенигсберга, Н. Гудзия, Ю. Соколова).

20 июня 1924 на организационном заседании «бывш. исторической подсекции (ныне – Секция русской литературы)» ДУ заявляет тему будущих своих докладов «Композиция романа К. Иммермана “Мюнхгаузен”» и «Р.М. Рильке» (содокладчица – С.Н. Шиль), (среди других заявленных докладов: доклад М.А. Зенкевича «Предсмертный период творчества А. Шенье»¹³.

2 сентября 1924 ДУ был введен в организованную на этом заседании Комиссию по художественному переводу (однако его присутствие на заседании не зафиксировано).

⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 23. Л. 123.

¹⁰ Личное дело. Л. 46, 59.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² Там же. Л. 16.

¹³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 53.

3 октября 1924 был на первом заседании подсекции художественного перевода литературной секции — о порядке текущего года и на докладе Б.В. Горнунга «История русского футуризма» в подсекции русской литературы (вместе с Л.П. Гроссманом, Н.К. Гудзием, А.А. Губером, С.С. Заяицким, П.А. Кузько, Н.Н. Лямым, Л.К. Остроумовым, М.А. Петровским, Ф.А. Петровским, И.Л. Поливановым, Ю.М. Соколовым, Б.В. Шапошниковым, С.В. Шервинским, Р.О. Шор, С.В. Шуваловым, Б.И. Ярхо, М.Д. Эйхенгольцем, Г.О. Винокуром, В.И. Нейштадтом, А.И. Роммом, М.А. Дынником). На этом же заседании прозвучало слово Н.К. Гудзия об умершем М.М. Кенигсберге, память которого присутствующие почтили вставанием.

17 октября 1924 — на докладе М.П. Столярова «Кризис современной русской прозы» (вместе с Ф.Ф. Бережковым, В.В. Вересаевым, А.Е. Грузинским, Л.П. Гроссманом, М.И. Каганом, П.А. Кузько, М.П. Никитиным, Н.К. Гудзием, Л.К. Остроумовым, И.Н. Розановым, Ю.М. Соколовым, С.В. Шуваловым, Б.И. Ярхо, М.А. Дынником). ДУ принимает участие в обсуждении, указывая, между прочим, «что “смещение планов” было, как известно, (м<ожет> б<ыть>, впервые) дано с необычайной в то время силой в романе А. Белого “Петербург”, и с этого романа, мы, вероятно, и должны вести счет того, что можно обозначить как “кризис современной русской прозы”»¹⁴.

5 ноября 1924 — на организационном собрании подсекции Всеобщей литературы литературной секции вместе с М.О. Гершензоном, Б.И. Ярхо, М.Н. Розановым, Р.О. Шор, М.Д. Эйхенгольцем, А.Е. Грузинским.

21 ноября 1924 ДУ делает доклад «Новые детали дуэли Лермонтова» на заседании подсекции русской литературы литературной секции. Тезисы этого доклада см. в примеч. 7 к письму 72. В тот же день звучал доклад С.В. Шувалова «О книге Эйхенбаума “Лермонтов”».

26 ноября 1924 — на организационном заседании подсекции Всеобщей литературы. Присутствовали: И.И. Гливенко, Л.П. Гроссман, М.Д. Эйхенгольц, Н.Ф. Дератани, Д.Д. Благой, М.М. Покровский, Р.О. Шор, Б.И. Ярхо, Л.Е. Остроумов, М.А. Петровский, В.А. Дыник, Б.В. Горнунг, В.И. Нейштадт, С.В. Шервинский.

27 ноября 1924 слушал 2-ю часть доклада В.И. Нейштадта «О принципах художественного перевода».

5 декабря 1924 ДУ (вместе с В.В. Вересаевым, Г.О. Винокуром, Л.П. Гроссманом, Н.К. Гудзием, М.А. Петровским, И.Л. Поливановым, Б.М. Соколовым, Ю.М. Соколовым, А.К. Шнейдером, М.А. Цяв-

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 23. Л. 9 об.

ловским, В.И. Язвицким и 50 «гостями», среди которых – Г. Чулков) присутствует на докладах М.О. Гершензона «Путешествие в Арзрум», Л.П. Гроссмана «Мадригалы Пушкина», Н.К. Гудзия «О книге Владислава Ходасевича “Поэтическое хозяйство Пушкина”» (ее обсуждают Вересаев, Цявловский, Гудзий).

10 декабря 1924 – на организационном заседании подсекции Всеобщей литературы вместе с Л.П. Гроссманом, А.И. Роммом, Б.В. Горнунгом и др., где заслушан «план разработки современной немецкой литературы, доложенный В.И. Нейштадтом». В составе сборника по современной немецкой литературе была запланирована статья ДУ «Реакция против натурализма в конце 19 в.» (объемом 1½ п. листа; срок сдачи к 1 января 1925 г.)¹⁵.

19 декабря 1924 – на докладе Б.А. Фохта «Философское значение лирики Пушкина» (вместе с Ф.Ф. Бережковым, А.Г. Габричевским, Б.В. Горнунгом, А.А. Губером, Н.К. Гудziem, Д.С. Дарским, В.П. Зубовым, М.И. Каганом, А.И. Кондратьевым, И.К. Линдеманом, Н.Н. Ляминым, М.А. Петровским, И.Н. Розановым, Ю.М. Соколовым, М.А. Цявловским, Б.И. Ярхо).

20 декабря 1924 на вечере художественного перевода ДУ читал свои переводы стихотворений Рильке («Рыцарь», «Я ведал», «Дворцы») и Ст. Георге («Сон и смерть»), И. Бехера («Насильники»). На том же вечере выступал В.Я. Парнах (перевод стихотворения Бл. Сандра «Башня») и Б.Л. Пастернак (переводы из И. Бехера – «Берлин», «Лес» и Я. Ван-Годдиса («У облак вид столового белья»).

21 декабря 1924 участвовал в открытом заседании-концерте «Поэзия современного Запада». Со вступительным словом выступал М.Д. Эйхенгольц, затем состоялась демонстрация переводов С.В. Шервинского, С.С. Заяицкого, Л.Е. Остроумова, Б.В. Горнунга, В.И. Нейштадта, В.А. Дынник, ДУ, А.И. Ромма, И.А. Кашкина.

1925

16 января 1925 – на докладе М.Н. Розанова «Пушкин и итальянские поэты» (вместе с В.В. Вересаевым, Г.О. Винокуром, М.О. Гершензоном, Б.В. Горнунгом, Л.П. Гроссманом, Н.К. Гудziem, В.М. Жирмунским, Н.П. Кашиным, А.И. Кондратьевым, М.А. Петровским, И.Л. Поливановым, Б.М. Соколовым, Ю.М. Соколовым, А.К. Шнейдером, М.А. Цявловским); участвует в прениях (вместе с Гершензоном, Петровским, Винокуром, Жирмунским) и говорит, что до настоящего времени прочитанные Розановым терцины («или карантинный страж курил жаровней серной») воспроизводились только Б.В. Томашевским в московском журнале «Гермес» (М., 1924, № 3),

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 9.

издаваемом на правах рукописи. Напоминает (к спорам об отрывке Пушкина «В начале жизни школу помню я...»), «что на докладе Вяч. Ив. Иванова “Происхождение трагедии”, читанном в московском религиозно-философском обществе 11 января 1918 г., произошел обмен мнениями между докладчиком и С.М. Соловьевым как раз по поводу “изображения двух бесов”: С.М. Соловьев склонен был видеть в них Аполлона и Диониса и заметил, что “Пушкин просто, по-мужицки” обозвал их бесами. Вяч. Иванов отвечал, что Дионис явился в pendant к Аполлону только в XIX в. и во всяком случае после Пушкина; раньше это знали, по остроумному замечанию Вяч. Иванова, “разве дельфийские жрецы и профессора базельского университета”. Дионис воспринимался Пушкиным вероятно сквозь призму французского XVIII-го века, как “Bacchus”. В “женообразном идоле” Вяч. Иванов видел безусловно и только Афродиту»¹⁶.

25 января 1925 в ГАХН открылась Выставка революционной литературы¹⁷, подготовлена Отделом изучения революционного искусства Социологического отделения академии. После демонстрации материалов выставки в Ленинграде было принято решение использовать материалы выставки для организации постоянного Кабинета по изучению революционной литературы. Значительная часть организационной подготовки выставки лежала на ДУ, который стал ученым секретарем Кабинета.

28 января 1925 – вместе с Б.А. Грифцовым, Б.В. Горнунгом, С.В. Шервинским, И.А. Кашкиным обсуждает вопрос о немецком сборнике. Постановили обязать представить статьи: ДУ (вступительную) к 1 апреля; В.И. Нейштадта (одну статью к 1 февраля, и всех авторов не позднее 1 мая 1925)¹⁸. Статья ДУ «Русская новейшая литература в Германии» появилась в журнале «Искусство» (1927, № 3, кн. 1).

30 января 1925 – на докладе С.Л. Толстого «Современник Пушкина Федор Толстой <--> Американец» (вместе с В.В. Вересаевым, М.О. Гершензоном, Л.П. Гроссманом, Н.К. Гудзием, Б.П. Денике, Л.Е. Остроумовым, М.А. Петровским, В.И. Резановым, А.Г. Цейтлиным).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 45 об.

¹⁷ См. примеч. 1 к письму 67.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 12. Ср.: «За осенние месяцы Подсекция <Всеобщей литературы. – Т.Н.> закончила составлением сборник по современной Западной Литературе (Коган, Кашкин, Усов, Грифцов, Игнатов, Лямин, Шервинский), каковой и был предъявлен Президиуму Литературной Секции и, с пожеланием некоторых добавлений, назначен к печати в одну из ближайших очередей» (Бюллетени ГАХН., № 6–7. С. 42). Речь идет о сборнике: Революционная поэзия современного Запада. Антология. Под ред. П.С. Когана. М., 1927. В нем опубликованы переводы ДУ из Э. Мюзама и И. Бехера.

11 февраля 1925 – на вечере, посвященном памяти А.С. Пушкина, где была прочитана, в частности, лекция Андрея Белого «Загадка Пушкина».

27 февраля 1925 принято решение об издании антологии новейшей французской поэзии по плану М.Д. Эйхенгольца, Б.В. Горнунга и А.И. Ромма. Среди предполагаемых участников – ДУ. Тогда же принято решение об издании немецкой антологии по плану В.И. Нейштадта. Среди переводчиков, которые должны быть привлечены к изданию, ДУ назван первым, за ним – В.И. Нейштадт, потом Ю.П. Анисимов, на 9-м месте – Б.Л. Пастернак.

13 марта 1925 ДУ присутствует на докладе И.К. Линдемана «Эпиграммы А.С. Пушкина» (вместе с Б.В. Горнунгом, Л.П. Гроссманом, Н.К. Гудзием, Д.С. Дарским, П.И. Карповым, Н.П. Кашиным, Л.Е. Остроумовым, М.А. Петровским, Ф.А. Петровским, И.Л. Поливановым, И.Н. Розановым, М.А. Цявловским, В.И. Язвицким и гостями: Н.В. Кенигсберг-Волькенау, А.И. Роммом, И.Я. Стеллецким и др.).

10 апреля 1925 – на докладах Ю.Н. Верховского «Неизданное стихотворение Баратынского и несколько наблюдений над мотивами его поэзии» (о стихотворении «Вот верный список впечатлений»), его же «Из неизданных писем Баратынского (к Путяте)» и С.М. Соловьева «Поэзия Баратынского» (вместе с Г.О. Винокуром, Б.В. Горнунгом, Н.К. Гудзием, Е.Ф. Книпович, Н.Н. Ляминым, Р.С. Мандельштам, М.А. Петровским, Ф.А. Петровским, И.Л. Поливановым, М.А. Цявловским).

20 мая 1925 – на заседании подсекции Всеобщей литературы (вместе с Б.А. Грифцовым, А.И. Роммом, Б.В. Горнунгом, М.А. Дынником, В.А. Дынник-Соколовой, С.В. Шервинским), где обсуждался план антологии современной французской поэзии¹⁹. В переводах ДУ были запланированы С. Малларме, Ш. Кро, Ф. Жамм, Альб. Самен, А. де Ренье, Ж. Мореас.

8 мая 1925 – на докладах В.Ф. Саводника «Московские отголоски дуэли и смерти Пушкина» (по неопубликованному дневнику В.А. Муханова, с комментариями докладчика) и Г.О. Винокура «Новое введение в пушкиноведение» (о книге Б.В. Томашевского «Пушкин» 1925. Изд. «Образование») вместе с Н.Ф. Бельчиковым, Г.О. Винокуром, Л.П. Гроссманом, Н.К. Гудзием, Д.С. Дарским, Н.П. Кашиным, А.И. Кондратьевым, И.К. Линдемано, Н.Н. Ляминым, В.С. Нечаевой, Л.Е. Остроумовым, Т.И. Райновым, И.Л. Поливановым, В.Ф. Саводником, М.А. Цявловским, В.И. Язвицким. Гости: А.М. Кожебаткин, А.Г. Левенталь, С.И. Синебрюхов и др.

12 мая 1925 – присутствует (вместе с С.В. Шервинским, А.И. Роммом, Б.И. Ярхо, А.Г. Челпановым, А.А. Буслаевым, Р.О. Шор,

¹⁹ План издания см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 44–49

Я.Э. Голосовкером, М.А. Дынником) на докладе С.И. Радцига «О переводе произведений античной литературы так называемым размером подлинника».

29 мая 1925 – на 2-й части доклада С.М. Соловьева «Поэзия Баратынского» – вместе с Н.К. Гудзием, И.К. Линдеманом, В.С. Нечаевой, М.А. Цявловским, Г.И. Чулковым, А.К. Шнейдером; гости: М.А. Бекетова, Ю.Н. Верховский, А.К. Горностаев, Е.Ф. Книпович.

5 июня 1925 – на докладе И.Л. Поливанова «К драме Л.Н. Толстого “Власть тьмы” по материалам семейного архива») и докладе Г.О. Винокура «Баратынский и символисты» вместе с Б.В. Горнунгом, Н.К. Гудзием, И.К. Линдеманом, М.А. Петровским, И.Л. Поливановым, А.И. Роммом.

21 октября 1925 ДУ и А.Г. Челпанов делают доклад «Народные песни Эллады»²⁰.

23 октября 1925 – присутствует на докладе А.А. Андреевой «“Русский Пелам” Пушкина и романы Бульвера» – вместе с Б.В. Горнунгом, Н.К. Гудзием, И.К. Линдеманом, В.Ф. Переверзевым, И.Л. Поливановым и М.А. Цявловским.

4 ноября 1925 – на докладах Н.Н. Лямина «Поль Клодель», Б.В. Горнунга «Гийом Аполлинер».

20 ноября 1925 – на докладе С.В. Шувалова «Морфология “Дум” и поэм Рылеева» вместе с Н.К. Гудзием, И.К. Линдеманом, И.Н. Розановым.

4 декабря 1925 – на докладе Н.В. Волькенау «Лирика Михаила Кузмина» – вместе с С.Н. Дурылиным, Н.К. Гудзием, А.И. Кондратьевым, М.А. Петровским, А.Г. Челпановым, Б.И. Ярхо²¹.

16 декабря 1925 – на докладе Е.М. Рыта «Окраска места, времени, народности переводимого языка, общественной среды в свете основных принципов теории перевода и литературы вообще».

1926

2 января 1926 наряду с С.В. Шервинским, Б.В. Горнунгом, А.А. Альвингом, В.А. Дынник, С.Н. Дурылиным, А.А. Сидоровым участвовал в вечере «Поэзия западного искусства». Читал свои переводы: П. Верлен «Под сурдинку», «Кошмар», Ст. Малларме «Окна», Ж. Мореас «Рыцарь вспоминает», С. Георге «За все тебе, о солнце, благодарен» и др. стихотворения из его книг «Год души» и «Ковер жизни», Р.М. Рильке «Петербург», а также переводы В.Я. Брюсова, Вс.А. Рождественского и Н.В. Волькенау. Переводы Ю.П. Анисимова исполняла М.К. Баранович²².

²⁰ Тезисы – см. в примеч. 9 к письму 96.

²¹ Текст доклада опубликован в статье: *Морев Г.А.* К истории юбилея М.А. Кузмина 1925 года // *Минувшее. Ист. альм.* Т. 21. М.; СПб., 1997. С. 362–372.

²² Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 41. Л. 13–13 об.

15 января 1926 – присутствует на докладе П.П. Перцова «Ранний русский символизм» – вместе с Ю.Н. Верховским, Г.О. Винокуром, Н.В. Волькенау, Б.В. Горнунгом, Н.К. Гудзием, Д.С. Дарским, Н.П. Кашиным, А.И. Кондратьевым, К.Г. Локсом, Н.Н. Лямым, М.А. Петровским, И.Л. Поливановым, В.Ф. Саводником, Г.И. Чулковым и М.А. Цявловским.

27 января 1926 – на заседании подсекции переводоведения, где обсуждался план мартовского вечера античной поэзии, и на докладе С.В. Шервинского, читавшего свой перевод «Орфея» Анджело Полициано.

29 января 1926 – на докладе П.П. Перцова «Московский символизм 90-х» – вместе с Г.О. Винокуром, Н.К. Гудзием, Н.Н. Лямым, И.А. Новиковым, Г.И. Чулковым, О.А. Шор. ДУ участвует в прениях: «...указывает на полную неточность утверждения докладчика: “Ницше совершенно не был поэтом”; не говоря уже о художественных элементах “Так говорил Заратустра” – мы имеем значительное количество *стихотворений* Ницше. Оттуда переводил В.Я. Брюсов, Вяч. Ивановым был обещан перевод “Заратустры” и оппонент склонен думать, что некоторое воздействие Ницше-поэта на символистов могло быть вскрыто»²³.

11 февраля 1926 – на совместном заседании Блоковской ассоциации и комиссии художественного перевода ДУ сделал доклад «Немецкий Блок». (В плане работ ассоциации по изучению творчества А. Блока на 1925–1926 г. говорилось о том, что предполагается заслушать доклад ДУ «Северная стихия в творчестве А. Блока» и его же «О переводах Блока на немецкий язык». Первый из названных докладов, видимо, не состоялся).

Тезисы доклада ДУ «Немецкий Блок»:

1. Среди европейских языков, на которые в течение последнего 15-летия переводятся произведения А. Блока, язык немецкий является материалом особенно благоприятным а) ввиду свойств немецкого стиха, ближе других способного передать стих русский, б) ввиду силы и значительности германской традиции в творчестве А. Блока.

2. Желая представить себе Блока в одежде немецкого стихотворного языка, обращаемся а) к опубликованным переводам лирических стихотворений и двух крупных произведений Блока – «Двенадцать» и «Роза и крест», б) к рукописным переводам некоторых русских авторов и с) к эквиритмическим переводам текстом вокальных композиций Гнесина, Гречанинова, Мясковского, Половинкина и Шелли.

3. Сравнительная оценка и учет переводного материала а) показывает нам Вольфганга Грегера как наиболее совершенного и

²³ Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 35. Л. 29.

сильного немецкого переводчика Блока, б) располагает других немецких переводчиков по различным степеням мастерства передачи и с) заставляет пожелать большей интенсивности переводов Блока, при большей систематичности выбора переводного материала из Блоковского литературного наследия.

В заключение докладчик зачитал свои переводы на немецкий язык размерами подлинника стихотворений Блока («Шаги командора» и «Скифы» <Тексты этих переводов пока не разысканы. – Т.Н.>.

В прениях по докладу отмечались: 1) Правильность выдвинутых докладчиком положений (Е.Ф. Книпович) и 2) высокое качество его переводов (М.А. Совенко)». На докладе присутствовали Е.Ф. Книпович, Э.М. Блюм, Е.Ф. Пуриц, Н.Н. Вильмонт, Ф.А. Петровский, А.Г. Челпанов, Н.А. Коган, П.С. Коган, Е.М. Рыт, Б.В. Горнунг, А.А. Губер, В. Грегер, Н. Колли, С. Парнок, Е. Stümpel, композиторы Л.А. Половинкин, А.А. Шеншин и др.²⁴.

17 февраля 1926 ДУ присутствовал на заседании (вместе с В.В. Вересаевым, С.И. Радцигом и др.) о будущем вечере античной поэзии.

19 февраля 1926 – на докладе С.Н. Дурылина «Бодлер в русском символизме» – вместе с Б.В. Горнунгом, Н.К. Гудзием, И.Н. Розановым, А.А. Сидоровым, Г.И. Чулковым, О.А. Шор, М.Д. Эйхенгольцем – и участвует в прениях: «ДУ отмечает безусловную историческую ценность доклада С.Н. Дурылина. Следовало пристальнее взглянуть в работу символистов по переводу Бодлера и в их выбор, – например, у Вячеслава Иванова. Почти обойден вниманием И.Ф. Анненский, его переводы: 1 подражание Бодлеру; в общей же картине русского бодлэрианства отдельные высказывания Анненского – “иногда мелочи показательнее” – как заметил сам докладчик – лягут на свое место»²⁵.

3 марта 1926 – на докладе В.А. Дынник «Некоторые развязки у Мопассана».

4 марта 1926 – на вечере, посвященном матери А.А. Блока А.А. Кублицкой-Пиоттух по случаю трехлетия со дня ее смерти, где выступали Н.А. Павлович, П.С. Коган, а Н.Н. Волохова читала стихи Блока.

26 марта 1926 – на докладе Ю.Н. Верховского «К истории раннего символизма. Архив Ивана Коневского» (из цикла «Poetae minores» русского символизма) и сообщении Н.С. Ашукина «Дневники В.Я. Брюсова за 1895–1897 гг.» – вместе с Н.Н. Волькенау, Н.К. Гудзием, Н.Ф. Дератани, С.Н. Дурылиным, А.Г. Левенталь, П.П. Перцовым, И.Л. Поливановым, И.Н. Розановым, М.Н. Розановым и Г.И. Чулковым.

²⁴ Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 35. Л. 24 и Ед. хр. 4. Л. 16.

²⁵ Там же. Ед. хр. 36. Л. 33.

31 марта 1926 ДУ выступал на вечере античной поэзии с чтением совместных с А.Г. Челпановым работ: 1) Народные песни Эллады (Иресиона, Песня о Ласточке, загадка, сколий), 2) Третий стасим из «Аянта», 3) Из Павла Силенциария, а также читал свой перевод из «Ксений» Марциала.

На поэтическом вечере ГАХН «Символисты» ДУ читал свои переводы из Верлена («Под сурдинку», «Кошмар»), Малларме («Окна»), «Баллада рыцаря, который вспоминает» Мореаса и «Дождь» Верхарна (недатированная программа вечера, написанная рукой ДУ²⁶; другие переводчики-участники этого вечера: С.В. Шервинский, В.А. Дынник, А.А. Альвинг, С.Н. Дурылин, Б.В. Горнунг, В.А. Рождественский.

9 апреля 1926 – на докладе И.К. Линдемана «Остроумие Пушкина» вместе с Н.К. Гудзием, И.Л. Поливановым, М.А. Цявловским, А.К. Шнейдером. Участвует в прениях: указывает, что доклад в его настоящем виде все же трудно отмежевать от темы о Пушкине-эпиграмматисте.

23 апреля 1926 – присутствует на докладе А.Н. Богоявленского «Языковое сознание И. Анненского» вместе с Н.К. Гудзием, М.П. Столяровым, М.А. Петровским, И.Л. Поливановым и одиннадцатью приглашенными.

14 мая 1926 – на докладе Л.Я. Гуревич «Символизм 90-х годов в журнале “Северный вестник”» – вместе с Н.К. Гудзием, А.И. Кондратьевым, М.А. Петровским, И.Л. Поливановым, Г.И. Чулковым.

19 мая 1926 – на докладе С.М. Соловьева «Эсхил и его трагедия “Прикованный Прометей”».

28 мая 1926 – на докладах И.Н. Розанова «Ранний Брюсов» и Б.В. Неймана «Русская литературная традиция в творчестве Брюсова» – вместе с Н.К. Гудзием, А.И. Кондратьевым, И.Л. Поливановым, А.И. Роммом, И.М. Брюсовой, Б.В. Нейманом, М.Н. Розановым, Л.И. Тимофеевым. ДУ участвует в прениях: подчеркивает большое значение традиции К. Случевского для раннего Брюсова и перекрещивающегося влияния И. Коневского.

2 июня 1926 – на докладе Ф.А. Петровского «Валерий Брюсов – переводчик “Энеиды”». Присутствовали: С.В. Шервинский, А.К. Шнейдер, И.Л. Поливанов, С.И. Радциг, Б.И. Ярхо, А.Г. Челпанов.

3 июня 1926 – на распорядительном заседании Ассоциации по изучению творчества Блока, где, в частности, было решено включить выполненные ДУ переводы «Шагов командора» и «Скифов» на немецкий в сборник о Блоке²⁷. ДУ делает сообщение о желательности организации отдела Блока при Кабинете революцион-

²⁶ Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 41. Л. 22.

²⁷ Не вышел. Переводы не найдены.

ной литературы ГАХН (постановили: осуществить организацию в ближайшее время).

1 октября 1926 – на распорядительном заседании литературной секции, где, в частности, намечены темы будущих докладов ДУ «Лирика “Аполлона”» и Н. Волькенау «Верлен в русском символизме» (ни тот, ни другой не были сделаны).

1 октября 1926 делает доклад в Библиологическом отделе: «Русская революционная литература в Германии»²⁸.

8 октября 1926 – на докладе С.М. Соловьева «Жуковский и символизм»²⁹ вместе с Н.К. Гудзием, М.А. Петровским, И.Л. Полиновым, А.Г. Челпановым, Г.Г. Шпетом.

3 ноября 1926 – на докладе П.С. Когана «Бехер: страница из истории немецкого экспрессионизма», принимает участие в прениях по докладу. Добавляет, что «для нас Бехер еще интересен, как переводчик Дем. Бедного и Маяковского. Бехер передает их “логическим ритмом”, со всеми приемами экспрессионистической техники, причем он экспрессионистически добавляет от себя к данности автора. Следует отметить применение рифмы и усиленный гиперболлизм»³⁰.

В 1926–1927 в ГАХН состоялось «11 заседаний, на которых рассматривались вопросы, связанные с изданием словаря» «Писатели современной эпохи»³¹.

В списке дел 1926–1927 академического года: «Перевод песен Голиардов по поручению Комиссии для вечера средневековой поэзии... Написание (по поручению подсекции) обзора немецкой литературы в 1926 г.»³².

1927

27 января 1927 ДУ председательствует на организационном собрании Ассоциации по изучению творчества Блока, его избирают в Совет Ассоциации. Намечен доклад ДУ «Немецкий Блок».

17 февраля 1927 ДУ сделал доклад «К литературной истории русского символизма II периода» (о письме Блока к Е.Я. Архиппову об А.В. Звенигородском от 7 ноября 1906 г.) на соединенном заседании Ассоциации по изучению творчества Блока и литературной секции³³.

²⁸ Личное дело. Л. 46.

²⁹ См. тезисы доклада Соловьева и оппонирования ДУ в примеч. 1 к письму 119.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 48. Л. 11.

³¹ Бюллетени ГАХН., № 6–7. С. 15.

³² Личное дело. Л. 46. Голиарды-ваганты. Переводы не найдены.

³³ Сообщение об этом: Бюллетени ГАХН. 1927/1928. № 8/9. С. 26. № 10. С. 19–21, 24–26.

10 марта 1927 – присутствует на докладе М.Н. Розанова «Мотивы мировой скорби в поэзии Блока».

14 марта 1927 – на организационном заседании Зарубежной подсекции, где запланирован совместный доклад ДУ и А.Г. Челпанова «Павел Силенциарий».

24 марта 1927 – на докладе А.К. Горностаева «Блок и Гоголь».

В 1927 г. в ГАХН проводился конкурс переводов 1-й песни «Поэтического искусства» Н. Буало. Конкурс был анонимный, каждый переводчик, сдавая свой перевод, должен был вместо имени написать на конверте свой девиз. Всего было представлено девять переводов под следующими девизами: 1) *Saepe vertere stylum*, 2) *Feci, quod potui*, 3) *Homo sum*, 4) Искать следов ее сандалий / Между заносами пустынь, 5) *Doctor angelicus*, 6) В одежде новой Буало, 7) Свет и сила, 8) Книга, 9) Герше або инше. В архиве ГАХН сохранились переводы № 1, 8, 7, 5, 9. Перевод, который можно было бы достоверно приписать ДУ, в делах ГАХН не сохранен. Нет сомнений, что ДУ скрылся под четвертым девизом, представляющим собой цитату из И.Ф. Анненского.

Свой перевод ДУ читал 12 мая 1927 г. На этом заседании присутствовали Г.А. Рачинский, М.А. Петровский, И.М. Брюсова, Б.И. Ярхо, В.М. Неvejeина, Б.Г. Столпнер, А.Г. Левенталь, М.Д. Эйхенгольц, Ф.А. Петровский, С.Я. Парнок, А.И. Ромм, Э. Гриннер, Ю.М. Вермель, Д.Д. Блэр, Н. Татаринова, М.Н. Розанов и др. Председателем заседания был Б.И. Ярхо, секретарем – Ф.А. Петровский. «Г.А. Рачинский указывает, что сочинения, подобные “Искусству поэзии” он считал возможным переводить только прозой (преследуя точность передачи подлинника); но перевод, сделанный Д.С. Усовым, опроверг это положение, так как переводчику удалось передать точно не только мысли, но и формулировки подлинника в превосходных стихах, даже превосходящих стихи Буало. В переводе только несколько стирается прозаизм и известный рационализма подлинника.

М.Н. Розанов указывает на высокое качество и точность перевода, обращая внимание переводчика лишь на некоторые неточности в отдельных случаях.

Б.И. Ярхо указывает, что во всем переводе нет таких мест, которые хотя сколько-нибудь существенно изменяли подлинник. Вполне прав Г.А. Рачинский, указывая, что перевод улучшает подлинник. Перевод местами несколько романтичен (напоминает иногда скорее Мюссе, чем Буало). По вопросу о силлабическом стихе: Б.И. Ярхо считает такой стих вполне возможным в русском языке. Русский силлабический стих есть, собственно говоря, дольник, в котором колебание слогов доведено до нуля. Такой стих будет относительно близок к стиху Буало.

М.А. Петровский делает несколько замечаний относительно отдельных мест перевода.

Д.С. Усов, отвечая на сделанные замечания, приводит разъяснения относительно тех соображений, какие им руководили при передаче отдельных мест подлинника. Что касается о замечании <Так! — Т.Н.> о передаче силлабическим стихом, переводчик не считал возможным для себя нарушить установившуюся в русской поэзии традицию для передачи французского силлабического стиха.

Тезисы доклада Д.С. Усова на тему «Поэтическое искусство Буало» (1-я песнь):

1. Не решаясь на (правомерную) передачу двенадцатисложного французского стиха Буало русским силлабическим стихом, переводчик ограничился передачей его на язык шестистопного ямба, избегая при том сложных спондеических замен.

2. Стремясь к уточнению рифмы и к возможному сокращению количества глагольных рифм, переводчик встретил значительную трудность в передаче собственных имен, которыми у Буало часто закрепляется конец стиха.

3. Перевод сознательно стремился культивировать не столько национально-французские, сколько «общечеловеческие» и общепозитические элементы творений Буало³⁴.

8 апреля 1927 — на докладе А.А. Штейнберг «Журнал “Весы” как один из этапов истории русского символизма». ДУ участвовал в обсуждении: отметил «всю громадность и филигранность проделанной работы. — Она, м<ожет> б<ыть>, даже не ясна невооруженному глазу. Все стороны теоретико-литературной деятельности “Весов” нашли здесь свое отражение и закрепление, притом в очень удобно обозримой форме. Особый интерес представляет сводка высказываний В.Я. Брюсова по вопросам поэтической формы, которые интересно проследить развернутыми в его позднейшей научно-педагогической и организационной деятельности. Очень интересен также раздел, сводящий суждения различных участников “Весов” по вопросам теории художественного перевода; можно отметить одно суждение В.Я. Брюсова, отчетливо являющее печать эпохи символизма — это мнение о том, что переводчик должен иметь “особое чутье к тайнам языка”. К сожалению, не привлечен материал художественных переводов, помещавшийся в “Весы”, в качестве подтверждения этих принципиальных требований. Таким образом художественная практика, т.е. самый литературный материал “Весов” вовсе не затронут докладом; между тем, его было бы очень интересно сопоставить с декларативными статьями “Весов”».

Наконец, следует отметить, что “Весы” взяты все же замкнутыми, хотя бы и в очень широкой ограде; интересно было бы показать их в

³⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 52. Л. 29–29 об.

отношении к окружающей периодике, раскрыть полемические страницы и сообщить *итоги* “Весов”, подведенные уже в “Аполлоне”»³⁵.

6 мая 1927 – на докладе И.Р. Эйгеса «Блок и Полонский» вместе с Н.К. Гудзием, Н.Г. Зеленовым и др. Участвует в прениях по докладу: «В докладе убедительно установлены следы общения Блока с Полонским. Очень правильной и своевременной кажется мысль об отборе из стихотворений Полонского; она и должна была бы лечь в основу современного эдиционного воскрешения Полонского, если бы таковое имело место.

Самое ценное в докладе, может быть, его текстуальные сближения, производимые на всем протяжении работы.

Отдельные возражения встречают следующие моменты:

1. Проведение темы Дон Жуана на северном фоне шире и интереснее объяснено О. Мандельштам <Так! – *Т.Н.*>: литературные образы Дон Жуана и Кармен возводятся в степень мифа.

2. Первообраз стихотворения “Умолкает светлый ветер”, по мнению оппонента, есть еще один: “С Богом в дальнюю дорогу” из “Песен Западных славян” Пушкина (строфика, ритмика и мелодия).

3. Тема двойничества у Блока не может быть полностью исследована без привлечения «Песни ада».

4. Самый резкий отпор должно встретить субъективное и немотивированное отступление о философии любви, ненужное и компрометирующее данную работу в ее скромной ценности»³⁶.

Эйгес отвечает оппонентам, в частности: «Д.С. Усову: на примере “Шагов командора” только указано значение зимнего колорита у Блока. Предполагаемый пушкинский прообраз имеет только формальное сходство. Истолкование культа Прекрасной дамы, против которого возражали Д.С. Усов, Н.К. Гудзий, определяется философскими обобщениями докладчика, от которых он не отказывается»³⁷.

20 мая 1927 – на докладе Н.К. Гудзиев «Тютчев в русском символизме» вместе с А.В. Артюшковым, В.А. Дынник, И.Л. Поливановым, Г.И. Чулковым, Г.А. Шенгели, И.Р. Эйгесом, В.К. Звягинцевой; участвует в прениях: «*ДУ* находит, что доклад поставлен слишком общо, являя, в сущности, не более как программу, по которой двинется дальнейшее исследование тютчевского влияния в русском символизме. Доклад дает не “принципиальную точку зрения”, как утверждает докладчик, а только некоторые точки соприкосновения. Не удовлетворяет само построение доклада: может быть, лучше было не провести исследование по портретной галерее русских символистов, больших и малых, а сгруппировать материал вокруг таких основных устоев, как “высказывания символистов о Тютчеве”

³⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 47. Л. 32.

³⁶ Там же. Л. 35.

³⁷ Там же. Л. 35 об.

“Тютчевская тематика в символизме”, “Отражение тютчевского словаря у символистов” и т.д. Тогда исследование тютчевской традиции приняло бы отчетливые очертания. Сейчас возможны лишь фактические дополнения к данному или указания фактических недочетов. Не все текстуальные сближения убедительны. Так, бездоказательно сближение брюсовского “Все каменней ступени” с тютчевским “Все лазурней”, не доказано воздействие ритмики “Последней любви” на ритмику “Вечеровых песен”. У Балтрушайтиса пропущено такое тютчевское стихотворение как “Тишь. Безмолвие лесное”. Из разновременных мелких поэтов символизма – которых желательно вообще привлечь более широко – надо упомянуть Софию Парнок, в лирике которой очень сильна тютчевская струя, и В.К. Шилейко с его стилизующим стихотворением “в манере Тютчева” “Кругом не молкнет птичий голос, а посмотри – какая синь”... Вообще, плодотворнее было бы ограничение периода символизма, изучаемого в отношении тютчевского влияния».

6 октября 1927 – на распорядительном заседании Комиссии художественного перевода.

27 октября – на докладе Е.М. Рыта «Передача формы и содержания при переводе» («продолжение докладов, сделанных в прошлом году»; присутствовали: Б.И. Ярхо, Г.А. Рачинский, Ф.А. Петровский, Д.В. Безр, А.И. Грушкин, Е.В. Благовещенская, Р.О. Шор); принимает участие в дискуссии и «указывает, что отсечение при переводе формальных признаков, характерных для подлинника по рецепту докладчика создаст неполное и неправильное представление о подлиннике, благодаря чему подобный перевод не будет достигать цели. Задача перевода – быть научно художественным; тогда он только и будет иметь культурное и культурно-воспитательное значение»³⁸.

В письме Рождественского к А.Г. Усовой от 30 октября 1927 г. упомянуто намерение ДУ читать в ГАХН доклад о переводах Беранже, выполненных Рождественским.

В ноябре-декабре 1927 г. ДУ перенес глазную болезнь ирит, из-за которой временно не мог исполнять свои секретарские обязанности, вести протоколы заседаний, ограничивал нагрузку на глаза – этим объясняется перерыв в несколько месяцев в его работе в ГАХН.

1928

23 февраля 1928 ДУ присутствует на докладе Н.Н. Соколовой «Бэн Джонсон и “Варфоломеевская ярмарка”» и указывает, что «в докладе недостаточно выявлены принципы перевода. Сомневается в необходимости сохранять латинские выражения в подлиннике»³⁹.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 65. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 10.

На докладе присутствовали Б.И. Ярхо, Ф.А. Петровский, В.А. Ешин⁴⁰, Е.Н. Круг, М. Казанская, А.И. Алякринская.

22 марта 1928 – на заседании Комиссии художественного перевода слушает доклад М.Т. Маркелова «Опыт переводов Мордовского Поэтического текста».

На заседании 26 апреля 1928 ДУ поручалось сделать доклад о деятельности Комиссии художественного перевода ГАХН в ГИИИ; на этом же заседании ДУ принял участие в обсуждении доклада И.К. Линдемана «Русские переводы французских писем Пушкина»⁴¹. Присутствовали М.А. Цявловский, В.С. Нечаева, А.Г. Челпанов, Ф.А. Петровский, И.Л. Поливанов, Б.И. Ярхо, В.А. Ешин, Н.Н. Соколова, М. Переплетчиков и др.⁴².

3 мая 1928 ДУ делал доклад «Из новейшей литературы по теории перевода (Проблема художественного перевода в трактовке В.Н. Державина)», где излагал содержание статьи В.Н. Державина «Проблема художественного перевода», появившейся в сокращенном виде на украинском языке в харьковском журнале «Плужанин» (1927. № 9–10), и делал вывод: «Основными недостатками работы Державина является известная абстрактность ее (автор исходит не от материала, а от общих соображений философско-лингвистической литературы), парадоксальность утверждений о переводе-стилизации, в различении перевода стихотворного и перевода художественной прозы. Значительные достоинства – отчетливая систематизация и классификация различных высказываний о переводе и ряд прямых указаний, которые могут быть восприняты и разработаны практикой переводного дела». Доклад ДУ слушали А.Г. Челпанов, А.Г. Левенталь, Б.В. Горнунг, Н.Н. Соколова, Б.И. Ярхо и др. В прениях выступил Горнунг: «Что касается работы Державина в целом, она представляется Б.В. Горнунгу несостоятельной, как и другие попытки дать систематическую сводку принципов перевода. ... В заключительном слове Д.С. Усов указывает, что не может согласиться со скептической точкой зрения Б.В. Горнунга на теорию перевода и считает, что теория перевода возможна»⁴³.

10 мая 1928 ДУ был оппонентом доклада Л.Е. Охитович о переводе «Германии» Гейне. «Указывает на положительные качества перевода, заключающиеся, прежде всего в интересном и свежем выборе слов, если не считать некоторых особенностей современ-

⁴⁰ Видимо, с ним ДУ учился в университете, стихи Ешина есть в кн.: Студенчество жертвам войны. Сборник, изданный Студенческим Обществом Искусств и Изящной литературы при И.М.У. под ред. пр.-доц. гр. Ф.Г. де Ла-Барта и Н.В. Самсонова, М., 1916. С. 72–73.

⁴¹ См. примеч. 5 к письму 170.

⁴² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 65. Л. 18–21.

⁴³ Там же. Ед. хр. 41. Л. 22 об. См. также: Там же. Ед. хр. 65. Л. 22–24.

ной лексики, досадными пятнами выступающих на фоне совершенно адекватных строф (такие словоупотребления, как “смылись”, “вылазят” и др.) и некоторых неправильных акцентов, несвойственных русскому произношению (кружѣв, свадѣбная, торты, раздернѹ и др.). В передаче гейневского дольника следует избегать нехарактерного для Гейне столкновения двух ударений (“точѣт, чѣрный как дьявол”), увеличения междуударных интервалов (“не философическая особа”, “Государственная измена – дыханье твое”, “во<->первых<-> потому что он король”) и пропуска ударений. Относительно рифмовки перевода оппонент высказывался против ассонансов, выдвигает требование опорной согласной в глагольных рифмах и указывает на нежелательность повторения двух рифм в двух соприкасающихся строфах».

24 мая 1928 присутствует (вместе с А.Г. Челпановым, Б.И. Ярхо, М.Д. Эйхенгольцем, В. Пястом) на докладе Б.В. Горнунга «Проблематика перевода» и участвует в его обсуждении.

1 июня 1928 был на заседании Комиссии художественного перевода Литературной секции ГАХН, где обсуждался «список работ членов комиссии, предполагаемых к напечатанию в сборнике Комиссии художественного перевода при секции Художественной Речи Г.И.И.И. (в Ленинграде)». Среди прочих «признано желательным напечатать» статью ДУ «Работа по изучению теории перевода в ГАХН» и его перевод 1-й песни «Поэтического искусства» Буало (этот план не был осуществлен).

27 сентября 1928 присутствует на организационном заседании Комиссии по изучению художественного перевода при литературной секции ГАХН: «Слушали сообщение Д.С. Усова об издании сборника ГИИИ совместно с Комиссией художественного перевода ГАХН. Принять к сведению»⁴⁴.

1 октября 1928 присутствует на организационном заседании подсекции русской литературы (на этом заседании были А.В. Алпатов, Н.К. Гудзий, Н.Н. Лямин, Ю.Г. Перель, А.А. Реформатский, А.К. Шнейдер, И.Р. Эйгес, Б.И. Ярхо).

5 октября 1928 – там же, на докладе А.В. Чичерина «Лев Толстой в мемуарах Бориса Чичерина» (на этом заседании были Н.К. Гудзий, П.А. Жуков, Н.П. Кашин, Б.В. Михайловский, Ю.Г. Перель, М.А. Петровский, И.Л. Поливанов, В.Ф. Саводник).

8 октября 1928 – ДУ на заседании Комиссии по изучению творчества Рейснер, где опись архива Рейснер оглашает А.Г. Левенталь. Выступает В.П. Полонский⁴⁵.

18 октября 1928 ДУ присутствует на докладе Б.В. Неймана «Ландшафт у Бориса Пастернака» (вместе с А.В. Алпатовым, Н.К. Гуд-

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 3 об.

⁴⁵ См. примеч. 2 к письму 139.

зием, П.А. Журовым, Н.Н. Ляминам, Б.В. Михайловским, Б.В. Нейманом, Ю.Г. Перелем, Н.А. Черниковой, Н.М. Чирковым, А.К. Горностаевым, И.Л. Фейнбергом-Самойловым, Е.Б. Тагером) и принимает участие в прениях: отмечает, что «в докладе Б.В. Неймана образы часто отрываются от контекста; в комбинации их сказалось и чутье и импрессионизм автора, который от прекрасного изложения переходит на само исследование. Главным недостатком доклада является утрировка соотношения, и статистические данные не всегда представляются убедительными. Не отмечена переклички лирики с прозой именно в частях, касающихся пейзажей ("Кама", "Урал впервые"). Не прослежен специально городской и архитектурный пейзаж у Пастернака. В заключение оппонент делает некоторые библиографические дополнения».

18 октября 1928 слушал доклад И.К. Линдемана о переводе В.Я. Брюсовым «Фауста» Гёте (присутствовали: Д.С. Недович, А.Г. Габричевский, С.В. Шервинский, И.А. Поливанов, Б.В. Горнунг, А.Г. Челпанов, М.А. Петровский, С.М. Соловьев, Б.И. Ярхо, Ф.А. Петровский, Н.И. Жинкин, И.М. Брюсова, А.К. Соловьева, С. Охитович, В.П. Зубов, М. Переpletчиков, Б. Михайловский, А.А. Ильинский-Блюменау, В.А. Ещин, М.С. Фельдштейн, Л. Охитович, А. Диатроптова, Н. Касаткина, Ф. Стирикова, Л.В. Горнунг, М. Сабашников, Масальский, Н.И. Пожарский, А.С. Стрелков, А.М. Сухотин и А.А. Сидоров)⁴⁶.

25 октября 1928 ДУ был на докладе С.М. Соловьева о переводе «Фауста» Брюсовым (присутствовали: Д.С. Недович, А.Г. Габричевский, С.В. Шервинский, И.А. Поливанов, Б.В. Горнунг, И.К. Линдeman, А.Г. Челпанов, Ф.А. Петровский, Б.И. Ярхо, Н.И. Жинкин, И.М. Брюсова, Н. Татаринова, А.М. Сухотин, А.К. Соловьева, Охитович, В.П. Зубов, М. Переpletчиков, Б. Михайловский, А.А. Ильинский-Блюменау, В.А. Ещин, Ещина, М. Шидловский, Е.С. Шамбинаго, Н. Ильина, М.С. Фельдштейн, Л.Е. Охитович, А.И. Диатроптова, Н. Касаткина, С.А. Котляревский, Л.В. Горнунг, Кашин, Масальский, К. Пигарев, П. Сергеев, А.С. Стрелков). Основные положения доклада Соловьева: «Брюсов отчасти конгениален Гёте. Брюсов всегда интересовался легендой о Фаусте, средневековой магией и алхимией и темой Мефистофеля. В этом его сродство с Гёте. Полной противоположностью Гёте является Брюсов в своем отношении к природе, отсутствие у Брюсова того Эроса, который лежит в основе и научного и поэтического мировосприятия Гёте». Сравнение переводов Брюсова с переводом Холодковского, Тютчева и Фета. «Современный перевод "Фауста" в стихах невозможен, нужен прозаический. Ставит переводы Брюсова и Фета неизменно выше Холодковского, а конгениальным Гёте считает отрывок, пе-

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 961. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 5—6, 8.

реведенный Тютчевым. Считает перевод Брюсова таким же большим событием, как перевод «Илиады» Гнедича⁴⁷.

27 октября 1928 ДУ присутствовал на докладе Е.М. Рыта «Передача формы и содержания при переводе».

1 ноября 1928 в прениях по докладу И.К. Линдемана и С.М. Соловьева возражал Линдемани и поддержал Соловьева: «Д.С. Усов указывает, что И.К. Линдеман в своем разборе перевода Брюсова совершенно не обратил внимания на особенности этого перевода, являющиеся характерными для переводов поэтами-символистами. Брюсовский перевод – перевод не профессионала переводчика, а переводчика-поэта; это обстоятельство необходимо было иметь в виду при разборе перевода. Вместо этого И.К. Линдеман собрал целый ряд курьезов и оторванных примеров неудачного перевода отдельных отрывков и стихов, что было так же неубедительно, как если он составил бы по той же схеме ряд удачных случаев переводов отдельных кусков. Указание на шаблонные рифмы недоказательно, т.к. само понятие *шаблонной рифмы* не раскрыто. Такого рода “шаблонные” рифмы, какие приводил докладчик, встречаются и у самого Гёте (приведен был ряд примеров). Критика Линдеманом перевода Брюсова кроме того и односторонняя. “Германизмы” Брюсова, на которые указывал в своем докладе И.К. Линдеман, отнюдь не проистекают из неумелости или недостаточности средств переводчика, а являются сознательным введением в перевод иноязычных элементов. Перевод Брюсова – черновик, но, все же, это перевод, сделанный поэтом, попытка актуальной интерпретации подлинника в противоположность переводу Холодковского и других ему подобных.

Переходя затем к докладу С.М. Соловьева, Д.С. Усов указывает, что его анализ перевода, при котором он обратил внимание и остановился на разборе ряда *спорных* пунктов текста “Фауста”, был гораздо плодотворнее анализа И.К. Линдемана⁴⁸.

2 ноября 1928 – на докладе Н.В. Хвостова «Музыка в художественных произведениях Л.Н. Толстого».

10 ноября 1928 в Кабинете революционной литературы прочитал доклад «В. Хлебников»⁴⁹.

20 ноября 1928 ДУ делал доклад «Вокальные переводы песен Шуберта» (совместное заседание Комиссии художественного перевода и Комиссии вокального исполнения; в личном деле ДУ в ГАХН назван «Принципы вокального перевода»⁵⁰). Реферирован в журнале «Музыкальное образование» – 1928, № 6).

⁴⁷ Ед. хр. 79. Л. 10.

⁴⁸ Там же. Л. 13.

⁴⁹ Личное дело. Л. 64.

⁵⁰ Там же. Л. 59

22 ноября 1928 выступал с докладом «Переводоведение в Ленинграде». Присутствовали: С.В. Шервинский, Б.И. Ярхо, Ф.А. Петровский, И.К. Линдеман, В.Э. Мориц, Р.О. Шор и приглашенные В. Ещин, Ещина, Л. Охитович. Тезисы доклада:

«1. Переводоведение перерастает в самостоятельную литературоведческую дисциплину. Из появившихся по нему за последние годы работы изданы, однако, лишь немногие. Ввиду этого между организациями, ведущими работу по изучению перевода, желателен информационный обмен.

2. В ответ на доклад о московской переводной комиссии ленинградская комиссия по изучению переводов при Гос. Институте Истории Искусств поручила Д.С. Усову сделать в Москве ответное сообщение о ее работах за 1926–1927 гг. (доклады В.М. Алексеева «Фантасмы переводчика», М.Л. Лозинского «Сонеты Эредиа и их коллективный перевод», группа докладов А.В. Федорова и др.).

3. В дополнение к этому можно сообщить о переводческих работах отдельных ленинградских ученых и об изучении техники перевода на курсах искусствоведения при Г.И.И.И.»⁵⁰.

Среди «текущих дел» обсуждался вопрос «О приобретении переводческой библиографии, составленной Д.С. Усовым, для комиссии Художественного перевода. В тот же день звучал доклад Р.О. Шор «Новое издание Гейне в русском переводе».

23 ноября 1928 – на докладе Ю.Г. Переля «К вопросу о батальных композициях у Льва Толстого».

На 7 декабря 1928 был запланирован доклад ДУ «Эпиграмма и пародия у Иннокентия Анненского. По неизданным материалам»⁵¹, но вместо доклада ДУ в этот день состоялся доклад Н.К. Гудзия «Лев Толстой о русской литературе», на котором ДУ присутствовал; записи о докладе ДУ на заявленную тему нет.

20 декабря 1928 был на докладе Б.И. Ярхо «О переводе силлабических стихов» (присутствовали С.В. Шервинский, Ф.А. Петровский, Б.В. Горнунг, А.Г. Левенталь, И.К. Линдеман, Н. Касаткина, Л. Охитович): «Усов задает вопрос о наиболее приемлемом методе перевода современного французского стиха, приводя примеры из эквиритмических вокальных переводов (Жерар де Нерваль в музыкальной интерпретации Орика) и из переводов О. Мандельштама из Барбье (дольник, долженствующий дать представление о чужой стихотворной форме)». «Шервинский <...> по вопросу, поднятому Усовым, <...> указывает, что ямбический и анапестический типы силлабического (нац. французского) стиха являются доминирующими, и потому сво-

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 17.

⁵¹ Там же. Ед. хр. 74. Л. 3 а.

бодная комбинация их и может служить основой переводческой нормы»⁵³.

1929

4 января 1929 – на докладе Л.М. Поляк «Приемы портретного изображения в романах Толстого».

17 января 1929 делает доклад «Русская лирика в немецких переводах»⁵⁴.

18 января 1929 – на докладе Б.В. Михайловского «Из наблюдений над стилем русского символизма (грамматические категории и стиль)».

24 января 1929 – на докладе Ф.А. Петровского «Русский Катулл».

1 февраля 1929 – на докладе П.А. Журова «История создания “Казачков”».

2 февраля 1929 – на организационном заседании комиссии по изучению художественного перевода. Присутствовали: Ф.А. Петровский, С.В. Шервинский, Б.И. Ярхо. ДУ назначен оппонентом к следующим докладам: А.К. Шнейдер «Новый немецкий перевод “Горя от ума”» (назначен на 21 февраля 1929), С.В. Шервинский «Посвящение к “Фаусту” Гёте в русских переводах» (назначен на 28 февраля 1929), В.А. Рождественский «Новые переводы песен Беранже» (назначен на 28 марта 1929).

15 февраля 1929 – на докладе Ю.Н. Верховского «Пушкин и А.П. Керн».

21 февраля 1929 участвовал в обсуждении доклада Л.Е. Охитович «Новый перевод “Атта Троль” Гейне»: «указывает некоторые недостатки перевода а) в области стиховой – непередачи ассонансов, аллитераций, недостаточная передача внутренних рифм, б) дефекты в передаче словарных значений (“нагота” гор, где имеется в виду “выя гор” и др.), в) стилистические ляпы – непередача синтаксических параллелизмов в соседних стихах. Фокусом сомнительного достоинства является передача парафраза из Шиллера – парафразой из Брюсова (“может быть, все в жизни – средство для певуче ярких строф”), хотя этот прием дает острое ощущение “цитатности” на русской почве. Чрезвычайно удачными являются в области лексики варваризмы, дающие полное представление о гейневских (хотя, с другой стороны, автоматическое перенесение их не всегда дает желательный эффект – например, “лесная капелла”, “ретирада”). В ряде случаев найдено удачное соответствие каламбурам. В итоге перевод “Атта-Троль” Л.Е. Охитович вполне может быть определен как обогащающий русскую переводную литературу»⁵⁵.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 19.

⁵⁴ См. примеч. 8 к письму 121.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 30.

8 марта 1929 обсуждал доклад В.А. Рождественского «Новый перевод песен Беранже» (присутствовали: А.В. Алпатов, А.Г. Левенталь, И.К. Линдеман, Н.Н. Лямин, В.М. Неvejeина, М.А. и Ф.А. Петровские, Н.И. Пожарский, А.А. Реформатский, Л.И. Тимофеев, А.Г. Челпанов, С.В. Шервинский, М.П. Штокмар, Б.И. Ярхо, Н. Касаткина, Л.Е. Охитович): «Усов подчеркивает резкую отличность переводов Вс. Рождественского от предыдущих переводов с их русификацией, ослаблением и искажениями. Весьма интересно и то обстоятельство, что переводы Вс. Рождественского занимают значительное место в системе его личного творчества, чего нельзя сказать об очень многих современных поэтах-переводчиках. По поводу методологического введения докладчика у оппонента возникает ряд сомнений; увлечение “искусством отклонений” может привести вместо перевода к стилистической вариации, каковой и является перевод стихотворения “Сестры доброты”»⁵⁶.

Первая половина марта 1929 – на докладе А.А. Реформатского «Структура сюжета у Толстого».

15 марта 1929 ДУ участвует в прениях по докладу А.А. Штейнберга «Журнал “Весы” в оценке журнальной критики»:

«Настоящий доклад восстанавливает в памяти исследователя страницы критики, которою был встречен орган московских символистов. Именно в этом и лежит ценность работы А.А. Штейнберга – работы исторической и публикующей. Весьма интересный материал представляет “критика” В. Буренина, которую интересно сопоставить с более ранней критикой сборников “Русские Символисты” и более поздней критикой “Аполлона”: это так же любопытные данные к истории русской пародистской литературы. Введение именно этой группы материалов в обиход исследователя русского символизма в умелом расположении и библиографической препарированности составляют большую заслугу докладчицы. Из ее работы могут быть сделаны и социологические выводы об ограниченности круга потребления, который обслуживали “Весы”, и литературно-исторические – о литературном окружении “Весов”. Значительным пробелом является то, что не учтены статьи Г. Чулкова, М. Кузмина и Н. Гумилева в “Аполлоне” 1910 г., подводящие итог “Весам”. Особенно важна статья Г. Чулкова, посвященная Брюсову – редактору журнала и в связи с этим, общему облику “Весов” за годы его редакторства (*эклектический характер журнала за последние годы, когда Брюсов уже не редактировал “Весы”*)»⁵⁷.

19 марта 1929 присутствует на докладе С.С. Кононович «Лакские частушки и песни и их перевод на русский язык» (кроме него

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 32.

⁵⁷ Там же. Ед. хр. 74. Л. 40. Выделенное курсивом вписано ДУ от руки в машинописный текст.

среди слушателей Б.М. Соколов, С.В. Шервинский, В.Л. Львов-Рогаческий, С.Н. Амаглобели, А.И. Девишев, П.И. Цветаева и Ю.А. Самарин). Участвует в обсуждении: «указывает, что докладчица совершенно произвольно переводила на русский язык, не сохраняя стиля и ритмики. Как она сама указывает, стих лаков силлабический, в переводе он переключен на русское тоническое стихосложение, отчего получается совершенно далекое от подлинника звучание и пропадают все особенности национального колорита. Теория и практика современного переводоведения требует прежде всего бережного отношения к ритму и стиху, тогда как вопрос о сохранении содержания отходит на второй план»⁵⁸.

21 марта 1929 выступал с докладом «Баллада на Западе и в России» на открытом вечере в Доме Герцена, устроенном академическим сектором союза поэтов при Федерации советских писателей⁵⁹.

29 марта 1929 – на докладе Н.Г. Зеленова «Л.Толстой и Лермонтов».

8 апреля – на заседании комиссии по наследию Рейснер.

23 апреля 1929 – на докладе С.М. Соловьева «О методе перевода Мицкевича». Присутствовали: А.Г. Левенталь, Л.Е. Охитович, Ф.А. Петровский, И.Л. Поливанов, М.С. Фельдштейн, С.В. Шервинский, Б.И. Ярхо. Участвуя в прениях, ДУ «указывает, что в переводах С.М. Соловьева лексическая сторона выровнена и лишь кое-где тронута архаизмами. Между тем, интересно было бы передать польский *словарь* и ввести в перевод некоторые типичные для подлинника галлицизмы»⁶⁰. С.М. Соловьев «отвечает Д.С. Усову, что в одном месте он перенес в перевод польское выражение: “На троне развернута книга закона”, что по значению следовало бы передать “книга устава”. Вообще же переводчик считает наличие в переводе польских слов недостатком»⁶¹.

26 апреля 1929 – на докладе С.И. Дмитриева «Структура комедии Толстого “Плоды просвещения”».

7 мая 1929 – на докладе В.А. Ешина «Поэмы Фридриха Энгельса в новом русском переводе». Присутствовали: М.В. Морозов, Л.Е. Охитович, Ф.А. Петровский, С.В. Шервинский. ДУ «отмечает достоинство переводов В.А. Ешина со стороны словаря и ритмики. Вызывает сомнение система рифм у переводчика, в результате которой оказывается искаженною строфика оригинала; так, раздел 4-й поэмы

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 34. Недатированная запись о докладе ДУ «Архивные материалы литературного конкурса ТЕО НКП 1920–1921 гг.» (Доклад в Отделе изуч. революц. иск. Социологич. разряда, в связи с работой над архивами; включен в план изданий театр. музея Бахрушина). – Там же. Л. 59.

⁵⁹ Там же. Л. 64 об.

⁶⁰ Там же. Л. 36.

⁶¹ Там же. Л. 36 об.

“Вечер” представляет собою *сонет* с одной недостающей строкой – соответственно одна строка терцетов остается нерифмованною. Оттого резко заметным становится несоблюдение принципа сплошных женских рифм; он объясняется влиянием немецких поэтов-романтиков – Шлегеля и Шамиссо в первую очередь. Переходя к детальному анализу переводов, оппонент отмечает некоторую небрежность в передаче фигурации подлинника и некоторые недочеты в виде резких лексических пятен (варваризм “танцует”). Образцы перевода Ясинского еще нагляднее вскрывают положительные качества перевода Ешина⁶².

17 мая 1929 – на докладе М.И. Фабриканта «Л. Толстой и изобразительное искусство».

7 июня 1929 – на докладе В.Ф. Саводника «Толстой и Шарлотта Бронте».

18 июня 1929 – на заседании комиссии по наследию Рейснер Полонский отказывается от редактирования издания. Просят принять редактирования Б.П. Козьмина.

27 сентября 1929 – на распорядительном заседании подсекции русской литературы литературоведческой секции ГАХН.

2 и 5 октября 1929 – на заседании Кабинета революционной литературы Социологического разряда о 3-м томе словаря «Писатели современной эпохи»⁶³.

4 октября 1929 – на докладе В.Ф. Саводника «Ранние драматические опыты Л. Толстого». Присутствовали: Н.К. Гудзий, П.А. Журов, В.Измаильская, И.К. Линдеман, Б.В. Нейман, Ю.Г. Перель, И.Л. Поливанов, Л.М. Поляк, В.Ф. Саводник, И.Р. Эйгес, Н.Г. Зеленов, Ю.Н. Верховский⁶⁴.

12 октября 1929 ДУ докладывает для 3-тома словаря «Писатели современной эпохи» карточки «Ю.И. Данилин», «В.А. Мануйлов».

18 октября 1929 – на докладе Ю.Г. Переля «Лев Толстой и Гомер». Присутствовали: Н.К. Гудзий, П.А. Журов, В.Д. Измаильская, И.К. Линдеман, Б.В. Михайловский, Л.М. Поляк, Н.М. Чирков, И.Р. Эйгес.

2, 19 ноября и 7 декабря 1929 – на заседании Кабинета революционной литературы Социологического разряда о 3-м томе словаря «Писатели современной эпохи».

5 ноября 1929 – на докладе К.И. Чуковского «Некрасов и Николай Успенский» вместе с Н.Л. Бродским, Л.П. Гроссманом, Н.К. Гудзием, В.Д. Измаильской, А.И. Кондратьевым, И.Н. Кубиковым, И.К. Линдеманом, Р.П. Маториной, Ю.Г. Перелем, С.В. Шер-

⁶² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 39.

⁶³ См. I, 500–506 наст. изд.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 94. Л. 4.

винским, И.Р. Эйгесом, Л.М. Поляк, М.В. Морозовым и одиннадцатью гостями.

19 ноября 1929 на заседании Кабинета революционной литературы, где слушали карточки для 3 тома словаря и сообщение Д.Д. Благого о провинциальных АПП'ах <Ассоциации Пролетарских Писателей. – Т.Н.>.

22 ноября 1929 – на докладе Ф.А. Васильева-Ушкуйника «Федор Сологуб в работе над “Мелким бесом”» (присутствовали: Н.К. Гудзий, П.А. Журов, В.Д. Измайльская, В.А. Ланина, Б.В. Михайловский, Н.Д. Мокшанин, Ю.Г. Перель, А.А. Реформатский, А.В. Чичерин, Н.М. Чирков, И.К. Линдеман, С.М. Бонди), участвует в обсуждении: «указывает, что в 1-й части доклада, говорящей о генезисе “Мелк<ого> Беса”, следовало точно установить его соотношение с романом “Тяжелые сны”. Не вполне ясно проработан раздел об очищении романа от местного колорита – данные докладчика говорят скорее о стилистической работе. Интересный словарный материал Сологуба а) не везде, по-видимому, использован в “Мелк<ом> Бесе”, а частично и в “Навях чарах”, б) не всюду убедителен как специфический для псковского говора. Кроме того, интересно проследить его использование в романе в прямой речи и в от-авторских описаниях. В ряде мотивов (напр., истязания) желательно соотношение со всем материалом сологубовского творчества (в частности, лирики). Следовало также проследить различные печатные варианты “Мелкого Беса”. Материал в докладе является самым свежим и ценным, но его группировка и методологические замечания не всюду убедительны»⁶⁵.

26 ноября 1929 ДУ делает доклад «Литература по вопросам художественного перевода» на объединенном заседании Комиссии по изучению художественного перевода литературной секции и библиологического отдела. Выступающие в прениях С.В. Шервинский, Б.И. Ярхо, И.К. Линдеман, М.А. Добров поддерживают начинание ДУ, предлагают продолжать библиографию этого вопроса и решают представить доклад ДУ в РИЧ ГАХН для напечатания в журнале «Искусство», хотя бы в основной части. Тезисы:

«1. Библиография переводоведения до сих пор отсутствует в русских специальных изданиях и указателях и крайне неполна в иностранных.

2. Работа по составлению такой библиографии представляется современной в настоящий момент, когда ведется кампания на повышение культуры и качества советского перевода и когда встает во всей остроте вопрос о переводах на языки национальностей СССР и с этих языков.

3. Для библиографии по вопросам перевода, материалы к которой предлагаются в докладе, возможно установить следующую рубрикацию:

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 94. Л. 13.

1. Библиография.
2. История переводного искусства.
3. Общетеоретические работы.
4. Техника перевода.
5. Стихотворный перевод.
6. Вольный перевод.
7. Вопросы перевода с отдельных языков.
8. Вопросы перевода отдельных авторов и произведений.
9. Писатели-переводчики.
10. Современное состояние переводного дела в РСФСР»⁶⁶.

5 декабря 1929 – на заседании комиссия по изучению творчества Л. Рейснер, где решено поручить ДУ комментарий к 1-й главе произведения «Фронт» (остальные главы должен комментировать И.А. Оксенов) и к статье «Демель и Рильке» – для второго тома собрания сочинений Рейснер. В состав комиссии входит также С. Укше.

7 декабря на заседании Кабинета современной литературы, где слушали карточку Д.Д. Благого «Ник. Влад. Богданов» и карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «О.М. Ровинский», «Ю.З. Никулин», Н.П. Кашина «М.В. Борецкий», «М.К. Седин»⁶⁷ и предложение В.Л. Львова-Рогачевского об организации выставки о 1905 г.

8 декабря 1929 был на заседании, где по заявлению М.А. Цявловского от редакции сочинений Пушкина ГИЗ, оглашенному С.В. Шервинским, решено делать коллективные переводы французских стихов Пушкина. Для этой цели создана группа в составе Ю.Н. Верховского, ДУ, С.В. Шервинского, Б.И. Ярхо и А.С. Кочеткова. Произведен разбор переводов французских стихов Пушкина, выполненных Брюсовым (изд. ГИЗ. 1919). Осуществлен перевод стихотворения «Стансы»⁶⁸.

10 декабря 1929 ДУ, Шервинский и Ярхо переводят «Мой портрет» Пушкина.

12 декабря 1929 – на заседании комиссия по изучению творчества Л. Рейснер, где решено поручить ДУ подготовить для 3-го тома собрания сочинений Рейснер – «Статьи из “Журналист”»⁶⁹ (совм. с Р.С. Мандельштам), «Последнее Гетто». Заслушали согласие И.А. Оксенова на комментирование «Фронта». Подготовка мелких статей («Веч. размышления», «Наука и революция», «О дятлах и чижиках», «Свердловский техникум» и др.) поручена П.И. Цветаевой⁷⁰, «Письма» и фрагменты поручено подготовить П.И. Цвета-

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 98. Л. 8.

⁶⁷ Там же. Ед. хр. 91. Л. 32.

⁶⁸ Сохранился: РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 7.

⁶⁹ Так!

⁷⁰ Цветаева Полина Ивановна (личное дело в ГАХН: РГАЛИ. Ф. 961. Оп. 10. Ед. хр. 666).

евои, А.Г. Левенталь, Н.Н. Захарову-Мэнскому. С.А. Укше и И.М. Рейснер решено просить оказать комментаторам всяческое содействие⁷¹.

18 декабря 1929 ДУ, Ю.В. Верховский и С.В. Шервинский (посетители В.А. Ещин и А.С. Кочетков) переводят «Куплеты» и «*On peut très bien, mademoiselle...*» Пушкина.

22 декабря 1929 присутствует на вечере «Народная поэзия, средне-вековая поэзия, поэзия ашугов, новая армянская поэзия в переводах Брюсова, Шервинского, Вячеслава Иванова». Исполняют М.Г. Маркова, Т.А. Корнилова, М.А. Тарнопольская, Н.Д. Перелешина, С.В. Шервинский, он же руководил чтением. Там же прозвучал доклад И.М. Брюсовой «Валерий Брюсов над поэзией Армении». ДУ участвует в прениях: доклад «дает историю работы В.Я. Брюсова в литературно-биографическом окружении. Однако интересно было бы углубить вопрос о соотношении элементов работы: служебного дословного перевода, фонетической транскрипции и метрической разметки. Встает вопрос о принципе художественного перевода с неизвестного переводчику языка, поскольку лингвистические познания в армянском были у одного В.Я. Брюсова и поддерживали его интегрирующую работу – для большинства же остальных переводчиков слагаемые были все же меньше суммы. Принцип этот интересно сопоставить с работой Жуковского, Ходасевича, Людвига Филльда⁷². Необходимо далее учесть суждения армянских филологов о «Поэзии Армении» в ее законченном виде.

И.К. Линдеман подкрепляет параллели ДУ ссылкой на А.А. Фета, плохо знавшего латынь и переводившего в непосредственном сотрудничестве с М.Г. Киндлером, который готовил для него подстрочный перевод.

Ф.И. Коган указывает, что, переводя поэзию ашугов, она прислушивалась к живому звучанию и к музыкальной структуре. Оппонент соглашается с мнением Д.С. Усова, что незнание языка должно во многом обезоружить переводчика.

<...> И.М. Брюсова отмечает, что восстановить работу В.Я. Брюсова в том плане, как это указано Д.С. Усовым, – осуществимая и заманчивая задача⁷³.

27 декабря 1929 – лабораторные занятия Комиссии художественного перевода. С.В. Шервинский, ДУ, Ю.Н. Верховский переводят французские стихотворения Пушкина:

1) Dis-moi, pourquoi «L'Escamoteur».

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 93. Л. 6.

⁷² Неустановленное лицо. Вероятно, имеется в виду английский переводчик Оригена Фридерик Филд (р. 1801).

⁷³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 98. Л. 16 об.

- 2) Je chante ce combat...
- 3) A son amant Eglé.

1930

3 января 1930 – на заседании лаборатории коллективных переводов с С.В. Шервинским, Б.И. Ярхо, Ю.Н. Верховским.

10 января 1930 – на заседании комиссии по Рейснер.

28 января 1930 – на заседании комиссии по Рейснер.

29 января 1930 – на заседании Социологического отдела по составлению ежегодника литературы.

4 февраля на заседании комиссии по Рейснер ДУ и другие члены комиссии делали доклады о ходе подготовки 2-го тома Рейснер.

12 февраля 1930 – на заседании Кабинета революционной литературы, где слушают карточки А.Г. Левенталь: «А.С. Грузинский», «Л.Е. Пидгайный», «Н.А. Павлович» и карточку Н.Н. Захарова-Мэнского «Б.А. Вакс»⁷⁴.

22 февраля 1930 – на заседании комиссии по Рейснер и кабинета революционной литературы Социологического разряда об указателе пролетарской литературы, где ДУ и А.Г. Левенталь введены в число составителей сборника.

P.S. Когда эта статья уже была сдана в печать, в интернете появился сайт, посвященный ГАХН (<http://dbs.rub.de/gachn>), с подробной библиографией печатных изданий и другими материалами.

⁷⁴РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 91. Л. 55.

СЛОВНИК ТРЕТЬЕГО ТОМА СЛОВАРЯ «ПИСАТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ»

Третий том словаря «Писатели современной эпохи»¹ издан не был, однако в протоколах ГАХН сохранился словник будущего тома с распределением отвечающих за статьи редакторов, а также протоколы заседаний словарной группы, фиксирующие этапы подготовки тома: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 91. Л. 7–9.

Заседание кабинета рев<олюционн>ой лит<ерату>ры Социологического разряда про 3 том словаря «Писатели современной эпохи» от 5 октября 1929 г.

СПИСОК РАЗОБРАННЫХ ИМЕН

Агнивцев <Н.Я.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Агапов <Б.Н.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Адалис <А.> – <Д.С.> Усов
Адуев <Н.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Акульшин <Р.М.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Ангарский-Леонович <В.В.; наст. фам. Леонович> –...<Так в машинописи. Т.е. редактор этой статьи не был определен.>
Аннибал <вероятно, Б. Анибал, псевдоним Б.А. Массаннова> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Анисимов И<ван Иванович> – <Р.С.> Мандельштам
Артамонов <М.Д.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Архангельский <А.Г.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Архипов Н. <Н.; наст. имя: Бенштейн Моисей Лазаревич> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Бальмонт К. <Д.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Бальмонт Е. <А.> – <А.Г.> Л<евенталь>
Беккер М. <И.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
Белоконский <И.П.> – <Р.С.> Мандельштам

¹ О словаре см. I, 46–47.

- Бельчиков <Н.Ф.> – <Р.С.> Мандельштам
 Бернер <Н.Ф.> – <Д.С.> Усов
 Бескин О. <М.> – <Р.С.> Мандельштам
 Блюм <В. И. Блюме> – <Н.П.> Кашин
 Бобров Е. <А.> – <Р.С.> Мандельштам
 Бобров С. <П.> – <Д.С.> Усов
 Бороздин <И.Н. (историк) или пролетарский поэт Г> – <Д.С.> Усов
 Бородаевский <В.В.> – <Д.С.> Усов
 Борецк <ий М.В.> – <Н.П.> Кашин
 Бонч-Бруевич <В.Д.> – <Р.С.> Мандельштам
 Бражнев <Е. (псевдоним Е.А. Трифонова)> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Брик <О.М.> – <Н.П.> Кашин
 Будков <П.Е.> – <Р.С.> Мандельштам
 Быков <П.В.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Быстрянский <В.А. (наст. фам. Ватин)> – <Р.С.> Мандельштам
 Вельштам <неустановленное лицо> – <Д.С.> Усов
 Вербицкая <А.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Виноградов А. <К.> – <Д.С.> Усов
 Винокур <Г.О.> – <Д.С.> Усов
 Войтолович <вероятно, опечатка, и речь идет о Войтоловском Л.Н.> – <Р.С.> Мандельштам
 Волконский <С.М.> – <Д.С.> Усов
 Владимирцев <Б.Я.>² – <Д.С.> Усов
 Галина <Г.; наст. имя Эйнерлинг Г.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Ганин <А.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Гельфанд <И.Л., псевдоним Александр Парвус> – <Р.С.> Мандельштам
 Герман <А.В.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Гливенко <Иван Иванович, проф. Моск. ун-та, филолог, зав. Главнаукой Наркомпроса> – <Н.П.> Кашин
 Горев <Б.И.> – <Б.П.> Козьмин
 Гофман <М.Л.> – <Д.С.> Усов
 Гоффершефер <В.Ц.> – <Р.С.> Мандельштам
 Грацианская Н. <псевдоним Нины Осиповны Александровой> – <Р.С.> Мандельштам
 Григорьев, Раф <аил Григорьевич; наст. фам. Крахмальников> – <Р.С.> Мандельштам
 Григорьев, Р <афаил; псевдоним Раисы Григорьевны Леймберг-Лившиц> – <Р.С.> Мандельштам
 Грушко <Н.В.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Голованов <Н.Н.> – <Д.С.> Усов

² Или опечатка, и – возможно: сотрудник ГАХН Владимирский Михаил Владимирович (личное дело: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 105).

- Гусев-Брент <неустановленное лицо> – <пропуск, т.е. или ни за кем не закреплено, или за ДУ, но не пробились кавычки>
 Гуро <Е. Г.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Гарднер <В.Д.> – <Д.С.> Усов
 Данилин Ю.<И.> – <Д.С.> Усов
 Десницкий <В.А.> – <Р.С.> Мандельштам
 Дроздов <А.М.> – <Р.С.> Мандельштам
 Дружнин <опечатка? может быть, востоковед Вас. Григ. Дружинин, 1859–1937> – <Р.С.> Мандельштам
 Дурново <Н.Н.> – <Б.П.> К<озьмин>
 Дмитриев <трудно уточнить> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Елпатьевский <С.Я.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Жуковский-Жук <И.И.> – <Р.С.> Мандельштам
 Замотин <И.И.> – <Н.П.> Кашин
 Замойский <П.И.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Зорин <возможно, Константин, поэт> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Зелинский Ф.<Ф.> – <А.Г.> Челпанов
 Иванов-Разумник <Р.И.> – <Р.С.> Мандельштам
 Измайлов <А.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Попов <видимо, опечатка. Предположительно: Ионов И.И.> – <Р.С.> Мандельштам
 Ильина... <Вера, или Александра (Сеферьянц)> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Ильинский-Блюменау <А.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Казанский <Б.В.> – <Д.С.> Усов
 Караваев А. <опечатка? возможно: Караваева А.Л.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Катаев В.<П.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Кашинцев <Ф., «дерзо-поэт»> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Киришон – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Козаков М.<Э.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Конрад <Н.И.> – <Д.С.> Усов
 Коплан <Б.И.> – <Д.С.> Усов
 Копылов <а> <Л.Ф.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Козьмин Н. <К. или Н.> – <Н.П.> Кашин
 Короленко В.Г. – <Н.П.> Кашин
 Котомка <Леонтий; наст. имя Владимир Иосифович Зеленский, 1890–1965; пролетарский писатель-самоучка> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Крандиевский <опечатка? возможно, Крандиевская-Толстая Н.В.> – <Р.С.> Мандельштам
 Криницкий <М., псевдоним М.В. Самыгина> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Крашенинников <Н.Н.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Кузмичев <опечатка? возможно, поэт Михаил Матвеевич Казмичев, ?–1960> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский

- Курелла <Альфред> – <А.Г.> Лев<енталь>
 Кугушев <опечатка? Кугушева Н.П.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Лавров П.А. – <Н.П.> Кашин
 Логинов <П.С. Лесняк> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Локс <К.Г.> – <Д.С.> Усов
 Макаров <А.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Марсианин <Львов-Марсианин П.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Мариенгоф <А.Б.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Марич <М.Д.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Мацуев <Н.И.> – <Р.С.> Мандельштам
 Микулич <В.; наст. имя Веселитская Лидия Ивановна, 1857–1936> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Мочалова <О.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Мстиславский <наст. фам. Масловский С.Д., 1876–1943> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 <Пропуск фамилии> – Кор. <?>
 Мустангов <опечатка, правильно: Мустангова Е.Я.> – <Р.С.> Мандельштам
 Мюллер <А.П.> – <Д.С.> Усов
 Михайловский <Б.В.?, Н.К.?³> – <Н.П.> Кашин
 Нарбут <В.И.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Наседкин <В.Ф.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Невский <В.И.> – <Р.С.> Мандельштам
 Неверин <возможно, опечатка. Неверов А. (Скобелев А.С.)> – <Н.П.> Кашин
 Нейман <Б.В.> – <Д.С.> Усов
 Немирович-Данченко Вас. <И.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Немирович-Данченко Вл. И.⁴ – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Нечаева С. <опечатка?, может ли быть: психолог и литератор
 Нечаев Александр Петрович, 1870–1948; достоевсковед Нечаева
 Вера Степановна> – <Д.С.> Усов
 Никитин <Н.Н.> – <Д.С.> Усов
 Никольский <А.А.> – <Н.П.> Кашин
 Нович <опечатка? И.С. Нович начал публиковаться позже> – <Р.С.> Мандельштам
 Олеша <Ю.К.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Ольденбург <С.Ф.> – <Н.П.> Кашин
 Павлович <Н.А.> – <А.Г.> Лев<енталь>
 Покровская Н.Д. – <Р.С.> Мандельштам
 Поляк Л.М. – <Р.С.> Мандельштам
 Поссе <В.А.> – <Б.П.> Козьмин

³ Михайловский Борис Васильевич – сотрудник ГАХН в 1925–1930 гг. (личное дело: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 402).

⁴ В машинописи ошибочно: В.Л.

- Потапенко <Игнатий Николаевич> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Рачинский <Г.А.> – <Д.С.> Усов
 Ревякин <А.И.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Редько <А.М.> – <Р.С.> Мандельштам
 Рем <Дм.; наст. имя А.А. Баранов> – <Д.С.> Усов
 <Пропуск фамилии> – <Д.С.> Усов
 Ромашев <Б.С.> – <Н.П.> Кашин
 Рубанович <С.Я.> – <Д.С.> Усов
 Руссат <Е.Р.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Рубинцев <опечатка? предположительно: Г.И. Рыбинцев> –
 <Д.С.> Усов
 Сандомирский Г. <Б.> – <Р.С.> Мандельштам
 Сандомирский М. <Б.> – <Д.С.> Усов
 Светлов <М.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Сергиевский <И.В.>⁵ – <Д.С.> Усов
 Сивачев <М.Г.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Слеткин <опечатка? Слезкин Ю.Л.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Слонимский <М.Л.> – <Д.С.> Усов
 Смирнов <А.А. или Н.П.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Соколов Б.М. – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Сокольников <М.П.> – <Р.С.> Мандельштам
 Стеклов <Ю.М.> – <Б.П.> Козьмин
 Сабашников <М.В.> – <Д.С.> Усов
 Свидерский <А.И.?> – <Д.С.> Усов
 Скафтымов <А.П.> – М.В. <?>
 Сперанский <возможно, Сергей Иванович, филолог, профессор
 Московского университета> – <Н.П.> Кашин
 Тиняков <А.И.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Федоров-Давыдов <А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Хранченко <опечатка: правильно Храпченко М.Б.> – <Р.С.> Ман-
 дельштам
 Чапыгин <А.П.> – <Н.Н.> Зах<аров>-Мэнский
 Черняк <Я.З.> – <Р.С.> Мандельштам
 Чуковский К. <И.> – <Д.С.> Усов
 Шенгели <Г.А.> – <Н.Н.> Захаров-Мэнский
 Ширяевский <опечатка? Ширяевец А.В.> – <Н.Н.> Захаров-
 Мэнский
 Шолохов <М.А.> – <А.Г.> Лев<енталь>
 Шилейко <В.К.> – <Д.С.> Усов
 Шиль <С.Н.> – <Д.С.> Усов
 Эйхенгольд А. <видимо, опечатка, правильно: Эйхенгольд А.Д.> –
 <Д.С.> Усов

⁵ Сотрудник ГАХН Сергиевский Иван Васильевич (личное дело: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 554).

Эфрос <А.М.> – <А.Г.> Лев<енталь>

Юркун <Ю.И.> – <Д.С.> Усов

5 октября 1929 г. слушали 1. – карточки 1) Н.Н. Захарова-Мэнского «Г.Ф. Устинов», «Микранян» <неустановленное лицо>; 2) Р.С. Мандельштам «С.А. Рейсер», «Д.П. Якубович»; 3) Н.П. Кашина «Н.П. Жинкин».

Постановили: все карточки принять как статьи для словаря.

Слушали 2. Список новых имен для III тома Словаря.

Постановили: распределить имеющийся список между присутствующими.

12 октября 1929 г. слушали карточки Д.С. Усова «Ю.И. Данилин», «В.А. Мануйлов».

26 октября 1929 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «Н. Тamarin (Н.Н. Окулов)», «Н. Крашевский (Н.А. Крашенинников)», «А.И. Роскин»; Б.П. Козьмина «В.В. Муйжель», «Я.В. Годин».

2 ноября 1929 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «М.Д. Артамонов», «Р.И. Фраерман».

9 ноября 1929 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «П.Я. Заволокин», «П. Борисов» <автор книги «Скоморох»; наст. имя: П.И. Глушаков; или опечатка, и имеется в виду Л.И. Борисов>.

19 ноября 1929 г. слушали карточки Д.Д. Благое «Лев Жданов»; Н.Н. Захарова-Мэнского «С.И. Бейнарович», «К.Г. Паустовский», «В.М. Млечин», «М.В. Исаковский», «П.Н. Суровский» <неустановленное лицо>, «А.С. Пестюхин», «Л.С. Федорченко (Чаров)».

23 ноября 1929 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «Г.Н. Гайдовский», «С.И. Баскин-Серединский», «Г.А. Тарлан».

30 ноября 1929 г. слушали карточки В.Л. Львова-Рогачевского «В. Заводчиков», «С.А. Обладович», «А.А. Богданов»; Н.Н. Захарова-Мэнского «М. Голодный (М.С. Эпштейн)», «С.С. Голубь», «С.К. Гrepачевский»⁶.

7 декабря 1929 г. слушали карточки Д.Д. Благое «Ник. Влад. Богданов»; Н.Н. Захарова-Мэнского «О.М. Ровинский», «Ю.В. Никулин»; Н.П. Кашина «М.Б. Борейский», «М.К. Седин».

14 декабря 1929 г. слушали карточку Н.Н. Захарова-Мэнского «Н. Минский (Н.М. Виленкин)».

28 декабря 1929 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «С.Н. Жданов», «Н.М. Гладилов», «Б.М. Киреев», «А.И. Файнгардт», «Е.В. Викторова (Шульц)», «С.Я. Штрайх»; В.Л. Львова-Рогачевского «В.В. Леонович (Ангарский)».

4 января 1930 г. слушали карточки В.Л. Львова-Рогачевского «Ф.И. Панферов»; Н.Н. Захарова-Мэнского «Н.Ф. Наседкин», «Я.М. Окунев», «Гаузнер (Г.О. Гузнер)»; Р.С. Мандельштам «Р. Григорьев (Р.Г. Лемберг)».

⁶ Очеркист 1930 г. С. Гrepачевский, автор статьи «Пионер полярного воздухоплавания».

13 января 1930 г. слушали карточки Н.П. Кашина «М.А. Яковлев»; Н.Н. Захарова-Мэнского «Пасынок Макар (И.И. Каган)», «Л.И. Славин», «Ф.Ф. Боровский», «С.И. Пакентрейгер», «К.Я. Левин», «М.Э. Зингер», «А.Б. Герда», «С.С. Ужгин», «М.Я. Карпов».

18 января 1930 г. слушали карточку Н.Н. Захарова-Мэнского «А.Я. Шабад».

29 января 1930 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «Ф.В. Ильинский», «Я.И. Кальницкий», «И.И. Тачалов», «Д.Д. Бурлюк».

8 февраля 1930 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «Антон Пришелец (А.И. Ходаков)», «Е.Ф. Вихрев».

12 февраля 1930 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «Б.А. Вакс»; А.Г. Левенталь «А.Е.⁷ Грузинский», «Л.Е. Пидгайный», «Н.А. Павлович».

18 февраля 1930 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «Л.Ф. Копылова», «Д. Морской (Д.И. Малышев)»; Н.П. Кашина «Н.И. Ефимов», «Н.Н. Дурново».

22 февраля 1930 г. (это последнее заседание, на котором присутствовал Д.С. Усов) слушали карточку Н.Н. Захарова-Мэнского⁸ «К.А. Минаев».

14 марта 1930 г. слушали карточки Н.Н. Захарова-Мэнского «А.А. Селиванов», «Д.В.⁹ Философов»; Б.П. Козьмина «Н.М.¹⁰ Петровский».

14 апреля 1930 г. слушали карточку Н.Н. Захарова-Мэнского «И.И. Дрожжин».

1 июня 1930 г. слушали карточку Н.Н. Захарова-Мэнского «И.В. Юрков».

3 июня 1930 г. решено закончить 3 том и приступить к работе по 4 тому¹¹.

⁷ В машинописи опечатка: А.С. Грузинский. В последующем протоколе: А.Е. Грузинский.

⁸ Так. В Отчетном протоколе уточняется: «К.А. Минаев».

⁹ В машинописи опечатка А.Е., в протоколе позже «Д.».

¹⁰ В протоколе потом: Н.И. Петровский.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 91. Проштитрованы материалы на л. 7–91.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Д.С. УСОВА¹

1914²

1. Книга Часов Р.М. Рильке. Ч. 1. О монашеской жизни. 24 стихотворения, в переложении Юлиана Анисимова. Книгоиздательство «Лирика». М., 1914 [Рец.] // Футуристы. Первый журнал русских футуристов. № 1/2. С. 142–144. Подпись: Uagus [в оглавлении правильно: Vagus].

¹ В основу настоящий библиографии положена автобиблиография Д.С. Усова, сохраненная Л.В. Горнунгом (РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 30. Далее: автобиблиография). Имеется также библиография ДУ, составленная Е.Я. Архипповым ок. 1922 г. (Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 70–79).

² В личном деле ДУ в ГАХН (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 634. Л. 3а) упомянуты следующие ненапечатанные работы Усова (пп. 1–3 являются зачетными студенческими сочинениями):

1. Сатирические повести Вольтера.
2. Три послемольеровские обработки типа Дон-Жуана.
3. История одного литературного влияния (Байрон – Мюссе) [на л. 5. она датирована 1918 г. и названа «1-й самостоятельной» работой].
4. Русский Еврипид – Иннокентий Анненский [доклад в Ученом обществе при Астраханском Университете в 10-летие со дня † Анненского, 1919] // Жатва. Вестник литературы. Кн. IX. [Эта книга не появилась в печати. Позиция включена в автобиблиографию Усова. Сообщение о скорой публикации этой статьи было напечатано в газете «Понедельник» (1918. № 5. 19 Марта ст.ст.).
5. Фантастика Иннокентия Анненского.
6. Осколок древней учености (статья о найденном ДУ в Астрахани персидско-арабском астрономическом приборе конца XVI в. по Р.Х., написанная по поручению Научной Ассоциации: принята к напечатанию в журнале Научной Ассоциации Востоковедения при Наркомнаце «Новый восток»).
7. Анри де Реньё романист (доклад в открытом заседании Научной Ассоциации Астраханского университета 20 VII 1921).
8. Первый полный перевод Vita Nuova (доклад в открытом заседании Научной Ассоциации Астраханского Университета в 1921, посвященном памяти Данте). См. № 400 в наст. библиографии.

2. Marie Madeleine [Статья] // Футуристы. Первый журнал русских футуристов. № 1/2. С. 147–148. Подпись: Димитрий Болконский.
3. Brjussov W. Der Dolch [В. Брюсов. «Кинжал». Пер. на нем.] // Moskauer Deutsche Zeitung. № 205. 11 [24] September. S. 2.
4. Block A. «Es sang ein Mädchen in Kirchenchore...». [Блок А. «Девушка пела в церковном хоре...». Пер. на нем.] // Там же. № 256. 9 [22] November. S. 2. Подпись: Kreisler.
5. Eine Antologie moderner deutscher Dichter in russischer Übersetzung [Рец.] // Там же. № 253. 6[19] November. S. 2. Подпись: Kreisler³.
6. [Некролог А.Н. Пыпина на нем. яз.] // Там же. № 269. 26 November [9 December]. S. 4. Б.п.
7. «Die blaue Blume» [Рец. на кн.: Новалис. Генрих фон Офтердинген. Пер. с нем. З. Венгеровой и Вас. Гиппиуса (стихи). М.: К-во К.Ф. Некрасова, 1914] // Там же. № 270. 27 November [10 December]. S. 2. Подпись: Kreisler.
8. [Заметка о И.Ф. Анненском к пятилетию его смерти]. Б.п. // Там же. № 273. 30 November [13 December]. S. 3.
9. Die Eröffnung des «Hauses des Liedes» [Открытие «Дома Песни». Заметка о концертах А.Н. Скрябина и М.А. Олениной д'Альгейм] // Там же. № 290. 20 December [2 Januar 1915]. S. 3. Подпись: Kreisler.
- 10.⁴ [Рец. на кн.: Аскольдов С.А. Мысль и действительность. [М.], 1914] // Там же.
11. [Koppe Fr.] Октябрь / На мотив из Фр. Коппэ [Пер. с фр.] // Первый сборник группы молодых поэтов. М., 1914. С. 3.
12. Пиковая дама; В Версале; Au Jeu de la Reine; «В душевной спальне свет кровавый...»; Смерть [Стихотворения] // Там же. С. 24–26.

1915

13. Часы [Рождественский рассказ] // Проталинка. № 1. С. 58–62.
14. На Пасхе [Стихотворение] // Там же. № 4. С. 218 [С рис. М.Н. Яковлева].
15. Август [Стихотворение] // Там же. № 8. С. 491.
16. Больная [Рассказ] // Там же. № 8. С. 492–496.
17. Однодневное дерево / Японская сказка // Там же. № 8. С. 506–507. Подпись: I.O.

³ В Личном деле Усов называет эту публикацию первой и ошибочно датирует октябрём 1914 (Л. 8).

⁴ Отмеченные звездочкой пункты библиографии указаны в автобиблиографии, но не разысканы.

18. Принцесса Акварель [Сказка] // Проталинка. № 9. С. 534–542 [С рис. Н.Г. Челпановой].
19. «Наречение царской невесты царевною» [Рассказ по картине Вяч. Шварца] // Там же. № 9. С. 570–572.
20. *Верхарн Э.* Ветер [Пер. с фр.] // Там же. № 10. С. 592–593.
21. «Потешные в Кружале» [Рассказ по картине А.П. Рябушкина] // Там же. № 10. С. 619–621. Подпись: И.О.
22. Кольцо тети Лизы [Рассказ] // Там же. № 11. С. 652–657.
23. «Пётр Великий» [Рассказ по картине В. Серова] // Там же. № 11. С. 667–671.
24. Рождественский дядя [Стихотворение] // Там же. № 12. С. 719–720. [С рис. Н.Г. Челпановой].
25. *Лемэтр Ж.* Белая часовня [Пер. с фр.] // Там же. № 12. С. 724–729.
26. «Императрица Елизавета в Царском Селе» [Рассказ по картине Е. Лансере] // Там же. № 12. С. 731–735.
27. *Верхарн Э.* Дождь [Сокращенный пер. с фр.] // Гимназист. Ежемес. иллюстр. журнал / Под ред. В. Каллаша. № 5. С. 7.
28. *Виньи де А.* Красная печать [Сокращенный пер. с фр.] // Там же. № 9. С. 7–9.
29. На Страстной неделе : «Ты в платье траурном, с одним пучком фиалок...», «И снова в тишине растает снег свинцовый...» // Утро России. 18 марта. С. 4. Подпись: Д.У.
30. Великая Суббота [Стихотворение] // Там же. № 80. 22 марта. С. 2.
31. *Короленко В.* Собрание сочинений. Т. V. [Рец.] // Жатва. Вестник литературы. Кн. VI–VII. С. 461–462.
32. Анна Ахматова. «Четки». Книга стихотворений. [Рец.] // Там же. С. 468–471.
33. Р.М. Рильке. – Книга часов. В переложении Юлиана Анисимова. Книгоиздательство «Лирика». М., 1914. [Рец.] // Там же. С. 485–488.
34. В Сочельник [Стихотворение] // Утро России. № 353. 24 дек. С. 3.
35. На Рождество : «И снова, как во все года...», «Забыть про страшный мир... Зажечь свою свечу...» // Московские ведомости. № 297. 25 дек. (7 янв. 1916). С. 1. Подпись: Сирин.
36. Музыкальная шкатулка // Цветник. Сборник стихотворений современных поэтов [Бесплатное приложение к журналу «Проталинка»]. С. 35.
37. *Метерлинк М.* «Ее заключили в грот...» [Пер. с фр.] // Поэты Бельгии. Сб. под ред. С.Н. Дурылина. М. С. 28–29.
38. *Метерлинк М.* Песнь Богородицы [Пер. с фр.] // Там же. С. 33.
39. «В складках мелкой драпировки...» // Песни Жатвы. Тетр. первая. М., 1915. С. 18.

40. «Когда в пасмурном глянце плиты...» // Песни Жатвы. Тетрадь первая. М., 1915. С. 19.

41. *Новалис*. Генрих фон Офтердинген. Пер. с нем. З. Венгеровой и Вас. Гиппиуса (стихи). М.: К-во К.Ф. Некрасова, 1914. [Рец.] // *Там же*. С. 33.

1916

42. Новый год («Часы идут неумолимо...») // Московские ведомости. №1. 1 [14] января. С. 2. Подпись: Сирин.

43. Вновь белые колокольчики (о новом издании Владимира Соловьева) [Рец.] // Млечный путь. № 2. С. 24.

44. *Диль Ш.* Византийские портреты. Т. II. Вып. 2. Пер. О. Румер [Рец.] // Утро России. № 204. 23 июля 1916. С. 4.

45. Сказание о принцессе Казильде // Мирок. Ежемесячный иллюстрир. журнал для семьи и начальной школы. Кн. XII. С. 375–379.

46. Сказка о слонах и зайцах (восточное предание) // Проталинка. № 1. С. 68–69. Подпись: И.О.

47. Беспкойные соседи (шутка) // *Там же*. № 1. С. 70. Подпись: Тик-Так.

48. Две лягушки (японская сказка) // *Там же*. № 2. С. 115–119. Подпись: И.О.

49. Рассказы о Готемских умниках // *Там же*. № 3. С. 184–189. Подпись: И.О.

50. Остров Пасхи [Очерк] // *Там же*. № 4. С. 251–253.

51. Дон-Кихот [Стихотворение] // *Там же*. № 5. С. 260–262.

52. Два рока [Рассказ. С рис. Н.Г. Челпановой] // *Там же*. № 7. С. 385–392.

53. Морской кисель (японская сказка) // *Там же*. № 8. С. 443–449. Подпись: И.О.

54. *Лукреций*. [Рассказ] // *Там же*. № 10. С. 523–531.

55. Три дара [Легенда. С рис. Н.Г. Челпановой] // *Там же*. № 12. С. 615–620.

56. Эмиль Верхарн [Очерк ко дню смерти 15 ноября 1916] // *Там же*. № 12. С. 584–586.

57. Русские люди в чужих краях / Рассказ о путешествии русского посольства во Флоренцию [Бесплатное прилож. к журналу «Проталинка»]. М., 1916.⁵

58. Сальватор Роза. Из детских лет знаменитого художника [Рассказ] // Детство и юность знаменитых людей [Бесплатное прилож. к журналу «Проталинка»]. М., 1916. С. 19–32.

⁵ Полу жирным шрифтом помечены публикации, выходившие отдельными книгами.

59. *Тартини*. Рассказ о юности итальянского музыканта // Детство и юность знаменитых людей [Бесплатное прилож. к журналу «Проталинка»]. М., 1916. С. 35–48.

60. *Люлли*. Детство французского композитора XVII века [Рассказ] // Там же. С. 51–62.

61. *Одоевский В.Ф.* Из юношеских лет русского писателя [Рассказ]. М., 1916. [Детство и юность знаменитых людей. Вып. 7. Бесплатное прилож. к журналу «Проталинка». С. 99–112].

62.* *Андерсен Г.Х.* Картины из детства великого сказочника. Вып. 8. [Рассказ] // Там же. [Детство и юность знаменитых людей. Вып. 8. Бесплатное прилож. к журналу «Проталинка». 16 стр.]. Подпись: Д.С. Норов.

63. *Додз.* [Рассказ] // Там же. С. 127–139.

64. *Мольер.* [Рассказ] // Там же. С. 127–139.

65. *Верхарн Э.* [Рассказ] // Там же. С. 143–154.

66. *Испанские сказки*. Переложение для детей [Отдельное прилож. к журналу «Проталинка»]. М., 1916.

67. *Загадки русского народа* / Редакция и предисловие [Отдельное прилож. к журналу «Проталинка»]. М., 1916.

1917

68. *Николай Васильевич Гоголь* [Биографический очерк. С рис. Е.Ф. Рац] // Проталинка. № 3–4. С. 165–166.

69. *Походы Александра Великого* [Очерк. Бесплатное прилож. к журналу «Проталинка». Серия «В неведомые края». Вып. 1] М., 1917.

70. *Иноземцы из Московии / Путешествие Олеария в Россию*. [Очерк. Бесплатное прилож. к журналу «Проталинка». Серия «В неведомые края». Вып. 1] М., 1917.

71. *Первый печатный лист* [Исторический очерк. Отдельное прилож. к журналу «Проталинка»]. М., 1917. С. 3–16.

72. *Латинист.* [Рассказ] // Юная Россия. № 11–12. С. 993–1001.

1918

73.* *Сборники «Армянского Вестника»*. Кн. I. Московское Армянское Издательство [Рец.] // Понедельник. Издание Товарищества Кооперативного Издательства в Москве / Под ред. М. Осоргина и Е. Кусковой. № 5. 19 марта [1 апр.].

74. *Еврипид*. Драмы. Том II. Перевод И.Ф. Анненского, под ред. Ф.Ф. Зелинского. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1918. Цена 12 р. [Рец.] // Там же. № 7. 2 (15) апр. С. 4.

75. *Жуковская В.* «Вишневая ветка». Рассказы для юношества. [Рец.] // Там же. № 8. 9 (22) апр.

76. Ремизов А. [Очерк] // Понедельник. Издание Товарищества Кооперативного Издательства в Москве, под ред. М.Осоргина и Е. Кусковой. № 10. 23 апр. (6 мая). С. 3.
77. Мопассан Г. де. Избранные рассказы в пер. В. Муромцевой [Рец.] // Там же. № 11. 30 апр. (12 мая). С. 4.
78. Иннокентий Анненский [Очерк] // Там же. № 13. 14 (27) мая. С. 3.
79. Цинговатов А.Я. Сложность перспектив Лермонтовского творчества. М., 1918 [Рец.] // Там же. № 7. 2 (15) апр. С. 4.
80. Петровский П. «Невольные песни» [Рец.] // Там же. № 14, 21 мая (3 июня). С. 4.
81. Проф. Г. Челпанов. «Демократизация школы» [Рец.] // Там же. № 17. 11(24) июня. С. 4.
82. О.А. Добиаш-Рождественская. Культ Св. Михаила в латинском Средневековье V—XIII в. [Рец.] // Там же. № 19. 25 июня (8 июля).
83. Б.<М>.Соколов. Былины. М. 1918 [Рец.] //Наша Родина⁶. № 19. 9 июня (27 мая). С. 6. Подпись: Д.У.
84. Проф. Алексей Н. Веселовский. [А.С.] «Грибоедов» [Библиография] [Рец.] // Там же. 23 (10) июня. №30. С. 6. Подпись: Д.У.
85. Приват-доцент А.А.Сидоров «Что такое Средние века?» [Рец.] // Там же. № 24. 16 (3) июня. С. 6.

1919

86. Догадинская картинная галерея в Астрахани [Статья] // Ученые записки Астраханского Государственного Университета. Вып. I. Астрахань. С. 94–103.
87. «Эдда». Скандинавский эпос. Том I. Пер. и коммент. С. Свириденко [Рец.] // Там же. С. 107–109.
88. В.М. Жирмунский. Религиозное речение в истории романтизма. Ученые записки Саратовского Университета [Рец.] // Там же. С. 110–113.
89. Произведения искусства и коммунизм // Военмор. Орган Культпросвета Штаба Волжско-Каспийской Военной Флотилии. №1. 25 окт. (7 нояб.). С. 7. Подпись: Д.С. Усов.
90. Моряки древнего флота [Статья] // Там же. № 2. С. 7–8. Подпись: Рубек.
91. О Вересаеве // Там же. № 3. 23 нояб. С. 11–12.
- 92.* Александр Блок [Статья] // Там же. № 4. С. 7–8.
93. Восстание Уота Тайлера [Статья] // Там же. № 5. С. 10–11.

⁶ [Кооперативное издание]. 1918. 7 апр. [25 марта] – до 24 мая [10 мая [27 апр.]. Другое название: Родина. Всего вышел 41 номер, последний 6 июля 1918 г.

94. В клубе моряков: Лекция т. Л.М. Рейснер // Коммунист. Орган Астраханского Губернского Комитета Российской Коммунистической партии. № 218. 30 сент. 1919. С. 2. Подпись: Д.У.

1920

95. Териань де Мерикур [Статья] // Военмор. № 12. С. 10.

96. Катилина [статья] // Там же. № 13. С. 12–13.

97. Луначарский-писатель // Там же. № 14. 8 февр. С. 3–4. Подпись: Рубек.

98. Картинная Галерея в Астрахани [Статья] // Там же. № 15. 15 февр. С. 11.

99. Эмиль Верхарн [Статья] // Там же. № 16. 22 февр. С. 8.

100. Демьян Бедный [Статья] // Там же. № 21. 4 апр. С. 11–12. Подпись: Д.У.

101. Об одном забытом поэте [Статья] // № 25⁷. 6 июня 1920 г. С. 10–11⁸.

102. «Зовы». Издание Культотдела Астрах. Губпрофсов [Рец.] // Известия Астраханского отдела Внутреннего Управления. № 13. С. 9–10.

103. Драгоценная память [о Левитане] // Там же. № 17. С. 5–6.

104. Странствующие просветители // Там же. № 17. С. 4–5.

105. Выставка работ молодых художников Астрахани // Коммунист. Орган Астраханского Губернского Комитета Коммунистической Партии. 1920. № 31[437]. 10 февр. Подпись: Д.У.

106. Музей-выставка политического отдела флота // Там же. № 53 [459]. 6 марта. Подпись: Д.У.

1921

107. А. Блок [Некролог] // Профессиональная жизнь. Газета, издаваемая Культотделом Астраханского Губпрофсовета. № 28. 25 авг. Подпись: Д.

108. О Данте [К 600-летию со дня смерти] // Саррабис⁹. Журнал литературы, критики, музыки и театра. Саратов. № 3. С. 1–2.

109. Поэзия М. Зенкевича // Там же. С. 11–12.

⁷ Так. В статье о Лозина-Лозинском в РП-3 ошибочно указано: № 24.

⁸ «Баку: Каспиец. Ежеднев. газ. Краснознам. Касп. флотилии. 1919 [7 нояб.] // 1960. Продолж. В 1919–1921 [17 апр.] изд. в форме журн. Назв.: 1921 № 64 [20 апр.] – 1922. № 10 [10 марта] – Военмор.» (Газеты СССР 1917–1960. Библиографический справочник. М.: Книга. 1970. С. 115). Наиболее полный комплект журнала хранится в Военно-морской библиотеке (СПб.).

⁹ Саррабис – Саратовский работник искусства.

1922

110. По поводу замены монголо-калмыцкого алфавита русским // Ойратские известия. Издание ВЦИКа Автономной Области Калмыцкого Народа. Астрахань. № 3–4. С. 173–178.

111. «Джангар» [Предисл. к переводу калмыцкой эпической поэмы] // Там же. С. 118–121.

112. К вопросу о преподавании новых языков, в частности нем., в высших Медицинских Учебных Заведениях // Астраханский Медицинский журнал. № 1. С. 93–95.

113*. Виктор Шкловский. «Революция и фронт» [Рец.] // Коммунист. Астраханская газета. № 152. 9 июля.

114. Астрахань [2 стихотворения «Дома без возраста и без лица...», «Здесь было море...» опубликованы как единый текст] // Там же. № 152. 11 июля. С. 2. Подпись: Д.У.

115*. Памяти Э.Т.А. Гофмана [По случаю 100-летия со дня рождения] // Там же. № 212. 21 сент.

116*. А. Горобец. «Из деревни». Азбука по методу целых слов [Рец.] // Там же. № 218. 28 сент.

117. Проф. Ф. Зелинский. Античный мир. Т. I [Рец.] // Там же. № 223. 4 окт.

118. Астраханская осень («Пустая синева опять ясна...») // Там же. № 229. 11 окт.

119. О значении этнографии и истории культуры для Астраханского края // Наш край. Ежемесячник Астраханского Губернского Экономического Сопещения и Губплана. № 7–8 [окт.-нояб.] С. 37–39.

120. Мяковский Н.Я. «Полный месяц встал над лугом», «Ужасен холод вечеров», «Медлительной чредой проходит день осенний», «Встану я в утро туманное», «В ночь молчаливую». Соч. 20. ММГ, 1922. [Пер. на нем.]. [Автограф перевода: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 14. Ед. хр. 7].

1923

121. Русские стихи для калмыцкой молодежи [Статья о Е. Нечаеве] // Улан Хальмг [Красный калмык]. Орган ЦИК и Обкома Автономной Области Калмыцкого Народа. № 11. 30 мая. С. 3–4.

122. О книге Е. Нечаева «Сургалъ – все» [Рец.] // Там же. № 16. 21 июля. С. 2–3.

123. «Vita Nuova» в полном русском переводе // [Машинописный журнал]. Гермес. № 3 (1923. Сент.). С. 304–328.

124. Общество Друзей Новой России [О докладе в ГАХН 1923 24 сентября на собрании ученых, художников и общественных деятелей Москвы генерального секретаря германского Общества

Друзей Новой России д-ра Леман-Лукаса // Красная Нива. № 7 [17] Дек. С. 28.

125. *Сюлли-Прюдом*. Сон [Пер. стихотворения] // Красная Новь. № 7 [17]. Декабрь. С. 129.

1924

126. *Сюлли-Прюдом*. Сон // Избранные стихотворения в переводах русских поэтов. Сб. составил П. Н. Петровский. Издательство «Земля и Фабрика». С. 78. [Переиздание № 125].

127. *Сюлли-Прюдом*. Потерянное время // Там же. С. 119. [Автограф перевода // РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 882].

128. *Малларме*. Окна. Зимняя дрожь // [Машинописный журнал] Гермес. № 4 1924. Июль. С. 21, 23–24 [Пер. с фр.].

129. Любимые поэты. Венок сонетов // Там же. С. 53–67.

130. *Gёте И. В.* Блаженное томленье // Там же. С. 130. [Пер. с нем.].

131. *Рильке*. Обыденная жизнь. [Перевод пьесы] // Там же. С. 168–225. [Пер. с нем.].

132. Послесловие переводчика // Там же.

1925

133. А. Оленин. «Деревенская любовь». 8 [народных] песен (Заигрыш («Ой вы, лужка зеленые...»), «Поладили» («Не по улице Ванюша хаживал...»), «Ночь да дубрава – молодым забава» («Ночка моя, ночка, ночь весенняя!»), «У ворот» («Ночью зимнею у ворот...»), «Сердце сердцу весть подает» («Ой! распроклята, чужа дальня сторона»), «Кукует кукушка за речкой в лесу», «Подыгрыш»). Соч. 20. ММГ. [Пер. на нем.]. [Имя переводчика в нотах не обозначено. Атрибутируется на основании автобиблиографии].

134. В. В. Вересаев о художественном оформлении нового быта [Статья] // Искусство трудящимся. Еженедельник при Научно-Художественной Секции Государственного Ученого Совета [ГАН]. № 54. 8 дек. С. 9.

1926

135. Музыкальная Студия МХАТ на Западе // Искусство трудящимся. № 6 [63]. 6 февр. С. 5–6.

136. Квартет имени Глазунова в Германии // Там же. С. 6–7.

137. Литературная деятельность А. В. Луначарского // Там же. № 13 [70]. 30 марта 1926. С. 4–5.

138. *Есенин С.* «Устал я жить в родном краю» // Памяти С. Есенина. Сб. изд-ва Всероссийского Союза Поэтов. С. 223. [Пер. на нем.].

139. *Шеншин А.А.* Пять стихотворений С. Шервинского. «Прошла над городом гроза...», «Созвучий ток, неаявственный для слуха...», «О сказочной и призрачной стране...», «Безумец, сам не чувствуешь ты...», «Сумрак. Внемлю лилы трепет». Ор. 12. ВНУИ. № 8280. [Пер. на нем.].

140. *Александров А.Н.* Из «Александрийских песен» М. Кузмина. Соч. 25. Третья тетрадь. 1. Когда мне говорят: «Александрия...». 2. Когда утром выхожу из дома. 3. Весною листья меняет тополь. 4. Их было четверо. 5. Как люблю я... ММГ. 1926. [Пер. на нем.].

141. *Александров А.Н.* Из Александрийских песен М. Кузмина. Соч. 8. Тетр. 1: 1. Вечерний сумрак. 2. Когда я тебя в первый раз встретил. 3. Ты – как у гадателя отрок. 4. Разве не правда. [Пер. на нем.]. ММГ.

142. *Александров А.Н.* Три стихотворения Гафиза [в пер. А. Фета]: № 1. «О, как подобен я», № 2. «О, если б озером я был ночным», № 3. «В царство розы и вина», Ор. 2. ММГ. [Пер. на нем.]¹⁰.

143. *Александров А.Н.* Четыре стихотворения К. Бальмонта и И. Северянина: 1. К. Бальмонт «Я люблю лесные травы...» 2. И. Северянин «Коктебель» 3. И. Северянин «Колыбельная». 4. И. Северянин «Прелюдия» Ор. 5. ММГ [Пер. на нем.].

144. *Александров А.Н.* Два стихотворения А. Пушкина. 1. «Виноград» («Не стану я жалеть о розах») 2. «В альбом» («Если жизнь тебя обманет»). Ор. 13. ММГ. [Пер. на нем.].

145. *Александров А.Н.* Монолог Филлиды: Из оперы «Тень Филлиды». Соч. 8-а / Текст В. Морица. [По рассказу М. Кузмина]. ММГ. [Пер. на нем.].

146. *Шебалин В.* Из Р. Демеля. 1. Голос вечера, 2. Издали. Ор. 1. ММГ [Автограф перевода: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2152].

147. *Шебалин В.* Пять отрывков из Сафо. Соч. 3. ММГ. [Пер. на нем. Автограф перевода РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2152].

148. *Шебалин В.* Из А. Блока. Ор. 7. 1. Свирель запела на мосту 2. Поздней осенью из гавани. ММГ. [Пер. на нем. Автограф перевода: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2152].

149. *Половинкин Л.А.* Ор. 14. № 1. «Откуда такая нежность?» [М.И. Цветаева]. ММГ. [Пер. на нем.].

150. *Половинкин Л.А.* Ор. 14. № 3. «Серенада» [Т. Щепкина-Куперник]. ММГ. [Пер. на нем.]. Автографы переводов (1923–1925): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1550.

151. *Половинкин Л.А.* Ор. 14. № 4. «Не ветер вея с высоты» [А.К. Толстой]. ММГ. [Пер. на нем.].

152. *Половинкин Л.А.* Ор. 14. № 5. «Ночевала тучка золотая» [М.Ю. Лермонтов]. ММГ. [Пер. на нем.].

¹⁰ А. Фет перевел немецкую стилизацию Гафиза, выполненную Г.Ф. Даумером и выданную за перевод из Гафиза.

153. *Половинкин Л.А.* Ор. 16. «В избушке курной лесника» [П.В. Орешин]. ММГ. [Пер. на нем.].

154. *Половинкин Л.А.* Ор. 16. № 3. «Инаме-Сан» [Стихи в япон. манере Б. Зубакина]. ММГ. [Пер. на нем. Автографы переводов (1925): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1552].

155. *Гедике А.* Русские народные песни. Ор. 31. № 1. Поле («Уж ты поле мое, поле чистое»), № 2. Шла тропинка, № 3. Усы, удалы молодцы, № 4. У моего милого под окошком зелен сад. ММГ. [Пер. на нем.].

156. *Мусоргский М.П.* «Ах, ты, пьяная тетеря»¹¹ (Из похождения Пахомыча). Предисл. и ред. А.Н. Римского-Корсакова. ММГ. [Пер. на нем. песни и предисловия].

157. *Оранский В.А., Фет А.* 1. Звезды («Отчего все звезды стали неподвижною чредой»). 2. Офелия («Офелия гибла и пела...»). Ор. 3. М.: Изд. авт. [Пер. на нем.].

158. *Оранский В.А.* Детские песни. Первая тетрадь. Стихи Б. Зубакина: 1. Матрешка. 2. Барабан. 3. «Очень даже просто». 4. Босые ноги. 5. Трезор. М.: Изд. авт. ВНУИ. [Пер. на нем.].

159. *Катуар Г.* Семь стихотворений Ф. Тютчева. № 1. Сумерки («Тени сизые смешались...»). № 2. Весь день она лежала [в забытьи]. № 3. Сей день я помню. № 4. Еще томлюсь. № 5. Так в жизни есть мгновенья. № 6. Полдень («Лениво дышет полдень мгlistый»). № 7. Дорогой («Ночное небо так угрюмо...»). Соч. 29. ММГ. [Пер. на нем.].

160. *Гнесин М.* 1905–1917. Симфонический монумент (текст С. Есенина «Если это солнце / В заговоре с ними...»). Ор. 40. ММГ. [Пер. на нем.].

161. *Мяковский Н.Я.* «Венок поблекший». Музыка к восьми стихотворениям А. Дельвига. Соч. 22. Тетр. 1: 1. К чему на памятном листке 2. Что ты, пастушка, приуныла. 3. Любовь. Тетр. 2: 5. Жаворонок, 6. Нет, я не ваш... 7. Песня: «Как ни больно сердца муки...». 8. Осенняя картина. ММГ. [Пер. на нем.].

162. *Иванов-Борецкий М.* Три романса. 1. А. Фет. «Полно спать», 2. М. Артамонов. Цветет цветень, 3. М. Артамонов. Светел месяц. Соч. 26. ММГ. [Пер. на нем.].

163. *Грудин В.В.* Вторая японская сюита. Ор. 17¹². ММГ [Пер. на нем. В сюиту входят тексты хокку «Одиночество» («Зашла луна, зашли плеяды...»)] // Пер. К. Бальмонта, Канеко Кун-Эн, Хитамаро, Цураюки].

¹¹ По предположению Римского-Корсакова, высказанном в предисловии, автором слов песни был сам Мусоргский.

¹² Есть издание, где автором перевода значится Алиса Гуговна Левенталь (А.Г. Усова): *Грудин В.В.* Колыбельная: Для сопрано или тенора: Ор. 1. № 2: g. 1-gis.2 / Слова Ренэ Гиль. Авт. муз. В. Грудин. Нем. текст А. Левенталь. ММГ, 1925.

164. *Шиллингер И.* Два стихотворения Н. Асеева. 1. Россия издали. 2. Северное сияние. Соч. 15. ММГ. [Пер. на нем. Имя переводчика в нотах не обозначено. Атрибутируется на основании автобиблиографии].

165. *Лятошинский Б.* Два стихотворения Шелли. 1. Мечты в одиночестве вянут...». Луна. Ор. 10. ММГ. [Пер. на нем. русских переводов Шелли, выполненных К. Бальмонтом].

166. *Лятошинский Б.* Три стихотворения Шелли. 1. «Пусть звучит гармоничное, нежное пенье...». 2. «Я ласк твоих страшусь...». 3. «Доброй ночи!...». Ор. 14. ММГ. [Пер. на нем. русских переводов Шелли, выполненных К. Бальмонтом].

167. *Крейн А.А.* Ор. 29. Две еврейские песни. № 1. В душе моей (Л.Б. Яффе). № 2. Нежнее нежного (О. Мандельштам). ММГ. [Пер. на нем.].

168. *Беляев В.М.* Георгий Львович Катуар [Биография]. ММГ. [Пер. на нем.].

169. *Половинкин Л.А.* Гармоника, гармоника. А. Блок. Соч. 4. № 2. ММГ. [Пер. на нем.].

1927

170. Карманьола: Песня фр. революции 1789 г. Обработ. Д. Кабалецкого и В. Фере. ММГ [Пер. с фр. Автограф перевода (1927): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 873].

171. *Беляев В.М.* Сергей Васильевич Василенко. ММГ [Пер. на нем. Автор перевода не указан. Атрибутируется на основании автобиблиографии].

172. *Беляев В.М.* Николай Яковлевич Мясковский [Очерк жизни и творчества]. Deutsch von D. Ussow. ММГ. [Пер. на нем.].

173. *Беляев В.М.* Самуил Евгеньевич Фейнберг. ММГ [Пер. на нем. Автор перевода не указан. Атрибутируется на основании автобиблиографии].

174. *Мосолов А.В.* Ор. 21. Четыре газетных объявления. Л.: «Тритон» [Пер. на нем. и фр. Автор перевода не указан. Атрибутируется на основании автобиблиографии].

175. *Мосолов А.В.* Ор. 21. Три детских сценки. Л.: «Тритон» [Пер. на нем. и фр. Автор перевода не указан. Атрибутируется на основании автобиблиографии].

176. *Конюс Г.* Zum metrotektischen Plan des Adagio sostenuto von Beethoven. Sonata Op. 27. № 2. [Пер. статьи на нем.] // Музыкальное образование. Журнал МГК. № 1–2. С. 104–114.

177. Русская новейшая литература в Германии [Статья] // Искусство. Журнал Государственной Академии Художественных Наук. № 3. Кн. I. С. 83–94.

178. [Нем. переводы работ И. Шишова, К. Кузнецова и др.] // Музыкальное образование. № 3–4. С. 5–12.
179. [Рец. на II и III книги журнала ГАХН «Искусство» 1927] // Там же. С. 108 [Автограф рецензии – РГАЛИ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 29–30].
180. Дианов А.М. Ор. 15. Две песни. 1. Восточная песня: (Н. Минский), 2. Песня о сердце (Роршейд). ММГ. 1927. [Пер. на нем.].
181. Никольский Ю.С. Персидская лирика: Четыре стихотворения Хакания. [Пер. Ф. Корша]. Ор. 1. М.: Гос. изд-во. Музык. сектор, 1927. [Пер. на нем.].
182. Шебалин В.Я. Подорожник: (3 стихотворения А. Ахматовой): 1. Я спросила у кукушки. 2. Сразу стало тихо в доме. 3. Я окошко не завесила. Ор. 5. М.: Гос. изд-во. Муз. сектор, ВУИ, 1927. [Пер. на нем. Автографы переводов (1925): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2154].
183. Михайлов А. Ночью [А. Фет]. Нем. пер. Д. Усова. М.: Гос. изд-во. Музык. сектор, Универс. изд-во. [Дата указана на основании автобиблиографии].
184. Михайлов А. Горячий ключ / Стихотв. Фета [«Природа»]. Нем. пер. Д. Усова. М.: Гос. изд-во. Музык. сектор, Универс. изд-во. [Дата указана на основании автобиблиографии].
185. Михайлов А. Фата Моргана: [Зеленый]. [К. Бальмонт]. Нем. пер. Д. Усова. М. и др.: Гос. изд-во. Музык. сектор, Универс. изд-во [Дата указана на основании автобиблиографии].
186. Грудин В.В. Первая японская сюита: Соч. 3: 1. Шелком зеленым: [Танка], 2. Цикада поет: [Танка], 3. Если бы вишни: [слова Г. Рачинского]. ММГ, ВУИ. [Пер. на нем.].
187. Михайлов А. Горячий ключ / Стихотв. Фета «Природа». [Нем. пер.] М.: Гос. изд-во. Музык. сектор, Универс. изд-во. [Дата указана на основании автобиблиографии].
188. Михайлов А. Фата Моргана [К. Бальмонт]. [Нем. пер.]. М.: Гос. изд-во. Музык. сектор, Универс. изд-во. [Дата указана на основании автобиблиографии].
189. Евсеев С.В. Дифирамб [стихи С.В. Евсеева]: Ор. 10. М.: Гос. изд-во. Музык. сектор, ВУИ. [Пер. на нем. Автограф перевода (1924)] // РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 752].
190. Александров А.Н. Осень: Три стихотворения Вл. Пяста. I. Сентябрь («Вновь вдыхаю запах сладкий свежее павшего листа...»), II. Октябрь, III. Ноябрь. Соч. 23. ММГ. ВУИ. [Пер. на нем.].
191. Александров А.Н. Слова несказанные: Четыре стихотворения: 1. Noli tangere circulos meos: «Символ мой знаком отметить» (А. Блок). 2. «Не жалею, не зову, не плачу» (С. Есенин). 3. Весеннее успокоение («О не кладите меня в землю сырую» – Ф. Тютчев). 4. «Ночь в небо зимнее» – Э. Верхарн). Соч. 30. ВУИ. ММГ. [Пер. на нем.].

192. *Половинкин Л.А.* С. Есенин. Я пастух. Соч. 23. № 1. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].
193. *Половинкин Л.А.* К. Бальмонт. Над ручьем. Соч. 23. № 2. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].
194. *Половинкин Л.А.* К. Бальмонт. Как яркий луч ко мне вошла. Соч. 23. № 3. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].
195. *Половинкин Л.А.* А. Блок. Свирель запела на мосту. Соч. 23. № 4. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].
196. *Половинкин Л.А.* А. Глоба. Пахнут медом и лимоном. Соч. 23. № 5. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].
197. *Половинкин Л.А.* А.А. Голенищев-Кутузов. Глаз бессонных не смыкая. Соч. 23. № 6. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].
198. *Половинкин Л.А.* Красная горка (Н. Клюев). Ор. 23. № 7. ММГ, ВЛУИ. [Пер. на нем. Автографы переводов к музыке Половинкина № 192–198: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1558].
199. *Нечаев В.В.* Три стихотворения С. Есенина. 1. Край любимый. 2. Край ты мой заброшенный. 3. Мы теперь уходим понемногу. Соч. 8. ВУИ. ММГ. [Пер. на нем. яз. Автографы первых двух переводов – РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1 Ед. хр. 1491. Второго // Там же. Ед. хр. 1489].
200. *Шишов И.П.* Послание в Сибирь [А.С. Пушкин]. ВУИ, ММГ. [Пер. на нем.].
201. *Шишов И.П.* Парус [М.Ю. Лермонтов]. ВУИ, ММГ. [Пер. на нем.].
202. *Шишов И.П.* Кот-котыч [Н. Простосердов]. ВУИ, ММГ. [Пер. на нем.].
203. *Шишов И.П.* Колдуют розы. [Пимен Карпов]. ВЛУИ, ММГ. [Пер. на нем.].
204. *Шишов И.П.* Все мне грезится море [К.Д. Бальмонт]. ВУИ, ММГ. [Пер. на нем.].
205. *Шишов И.П.* Ветер. [К.Д. Бальмонт]. ВУИ, ММГ. [Пер. на нем. Автографы переводов (1923–1926) № 200–205: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2215].
206. *Дзегеленок А.М.* Рабиндранат Тагор. 1. Не уходи, любимый, не сказавшись мне. 2. Когда ночью иду я одна на свиданье. 3. Жасмин цветет: [Из индусских напевов]. Ор. 10. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].
207. *Мелких Д.М.* Повесть о любви [Текст по Рабиндранату Тагору]. Ор. 15 ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].
208. Все вперед! / Песня французской революции 1789 г.: Вариант 2 / Обработка Д. Кабалеvского. В. Фере. [Пер. с фр.] ММГ.
209. *Бехер И.* Насильники // Революционная поэзия современного Запада. Антология / Под ред. П.С. Когана. М., 1927. С. 85. [Пер. с нем.].

210. Мюзам Э. Песня оборванцев; Песнь сопротивления; Примиренья нет // *Там же*. С. 123, 124, 125. [Пер. с нем.].

1928

211. Изучение музыки в Социологическом. отделении ГАХН // Музыкальное образование. № 1. С. 60–65.

212. Soziologische Musikforschung in der Staats-Akademie der Kunstwissenschaften (1923–1927) [немецкое резюме выше указанной статьи] // *Там же*. С. 8.

213. [Нем. переводы работ А. Веприка. С. Погодина, К. Кузнецова, В. Белого, Б. Юргенсона] // *Там же*. С. 5–8.

214. [Нем. перевод работ Л. Калтата, Д. Рогаль-Левицкого, В. Фермана] // *Там же*. № 2. С. 5–8.

215. [Рец. на журнал «Искусство» 1927, II–III] // *Там же*. С. 74–75.

216. Музыкаведение в социологическом разделе ГАХН [Заметка] // Музыка и революция. № 7–8. С. 52.

217. [Б. Анисимов Б., П. Антокольский, А. Ахматова, Ю. Балтрушайтис, Ф. Батюшков, А. Блок, Ю. Верховский, Е. Васильева, Э. Голлербах, А. Грин, Л. Гроссман, В. Жирмунский, М. Зенкевич, В. Кривич, М. Лозинский, О. Мандельштам, В. Мозалевский, П. Муратов, Б. Пастернак, Л. Рейснер, О. Добиаш-Рожественская, Вс. Рождественский, М. Розанов, И. Рукавишников, А. Сидоров, К. Случевский, В. Станевич, И. Эренбург, М. Цветаева]. [Статьи] // Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь русских писателей XX века. Под ред. Б.П. Козьмина. Т. I. М., 1928 [Авторство статей во всем томе не указывается, атрибутировано на основании письма ДУ к Е.Я. Архиппову – № 102 в наст. изд.].

218.* Хилл Дж. Пролетарские песни Америки. Прилож. к журналу «Музыка и революция» № 5–6.

219. [Нем. переводы работ Л. Кулаковского, Н. Брюсовой. С.Л. Толстого] // Музыкально образование. № 4–5. С. 5–9.

220. Золя Э. «Деньги». Роман. [Ред. перевода, совместно с Б.В. Горнунгом. ДУ редактировал гл. VII–XII] // Золя Э. Полн. собр. соч. Т. XVIII]. М.; Л.: «Земля и фабрика», 1928.

221. Дежсйтер П. Коммунар [Слова Э. Потье]. М.: Гос. изд-во. Музык. сектор, 1928. [Пер. с фр.].

222. То же: 1935.

223. Александров А.Н. Отблески времен : Четыре стихотворения для голоса с ф.-п.: [Ор. 28. № 4]. «Дрозд». (Т. Броун). [Пер. с англ.]. Л., Изд-во «Тритон».

224. Александров А.Н. Желанье счастья (Е. Баратынский). [Правильно «Безнадежность». Пер. на нем.]. Соч. 28. № 3. Л.: Тритон.

225. Александров А.Н. Альбомное стихотворение (А. Пушкин): Соч. 28. № 5. Л.: Тритон. [Пер. на нем.].

226. *Половинкин Л.А.* Ор. 16. № 1. Месяц (П. Орешин). Л.: Тритон, 1928. [Пер. на нем.]. Датируется на основании автобиблиографии.

227. *Никольский Ю.С.* Ор. 2. Из Гитанджали Рабиндраната Тагора: Два стихотворения: 1. Я не ждала тебя. 2. Вот моя радость.— ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].

228. *Мусоргский М.П.* Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Вып. 9. Песни и пляски смерти: 1. Колыбельная, 2. Серенада, 3. Трепак, 4. Полководец / Стихотворения А.А. Голенищева-Кутузова. Ред. и предисл. П. Ламма. / Под общ. ред. Ан. Александрова, П. Ламма и Н. Мяковского. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем. Автограф перевода: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1415].

229. *Фере В.Г.* Два стихотворения на текст С. Есенина: 1. Корова. 2. Песня о собаке. Ор. 7. ММГ. [Пер. на нем.].

230. *Ширинский В.* Два стихотворения [А.] Майкова. 1. Улыбки и слезы. 2. Лилия («От солнца лилия пугливо...»). Ор. 9. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем. Автограф перевода (1925, 1926) — РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2198].

231. *Шапошников А.Г.* Триолеты (И. Рукавишников. «В меня влюбленная луна...», К. Бальмонт. «Любви цветок необычайный...», Ф. Сологуб. «Лежали груды мха на берегу морском...»). ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем. Автограф переводов: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2139].

232. *Старокадамский М.* Три стихотворения А. Блока. 1. За горами. 2. Грусть и плача. 3. Твоя гроза. Ор. 3. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].

233. *Нечаев В.В.* Три стихотворения из цикла «За гранью прошлых дней» А. Блока. 1. «В сумерки девушку стройную». 2. «За краткий сон». 3. «В ночь молчаливую». Ор. 10. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем. Автографы переводов (1927): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1493].

234. *Гедике А.Ф.* Русские народные песни: № 1. Селезенько, № 2. Ты, река ли моя, № 3. Шестерочка, № 4. Над горою высокою. Ор. 37. ММГ. ВУИ. [Пер. на нем.].

235. *Васильев П.И.* Не жалею, не зову, не плачу (С. Есенин). ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].

236. *Васильев П.И.* Дорожные думы. П. Вяземский. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].

237. *Васильев П.И.* Бессонница (Ночной момент). Ф. Тютчев. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем.].

238. *Васильев П.И.* Адели. А. Пушкин. ММГ. ВЛУИ. [Пер. на нем. Автографы переводов: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 329].

239. Легенда о Бетховене. К вопросу о переоценке Бетховена [Заметка о докладе П.С. Когана о Бетховене в ГАХН] // Музыка и революция. № 12. С. 42–43.

240. [Нем. переводы работ Ю. Келдыша, Д. Рогаль-Левицкого, К. Кузнецова] // Музыкальное образование. № 6. С. 5–11.

241. *Нечаев В.В.* С. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу...». Нем. пер. Усова. ММГ. ВЛУИ.

1929

242*. *Мяковский Н.Я.* Романсы на слова З.Н. Гиппиус из цикла «На грани». [Сведений о том, что романсы в немецком переводе ДУ вышли, не обнаружено, но сохранился автограф перевода с датой «31 июля 1929»: РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 4. Ед. хр. 24. Л. 1–6. 1. Пьявки. 2. Ничего. 3. Пауки. 4. Надпись на книге. 5. Страна унынья. 6. Надпись на конверте. 7. Цветы ночи. 8. Мгновенье. 9. Пыль].

243. [Нем. переводы работ Багадурова, Лесмана и Милюкович] // Музыкальное образование. № 1. С. 3–5.

244. [Рец. на книгу В. Рамм «Шуберт в массовой аудитории». 1928] // Там же. С. 54.

245. [Нем. переводы работ Н.Я. Брюсовой, А. Веприка, Лесмана. С. Погодина, В. Виноградова] // Там же. № 2. С. 3–5.

246. [Нем. переводы работ Б.С. Пшибышевского. С. Н. Беляевой-Экземпларской, Д. Аспелунда, Л. Ватолиной, Я. Эшпая, В. Багадурова] // Там же. № 3–4. С. 3–8.

247. В научно-исследовательских учреждениях (Социологический разряд ГАХН) // Там же. С. 44–48.

248. [Aus der Arbeit der wissenschaftlichen Forschungs-Institute] [Немецкое резюме выше указанной статьи] // Там же. С. 8.

249. *Беранже Ж.П.* Четырнадцатое июля; Потоп. [Пер. с фр.] // *Беранже Ж.П.* Полн. собрание песен / Ред. Вс. А. Рождественского. М.: Изд. «Красная газета». Т. II. С. 93, 193.

250. *Золя Э.* «Жерминаль». Роман. М.; Л. ЗИФ // *Золя Э.* Полн. собр. соч. Т. XIII. [Пер. с фр.].

251. *Каччини Дж.* Амариллис. Мадригал А. Паризотти [Пер. с ит.]. ММГ.

252. *Шуман Р.* Ласточки: Народная песня для двух голосов с ф.-п.: Соч. 79. № 20. ММГ [Пер. с нем.].

253. *Россини.* Танец: Неаполитанская тарантелла [Свобод. пер. с ит.] М.: Гос. изд-во. Муз. сектор.

254. *Мусоргский М.П.* Без солнца (А. Голенищев-Кутузов) // *Мусоргский М.П.* Собр. Соч. Т. V. Вып. 7. ММГ. [Пер. на нем. Автограф перевода – РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1415].

255. *Мусоргский М.П.* Романсы и песни. Собр. соч. Т. V. Вып. 4 (Пушкин, Мей, Кольцов, Некрасов, Плещеев, Голенищев-Кутузов, Мусоргский). ММГ. [Пер. на нем.].

256. *Эйгес К.* Ор. 26 (А. Блок: «Кто-то шепчет», «Белой ночью», «Полный месяц»). ММГ. [Пер. на нем. Автограф перевода (1927): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2302].

257. *Ипполитов-Иванов М.* Оп. 58 (А. Луначарский, Г. Орбелиани). ММГ. [Пер. на нем.].
258. *Мариак-Коваль.* Песни из одиночки. ММГ. [Пер. на нем.].
259. *Мильтнер М.* «Суламита» (Д. Бутурлин). ММГ. [Пер. на нем.].
260. *Василенко С.* Ор. 59. (И. Бунин, М. Гальперин, З. Шишова). ММГ. [Пер. на нем.].
261. *Василенко С.* Ор. 55. Сингалезские песни (С. Василенко, М. Гальперин). ММГ. [Пер. на нем.].
262. *Гёдике А.* Ор. 38. Русские народные песни. ММГ. [Пер. на нем.].
263. *Гнесин М.* Ор. 38. На высях (Авигдор Файерштейн – М. Гнесин). ММГ. [Пер. на нем.].
264. *Мяковский Н.* Ор. 21. На склоне дня (Ф. Тютчев). ММГ. [Пер. на нем.].
265. *Крейн А.* Ор. 23. Три песни гетто (Х.Н. Бялик в пер. В.Я. Брюсова и Л. Яффе). ММГ. ВУИ. [Пер. на нем. Автограф перевода: РГАЛИ. Ф. 952. Оп. 1. Ед. хр. 366].
266. *Крейн А.* Ор. 39. Две еврейские песни (И. Харик, А. Кушников). ММГ. [Пер. на нем.].
267. *Нечаев В.В.* Два стихотворения С. Есенина и А. Ахматовой. Соч. 11. 1. С. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу...». 2. А. Ахматова. «Я на солнечном восходе». ММГ. ВУИ. [Переводы атрибутируются ДУ по автографам (1927): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1492]. [Пер. на нем.].
268. *Чичерина С.* Ор. 1. Из Песни Песней [Пер. на нем.]. ММГ.
269. *Шебалин В.* Ор. 9. [С. Есенин]. М.: Музсектор ГИЗ [«Корова», «Лисица», «Песнь о собаке»]. [Пер. на нем. Автографы переводов с датировкой (1926–1927): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2155].
270. *Дзегеленок А.* Ор. 13. Под медленный шаг каравана. [Пер. на нем.]. ММГ.
271. *Мосолов А.* Ор. 1. А. Пушкин: 1. Ночь. 2. Цветок загложший. [Пер. на нем.]. Музсектор ГИЗ.

1930

272. *Волков В.И.* Одуванчики: 4 детских стихотворения для голоса и ф.-п. [Авторы слов: О. Гурьян, Федэ, М. Клокова]: Ор. 5. ММГ // ВЛУИ. [Автографы переводов (1928) – РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 1–8]. [Пер. на нем.].
273. [Нем. переводы резюме работ Г. Когана, Л. Кулаковского, Н. Гарбунова] // Музыкальное образование. № 1. С. 1–3.
274. [Нем. переводы работ Л. Мазеля, В. Багадурова и др.] // Музыкальное образование. № 2. С. 1–3.

275. Вейсс П. Музыка и классовая борьба в современной Германии. // Пролетарский музыкант. №7. С. 11–19 [Пер. на нем. с рукописи].

276. Золя Э. Радость жизни. Роман. Пер. с фр. М.; Л. ЗИФ // Золя Э. Полн. собр. соч. Т. XII [Автограф перевода – РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 6442].

Переиздано: Золя Э. Радость жизни. Пер. Д. Усова // Золя Э. Собр. соч. Т. 12. М., 1997; Золя Э. Радость жизни. Пер. Д. Усова. М., 2008.

277. Золя Э. Жерминаль. Роман. М.; Л. ЗИФ // Там же. Т. XIII.

Переиздано: Золя Э. Жерминаль. Пер. А. Дмитриевского // Золя Э. Собр. соч. Т. 13. М., 1997; Золя Э. Жерминаль. Пер. А. Дмитриевского // Золя Э. Собр. соч. Т. 7. Тверь, 1997 и в других изданиях.

278. Василенко С. «Сын солнца». Опера в 4-х актах. [Ор. 62]. [Пер. на нем.]. ММГ.

279. Нечаев В. Пять стихотворений А. Блока. 1. Посвящение. 2. Многое замолкло. 3. Ушли в туман мечтания. 4. Уже бледнеет день прощальный. 5. Благословляю все, что было. Ор. 13. М.; Вена; Лейпциг: Гос. изд. ММГ. [Пер. на нем. Автографы переводов (1928) – РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1495].

280. Гозенгуд М.А. Два романса для голоса с фортепиано: Ор. 14. 1. В лесу (Д. Мережковский), 2. Три ключа. (А. Пушкин). ММГ – ВЛУИ. Атрибутируется на основании автобиблиографии. [Пер. на нем.].

281. Александров А. Ор. 35. Золотые ветви (А. Глоба). ММГ. [Пер. на нем. Автограф перевода: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 36].

282. Житомирский А. Ор. 14. Еще вчера (Г. Санников). ММГ. [Пер. на нем. Автограф перевода (1928): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 776].

283. Васильев П. Ор. 2. (А.С. Пушкин: Соловей. Три ключа). ММГ. [Пер. на нем. Автограф перевода (1929): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 330].

284. Титов А. Медведица семиглазая (7 песен, текст В. Смышляева). ММГ. [Пер. на нем.].

285. Гантшер А. Ор. 9. «Не затем величал я» (А. Блок). ММГ. [Пер. на нем.].

286. Дроздов А. Ор. 21. (Е. Баратынский: 1. Чудный град, 2. На-яда). ММГ. [Пер. на нем.].

287. Белый В. Ор. 6. Война: 1. Солдаты; 2. Перед войной; 3. Убийцы сидят в опере; 4. Слышишь, солдат [Слова Э. Толлера; Н. Гарнье; В. Газенклевера, М. Светлова]. ММГ. [Пер. на нем. и с нем.]. То же. М., 1931.

288*. Тер-Гевондян А. Воин (Маари). Муз. сектор Госиздата ССР Армении.

289*. Тер-Гевондян А. Хвала батракам (Алазани). Муз. сектор Госиздата ССР Армении.

290–295. *Мусоргский М.П.* Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. Ан. Александрова, П. Ламма и Н. Мяковского. ММГ. ВНИИ. [Пер. на нем., с нем.]:

Т. 4. Вып. 3. Отрывки из неоконченной оперы «Млада»: № 1. Сцена торга. № 2. Марш князей и жрецов. [Пер. на нем. вступ. статьи «От редактора» П. Ламма].

Т. 5. Вып. 5. «Раёк». Пер. вступ. статьи «От редактора» П. Ламма [1928–1930], нем. текст музыкальной шутки [слова и музыка М.П. Мусоргского].

Т. 5. Вып. 1–2. «Юные годы». Сборник романсов и песен для голоса с фортепиано. Пер. вступ. статьи «От редактора» П. Ламма. Нем. тексты песен «Где ты, звездочка?» Н. Грекова, «Веселый час» А. Кольцова, «Листья шумели уныло» А. Плещеева, «Много есть у меня теремов и садов» А. Кольцова, «Молитва» М. Лермонтова. «Отчего, скажи, душа девица» неизвестного автора, «Что вам слова любви» А.Н. Аммосова, «Дуют ветры, ветры буйные» А. Кольцова, «Но если бы с тобою я встретиться могла» В. Курочкина, «Ах, зачем твои глазки порою» А. Плещеева, русский текст «Песнь старца» (из «Вильгельма Мейстера») Гёте [в нотах не указано, что перевод с нем. тоже выполнил ДУ], «Царь Саул» [Песнь Саула перед боем. Слова Байрона в переводе П.А. Козлова], «Ночь» А.С. Пушкина (То же – в отдельном издании для голоса с оркестром в этой же серии. Т. 7. Вып. 3), «Калистратушка» Н.А. Некрасова, «Отверженная» Ив. Г. М., «Колыбельная песня» и «Спи, усни, крестьянский сын» (из «Воеводы» А.Н. Островского), «Песнь Балеарца» («На пиру, в садах Гамилькара») из оперы «Ливиец» («Саламбо»). «Тосканская народная песня». ММГ. ВЛУИ. [Пер. с ит. на рус. В нотах не указано, что этот пер. выполнил ДУ, автографы переводов: РГАЛИ. Ф. 2743. Оп. 1. Ед. хр. 295].

Т. 5. Вып. 6. «Детская». Эпизоды из детской жизни. М.; Вена. 1931: [Пер. на нем. вступ. статьи «От редактора» П. Ламма [1927–1928] и текста М.П. Мусоргского. Автографы переводов: РГАЛИ. Ф. 2743. Оп. 1. Ед. хр. 295].

Т. 7. Вып. 6. «Гопак» [Из поэмы «Гайдамаки» Т. Шевченко в переводе Л. Мея. Пер. на нем.]. ММГ. ВУИ.

296. *Мусоргский М.П.* Светик Савишна. ММГ. ВНИИ. [Пер. на нем.].

297. *Мусоргский М.П.* Юбилейный сборник: [1881–1931]: Избранные песни. ММГ. [Пер. на нем.].

298. *Готопп А. Баркас Г.Ф. 13.* Роман. Авторизованный пер. с нем. рукописи. М.: ГИХЛ, 1931. [Пер. с нем. Машинопись с правкой ДУ (1930) – РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 6120]¹³.

¹³ В картотке РНБ: *Готопп А. Баркас* «Л и Г.Ф. 13»; *Albert Hotopp* (1886–1942) – немецкий писатель. Его роман «Fischkutter H.F. 13» (1930) вошел в число запрещенных фашистами книг.

Рец.: Инн. Оксенов. Альберт Готопп. Баркас Л и Г. Ф. 13 [так! – Т.Н.] // Новый мир. 1931. № 8. С. 203.

299. *Дуранте Ф.* 18 камерных дуэтов. ММГ. [Пер. с ит. Автографы переводов (1930): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 746. Л. 1–66].

300. *Старокадомский М.Л.* Крестьянское восстание 1525 г.: Немецкая революционная песня. ММГ. [Пер. с нем. Автограф перевода (1930): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1897].

301. *Компанеев З.Л.* Туркменистан. Три песни к посевной кампании: 1. «Туркменистан» [З.Л. Компанеев], 2. «Железная помощь» [Красев], 3. «Ой, свет, свет» [М. Коваль]. [Пер. на рус.]. ММГ.

302. *Хачатурян А.И.* Джавуз идим: [Бытовая турецкая песня]. [Пер. на рус.]. ММГ.

303. *Хачатурян А.И.* Игровая: Детская туркменская песня. Народные слова в обраб. Б. Кербабаева. [Пер. на рус.]. ММГ.

304. *Хачатурян А.И.* Комсомолец (Слова Г. Сарьяна). [Пер. на рус.]. ММГ.

305. *Хачатурян А.И.* Комсомолец и комсомолка. [Слова Хнко Апер]. [Пер. на рус.]. ММГ.

306. *Хачатурян А.И.* Наше будущее. [Текст К. Бурунова]. [Пер. на рус.]. ММГ.

307. *Хачатурян А.И.* На нашем лугу. [Слова А. Венкарн]. [Пер. на рус.]. ММГ.

308. *Хачатурян А.И.* Новая песня. [Текст Е. Чаренца]. [Пер. на рус.]. ММГ.

309. *Хачатурян А.И.* Полевая песня. [Слова Алазани]. [Пер. на рус.]. ММГ.

310. *Хачатурян А.И.* Товарищ Гассан. [Слова Хнко Апер]. ММГ. [Пер. на рус. Автографы переводов п. 262–270 (1929–1931): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2007, 2006].

311. Красный фронт: Немецкая революционная песня. Музык. обраб. И.П. Шишова. ММГ. Пер. с нем. Автограф перевода (1931): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2226].

312. *Фогель В.Р.* Тайный поход против Советского Союза [Слова Эриха Вейнера]. ММГ. [Пер. с нем.].

313. *Спендиаров А.А.* Гариб блбул: Из песен Саят-Новы. [Пер. на рус.]. Эривань: Гос. изд-во ССР Армении. Муз. сектор. [Два издания: одно для голоса с фортепиано, другое – для голоса с сопровождением оркестра].

314. *Закарян К.О.* Шествие октября. Соч. 5. Слова Геворка Халата. Эривань: Гос. изд. ССР Армении, Музык. сектор. [Два издания: одно для голоса с фортепиано, другое – для голоса с сопровождением оркестра]. [Пер. на рус.].

315. *Закарян К.О.* Октябрь. Соч. 6. Эривань: Гос. изд. ССР Армении. Музык. сектор. [Пер. на рус.].

316. *Тер-Гевондян А.Г.* Из Тэриана. Ор. 16. № 4 [Слова В. Тэриана]. Ереван: Музсектор Госиздата Армении. [Пер. на рус.].

317. *Altausen J.* Literarische Manifest [Джек Алтаузен. Литературный манифест] // W.O.K.S. Organ der Gesellschaft für kulturelle Verbidung der Sowjetunion mit dem Auslande. № 1. S. 97–102 [Пер. на нем.].

318. *Besymenskij A.* Lied des Heizers. Rote Soldaten des Fünfjahresplanes [Александр Безыменский. Песня кочегара. Красные солдаты пятилетки] // Там же. № 2. S. 74–76. [Пер. на нем.].

319. *Semjakin W.* Industriejahr einunddreissig [В. Семякин. Промышленность. Тридцать первый год] // Там же. № 4. S. 31–32. [Пер. на нем.].

320. *Bednyj Demian.* Das Mass ist erfüllt. Lena. Schlagen wollte man uns, schlagen. [Демья Бедный] // Там же. № 6. S. 19–20. [Пер. на нем.].

321. *Gerassimow M.* Wind. Die Fabrik. In der Taiga [М. Герасимов. Ветер. Фабрика. В тайге] // Там же. № 7–9. S. 106–108. [Пер. на нем.].

322. *Lugowskoj W.* Milizionär Nurih. Turkmenien [В. Луговской] // Там же. № 7–9. S. 189–193. Милиционер Нури: стихи о Туркмении [Пер. на нем.].

323. Die Nomaden von N. Tichonow [Н. Тихонов. Кочевники]. [Очерк. Б.п.] // Там же. S. 47–48 [Пер. на фр. и нем. Русский текст с пометой «№ 7» – РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 39].

1932

324. Пролетарские песни СССР. ММГ. [Пер. на нем. песен на стихи Асеева, Кирсанова, Маяковского]. [Пер. на нем.].

325. А.А. Давиденко. Все вперед. [Песня Французской революции 1789 года]. ММГ. [Пер. с фр.].

326. *Фольмер К.* Тогда будет работа! [А. Циммер]. ММГ. [Пер. на нем.].

327. *Бах И.С.* Кофейная кантата. ММГ. [Пер. на нем.].

328. *Фогель В.Р.* Штурмквартал. [Ганс Швальм]. ММГ. [Пер. на нем.].

329. *Захарян К.* Наша воля // Творчество советских композиторов нац. республик СССР. Сб. 1. ММГ. [Пер. на рус.].

330. *Тигранян В.* Маленький красноармеец. Пер. на рус. // Там же. [Пер. на рус.].

331. Башкирские и чувашские песни // Октябрь в песнях народов СССР. ММГ. [Пер. на рус.].

332. *Климентов Ф.* Две туркменские песни: 1. Пионеры, 2. Песня о дожде. ММГ. [Пер. на рус.].

333. *Гёте И.В.* Дикая роза. Осеннее чувство. Переменный напев к танцу. Одиночество. Избранный утес. Филомела. Освященное место. Извинение. Могила Анакреона. Первая утрата. Своей недоступной. Недоступная. Обращенная. К Миньоне. Аминт. Замок на горе. Золотых дел подмастерье. Майская песнь. Весна круглый год // *Гёте И.В.* Собр. соч.: В 13 т. Т. 1. Лирика / Под ред. А.Г. Габричевского и С.В. Шервинского. М.; Л.: ГИХЛ, 1932. С. 74, 115, 142, 149, 150, 163, 164, 168, 250, 251. 252, 275, 300, 321, 324, 480.

334. *Штейнберг М.О.* Шесть народных песен: Татарский полон, Песня Абдурахмана: Башк., Дудэк: Тат., Тюркская любовная, Алтай: Ойрат, *Ça ğa*: Франц. уличная песня времен Великой революции. Серия I. Ор. 19. ММГ РСФСР. [Пер. на нем.].

335. *Штейнберг М.О.* Шесть народных песен: 1. Татарская колыбельная, 2. Дагестан: [Азерб. песня], 3. Песня пастуха: [Белорус.], 4. Венгерская: Песня эмигранта, 5. Дыгын: [Якут.], 6. Про Ревуху: [Укр. казац.]. Сер. 2: Ор. 22. Рус. текст песен № 1. 2, 4, 5 Юлии Вейсберг. ММГ РСФСР. ВУИ. [Пер. на нем.].

336. *Шишов И. [П.]*. Десять народных песен: 1. Бурятская песня, 2. Песня Орочена, 3. Гольдская песня: [Женская], 4. Якутская комсомольская: [Из Якутска], 5. Молдаванская колыбельная, 6. Чувашская шуточная, 7. Колыбельная Курской губернии, 8. Гольдская партизанская, 9. Шорская-комсомольская, Тохфи — мужское имя: [Татарская]. Рус. пер. С. Болотина. ММГ. [Пер. на нем.].

337. *Шостакович Д.Д.* Третья симфония [Первомайская]. Ор. 20. [Партия хора]. ММГ. [Пер. на нем.].

338. *Фейнберг С.Е.* Анчар. Ор. 16. № 1. Слова А.С. Пушкина. ММГ РСФСР. ВНУИ. [Пер. на нем. Атрибутируется на основании автобиблиографии].

339. *Фейнберг С.Е.* Друг мой милый. Ор. 16. № 2. Слова А.С. Пушкина. ММГ РСФСР. ВНУИ. [Пер. на нем.].

340. *Белый В.А.* Голодный поход [Дж. Паскаль] [Пер. на нем.]. ММГ.

341. *Коваль М.В.* Песня рабочих заводов Шнейдер-Крезю. Текст Бруно Ясенского. ММГ. [Пер. на нем. Атрибутируется на основании автобиблиографии].

342. *Lenin in der epischen Dichtung der Völkerschaften des Ostens.* [Ленин в народной эпической поэзии Востока. — Фамилия переводчика обозначена в тексте, но не указана в оглавлении] // *WOKS. Organ der Gesellschaft für kulturelle Verbindung der Sowjetunion mit dem Auslande.* № 1. S. 12–14. [Пер. на нем.].

343. *Inber W.* So wird es sein. Fünf Tage und fünf Nächte. Unsere Ahnen [Вера Инбер. Так будет. Пять дней и пять ночей. Наши предки] // *Там же.* № 2. S. 164–167. [Пер. на нем.].

344. *Majakowskij W.* Genossen, lassen wir das nicht zu! Note an China [Маяковский В. Товарищи, не допустим!; Нота Китаю] // Там же. № 2. S. 169–171. [Пер. на нем.].

345. *Fefer J.* Wir, Komsomolzen. Ein Gast. [И. Фефер. Мы комсомольцы. Гость] // Там же. № 3–4. S. 82–83. [Пер. на нем.].

346. *Alexandrowitsch A.* Leninsches Lied. Fabriksirenen [Александрович А. Ленинградская песня. Фабричные гудки] // Там же. № 3–4. S. 82–83. [Пер. на нем.].

347. *Inber V.* Vierzig Jahre. [Инбер В. Четырнадцать лет] // Там же. № 5–6. S. 106. [Пер. на нем.].

348. *Sossjura W.* Dneprostroj [Сосюра В. Днепрострой] // Там же. № 5–6. S. 117. [Пер. на нем.].

1933

349. *Мяковский Н.Я.* Песня о Карле Марксе. Стихи С. Кирсанова. ММГ. [Пер. на нем.].

350. Пять старинных арий испанских композиторов: 1. Сердце в оковах. 2. Прелестница Клоринда. 3. Менуэт для пения. 4. Ария из оперы «Ацис и Галатея». 5. Щегленок. ММГ. [Пер. с исп.].

351. *Сабо Ф.* Ленин умер! Текст А. Комят. ММГ. [Пер. на рус.]

352. *М. де Фалья.* Семь испанских народных песен. 1. Мавританская шаль, 2. Сегидилья, 3. Астуриана, 4. Хота, 5. Колыбельная, 6. Кансона, 7. Поло. [Пер. с исп.] ММГ. 2-е изд. 1959, 3-е изд. 1967.

353. *Шишов И.П.* Семь песен народов Запада. ММГ. [Пер. на рус.]

354. *То же:* 1934.

355. *Шуман Р.* Весенняя ночь. Слова Й. Эйхендорфа. [Пер. с нем.]. ММГ.

356. *Шуман Р.* Прощание горца. Слова Р. Бернса. [Пер. с нем. – Так! – Т.Н.]. ММГ.

357. *Шуман Р.* Посвящение. Слова Рюккерта. [Пер. с нем.]. ММГ.

358. *Ein neues Lexikon.* [Новый словарь. А.Ю. Пише, А.Г. Челпанов. Русско-немецкий карманный словарь] // Moskauer Rundschau. 1933. № 37 [10/IX].

359. *Tagesfragen der Künstlerischen Überetzung* [Вопросы художественного перевода] // Moskauer Rundschau. 1933. № 51 [17/XII]. [Статья на нем.]

360. *Шуберт Ф.* Песни и тексты Гёте для голоса и фортепиано. Пер. С.А. Адрианова. М., 1934 // Советская музыка. № 11. С. 84–85. [Рец.]

361. *Александров А.Н.* Осень. Три стихотворения Вл. Пяста. I. Сентябрь, II. Октябрь, III. Ноябрь. Соч. 23. ММГ РСФСР. [1933]. [Пер. на нем.].

362. *Штейнберг М.* Шесть народных песен. Ор. 23. Сер. 3. Русский текст Ю. Вейсберг.: 1. Китайская, 2. Саган-сесек: [Бурятская],

3. Дудар-ай: [Казахская], 4. Якутская комсомольская, 5. A lied fun a feigele: [Еврейская народная], 6. Der filosof: [Еврейская хасидская]. [Пер. на нем.]. ММГ.

363. *Мусоргский М.П.* Женитьба: Опыт драм. музыки в прозе: Совершенно невероятное событие в 3-х д.: 1-е д. в 4-х сценах / Слова Н.В. Гоголя. Ред. и предисл. Павла Ламма / Под общ. ред. Ан. Александрова, П. Ламма и Н. Мяковского // *Мусоргский М.П.* Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 4. Вып. 2. ММГ // ВЛУИ. [Пер. на нем.].

364. *Мусоргский М.П.* Романсы и песни: Для голоса и ф.-п. / Ред. и предисл. Павла Ламма. Предисл. Ю. Келдыша / Под общ. ред. Ан. Александрова, П. Ламма и Н. Мяковского 2. Желание: Романс: 1-я и 2-я ред. Слова М. Мусоргского. 3. Гопак: 1-я и 2-я ред. Слова Т.Г. Шевченко в пер. Л. Мея. 5. Светик Савишна. Слова М. Мусоргского, 6. Ах ты, пьяная тетеря. Слова М. Мусоргского. 7. Семинарист: 1-я и 2-я ред. Слова М. Мусоргского. — Там же. Т. 5. Вып. 3. ММГ // ВУИ. [Пер. на нем.].

365. *Мяковский Н.Я.* Песня о Карле Марксе. Слова С. Кирсанова. ММГ. [Пер. на нем.].

366. *Ипполитов-Иванов М.М.* Четыре романса для голоса, фортепиано, скрипки и виолончели : Ор. 63. Текст В.С. Соловьева. 1. Мне не забыть твоей улыбки, 2. Бретонская колыбельная песня, 3. Как ночь тиха, 4. В алем блеске зари. ММГ-ВНУИ. [Пер. на нем.].

367. *Нечаев В.В.* Оп. 15. Три стихотворения Пушкина. Соч. 15. № 1-3. ММГ. ВУИ, 1933. [Пер. на нем.].

368. Международный сборник революционных песен / Под общ. ред. В. Рамм. [Сборник включает 13 рев. песен междунар. пролетариата в пер. на англ., нем. и рус. яз. Каждая песня, кроме того, на своем нац. языке. ДУ перевел: Д. Паскаль. Голодный поход. Пер. на нем.; Бастуют лесорубы! [Американская песня]. Пер. на рус.; За Днестром. Текст Н. Сидоренко. [Пер. на нем.]; На рисовых полях. Японская революционная песня. Слова Д. Усова. [и пер. на нем.]; Первая конная. Текст Н. Асеева. [Нем. пер.]; Хор каторжников. Текст Д. Шостаковича. [Нем. пер.] Бурлаки. Текст Н. Некрасова. Нем. пер.] ММГ.

369. *Штрейхер Л.Л.* Открой глаза. Слова Х. Исмаилова. ММГ. [Пер. на рус.].

370. *Мейербер Дж.* Песня гугенотов. Слова Э. Скриба. ММГ. [Пер. на рус.].

371. Итальянские мастера вокального искусства первой половины XVIII в. Вып. I [Ф. Дуранте. Горький, суровый удел!]. ММГ. [Пер. на рус.].

372. *Фейнберг С.Е.* Пять песен народов Запада. Ор. 18. № 1-5. ММГ. [Пер. на рус.].

373. *Александров А.Н.* Двенадцать песен народностей Запада. Ор. 38. Рус. текст Д. Усова и В. Дикого. Выбор и ред. А. Доливо. [ДУ перевел: 1. Сборщица водорослей. 2. За прялкой. 3. Пастушья

песня (Гебридские острова). 7. Старый друг луна (Баскская). 8. Матросы из Труа. 9. Ответы Марион. 10. Кансона XV века (Франция). Автографы переводов «Матросы из Труа», «Ответы Марион»: РГАЛИ. Ф. 2748. Оп. 1. Ед. хр. 97]. ММГ. [Пер. на рус. с исп., фр.].

374. *То же*: 1935.

375. *Шуман Р.* Песни для голоса с фортепиано. Тетр. 3 / Пер. В. Аргамакова. С. Заяицкого, Д. Усова. Со вступ. статьей Игоря Глебова / Ред. Павла Ламм. ММГ.

376. *Бизе Ж.* Избранные романсы для голоса с ф.-п. / Пер. Д. Усова и В.Б. Ред. В. Багадурова, М. Иванова-Борецкого и Ивана Шишова. ММГ. [Пер. на рус.].

377. *Брамс И.* Романсы и песни. Сер. 1 / Под ред. В. Багадурова, М. Иванова-Борецкого, И. Шишова. Пер. Д. Усова, Н. Райского и С. Свириденко. [ДУ перевел: Верное сердце (автор слов – Rob. Reinick), Кузнец (Уланд), Былая любовь (К. Candidus), Песня девушки (З. Каппер), Сербская народная песня, Звучат нежней свирели (К. Грот), Глубже всё моя дремота (Г. Линг), Серенада (Фр. Куглер), Девушка говорит (О. Группе), Девичья песня (П. Гейзе)]. ММГ. [Пер. на рус.].

378. *Янко Купала.* Früher und jetzt [Раньше и теперь] // Sowjetkultur im Aufbau. 1933. № 1. S. 48.

1934

379. [Переводы эпиграмм Партасия, Менандра, Филиска, Павла Силенциария, Вакхилида, Софокла] // Греческие эпиграммы / Пер., статья и примеч. Л.В. Блуменау. Ред. и доп. Ф.А. Петровского. М.; Л.: Academia. 1935. С. 243, 244, 247, 248, 266–267. Переводы не подписаны. Атрибутируются на основании автографа в письме к Э.Ф. Голлербаху – № 204 в наст. изд.

380. *Усов Д., Цильц З., Тунцер А.* Сборник текстов для переводов с нем. С прил. статей по методике и технике перевода. Пособие для высших педагогических учебных заведений. Допущено коллегией РКП РСФСР. М., Учгиз. Из наблюдений над техникой перевода [Статья] // Д. Усов, З. Цильц, А. Тунцер. Сборник текстов для переводов с нем.

381. *Тютчев Ф.И.* С чужой стороны [Пер. на нем.] // Там же. С. 35.

382. Большой немецко-русский словарь. Под ред. Е.А. Мейер. Т. 1. А–К. М., 1934 [редактирование раздела фразеологии].

383. Принципы вокального перевода [соавтор – В. Рамм] // Советская музыка. 1934. № 3. С. 82–95.

384. *Дроздов А.Н.* Песни и гимны Великой французской революции. [Защитим отечество. Гимн Революции. Карманьола]. [Автографы перевода: РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 731 и РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 41]. ММГ. [Пер. на рус.].

385. *Компанеев З.Л.* Четыре удмуртских народных песни. ММГ. [Пер. на рус.].

386. *Компанеев З.Л.* Калмыцкие песни. [Авторство перевода обозначено только на нотах первой песни] ММГ. [Пер. на рус.].

387. «Евгений Онегин» в исполнении Яхонтова // [Неустановленная московская газета] 18 дек. [1934?] [Вырезка: РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 39].

1935*

388. *Флобер Г.* Воспитание чувств. История молодого человека. [Соавтор перевода – А.В. Федоров. Перевод подписан как работа А.В. Димитревского и А.В. Федорова] // *Флобер Г.* Собр. соч.: В 10 т. Под ред. А.В. Луначарского и М.Д. Эйхенгольца. Т. 3. М., 1935.

389. *Васильев П.И.* Четыре английских народных песни. / Ред. А. Доливо. Рус. текст К. Ш. [Атрибутируются ДУ на основании автографа перевода (1933): РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 328]. ММГ, 1935.

390. *Фейнберг С.Е.* Анчар. Ор. 16. № 1. Слова А.С. Пушкина. [Пер. на нем. Атрибутируется на основании автобиблиографии]. ММГ РСФСР. ВНУИ.

391. *Эйхендорф Й.* Из жизни одного бездельника // Немецкая романтическая повесть: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1935. [Пер. с нем. Машинопись (1933–1935) с пометами редактора: РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 407 а. Л. 340–417].

То же: Избранная проза немецких романтиков: В 2 т. Т. 2. М., 1979. С. 221–298;

То же: Жизнь льется через край. М., 1991. С. 480–552.

1936

392. [Переводы стихотворных цитат разных авторов] // *Лессинг Г.Э.* Гамбургская драматургия. Статья В.Р. Гриба. Комментарии Б.И. Пуришева. М.; Л.: Academia, 1936. [Имя переводчика не указано. Атрибутируется по автографам переводов (1935): РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 1045. Л. 3; Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 41].

1937

393. *Расин Ж.* Аталия [без указания имени переводчика (с пометой: «Перевод под редакцией Е. Якобсон»)] // *Расин Ж.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Academia, 1937. С. 245–340.

* В картотеке РНБ Усов назван переводчиком арий из оратории Г. Генделя «Иуда Маккавей». Уточнить выходные данные этого издания не удалось.

1938

394. Переводчик [Стихотворение] // Литературные игры. Сборник. Пособие для руководителей литературных кружков и библиотечек / Сост. В.А. Мануйлов. Л., 1938. С. 32. Републиковано в специально посвященной этому стихотворению статье: М.Л. Гаспаров. «Переводчик» Д.С. Усова: с русского на русский. // Сб. статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана, Тарту, 1992; в книге: Строфы века-2 : Антология мировой поэзии в русских переводах XX века / Сост. Е.В. Витковский. М., 1998. С. 310–311.

1939

395. Гейне Г. Фицлипуцци; Морфина; Воскресение из мертвых; Испанские Атриды; Мими; Рожденные друг для друга; Поэтико-музыкальный союз молодых котов // Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под общ. ред. Н.Я. Берковского и И.К. Луппола. Т. 3. М.: Худож. литература, 1939. Лирика. Ред. переводов и коммент. Я.М. Металлова. [Переводы опубликованы как работы Е. Дмитриевского. Автографы переводов: РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 109–135].

Посмертные публикации

1962–1963

396. Лютер М. Хорал // Хрестоматия по зарубежной литературе. Эпоха Возрождения. В 2 т. М., 1962 / Сост. Б.И. Пуришев. Т. 2. С. 301–302.

397. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки Отдела рукописей. Т. 26. М., 1963. По указ.

1990–1998

398. Усов Д.С. Стихотворения / Вступ. заметка и подгот. текста Н. Алексеева [Н.А. Богомолова] // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 75–83.

399. Гаспаров М.Л. «Переводчик» Д.С. Усова: с русского на русский // Сб. статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана, Тарту, 1992. Переиздано: Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 198–201; Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. М., 1997. С. 100–104.

400. [Фрагмент сонета о Черубине де Габриах] // «Из мира я должна уйти неразгаданной...» / Письма Е.И. Дмитриевой (Васильевой) М.А. Волошину (публ. В.П. Купченко) // Русская литература. 1996. № 1. С. 211.

401. Степанова Л.Г., Левинтон Г.А. Из истории дантоведения: статья Д.С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сб. Вып. 10. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 514–547.

В доп. виде: Степанова Л.Г., Левинтон Г.А. Из истории дантоведения в России (Неизвестная статья Усова о переводе «Новой жизни») // Язык, литература, эпос (к 100-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского). СПб., 2001. С. 332–363.

402. [Стихотворение «Переводчик», перевод стихотворения Гёте «Дикая роза»]: Строфы века-2 : Антология мировой поэзии в русских переводах XX века / Сост. Е.В. Витковский. М., 1998. С. 310–311.

2000–2010

403. [Три стихотворения: «Тебя живописать я не устану...»; «Петербург»; «Фуга»] Поэзия 1920-х годов / Сост. Н.А. Богомолов. М., 2000. С. 547–549; [Биографическая справка, комментарии]. С. 705–706.

404. [Некоторые переводы греческих поэтов]* // *Голосовкер Я.Э.* Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады. Кн. 1. Томск; М.: Водолей Publishers. 2004.

405. [Некоторые переводы греческих поэтов]* // *Голосовкер Я.Э.* Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады. Кн. 2. Томск; Москва: Водолей Publishers. 2006.

406. *Нешумова Т.Ф.* Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д.С. Усов, Е.Я. Архиппов // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Четвертых Герцыковских чтений в г. Судак 6–10 июня 2005 года. М.; Симферополь; Судак. 2007. С. 119–161. [О нём].

То же: Toronto Slavic Quarterly. 2007. № 20. <http://www.utoronto.ca/tsq/20/neshumova20.shtml>

407. [О стихотворении Усова «Нине Волькенау»] *Нешумова Т.Ф.* Из комментариев к поэтическим текстам 1920–1930-х годов (Осип Мандельштам, Владислав Ходасевич, Дмитрий Усов, Борис Пастернак) // Русская литература. 2007. № 3. С. 191–200.

408. *Нешумова Т.Ф.* Усов // О.Э. Мандельштам. Его предшественники и современники. М., 2007. С. 141–144. [О нём].

409. [Письма к Усову] Хранитель. Е.Я. Архиппов, письма к Д.С. Усову / Подгот. текста, примеч., вступит. заметка Т. Нешумовой // Волга. 2009. № 9–10. С. 153–208.

410. «Глухих, как Смерть, крылатых и узорных...» // Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма

* Подробнее см. раздел «Переводы» наст. изд.

1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину / Сост., подгот. текстов и примеч. В.П. Купченко и Р.П. Хрулевой. Феодосия; М. 2009. С. 188.

411. [О нём; письма к М.А. Зенкевичу; венок сонетов «Любимые поэты», «Баллада о езде туда и обратно», статьи о Зенкевиче и Блоке] Дмитрий Усов в начале 1920-х годов (по письмам к М.А.Зенкевичу) / Публ. Т.Ф. Нешумовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010. С. 496–527.

Публикации в Интернете (начало 2000-х годов)

412. Страничка ДУ на сайте Поэзия МГУ http://www.poesis.ru/poeti-poezia/usov/ftm_vers.htm (подготовила Г. Воропаева).

413. Страничка ДУ на сайте «Век перевода» <http://www.ekperevoda.com/1887/usov.htm>.

P.S. Не считая переводов из Гёте, воспроизводившихся с подписью Усова в переизданиях немецкого классика, впервые после ареста и смерти Д. Усова его имя в печати назвал А.В. Федоров в своей книге «Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы)» (Л., 1958. С. 409, 416), сославшись на статью «Из наблюдений над техникой перевода» (№ 380 наст. библиографии). В 1968 г. имя Усова упомянул Е.Г. Эткинд в составленной им книге «Мастера русского стихотворного перевода» (Т. 2. Л., 1968. С. 408, 416).

КОММЕНТАРИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

С. 65. *Стихи о жизни моей* (1–5). Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 14 об. – 16. Не исключена связь названия с рассказом Б.А. Садовского «Черты из жизни моей» в его кн.: Садовской Б. Узор чугунный. Рассказы. М., 1911. Эпиграф – с незначительными неточностями – из «Предисловия» к трагедии Ф. Сологуба «Победа Смерти» (1907, опубликовано: СПб., 1908). Упоминание о позднейшем охлаждении ДУ к Сологубу находим в письме Вс. Рождественского от 10 февраля 1927 г.: «Несколько дней назад мы хоронили Ф.К. Сологуба. Вы пишете, что для Вас он умер уже давно. Для меня это не так» (Архив Торбин). *Froulein* – здесь: гувернантка. *Оцет* – уксус.

С. 67. 5. «*Она ко мне пришла, как Таня, как Beata...*». Это стихотворение должно было быть шестым в цикле, но листок с пятым остался незаполненным. Сохранились три автографа этого стихотворения. Все – РГАЛИ. Первый – как и другие его окружающие стихотворения этого цикла – в рукописной тетради Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 17. Второй – на отдельном листке с пометой: «Из цикла «Стихи о моей жизни»» и с эпиграфом из Ф. Сологуба: «Проходит поэт, скрыв лицо в полумаске; улыбается и проходит. И она с ним, змеиноокая» (измененная цитата из указанного «Предисловия»). Строка 11: «И не найти ея ни <в> дальних городах» (Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 3). Третий автограф – Ф. 2218. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 1. Имеются разночтения: строка 6: «пришли» вместо «прошли»; 7: «пропели» вместо «запели»; строка 8: И обручилась мне она в заветной маске. Вслед за ним в этом списке – другое стихотворение (л. 1 об. – 2) с недописанным или утерянным концом:

Может быть, всё, что я пишу,
Всё мое искусство
Указывает на то, что я – шут
И что у меня нет чувства.

Мой вымысел – это жалкий горб.
И... Вам ли меня исправить?

Ведь только большая скорбь
Заплакать сердце заставит.

Впрочем, я скоро умру...
А мертвые сраму не имут...

Таня – по-видимому, Татьяна Ларина. *Beata* – возможно, отсылка к имени героини повести А. Шницлера «Фрау Беата и ее сын» (в переводе З. Венгеровой опубликована в кн.: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 19. СПб., 1913). Героиня повести, молодая вдова, уходит из жизни вместе со своим семнадцатилетним сыном, из-за невозможности пережить совершившуюся между ними кровосмесительную связь. *Beatus* (лат.) – «блаженный». Нельзя исключить и отсылки к картине Д.Г. Россетти «*Beata Beatrix*» (Блаженная Беатриса), героиня которой (умершая жена художника) изображена с опущенными глазами.

С. 68. *Песня мертвой*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 22. Эпиграф – неточная цитата (правильно: «горького лобзания») из стихотворения А.С. Пушкина «Для берегов отчизны дальней...».

С. 69. «Ты знаешь, Господи, что я всегда – в Тебе...». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 24.

Фрагмент. Автограф – РГБ-22. Л. 1. Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 14. Здесь снято название и есть посвящение поэту и переводчику Рильке Ю.П. Анисимову (подробнее о нем см. II, 9); незначительные различия в пунктуации. Строка 12: И каждый час свою главу приводит. Эпиграф из Рильке («*Ein jedes Ding ist überwacht / von einer flugbereiten Güte*» – «За каждой вещью приглядывает готовая к полету доброта» – из строчки из книги «*Das Buch von der Pilgerschaft*» («О паломничестве»), которая, в свою очередь, является Второй книгой «Книги Часов» («*Das Stunden-Buch*»). Под названием «Размышление» и с посвящением Ю. Анисимову стихотворение появилось в № 4 гимназического машинописного альманаха «Призыв» от 13 декабря 1913 г. (под псевдонимом «Д. Болконский»). Опубликовано – МГУ

«Взор мой чист и видит всё до грани...». Автограф – в письме С.Н. Дурылину от 25.06.1913 (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 855. Л. 12 об.).

С. 70. «Сияет солнце в белых летних облаках...». Автограф – РГБ-22. Л. 3 об. Под стихотворением указано место написания: «Гнидуша Тульской губ.», с объяснением ДУ: «Имение покойного директора Моск<овской> VI гимназии В.И. Рязанцева, филолога-классика». В письме к Архиппову ДУ пишет, что это стихотворение особенно нравилось А.В. Звенигородскому. Любопытно, что сюжет стихотворения ДУ прямо перекликается с главной темой

большого стихотворения В. Комаровского «Ракша» (1913), напечатанного позже в «Аполлоне» (1914, № 6). ДУ знал единственную изданную при жизни автора книгу Комаровского «Первая пристань» (1913) и перевел из нее одно стихотворение (см. II. 88). Тематические переключки есть и со стихотворением «Памяти И.С. Тургенева» (1894) К. Бальмонта, чьей поэзией ДУ увлекался в гимназии:

Дворянских гнезд заветные аллеи.
Забитый сад. Полузаросший пруд.
Как хорошо, как все знакомо тут!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордые цветут.

С. 71. *Стихи Бертольда Вагуса* (1–4). Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–3 об. Оформлен как рукописная книжечка, с датой: MDCCXIII (т.е. 1713). Бертольд Вагус – в переводе с лат. «Странник (бродяга) Бертольд»; происхождение этого образа, по-видимому, связано с новеллой Э.Т.А. Гофмана «Церковь иезуитов в Г.» (1816, из цикла «Ночные этюды»), в центре которой романтический образ несчастного странствующего художника Бертольда, мучимого поисками недостижимого идеала и принесшего ему в жертву своих близких. Одна из главных сцен новеллы происходит ночью во время росписи церкви. Вагус – один из псевдонимов ДУ.

1. *Ave Maria*. Второй автограф (с посвящением Б.С. Петровскому) – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 25 об.

2. *Ночная повесть*. Второй автограф (с посвящением П.Г. Антокольскому) – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 19 об.

С. 72. 3. *Экзорцизмы*. РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 20 об. с незначительными отличиями в пунктуации и одной переменной в 1-й строке строфы 3: Перст о перст. На сердце – броня. *Экзорцизм* – обряд изгнания бесов. *Франциск* – Франциск Ассизский (наст. имя Джованни Бернардоне; 1181 или 1182–1226) – итальянский религиозный деятель, основатель ордена францисканцев, католический святой. ДУ рифмует Франциска – василиска вслед за К.Д. Бальмонтом: «Люблю в тебе, что ты, согрев Франциска, / Воспевшего тебя, как я пою, / Ласкаешь тем же светом василиска, / Лелеешь неясных птичек и змею» (6-е стихотворение цикла «Гимн Солнцу»).

4. *Mater Dolorosa*. – Богоматерь скорбящая (лат.). «Stabat mater dolorosa» – католический гимн о Богоматери, стоящей у распятого Иисуса, сочиненный в XIII в. францисканским монахом Якопоне да Тоди.

С. 73. *Marie*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 24 об.

С. 73. «В пролете башни, у часов...». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 27. Другой автограф – РГБ-22. Л. 3 об., где стихотворение носит название «Пляска мертвецов» и не имеет посвящения. Разночтения: строка 8: За выступ башни под луной, строка 15: Но лишь заря Твоей Руки. *An den Bruder Paul.* – К брату Павлу (нем.). Возможно, так ДУ называет Антокольского (во всяком случае, сведений о кровном брате ДУ нет). В стихотворении описан старинный часовой механизм с движущимися фигурами, подобные – но иные – сохранились до нашего времени в Берне, Мюнхене, Праге. *Старый гном* – «дремлет» у башни старой ратуши в Мюнхене. Скелет (Смерть) – одна из фигур Астрономических часов XV в. на башне Ратуши в Праге.

С. 74. «Дни темны, скудны и мелки...». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 27 об. Другие автографы: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 7 об.; Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 3; РГБ-22. Л. 9. Имеются существенные разночтения (вычеркнутые строфы). В автографе Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 3:

Дни темны, скудны и мелки
Кружатся в ночах,
Словно часовые стрелки
На больших часах.

Время сыплет непреклонно
Золотой песок.
И смеется у колонны
Темный ангелок.

Наклонясь к миниатюре
Долгий, долгий взор
Ищет в маленькой лазури
Золотой узор.

Но горят лучами света
Старые гербы <,>
И скелеты, и портреты –
И мои мольбы.

И в душе поет весенний
Голубой набат <,>
В синем небе словно звенья
Белых кавалькад <,>

Ты как ангел с веткой счастья
Сходишь с полотна <,>

И в руках твоих причастье,
И в глазах весна.

Я закрыт семью замками –
Но раскрой – войди –
Осени меня руками,
И со мной цвети.

В автографе РГБ-22. Л. 9:

Дни темны, скудны и мелки
Кружатся в годах,
Словно часовые стрелки
На больших часах.

Время сыплет непреклонно
Золотой песок.
И смеется у колонны
Томный ангелок,

Наклонясь в миниатюре.
Долгий, долгий взор
Ищет в маленькой лазури
Золотой узор.

Но горят лучами света
Старые гербы,
И доспехи, и портреты –
И мои мольбы.

И в душе поет весенний
Голубой набат.
В синем небе – словно звенья
Белых кавалькад.

И душа нетленным гимном
К сферам поднята,
Где пылает вечный символ
Розы и креста.

Ты, как ангел, с веткой счастья
Сходишь с полотна,
И в руках твоих причастье,
И в глазах – весна.

Я закрыт семью замками,
Но раскрой – войди –

Осени меня руками,
И со мной цвети.

Списки рукой Е.Я. Архиппова тоже вариативны: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 70 об. – 71; другой список его же рукой – Книга Архиппова (Л. 31–31 об.). Здесь строки «Ты, как Ангел, с веткой счастья / Сходишь с полотна» – отчеркнуты и напротив них помета: «Ч.» – т.е. Черубина.

С. 75. *Сердце*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 28. Второй автограф – *Там же*. Ед. хр. 23. Л. 1. Разночтение в строке 6: Белой цепью обвивают сердце.

Моя кровь. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 28 об. Второй автограф – РГБ-22. Л. 2 об. Разночтения: строка 7: И львы блюдут корону; 9: И – трех восточных звезд лучи. В этой редакции отсутствует третья пятистишие. Последняя строка четвертого (в этой редакции третьего) пятистишия: «По старой родословне». Последняя строфа отчеркнута. Последние строки в этой редакции: «И близко-близко Смерть-сестра, / И сталь ее косы остра, / И время убегает...». Третий автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1 об. Разночтения: строка 6: «В гербе закованы ключи». Архиппов выделял это стихотворение (известное ему, по всей вероятности, во второй редакции) «как прекрасный созвучный ответ Черубине, исполненный в ее тонах». В Книге Архиппова (Л. 24 об. – 25) стихотворение состоит из трех пятистиший (отсутствуют строфы 3 и 5; строка 7: и львы блюдут корону). Возможно, строки «И страх священного венца, / И грусть венчального кольца, / И планы о свободе...» – намекают на историю брака матери ДУ с его дядей; «А предки знали сабель стук, / Звон труб и ржаний конских. / И клавесина тонкий звук» – отсылают к прошлому рода Норовых (см. I, 8–9). Описание герба, данное в стихотворении, скорее соотносится с гербом Норовых (перекрещенные мечи, корона, три звезды), чем с гербом Усовых (однако ни в том, ни в другом нет «льва»). См.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 7. С. 32 и Ч. 5. С. 40. Оттиск сургучной печати рода Норовых с надписью Усова – РГБ-22. Л. 75. О тайне юношеского псевдонима ДУ см. I, 10. *Последний в роде внук...* – Мысль о «последнем в роде» была укоренена в сознании ДУ: ее же он подчеркивает и в описании кн. А.В. Звенигородского примерно десятилетие спустя (см. письмо к Архиппову, сентябре 1923 г. – II, 191). *Моя сестра...* – Ср. упоминание о сестре в стихотворении «Снова белая церковь...». О сестре ДУ ничего не известно.

С. 76. «В соседней комнате во мгле слышна рояль...». Автограф – РГБ-22. Л. 2. Второй автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 29, с разночтениями в строке 1 («В соседней комнате

во мгле идет рояль»), строка 12: Но вот из тишины возникла Маргарита. Третий автограф (Там же. Ед. хр. 23. Л. 1) отличается от второго порядком эпитетов в последней строке.

С. 76. Печали. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 29 об. Другой автограф – без названия – с тем же текстом и подписью «Д. Болконский» – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 3 об.

С. 77. Наездница. Автограф – ОР ГЛМ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 11. Л. 1. (от А.М. Чернышева). – Ранняя редакция: РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 30. Здесь строфическое деление иное: не двустихия, а четверостишия. Разночтения: строка 3: И стройно, и прямо, как мрамор, стоит; 10: И медные стоны, и красочный рокот; 11: И флейты, как груди, дрожат и поют –; 17: Но звуки и ленты слабеют и тлеют; 18: И шарфы уходят, и пламя бледнеет; 19: И снова колеблются перья в луне. Возможно, стихотворение навеяно картиной Ж. Сёра «Цирк» (1890–1891), на которой изображена наездница на белой лошади, однако не «в белом», а в желтом трико.

С. 78. Broderie. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 31. Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 3. Разночтения: посвящение L.V. Второе четверостишие отсутствует. В предпоследней строке: «уснет». *Broderie* (фр. и нем.) – вышивка, узор, шитье. Тому же адресату, о котором нам ничего не известно, посвящены стихотворения «En plein air» и «Мы живем в бесконечной тоске...». Жан Филипп Рамо (1683–1764) – французский композитор эпохи рококо. Голубым Рамо назван потому что голубой – один из ведущих цветов в живописи рококо, вообще предпочитающей пастельные оттенки ярким контрастам.

An Cherubiana de Gabriak. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 31 об.

К ЧЕРУБИНЕ ДЕ ГАБРИАК

Как в комнате светло от гиацинтов синих.
Натянуты лучи, как солнечная сеть.
Ты здесь была весной, с высоким лбом княгини
Веласкеса, тяжелого, как смерть.

Жест этих рук, и набожных, и тонких,
Почти монахини, сжимающей свой крест, –
Кровавым отблеском рубинового солнца
Меня воспламенил и залил всё окрест.

Глаза б твои обжечь губами – но объятья
Немыслимы: – ведь вся ты замерла в мольбе.

Я только разобрал: «о мой святой Игнатий» –
И в ночь вступила кровь – и тьма в моей судьбе.

(Перевод наш. – Т.Н.).

Стихотворение – важный этап в отношениях ДУ с Черубиной де Габриак. Подробнее о них: *Нешумова-2005*. Это единственное из известных сегодня стихотворений ДУ, написанных по-немецки. О том, что их было немало, говорит такой факт: С. Маковский подарил ДУ книгу немецкого сотрудника журнала «Аполлон» И. фон Гюнтера с «просьбой писать русские и немецкие стихи» (см.: 1, 17). *Святой Игнатий*. – Игнатий Лойола (ок. 1491–1556), католический святой, основатель ордена иезуитов.

С. 79. *Мой святой (Димитрий Солунский)*. Автограф – РГБ-22. Л. 1. Второй автограф – РГАЛИ (Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 33), стихотворение имеет название «Святой Димитрий Солунский» и включено в диптих «Византийские стихи». Первая его часть (*Там же*. Л. 32 об.):

Семисвещник загорится в храме.
Гусли семиструнные на сердце.
За святыми, тяжкими столбами
Золотая заковалась дверца.

Не миную тяжкие столбы я –
Византии царственные мощи.
Наверху – финифти голубые,
А внизу – отшельник злой и тощий.

Багрянец святому уготован.
На драконе – юная блудница.
Все же царь не ею очарован:
В храме ждет весенняя царица.

Разночтения: вторая половина стиха не отчеркнута, строка 6: С сияющим копьем в сияющих руках; строка 8: Как стража царских врат – заступник и монах; 9–12: Когда придет пора, когда настанет битва, / Когда прольется кровь на множество стихов – / Возникнет у души броней его молитва / И вязью золотой замкнется цепь крестов. Третий автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 7. Разночтения: строка 4: И небо в радуге – святой иконостас; 6: С сияющим копьем в монашеских руках; 11–12: Возникнет у души шитом его молитва. / И вязью золотой сомкнется цепь крестов. Подпись: Димитрий Болконский. В сборнике стихотворений ДУ «Гиацинты плащаницы» стихотворение заканчивается на восьмой строке

(*Книга Архиппова*. Л. 24); единственное разночтение – союз «и» в начале строки 4. *Димитрий Солунский* (ум. в 306 г. н.э.) – христианский святой, великомученик, пострадавший во времена императора Диоклетиана. Особенно почитается на Руси с древнейших времен как один из первых святых славянского происхождения. *Лучи Софии* – сложный образ, восходящий к реалии храма Св. Софии (Премудрости Божией) в Константинополе, купол которого кажется парящим в воздухе, так как у его основания имеется 40 окон, образующих сияющее световое кольцо, и одновременно переключка с учением Владимира Соловьева о Софии. Стихотворение отсылает и к богатой иконографической традиции, не соотносясь напрямую ни с одним из известных изображений Димитрия Солунского. *Багрянец* – цвет багряных одеяний византийских императоров, являющийся только их прерогативой, синоним императорской власти для византийцев.

С. 80. *Молитва*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 33 об.

«*Мне хочется молиться о весне...*». Автограф – РГБ-22. Л. 3 об. Примечание автора: «Стих<отворен>ие, одобренное Черубиной; 2-я редакция, исправленная согласно ея указаниям». Список – в *Книге Архиппова* (Л. 26 об. – 27). Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 3 об. Тут разночтения: строка 8: И где в руках фиалковый букет. Предпоследняя строка – отсутствующая в списке Архиппова – «Как утренний ребенок в полусне». Впервые опубликовано: МГУ.

С. 81. *Tango*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 35 об. Слово «страх» во второй строке вписано вместо зачеркнутого «фрак». Второй автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 8–8 об. Разночтения: посвящение П.Г. Антокольскому; строка 1: В семейном зеркале явился образ милого; 2: Он был с пробором и затянут в модный страх; 3: И ей казалось: он Мадонну изнасиловал; 4: И спрятал статую в оранжевых цветах; 6: Сквозь плеск рояля и заржавленный экстаз. Третье четверостишие отчеркнуто. Имеется четвертое: «В семейном зеркале все длился образ грешника, / Но позади него стоял теперь скелет. / И безразлично – мальчик или девочка – / Но обреченному он сделает минет». Подпись: «Бертольд Вагус». О восприятии танго в русской культуре см.: *Тименчик Р.Д.* Приглашение на танго: поцелуй огня // *Тименчик Р.Д.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 617–631. Стихотворение ДУ красноречиво свидетельствует об «ореоле сексуальной смутительности» (с. 621), возникшем вокруг привнесенного в 1913 г. в Россию танца, однако корректирует одно предположение блестящей статьи ученого (о том, что глагол «тангировать» был неологизмом К.А. Большакова – Указ. соч. С. 621, 627).

С. 81. *«Настали дни: весна горит и плачет...»*. Автограф – РГБ-22. Л. 4. Примечание автора: «Стих<отворен>ие, одобренное Черубиной; 1914». Второй автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4. С вариантами в строках 5: А здесь невеста, увидав от боли; 6: Что между ней и мной лежат ключи –; 8: Но ей сцепили руки палачи; 13: Но в тишине приблизился Распятый; 14–17: В одежде белой. Голова в крови. / И на руках – любимые стигматы... / Теперь я понял: в алый час расплаты / Я буду распят на кресте любви. Список Архиппова (*Книга Архиппова*. Л. 25 об. – 26) полностью воспроизводит первый автограф.

С. 82. *Тоска*. Автограф – РГБ-22. Л. 1.

«Ave Maria! Святая война...». Автограф – РГБ-22. Л. 1.

С. 83. *На Страстной неделе (I–II)*. I. *«Ты в платье траурном, с одним пучком фиалок...»*. Автограф – РГБ-22. Л. 4. II. *«И снова в тишине растает снег свинцовый...»*. Автограф – РГБ-22. Л. 4. Второй автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4 об. Различия: строка 4: Закат, как шитый край святого ораля; 9 – Семь долгих скорбных дней. Иконы все темнеют; 10 – Мне снятся те псалмы, которые читал. В этом варианте стихотворение подписано «Димитрий Болконский» и имеет вторую часть, отчеркнутую от первой:

Мой искус завершен. Гранит и лед расколот.
Секунды в чашу лет упали тяжело,
И дланью Вечности дробит булатный молот,
Смирившейся души прозрачное стекло.
Застынет каждый стих в оковах из гранита.
А сердце – изумруд в оправе из льда –
Как некий Гелиос любовного зенита
Пройдет последний круг – и сгинет навсегда.

Оба стихотворения опубликованы в газете «Утро России» (1915. 18 марта. С. 4). Список Архиппова – *Книга Архиппова* (Л. 27). Различия: «руками белыми», «цветут в горах». После стихотворения помета Архиппова: «О<доб>рено», т.е. одобрено Черубиной.

«Твой путь далек. И камень межсезонной...». Автограф – РГБ-22. Л. 4. Эпиграф – из стихотворения Черубины де Чабриак «Г. фон Гюнтеру» («Дымом в сердце расстелился ладан...», 1909). Стихотворение, по-видимому, следует отнести к «черубининскому циклу»

С. 84. *«Меланхолия»*. Автограф – РГБ-22. Л. 1 об. Стихотворение представляет собой описание одной из самых знаменитых гравюр Альбрехта Дюрера (1471–1528) «Меланхолия» (1514). Возможно, замысел как-то связан с общением ДУ с А.А. Сидоровым (последнему принадлежит сонет «Святой Иероним. Гравюра Дюрера»

ра 1514 г.» (1910; ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 58. Ед. хр. 38. Л. 7) и приурочен к 400-летию гравюры Дюрера. В списке Архиппова (*Книга Архиппова*. Л. 30 об.) стихотворение названо «К гравюре Дюрера "Меланхолия"» и не имеет строфического деления.

С. 84. «*И ранним утром будет встреча...*». Автограф – РГБ-22. Л. 1 об. Над стихотворением надпись рукою Архиппова: Из цикла «Тайна июня».

С. 85. «*Глубокий взор неумолимо строг...*». Автограф – РГБ-22. Л. 2 об. Стихотворение, по-видимому, следует отнести к «черубининскому циклу».

С. 86. «*Заржавел темный клен и дикий виноград...*». Автограф – РГБ-22. Л. 1 об. Впервые опубликовано: МГУ.

В *Сочельник*. Печатается по газетной публикации: Утро России. 1915. № 353. Четверг, 24 дек. С. 3. Подпись: Д.У.

С. 87. *Перед грозой*. Автограф – РГБ-22. Л. 2 об. Впервые опубликовано: МГУ.

«*Звездный холод целует и режет...*». Автограф – РГБ-22. Л. 2. Эпиграф из стихотворения А.Н. Апухтина «В темную ночь непроглядную...». Строчка «Где побольше меж рамами ваты» заимствована из стихотворения А. Альвинга «Не спится»:

И теперь вот, под песню сверчка ты
помечтай о таком уголке –
где побольше меж рамами ваты,
хоть и тронулся лед на реке

(цит. по статье Е. Архиппова «Мелодия мучения» – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 16).

С. 88. 1. «*В складках мелкой драпировки...*». Автограф – РГБ-22. Л. 6. Опубликовано. в сборнике «Песни жатвы» (М., 1915. С. 18) как первое стихотворение неозаглавленного цикла. Републиковано: МГУ. В списке Архиппова (*Книга Архиппова*. Л. 29 об. – 30) отсутствует эпиграф; строка 1: В складках мягкой драпировки; 3: Сердце, в крепкой мышеловке. Эпиграф – сокращенная цитата из новеллы немецкого писателя Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776–1822) «Золотой горшок» (из «Вигилии четвертой»). В письме к Альвингу, редактору и издателю «Песен жатвы», ДУ писал: «Прилагаю при сем эпиграф, который прошу Вас поместить к обоим моим стихотворениям, предположенным к напечатанию в тетради Жатвы», но в сборнике он отнесен только к первому стихотворению. Здесь мы исправляем эту неточность. «С белым взглядом плуных глаз» – Ср. у В. Комаровского «И белых статуй страшен белый взгляд» («Музей», 1910).

С. 89. 2. «*Когда, в пасмурном глянце, плиты...*». Автограф не известен. Опубликовано в сборнике «Песни жатвы» (М., 1915. С. 19) как второе стихотворение неозаглавленного цикла.

С. 89. *Конпелиус*. Автограф – *Книга Архипова*. Л. 19. Датируется по соседству автографа с переводом из Метерлинка, опубликованным в 1915 г. Перевод эпиграфа: «Вокруг профессора становилось все темнее». Эпиграф представляет собой не цитату, а вольный пересказ одного из кульминационных эпизодов новеллы Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек», а именно фразы: «...als würd es hienieden beim Professor Spalanzani merklich finster...» («Меж тем Натанаэлю, хотя он пребывал в совсем ином мире, вдруг показалось, что в покоях профессора Спаланцани стало темнее; он огляделся и, к своему немалому испугу, увидел, что в пустом зале догорают и вот-вот погаснут две последние свечи». Пер. А. Морозова). *Конпелиус* – герой этой новеллы, вдохнувший жизнь в куклу-автомат Олимпию, созданную профессором Спаланцани. В эпизоде, ставшим источником эпиграфа, влюбившийся в Олимпию студент танцует с ней, веря, что она – живой человек.

С. 90. «*Когда в городе ходит покой...*». Автограф – РГБ-22. Л. 11 об. Список рукой Архипова – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 54 об., с пометой «Ян<варь> – май 1915»; второй список – там же. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 34 об. Здесь текст без строфического деления. В списке произведений ДУ, составленном Архиповым в 1921– 1922 гг. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 70–79), стихотворение имеет подзаголовок «Памяти Инн. Анненского». Впервые опубликовано: МГУ.

С. 91. *Арсению Альвингу*. Автограф в письме к Альвингу – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. 23. Л. 2 об. Эпиграф – из стихотворения Альвинга «Зачем» (1913) (опубликовано: *Русская поэзия серебряного века. 1890–1917*. Антология. М., 1993. С. 693). Поэт *Арсений Альвинг* (подробнее о нем – I, 18) жил в одном доме с ДУ на Арбате и был его «старшим товарищем». В организованном и издаваемом Альвингом альманахе «Жатва» напечатаны стихи и статьи юного ДУ. Сохранилось стихотворение Альвинга, посвященное ДУ:

НО ВДРУГ...

Д. С. У-ву

...Но вдруг не сбудется, и пятнами туман
Опять рассеется, поверженный в бессильи.
И выпрямится вновь полусогбенный стан
И напряженными почувствуются крылья?..

Обманам прошлого себя не обмануть,
А дым грядущего – волна пустых загадок,
Дарующих душе любимое «чуть-чуть»,
Огонь которого мучителен и сладок...

И мил вдвойне мне тот, кто ландыши весной
 Рукой любовною расправит и засушит,
 Чтоб их послать тому, кого одной тоской
 Весна нелепая и радует и душит.

Пойми меня умом и сердце приневожь
 Постичь весь ужас дней волнующих, но праздных...
 Быть может, им нужна твоя тупая боль
 В кошмаре этих стен, и злобных, и заразных.

Томит нас груз венца размеренных надежд,
 Хотя шипы его на взгляд как бы без терний;
 И вот нам не сомкнуть полууставших вежд,
 Слегка прищуренных на этот свет вечерний...

Я много брал цветов и много их бросал,
 Но, по возможности, почтительно и нежно.
 А рот мой, говорят, еще поныне ал,
 С его улыбкою внимательно-небрежной.

Пойми меня душой и сердце приневожь
 Всегда уметь стучать размеренно – не часто...
 И мало пищи взяв: всего лишь хлеб да соль –
 На каждом пиршестве безудержно участвуи!

1915

(РГАЛИ. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 22–22 об. Благодарим В. Резво-го, приславшего нам текст этого стихотворения).

С. 91. *Страстная пятница*. Автограф – РГБ-22. Л. 12 об. С авторской пометой: «Варианты к “Страстной Пятнице”. Окончательная редакция». Первоначальный вариант в письме к Альвингу <1915>. – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. 23. Л. 2 об. Разночтения: строка 1: Чаша сердца желчию полна; строки 9–12: А у врат, держа в деснице меч, / Пел Архангел об огне и крови / И стекали слезы с тонких свеч / Ставши воском на молитвослове. Та же редакция – в списке Архиппова (*Книга Архиппова*. Л. 28; здесь же приведены разночтения с «окончательной» редакцией). В «Списке произведений» ДУ, составленном Архипповым в 1921–1922 гг. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 70–79), первая строка: «Чаша сердца желчию полна».

С. 92. *На Пасхе*. Опубликовано: *Проталинка*. 1915. IV. С. 218. Список – в *Книге Архиппова* (Л. 27 об.); другой список (тоже рукой Архиппова, с точкой вместо многоточия в пятой строке) – без названия, но с уточнением, что было опубликовано с рисунком М. Яковлева, – РГБ-22. Л. 33.

С. 92. Памяти И.Ф. Анненского. Автограф – РГБ-22. Л. 11 об. Второй автограф – *Книга Архиппова*. Л. 33. Эпиграф – из стихотворения И.Ф. Анненского «Ледяная тюрьма».

С. 93. «Шара земного круженье...». Автограф – *Книга Архиппова*. Л. 15–15 об. Эпиграф – из стихотворения И.Ф. Анненского «Снег».

Всех скорбящих. Автограф – *Книга Архиппова*. Л. 15 об.

С. 94. Непокойная ночь. Автограф – РГБ-22. Л. 12 об. Впервые с ошибкой («прошла» вместо «пришла» во второй строфе) опубликовано: МГУ.

Складень (I–II). Автограф – РГБ-22. Л. 11. *Складень* – стихотворный диптих. Цикл, состоящий из двух стихотворений. Жанр, «изобретенный» И.Ф. Анненским. В списке Архиппова (*Книга Архиппова*. Л. 32), первое и второе стихотворения поменялись местами. *Vae victis* – горе побежденным (*лат.*). *Sursum corda* – выше голову (*лат.*). *Una* – героиня рассказа Э. По «Беседа Моноса и Унь», воскресшая после смерти и встретившаяся со своим также умершим и воскресшим возлюбленным. В рассказе ей сопутствует эпитет «луцезарная». Композиция сонета двухчастна: первую часть – о том, что «здесь», т.е. в мире людей, на земле, отделяет от второй – «там», в потустороннем мире, где человек оказывается после смерти, слова, стоящие почти в центре сонета: «но грань переидена». Последнее предложение стихотворения стало эпиграфом к главе «Круги» статьи Е.Я. Архиппова о Черубине де Габриах «Корона и ветвь» в составленном им собрании ее стихотворений (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 102. Л. 14). Эта статья посвящена ДУ.

С. 96. На Рождество. Автограф неизвестен. Печатается по газетной публикации: *Московские Ведомости*. 1916. 25 дек. (7 янв.). № 297. С. 1. Подпись: Сирин. Основание для атрибуции ДУ: запись в его автобиографии.

С. 97. Новый год. Автограф неизвестен. Печатается по: *Московские Ведомости*. 1916. 1 (14) янв. № 1. С. 2. Подпись: Сирин. Основание для атрибуции ДУ: запись в его автобиографии.

С. 98. Беспокойные соседи. Автограф неизвестен. Печатается по: Проталинка. 1916. № 1. С. 70. Подпись: Тик-так. Основание для атрибуции ДУ: запись в его автобиографии.

«Таить в себе, как драгоценность, слезы...». Автограф – РГБ-22. Л. 13–13 об.

С. 99. «Перед дачей просохла дорога...». Автограф – РГБ-22. Л. 2 об.

С. 100. Мой август. Автограф – РГБ-22. Л. 12. Эпиграф из стихотворения И.Ф. Анненского «Август» подчеркивает диалогичность названия.

Баллада. Стихотворение приложено к письму к Н.С. Архипповой 1916 г. (см. II, 36–39). *Жан Мореас* (1856–1910) – французский поэт. Опубликовав в 1886 г. «Манифест символизма», Мореас

впервые в европейской культуре дал имя зарождающемуся литературно-художественному течению. Эпиграф – цитата из его стихотворения «Le dit d'un chevalier qui se souvient» (из цикла «Le Pèlerin passionné» («Страстный пилигрим»), вошедшего в сборник «Poèmes et sylves, 1886–1896»). Перевод: «Воспамятование идет бездельно. / Игра забавна!» (фр.).

С. 101. *Дон-Кихот*. Автограф неизвестен. Печатается по: Проталинка. 1916. Кн. 5. С. 260–262.

С. 102. *«Год обошел, вернулись святки...»*. Автограф – РГБ-22. Л. 13. О Челпановой см. I, 23. Стихотворение отсылает к некоторым публикациям ДУ из «Проталинки»: «Мы любим сказки и загадки» – составленный им сборник «Загадки русского народа» (Приложение к журналу «Проталинка», 1916); «И Дон-Кихота на коне» – баллада «Дон-Кихот» (1915. № 5. С. 260–262); «Восток, узорный, как змея» – ДУ пересказал некоторые восточные (в основном, японские) сказки (1915. № 8. С. 506–507; 1916. № 1. С. 68–69. № 2. С. 115–119. № 8. С. 443–449); «Дворец принцессы Акварели / (Ты видела его, как я...)» – сказка «Принцесса Акварель» (№ 9. С. 534–542, с рис. Челпановой); «Ты поняла: здесь снова дядя, / Который Рождество принес» – стихотворение «Рождественский дядя» (1915. № 12. С. 719–720, с рис. Челпановой). «И Феи Девяти Фонтанов / Секрет, рассказанный во сне» – в «Проталинке» такого материала мы не нашли. Возможно, имеется в виду Фонтан сказок в парке Фридрихсхайн в Берлине, открытие которого состоялось в 1913 г. Водный бассейн главной части ансамбля построен в виде четырех плоских каскадных ступеней с одним большим и девятью малыми фонтанами. Менее вероятна связь со стихотворением В.Я. Брюсова «Фея фонтанов» (1898). *Фригийских пастухов свирели...* – Фригия – область Малой Азии. Семь приложенных друг к другу тростниковых дудок (свирелей) фригийских пастухов составляли «семиствольную цевницу» – символ песенного дара.

С. 104. *«Спи, мой милый, спи, мой давний...»*. Автограф – РГБ-22. Л. 10 об. Эпиграф – из стихотворения французского романтика Альфонса де Ламартина (1790–1869) «Souvenir», перевод: «Когда я сплю, ты бодрствуешь в тени». К строчке «До моих седых волос» примечание ДУ: «Var<i>iante</i>: От первин до поздних роз». Впервые опубликовано: МГУ.

С. 105. *«Еще и первых почек нет...»*. Автограф – РГБ-22. Л. 15. Спик – в *Книге Архипова* (Л. 28 об. – 29).

С. 106. *Железноводск*. Автограф – РГБ-22. Л. 15 об.

Зной. Автограф – РГБ-22. Л. 10. Первая строка интонационно копирует строку «Сочинил ли нас царский указ?» из стихотворения И.Ф. Анненского «Петербург», где за ней также следует второе вопросительное предложение.

С. 107. *Три одиноких*. Автограф – РГБ-22. Л. 14. Еще один список рукою Архиппова: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 71 об. – 72 (здесь «30 ноября 1919» вынесено как заголовок, а под стихотворением написано «Три одиноких»), другой – в *Книге Архиппова* (Л. 33 об. – 34; здесь отсутствуют кавычки в 8-й строке). Стихотворение написано в десятилетнюю годовщину смерти И.Ф. Анненского, 30 ноября 1919 г., поэтому одним из героев стихотворения становится хризантема (как и у Ахматовой в «Подражании И.Ф. Анненскому» (1911) – «цветы голубых хризантем»), с сопутствующими ей мотивами тления, смерти. Ср. у Анненского: «И казалось мне, что нежной / Хризантема головой / Припадает безнадежно / К яркой крышке гробовой... // И что два ее свитые / Лепестка на сходнях дроз – / Это кольца золотые / Ею сброшенных серег» («Хризантема»); «Но лишь в белом венце хризантем, / Перед первой угрозой забвенья, / Этих вэ, этих зэ, этих эм / Различить я сумел дуновенья» («Невозможно»). Стихотворение наполнено и другими, характернейшими для Анненского, словами-мотивами: «часы», «сердце», «отрава». В каталоге РГАЛИ ошибочно датировано 1917 г.

С. 108. *Сирень на асфальте*. Автограф – РГБ-22. Л. 14 об. Ср. стихотворение Анненского «Сирень на камне». Это стихотворение стало названием неосуществившегося проекта ДУ и Архиппова: так, видимо, должно было называться организуемое ими издательство или общество, посвященное изучению наследия И.Ф. Анненского. Ср. в письме к Архиппову (февраль 1924 г.): «Отказ от участия в ред<акционном> комитете “Кифары” с моей стороны был бы невозможен – ведь эта затея могла бы стать реализацией нашей старинной мечты о “Сирени на камне”» (см. II, 208). Датируется 1919 г. по соседству на одном листе со стихотворением «Три одиноких».

«Если можешь – не жди и не думай...». Автограф – РГБ-22. Л. 9. На автографе надпись рукой Архиппова: «После 19-го», т.е. стихотворение написано после 1919 г. Эпиграф – из стихотворения А. Блока «Было то в темных Карпатах...» (1913).

С. 109. *Любимые поэты* (I–XV). Автограф – ОР ИРЛИ. Ф. 773 (М.А. Зенкевича) в письме к Зенкевичу от 10 февраля 1922 г. По этому источнику венок опубликован в работе: *Нешумова-2010*. Первой публикацией следует считать вариант, находящийся в машинописном журнале «Гермес» (1924. № 4. С. 53–67). В настоящем издании текст венка воспроизводится по экземпляру журнала «Гермес» из личного архива М.Б. Горнунга. Сонет, посвященный Черубине де Габриак, был частично процитирован в статье: «Из мира я должна уйти неразгаданной...». Письма Е.И. Дмитриевой (Васильевой) М.А. Волошину (публ. В.П. Купченко) // *Русская литература*. 1996. № 1. С. 211. Полностью он опубликован в работе: *Нешумова-2005*. Сонет, посвященный Данте, опубл.: *Степанова*,

Левинтон. С. 521–522. В перечне русских венков сонетов, составленном Е.Я. Архипповым, читаем: «Любимые поэты. Кто первый отрока пленил из вас? / То был сказатель Дании печальной. (Начат 2 ноября, окончен 23 декабря 1921 н.ст. Рукописное издание в количестве 10 именных экз. Обложка Е.А. Костроминой (первой жены ДУ – Т.Н.). Шрифт автора. Отдельные сонеты посвящены: Андерсену – Мёрике – Эдгару По – Гоффману – Данте, Рильке – Стерну – Ренье – Жамму – Вл. Соловьеву – Инн. Анненскому – Раблэ – Черубине де Габриак – Шекспиру. Посвящен Евгению Архиппову. Магистрал: – Кто первый отрока пленил из вас? / Кто юноше давал часы услады? – помещен 15-м» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 73 об. – 74). Возможным источником замысла венка сонетов ДУ мог послужить венок сонетов В.Я. Брюсова «Роковой ряд» (где ряд составил из имен возлюбленных), напечатанный в сборнике «Скрижаль» (1918).

С. 109. I. «Кто первый отрока пленил из вас?..». В автографе строка 4: И с чистым взором утомленных глаз; 2-й катрен:

Он мне рассказывал в вечерний час
О лебедях на глади вод зеркальной,
О елке с золотой звездой сусальной
И о русалках, любящих лишь раз.

Упомянуты сказки Андерсена: «Маленький Клаус и большой Клаус», «Ель», «Дикие лебеди», «Свинопас».

В письме от 29 июня 1939 г. к Л.В. Горнунгу А.Г. Усова писала из ссылки, что ДУ «страшно хочется иметь сказки Андерсена в изд. "Academia" и затем книгу Куна "Что рассказывали древние греки о своих богах и героях" (она была переиздана в 1937 г.)» (РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 4).

С. 110. II. «Кто юноше давал часы услады?..». В автографе строки 5–6: Я вижу: он идет дорожкой сада, / Спускающейся к солнечной реке; строка 11: От времени им не было пощады... *Kamyll* Гай Валерий (ок. 84 – ок. 54 до н.э.) – римский поэт. *Herr Paster Mbrike*. – Мёрике Эдуард (1804–1875) – немецкий поэт, прозаик, переводчик... *край Орплид*... – Придуманная Мёрике в романе «Художник Нольтен» (1832) райская земля.

III. «И, к чаше грезы примешавши яда...». *От Эшеров не сыщешь и следа / И не пройти подвалами туда, / Где замуровано Амонтильядо*... – Имеются в виду рассказы *Эдгара Алана По* (1809–1849) «Падение дома Ашеров» и «Бочонок амонтильядо». *Амонтильядо* – сорт итальянского вина. В автографе разночтения: строка 11: Вдруг оживут...; строки 12–13: Того творца, чей снова пробил час, / Кто странными и точными словами.

С. III. IV. «Об ужасе поведал в первый раз...». В автографе: строка 8: Кто будет околпачен этот раз? Альвинг, в портрете ДУ,

написанном, по-видимому, для Архиппова, подчеркивал увлечение 19-летнего ДУ Гофманом (см. I, 20). В 1922 г. ДУ написал статью «Памяти Т.А. Гофмана» (по случаю 100-летия со дня рождения) (Коммунист. Астрахань. № 212. 21 сент.).

С. III. V. «*Кто раскрывал пути и тайны Ада?...*». Второй автограф этого стихотворения – РГАЛИ. Ф. 341 (Е.Ф. Никитиной). Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 1 об. С пометой – 1926 – датой получения Никитиной от ДУ этого автографа. Разночтения во втором автографе: строка 2: Пред кем отверзлись; строки 11–12: Твоих терцин безжалостный рассказ / Понятен будет в самой полной мере.

VI. «*А в напоенный жизнью поздний час...*». «Часослов» (в других переводах: «Книга часов» – *Stunden-Buch*, 1905) – сборник стихов Р.М. Рильке.

С. 112. VII. «*Над чьею книгой не сомкну я глаз?...*». В автографе: 2-й катрен:

На свет явившись в неудачный час,
Вы жили не особенно почтенно,
Опаздывая всюду неизменно,
Так и не кончили Вы свой рассказ.

VIII. «*Когда уж будет ничего не надо...*». В автографе строки 7 и 8 без скобок. Анри де Ренье (1864–1936) – французский поэт и прозаик, «самый французский из всех французских писателей» (Б. Эйхенбаум). Ренье много переводился в России, среди его переводчиков – М.А. Волошин, В.Я. Брюсов, И.Г. Эренбург, М.А. Кузмин, Ф. Сологуб. 25 июня 1948 г. А.В. Звенигородский писал Е.Я. Архиппову: «Сонет Усова о Ренье прекрасен. Я перечитывал его несколько раз» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 30).

С. 113. IX. «*В большом венке поэтов всех веков...*». Франсис Жамм (1868–1938) – французский поэт. В России его «Стихи и проза» вышли в 1913 г. в переводе И. Эренбурга, который, сблизившись с Жаммом, «под его влиянием намеревался перейти в католичество и поступить в монастырь» ([Усов Д.] Эренбург // Писатели современной эпохи. М., 1992. С. 273). Ср. сходные предпочтения (Ренье и Жамм) Вс. Рождественского, в которых он признавался в письме Е.Я. Архиппову от 17 апреля [1932 г.]: «Из французов влекут меня теперь двое – столь не похожие друг на друга: Ренье и Жамм. У одного учусь ясности, точности, скупости, суровой неприязни всего легкого и общедоступного – другой пленяет меня мудростью и простотой своего слова, согретой великой любовью ко всему видимому миру, не разбитому на эстетические и моральные категории» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 74).

С. 114. XI. «*Сиреневых, и розовых, и черных...*». Анненский – один из главных поэтов для ДУ. Поэтику Анненского имитирует ряд

его юношеских стихотворений в 1918 г. ДУ откликнулся рецензией на книгу «Театр Еврипида в пер. И. Анненского под ред Ф. Зелинского. Том II» (газета «Понедельник» (от 2 (15) апреля 1918 г.), завязал (сначала эпистолярное) знакомство с сыном Анненского В.И. Криви-чем, которого много лет убеждал передать архив отца в руки специали-стов; в 1924 г. стал одним из лидеров организованного Арс. Аль-вингом кружка «памяти И.Ф. Анненского» «Кифара» (см. о нем: *Тименчик Р.Д.* Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х го-дов // *Reading in Russian Modernism. To Honor Vladimir Feodorovich Markov.* Edited by Ronald Vroon, John E. Malmstad. M., 1993. С. 342.); после разгрома ГАХН беспокоился о судьбе переданной в 1927 г. в Академию библиотеки поэта (о ней ДУ совместно с библиотекарем ГАХН Н.И. Пожарским делал специальный доклад в Академии и в московском Обществе друзей книги), мечтал о научном издании его стихотворений, но не смог осуществить мечту из-за ареста, в результате – не без влияния ДУ – эту работу выполнил его друг – филолог и переводчик А.В. Федоров.

С. 114. XII. «*Чарующий, как юношеский смех...*». Разночтения в автографе: строки 4–5: Сказав, что славно пить и есть – не грех. / О, сколько глупых ты нашел прорех.

С. 115. XIII. «*Глухих, как Смерть, крылатых и узорных...*». Сти-хотворение посвящено Черубине де Габриах. Статья Д. Щербин-ского (псевдоним Е.Я. Архиппова) «Корона и ветвь» о Черубине де Габриах в составленном им «Сборнике стихотворений Черубины де Габриах» (1928) посвящена ДУ. Сонет ДУ включен в данный сбор-ник среди стихотворений, обращенных к Черубине Л. Брюлловой, М. Волошиным и др. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 326). ...и Мадрид, и тихий Дорнах. – В Петербургском университете Е.И. Дмитриева слушала лекции по испанской литературе, многие мотивы ее стихотворений, написанных от имени Черубины де Габ-риах, связаны с Испанией. Дорнах – центр антропософской мысли в Швейцарии, где Е.И. Васильева, ставшая впоследствии гарантом ан-тропософского общества в России, слушала лекции Р. Штайнера.

XIV. «*Я не могу найти, кто выше всех...*». ...с Гамлетом, Виолой и Оливой... / Офелию с ее плакучей ивой / И Порцию... – перечисле-ны герои пьес Шекспира «Гамлет», «Двенадцатая ночь, или что угод-но» (Виола и Оливия), «Венецианский купец» (Порция).

С. 116. За чертой изгнания (I–VIII). Автограф – РГБ-22. Л. 16–19. Здесь цикл озаглавлен: «Стихотворения 1922-го года». Вто-рые автографы стихотворений 1,4,5 – РГАЛИ. Ф. 553. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 2–4 (приложение к письму В.Е. Чешихину). Здесь ну-мерация цикла такая: 1. «Душа, замкнутая давно...»; 2. «Прохо-дит день, холодный и пустой...», 3. «Здесь было море. Здесь зеле-ная волна...». Небольшие изменения в пунктуации: «Проходит день, холодный и пустой...», в лексическом строе: «Хлеб долька-

ми, печеная айва...», «И глядя в замутневшее окно —», «Край Каина — на нем проклятье Божье», «И воют, и кричат от затаенной боли»;». Два стихотворения цикла («Дома без возраста...» и «Здесь было море...») опубликованы как единый текст под названием «Астрахань»: Коммунист (Орган Астрахан. Губисполкома и Губерн. Комитета РКП). 1922. № 152 (1149). 11 июля. С. 2. Подпись: Д. У. Разночтения: Строка «Край Каина — на нем легло проклятье Божье» заменена на: «Минувшее на вымысел похоже»; «Вороний грай» — «Да грай ворон»; «Потаенной боли» — «Затаенной».

Мы стали проще, злее и бессильней... — Ср. в стихотворении Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю...» (июль 1922): «Но в мире нет людей бесслезней, / Надменнее и проще нас». Е. А. Костромина — первая жена ДУ. Оаз — оазис. На месте пунктира в последнем стихотворении было четверостишие, выброшенное ДУ, но посланное им с указанием об этом Архиппову: «Там, где стоит - - - (между 2-м и 3-м купл<етом>) был еще куплет, мною выброшенный:

У Волги плещет голубой расплав
Она, спокойно корабли качая,
Разносит груз тяжелый урожая,
Пока струю не свяжет ледостав».

С. 121. <VIII>. *На колокольне*. Автограф — РГБ-22. Л. 23 об. Примечание автора: «из цикла: «За чертою изгнания». *Пиранези* — Пиранези Джованни Баттиста (1720—1778) — итальянский гравер и архитектор, автор цикла гравюр «Тюрьмы» (ок. 1745—1750, 1760—1761).

С. 122. *Пожарные ночью*. Автограф — РГБ-22. Л. 22. Впервые опубликовано: МГУ.

У родового ложа. Автограф — РГБ-22. Л. 20—21. Стихотворение вызвано реакцией ДУ на рождение дочери, которое произошло 22 февраля 1923 г. См. об этом его письмо Архиппову от 26 февраля 1923 г. (II, 130). ...запечатленный ключ исторгий у скалы... — Ис. 17. ...Моря Чермного раздвинувший валы!.. — Ис. 14.

С. 123. *«Весь дождик выпила земля...»*. Автограф — РГБ-22. Л. 22 об. — 23. Впервые опубликовано: МГУ. Стихотворение написано, по-видимому, во время последней астраханской весны 1923 г., когда ДУ принимал решение о возвращении в Москву или отъезде (эмиграции) («И вновь, и вновь чертит мечта / Маршруты странствий небывалых») — а значит, более основательном расставании с женой, уже наметившимся весной 1923 г. после рождения дочери. Отсюда, наверное, строки: «О не сжигать бы корабля, / О если б все осталось быльио!». «Небывалые странствия» — это еще и кажущийся фантастическим план в одном из недатированных писем к Архиппову (предположительно 1923 г.): «Еще одна — невозможная мечта. Мне

представляется возможность уехать по крайней мере на весну и на лето через Швецию – в Ниццу или куда-нибудь на Ривьеру. Это еще не решено... но как это обаятельно. Быть может, мне удастся правдой или неправдой, попасть в мой милый Мюнхен или Нюрнберг. <Но ведь это будет бегство?>» (II, 66).

С. 124. *В абрикосовом раю*. Автограф – РГБ-22. Л. 25–25 об. Примечание Архиппова: «в письме к Е. А. <рхиппову> от 28.X.1923». Стихотворение написано, по-видимому, в начале лета 1923 г., еще в Астрахани. *Ильменями* в Астрахани называют пресные озера, образовавшиеся от широкого разлива рек. *Чигирь* – местное, астраханское, название водоподъемных снарядов для поливки садов, виноградников, бахчей, баштанов. Рождественский в письме к ДУ 8 октября 1927 г. заметил об этом стихотворении: «Очень Ваше» (Архив Торбин).

С. 126. *«Ты свету рождена не нужной и не лишней...»*. Автограф – РГБ-22. Л. 24–24 об. Стихотворение обращено к первой жене ДУ – Е.А. Усовой (урожд. Костроминой). ...древний Нижний. – Нижний Новгород. *Когда на Рождество ни крошки не осталось...* – «5 раз встречал я Рождество не в Москве: Рождество 1918-го, 19-го, 20-го, 21-го и 22-го года. Из них Рождество 1918-го года было особенно пустым и голодным» (из письма к Архиппову от 6 января 1924 г. См.: II, 203). Стихотворение написано, вероятно, осенью 1923 г., после отъезда ДУ в Москву, когда он не мог не думать о роли, которую сыграл в судьбе своей первой жены. Примечание Архиппова: «в письме от 10 ноября 1923 года к Е. А. <рхиппову>». Эпиграф – неточно процитированные первые строки стихотворения Есенина «Ты такая ж простая, как все...» (1923). Рождественский писал о стихотворении ДУ: «Это хороший русский Жамм» (письмо к ДУ 8 октября 1927 г. – Архив Торбин).

С. 127. *«Как выжили – как измельчали мы!..»*. Автограф – РГБ-22. Л. 26. В письме к Архиппову ДУ писал об этом стихотворении: «Это (я настаиваю, хотя некоторые это отвергают) точная передача ноябрьской Москвы. Звон колоколов сквозь автомобили, освещенные витрины и нерусскую, не нашу толпу. Отчужденный и неуверительный звон» (от 6 января 1924 г. – II, 201). *А там...* – в Астрахани. Эпиграф из стихотворения А. Ахматовой «Там тень моя осталась и тоскует...» (1917).

С. 128. *Баллада о езде туда и обратно*. Авторизованная машинопись, где рукой ДУ вписано слово «далекое» в предпоследней строфе – ОР ИРЛИ. Р. I. Оп. 4. № 257. Л. 1–6. Впервые опубликовано: *Нешумова*-2010. А.В. Звенигородский в письме к ДУ от 24 апреля 1924 г. писал, что баллада «очаровательна. В ней разлита большая красота и тайная магия».

С. 137. *«Что же было? Что переменялось?..»*. Автограф – РГБ-22. Л. 26 об. Перевод эпиграфа: «И ничего не переменялось с вечера, когда их души сказали себе правду» (нем.). Источник эпи-

графа – стихотворение Ф. Шанц в кн.: *Moderne deutsche lyrik. Ältere Generation (1880–1914). Anthologie*, Leipzig (Reclam) 1924. P. 327 – 328. *Фрида Шанц* (Schanz-Soyaux, 1859–1944) – немецкая писательница, автор стихов и прозы.

С. 137. *Московская весна*. Автограф – РГБ-22. Л. 27–28. Впервые опубликовано: МГУ. ...*уход седьмой зимы...* – седьмой после Октябрьской революции 1917 г.

С. 138. *«Под ногами крепкий отзвук шага...»*. Автограф – РГБ-22. Л. 29.

С. 139. *«Как тугоплавок ямб и как он труден!...»*. Автограф – РГБ-22. Л. 30. *Окончился затмением Луны...* – Полные лунные затмения в 1924 г. наблюдались 20 февраля и 14 августа.

Останкинский дворец. Автограф – РГБ-22. Л. 34. Список рукой Архиппова: *Книга Архиппова*. Л. 35. Здесь без строфического деления. Останкинский дворец (1792–1798; архитекторы: Кампозези, Старов, Бренна) – шедевр русского классицизма в подмосковной усадьбе Н.П. Шереметева в Останкине. Парадный двор Останкинского дворца украшает статуя *Аполлона*. *Шереметев Николай Петрович* (1751–1809) – князь, покровитель искусств. *Амор* (Амур) – скульптурное украшение интерьера дворца. Датировка стихотворения по упоминанию о нем в письме Архиппову от 14 декабря 1924 г. «ОСТАНКИНСКИЙ ДВОРЕЦ ШЕРЕМЕТЕВА – ВИЖУ. Косой квадрат тоже. Есть что-то неладное в ритмическом рисунке последней строки. Не ослабляет ли ее синтаксическая це-зура?» – писал Вс. А. Рождественский в письме к ДУ от 6 октября 1926 г. – Архив Торбин). Стихотворение ДУ не имеет переключек с написанным в том же, 1924 г., стихотворением В.Ф. Ходасевича «Перед зеркалом», с его строками «Разве мальчик в Останкине ле- том, танцевавший на дачных балах». Рождественский, написавший о стихотворении «В абрикосовом раю» – «Очень Ваше», об этом сти- хотворении заметил: «Тоже очень «Ваше»» (письмо к ДУ 8 октября 1927 г. Архив Торбин).

С. 140. *«Смерть века. Холод бронзы. Шум парчи...»*. Автограф – *Книга Архиппова*. Л. 36. О Р.М. Хин см. I, 32. В письме к Архиппову от 22 декабря 1928 г. ДУ писал о ней: «...старая писательница тургенев- ской школы, друг Владимира Соловьева, Кони, Стороженко и Воло- шина» (см. II, 529). Эпиграф – неточная цитата из стихотворения М.А. Волошина, посвященного Хин, «Я мысленно вхожу в Ваш ка- бинет...» (1913). Правильно: «Угасшие огни».

«Они черней черновика...». Автограф – РГБ-22. Л. 35. Датиру- ется по соседству на листке со стихотворением «Глухая ночь...». *Gratus ad Parnassum* – ступень к Парнасу (лат.).

С. 141. *Воспоминания*. Автограф – РГБ-22. Л. 35 об. Датирует- ся по соседству на листке со стихотворением «Глухая ночь...». ...*«цветок засохший, безуханный»*... – Цитата из стихотворения

А.С. Пушкина «Цветок». ...*расписание поездов*... – Ср. стихотворение «Сестра моя жизнь» Б.Л. Пастернака. Вс. Рождественский в молодости знал наизусть это стихотворение Усова (называя его «Воспоминание») – письмо к ДУ 8 октября 1927 г. (Архив Торбин).

С. 141. «Глухая ночь. Трамвай едва плетется...». Автограф – РГБ-22. Л. 36. Впервые опубликовано: Ново-Басманная, 19. С. 79–80. Републиковано: МГУ. *На диво слаженный возок уездный / Провинциалку Таню влек в Москву...* – Отсылка к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». *Рыдван* – большая дорожная карета. Об этом стихотворении писал Вс. Рождественский к ДУ в письме от 6 октября 1926 г.: «“ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ТАНЯ” одно из лучших Ваших стихотворений. Мне не понравилось “Мороз полезный”. Это как-то вылегает <так! – Т.Н.> углом – быть может, оттого, что эпитет здесь слово из другого словаря. Остальное очень верно – особенно головы соседей, “вдавленная листва”, “заспанный рыдван” – и даже перевернутая страница» (Архив Торбин).

С. 142. *Немецкий роман*. Автограф – РГБ-22. Л. 44–45. Второй автограф – ОР ГЛМ. Ф. 397. Оп. 2. Д. 490. Л. 1 об. С эпиграфом из стихотворения Б.В. Горнунга, посвященного ДУ, «Я позабыл, увы, Зюлейка иль Гюльнара...» (март 1924 г.): «Домой! Лакло, Ренье и Западный Диван». Стихотворение Горнунга см. в его книге: Поход времени. Стихи и переводы. М., 2001. С. 66–67. Таким образом, стихотворение ДУ является ответной репликой на посвящение Горнунга. Разночтения (незначительные, в пунктуации): «добрый брат» – в 4-й строфе, «верного прихода» – в 5-й; строка 3 в 6-й строфе: «Живей, перо, следи момент:»; «раскроет тайну», «рейнвейна» – в 8-й строфе; «И, рай...». *Vorgeshichte* (нем.) – предыстория, пролог. *Kapitel eins, Kapitel zwei...* – глава первая, глава вторая (нем.). *Флорестан, Эззебий* – персонажи, вымышленные Шуманом, члены придуманного «Давидова братства», куда композитор включил Моцарта, Паганини, Шопена, а также свою жену Клару Вик. Постоянно спорящие между собой Флорестан и Эззебий как бы две половины личности Шумана, их имена использовались композитором и как псевдонимы. *Fräulein* – девушка (нем.). *Herr Notar* – господин нотариус (нем.). *Бювар* – папка для писчей и промокательной бумаги, конвертов. *Скрыня* – сундук. *Рейнвайн* – рейнвейн, немецкое вино. Рождественский писал ДУ 8 октября 1927 г.: «Это пленительно, хотя и безбожный Мандельштам» (Архив Торбин).

С. 143. *Портовая песенка*. Автограф – РГБ-22. Л. 37 об. Впервые опубликовано: МГУ. Это – ответ на стихотворение Вс. А. Рождественского (1895–1977) «Звонкий день в лиловых пальцах», которое и послужило источником эпиграфа. Оно напечатано с посвящением «Дм. С. Усову» в кн.: *Рождественский Вс.* Большая медве-

дица. Л.: Academia, 1926. С. 31 (в последующих изданиях посвящение снято):

Звонкий день в лиловых пальцах
Алым шелком перевит,
И хрустит в апрельских пальцах
Льда прозрачного бисквит.

Сумасшедшая погода!
Снова сердце мне обжег
Ладожского ледохода
Лебединый холодок.

Город пламенный и первый,
Строгий пестун Октября,
На копье твоей Минервы
Путеводная заря.

Пахнут здесь Петровы стружки,
И над Мойкой поворот,
Где любил повеса Пушкин
Первым встретить ледоход.

Оттого в апреле чаша
С мудрым пуншем горячей,
Оттого и сердце наше –
Легкомысленный хорей.

Галерная – улица в Петербурге. «В Питербурге-городке»... – Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Пир Петра Первого», литературного источника стихотворений ДУ и Рождественского.

С. 144. «*Мураново*» *Баратынского*. Автограф – РГБ-22. Л. 38–39. На нем приписано рукой Архиппова (?) посвящение: Евгению Архиппову. Второй автограф – в фонде Г.И. Чулкова, знакомого ДУ еще по «Жатве» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 420). *Мураново* – усадьба Дмитровского уезда Московской губернии, в которой жили Е.А. Баратынский, а впоследствии Ф.И. Тютчев. Стихотворение было написано к открытию в Муранове выставки, приуроченной к 125-летию Баратынского. См. об этом в письме к Архиппову от 15 июля 1925 г.: «Я, вместо того, чтобы произносить “приветствие”, решил прочесть стихотворение, написанное вообще к Муранову, но в частности оказавшееся очень применимым ко дню открытия Выставки. Я прилагаю его при этом письме. Оно совершенно преднамеренно выдержано в тонах Евгения Абрамовича. Мне жаль, что я не могу посвятить его Вам» (см. II, 331). *Мара* – имение Баратынских в Тамбовской губернии, место рождения поэта, здесь он подолгу жил

(до 1833 г.). В годы революции и Гражданской войны усадьба подверглась разрушению. ...*для строительных забот / Его рукой отвергнутые струны...* – Дом в Муранове Баратынский построил по собственному проекту; погружение в хозяйственные заботы совпало с резким уменьшением объема написанного в стихах: в сборник «Сумерки», созданный в 1834–1841 гг., вошло всего 26 стихотворений. ...*лес его...* – Ср. стихотворение Баратынского «На посев леса» (к строкам из него «отвергнул струны я», «благословен святое возвестивший» отсылает стихотворение ДУ). В письме от 6.10.1926 г. Вс. Рождественский писал ДУ: «МУРАНОВУ – твердая линия мысли прекрасно соответствует теме. И вообще все стихи в ключе Баратынского. Так, конечно, и надо было их вести» (Архив Торбин).

С. 145. Три стихотворения (I–III).

I. Петербург. Автограф – ОР ГЛМ. Ф. 397. Оп. 2. Д. 490 (листы из альбома Л.В. Горнунга). Л. 1. Дата под стихотворением позволяет датировать и весь цикл. Второй автограф – РГБ-22. Л. 40–40 об. Впервые опубликовано: Ново-Басманная, 19. С. 80, вошло в кн.: Поэзия 1920-х годов. М., 2000. С. 548. Републиковано: МГУ. Эпиграф из стихотворения Ахматовой «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» (1915). *Ангел видит ширь воды...* – Ангел на Александровской колонне на Дворцовой площади в Петербурге. У *Двенадцати Коллегий...* – Здание Двенадцати коллегий возведено по проекту Д. Трезини на Васильевском острове в 1722–1742 гг. Предназначалось для размещения Сената, Синода и коллегий. В XIX в. здание было передано учебным заведениям: Педагогическому институту, а затем Петербургскому университету.

С. 146. II. Ночь на Мойке. Автограф – РГБ-22. Л. 41–42. Эпиграф из стихотворения Е.И. Васильевой (Черубины де Габриак) «Памяти Анатолия Гранта» (1921), посвященного памяти расстрелянного Н.С. Гумилева. *В том городе, где Рок грозил порфире...* – Ср. «Порфиринозная вдова» о Москве у Пушкина. Одновременная отсылка к убийству Павла I и Александра II, декабристскому восстанию. Ср. замечание ДУ в письме к Архиппову от 12. IV. 1925 г.: «Из мест, которые я особенно выделил бы в самом Петербурге, назову: арку Ламотта (17) (т<ак> наз<ываемый> порт “Новая Голландия”) – указание Ч<ерубины> де Г<абриак> и ее предпочтение; т<ак> наз<ываемый> “Зимний канал” у “Зимнего Дворца” (“канавка из Пиковой Дамы”); Марсово Поле и решетку Летнего Сада; всю Неву от Зимнего Дворца до Николаевского Моста» (см. II, 300). ...*чаши на державном пире...* – Ср. в позднейших стихотворениях Мандельштама «с миром державным...» (1931) и «чаши на пире Отцов» (1931, 1935). ...*петербургский Ponte dei Sospiri!* (um.) – Мост вздохов (в Венеции), в стихотворении Васильевой упомянут петербургский Николаевский мост. *Последний пешеход...* – Одновременная отсылка к «Медному всаднику» Пушкина и «Пешеходу» и «Пе-

тербургским строфам» Мандельштама (также посвященным Гумилеву). *Образ Лизы*. – Мерцающая ассоциация: отсылка одновременно и к героине пушкинской «Пиковой дамы», и к автору стихотворения, из которого взят эпиграф, – Елизавете Васильевой. Строка «И легкий шум несущейся коляски» – отражение пролетевшего в строках эпиграфа «петербургского лихача» и одновременно отсылка к той последней поездке Гумилева и Васильевой, которая описана в стихотворении «Памяти Анатолия Гранта».

С. 146. III. *Воспоминание*. Автограф – РГБ-22. Л. 42 об. Цикл датируется по первому стихотворению, имеющему дату. В письме от 6.10.1926 г. Вс. Рождественский писал ДУ: «ЧТО-ТО МНЕ В КРОВИ НЕМОЛЧНО ШЕПЧЕТ – я долго не мог понять, в чем там дело строфически. И, наконец, догадался – ведь это, по существу, терцины, а не восьмистишие, как Вы до сих пор думали. В терцины вложили Вы иное содержание, чем <пропуск в тексте. – Т.Н.> приличествует и отсюда – некоторая неловкость в этих, все же очаровательных строчках» (Архив Торбин).

С. 147. *Двойной портрет*. Автограф – РГБ-22. Л. 37. Датируется по соседству со стихотворением «Портовая песенка». М.П. Р-ва – неустановленное лицо.

«Мышиный писк в глухой ночи...». Автограф – РГБ-22. Л. 46. Впервые опубликовано: МГУ. Возможна связь со стихотворением Мандельштама «Сумерки свободы» (образ корабля, «поворот руля»). Рождественский заметил об этом стихотворении: «возмутительно хороший Ходасевич» (письмо к ДУ 8 октября 1927 г. – Архив Торбин).

С. 148. *Нине Волькенау*. Автограф – РГБ-22. Л. 47. Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1364 (С.В. Шервинский). Оп. 3. Ед. хр. 695. Л. 5. Адресовано поэту и филологу Нине Владимировне Волькенау (1901 – не ранее начала 1970-х). См. о ней: II, 212. Эпиграф – из стихотворения Мандельштама «Декабрист». *Актеон* – герой древнегреческого мифа, юноша, превращенный Артемидой в оленя. *Гиперборей* – имя северного ветра в греческой мифологии и одновременно акмеистического издательства. *Прирейнская маркграфиня*. – Жена Александра I императрица Елизавета Алексеевна. В рецензии на книгу стихов Г. Шенгели Н. Волькенау писала о сонете: «Принято требовать от сонета особой чеканности образов. Действительно, всякий строгий технический прием получает цену только тогда, когда он преодолен, когда образы стихотворения легко в него укладываются, нераздельно сплетаются. Иначе – сухость, техницизм, мастерская с необузданными моделями» (Гермес. 1922. № 3. С. 384). Обратиться к столь строгой ценительнице со стихотворением в форме сонета со стороны ДУ было и спортивно-поэтической смелостью, и, может быть, знаком мужского внимания. Подробный анализ стихотворения см. в статье: *Нешумова-2007*.

С. 149. *Московский март*. Автограф – РГБ-22. Л. 48. Впервые опубликовано: Ново-Басманная, 19. С. 82–83; вошло в кн.: Поэзия 1920-х годов. М., 2000. С. 548–549. Републиковано: МГУ. *Никола* – Николай Угодник. Раньше Арбат называли улицей Трех Никол, из-за храмов, посвященных этому святому: Никола в Песках (в Большом Николопесковском пер.), Никола Явленный (в Серебряном пер.) и Никола в Плотниках. Все они были уничтожены Советской властью. *Жаворонки* – маленькие сдобные булочки в форме птичек, которые пекли на Пасху. День *сорока мучеников* отмечался православной церковью 9 марта (ст.ст.). После него по народным приметам идут 40 холодных дней – *сорок утренников*. *Гречник* – пирог из гречневой крупы, напоминающей по виду мартовский снег.

***Фуга*.** Автограф – РГБ-22. Л. 49 об. Опубликовано в кн.: Поэзия 1920-х годов. М., 2000. С. 548–549. Вошло в кн.: Кипарисовый лагерь. Антология поэзии «серебряного века» / Сост., автор вступ. статьи В.В. Кудрявцев. Смоленск, 2006. С. 560–561. *Астидная доска* – из твердого черного сланца. На такой доске было записано последнее стихотворение Г.Р. Державина «Река времен...». Рождественский, написавший о стихотворении «В абрикосовом раю» – «Очень Ваше», об этом стихотворении заметил: «Тоже Ваше» (письмо к ДУ 8 октября 1927 г. – Архив Торбин).

С. 150. «И нельзя остановиться...». Автограф – РГБ-22. Л. 73. Несомненна связь этого стихотворения – или стихотворного отрывка – со стихотворением «Фуга». Возможно, что это одна из не вошедших в окончательную его редакцию строф, место которой определить чрезвычайно затруднительно. Автографы этого «отрывка» и «Фуги» выполнены любимыми ДУ фиолетовыми чернилами – но на разных листах бумаги («Фуга» на тетрадном в бледную линейку, а «отрывок» – на маленьком, белом). *Вождь и Спутник фуги* – вождем и спутником вплоть до 1930-х годов назывались элементы фути, которые в современных руководствах по полифонии принято называть темой и ответом. Тема (вождь) – основное мелодическое образование, которое одногласно открывает фугу. После окончания темы новый голос проводит ее повторение (чаще всего в доминантовой тональности и иногда неточное), которое называется ответом (спутником). При развитии фуги очередное проведение темы часто вызывает догоняющее ее проведение ответа, откуда и возникли метафорические термины – вождь и спутник. Ср. скрытую апелляцию к полифоническим терминам «вождь и спутник» в стихотворениях Б. Пастернака 1936 г. (*Кац Б.А.* Музыкальные ключи к русской поэзии. СПб., 1997. С.125–127).

С. 151. *Два стихотворения* (I–II).

1. *Москва*. Автограф – РГБ-22. Л. 50–51. *Иоанновский колокол...* – Колокол на колокольне Иоанна Великого в Кремле. *Балчуг* – район Москвы напротив Кремля, остров в Замоскворечье. *Камнем*

Италии... – Архитектором Успенского собора московского Кремля был итальянец Фиораванти. *Златом Багдада...* – Багдад был столицей Арабского халифата. *Цесарским пурпуром...* – Цвет одежды римских императоров. *...войлоком хана...* – Избирая Чингисхана императором всех монгол, его усадили на белый войлок. *Хрупким фарфоровым снам богдыхана ...* – т.е. китайского императора (богдыханом в русских грамотах XVI–XVIII вв. называли императоров Китая и Индии).

С. 151. II. «*Я в крови – не по бумаге...*». Автограф – РГБ-22. Л. 51–51 об. Тематически стихотворение восходит к стихотворению А.С. Пушкина «Моя родословная». *...людей торговых...* – По отцу ДУ происходил из купеческого рода, по матери – из рода дворян Норовых. *...настой заволжских трав...* – У Норовых было имение под Саратовом. В письме от 6 октября 1926 г. Вс. Рождественский писал ДУ: «МОЙ РОД – сжато и сурово. Знаю наизусть» (Архив Торбин), – и ответил собственным стихотворением «Мой род» [1932], посвятив его ДУ (Рождественский Вс. Земное сердце. Книга лирики. 1929–1932. Л., 1933. С. 79–80):

Род мой темен, и навеки
Канул он в ночную синь.
Справа – тихвинские реки,
Слева – тульская полынь.

Не храню я родословий
В кабинетной тишине.
Иноземной терпкой крови
Нет ни капельки во мне.

И от предков мне осталась
Только память той земли,
Где ведут косую жалость
По-над лесом журавли.

Всех даров земли чудесней
Пал в мой род – за чьи вины? –
Уголек цыганской песни
С материнской стороны.

Кто б он ни был – горбоносый
Парень с медною серьгой,
Расплетавший русы косы
В звездах полночи ржаной, –

От него мне нет покоя,
И по сердцу наобум

Бродит племя кочевое
Черногривых дней и дум.

Посох керженки-прабабки... — Керженец — река в Нижегородской области, по ее берегам селились староверы-раскольники. *Прадеда крутого нрав.* — Сергей Александрович Норов (1762–1849) — отец знаменитого писателя и путешественника Авраама Сергеевича Норова (1795–1869), героя 1812 года, декабриста Василия Сергеевича Норова (1793–1853) и поэта и переводчика Александра Сергеевича Норова (1798–1870). Младшему сыну он не разрешил вступить в брак с крепостной, от которой тот имел сына и дочь.

С. 152. *Гоголь*. Автограф (с датой «1926») — в письме к Голлербаху (ОР РНБ. Ф. 207. Ед. хр. 94. Л. 11). Другой автограф (с публикуемой датой) — в *Книге Архипова* (Л. 38). Здесь разночтения: предпоследняя строфа:

И в золе каминного разгара
Пачки покоробленных листов,
И в пыли Никольского бульвара
Зеленя украинских садов.

Предпоследняя строка: Где твой лик, что больше не опасен.

Впервые опубликовано: *Валерий Сажин*. Тысяча мелочей // Новое литературное обозрение. № 5 (1993). С. 157–158. Републиковано: МГУ. В письме от 6 октября 1926 г. Вс. Рождественский писал ДУ: «ГОГОЛЬ — самое сильное и самое уязвимое из всех стихов. Первые две строчки как раз та ненужная нарочитость, о которой я говорил раньше, и она подчеркивает чудесные столбцы (некоторых хрестоматийных стихотворений). Это было бы неплохо. Вторая, третья и, пожалуй, ... четвертая строфы безукоризненны. Здесь не только меткое перечисление, но и движение, подчеркнутое этим переходным “да еще”. Но последние две строфы, конечно, снижение. Очень плохо, по-моему, “боле не ужасен”, зачем называть ужас, когда он весь целиком и в этом масляном просфоре, в вареном черносливе? Это, конечно, ошибка. Дрогнула! рука на высоте — это прекрасно, большим захватом (со второй строки) начатое стихотворение как-то нигде не разрешено и в сущности, конца не имеет. “Луна-лампада” не уравнивает сгущенности предыдущих образов.

Общий Ваш недостаток — отсутствие крутого лирического напора, статичность и соблазн “любования”. Помните — детали, только ступени, а малые вещи любим мы всегда как символ чего-то, что больше» (Архив Торбин). Это стихотворение Вс. Рождественский запомнил наизусть (его признание письме к ДУ 8 октября 1927 г.).

С. 153. *Петербургские тансы* (1–7). Автограф — РГБ-22. Л. 52–56. Третье стихотворение цикла здесь же на л. 58 повторено и име-

ет другую дату: 12. VI. 1926. Второй автограф – РГАЛИ. Ф. 1364 (собрание Шервинского). Оп. 3. Ед. хр. 695. Л. 6. В этом списке только три стихотворения цикла: первое, третье и шестое. Посвящение в третьем стихотворении: «Черубине де Габриаку». Стихотворение было «одобрено» Е.И. Васильевой (см. письмо ДУ к Архиппову от 18 июня 1926 г.). Третье и шестое стихотворения цикла впервые опубликованы: Ново-Басманная, 19. С. 81. Републиковано: МГУ.

С. 153. 1. *«Свои страницы Север разогнул...». И тот же конь, эфебами влекомый / Иль выносящий грузного Петра.* – Речь идет о Клодтовых конях и Медном всаднике. Эфеб – в Древней Греции юноша, достигший возраста, в котором получал все права гражданина.

2. *«Ночь – лампа млечно-белая; на ней...». Цуг* – шестерка коней, запряженных по двое, в три ряда.

С. 154. 4. *«Ночь, вываленная в пыли...». Наташиным платком...* – героини романа Л.Н.Толстого «Война и мир» Наташи Ростовой. *Сонечкиною омбрелькой.* – Омбрелька – зонтик от солнца. Сонечка – героиня романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Сонечка Мармеладова («Соня... глядела как потерянная... забыв о своем неприличном здесь цветном платье... и о светлых ботинках, и об омбрельке, ненужной ночью, которую она взяла с собой...»).

5. *«Мы будем помнить в каждом деле...».* Эпиграф – из стихотворения М.Л. Лозинского «Петербург» (1912).

С. 155. 6. *«Ночь, белая в покрове облаков...».* В собрании Шервинского первая строка заканчивается восклицательным знаком. Стихотворение описывает Казанский собор и поэтому содержит переклички со стихотворением Мандельштама «На площадь выбежав, свободен...».

7. *«Мое окно выходит на Неву...».* Ср. письмо к Архиппову с описанием дома, где остановился ДУ в свой приезд в Ленинград весной 1925 г.: «Я жил в Доме Ученых. Это – бывший дворец в<еликого> к<нязя> Владимира Ал<ексан>дровича. Я был водворен в огромной, светлой и нарядной комнате, выходящей окнами на Неву и на Петропавл<овскую> Крепость» (II, 299). Адрес Дома Ученых: Дворцовая набережная, 26. *Аблеухов* – герой романа А. Белого «Петербург».

С. 156. *Три стихотворения (I–III).*

I. *Обезьяна.* Автограф – РГБ-22. Л. 59. Эпиграф – строка I из стихотворения Н.С. Гумилева «Вероятно, в жизни предыдущей, / Я зарезал и отца, и мать...» (1917). *Кортезана* – правильной «куртизана, куртизанка» – женщина легкого поведения, имеющая покровителя в высшем обществе. *Город Лагун* – Венеция.

II. *«Как этот дом ореховым фасадом...».* Автограф – РГБ-22. Л. 59 об.; второй автограф – там же. Л. 60. *Московский дворик* – так называлась книга гравюр И. Павлова «Московские дворики» (М. ,

1925), на обложке которой был изображен арбатский дворик, где ДУ жил с А.Г. Усовой в доме Р.М. Хин. В письме Голлербаху от 10 августа 1931 г. ДУ писал: «...моего Старокожоушенного адреса больше не существует: дом, антресоли которого Вам так понравились, обречен на слом (а теперь, м<ожет> б<ыть>, уже и сломан), а наш «московский дворик» с флигелями, службами и каштаном (увековеченный на заглавном рисунке в книге Ив. Павлова «Московские дворики») засыпан горячей известкой, кирпичами и оглашается нечеловеческой руганью» (II, 570).

С. 157. III. «*Как я рубашку близкую сомну?..*». Автограф – РГБ-22. Л. 59 об. Второй автограф – там же, 60 об. с пометой «Осень 1926». Третий автограф – в альбоме Л. Горнунга, листы из которого с этим стихотворением и стихотворениями «Петербург» и «Немецкий роман» хранятся в ОР ГЛМ (Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 489. Л. 70), стоит дата (по-видимому, записи в альбом) 13 апреля 1927.

Стихи на печных изразцах. Автограф – РГБ-22. Л. 61. На обороте того же листа рукою ДУ записано стихотворение А.В. Звенигородского «Овраги. Топь. Летают ястреба». Впервые опубликовано: Ново-Басманная, 19. С. 79. Републиковано: МГУ. *Хромец* – на фотографии с Алисой Гуговой и Всеволодом Рождественским – ДУ стоит с палочкой. Нельзя исключить косвенной связи стихотворения с мотивом записей на печных изразцах в «Белой гвардии» М.А. Булгакова.

С. 158. *Осенняя песенка.* Автограф – РГБ-22. Л. 64.

Летний сонет. Автограф – РГБ-22. Л. 64.

С. 159. *Сонет забвения.* Автограф – РГБ-22. Л. 64 об.

Переводчик. Автограф – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 24. Л. 2 об. Второй автограф – с посвящением «Андрею Федорову» – в письме Э.Ф. Голлербаху от 26 января 1932 г. (ОР РНБ. Ф. 207. Ед. хр. 94. Л. 22 об.). Впервые опубликовано – без указания авторства ДУ в кн.: Литературные игры. Сборник. Пособие для руководителей литературных кружков и библиотекарей / Сост. В.А. Мануйлов. Л., 1938. С. 32. Републиковано в специально посвященной этому стихотворению статье: М.Л. Гаспаров. «Переводчик» Д.С. Усова: с русского на русский. – Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992; а также: МГУ.

С. 160. «*Милый друг! Нас небо не забыло...*». Автограф – РГБ-22. Л. 63.

«*Тебя живописать я не устану...*». Автограф – РГБ-22. Л. 63 об. Впервые опубли. в кн.: Ново-Басманная, 19. С. 78–79; вошло в кн.: Поэзия 1920-х годов. М., 2000. С. 547. Републиковано: МГУ. ...*одесную и ошую...* – По правую и по левую руку.

С. 161. *Димитрий, царевич угличский убиенный.* Автограф – РГБ-22. Л. 62. *Димитрий* (1581–1591) – царевич, сын Ивана Грозного, убитый в Угличе по приказанию Бориса Годунова, причислен

к лику святых. ...*фарсуного письма*. — Фарсуны (от лат. «persona») или парсуны — название для первых живописных русских портретов, появившихся в XVII в. *Латынской веры девка*... — Марина Мнишек. *Король* — польский король Сигизмунд. ...*пан вельможного Самбора*... — Лжедмитрий; *Самбор* — польский город.

С. 162. *Углич*. Автограф — РГБ-22. Л. 62 об. Датируется на основании соседства со стихотворением «Димитрий...» и писем ДУ. Вс. Рождественский писал об этих стихах в письме к ДУ от 1 сентября 1929 г.: «...Они очень похожи на Вас — четкие, прекрасно воспитанные — и вместе с тем, слишком сдержанные, слишком помнящие себя. Только две последние строфы выдают внутреннее волнение, движение сердца — и они, по-моему, лучшие. А вообще я таким и помнил всегда “Углич” — серым, северным, холодным» (Архив Торбин). *Отрок Иоанн*. — Примечание ДУ: «Угличское сказание об Иоанне Убиенном, отроке, принявшем муки и смерть от злобного слуги своего отца. Тело Иоанна нетленным обретоно во “мховязком” болоте за кладбищем на Убогом Дому (XVII-й век)». *Три монастыря Углича*: Алексеевский женский, Николо-Улейминский, Воскресенский. *Малой Стороной* называют в Угличе левобережную часть города.

Зимние стихи (I–III).

I. *Тепло*. Автограф — РГБ-22. Л. 65. *Не львиная пещь и не огненный ров, / Не отроков трое, не свет-Даниил...* — Обмен эпитетами: правильно — «львиный ров» и «огненная пещь» (печь). Библейские пророк Даниил и три отрока вавилонских, Ананий, Мисаил и Азарий, чудесным образом спасенные за крепость в веру: Даниил, проведя ночь во рву, где содержались львы, остался невредим; три отрока — избавлены от пламени, в которое были брошены за отказ поклоняться золотому истукану, построенному по приказу Навуходоносора (Дан. 3, 12–23; 6, 1–28). Православная церковь празднует их память 17 декабря ст.ст. Об этом стихотворении в письме к ДУ от 4 мая 1930 г. писал Вс. Рождественский: «Тут оценил я тонкий эффект плеоназмов, а отчасти вспомнил и Блока (сами знаете в каком месте)» (семейный архив Рождественских). По предположению И. Ахметьева, Рождественский мог иметь в виду стихотворение Блока «Коршун» (строка: «Чертя за кругом плавный круг»).

С. 163. II. *Мороз*. Автограф — РГБ-22. Л. 65 об. Впервые опубликовано: МГУ с неточностью во второй строке («розовый» вместо «золотой»). ДУ об этом стихотворении Вс. Рождественский писал в письме от 4 мая 1930 г.: «Все здесь хорошо и у места (в особенности первые две строфы и это пленившее меня замедление с внутренней глухой рифмой — “полости — не отвести”). Но последней строфы все же я не понимаю. Почему “губ тугих ... на ... губах”? Я, конечно, знаю, что суть здесь в *толчке саней*, но все же никогда не отдал бы такой детали — целого четверостишия» (семейный архив Рождественских).

С. 163. III. *Ночь*. Автограф – РГБ-22. Л. 66. Впервые опубликовано: Ново-Басманная, 19. С. 81–82; републиковано: МГУ. *Лары* – боги домашнего очага. Ср. описание быта семьи Усовых в письме Рождественского Архиппову 18 ноября 1930 г. (см. с. I, 40–41). В письме от 4 мая 1930 г. Рождественский писал ДУ об этом стихотворении: «Наименее ценное стихотворение из трех <цикла “Зимние стихи”>. – Т.Н.> – в нем слышим явственно голос Ходасевича и без всякой личной поправки. Спешу оговориться: “глазок кот” – конечно <,> прекрасно своей ничем не заменимой простотой» (семейный архив Рождественских). Говоря о слышимом голосе Ходасевича, Рождественский, возможно, имел в виду определенную переключку с его циклом «Мыши» из «Счастливого домика», особенно с его первым стихотворением «Ворожба» (1913): «только нужно жить потише, не шуметь и не роптать», рифменную пару из которого ДУ повторил: «В сонный вечер, в доме старом, / В круге зыбкого огня / Помолись-ка нашим Ларам / За себя и за меня».

С. 164. *Вариация на тему «Винограда» Пушкина*. Автограф – РГБ-22. Л. 67. Усов выполнил перевод этого стихотворения Пушкина на немецкий (см. I, 516).

Из семейного архива. Автограф – РГБ-22. Л. 68. Впервые опубликовано: Ново-Басманная, 19. С. 78. Републиковано: МГУ. Замысел стихотворения угадывается в одном из писем к Э.Ф. Голлербаху: «В Дмитров уходят мои родовые корни по материнской линии (род *Норовых*, из которого путешественник и писатель Авраам Сергеевич, но и его родной брат – декабрист Василий Сергеевич Норов). В краевом музее передо мною предстали их портреты. Но более всего врезались в память 2 портрета, трагические в своем сопоставлении: моя grand-tante Евдокия Сергеевна Норова – одна из немногих женщин, удостоившихся дружбы и переписки П.Я. Чаадаева – и он сам. Е.С. Норова умерла девицей, 36-ти лет от роду. Портрет являет красивые, немного тяжелые черты черноволосой, чернобровистой девушки с удлинненным лицом и алыми, чувственными губами, с печатью неисконного недуга (tbc); она вся сгорает последним пламенем подспудных желаний. А под ней П.Я. Чаадаев и бровью не поведет» (см. II, 571). Евдокия (Авдотья) Сергеевна Норова (1799–1835) похоронена на кладбище Донского монастыря. По завещанию Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856) его прах был захоронен возле могилы Е.С. Норовой. См. об этом: *Тарасов Б.Н.* П.Я. Чаадаев и А.С. Норова (История неразделенной любви) // «Минувшее меня объемлет живо...». М., 1989. С. 225–236. *Философический язык*. – Ср. название сочинения Чаадаева – «Философические письма». *Друг...* – Ср. «Вы будете звать меня своим давним другом» – слова из письма Е.С. Норовой к Чаадаеву (*Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. М., 1991. С. 440).

С. 165. *Скорпион*. Сохранился лишь фрагмент стихотворения, процитированный А.Г. Усовой в письме к Е.Я. Архиппову 1944 г. Опубл.: «...Все это очень замечательно, сложно и мрачно». Письма А. Усовой Е. Архиппову / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е. Литвин // Вопросы литературы. Май–июнь 2010. С. 379.

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

С. 166. *Осенняя песнь*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3.

Безмолвие. Автограф – Там же. Л. 5–6 об. Эпиграф – неточная цитата из предисловия К.Д. Бальмонта к «Собранию стихов» (М., 1905).

С. 167. *«Я стою у окна. Предо мной далеко за домами...»*. Автограф – Там же. Л. 8. А.П. – по всей видимости, П. Антокольский.

Смерть. Автограф – Там же. Л. 10

С. 168. *Русалка*. Автограф – Там же. Л. 10 об. – 11.

С. 169. *К картине Врубеля*. Автограф – РГБ-22. Л. 2. Рукою Архиппова над стихотворением написано название: «Ночное». Речь идет о картине художника *Михаила Александровича Врубеля* (1856–1910) «К ночи» (1900). Второй автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 2. Разночтения: подзаголовок: «К картине Врубеля «Ночное»». Строка 2: «Месяц среди облаков». Две последних строки: «Это – пастушья свирель. / Дремлет сатир над травой». Подпись: Д. Болконский.

Кундри. Автограф – РГБ-22. Л. 3. Второй автограф стихотворения – РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2. Здесь стихотворение имеет посвящение: «А.А. Сидорову» (*Сидоров Алексей Алексеевич*; 1891–1978) – искусствовед, поэт, переводчик; в 1911 г. переводил отрывки из «Парсифаля» В. фон Эшенбаха и поэму Гёте «Тайна» о св. Граале – см. его письмо к Эллису от 12 июня 1911 – РГАЛИ. Ф. 565. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1), подписано «Д. Болконский» и значительно отличается от «первого» варианта:

С черными кудрями, бледная, строгая,
Цепь в волосах, аметистом горящая.
Тихо-свирепая, буйно-прекрасная
Дева-царевна, Граалю служащая.

Белый венок и суровые латы,
Воинский факел, Венеры светило,
Брачное ложе и поле холодное
Ты нераздельно в себе совместила.

Чашу девичьей рукой поднимая
Взором встречаешь бескрайное, вечное,
Есть ли душа у тебя незаглохшая,
Бьется ли сердце в груди человеческое?

Смерть под лучом благодати принявшая,
Вечного Бога безбрежно любившая,
Будешь в веках неразгаданной сказкою
Кундри-царевна, Граалю служившая.

Третий автограф – в составе рукописного сборника «Скитания и Скиты» (РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 11); с посвящением А.А. Сидорову, без эпиграфа, с незначительными расхождениями в орфографии и пунктуации, без строфического деления, с отличиями в строках 6 и 10: «Воинский факел, Венеры светило», «Взором встречаешь бескрайное, вечное». *Кундри* – героиня сказаний о короле Артуре и поэмы В. фон Эшенбаха «Парсифаль» (1200–1210), наряду с поэмой «Парсифаль или Князь Граалья» Кретьена де Труа легшей в основу либретто оперы Вагнера «Парсифаль» (первое представление 1882 г.), написанного самим композитором. В опере Вагнера образ Кундри сложно соотносен с образом Марии Магдалины, «влюбленной» в Христа. Этимологически имя Кундри построено так же, как и русское слово «ведьма», т.е. «знающая», «ведающая» (от нем. *Kund* – знание). В *чаше Граалья*, из которой Иисус Христос пил во время Тайной Вечери и в которой вино превратилась в кровь. По преданию, в Грааль была собрана кровь, изошедшая из тела распятого Христа. В религиозных учениях эзотерического типа Грааль – символ совокупности тайных знаний, являемых избранным посвященным. В угловых скобках в эпиграфе из Вагнера – строка, пропущенная ДУ. Перевод эпиграфа: «Ко мне! Ко мне! Сюда! / Твой мастер кличет тебя, безымянная! / Дочь дьявола! Роза ада! / [Иродиной была ты, – кем еще?] / Гундрижи там, – Кундри здесь!» – Рихард Вагнер, «Парсифаль», действие второе. Цитата из монолога Клингзора. Дословный перевод эпиграфа из Вольфрама фон Эшенбаха: «Ярко блистала, как это было тогда, / Пара твоих глаз, подобных топазам». Перевод Л.В. Гинзбурга: «Была она желтоглаза, / С глазами, что два топаза». Подробнее о рецепции музыки Вагнера на русской почве см.: *Гозенпуд А.* Рихард Вагнер и русская культура: Исследование / Ленинградский гос. институт театра, музыки и кинематографии им. Н.К. Черкасова. Л., 1987; *Кац Б.* Отзвуки Вагнера в русской поэзии: Заметки к теме // Музыкальная академия. 1994. № 3.

С. 170. *Финляндские мотивы* (I–III). Автограф первых двух стихотворений – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3 об. – 4. Третьего – *Там же*. Ед. хр. 14. Л. 3. Цикл датирован по последнему стихотворению.

С. 171. «*Пролетай в бесконечном просторе...*». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1. Возможно, описка во втором инициале адресата (ср. стихотворение «En plein air»).

С. 172. *Гамлет*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2.

СКИТАНИЯ И СКИТЫ

С. 173. *Скитания и скиты* – название первой части сборника стихотворений (РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 25). Стихотворения в сборнике не датированы. Предположительная датировка всего сборника по стихотворению «Кундри» – 1912 г. Эпиграф, предпосланный всей книге, – строки стихотворения Ф. Сологуба «Ангел благого молчания» (1908).

Весна. Автограф – Скитания и скиты. Л. 3–3 об.

С. 174. *Отрок*. Автограф – Скитания и скиты. Л. 4. В посвящении, вероятно, описка, и стихотворение посвящено композитору Александру Тихоновичу *Гречанинову* (1864–1956), разрабатывавшему жанры духовной хоровой музыки. В 1912 г. была поставлена его опера «Сестра Беатриса» (по Метерлинку) в Опере Зимина, но вскоре была запрещена духовной цензурой из-за появления на сцене поющей Девы Марии.

Летом. Автограф – Скитания и скиты. Л. 4 об. Второй автограф – *Там же*. Ед. хр. 21. Л. 1. Б.д. – с произносительной пометой в слове «жав'ронок», разделением на три четверостишия и подписью: Д. Болконский.

С. 175. *Утренняя песня*. Автограф – Скитания и скиты. Л. 5.

Херувимская песня. Автограф – Скитания и скиты. Л. 5 об. – 6. *Херувимская песня* – традиционное православное песнопение: «Иже херувимы, тайнообразующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение».

С. 176. «*Благоухают травы на пчельнике...*». Автограф – Скитания и скиты. Л. 6 об. *Лето Господне благоприятно*. – Ис. 61, 2.

«*День встает над радостной землею...*». Автограф – Скитания и скиты. Л. 7. О *Дурылине* см. 1, 4, 16 и др.

С. 177. *Второй Спас*. Автограф – Скитания и скиты. Л. 7 об. Православный праздник: 6 августа ст.ст. – Преображение Господне и Благословение плодов, Яблочный Спас.

В *Страстную субботу*. Автограф – Скитания и скиты. Л. 8. Иной вариант опубликован в газете «Утро России» (22 марта 1915. № 80. С. 2). Разночтения: название «Великая суббота». Строка 1: Солнца диск пылающий заходит, строка 2: Запад светит золотой парчой; 3: Строгий Ангел в облаках проходит; 4: С белою пасхальною свечой...; строки 5–6: В ясном небе теплится и тает / Бледная алмазная звезда; строка 9: Будет час: субботний сумрак сгинет, строки 11–12: Встанет Он, умерших всех поднимет, / Не забудет грешных – и меня. В газетной публикации стихотворение поделено на четверостишия. Подпись: Д.У.

С. 178. *Алконост, птица райская*. Автограф – Скитания и скиты. Л. 8 об. В 1934 г., отвечая на вопрос литературной анкеты

Е. Я. Архиппова («От каких поэтов, ценимых Вами ранее, Вы отошли теперь?»), *ДУ* писал: «За всю жизнь я по-настоящему *отошел* только от Бальмонта, если только это значит «отойти». Много ли мы ответственны перед теми, кого любили в 5 и 6 классе гимназии?» (Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 34 об. – 35). Тем не менее, *ДУ* перевел на немецкий язык пять стихотворений Бальмонта (подробнее см. I, 516, 520, 522). *Невеста Невестная* – из акафиста Пресвятой Богородице.

С. 178. Полевая икона. Автограф – Скитания и скиты. Л. 9.

Пасха. Автограф – Скитания и скиты. Л. 9 об.

ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ

С. 179. Златая цепь – название второй части сборника стихотворений (РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 25) «Скитания и скиты».

Звездный танец. Автограф – Скитания и скиты. Л. 11 об. – 12.

С. 180. Северное заклинание. Автограф – Скитания и скиты. Л. 12 об. *Рерих* Николай Константинович (1874–1947) – живописец, археолог, писатель.

С. 181. Часы. Автограф – Скитания и скиты. Л. 13. Алексей Михайлович *Ремизов* (1877–1957) – писатель. О встрече с Ремизовым летом 1917 г. *ДУ* написал в одном из своих очерков в цикле «Силуэты» в газете «Понедельник». 1918. № 10 от 23 апр. (6 мая). См. I, 407–409.

Rondeau amoureux. Автограф – Скитания и скиты. Л. 13 об. Возможный живописный источник стихотворения: картина К. Сомова «В боскете» (1899). *Rondeau amoureux* – любовное рондо (фр.).

С. 182. Гавот. Автограф – Скитания и скиты. Л. 14. Перевод эпиграфа: И. С. Бах. Вторая соната для скрипки (си-минор) – нем. Однако у Баха в этой тональности написана не вторая, а первая соната для скрипки (и клавира).

Стихи о Пушкине (I–II). Автографы – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 3–3 об.; Скитания и скиты. Л. 15–15 об. Первое стихотворение, возможно, написано под влиянием стихотворения Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям...» (1912) в только что вышедшей ее книге «Вечер» (1912).

С. 183. Un fantôme. Автограф – Скитания и скиты. Л. 16. Второй автограф – там же. Ед. хр. 14. Л. 2. Зачеркнуто посвящение: А. Н. Скрябину. Здесь стихотворение разделено на две строфы (вторая начинается 7-й строкой).

С. 184. Мадонна. Автограф – Скитания и скиты. Л. 16 об. Второй автограф – Там же. Ед. хр. 14. Л. 2 об. с разделением на четверостишие. Здесь стихотворение имеет эпиграф из стихотворения А. А. Блока «Девушка из Spoleto» (1909): «Взор твой – мечами пронзающий взор». Строки 6–7: Я низойду с иконы темной, / Чтоб в

твой уют женой войти. После строки 8 следует пропущенная в первом автографе строфа: «И вот прошел и день, и год, / И вновь стою я пред иконой, / Как рыцарь у ея окна, / Луною полной озаренный». Следующие строки в такой редакции: «Ты мне ответа не даешь; источена цветком прекрасным. / Но помни: в ночь...».

С. 184. *Перед сном*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 17. Второй автограф – *Там же*. Ед. хр. 14. Л. 1. Здесь разночтение в строке 13: Ты поняла – простя. Я понял – поцелуй же. Это стихотворение – последнее в сборнике «Скитания и скиты».

С. 185. *Прощальные терцины*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1 об. Посвящено, вероятно, П.Г. Антокольскому. Подпись: Д. Болконский. *Кузмин Михаил Алексеевич* (1872–1936) – поэт, прозаик, переводчик.

С. 186. «*Замыкаются тяжкие двери...*». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2. Этим стихотворением открывается сборник юношеских стихотворений, которому предшествуют два эпиграфа:

«Бог открыл мне, что я еще буду распят. Он нашел, что мир недостаточно искуплен» (Гейерстам).

Voici des fruits, des fleurs, des feuilles et les branches.
Et puis voici mon cœur, qui ne bat, que pour vous.
Ne le déchirez pas avec vos deux mains blanches
Et qu'à vos yeux si beaux l'humble présent soit doux.
Verlaine.

Гейерстам Густав (1858–1909) – шведский писатель. На русском языке вышло его полное собрание сочинений в 10 т. (изд-во «Современные проблемы». М., 1907–1912), отдельные произведения в «Универсальной библиотеке». Источник первого эпиграфа установить не удалось.

Второй эпиграф из стихотворения Верлена «Green». Перевод В. Брюсова:

Вот ранние плоды, вот веточки с цветами,
И сердце вот мое, что бьется лишь для вас.
Не рвите же его лилейными руками,
Склоните на меня сиянье кротких глаз.

Еще один автограф этого стихотворения – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1. Разночтения: строка 14: Я твоё кольцо помяну. Последняя строка: Мое сердце кровавым огнем. Подпись: Д. Болконский.

Обручальное кольцо. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2 об.

С. 187. «*Миновали шлагбаум, вот старинная арка...*». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3.

«*Мой друг, ты ведаешь о том, что совершится...*». Автограф – Там же. Л. 3 об.

С. 188. *Осенние таинства*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4. Эпиграф – неточно воспроизведенная первая строка стихотворения М.А. Кузмина 1910 г. из книги «Осенние озера» (правильно: «Для нас и в августе настанет Май»). Позвящение «М.» – возможно, сестре П. Антокольского Марии.

«*Что-то ищу в неясных чертах...*». Автограф – Там же. Л. 5.

С. 189. *Духовные стихи* (I–II). Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1–1об. Подпись «Д. Болконский». *Георгий Эрд* – псевдоним Нины Михайловны Подгоричани, как и ДУ, участницы альманаха «Песни Жатвы». Тетрадь первая. М., 1915. С. 20. См. о ней II, 30. *Rosaire* – розарий, традиционные католические четки, а также молитвы, читаемые по этим четкам (фр.). *Lire pendant les Passions*. – Чтение во время Страстей (фр.).

С. 190. «*Спасов образ, пресладкий и древний...*». Автограф – Там же. Л. 2. *Сергей Новиков* – неустановленное лицо.

С. 191. «*Снова белая церковь. Две старушки на паперти...*». Автограф – Там же. Л. 2 об. *Венчали сестру* – о сестре ДУ ничего неизвестно.

Неужели это я? Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1 об. Подпись: Д. Болконский.

Свидание. Автограф – Там же. Л. 1. Подпись: Д. Болконский.

С. 192. *Посвящение*. Автограф – Там же. Л. 2.

Vosca baciata. Автограф – Там же. Л. 3. *Vosca baciata* – целованные губы (ит.), название картины (1859) английского художника и поэта-прерафаэлиты *Данте Габриэля Россетти* (1828–1882). *Тристан* – герой легенды о Тристане и Изольде (см. картину Россетти «Сэр Тристан и Прекрасная Изольда, пьющие любовный напиток»). В письме к Л.В. Горнунгу от 7 мая 1945 г. А.Г. Усова писала, что «Роман о Тристане и Изольде» (Bédier) была «одна из любимейших наших книг. Мы читали ее вместе» (РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 18).

С. 193. «*Сеть сновидений святых...*». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2. Подпись: Д. Болконский.

С. 194. *Снова*. Автограф – Там же. Л. 1. Подпись: Д. Болконский.

«*И пока цветы лиловели...*». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 3. *Сандро Боттичелли* (наст. имя Алессандро ди Мариано Филиппи; 1445–1510) – итальянский художник Возрождения. Подпись: Д. Болконский.

С. 195. *Навсегда*. Автограф – Там же. Л. 3 об. *Поплавский* – юношеский псевдоним П. Антокольского. Источник эпиграфа

не установлен. О М.Г. Антокольской см. 1, 12. К строке *Весны тоскливые дожди ДУ* сделал примечание: Экзамены!

С. 195. *Отрывок*. Автограф – Там же. Л. 2. Подпись: Д. Болконский.

С. 196. *«И вот как прежде тихо...»*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2 об. Подпись: Д. Болконский.

«В Вашей речи – пенье дальних хоров...». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 5 об. *Шманкевич Борис Иванович* (1890-е – 1934; см. некролог в кн.: Вселенское дело. Рига, 1934) – поэт, последователь «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова. По другим сведениям, умер в ссылке в Туркестане в 1932 г. (*Макаров В.Г.* Архивные тайны: философы и власть. Александр Горский: судьба, покаянная «по праву власти» // Вопросы философии. 2002. № 8). В 1926 г. числился в «Списке членов и кандидатов месткома писателей г. Москвы» (РГАЛИ. Ф. 1883. Оп. 4. Ед. хр. 105). Отбывал заключение в Соловецком лагере (Соловецкий мартиролог. http://www.solovki.ca/passional/passional_24.php). Эпиграф – строка из стихотворения М.А. Кузмина «Трижды в темный sklep страстей томящих...» (1910).

С. 197. *Кармен*. Автограф – Там же. Л. 6. Еще один автограф этого стихотворения – Там же. Ед. хр. 24. Л. 2. Разночтения: посвящение М.Г. Антокольской. Строка 1: Яркий плащ, как кровь, у бандерильо; 11: А уж бык летит, песок взрывая, – близко. Подпись: Д. Болконский. Возможно, стихотворение навеяно постановкой оперы Жоржа Бизе «Кармен» в театре Зимина (1907), где партию Кармен пела М.А. Оленина д'Альгейм. *Лилас-Пастья* – один из персонажей оперы, хозяин таверны.

С. 198. *Псалом*. Автограф – Там же. Л. 6 об. Под стихотворением пояснение: «На память о молитвеннике». Еще один автограф этого стихотворения – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2 об. Разночтения: строка 7: Сердца исцеленье; 14: Злые души наши, строки 16–17: Пробудились. В чаше – / Видим сердце Ваше. Перевод эпиграфа: Сердце Иисуса, море страдания, / Огненное вместилище Твоей любви к нам (фр.). Цитата из французского католического песнопения «*Sœur de Jésus, doux espoir...*». О Б. Петровском см. II, 15.

Стражи ночи. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 8–9. Еще один автограф этого цикла – Там же. Ед. хр. 24. Л. 3–4. Разночтения: в углу листка знак – шестиугольная звезда из двух скрещенных треугольников.

1-я стража. Посвящение П. Поплавскому (П. Антокольскому). Строка 5: В окно моей святой часовни.

С. 199. *2-я стража. Полночь*. Посвящение М.Г. Антокольской. Эпиграф из Блока: «Мы о Мэри твердим наизусть».

С. 200. *3-я стража*. Строки 9 и 10: «Вот замолкают звуки вдали. / Я их теням сквозь сон внемлю». В этом варианте цикл состоит не из 3, а из 4 стихотворений:

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАЖА

С.Н. Дурылину.

Под утро я в челне уснул.
Мы плыли долго, долго.
То был ли дальний Иордан
Или святая Волга?

Рассвет воздвиг свой алый крест,
Благословив дорогу.
Мы спели утренний псалом,
Псалом живому Богу.

Нас было много, но не все,
И Кто-то не был с нами.
Но вот, когда кровавый день
Блеснул двумя лучами –

Четвертой стражи чудеса
Нам просветили души:
Он шел и путь держал к челну
По волнам, как по суше.

Дмитрий Болконский

Эпиграф «Полные грез Вигилии! / Сейчас шествует ночь по земле» (нем.) из первого стихотворения Рильке из цикла «Вигилии» («Die falben Felder schlafen schon...»), которое ДУ впоследствии перевел (см. I, 313). Посвящение третьего стихотворения – В.Я. Брюсову, автору сборника стихотворений «Tertia Vigilia» («Третья стража» – лат., 1900).

С. 201. «Я так еще молод, и каждый звук...». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 9 об. Первые строки – перевод начала стихотворения Рильке «Ich bin so jung. Ich möchte jedem Klange...». О взаимоотношениях Е.И. Васильевой (Черубины де Габриак) с ДУ см.: Нешумова-2005.

С. 202. *Рыцарский романс*. Эпиграф: Богу – мою душу, мою жизнь – королю, мое сердце – дамам, честь – мне самому (фр.). Этот же средневековый девиз использован в качестве эпиграфа М. Цветаевой в ее стихотворении «Памяти А.А. Стаховича» (1919). *Роза украшает*. – Речь идет о розе как о традиционной детали готического собора – круглом окне в виде цветка на фасаде.

Набросок. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 9 об. Л. 11 об. Эдвард Григ (1843–1907) – норвежский композитор. *Carte postale* – почтовая карточка, открытка (фр.).

С. 203. *М.А. Оленина д'Альгейм*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 9 об. Л. 13. *Мария Алексеевна Оленина д'Альгейм* (1869–1970) – русская камерная певица, в чьем творчестве «поэзия, музыка и философия сливаются в единое целое» (Соловьев С.М. Воспоминания. М., 2003. С. 334). См. о ней: *Туманов А.Н.* Она и музыка, и слово... Жизнь и творчество певицы М.А. Олениной д'Альгейм. М., 2001. В 1908 г. вместе с мужем и певицей А.В. Тарасевич она организовала в Москве «Дом песни», в котором устраивались концерты-лекции, выпускались программы концертов с текстом исполняемых произведений, а впоследствии издавалась и газета. В 1914 г. певица выступила в московской опере С.И. Зимина в роли Кармен («Кармен» Бизе). С этой постановкой, вероятно, связано стихотворение ДУ «Кармен». В газете «Moskauer Deutsche Zeitung» ДУ опубликовал заметку о концертах А.Н. Скрябина и М.А. Олениной д'Альгейм «Die Eröffnung des «Hauses des Liedes» (1914. № 290. 20 December). Стихотворение появилось в № 3 гимназического альманаха «Призыв» от 17 ноября 1913 г. (под псевдонимом «Д. Болконский»).

«*Гиацинты зацвели в гостиной...*». Автограф – Там же. Л. 12 об. Еще один автограф этого стихотворения – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 6 об. Разночтения: строка: Гиацинты расцвели в гостиной, строка 4: Раз наш поцелуй так мил и чист; 5: С нами вечер в secretair играет. Подпись: Д. Болконский. Секретер – игра, заключающаяся в угадывании фразы по начальным буквам слов.

С. 204. «*Дожди, дожди, и плачут крыши...*». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 13 об. Стихотворение появилось в № 3 гимназического альманаха «Призыв» от 17 ноября 1913 г. (под псевдонимом «Д. Болконский»).

С. 205. «*Будет час, когда над лугами...*». Автограф – Там же. Л. 17 об. Эпиграф «Это только праздные мысли» (нем.) – строка из стихотворения немецкого поэта Фридриха Рюккерта (1788–1866) «In diesem Wetter, in diesem Braus...», вошедшего в вокальный цикл Густава Малера «Песни об умерших детях».

«*У меня нет ни уютной комнаты...*». Автограф – Там же. Л. 18. Источник эпиграфа найти не удалось. *Vitro* – Зд.: стекло (от фр. vitraux – витражи). *Jungfrau Marie* – Дева Мария (нем.).

С. 206. «*У скелета на пальце злое кольцо...*». Автограф – Там же. Л. 18 об. *Бертольд* – см. коммент. к циклу «Стихи Бертольда Вагуса» (I, 541).

Карты. Автограф – Там же. Л. 19. *Вадим Габриэлович Шершеневич* (1893–1942) – поэт-имажинист, переводчик. *Je crains de lui...* – Мне страшно с ним... (фр.). См. коммент. к переводу «Мне страшно с ним наедине» (I, 604). *Sire* – Сир (фр.). *Променируют* – прогуливаются (от фр. promenade – прогулка). *Малиновый берет* / *На провинциальной героине* – отсылка к образу Татьяны Лариной

на московском балу из оперы П.И.Чайковского «Евгений Онегин». *Soeur* – Сердца (зд.: червовая – *фр.*). *А в стакан окна / Наливается янтарь вечернего чая.* – Ср. развитие этого образа в стихотворении «Коппелиус» (I, 89).

С. 207. *«В пыльных письмах я делаю одинокие раскопки...»*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 20. *Бертольд Вагус* – псевдоним ДУ (См. коммент. к циклу «Стихи Бертольда Вагуса», I, 541). Стихотворение, послужившее источником эпиграфа, найти не удалось.

С. 208. *«Сложены руки над книгой твоей...»*. Автограф – Там же. Л. 21. О Черубине де Габриак (см. II, 43).

«Занесли снега глубоко...». Автограф – Там же. Л. 21об. Второй автограф с незначительными разночтениями в пунктуации и виде некоторых строк (РГБ-22. Л. 3.). Строка 1: Залегли снега глубоко; 5: Только страшно вечерами; 9: Кто-то крикнет, кто-то встанет. Под стихотворением дата: Декабрь 1913.

С. 209. *Цыганские песни* (1–2). Автограф – Там же. Л. 22 об. – 23. Позже о Блоке написаны две статьи ДУ: «Александр Блок» (Военмор. 1919. № 4. С. 7–8); 2) «Александр Блок» (Профессиональная жизнь. Астрахань. 1921. № 28 от 25 авг.; см. I, 448–450); 29 сентября 1921 г. ДУ выступал с докладом «А. Блок как лирик, переводчик и драматург» на вечере памяти поэта в Саратовской консерватории; встречался с Л.Д. Менделеевой-Блок и М.А. Бекетовой как сотрудник ГАХН в 1925 г., принимал участие в работе блоковской комиссии ГАХН, перевел на немецкий язык некоторые его стихотворения (подробнее см. раздел «Библиография печатных произведений Д.С. Усова»). Перевод эпиграфа: «Меня так сильно трогает песня (мотив, мелодия) Богемского народа» (*нем.*) – из стихотворения Рильке «*Mich rührt so sehr...*».

С. 210. *Морозный день*. Автограф – Там же. Л. 23 об.

С. 211. *En plein air*. Автограф – РГБ-22. Л. 3 об. *En plein air* – на пленере (*фр.*). Имеется другой вариант стихотворения, более откровенный: РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 25. Здесь у стихотворения нет эпиграфа, а посвящение тому же лицу обозначено так: «L.V.». Строка 1: Эти руки так нежны и тонки; 2: Словно их моя греза целует; 8: Облака идут и проходят. Еще один автограф этого стихотворения – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 6. Этот текст совпадает с текстом Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 25. *Аблезево* – правильно: Облезлово – имение Д.В. Ильина в Каширском уезде Тульской губернии. Подробнее см. II, 15. Другие стихотворения, посвященные Всеволодской: «*Broderie*», «Мы живем в бесконечной тоске...».

С. 212. *«Четверг закован, как собор...»*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 26. *Тонзура* (*лат.* tonsura – стрижка) – выбритое место на макушке, знак принадлежности к католическому духовенству.

С. 212. «*Мы живем в бесконечной тоске...*». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 26 об. Эпиграф из стихотворения Черубины де Габриак «Двойник». Другие стихотворения, посвященные Всеволодской: «*Broderie*», «*En plein air*».

С. 213. *Эпитафия*. Автограф – Там же. Л. 32. Другой список (автограф): РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1. *Изольда* – см. примеч. к стихотворению «*Vossa basciata*» (I, 577).

«*Ангел стоит у белой кровати...*». Автограф – РГБ-22. Л. 4 об. *Арум* – арон, аронник, растение *Agum*. *Святая Агата* – христианская мученица III в.

С. 214. «*Венчик терновый...*». Автограф – Там же. Примечание ДУ: «Навеяно музыкой Мориса Равеля (*Ravel*) “*Pavane pour une infante défunte*”» («Павана для усопшей инфанты» – *фр.*; 1899). Морис Жозеф *Равель* (1875–1937) – французский композитор. *Павана* – медленный испанский танец.

С. 215. *Пиковая дама* (1–3). Опубликовано в кн.: «Первый сборник группы молодых поэтов. Стихи» (М., 1914. С. 24–26). Оттиск с авторской правкой – РГБ-22. Л. 7 об. – 8 об. Эпиграф ко второму стихотворению вписан рукою ДУ на оттиске с этого издания, принадлежащем Архиппову. Эпиграф – неточная цитата из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама» (либретто М.И. Чайковского).

1. *В Версале*. *Роброн* – широкое женское платье с округленным шлейфом. *Боскет* – посаженная в декоративных целях густая группа деревьев или кустов. Выстриженный в виде ровных стенок (шпалер) боскет из кустистых пород – основной мотив в композиции регулярных парков XVI–XVIII вв. *Billet doux* – любовная записка (*фр.*). *Гретри* Андре Эрнест Модест (1741–1813) – французский композитор.

С. 216. 2. *Au jeu de la Reine* (На карточную игру у королевы. – *фр.*). Эта французская фраза является цитатой из повести А.С. Пушкина «Пиковая дама». *Анри де Ренье* (1864–1936) – французский писатель. Эпиграф – несколько измененная цитата из финальной сцены повести Ренье «Маркиз д’Амеркер»: «*Madame de Sérences rougit comme si elle se sentait l’enjeu final*». В переводе М. Волошина, опубликованном в 1914 г.: «Мадам де Серанс покраснела, как будто самое себя почувствовала последней ставкой» (цит. по: *Волошин М. Собр. соч.* М., 2006. Т. 4. С. 701–702).

3. *Смерть*. Эпиграф – из оперы Гретри. Подробнее см. примеч. к переводу «Мне страшно с ним...» (I, 604).

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

С. 217. Из «*Узковских шалостей*». Стихотворения написано во время отдыха ДУ в Узком – бывшем имении Трубецких, превра-

шенном после революции в санаторий. См. примеч. 1 к письму Архиппову от 21 августа 1924 г. (II, 246). Стихотворения № 6 и 7 включены в *Книгу Архиппова* (Л. 37 об.) с подзаголовком «Из «Черной книги» «Узкого», без датировки.

С. 217. <1.> *«Когда во взоре, чуть расширенном»* – перифраз строки из стихотворения О. Мандельштама «Слух чуткий парус напяргает...». Автограф – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 24. Л. 4–5.

<2.> *Мадригал*. Автограф – РГБ-22. Л. 29 об. Примеч. ДУ: «Из Узковских шалостей». Коробка *«Lux»* – папиросы. *Наркамфин* – народный комиссариат финансов. *Et cette geste, naive et fine...* – И этот жест, наивный и изящный (фр.). Слово *«geste»* ошибочно употреблено в женском роде.

С. 218. <3.> *Осенняя песенка*. Автограф – РГБ-22. Л. 31. Примечание ДУ: «Из узковских шалостей». В письме к Архиппову от 7 сентября 1924 г. ДУ комментировал: «“Осенняя песенка” поется на мотив... “Ваши пальцы пахнут ладаном” Вергинского (не гневайтесь и не морщитесь, это только забава в санатории!)». Эпиграф – из «Свадьбы Пьеро», переведенной В. Шершеневичем (*Лафорс Ж.* Феерический собор. М., 1914). *Chant d'automne* – осенняя песня (фр.). Выражение восходит к Верлену.

С. 219. <4–5.> *Двойной мадригал*. Автограф – РГБ-22. Л. 32–32 об. Посвящено Магдалине Павловне Петровской, жене поэта П.Н. Петровского, немке. Второе стихотворение является переводом первого на немецкий язык.

<6.> *«Ты носишь также имя Нины...»*. Возможный адресат стихотворения Нина Волькенау. ...той... – Возможно, Ниной Подгоричани.

С. 220. <7.> *«Два гения бильярдного катанья...»*. *Гарелин (Горелин) Николай Федорович* (1883–1928) – филолог, переводчик (*Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. Пер. Н.Ф. Горелина. М.; Пг., 1923). Справку о нем см.: Книговедение. Энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1982. С. 127. *В.И. Дунаев* – вероятно, переводчик пьес Шницлера: *Шницлер А.* Зеленый попугай – Парацельс – Подруга. Трилогия. Пер. с нем. [в стихах] В.И. Дунаева. М., 1922.

С. 221. *Стихотворение, прочитанное мною 18 мая 1929 г. на товарищеской встрече у меня на квартире участников словаря по случаю сдачи в печать II-го (неизданного) тома*. Автограф – РГБ-22. Л. 70–72 об. Первая строка – цитата из «Евгения Онегина».

Цифрами помечены примечания, сделанные ДУ: «1. Словарные заседания происходили в этих двух комнатах попеременно, официальное название “зеленый” и “красный” было общеизвестно; по обоям. 2. Д.Д. Благой. Посещение заседаний и предоставление материала участниками было крайне неравномерно. 3. Н.Н.Захаров-Мэнский, явный <педер>аст (как Михаил Алексеевич <Кузмин. – Т.Н.>), бездарнейший стихоплет, писал биографии: Ады Чумачен-

ко, Пожаровой, Малахневой-Мирович, какой-то Львовой (не Н.Г.) и многих иных не моложе 50 лет. 4. Н.П. Кашин ("островсковед"), выделенный Театральной Секцией в словарь и оказавшийся очень дельным сотрудником. 5. А.Лисе Г.Уговне не случайно достались биографии Бердяева, Степуна и др., но она их так и не написала. 6. И.Н. Розанов, вообще говоря, мало выносил Розу Мандельштам. 7. А.Г. Челпанов написал лишь биографию Вяч. Иванова и К. Большакова и никогда не являлся на заседания рабочей группы». 8. Отмечалось неоднократно всеми участниками. 9. Б.П. Козьмин, испортивший много биографий топорным исключением интереснейших деталей. 10. И.М. Машбиц-Веров, критик (вел раздел пролетарских писателей). Внезапно прекратил сотрудничество и скрылся с московского горизонта даже до сего дня <Ср. позднейшее пояснение С.Н. Сергеева-Ценского в письме к А.Б. Дерману от 15 января 1939: «Машбиц-Веров вызывался в ЦК партии и там получил такую головомойку, что теперь, кажется, уже нигде не пишет не только на меня, но и ни на кого из писателей никаких кляуз» <цит. по ксерокопии автографа, Архив Торбин. – Т.Н.>. 10. Полемика в печати по вопросам в ГАХНе».

Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) – литературовед, член-корр. АН СССР (с 1953), профессор МГУ (с 1943). *Захаров-Мэнский* (Менский) Н. (псевд.; наст. имя – Захаров Николай Николаевич; 1895 – после 1963) – поэт, театровед. Один из основателей при Всероссийском Союзе поэтов московской группы писателей «неоклассиков» (1921–1929), куда входили В.А. Бутыгина, М.П. Гальперин, Н.Л. Манухина, Г.Я. Поповский и др. Автор книг и поэтических сборников: «Черная роза. Стихи» (М., 1917); «Печали. Стихи» (М., 1922); «Театр в деревне» (М., 1926) и др. О нем см.: *Гусман Б.* 100 поэтов: литературные портреты. Тверь. 1923» (справка из статьи: *Федоров В.С.* История создания в 1926–1928 гг. библиографической справки о Н.С. Гумилеве // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 26. Примеч. 5). См. о нем также: <http://lucas-v-leiden.livejournal.com/108311.html>. *Чумаченко Ада Артемьевна* (1887–1953) – поэтесса. *Пожарова Мария Андреевна* (1884–1959) – поэтесса. *Малахьева-Мирович Варвара Григорьевна* (1869–1954) – поэтесса, журналистка, писательница. *Кашин Николай Павлович* (1874–1939) – литературовед, театровед, автор работ «Этюды об А.Н. Островском» (т. 1–2, М., 1912–1913) и др. работ об этом драматурге, редактор, комментатор и автор биографической статьи в «Сочинениях» А.Н. Островского (М.; Л.: ГИХЛ, 1934). *Львов-Рогачевский В.Л.* (псевд.; наст. имя – Рогачевский Василий Львович; 1874–1930) – поэт, критик-марксист, историк литературы, публицист. «До 1918 г. – активный политический деятель. Первые стихи опубликовал в 1901 г., первая критическая статья "Прорывы" напе-

чатана в газете "Одесские новости" (1899. 16 мая). В 1909–1916 гг. сотрудничал в ж. "Современный мир", "Северный голос", "Наша зоря", "Современник", "Ежемесячный журнал" и др. В 1918 г. отходит от политики и занимается исключительно литературой и культпросветработой в Пролеткульте (1920–1921). В 20-е гг. руководит московской литературной организацией "Литературное звено", входит в правление Всероссийского союза поэтов, является членом ГАХН. Автор книг и статей: "Две правды – книга о Л. Андрееве" (СПб., 1914); "Гонители еврейского народа в России" (М., 1917); "Художественная литература революционного десятилетия (1917–1927)" (М., 1927) и др.» (справка из статьи: *Федоров В.С.* Указ. соч. С. 27. Прим. 7). *Розанов Иван Никанорович* (1874–1959) – литературовед, один из основателей отечественного книговедения; собиратель обширной поэтической библиотеки, после его смерти переданной в московский музей А.С.Пушкина. *Мандельштам Роза Семеновна* (урожд. Шарф; 1875–1953) – библиограф, литературовед. «С 1922 г. научный сотрудник ГАХН. В 1921 г. издала книгу "Художественная литература в русской марксистской критике" (4-е изд. М.; Л., 1928). В 1925–1933 гг. с Б.П. Козьминым выпускала систематические указатели "Революционное движение в России XVII–XX вв.". С В.Л. Львовым-Рогачевским опубликовала библиографический указатель "Рабоче-крестьянские писатели" (1926). Занималась библиографированием творчества А.Н. Радищева, А.В. Луначарского и др.» (справка из статьи: *Федоров В.С.* Указ. соч. С. 27. Прим. 8). *Иванов Вячеслав Иванович* (1866–1949) – поэт, мыслитель, филолог-классик, переводчик. *Большаков Константин Аристархович* (1891–1938, расстрелян) – поэт-футурист, прозаик. *Козьмин Борис Павлович* (1883–1958) – историк общественной мысли и революционного движения в России, доктор исторических наук, редактор сочинений А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, А.Н. Добролюбова, в 1920–1930-е гг. старший научный сотрудник Института литературы РАНИОН, в 1922–1935 гг. – член редколлегии, затем зав. редакцией журнала «Каторга и ссылка», сотрудник журналов «Красный архив», «Печать и революция», «Литература и марксизм», «Новый мир»; в 1946–1958 гг. – директор Гослитмузея. Главный редактор словаря «Писатели современной эпохи». *Машбиц-Веров* (наст. фам. Машбиц; Веров – фамилия его жены) *Иосиф Маркович* (1900–1989) – критик, литературовед, автор работ о Блоке, Маяковском, книги статей «Писатели и современность» (М.: Федерация, 1931). Преподавал в вузах Саратова и Самары. В 1938 и 1942 гг. был арестован. Отсидел 17 лет в лагере. См. о нем: Самарские филологи: *Иосиф Маркович Машбиц-Веров*. Самара, 1997.

С. 222. <*Вере Меркурьевой*>. Автограф не найден. Стихотворение процитировано В.А. Меркурьевой в письме к Е.Я. и К.Л. Архиповым от 5 января 1935 г. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 64).

Список рукою Архиппова в его рукописной книге «Католтра» («Зеркала» – др. греч.). (РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 62 об.). Меркурьева же посвятила «Дмитрию Сергеевичу Усову» (а на самом деле – чете Усовых) такое стихотворение: «Кто, не чуждаясь беззаконной смеси / Трагических и комедийных сцен, / Укрыт за толщей монастырских стен / От буйства многоплодной, шумной веси, // Расина том берет наперевес – и / Уходит в сад, где медом дышит тлен / И там сдается в лепестковый плен / Девине-в-зелени и барской спеси; // А возвращаясь к полноте кошниц – / Пушистых лар домашние пометки – / Находит вязь изысканных страниц // И лучшее из лучших – дремь ресниц, / И выгиб стана, сквозь атласной сетки, / Живой и теплой, смуглой Танагрэтки. // 30.VI.33 г./ God's acre» (список рукою ДУ вплетен Архипповым в машинописную книгу Меркурьевой «Дикий колос» (Владикавказ. 1927) – РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 30. Опубликовано: ТЩЕТА. С. 472. God's acre – здесь: кладбище (англ.) Новодевичьего монастыря.

DUBIA

С. 223. *Marie Madeleine*. Под этим именем (Мария Магдалина, фр.) публиковала свои стихи, рассказы и драмы немецкая писательница Marie Madeleine Baronin von Puttkamer (урожд. Гюнтер; 1881–1944), получившая известность уже в 15–16 лет благодаря эротическим стихотворениям. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 30 об. Усов опубликовал в 1914 г. о ней статью (см. I, 397). Нет полной уверенности, что стихотворение является русской имитацией стиля поэтессы, а не переводом (немецкий оригинал найти не удалось). Более того, второй автограф (рукой ДУ) стихотворения (Там же. Ед. хр. 18. Л. 1), имеет посвящение «Д. Болконскому» (псевдоним ДУ) и подпись «Нина Рембрант» (нельзя исключить, что эта подпись – один из псевдонимов Н.М. Подгоричани, см. о ней II, 30), что заставляет сомневаться в авторстве ДУ и трудно согласуется с фактом нахождения первого автографа в рукописной книге ранних стихотворений и переводов ДУ (Ед. хр. 15). Второй автограф длиннее на две первых строки: «Я одна – поцелуй перед утром так ал. / Наполнен кровью мой древний бокал». Другие разночтения: вместо «Христос» в 1-й и 2-й строках – «Иисус». строка 15: «Ты все молчишь? И твой взгляд так же слаб?». Есть различия и в строфическом делении. *Принцессе Н. Мюрат*. Очевидно, адресат стихотворения не соотносится с исторической фигурой – Марией-Аннунциатой-Каролиной Бонапарт, младшей сестрой Наполеона, женой Иоахима Мюрата. Если предположить, что стихотворение не является переводом, то можно выдвинуть такую гипотезу происхождения посвящения: возможно, упоминаемая здесь «принцесса Н. Мюрат» связана какими-то родственными узами с изве-

стным в Москве учителем французского языка и лектором «Дома песни» Сергеем Константиновичем Мюротом (кузеном П. д'Альгейма), женатым на Варваре Рукавишниковой – сестре поэта Ивана Рукавишникова. По словам Андрея Белого, С.К. Мюрот был потомком «неаполитанского короля», т.е. наполеоновского маршала Мюрата (*Андрей Белый. Между двух революций / Подг. текста и коммент. А. Лаврова. М., 1990. С. 199. Эспри – дух (фр.), зд.: сияние, нимб.*

В книгу не включены несколько стихотворений 1914–1915 гг., переписанных рукой ДУ, из личного архива Н.А. Богомолова на том основании, что другие, соседствующие с ними тексты атрибутированы нами как стихи Случевского и Альвинга.

ПЕРЕВОДЫ

В раздел «Переводы» настоящего издания включены стихотворные переводы, а также перевод пьесы Р.М. Рильке.

Из разысканных стихотворных переводов ДУ в книгу не вошли:

1) несколько художественно не обработанных юношеских переводов, являющихся простыми подстрочниками: стихотворный фрагмент из книги Ницше «Так говорил Заратустра» («Eins! O Mensch, gib acht!») и стихотворение Гуго фон Гофманшталя («Noch spür ich ihren Athmen auf den Wangen»; оба – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1–1 об.); два стихотворения Рихарда фон Шаукаля: «Большие, злые птицы» («Böse grosse vögel»; РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4 об.) и «Хроника» («Chronica»; там же. Ед. хр. 8. Л. 1); стихотворение Рихарда Демеля «Иероглиф» («Hieroglyphe»; РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2 об.);

2) гимназический перевод из «Метаморфоз» Овидия («Нарцисс»; РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–2).

Не разысканы следующие переводы, упомянутые в составленном Е.Я. Архипповым перечне работ ДУ (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 70–73): «Осенних дней ароматы» Стефана Георге; стихи Альбера Самена; мистерия Р. Штайнера «Врата посвящения»; «Lobt doch unsre stillen Feste» и «An Tieck» Новалиса; «Семь печатей» Ф. Ницше; книга Рильке о Родене (1916), его одноактная драма в стихах «Белая Герцогиня» и переводы его стихотворений «Дворцы» и «Я ведал» (прочитанные ДУ на вечере в ГАХН 20 декабря 1924 г.); переводы из Клеменса Брентано для кандидатского сочинения; кельтская повесть X в. «Чудесное мореплавание Св. Брендана»; «по заказу б^{ывшего} Рус^{ского} Муз^{ыкального} об^{ществ}ва перевод текстов к музыке Шоссона, Дебюсси, Венсана д'Энди»; книга Йозефа Пембаура «О поэзии фортепианной игры» (с примечаниями ДУ и при участии П.А. Ро-

дионова – планировалась к изданию в Астрахани в 1921 г.); «Готическая песня» и «Апрель» – романсы на стихи Жерара де Нерваля и две еврейские народные песни («Колыбельная» и «Хасидская песнь»), положенные на музыку Дариусом Мийо (Milhaud) – исполнялись 7 апреля 1926 г. на вечере современной французской музыки в ГАХН, программа концерта: ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22. Л. 86, а также упоминаемая Л.В. Горнунгом в дневнике 14 января 1933 г. работа: «Сегодня в Радиоцентре был концерт из произведений С. Прокофьева. Самуил Евгеньевич <Фейнберг> играл его концерт для фортепиано с оркестром. Д.С. Усов сделал перевод текста “Песни валлийских рыбаков”. Музыка в обработке Самуила Евгеньевича Фейнберга. Очень красивая вещь» (*Горнунг Л.В. Воспоминания о семье Фейнберг (из дневников 1923–1960 гг.)* // РГАЛИ. Ф. 2841. Оп. 1. Ед. хр. 376. Л. 27). В другом месте дневника (Л. 28) Горнунг называет это произведение «Ночная песня рыбаков».

Сохранился, но в настоящее издание не включен неизданный перевод новеллы Э.Т.А. Гофмана «Угловое окно» (1934. РГАЛИ. Ф. 629 [изд. Academia]. Оп. 1. Ед. хр. 682. 1934. Машинопись с правкой переводчика и редактора).

ПЕРЕВОДЫ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

ИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ЭЛЛАДЫ

Совместная работа ДУ и А.Г. Челпанова, сделавшего подстрочники. Автограф (рукою ДУ) – в фонде С.В. Шервинского (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Ед. хр. 695. Л. 3–4). Об источнике оригиналов см. коммент. 8 к письму 74.

ПАРРАСИЙ

С. 228. Публикуется по кн.: *Голосовкер*. Кн. 2. С. 97. Все три перевода без указания имени переводчика опубликованы в кн.: *Греческие эпиграммы*. С. 247. Эпиграммы Паррасия – надписи на его картинах.

МЕНАНДР

С. 229. Публикуется по кн.: *Голосовкер*. Кн. 2. С. 102. Без указания имени переводчика впервые – в кн.: *Греческие эпиграммы*. С. 248. В этом издании текст комментируется так: «Считалось, что в этой эпиграмме говорится о Фемистокле (победителе персов при Саламине в 480 г. до н.э.) и философе Эпикуре (IV в. до н.э.), отцы которых носили имя Неоклов, но если эта

эпиграмма – эпитафия, то она должна быть отнесена к позднейшей эпохе, так как Эпикур умер на двадцать два года позже Менандра» (С. 276)

ФИЛИСК

С. 229. Публикуется по кн.: *Голосовкер*. Кн. 2. С. 103. Без указания имени переводчика впервые опубликовано в кн.: *Греческие эпиграммы*. С. 248.

ПАВЕЛ СИЛЕНЦИАРИЙ

С. 229. Публикуется по кн.: Византийский временник. 1969. Т. XXX. М., 1969. С. 293 [публикация Ф.А. Петровского]. Републиковано: *Голосовкер*. Кн. 2. С. 378. Без указания имени переводчика и с изменением эпитета в первой строке («распаленные» вместо «воспаленные») впервые опубликован в кн.: *Греческие эпиграммы*. С. 266–267.

ДИОНИСИЙ ХАЛК

С. 229. Автограф переводов Дионисия Халка, Спевсиппа, Праксителя, Вакхилида, Эзопа, Фокилида, фрагментов неизвестных авторов, эпиграммы Софокла, Афирея, Демосфена, Эпихарма и загадки, приписываемой Клеобулине, – в письме к Э.Ф. Голлербаху от 28 января 1933 г. (II, 619–620).

ВАКХИЛИД

С. 230. *Надпись над дверями храма*. Без указания имени переводчика опубликовано в кн.: *Греческие эпиграммы*. С. 243. Републиковано (без заглавия, с вариантом «Евдем») в кн.: *Голосовкер*. Кн. 1. С. 200.

СОФОКЛ

С. 232. «*Эпиграмма в ответ Еврипиду...*». Без указания имени переводчика опубликовано в кн.: *Греческие эпиграммы*. С. 244.

Надпись. Публикуется по кн.: *Голосовкер*. Кн. 1. С. 327.

АФАРЕЙ

С. 232. Без указания имени переводчика опубликовано в кн.: *Греческие эпиграммы*. С. 247.

ДЕМОСФЕН

С. 232. Без указания имени переводчика опубликовано в кн.: *Греческие эпиграммы*. С. 248. Републиковано как перевод анонима в кн.: *Голосовкер*. Кн. 2. С. 101.

ЭПИХАРМ

С. 233. Без указания имени переводчика опубликовано в кн.: *Греческие эпиграммы*. С. 243. Републиковано с незначительным расхождением в пунктуации в кн.: *Голосовкер*. Кн. 2. С. 106.

<КЛЕОБУЛИНА>

С. 233. Примечание ДУ: «Приписывается поэтессе Клеобулине».

ЛУКИАН

С. 233. *Эпиграммы*. Публикуется впервые. Автограф – РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 1068-а. Эта единица хранения ошибочно называется здесь: «Лукиан. “Эпиграммы”». Перевод Богаевского Б.Л.». На самом деле, в ней находятся два перевода: на л. 1–9 – автограф выполненного ДУ перевода (в рукописи не хватает двух листов, где располагались эпиграммы 38–49), а на л. 10–23 не принятый к изданию перевод Богаевского – машинопись, с пометами редактора. Сохранился «Отзыв о переводе “Эпиграмм” Лукиана Д.С. Усова» В. Нилендера от 26 июля <1934 г.>: «Не все эти эпиграммы одинакового достоинства, о подлинности некоторых ученые спорят. Но все они<, > несомненно<, > – и по стилевой манере и по содержанию и по языку принадлежат эпохе Лукиана. Это и оправдывает “полный” их перевод».

Перевод Д.С.Усова указывает на правильное понимание мысли подлинника и сделаны <так! – Т.Н.> хорошим языком; некоторые отмеченные мною недосмотры – не существенны и могут быть легко исправлены» (См. II, 2; XXI 5 поприще; XXXVII, XIII, 1).

Полагаю, что этот перевод вполне заслуживает напечатания» (РГАЛИ. Ф. 629 («Academia»). Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 166а (автограф Нилендера), Л. 116 (то же, машинопись). В заявлении Нилендера на гонорар за отзыв о переводе эпиграмм Лукиана сказано, что перевод ДУ составляет 212 стихотворных строк (Л. 134).

ПЕРЕВОДЫ С ЛАТИНСКОГО

МАРЦИАЛ

С. 241. Автограф – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22. Л. 75. Другой автограф – РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Ед. хр. 695. Л. 8. Примечание переводчика: Из книг «Ксений» (Xenia) и «Апрофоре́та» Марциала (Mart. Lib. XIII et XIV) [надписи-двустишия к подаркам, посылаемым на дом или уносимым с собою из гостей].

С. 242. *Картина, изображающая Данаю*. Список рукою Е.Я. Архипова этого перевода: РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 84.

С. 242. *Рабыня из Кадикса*. К последней строке сделано примечание переводчика: «mast-urbatorem».

ПЕРЕВОДЫ С ИТАЛЬЯНСКОГО

С. 242. *Танец*. Печатается по нотам: *Россини Дж. Танец*. Неаполитанская тарантелла. Свобод. пер. Д. Усова. М.: Гос. изд-во. Муз. сектор. 1929.

ФРАНЧЕСКО СЦИПИОН МАФФЕИ (1675–1755)

Francesco Scipione, marchese di Maffei

С. 244. <Отрывок из трагедии «Мерона»>. Автограф (с датой 1935 г.) – РГАЛИ. Ф. 629 (изд. «Academia»). Оп. 1. Ед. хр. 1045. Л. 3. Второй автограф: Ф. 2813 (коллекция Л.В. Горнунга). Оп. 1. Ед. хр. 41. Опубликовано без указания имени переводчика в кн.: *Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия*. М.; Л.: Academia, 1936. С. 179–180. В основу данного издания, вышедшего в серии «Классики эстетической мысли» под общей ред. Мих. Лившица и сопровождаемого статьей В.Р. Гриба и комментариями Б.И. Пуришева, положено фундаментальное комментированное издание К.Т. Солдатенкова (М., 1883), перевод для которого выполнил И.П. Рассадин. В издании Солдатенкова стихотворные цитаты приводятся в прозаических переводах, а в издании 1936 г. они даны в ритмических соответствиях оригиналам. ДУ выполнил все стихотворные переводы в издании 1936 г. В настоящем издании приведены лишь два самых пространных фрагмента (из Маффей и Вольтера).

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

С. 245. *Крестьянское восстание 1525 г.* Автограф (1930) – РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 1897. Л. 2. Примечание переводчика: «Флориан Гейер – вождь движения». Опубликовано: *Старокадомский М.Л.*

Крестьянское восстание 1525 г.: Немешкая революционная песня. Пер. с нем. Д. Усова. М.: ММГ, 1931.

С. 245. *Ласточки*. Печатается по нотам: Шуман Р. Ласточки. Народная песня для двух голосов с ф.-п. Соч. 79. № 20. Пер. Д. Усова. М.: ММГ, 1929.

МАРТИН ЛЮТЕР (1483—1546)

Martin Luther

С. 246. *Хорал*. Оригинал — «Ein fester Burg ist unser Gott». Опубликовано в кн.: Хрестоматия по зарубежной литературе. Эпоха Возрождения: В 2 т. / Сост. Б.И. Пуришев. М., 1962. Т. 2. С. 301—302.

ЛЮДВИГ УЛАНД (1787—1862)

Ludwig Uhland

С. 247. *Кузнец*. Печатается по нотам: Брамс И. Романсы и песни... М.: ММГ, 1933. С. 13—14.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ (1749—1832)

Johann Wolfgang von Goethe

Переводы печатаются по кн.: Гете И.В. Собр. соч.: В 13 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1932. Т. 1. Лирика. Под ред. А.Г. Габричевского и С.В. Шервинского. С. 74, 115, 142, 149, 150, 163, 164, 168, 250, 251, 252, 275, 300, 321, 324, 480.

С. 247. *Дикая роза*. Этот перевод процитирован О.Э. Мандельштамом в его радиосценарии «Молодость Гёте», написанном в Воронежской ссылке весной 1935 г., когда Усов был уже арестован.

С. 258. *Блаженное томление*. Из книги Гёте «Западно-восточный диван» (Кн. 1). Печатается по первопубликации в машинописном журнале «Гермес» (№ 4. Июль 1924. С. 130), с экземпляром которого из семейного архива любезно разрешил нам познакомиться покойный М.Б. Горнунг.

С. 259. *Песнь старца*. Печатается по нотному изданию: Мусоргский М.П. Полн. собр. соч. Т. 5. Вып. 1—2. М. — ВЛУИ. (Автор перевода в нотах не указан).

ЙОЗЕФ ЭЙХЕНДОРФ (1788—1857)

Joseph Karl Benedikt Freiherr von Eichendorff

С. 259. *Весенняя ночь*. Опубликовано: Шуман Р. Весенняя ночь. Для голоса с ф.-п. Соч. 39. М., 1933.

С. 260. «*Кому бог нежность посылает...*». Это и последующие стихотворения опубликованы: Эйхендорф Й. Из жизни одного без-

дельника. Пер. Д. Усова // Немецкая романтическая повесть: В 2 т. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 350, 357, 380, 384, 385, 394, 412, 418, 427–428.

ФРАНЦ КСАВЕР ШЛЕХТА ФОН ВШЕРД (1796–1875)

Franz Xaver Schlechta von Wschehrd

С. 265. *Напев рыбака*. Печатается по нотам: *Шуберт Фр.* Избранные песни: В 6 т. Для голоса с ф.-п. / Сост., ред., вступит. статья, предисл. и примеч. Ю.Н. Хохлова. Т. 5. М., 1979. Перевод опубликован на сайте «Век перевода» (с ошибкой в имени автора, названного здесь Фридрихом фон Шлехта).

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ (1797–1856)

Heinrich Heine

С. 266. *«На Севере кедр одиноко...»*. Перевод стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...». Автограф неизвестен. Публикуется по списку Е.Я. Архиппова (ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22. Л. 76). Под переводом выписка из последнего, видимо, полученного письма ДУ: «...А еще большая близость в нашей судьбе – со стихотворением Гейне... Из письма 8 июня <1>942».

Фицлинуцци. Автограф этого и нижеследующих переводов из Гейне – РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 109–135. [1934 г.]. См. об этой работе письмо 218. Этот и все нижеследующие переводы Гейне (кроме «Поместье Обидино») опубликованы как переводы «Е. Дмитриевского» в кн.: *Гейне Г.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Под общей ред. Н.Я. Берковского и И.К. Луппола. М.: Худож. литература. 1939. Т. 3. Лирика. Ред. переводов и коммент. Я.М. Металлова (далее: *Гейне*. Т. 3 с указанием страниц и мест, отличающих печатную редакцию текста от архивной; места, различающиеся лишь оформлением пунктуации и орфографии, мы не отмечаем). *Риджент-стрит* – лондонская улица. *Эразму ...* – Эразм Роттердамский (ок. 1469–1536) – католический писатель, богослов. *Кажется, его пугает / Не на шутку...* – В печ. редакции: Кажется, ему внушает / Большой ужас... *То в Кифхойзере...* – В печ. редакции: В Кифгейзере. *Кифгейзер* – замок в горах Тюрингии, где, по легенде, сотни лет спит в подземелье император Фридрих Барбароса, грядущий «освободитель немецкого народа» (см. «Германию» Г. Гейне) ... *в гроте / У Венеры...* – по старинному немецкому преданию, в гроте у Венеры провел, предаваясь любовным утехам, семь лет Тангейзер (см. «Тангейзер» Г. Гейне). *Кортес Фернандо* (1485–1547) – завоеватель Мексики. *Мать звалась Иохаведа...* – В печ. редакции: Иохавед. *Монтецума* – последний властитель Мексики, умер в 1520 г. *Автор же – Фернандо Кортес*. – В печ. редакции: Автор – дон Фернандо Кортес. *Оллеа-потриды* – популярное ис-

панское блюдо. *И решили: «Отступленья».* – В печ. редакции: *И решили отступить. Трудно выиграть сражение / Стратегическим искусством / С панцирем и конным строем.* – В печ. редакции: *Но в таких проходах тесных / Нынче не решает боя / Тактика Европы старой, – / Кони, шлемы, огнеметы. Минул битвы страшный день; / Бредовая ночь настала.* – В печ. редакции: *Страшный день прошел. Настала / Бредовая ночь триумфа. ... в Мексико.* – В печ. редакции: *в Мексике. Генри Мартин.* – Ошибка Гейне. Имя английского художника, о котором идет здесь речь, – Джон Мартин. ... *пальмового сока.* – В печ. редакции: *хмеля. Базельская «Пляска смерти»...* – древнейшее из немецких изображений «Пляски смерти» (начала XIV в.), исчезнувшая (стена была снесена) настенная живопись в бывшем Клингентальском монастыре близ Базеля. Здесь вся композиция распадалась на 38 отдельных групп, в каждой из них фигурировала смерть. Мэннкен-Писс (Manneken Pis, «писающий мальчик») – скульптура, фонтан XVII в., символ Брюсселя. ... *Te Deum <laudamus>.* – Тебя, Бога, <хвалим> (лат.), христианский гимн IV в. св. Амвросия Медиоланского. ... *рог злоеций.* – В печ. редакции: *коровий. «De profundis!»* – Начальные слова 130-го псалма, в католич. церкви текст похоронного пения. ... *Кортесом любимой страстно.* – В печ. редакции: *Первой Кортеса любви. «Miserere!»* – «Сжальтесь!» (лат.), первое слово католич. молитвы «Помилуй меня, Боже» («Miserere mei, Deus»). *Тетушка моя Крысиха.* – В печ. редакции: *Тетушка, царица крыс. Да, для них я стану чертом, / И меня достойно примут / Сатана и Велиал, / Астарот и Вельзевул.* – В печ. редакции: *Да, хочу я чертом стать, / Шлю приятелям привет мой: / Сатане и Велиалу, / Астароту, Вельзевулу. О, Лилит, грехов праматерь, / Скользящая змея – ты с ними!* – В печ. редакции: *А тебе привет особый, / Мать грехов, змея Лилита!*

С. 285. *Поместье Обидино.* Печатается впервые. Автограф – РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 118–119.

С. 287. *Морфина.* Автограф – РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 119 об. Опубликовано: Гейне. Т. 3. С. 304–305. *Какое сходство меж сестрой и братом, / Прекрасными и юными – хотя / Сестра бледней лицом и много строже, / Сказала бы я даже: величавей, / Чем брат...* – В печ. редакции: *Как велико семейственное сходство, / Прекрасных юношей – хотя один бледнее / Пускай, быть может, и намного строже, / Сказала бы я даже: величавей, / Но все ж... Сестра, что так сурова и бледна.* – В печ. редакции: *Другой, что так суров и бледен.*

Воскресенье из мертвых. Автограф – РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 120–120 об. Опубликовано: Гейне. Т. 3. С. 95–96. *Никто не спрячет под маской лица...* – В печ. редакции: *Никто не*

спрячется никуда. *Когда в огне мирового конца...* – В печ. редакции: *Когда в день Страшного суда.*

С. 288. Испанские Атриды. Автограф (частично рукой А.Г. Усовой) – РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 121–128. Опубликовано: *Гейне, Т. 3. С. 72–81. В лето тысяча и триста / Восемьдесят три...* – Неверная дата: Дон Энрико II в эту пору уже не правил Кастилией. На престоле с 1379 г. был его сын Жуан I. *Локуста* – древнеримская отравительница. *Педро Жестокий* (1334–1369) – король Кастилии, женился в 1353 г. на Бланш Бурбонской, не разойдясь, однако, с доньей Марией де-Падильей. В 1369 г. Энрико Транстамаре, один из внебрачных сыновей Педро, выступил в союзе с другими испанскими грандами против своего отца, убил его в сражении и занял престол Кастилии. *Слава – вот то преступление...* – В печатной редакции: *Слава брата – преступление. Я живым последний раз.* – В печ. редакции: *Я живым в последний раз.*

С. 297. Мими. Машинопись – РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 129–130. Опубликовано: *Гейне, Т. 3. С. 206–209. Гвидо из Ареццо* – монах XI в., прославившийся исследованиями по теории музыки. *Превзойден и Берлиоз...* – В печ. редакции: *Превзошли и Берлиоза.*

С. 298. Рожденные друг для друга. Машинопись – РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 131. Опубликовано: *Гейне, Т. 3. С. 200. Скорбя, что так несчастлив я...* – В печ. редакции: *несчастен.*

С. 300. Поэтико-музыкальный союз молодых котов. Машинопись – РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 575. Л. 133–135. Опубликовано: *Гейне, Т. 3. С. 211–213. Котятски-наивной.* – В печ. редакции: *кошачье-наивной. Поэзии-музыки хочет он, / Рулад, но трелей без чувства, / Вокальной поэзии – словом, того / Искусства, где нет искусства.* – В печ. редакции: *Рулад, позабытых ныне, / Вокально-инструментальных стихов, / Где музыки нет и в помине. Который, хотя и фальшивая порой, / Достигает высшей ступени.* – В печ. редакции: *Пускай бессознательно, но легко / Достигающий высшей ступени. ... оперной дивы...* – В печ. редакции: *дивной Зонтаг. ... пьанист...* – В печ. редакции: *пианист.*

С. 302. Тело и душа. Автограф неизвестен. Печатается по кн.: *Гейне, Т. 3. С. 176–177. Великий Бер (не Мейербер)* – игра слов: *Bär* – медведь (нем.). *Мейербер Джакомо* (1791–1864) – композитор.

С. 303. Эдуард. Автограф неизвестен. Печатается по кн.: *Гейне, Т. 3. С. 259.*

ФРИДРИХ РЮККЕРТ (1788–1866)

Friedrich Rückert

С. 304. Посвящение. Печатается по нотам: *Шуман Р. Посвящение Для голоса с ф.-п.: h-ges.2: Соч. 25. М.: ММГ, 1933.*

СТЕФАН ГЕОРГЕ (1868–1933)

Stefan George

С. 304. Сон и смерть. Автограф – в альбоме С.Н. Дурылина (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 276. Л. 22) с пометой переводчика: «В Сергиев день. Москва. 1914». Оригинал – «Traum und Tod» (из книги «Ковер жизни, или Песня о сне и смерти», 1899).

С. 305. «О, травы лета, душен ваш аромат...». Автограф с названием «Подражание Стеф<ану> Георге» и датой «1914» – ОР РГБ. Ф. 218. К 1071. Д. 22. Л. 4. Оригинал – «Juli-Schwermut» (из книги «Ковер жизни, или Песня о сне и смерти», 1899. Стихотворение написано алкеевой строфой.

«Рдяные рожи на срезах гор...». Автограф – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22. Л. 19 об. Оригинал – «Flammende Wälder am Bergesgrat...» (из книги «Год души», 1897).

ФРИДРИХ ДЕТЛЕФ ФОН ЛИЛИЕНКРОН (1844–1909)

Detlev von Liliencron

С. 306. После бала. Оригинал – «Nach dem Ball» (из книги «Adjutantenritte und andere Gedichte», 1883). Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 10 об. Дата под переводом: 26 октября <1913?>. Другой автограф – Там же. Ед. хр. 24. Л. 5–5 об. Разночтения: в этом варианте стихотворение поделено на четверостишия, первые три строфы отчеркнуты от последующих, затем последние два от предыдущих. Строка 5: И сады наши – сонмы любовных грез. Строка 9: Кровавит полосу. Строка 11: С себя трясет росу. Строка 18: Ты зажег их экстазом любовных лучей. Подпись: Перевел Д. Болконский. Слово «перевел» зачеркнуто карандашом. *Гретна Грин* – местечко в национальном парке Великобритании – Озерном крае. *Comtesse* – графиня (фр.).

ГАНС БЕНЦМАН (1869–1926)

Hans Benzmann

С. 307. Парсифаль. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 7. В переводе после второй строфы пропуск.

ДОЛОРОЗА (1879 – после 1908)

Maria Eichhorn-Fischer

С. 307. Dolorosa (лат. многострадальная) – немецкая писательница, автор эротических стихов и прозы с садомазохистскими мотивами.

С. 307. *Le jardin des supplices*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 10. *Le jardin des supplices* – сад мучений (фр.).

СТЕФАН ЦВЕЙГ (1881–1942)

Stefan Zweig

С. 308. *Пение фонтана*. Оригинал – «Singende Fontäne». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 16–16 об. С датой: 24.VI.1922.

АЛЬФРЕД МОМБЕРТ (1872–1942)

Alfred Mombert

С. 310. *Зимний вечер*. Оригинал – «Winterabend». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 11. Второй автограф <1913> – *Там же*. Ед. хр. 6. Л. 2. Отличие в строке 3: «Уста мои в ранах – Мне больно от тех поцелуев». Подпись: «Перевел Димитрий Болконский».

ХЕДВИГ ЛАХМАН (1865–1918)

Hedwig Lachmann

С. 311. *Ландшафт*. Автограф – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22. Л. 1 об. Дата перевода: 1914.

РИХАРД ДЕМЕЛЬ (1863–1920)

Richard Dehmel

Немецкий поэт, интерес к которому проявляли многие молодые литераторы 1910-х гг.: «отличные переводы» Демеля делал, по словам Пастернака, Юлиан Анисимов (*Пастернак Б.* Охранная грамота // *Пастернак Б.* Избранное: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 145); статью Демеля «Книга и читатель» в переводе А.А. Сидорова печатали метнеровские «Труды и дни» (1912. № 3).

С. 311. *Моя застольная песня*. Оригинал – «Mein Trinklied». Автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–2 об. Подпись под переводом: «Перевел Д. Болконский. Москва. 1913».

С. 312. *Голос вечера*. Издали. Оригиналы – «Stimme des Abends»; «Tief von fern». Автографы – РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 2152. Л. 9 и 9 об. Переводы изданы: *Шебалин В.* Ор. 1. Из Р. Демеля. Голос вечера. Издали. Русский текст Д. Усова. ММГ, 1926.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ (1875–1926)

Rainer Maria Rilke

Большая часть стихотворных переводов Рильке выполнена ДУ осенью-зимой 1922 г. – см. письмо 35. Посылая их Е.Я. Архиппо-

ву, ДУ писал: «Переводы – в размерах подлинника. “Я обитаю между днем и сном...” – другой перевод того же стихотворения принадлежит А. Биску (“Я живу меж явью и сном...”), сделанный не размером подлинника. “Ночь вырастает...” – другой перевод (не размер-
<ом> подлинн<ика>) – В. Эльснера. “Рыцарь” – точный перевод 6–7 стр.: “И сам Господь тьмы и тысячи раз поставлен у всех проезжих дорог”. “И я вошел как пилигрим” – Стр. 2–3 допускает двоякое толкование; буквальный перевод: “Полный муки, я ощутил у своего лба тебя, о камень”:

Und fühlte, voller Qual,
An meiner Stirne dich, du Stein.

Все переводы сделаны по изданию сочинений Рильке Лейпцигского книгоиздательства “Insel”.

Издательство «Инзель» («Остров», нем.) возникло вслед за одноименным журналом, первый номер которого появился в 1899 г. Издательство, выпустившее многие книги Рильке (а также и собрание его сочинений), существует и по сей день.

ИЗ КНИГИ «ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ» («ERSTE GEDICHTE», 1913)

С. 313. <Замок Энглар в городе Эппан>. Оригинал – *Englar im Erran*. Автограф – Книга Архиппова. Л. 14.

ИЗ КНИГИ «ЖЕРТВЫ ЛАРАМ» («LARENOPFER», 1896)

С. 313. *Вигилии*. Автограф – Книга Архиппова. Л. 3. *Вигилии* – 1) у римлян: ночные караулы. Ночь от 6 ч. вечера до 6 ч. утра делилась на четыре стражи, по 3 часа каждая; 2) у первых христиан всеобщие бдения накануне больших праздников; 3) ныне у католиков канун праздника и, в частности, богослужение накануне дня Всех святых. Цикл «Вигилии» у Рильке состоит из четырех стихотворений. ДУ перевел первое.

ИЗ КНИГИ «АДВЕНТ» («ADVENT», 1898)

С. 313. *Девушки поют*. Оригинал – «Die Mädchen singen». Автограф – Книга Архиппова. Л. 3. *Адвент* (ожидание, лат.) – католический праздник, начинающийся за четыре недели до Рождества. Другой автограф: РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 7 об. Строка 1: Девушки пели. 2-я строка: Девушки все кого-то ждут. Стихотворение в этой редакции не разделено на строфы.

С. 314. «Тебя я встречу в воскресенье...». Оригинал – «Ich möchte draußen dir begegnen...». Автограф – Книга Архиппова. Л. 3 об.

ИЗ КНИГИ «МНЕ НА ПРАЗДНИК» («MIR ZUR FEIER», 1899)

С. 314. *Мотто*. Оригинал – «Motto» (1897). Автограф – Книга Архиппова. Л. 3 об.

«Я обитаю между днем и сном...». Оригинал – «Ich bin zu Hause zwischen Tag und Traum...» (1897). Автограф – Книга Архиппова. Л. 4. Второй автограф – Там же. Л. 15.

С. 315. «Часто в часы, когда ночь темна...». Оригинал – «Manchmal geschieht es in tiefer Nacht...» (1898). Автограф – Книга Архиппова. Л. 4.

«Вы кажетесь, сестры, садами...» Оригинал – «Ihr Mädchen seid wie die Gärten...» (1898). Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 4 об.

Молитвы девушек Марии деве. ДУ перевел не все стихотворения этого цикла. Автографы – Книга Архиппова. Л. 4 об. – 5. Оригинал – «Gebete der Mädchen zu Maria» (1898).

II. «Взгляни, как скудны наши дни...». Оригинал – «Schau, unsre Tage sind so eng...». Другая, более ранняя, редакция: РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1. В строке 1 вместо «скудные» – «тесные», строка 2: страшит ночной покой, последняя строка: «И вся в огне стоит».

С. 316. IV. «Я обратиться в божий сад...». Оригинал – «Dein Garten wollt ich sein zuerst...».

VIII. «Прошлой ночью приснилось мне...». Оригинал – «Gestern hab ich im Traum gesehen...».

XVI. *После молитв*. Оригинал – Nach den Gebeten («Ich aber fühle, wie ich wärmer...», 1898). Другая, более ранняя, редакция: РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1 об. Строка 3: И с каждым утром все беднее, 4: И с каждым вечером стыжусь, 6: И слышны крики в наших снах, 7: О, дай мне грусть об этом гробе.

С. 317. «Я так боюсь человеческих слов...». Оригинал – «Ich fürchte mich so vor der Menschen Wort...» (1898). Автограф – Книга Архиппова. Л. 5.

«Ночь вырастает, как черный град...». Оригинал – «Die Nacht wächst wie eine schwarze Stadt...» (1898). Автограф – Книга Архиппова. Л. 5 об.

«Ночью, когда часы идут...». Оригинал – «Wenn die Uhren so nah...» (1898). Автограф – Книга Архиппова. Л. 5 об. – 6.

С. 318. «Песни те, что рождались когда-то...». Оригинал – «Meine frühverliehenen Lieder...» (1897). Автограф – Книга Архиппова. Л. 13. ДУ счел возможной контаминацию из работ А. Биска и своей, сопроводив стихотворение примечанием: «Перевод I-go

куплета Д. Усова, II и III – А. Биска». О Биске см.: *Азадовский К. Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора. Вып. 1. СПб., 2001. С. 95–115.*

ИЗ «КНИГИ ОБРАЗОВ» («DAS BUCH DER BILDER», 1902)

С. 319. Рыцарь. Оригинал – «Ritter» (1899). Автограф – *Книга Архиппова*. Л. 6 об. Другая редакция: РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 3. Строка 2: едет в мир бессонных тревог, 6 : И поставлен Господень алтарь. 8–19: Только в груди, что закрыла броня / У тяжелой огады / Скорчилась смерть – грезит день изо дня: / Будет ли час отгады? / Чей-то меч сокрушит в бою / Этот панцирь замкнутый, / Эту стальную тюрьму, / Где я сижу согнутой <так! – Т.Н>. / И когда я увижу свободу былую – / Череп, смеясь, к синеве подниму, – / И запою, / И возликую!». Под листом подпись: Д. Болконский. Перевод посвящен П.Г. Антокольскому. – На листке рукой Антокольского пометы: «Прошу сей листок возвратить мне. П.А. Для 4 №» (т.е. для номера рукописного альманаха «Призыв», выпускавшегося Антокольским и ДУ в гимназии. Хранится в семейном архиве Антокольских у А. Тоом). Этой же рукой зачеркнуто посвящение и подпись.

Невеста. Оригинал – «Die Braut» (1898). Автограф – *Книга Архиппова*. Л. 7. Другая редакция: РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 2.:

НЕВЕСТА

Позови же, милый, меня!
Пусть невеста твоя не ждет у окна...
Аллея платанов спит одна,
Вечер унес мечту
В пустоту.....

Если ты не приходишь в слова мечты
вместе со мной затвориться –
то я улетаю с земной черты
и хочу в сады синевы
излиться.....

Д. Болконский.

С. 320. Благовещенье. Оригинал – «Verkündigung» (1899). Автограф – *Книга Архиппова*. Л. 7–8. Ранний автограф – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 35. Здесь стихотворение носит название «Maria». Разночтения: строка 2: В стенах разлук, 6: И свет и красоту, 11–12: Какое слово Тот изрек, / Который в солнце был, 14– 15: Мольбу не помню ту / И вот – я начинающий, 21–24: Ты – царства царственная

дверь, / И я ключи несусь / Я знаю, мой напев теперь / Исчез в твоём лесу. Строки 25–36 в ранней редакции пропущены.

С. 321. *Песнь статуи*. Оригинал – Das Lied der Bildsäule (1899). Автограф – Книга Архиппова. Л. 13.

ИЗ КНИГИ «ЧАСОСЛОВ» («DAS STUNDEN-BUCH», 1905)

С. 322. *«И я вошел как пилигрим...»*. Оригинал – «Da trat ich als ein Pilger ein...» (1899), из цикла «О монашеской жизни». Автограф – Книга Архиппова. Л. 8–8 об. Этот и следующий переводы («И вот один из бывших за столом») были выполнены раньше осени 1922 г.

«И вот один из бывших за столом...». Оригинал – «Manchmal steht einer auf beim Abendbrot...» (1901), из цикла «О паломничестве». Автограф – Книга Архиппова. Л. 5 об.

С. 323. *Святой Георгий*. Оригинал – «Sankt Georg» (1907). Автограф – Книга Архиппова. Л. 9. Другой вариант перевода <1913–1914> – РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 12:

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

И она всю ночь, всю ночь стоит
На коленях и зовет сильнее –
Дева слабая: «Ты видишь змея?
Я не знаю, для чего он бдит».

Всадник появился; белый конь
Из тумана; шлем и щит сияли
Он узрел ее в венце печали,
И она узрела тот огонь,

Что был рыцарем. И вот он, рдея,
По далеким странам поскакал.
Меч в деснице ярко запылал –
Он направил путь на змея.

Кроткий вождь, страшной самой судьбы,
И она колени преклонила,
И победы для него молила,
И не ведала, что из борьбы

Выйдет с честью тот, кого любовно
Сердце девы – чисто и готовно <-->
Призвало. В часы борьбы неровной
Стали башнями ее молюбы.

О других переводах этого стихотворения на русский язык см.: Горелик М. Дева, дракон и герой // Вопросы литературы. 2007. № 2.

С. 323. *Портрет дамы восьмидесятих годов*. Оригинал – «Damen-Bildnis aus den Achtziger-Jahren» (1907). Автограф – Книга Архиппова. Л. 8 об.

С. 324. *Три волхва*. Оригинал – «Die Heiligen drei Könige» (1899). Автограф – Книга Архиппова. Л. 11–11 об. Примечание ДУ: «неправильность дактилических рифм 1-й строфы соответствует подлиннику (sommerlich – begrüßten sich), 7-я строка, разбивающая ямб: «Drei Könige und ein Stern». Перевод сохраняет размер и чередование рифм и ассонансов».

ИЗ ВТОРОЙ ЧАСТИ КНИГИ «НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ» (DER NEUEN GEDICHTE ANDERER TEIL, 1908)

С. 326. *«Справа и слева – аллея...»*. Оригинал – «Leise von den Alleen» (1907, 2-е стихотворение из цикла «Парки»). Автограф – в письме Архиппову от 12 февраля 1923 г. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 7 об.).

«Бассейны и пруды в своих овалах...». Оригинал – «Den Teichen und den eingerahmten Weihern...» (1907, 3-е стихотворение из цикла «Парки»). Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 12.

С. 327. *«Боги, что стояли и белели...»*. Оригинал – «Götter von Alleen und Altanen...» (1907, 5-е стихотворение из цикла «Парки»). Автограф – Книга Архиппова. Л. 12 об.

Солнечные часы. Оригинал – «Sonnenuhr» (1908). Автограф – Книга Архиппова. Л. 14.

С. 328. *Старый Брюгге*. Автограф – в письме Архиппову от 12.11.1923 (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 7 об.). Оригинал – «Quai du Rosaire / Brügge» (1907) из книги «Новые стихотворения».

С. 329. *Брак в Кане Галилейской*. Оригинал – «Von der Hochzeit zu Kana» (1912) из книги «Das Marienleben». Источник – список рукой неустановленного лица с указанием имени переводчика в альбоме Л.В. Горнунга (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 14–14 об.). Четверостишие оригинала Усов передал шестистишиями.

ЙОГАННЕС РОБЕРТ БЕХЕР (1891–1958)

Johannes Robert Becher

С. 330. *Насильники*. Печатается по кн.: Революционная поэзия современного Запада. Антология / Под ред. П.С. Когана. М.: Моск. рабочий, 1927. С. 85.

ЭРИХ КУРТ МЮЗАМ (1878–1934)

Erich Kurt Mühsam

С. 332–334. Песня оборванцев; Песнь сопротивления; Примиренья нет. Переводы печатаются по кн.: Революционная поэзия современного Запада. Антология. Под ред. П.С. Когана. М.: Моск. рабочий, 1927. С. 123–125.

ГАНС ШВАЛЬМ (1906–1969)

Hans Schwalm

С. 335. Штурмквартал. Печатается по нотам: Фогель В. Штурмквартал (Ганс Швальм). Рус. пер. Д. Усова. ММГ, 1932. *Веддинг* – район Берлина, где строились баррикады после расстрела полицией первомайской демонстрации 1929 г. Более знаменитой стала другая песня об этих событиях: «Красный Веддинг» (в исполнении Эрнста Буша).

АЛЬБЕРТ ЦИММЕР

Albert Zimmer

С. 336. Тогда будет работа. Печатается по нотам: Тогда будет работа. Для смешанного 4-голосного хора без сопровождения. Муз. Карла Фольмера. Текст Альберта Циммера. Пер. с нем. Д. Усова. ММГ, 1932.

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

С. 337. Кансона. Печатается по нотам: Александров А. Двенадцать песен народностей Запада. М.: Музгиз. 1935. С. 32–34.

ФРАНСУА ВИЙОН (между 1431/1432 – после 1463, до 1491)

François Villon

С. 337. Баллада о парижских женищинах. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Ед. хр. 695. Л. 2–2 об. – в письме 170 ДУ Шервинскому. Перевод опубликован на сайте «Век перевода».

НИКОЛА БУАЛО (1636–1711)

Nicolas Boileau-Despréaux

С. 338. <Отрывок из поэмы «Поэтическое искусство»>. Автограф – ОР РНБ. Ф. 207. Ед. хр. 107 (альбом Э.Ф. Голлербаха). Л. 28. ДУ перевел первую часть поэмы. Целиком перевод не ра-

зыскан. Сохранились лишь стихи 163–170, записанные в альбом Голлербаха. См. I, 45–46.

МИШЕЛЬ ЖАН СЕДЕН (1719–1797)

Michel Jean Sedaine

С. 338. *Мне страшно с ним наедине*. Перевод сделан в 1913 г. Автограф – РГАЛИ. Оп. I. Ед. хр. 25. Л. 14 об. Второй автограф (в письме С.Н. Дурылину от 25 июня 1913 г., II, 14) – РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. I. Ед. хр. 855. Л. 12. Разночтения: незначительные отличия в пунктуации; иной эпитет во 2-й строке: «Я вся дрожу, как в темном сне»; указан источник эпиграфа – опера «Ричард Львиное сердце» (1784) А.Э.М. Гретри (1741–1813), либретто для которой написал Мишель Жан Седен (1719–1797). Эта ария стала широко известной в России как романс Графини из оперы Чайковского «Пиковая дама» (1890). Чайковский построил музыкальный фон драмы из стилизаций и цитат музыки последней трети XVIII в. Обретя популярность, ария чаще всего обозначалась как романс (реже – песенка) Графини из «Пиковой дамы», и далеко не все исполнители и слушатели знали, что имеют дело с фрагментом оперы не Чайковского, а Гретри. М. Кузмин процитировал первую строку арии Гретри по-французски в качестве эпиграфа к стихотворению «Когда душа твоя немела» (из цикла «Трое») и в том же стихотворении повторил ее в своем переводе («С ним ночью страшно говорить»). Подробнее см.: Кац Б. Призрак «Пиковой дамы»: опера Чайковского и «Поэма без героя» // Кац Б. Музыкальные ключи к русской поэзии, СПб.: Композитор. 1997. С. 171–177. *Je crains de lui / Parler la nuit*. – Мне страшно с ним говорить ночью (фр.).

ВОЛЬТЕР (1694–1778)

Voltaire

С. 339. <Отрывок из трагедии «Меропе»>. Автограф – РГАЛИ. Ф. 629 (изд. «Academia»). Оп. I. Ед. хр. 1045. Л. 3. Второй автограф: Ф. 2813 (коллекция Л.В. Горнунга). Оп. I. Ед. хр. 41. Опубликовано без указания имени переводчика в кн.: Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия. М.; Л., 1936. С. 180.

ПЕСНИ И ГИМНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Автографы – РГАЛИ. Ф. 653. Оп. I. Ед. хр. 731. Л. 1–7 (помета: «Сдано в производство 12 мая 1934»). Опубликовано в нотах: Песни и гимны Великой французской революции для голоса с фортепьяно. 1934. Соч. Дроздова А.Н.

С. 339. *Спасем отечество*. В печ. тексте названо «Защитим отечество».

ФРАНЦУЗСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

С. 342. *Ответы Марион*. РГАЛИ. Автограф – РГАЛИ. Ф. 2748. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 6–8 об. Опул. в нотах: *Александров А.* Двенадцать песен народностей Запада. М., 1935. С. 30–31.

Матросы из Груа. Автограф – РГАЛИ. Ф. 2748. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 10 об. – 16. Опубликовано в нотах: *Александров А.* Двенадцать песен народностей Запада. С. 26–29.

С. 343. *В старых башмаках*. Опубликовано в нотах: *Шишов И. П.* Семь песен народов Запада. Для голоса с ф.-п. ММГ, 1933. С. 14–15 (2-е изд.: 1934).

ПЬЕР ЖАН ДЕ БЕРАНЖЕ (1780–1857)

Pierre-Jean de Béranger

С. 344. *Потоп*. Оригинал – «Le déluge».

С. 345. *14 июля*. Оригинал – «Le Quatorze Juillet». Переводы печатаются по кн.: *Беранже Ж. П.* Полное собрание песен. Изд. «Красная газета». Редакция Вс. А. Рождественского. М., 1929. Т. II. С. 193–194.

ЭЖЕН ЭДИН ПОТЬЕ (1816–1887)

Eugène Édine Pottier

С. 346. *Коммунар*. Печатается по нотам: *Дегейтер П.* Коммунар. Марш. Муз. обраб. для голоса с ф.-п. Зары Левиной и Бориса Шехтера. Слова Э. Потье. Пер. Д. Усова. ММГ, 1928 (2-е изд.: 1935).

ФРАНСУА ЭДУАРД ЖОАШЕН КОППЕ (1842–1908)

François Édouard Joachim Coppée

С. 348. *Октябрь*. ДУ дал этому стихотворению подзаголовок: «На мотив из Фр. Коппэ» и поместил этот текст среди своих оригинальных стихотворений. Однако текст следует считать не вариацией на темы Коппе, но переводом его стихотворения «*Matin d'Octobre*» («Октябрьское утро») из сборника «*Les Humbles*» (1872). Автограф – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22. Л. 7. Опубликовано в кн.: Первый сборник группы молодых поэтов. Стихи. М., 1914. С. 23.

СЮЛЛИ-ПРЮДОМ (1839–1907)

Sully-Prudhomme (полное имя: *René François Armand Prudhomme*)

С. 348. *Непостоянство*. Автограф – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22. Л. 74–74 об. (Переведено до 1924 г.).

С. 349. *Сон*. Опубликовано: Красная Новь. 1923. Книга седьмая. Декабрь. № 7(17). С. 129. То же: *Сюлли-Прюдом*. Избранные

стихотворения / Сост. П.Н. Петровский. М.: Земля и Фабрика, 1924. С. 78.

С. 349. *Потерянное время*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 882. Опубликовано: Сюлли-Прюдом. Избр. стихотворения. С. 119.

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ (1864–1936)

Henri de Régnier

С. 350. *Придверница*. Оригинал – «La Gardienne» из сборника «Tel qu'en songe» (1892). Автограф – РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 52.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН (1855–1916)

Emil Verhaeren

С. 351. *Дождь*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 17–17 об. Сокращенный перевод опубликован: Гимназист. Ежемесячный иллюстрированный журнал (под ред. В. Каллаша). 1915. № 5. С. 7. Перевод опубликован на сайте «Век перевода». ДУ напечатал в приложении к журналу «Проталинка» рассказ «Э. Верхарн» (1916). Статью ДУ «Эмиль Верхарн» (1919) см. I, 437–439. Кроме того, ДУ перевел стихотворение Верхарна «Ночь в небо зимнее» на немецкий язык. Этот перевод опубликован в нотах: Александров А.Н. Слова несказанные: Четыре стихотворения. Соч. 30. Вена; М. 1927. С. 18–22 (авторство русского перевода не обозначено).

ПОЛЬ ВЕРЛЕН (1844–1896)

Paul Verlaine

С. 352. *Под сурдинку*. Оригинал – «En sourdine» (сб. «Fêtes galantes», 1869). Автограф – РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 53. В автографе подзаголовок: Из П. Верлена («Празднества влюбленных»).

С. 353. *Луна, белея...*. Оригинал – «La lune blanche...». Автограф – РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 54. Примечание ДУ: Перевод был сделан для музыки Г. Форэ и Э. Шоссона.

Кошмар. Оригинал – «Cauchemar» («Poèmes saturniens. Цикл: «Eaux-fortes»). Автограф – РГАЛИ. Ф. 941 (ГАНХ). Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 55–56. Ранний вариант перевода (около 1914 г.) – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22. Л. 4 об. Отличия от позднейшей редакции в первых двух строках: «Я видел: в томительном сне / Как вихорь, летел на коне».

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ (1842–1898)

Stéphane Mallarmé

С. 354. *Окна*. Печатается по машинописному журналу «Гермес» (№ 4, июль 1925. С. <21–22>). Стихотворение опубликовано на сай-

те «Век перевода» (с местоимением «я» – в первой строке последнего четверостишия; у Малларме: «Est-il moyen, ô Moi qui connais l'amertume»).

С. 355. *Зимняя дрожь*. Опубликовано: Гермес. № 4, июль 1925. С. <23–24>.

МОРИС МЕТЕРЛИНК (1862–1949)

Maurice (Mooris) Polydore Marie Bernard Maeterlinck

С. 356. *Песнь Богоматери*. Оригинал – «Cantique de la Vierge» в «Sœur Béatrice» («À toute âme qui pleure...»; из книги «Quinze chansons», 1900). Впервые: Поэты Бельгии / Сб. под ред. и со вступ. статьей С.Н. Дурылина. М., 1915. С. 33.

С. 357. «*Ее заключили в грот...*». Оригинал – «Elle l'enchaîna dans une grotte» (из книги «Quinze chansons», 1900). Печатается по кн.: Поэты Бельгии. М., 1915. С. 28–29. Автограф перевода (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 19 об.) отличается от печатной редакции: строки 1–3: Она заперла ее в грот / И сделала знак у ворот. / Позабыла Дева лучи, 5: Она всю зиму ждала. Строка 11: Ее искали, ее обрели; последняя строка: И странник скрывается снова.

ЖОЗЕ МАРИЯ ДЕ ЭРЕДИА (1842–1905)

José-Maria de Heredia

С. 357. *Коралловый риф*. Автограф – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 19–19 об. Перевод датируется 1914 или 1915 г. – по соседству с переводом из Метерлинка. Опубликовано на сайте «Век перевода». С чтением переводов из Эредиа и Метерлинка Усов выступал 30 апреля 1915 г. на студенческом вечере поэзии в Московском университете.

ПЕРЕВОДЫ С ДРУГИХ ЯЗЫКОВ*

С. 358. *Шуточная*. *Английская народная песня*. Автограф с датой «21/X–<19>32» – РГАЛИ. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 328. Опубликовано без указания авторства перевода в нотах: *Васильев П.И.* Четыре английских народных песни. В обраб. для голоса с ф.-п. Ред. А. Доливо. Рус. текст К.Ш. ММГ, 1935.

РОБЕРТ БЕРНС (1759–1796)

Robert Burns

С. 359. *Прощание горца*. Перевод выполнен не с языка оригинала, для издания нот: *Шуман Р.* Прощание горца. Для голоса с ф.-п.; h-fis. 2: Соч. 25. Рус. текст Д. Усова. ММГ, 1933.

* В этот раздел включены переводы, выполненные, возможно, не с оригиналов, а с подстрочников.

С. 359–360. Гебридские песни: Сборицы водорослей; За прялкой. Опубликовано в нотах: Александров А. Двенадцать песен народностей Запада. М.: ММГ, 1935. С. 9–10, 11–13. *Гебридские острова* – архипелаг в Атлантическом океане, у западных берегов Шотландии.

С. 360. Детская песенка. Печатается по нотам: Компанеев З.Л. Четыре удмуртских народных песни. Рус. текст Д. Усова. ММГ, 1934. С. 3. (Кроме этой песни, ДУ перевел еще три: «Девичья песенка», «Ласточка», «Два дрозда»).

Калмыцкая песня. Опубликовано: Компанеев З.Л. Калмыцкие песни. Рус. текст Д. Усова. ММГ, 1934. С. 5–6.

С. 361. На рисовых полях. Японская революционная песня. Опубл. с пояснением «слова Д. Усова» в кн.: Международный сборник революционных песен. Для пения с сопровожд. ф.-п. / Под общ. ред. В. Рамм. М.: Музгиз, 1933. С. 25–28.

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

С. 363. Обыденная жизнь. По памятной записи Архиппова (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 75 об.), перевод выполнен в 1917 г. Печатается по публикации в машинописном журнале «Гермес» (№ 4. 1924. С. 168–225; экземпляр из архива семьи Горнунгов). Публикацию сопровождал следующий текст: «Редакция Hermes' <a> признала желательным напечатать перевод драмы Р.М. Рильке, имея в виду очень значительную роль немецкого поэта в модернистическом движении, возродившем немецкую литературу и введшем ее в общий поток художественного восстания Европы против натуралистического нигилизма. В печатной драме Рильке избирает, быть может, и не вполне правильный путь, из объятий натурализма попадая в объятия чеховского импрессионизма, но тем интереснее для нас влияние русского писателя, ознаменовавшего и у нас внутренний распад натурализма и образовавшего своеобразный переход от 80-х к 90-м годам».

Перевод пьесы сопровождался нижеприведенной статьей ДУ (нумерация примечаний – сквозная в тексте пьесы и предисловии – была нами изменена).

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

I

Райнер Мария Рильке (род. 1875 г.) незаслуженно мало известен в России. Между тем, во многих его стихотворениях (особенно в «Книге часов») и рассказах («Рассказы о Господе Боге») мы встречаем своеобразно разрабатываемые русские мотивы. И не должно рассмат-

ривать это только как тягу к экзотике: Рильке, по собственному признанию, многим обязан России в смысле выработки оригинального миропонимания, и вопрос о русских отношениях Рильке – один из существенных вопросов при оценке всего состава его творчества.

У нас уже делались опыты ознакомления русских читателей с лирикою Рильке¹. Но из прозы Рильке доныне опубликован, насколько нам известно, лишь перевод «Заметок Мальте Лауридс<а> Бриге».

Рильке, кроме названного, дал сборники рассказов: «Мимо жизни» («Am Leben hin») и «Последние». В драматической форме им написаны четыре вещи; если расположить их в порядке восходящего мастерства, то ниже всего окажется игравшаяся в свое время на народных сценах одноактная пьеса «Ныне и в час кончины живота нашего» («Jetzt und in der Stunde unseres Absterbens»), мелодраматичная по характеру и незатейливая по построению; значительнее двухактная драма «Ohne Gegenwart», в которой мы склонны видеть отраженья театра Ибсена («Маленький Эйольф») и Метерлинка («L'Intruse»), может быть, отчасти – Гауптмана. Далее следуют равноценные – одноактная драма, «сцена у моря», в свободных стихах: «Белая Герцогиня» («Die Weiße Fürstin. Eine Szene am Meer») и переведенная нами драма «Das tägliche Leben»². Говоря о драматических опытах Рильке, нельзя не упомянуть о выполненном им переводе «Чайки» Чехова, которая была отвергнута М. Рейнхардтом.

II

В 1901 году, совершив путешествие по России, Рильке поселился в селе Ворпсведэ в торфяных районах Бременской округи. Здесь он жил в ближайшем соседстве с теми пятью немецкими живописцами, которые, подобно барбизонцам, составили художественную группу «ворпсведцев» и о творчестве которых Рильке написал одну из своих прекраснейших книг – «Worpswede»³. Здесь создавалась и собиралась «Книга образов» – мост между садами раннего творчества Рильке и парнасскими высотами его «Новых стихов». Здесь же протягивалось все дальше отъединенное глубокое русло, куда стекались струи, образовавшие впоследствии «Книгу часов». На этом же перепутьи возникла и драма «Das tägliche Leben».

¹ [Примечание редакции]: Подробнее об этом см. в рецензии на книгу стихотворений Р.М. Рильке в переводе Ал. Биска, в настоящем номере «Гермеса». [Однако, в четвертом номере «Гермеса» (экземпляр из архива Горнунгов), где был опубликован перевод пьесы Рильке с послесловием переводчика, указанная рецензия отсутствует. – Т.Н.].

² Здесь и ниже примечание ДУ: Перевод сделан по изданию: Das tägliche Leben. Drama in zwei Akten von Reiner Maria Rilke. Albert Langen. Verlag für Literatur und Kunst. München, 1902 (стр. 85).

Она лишена внутреннего движения, разветвляющейся фабулы. Действие возвращается по своим следам и как бы впадает в самое себя. Отдельные эпизоды, как, например, диалог Софьи и Лойтхольда в первом акте, — только лишний груз для действия, которое они заставляют кружиться на месте. В настоящее время у нас вряд ли найдется сцена, требованиям которой смогла бы отвечать наша драма. По типу ее можно отнести к «драмам настроения». Может быть, сцена Георга с Софьей (I акт) отражает впечатления, вынесенные Рильке за время его работы над Чеховым. Характерно упоминание Георга о «любимых русских поэтах». Но имя Маша («Mascha, das Modell»), возмозжно, принесенное из русских странствий — конечно, только «новый звук» среди примелькавшихся немецких имен; эта русская натурщица, «не такая, как все они», попавшая в художественную атмосферу того немецкого города, где разыгрывается действие, ничем не выражает себя со стороны своего национального происхождения.

Мы оставляем за нашу драмой (как и за «Белою Герцогиней») значение «пьесы для чтения». Уступая лирике Рильке в богатстве, силе и выразительности, она все-таки очень характерна для его творчества. Она вся пронизана мотивами живописи (как и некоторые рассказы Рильке, напр., «Im Gespräch»). В центре стоит художник — фигура, возмозжно, получившаяся из сводного портрета дружественно изученных автором ворпсведцев с интимным обликом самого Рильке. В словах Георга о красках, о свете, о творческом порыве, наконец, о его рассказанных картинах мы без труда распознаем мотивы «Worpswede». Образ Елены, по-видимому, восходит к северной традиции. Эдель Люне⁴ мелькает в ней, и Геда Габлер, и над всем диалогом Елены и Георга во II акте (представляющем поворотный пункт драмы) лежит настроение, определенное для последнего диалога Ребек<к>и <и> Росмера: «Это налетело на меня, как ветер с моря, как бури, поднимавшиеся там у нас на Севере, зимою. Это подхватывает тебя и несет тебя с собою, неведомо куда. Нечего и думать о сопротивленьи»⁵. Но буря, проносящаяся над Георгом Мильнером, не холодная и всесокрушающая, а одна из тех

¹ Worpswede (Fritz Mackensen, Otto Modersohn, Fritz Overbeck, Hans am Ende, Heinrich Vogeler) von Reiner Maria Rilke. Künstler Monographien, hrsg v. H. Knackfuss. 64. Seite Afl. Lpz 1910 (стр. 156).

⁴ Из романа Якобсена «Петер Люне», кот<орый> Рильке высоко ценит. [Енс Петер Якобсен (1847—1885) — датский писатель. Роман «Петер Люне» написан в 1880 г. Рильке в «Письмах молодому поэту» писал: «Из всех моих книг лишь немногие насущно необходимы для меня, а две всегда среди моих вещей, где бы я ни был. Они и здесь со мной: это Библия и книги великого датского писателя Йенса Петера Якобсена». — Т.Н.].

грозно-радостных весенних бурь, о которых любит говорить Рильке, после которых земля и душа открытым лоном принимают ниспадающие в них семена⁶. В отзвуках чужих голосов властно крепнет голос самого Рильке, и исход драмы освещен весенним солнцем, которое обещает долгое зреющее творческое лето и в лучах которого все «так просто, так трогательно просто».

В неоднократно упоминаемой нами книге «Worpswede» Рильке говорит о картине своего друга Гейнриха Фогелера «Возвращение» следующее⁷:

«Man kann von diesem Bilde nichts Rühmenderes sagen, als daß in ihm alles Liebliche und Stille aus Vogelers erster Schaffenszeit noch einmal anklingt; es wirkt wie ein letzter Frühlingsstag. Die Rosen wurden groß, und morgen wird Sommer sein»^{*}.

Заменим в этих строках слово «Bild» словом «Drama» и имя Фогелера именем Рильке – и перед нами будет, может быть, лучшая сценка драмы «Das tägliche Leben».

Д.У.

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

В раздел включены избранные статьи и рецензии ДУ. Полный перечень см. в разделе «Библиография». При публикации без специальных оговорок исправлены газетные опечатки и сокращения.

КНИГА ЧАСОВ Р.М. РИЛЬКЕ Ч. 1. О МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ

Опубликовано в издании, не имевшем продолжения: «Футуристы. Первый журнал русских футуристов». 1914. № 1/2. С. 142–144. Подпись: Uagus. В оглавлении журнала – правильный вариант подписи: Vagus (странник – лат.). Атрибутируется на основании автобиблиографии Усова. Оттиск статьи из архива ДУ: РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1 об. На титульном листе рецензируемой книги не 1914, а 1913 г. Анисимов писал Садовскому: «Книжка

⁶ [Ребекка и Росмер – герои пьесы Генрика Ибсена «Росмерсхольм». Цитата – слова Ребекки. – Т.Н.].

⁶ Ср. в «Worpswede», указ. изд., стр. 148.

⁷ «Worpswede». Стр. 144.

^{*} «Как еще похвалить эту картину, если не сказать, что в ней слышна вся прелесть и вся умиротворенность первого периода; она словно последний день весны. Розы уже крупные, и завтра настанет лето» (Пер. В. Микушевича. Цит. по кн.: Рильке Р.М. Ворпсведе // Рильке Р.М. Проза. Письма. Харьков; М. 1999. С. 271).

выходит без моего участия – и мне до нее нет дела. Похвалят ладно, обругают тоже. Корректуру держит Сергей Николаевич <Дурылин>» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 19 об.).

¹ «Лирика» – поэтический кружок и издательство (см.: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга. 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 101–103; II, 8–9). Второй книгой, изданной «Лирикой», были «Вертоградари над лозами» С. Боброва (М., 1913).

² У Рильке: «Da trat ich als ein Pilger ein». «Солнце в соборе...», «Паломник, я сюда вступал...» (нем.).

³ Из стихотворения «Ich lebe grad, da das Jahrhundert geht...».

⁴ Из стихотворения «Ich habe Hymnen, die ich schweige».

⁵ Из стихотворения «Wenn es nur einmal so ganz stille wäre».

⁶ После публикации в 1912 г. проекта орфографической реформы, не получившего высочайшего одобрения, некоторые издания стали выходить по новым орфографическим правилам, отменявшим, в частности, букву «ять». По старым орфографическим нормам все четыре слова должны писаться с «ять».

MARIE MADELEINE

Опубликовано: «Футуристы. Первый журнал русских футуристов». 1914. № 1/2. С. 147–148. Подпись: Димитрий Болконский. Атрибутируется на основании автобиблиографии ДУ. *Marie Madeleine* – Мария Магдалина (фр.) Под этим именем публиковалась немецкая писательница Marie Madeleine Baronin von Puttkamer (урожд. Гюнтер; 1881–1944). В 19 лет стала знаменитой после выхода книги эротической лирики «Auf Kypros» (1900; 37 изданий до 1910 г.), вышла замуж за барона, на 35 лет старше, поддерживавшего ее крайне экстравагантный стиль жизни. Овдовев, получила большое наследство. Как писатель была активна до 1928 г. (стихи, поэмы, рассказы, романы), в 1930-е гг. стала злоупотреблять наркотиками, на которые растратила все свое состояние, умерла в психиатрической клинике. См. также I, 233, 509.

¹ Такого кружка не существовало. ДУ, по-видимому, хотел провести аналогию с русской «Лирикой» (см. о ней в примеч. 4 к письму 2).

² *Рихард фон Шаукаль* (1874–1942) – австрийский поэт-символист. Сохранились два подстрочных перевода из Шаукаля, выполненных ДУ еще в гимназии (подробнее см. примеч. к разделу «Переводы» – I, 587). *Арно Хальц* (1863–1929) – немецкий поэт и драматург, теоретик натурализма. *Карл Густав Фолльмёллер* (1878–1948) – немецкий поэт и драматург, связанный с кругом Стефана Георге, ему была посвящена антология немецких переводов из русских по-

этов Иоганнеса фон Гюнтера «Neuer russischer Parnass» (Berlin, 1912).

³ Об Альфреде Момберте, Рихарде Демеле, Стефане Георге см. I, 596–597. Каждый из них был весьма значительной фигурой в немецкой поэзии. Объединение этих авторов в одну группу говорит не столько о неглубоком на тот момент знании их творчества (ДУ каждого из них пробует переводить – см. I, 304–305, 310–312), сколько об юношеском радикализме суждений и непродолжительной попытке «подыграть» общему футуристическому тону издания, ориентированному на ниспровержение авторитетов литераторов старшего поколения.

⁴ Эльза Ласкер-Шюлер (1869–1945) – немецкая поэтесса, драматург, прозаик.

⁵ Скорбная (лат.) – псевдоним немецкой писательницы (эротические стихи и фривольные песенки, проза с садомазохистскими мотивами) и артистки кабаре Марии Айххорн (Maria Eichhorn, 1879 – после 1908).

⁶ Интерьер из пурпурного шелка (нем.). Цитата-парафраза из австрийского поэта Феликса Дёрманна (Felix Dörmann; 1870–1928): первая строчка стихотворения «Intérieur» («Ein Intérieur von lichter Scharlachseide»), из его сборника 1897 г.

⁷ Вероятно, отсылка к опере Вагнера.

⁸ Болтовни (фр.). Здесь в значении «светская беседа во время поездки на автомобиле».

⁹ Джулия Йобст (Julia Jobst; 1853–1935) и Ева фон Бодиссин (Eva von Baudissin; 1869–1943) – немецкие писательницы, авторы дамских романов.

¹⁰ Йозеф Кюршнер (1853–1902) – немецкий писатель и лексикограф. «Народная Библиотека Кюршнера» выпускала дешевые издания, от классиков до сентиментальной беллетристики.

¹¹ Виллисса – по немецкому поверью, душа девушки, умершей до свадьбы.

АННА АХМАТОВА. ЧЕТКИ. СТИХИ

Опубликовано: Жатва. Вестник литературы. М., 1915. Кн. VI–VII. С. 468–471.

¹ Цитата из дневника Новалиса (август – сентябрь 1796 г.), см. в новейшем изд.: *Novalis. Schriften. Bd. 4. Tagebücher, Briefwechsel, Zeitgenössische Zeugnisse.* In: *Die Werke Friedrich von Hardenbergs.* hrsg. von P. Kluckhohn und R. Samuel. Stuttgart. 1975. S. 25.

² Цитата из статьи И.Ф. Анненского «О современном лиризме».

³ Анна Ахматова. Четки. Стихи. Пг., 1914.

⁴ Анна Ахматова. Вечер. Стихи. СПб., 1912.

⁵ Цитата из стихотворения «Я научилась просто, мудро жить...» (1912).

⁶ Главный образ стихотворения «Меня покинул в новолунье...» (1912) – «канатная плясунья».

⁷ *Сандрильона* – Золушка. «Друг шепчет: «Сандрильона, / Как странен голос твой» («...И на ступени встретить...»).

⁸ Ср. в стихотворении «Ты письмо мое, милый, не комкай» (1912): «Не пастушка, не королева / И уже не монашенка я».

⁹ Цитата из стихотворения «Дверь полуоткрыта...» из книги «Вечер».

¹⁰ «И был бы, верно, я поэт, / Когда бы выдумал себя» (И.Ф. Анненский, сонет «Человек»).

¹¹ Из стихотворения «Мальчик сказал мне: Как это больно!» (1913).

¹² «Плотно сомкнуты губы сухие. / Жарко пламя трех тысяч свечей. / Так лежала княжна Евдокия / На сапфировой душиной парче» (Плотно сомкнуты губы сухие..., 1913).

¹³ Из стихотворения «Я пришла тебя сменить, сестра...» (1912).

¹⁴ Из того же стихотворения.

¹⁵ «Нельзя отрицать, что на нее [Ахматову. – Т.Н.] оказали известное давление Кузмин и И. Анненский, ритмы и темы которых так часто вспоминаются при чтении ее стихов. Но не одни только внешние приемы взяла у них г. Ахматова. Они близки ей по духу, и своеобразную окраску получают их ритмы, их детализация явлений и едкая острота ощущений» (Львова Н. Холод утра. (Несколько слов о женском творчестве) // Жатва. Кн. 5. М., 1914. С. 255). *Львова Надежда Григорьевна* (1891–1913) – поэт. Статья Львовой была написана в мае 1913 г.

¹⁶ «Сколько просьб у любимой всегда...» (1913).

¹⁷ «Покорно мне воображение...» (1913).

¹⁸ «Я пришла к поэту в гости» (1914).

¹⁹ «Как велит простая учтивость...» (1913).

²⁰ «Исповедь» (1911).

²¹ «Здесь все то же, то же, что и прежде...» (1912).

²² «Бессонница» (1912).

²³ «Здесь все то же, то же, что и прежде...» (1912).

²⁴ «Вечером» (1913).

²⁵ «Как вплелась в мои темные косы...» (1912).

²⁶ «Под навесом темной риги жарко» (1911).

²⁷ «Цветов и неживых вещей...» (1913).

²⁸ Цитата из стихотворения Анненского «Аметисты». При цитировании исчез курсив, которым были у Анненского выделены слова «связь» и «слияние».

²⁹ Из стихотворения И.Ф. Анненского «Свечку внесли» (неопубликованный перевод этого стихотворения на немецкий, выполненный ДУ 14.09.1925: РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 111). ДУ, принявший от своих любимых поэтов – Анненского и Рильке –

идею двойственности мира, ждет от Ахматовой знания о «подлинной» реальности, просвечивающей за миром вещей.

ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО. ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

Опубликовано: Жатва. Вестник литературы. 1915. Кн. VI–VII. С. 461–462.

¹ «*Индии богатой*» — отсылка к распространенной на Руси переводной повести XIII в. «Сказание об Индии богатой». *Бхавабхути* (Бавабути) (VIII–IX вв.) — индийский драматург. *Индра* — один из великих богов в ведической религии, громовержец, бог-вотель.

² «Сама икона новгородской Софии никакого греческого образа не имеет — это дело нашего собственного религиозного творчества. Смысл его был неведом архиереям XIV века, но мы теперь можем его разгадать» (*Соловьев Вл.* Идея человечества у Августа Конта // *Соловьев В.С.* Собр. соч. / Под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Т. IX. СПб., 1913. С. 188).

³ Из Первого послания к Тимофею (Тим., 3, 15). Так же назван труд П.А. Флоренского (М., 1914).

⁴ Здесь и ниже цитаты из очерка В.Г. Короленко. В пустынных местах. (В новейшем изд.: *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1954. Т. 3. С. 129).

⁵ См.: *Гиппиус З.* Алый меч. СПб., 1906; *Пришвин М.* У стен града невидимого. М., 1912. А также: *Левандовский А.А.* «Мистерия» на Светлояр-озере в восприятии интеллигенции // *Казань*; М.; Пб.: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 202–212. ДУ перенял интерес к образу Китежа от С.Н. Дурылина, см. примеч. 1 к письму 2.

⁶ Слова князя Мышкина из романа Ф.М. Достоевского «Идиот».

Р.М. РИЛЬКЕ. — КНИГА ЧАСОВ

Опубликовано: Жатва. Вестник литературы. 1915. Кн. VI–VII. С. 485–488. Правильное название рецензируемой книги: Книга часов Р.М. Рильке. Ч. 1. О монашеской жизни (24 избранных стихотворения). М.: Лирика, 1913. На обороте титульного листа: «Стихи из книги часов переложены Юлианом Анисимовым».

¹ *Ангелус Силезиус* (*Angelus Silesius*; наст. имя Иоханнес Шефлер; 1624–1677) — немецкий поэт-мистик. Главное сочинение, опубликованное в 1657 г., «Остроумные речения и вирши» («*Geistreiche Sinn- und Schlußreime*»), при втором издании, в 1675 г., получило название «Херувимский странник» («*Cherubinischer Wandersmann*»).

² «Книга часов» («Das Stunden-Buch») Рильке создавалась в 1899–1903 гг., была издана в 1905 г.

³ Первая строфа стихотворения Рильке «Du bist die Zukunft, großes Morgenrot» (1901):

Du bist die Zukunft, großes Morgenrot
über den Ebenen der Ewigkeit.
Du bist der Hahnschrei nach der Nacht der Zeit,
der Tau, die Morgenmette und die Maid,
der fremde Mann, die Mutter und der Tod.

⁴ «Rußland – das ist das Land, wo die Menschen einsame Menschen sind, jeder mit einer Welt in sich, jeder voll Dunkelheit, wie ein Berg; jeder tief in seiner Demut, ohne Furcht, sich zu erniedrigen, und deshalb fromm. Menschen voll Ferne, Ungewißheit und Hoffnung: Werdende». – Из письма Рильке к шведской писательнице Эллен Кей. Книга прозы Рильке «Рассказы о Господе Боге...» («Vom lieben Gott und Anderes. An Große für Kinder erzählt», 1900).

⁵ Например, некоторые стихотворения Рильке в переводе А. Биска (Одесские новости. 1906. № 7115. 25 дек. С. 4; Русская мысль. 1911. № 6. С. 85–86). О рецепции Рильке в России см.: Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / Издание подготовил Константин Азадовский. СПб., 2003.

⁶ Первая часть «Книги Часов» «О монашеской жизни» состоит из 67 стихотворений. Т.о., Анисимов перевел примерно одну ее треть. Вторая часть – «О паломничестве» – состоит из 34 стихотворений. Оригиналы указанных переводов: «Du bist das Kloster zu den Wundenmalen» и «In diesem Dorfe steht das letzte Haus».

⁷ «Склоняется час» – оригинал «Da neigt sich die Stunde und rührt mich an» – первое стихотворение «Книги часов». «Богородице» (С.10) – в оригинале без заглавия: «Wir dürfen dich nicht eigenmächtig malen».

⁸ Первые строки оригиналов Рильке: «Есть много братьев у меня в сутанах» (С. 9) – «Ich habe viele Brüder in Soutanen». «Как у стражи на садах плодовых» (С. 32) – «Wie der Wächter in den Weingeländen». «Ты мне сосед, Господь, и ты меня прости» (С. 12) – «Du, Nachbar Gott». «Так одинок последний дом в деревне» (С. 39) – «In diesem Dorfe steht das letzte Haus».

⁹ Анисимов писал: «Допуская вместе с Рильке неточные рифмы (у Рильке, например, – zu / du), или иногда нерифмованные строки, или, наконец, полную нечеткость размера, я старался передать лишь несколько наиболее характерных мыслей Рильке» (С. [5]).

¹⁰ Правильно: С. 22.

¹¹ «Раз человек тебя алкал когда-то» (С. 18) – «Alle, welche dich suchen, versuchen dich».

¹² С. 29. В оригинале: «Dich heben hunderttausend Harfen / Wie Schwingen aus der Schweigsamkeit» (стихотворение «Es tauchten tausend Theologen»).

¹³ С. 30. В оригинале: «Ich aber will dich wieder sammeln» (стихотворение «Die Dichter haben dich verstreut»).

¹⁴ С. 16. В оригинале: «So haben dich ja die Kinder lieb» (стихотворение: «Ich glaube an Alles noch nie Gesagte»).

¹⁵ В стихотворении «Ныряли столько богословы» («Es tauchten tausend Theologen»). С. 28.

¹⁶ С. 15. В оригинале: «Die stillen Kräfte prüfen ihre Breite / Und sehn einander dunkel an» (стихотворение «Ich lebe grad, da das Jahrhundert geht»).

¹⁷ С. 36. «За многими стенами» – «Wie hinter vielen Wänden», «с моими темными руками» – «zu meinen dunklen Händen» (стихотворение «So bin ich nur als Kind erwacht»).

¹⁸ С. 30. Из стихотворения «Die Dichter haben dich verstreut»

¹⁹ У Анисимова: «И иногда кажусь себе я рошей, / Над кладбищем, шумящей и расцветшей» (С. 11). У Рильке: «Ich bin ein Baum vor meinem Hintergrunde» (стихотворение «Mein Leben ist nicht diese steile Stunde»).

²⁰ С. 37. «...und fünfzig Kirchen, welche aus Opalen / Und Stücken Bernstein aufgemauert sind» (стихотворение «Du bist das Kloster zu den Wundenmalen»).

«ВНОВЬ БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ»

(О новом издании стихотворений Владимира Соловьева)

Опубликовано: Млечный Путь. 1916. № 2. С. 24.

¹ Из стихотворения В. Соловьева «Вновь белые колокольчики» (1900).

² Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942) – поэт, племянник философа В.С. Соловьева.

³ Из статьи А. Блока «Рыцарь-монах» (1910).

⁴ Из второй части «Фауста» Гёте.

⁵ Из стихотворения В. Соловьева «От пламени страстей, нечистых и жестоких» (1884).

ЕВРИПИД. ДРАМЫ

Опубликовано: Понедельник. 1918. № 7. 2 (15) апр. С. 4.

Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944) – филолог-классик, переводчик античных авторов, профессор. См. о нем: Аверинцев С.С. Зелинский // РП-2. С. 336–337. Отклик Зелинского на перевод Анненским двух драм Еврипида («Медея» и «Алкеста») см.: Зелинский Ф. Из жизни идей. СПб., 1908. С. 321–338; Он же. Иннокен-

тий Федорович Анненский как филолог-классик // Аполлон. 1910. № 4, янв. Отд. II. С. 1–9.

¹ Издательство М. и С. Сабашниковых успело выпустить три тома Еврипида в переводе Анненского (в 1916, 1917 и 1921 г.) из предполагавшихся шести. «Сабашниковское издание выходило под редакцией Ф.Ф. Зелинского. Свои редакторские права он понял очень широко и не только снабдил его примечаниями и статьями (к тем драмам, к которым Анненский не успел их написать), но и внес большую правку в стихотворный текст Анненского – чтобы приблизить текст к подлиннику и отчасти чтобы (по своему разумению) улучшить стиль. Исправлены и переписаны были подчас до четверти и более строк в каждой трагедии. Те, кому дороже был Еврипид, радовались; те, кому дороже был Анненский (прежде всего наследники поэта), негодовали; вспыхнул газетный скандал (материалы его напечатаны в предисловии ко второму сабашниковскому тому). Последствий это не имело, так как издание оборвалось на следующем томе» (Ярхо В.Н. Примечания // Еврипид. Трагедии: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 604; см. также: Гаспаров М.Л. Еврипид Иннокентия Анненского // Там же. С. 593–594). Подробнее о взаимоотношениях И.Ф. Анненского и Ф.Ф. Зелинского см. коммент. А.В. Червякова в кн.: Анненский И.Ф. Письма. СПб., 2007. Т. 1. С. 186–189. Полное издание Еврипида Анненского: Еврипид. Трагедии. / Пер. Инн. Анненского, ст. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо, примеч. В.Н. Ярхо. Отв. ред. М.Л. Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»): В 2 т. М.: Ладомир-Наука. 1999.

² Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – философ, эссеист, публицист.

³ Хмара-Барщевская Ольга Петровна (урожд. Лесли, в первом браке Мельникова; 1867–1926), жена П.П. Хмара-Барщевского, пасынка Анненского, душеприказчица поэта. Об ее отношениях с И.Ф. Анненским см.: Лавров, Тименчик. С. 118–119.

⁴ Кривич Валентин Иннокентьевич (наст. фам. Анненский; 1880–1936) – поэт, сын И.Ф. Анненского. См. о нем: Лавров, Тименчик. С. 60, 135; Тименчик Р.Д. Кривич // РП-3. С. 155.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

Опубликовано: Понедельник. 1918. № 10. 6 мая (23 апр.). Цикл «Силуэты».

¹ Скульптурный портрет А.М. Ремизова (1911 г.), выполненный А.С. Голубкиной, находится в ее московском Мемориальном музее-мастерской.

² «Аполлон Тирский» – рассказ Ремизова, написанный 23–27 февраля 1917 г. и стилизованный под византийский роман. Вошел в

его кн.: Трава-мурава. Сказ и величание. Берлин: Изд. С. Ефрона, 1922.

³ Мережковский Д.С. Несолёная соль // Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник 1910–1914. Пг., 1915. С. 292.

⁴ Романы Ремизова «Пруд» (1905), «Часы» (1908).

⁵ «Жертва» (1902) – святочный рассказ Ремизова.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Опубликовано в московской газете «Понедельник» (№ 13 от 14 (27) мая 1918. С. 3).

¹ Портрет воспроизведен в кн.: Лавров, Тименчик. С. 62; РП-1. С. 85.

² Анненский И.Ф. Педагогические письма (Я.Г. Гуревичу). Второе письмо. К вопросу об эстетическом элементе в образовании // Русская школа. 1892. № 11. С. 65–86.

³ См.: Анненский И.Ф. Материалы и исследования: Учено-комитетские рецензии: В 4 кн. Изд. подгот. А.И. Червяков. Иваново, 2000–2002.

⁴ Четыре трагедии Анненского: «Меланиппа-философ» (СПб., 1901), «Царь Иксион» (СПб., 1902), «Лаодамия» (в сб.: Северая речь. СПб., 1906), «Фамира-Кифаред» (М., 1913). На сцене была поставлена последняя: см. II, 36–37.

⁵ Цитата из стихотворения в прозе Анненского «Моя душа» (Белый камень. 1908. № 1. С. 85).

⁶ Эти слова цитирует Ф.Ф. Зелинский в своей статье «Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик».

⁷ Анненский И. Кипарисовый ларец. М., 1910.

⁸ Из сонета Анненского «Черный силуэт».

П.Н. ПЕТРОВСКИЙ. НЕВОЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Опубликовано: Понедельник. 1918. № 14. 21 мая (3 июня).

Петровский Петр Николаевич (1864–1946) – поэт, переводчик. Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) – литературный критик, представитель так называемой импрессионистической (или имманентной) критики. См. о нем: Каган Ю.М. Айхенвальд // РП-1. С. 27–28. Первое издание книги (без предисловия Айхенвальда) вышло в 1916 г. в том же издательстве. Второе издание – в 1917 г.

¹ Из стихотворения «Молитвенно молчит завечеревший лес...». С. 28.

² Из стихотворения «Сиреневый вечер меж сосен червонных...» С. 39.

³ Из стихотворения «Кобра». С. 43.

⁴ Из стихотворения «Песенка». С. 47. Ср. «Зеленое сукно – цвет малахитов тинь» из стихотворения И.Ф. Анненского «Ямбы» (1906)

⁵ «И смеялись и плакали песни твои...», «Словами высказаться сердце не посмело...», «Осенним золотом чуть тронут...»

⁶ Из стихотворения «До старости еще далеко...». С. 95.

⁷ «Мертвящий холод мной разгадан...». С. 101.

⁸ Из стихотворения «Нашел я в прелестях весны...». С. 111.

⁹ Этих слов в книге нет.

¹⁰ С. 30, 31.

¹¹ Правильно «Из лунных мелодий». С. 32, 33.

¹² «Памяти Ф.И. Тютчева». С. 120.

¹³ «26 мая 1899 года». С. 118–119.

¹⁴ «2 июля 1904 года». С. 117.

¹⁵ Диптих «А.Н. Скрябину». С. 125–126.

¹⁶ С. 124.

¹⁷ С. 23.

¹⁸ Правильно «Раскрыт в траве твой зонтик белый». С. 27.

¹⁹ С. 93.

²⁰ С. 66.

²¹ С. 103.

²² Строки из баллады Гёте «Певец» («Der Sänger»). В оригинале: «Ich singe wie der Vogel singt, / Der in den Zweigen wohnt».

О.А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. КУЛЬТ СВ. МИХАИЛА В ЛАТИНСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ V–XIII в.

Опубликовано в газете «Понеделник». 1918. № 19. 25 июня.
Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (урожд. Добиаш; 1874–1939) – историк-медиевист, палеограф. Чл.-корр. АН СССР с 1929 г. Первая в России женщина – доктор всеобщей истории. Точное название книги: *Добиаш-Рождественская О.А. Культ св. Михаила в латинском средневековье V–VIII веков*. Пг., 1917.

ПРИВАТ-ДОЦЕНТ А.А. СИДОРОВ. ЧТО ТАКОЕ СРЕДНИЕ ВЕКА

Опубликовано: *Наша Родина*. 1918. № 24. 16 (3) июня 1918. С. 6.

¹ Издание адресовано «и историкам искусства» и «лицам с самым первоначальным общенсторическим образованием».

² Перечисленные примечания выглядят так: С. 11: «Термы – это роскошно сооруженные бани»; С. 13: «Фидий – знаменитый греческий ваятель V в., Лисипп – IV в. до Р.Х. – Упоминаемый ниже Мирон – скульптор V в.»; С. 16: «Св. Августин (354–430) – один из замечательнейших мыслителей всех времен. В своем сочинении «О граде Божиим» он дает как бы новое евангелие Средним Векам».

³ В заметке «От автора» Сидоров писал: «Что история искусств может быть вспомогательной наукой для истории всеобщей, это ясно и для того взгляда, который провозглашает самостоятельность современной работы об искусстве» (С. [3]).

⁴ *Минускул* (от лат. *minuscula* — маленький) — шрифт средневековых рукописей.

ДОГАДИНСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ В АСТРАХАНИ

Опубликовано: «Ученые записки Астраханского Государственного Университета». Вып. I. Астрахань, 1919. С. 94–103. Год спустя появилась краткая заметка на ту же тему: *Усов Д.* Картинная галерея в Астрахани // *Военмор.* 1920. № 15. 15 февр. С. 11.

В статье упомянуты художники:

Архипов Абрам Ефимович (1862–1930),
Бакст Лев Самойлович (1866–1924),
Бенуа Александр Николаевич (1870–1960),
Бенуа Альберт Николаевич (1852–1936),
Бенуа Леонтий Николаевич (1856–1928),
Бобровский Григорий Михайлович (1873–1942),
Богаевский Константин Федорович (1872–1943),
Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович (1870–1905),
Бродский Исаак Израилевич (1883/84–1939),
Бычков Вячеслав Павлович (1877–1954),
Бялыницкий-Бируля Витольд Казтанович (1872–1957),
Васильев Федор Александрович (1850–1873),
Васнецовы Аполлинарий (1856–1933) и *Виктор* (1848–1926) *Михайловичи*,

Власов Павел Алексеевич (1857–1935),
Герасимов Александр Михайлович (1881–1963),
Головин Александр Яковлевич (1863–1930),
Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960),
Денисов Василий Иванович (1862–1921),
Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957),
Дубовской Николай Никанорович (1859–1918),
Думитрашко Виктор Иванович (1845 – после 1901),
Жуковский Станислав Юлианович (1873–1944),
Зайцев Николай Семенович (1885–1938),
Кандауров Константин Васильевич (1865–1930),
Кипренский Орест Адамович (1782–1836),
Коровин Константин Алексеевич (1861–1939),
Коровин Сергей Алексеевич (1858–1908),
Котов Петр Иванович (1889–1953),
Крамской Иван Николаевич (1837–1887),
Кругликова Елизавета Сергеевна (1865–1941),

Крымов Николай Петрович (1884–1958),
 Кузнецов Павел Варфоломеевич (1878–1968),
 Куинджи Архип Иванович (1841–1910),
 Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946),
 Левитан Исаак Ильич (1860–1900),
 Лобанов Сергей Иванович (1887–1942),
 Маковский Владимир Егорович (1846–1920),
 Мальцев Григорий Павлович (1881–?),
 Малютин Сергей Васильевич (1859–1937),
 Малявин Филипп Андреевич (1869–1940),
 Манганари Александр Викторович (1851–1922),
 Масютин Василий Николаевич (1884–1955),
 Мещерин Николай Васильевич (1864–1916),
 Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871–1955).
 Пастернак Леонид Осипович (1862–1945),
 Петровичев Петр Иванович (1874–1947),
 Плотников Владимир Александрович (1866–1917),
 Поленов Василий Дмитриевич (1844–1927),
 Рылов Аркадий Александрович (1870–1939),
 Сапунов Николай Николаевич (1880–1912),
 Сарьян Мартiros (1880–1972),
 Сергеев Николай Александрович (1855–1919),
 Самов Константин Андреевич (1869–1939),
 Судейкин Сергей Юрьевич (1882–1946),
 Суриков Василий Иванович (1848–1916),
 Теодорович-Карповская Елена Терентьевна (1894–1943),
 Тропинин Василий Андреевич (1776–1857),
 Туржанский Леонард Викторович (1875–1945),
 Чехонин Сергей Владимирович (1878–1936),
 Шишкин Иван Иванович (1832–1898),
 Юон Константин Федорович (1875–1958),
 Якунчикова Мария Васильевна (1870–1902).
 О Стеллецком см. I, 10.

¹ Павел Михайлович Догадин (1876–1919) – коллекционер, из семьи астраханских купцов, инженер по образованию. Умер от тифа. См.: Слободских Т. Коллекция Павла Догадина. Астрахань, 2008. Картинная галерея открылась в воскресенье 15 декабря 1918 г.

² Кутум – река. В 1921 г. галерея переехала в особняк И.И. Плотникова, где и размещается по сей день.

³ Точнее, Догадин начал собирать коллекцию в 1912 г., к 1917 г. в ней насчитывалось около ста тридцати произведений искусства.

⁴ «Союз русских художников» – объединение художников (1903–1923), главным образом, бывших передвижников и членов «Мира искусства».

⁵ Выставка картин русских художников (старой и новой школ), организованная Московским Комитетом по оказанию помощи раненым в 1915.

⁶ См.: *Заворотная Л.А.* Коллекционер Александр Григорьевич Голиков (1865–1940) // *Монеты и медали. Вып. II: (ГМИИ им. А.С.Пушкина. Сб. статей по материалам коллекции Отдела нумизматики).* М., 2004. С. 252–266.

⁷ *Павел Петрович Сауров* – по образованию художник, реставратор, один из организаторов, «уполномоченных Товарищества передвижных художественных выставок».

⁸ *Крайтор (Крейтор) Иван Кондратьевич* (1880–1957; с 1923 г. жил в Париже) – живописец, реставратор. См. о нем: *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья. Биографический словарь. СПб., 1999. С. 347.

⁹ Австрийский коммерсант *Отто Виблингер*.

¹⁰ *Александр Александрович Перов* – астраханский коллекционер, большевик, ученик казанского живописца Н.И. Фешина. Сохранился сделанный им рукописный хронологический каталог его собрания (ГААО. Ф. 3365. Оп. 1. Д. 2). Упомянуты астраханские художники: *Бершадский Григорий Соломонович* (1895–1963), *Кузнецов-Иванов Дмитрий Иванович* (ум. в 1917), *Котов Петр Иванович* (1889–1953).

¹¹ *Сапожниковы* – купцы, рыбопромышленники.

Эйферт Владимир Александрович (1884–1960), в то время член Астраханского губисполкома, позже ученый секретарь Третьяковской галереи, директор музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

¹² *Бурже Поль Шарль Жозеф* (1852–1935) – французский писатель.

¹³ Усов повторяет формулировку из статьи Велимира Хлебникова «Открытие художественной галереи», также описывающей собрание Догадинской галереи: ««Видение отрока Варфоломея», где мальчик в лаптях, с пастушеским бичом и золотым сиянием кругом русских волос, очарованный стоит перед своим видением – пришедшим с того света старцем, опершимся на дерево призраком, в клубке инока. Эта вещь – жемчужина всего собрания» (цит. по кн.: *Хлебников В.* Творения. М., 1987. С. 617; впервые: «Красный воин», Астрахань. 1918. № 85. 20 дек.). Благодарю за это указание А.Е. Парниса. (19 x 11) – очевидно, размер в вершках, это будет 85 x 49 в см.

¹⁴ Письма Нестерова Догадину хранятся в Догадинской галерее.

¹⁵ «Пройдите любую галерею русской живописи и вдумайтесь в то впечатление, какое из нее выносите: весело оно или печально? Как будто немного весело и немного печально: это значит, что оно грустно <...> Поэзия Лермонтова, освобождаясь от разочарования, навеянного жизнью светского общества, на последней ступени своего развития близко подошла к этому национально-религиозному настроению, и его грусть начала приобретать оттенок по-

этической резиньяции, становилась художественным выражением того стиха молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: *да будет воля Твоя*. Никакой христианский народ своим бытом, всею своею историей не прочувствовал этого стиха так глубоко, как русский, и ни один русский поэт доселе не был так способен глубоко проникнуться этим народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов» (*Ключевский В.О. Грусть // Ключевский В.О. Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 132*).

¹⁶ Имеется в виду левая створка «Алтаря трех волхвов» А. Дюрера, на которой изображены Иосиф и Иоаким (1504).

¹⁷ *Бегинки* – религиозное движение одиноких женщин, возникшее в средневековой Европе в XII в. и достигшее общеевропейского масштаба в XIII в., общжития бегинки походили на монастыри, одно из них располагалось в Брюгге, где большую часть жизни прожил фламандский живописец *Ганс Мемлинг* (1433/35–1494). На многих его картинах изображены бегинки в характерных белых головных уборах, полностью скрывающих прическу, и темных одеждах.

¹⁸ Из стихотворения «Осенью».

¹⁹ «В лесах» и «На горах» – романы, составляющие дилогию *Павла Ивановича Мельникова-Печерского* (псевд. Андрей Печерский, наст. фам. Мельников; 1818–1883). Его повести («Красильниковы», «Медвежий угол» и др.) и романы рассказывают о жизни купцов-старообрядцев и старообрядческих скитах.

²⁰ *Муратов П.* Творчество М.В. Нестерова // *Русская мысль*. 1907. Апр. Кн. 4 (отд. 2). С. 151–158.

²¹ *Лернер Николай Осипович* (1877–1933) – литературовед, пушкинист.

²² Из стихотворения А.С. Пушкина «Герой».

²³ *Сверчок* – прозвище Пушкина в литературном обществе «Арзамас». «Пушкин Вульфовских памяток», т.е. флиртующий, увлеченный любовной игрой – каким он представлен в «Дневниках» *Алексея Николаевича Вульфа* (1805–1881), полностью изданных только в 1929 г., а к 1919 г. известных по отрывочным публикациям М.И. Семева.

²⁴ Жена украинского художника Н.И. Мурашко.

²⁵ *Сомов* – один из любимых художников ДУ. В 1932 г., отвечая на вопрос анкеты Архиппова «Кто ближе всего к Вам: Сомов, Мусатов, Судейкин, Сапунов?», он определенно ответил: «Сомов» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 37 об.).

²⁶ *Черемшана* – село под Хвалынском.

²⁷ Неточная цитата из стихотворения М.А. Волошина «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...» (1907). Правильно: «незнаемой страны».

²⁸ *Сабашникова Маргарита Васильевна* (1881–1973) – художница, писательница, мемуаристка, антропософка. Первая жена М.А. Волошина.

²⁹ *«Мадонна Магнifikат»* – «Величание Мадонны» (1481–1485) – тондо (круглая по форме картина) Сандро Боттичелли. Хранится в галерее Уффици (Флоренция).

³⁰ Из стихотворения Блока «Нежный! У ласковой речки...».

³¹ *Волошин М.А.* Памяти Н.Н. Сапунова // Аполлон. 1914. № 4. С. 7.

³² *Зулоага Игнасио* (1870–1945) – испанский художник.

³³ Из «Предисловия» к «Книге отражений» Анненского. В совр. изд.: *Анненский И.Ф.* Книга отражений. М., 1979. С. 5.

«ЭДДА». СКАНДИНАВСКИЙ ЭПОС

Опубликовано: Ученые Записки Астраханского Государственного Университета. Вып. I. С. 107–109.

С. Свириденко – псевдоним *Софьи Александровны Свиридовой* (1882, по др. свед. ок. 1880 – ум. не ранее 1928) – переводчицы, музыковеда, либреттистки. С. Свириденко выполнила аллитерационным стихом (и снабдила обширным научным комментарием) полный перевод «Эдды». За эту работу в 1911 г. удостоена премии Академии Наук. По мотивам «Эдды» С. Свириденко создала оригинальную поэму на русском языке «Песнь о Сигурде» (1912). За эту работу в 1915 г. получила Пушкинскую премию Академии наук. См. о ней: *Смирницкая О.А.* Софья Свириденко и ее «Эдда» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001. С. 281–298. *Ганзбург Г.И.* О поэте-переводчице под псевдонимом С. Свириденко // <http://www.proza.ru/2004/03/01-09>. Усов позже интересовался ее судьбой; в ответ на его вопрос Вс. Рождественский писал 19 февраля 1927 г.: «Где живет Свириденко и как ее зовут, не знает никто. Это черная мрачная старуха со средневековым профилем. Редко, очень редко она появляется в Госиздате, в длинной тальме, похожей на плащ, в сопровождении рыжего кота, который идет за ней по улицам, как собака. Два года назад она буквально умирала с голоду. Ее спас Союз писателей. Теперь ее что-то давно не видно, может, и померла даже» (цит. по машинописной копии из Архива М.А. Торбин).

¹ Так! Правильно: в 1917 году.

² *Браун Федор Александрович* (1862–1942) – филолог-германист, профессор Петербургского университета.

³ Издание не было продолжено. Том II (песни о героях) до сих пор не издан, длительное время рукопись числилась утраченной, позже была выявлена в архиве издательства Сабашниковых, сейчас хранится в ОР РГБ (Ф. 261. К. 12. Д. 1).

⁴ Свириденко С. Исландская, или норвежско-исландская литература (древняя) // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. С. 712–717.

⁵ Свириденко С. Предисловие к русскому переводу «Эдды» // Эдда. М., 1917. С. 61.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Чешихин-Ветринский Василий Евграфович (наст. фам. Чешихин; 1867–1923) – историк русской литературы, публицист. Свириденко поясняет, что имеет в виду перевод текста «Тристана и Изольды» Вагнера, выполненный Чешихиным.

⁸ Однако Свириденко приводит примеры «сложных ритмов» у Ломоносова, Державина, Лермонтова, Тютчева, Фета (на с. 62 рецензируемой книги).

⁹ «Размер Эдды С. Свириденко может быть определен как произвольное чередование строк четырехстопного дактиля, амфибрахия и анапеста, или, иначе, как четырехстопный трехсложный размер с переменной анакрусой. Как заметил в статье к своему изданию *Старшей Эдды* М.И. Стеблин-Каменский, “эти длинные и монотонно скандирующиеся силлабо-тонические строки абсолютно непохожи на эддические двухударные строки (имеются в виду краткие строки. – О.С.) с переменным количеством слогов”. Начиная с издания *Старшей Эдды* Стеблин-Каменского (1963), эддические размеры всегда передавались дольником. В самом деле, нетрудно констатировать неосновательность притязаний Свириденко, всерьез полагавшей, что она перевела эддические песни “в размере подлинника” (как об этом сказано уже на титульном листе *Эдды*). Нетрудно, наверное, найти и “исторические оправдания” для первой переводчицы *Эдды*, сославшись на то, что силлабо-тоника еще абсолютно господствовала в те годы в русской поэзии, что дольник (не говоря уже о чистой тонике) еще оставался экспериментальным размером, а книга, заложившая основы теоретического стиховедения (*Символизм* Андрея Белого) вышла в свет в том же 1911 г., когда Свириденко представила на суд специалистов рукопись своего перевода и получила за него первую премию Императорской Академии наук. Но и эта критика, и эти оправдания скользят лишь по поверхности стиха Свириденко. И в том и в другом случае остается незамеченным, что, не отступая от силлабо-тоники, Свириденко самым решительным образом эту силлабо-тонику переосмыслила и создала стих, который был воспринят ее современниками как формальное достижение – как опыт воссоздания древнегерманского аллитерационного стиха на почве русского языка» (*Смирницкая О.А. Стих Свириденко // Атлантика: Записки по исторической поэтике. Вып. V. М., 2001*).

¹⁰ Мнение Брауна см.: Браун Ф.А. Отзыв о труде С. Свириденко: «Эдда» Полный перевод в стихах // Сб. отчетов о премиях и

наградах, присуждаемых Имп. Акад. Наук. Пг., 1916. Т. 6. Отчеты за 1911 год. С. 199–220.

¹¹ Эдда. С. 293.

¹² Эдда. С. 295.

¹³ Эдда. С. 362.

¹⁴ Эдда. С. 230.

¹⁵ *Вильгельм Шерер* (1841–1886) – немецкий филолог, историк литературы. Цитата из кн.: *Шерер В.* История немецкой литературы / Пер. под ред. А.Н. Пыпина. Т. 1–2. СПб., 1893.

¹⁶ Эдда. С. 110, 111.

¹⁷ Эдда. С. 261.

¹⁸ Эдда. С. 148.

¹⁹ Упомянуты классические переводы «Одиссеи» (1849) В.А. Жуковского, «Калевалы» (1888) Леонида Петровича Бельского (1855–1916) и «Песни о Роланде» (1897) Фердинанда Георгиевича Де ла Барта (1870–1915).

В.М. Жирмунский. РЕЛИГИОЗНОЕ ОТРЕЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РОМАНТИЗМА

Опубликовано: Ученые Записки Астраханского Государственного Университета. Вып. I. Астрахань, 1919. С. 110–113.

¹ Книга была переиздана: *Жирмунский В.М.* Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М., 1919. Ниже приводятся цитаты с указанием страниц из этого издания.

² *Браун Ф.А.* Немецкий романтизм. Гейдельбергский кружок. Берлинский кружок // История западноевропейской литературы (1800–1910). Под ред. Ф.Д. Батюшкова. М., 1913. Т. 2. Гл. IX. С. 211–227.

³ *Жирмунский В.М.* Последние немецкие романтики // История западноевропейской литературы (1800–1910). Под ред. Ф.Д. Батюшкова. Т. 3. Кн. 10. Гл. XI (I. Смена поколения. II. Эйхендорф и Вильгельм Мюллер. III. Поэты швабской школы (Уланд и Кернер). IV. Э. Мёерике. М., 1914. С. 365–399.

⁴ *Жирмунский В.М., Браун Ф.А.* Немецкий романтизм и наука // История западноевропейской литературы (1800–1910). Под ред. Ф.Д. Батюшкова. Т. 3. Кн. 11. Гл. XIII. С. 478–496.

⁵ *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1913.

⁶ *Гиппиус В.В.* Узкий путь: В.Ф. Одоевский и романтизм // Русская мысль. 1914. № 12. Ч. 2. С. 1–26.

⁷ *Игнатов С.С.* Э.Т.А. Гофман. М., 1914. *Игнатов Сергей Сергеевич* (1887–1959) – театровед, литературовед, педагог.

⁸ Доклад Зелинского «Волшебник Мерлин (трагедия веры), мифодрама Карла Иммермана» был сделан на заседании 23 апреля 1908 г. в Религиозно-философском обществе в Санкт-Петербурге. Опубликовано: *Зелинский Ф.Ф. Трагедия веры // Вестник Европы. 1899. Кн. 11 (ноябрь).* В переработанном виде вошло в кн.: *Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей.* СПб., 1907. Т. 3. С. 341–406.

⁹ *Иванов Вяч. Из Новалиса // Аполлон. 1910. № 7. С. 46–50. См.: Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 181–251; Лира Новалиса в переложении Вячеслава Иванова. Томск, 1997; Эткинд Е.Г. Поэзия Новалиса: «Мифологический перевод» Вячеслава Иванова // Русская литература. 1990. № 3. С. 157–164; Богомолов Н.А. Из предыстории «Лиры Новалиса» Вяч. Иванова // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 203–210.*

¹⁰ *Новалис. Генрих фон Офтердинген. Перевод с нем. Зин. Венгеровой и В. Гиппиуса (стихи). Вступ. статья Зин. Венгеровой. М., 1914.*

¹¹ *Грильпарцер Фр. Праматерь. Пер. [и вступ. статья] Александра Блока. СПб., [1909].*

¹² *Вакенродер В.Г. Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изд. Л. Тиком. С послесловием и прим. П.Н. Сакулина. М., 1914. Первое издание на русском языке: Вакенродер В.Г. Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изд. Л. Тиком. Пер. с нем. М., тип. Селивановского, 1826.*

¹³ *Гофман Э.Т.А. Золотой горшок / Пер. и предисл. В. Соловьева. М., 1913.*

¹⁴ *Гофман Э.Т.А. Дон Жуан. Кавалер Глюк. Два рассказа из очерков в манере Калло / Пер. С. Игнатова. 4 рис., обл., загл. буквы и концовки работы В.Н. Масютина. М., 1918.*

¹⁵ Источник цитаты не найден.

¹⁶ У Жирмунского: «Источником отречения является любовь» (С. 42).

¹⁷ «Соединение радости и томления по любимой со страданием и ревностью вызывает у Арнима те же словесные образы “радости-страдания”, которые мы увидим впоследствии в произведениях Брентано» (С. 46).

¹⁸ Цитата из статьи Брауна (см. выше, примеч. 2).

¹⁹ Жирмунский цитирует роман Эйхендорфа «Предчувствие и действительность» (С. 61).

²⁰ «Романсы о розах» (нем.). Их анализу посвящена XII глава исследования Жирмунского.

²¹ В 1816 г. ей было 18 лет. Главы XIII и XIV.

²² Об этом рассказывает глава XV «Дюльмен». Немецкое название книги: «Das bittere Leiden unsers Herrn Jesu Christi. Nach den Betrachtungen der gottseligen A.K. Emmerich», 1833.

²³ «В 1823 г. Брентано ... отдал рукопись романсов своему другу Дитцу, с тем, чтобы она была сожжена, если он не потребует ее

обратно через три дня. В конце второго дня сожжение уже было решено, когда внезапно ночью он вернулся в комнату, испуганно, торопливо. "Дай мне назад эту рукопись! Я не могу этого сделать! злой человек, верни мне ее!" – крикнул он удивленному Дитцу и вырвал у него рукопись" (С. 202).

²⁴ Слова из «Предисловия» С. Свириденко к ее переводу «Эдды».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА И КОММУНИЗМ

Опубликовано: Военмор. 1919. № 1. 25 окт. (7 ноябр.) С. 7. Подпись: Д.С. Усов.

О ВЕРЕСАЕВЕ

Опубликовано: Военмор. 1919. № 3. 23 ноябр. С. 11–12. Подпись: Рубек. Атрибутируется на основании автобиблиографии.

¹ Известие было ложным. В мае 1919 г. военно-революционным комитетом г. Феодосии Вересаев был назначен «комиссаром просвещения». С июня 1919 власть в Крыму перешла белогвардейцам. Из автобиографии Вересаева: «В сентябре 1918 года на три месяца поехал в Крым и прожил там три года – в поселке Коктебель, под Феодосией. За это время Крым несколько раз переходил из рук в руки, пришлось пережить много тяжелого; шесть раз был обворован; больной, с температурой в 40 градусов, полчаса лежал под револьвером пьяного красноармейца, через два дня расстрелянного; арестовывался белыми; болел цингой». Волошин записал свой разговор с «начальником контрразведки» белых: «"Скажите, кто это Вересаев? Его фамилия Смидович?" – "Да, его литературное имя Вересаев, автор "Записок врача". Вы, верно, думаете – известный большевик Смидович?" Это его двоюродный брат и родной брат его жены. А больше никакого отношения к нему он не имеет.

– И Вы можете мне поручиться, что этот Вересаев-Смидович – писатель?

– Конечно.

– Тогда передайте ему, пожалуйста, – я вчера взял с него подписку, что он никуда из города не выедет, – что он совершенно свободен. У него, кажется, здесь где-то под городом есть имение?

– Да, в Коктебеле. Он мой сосед" (*Волошин М.А. Собр. соч. М., 2008. Т. 7. Кн.2. С. 401*).

Большевик Смидович. – Смидович Петр Гермогенович (1874–1935) – в 1918 г. председатель Моссовета.

Ср.: «В 1919 году, с переездом в Крым, становится членом коллегии Феодосийского наробраза, заведует отделом литературы и искусства. Позже, при белых, 5 мая 1920 года, на его даче проходила подпольная областная партийная конференция боль-

шевиков. По доносу провокатора она была обнаружена белогвардейцами. В газетах даже появились сообщения, что В. Вересаев расстрелян» (*Фохт-Бабушкин Ю.* // В.В. Вересаев – легенды и реальность // *Вересаев В.* Сочинения: В 4 т. Т. I. М., 1990).

² До учебы в Дерпте Вересаев закончил кандидатом историко-филологический факультет Петербургского университета (1888).

³ В 1892 г.

⁴ *Вересаев В.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1913.

⁵ «Записки врача» впервые опубликованы в журнале «Мир божий» в 1901 г. (№ 1–5).

⁶ Медики обвиняли Вересаева в нарушении врачебной этики. См.: *Шкляревский А.С.* Книга Вересаева перед судом психологии. Киев, 1902; *Мороховец Л.* «Записки врача» в свете профессиональной критики. М., 1903.

⁷ *Теодор де Вьезе* (Wyzewa; 1862–1917) – французский критик и писатель польского происхождения. Слова из его предисловия к французскому изданию «Записок врача»: *Mémoires d'un médecin / Veresaief; Traduits par S. Persky.* Paris, 1902.

⁸ Перевод латинского выражения «*Ut aliquid fieri videatur*».

⁹ «Без дороги» (1895).

¹⁰ Из стихотворения Блока «Рожденные в года глухие...» (1914).

¹¹ «На повороте» (1901).

¹² «Товарищи» (1892).

¹³ «Конец Андрея Ивановича» (1899).

¹⁴ «Поветрие» (1897).

¹⁵ Фраза «с подтекстом»: слово «призрак» – отсылает к началу «Манифеста коммунистической партии»: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

¹⁶ «К жизни» (1908).

¹⁷ Кажется, набоковедами не была еще отмечена возможная связь фамилии героя романа Набокова «Дар» Годунов-Чердынцев с Чердынцевым этой повести Вересаева. «Будущий» набоковский мотив звучит в предыдущей фразе рецензии: «любил ставить героев лицом к лицу с каким-то неведомым, что передвигает людей на жизненных дорогах, словно шахматные фигуры».

¹⁸ «Загадка» (1887). Одно из первых печатных выступлений Вересаева.

¹⁹ «Дедушка» (1916).

²⁰ *Марк Аврелий.* Наедине с собой. Размышления / Пер. с греч. и примеч. С. Роговина. М., 1914 (кн. 5. гл. 16). Ср. признание ДУ в письме 34 о перечитывании Марка Аврелия в декабре 1922 г.

²¹ Первая часть книги «Живая жизнь» – «О Достоевском и Льве Толстом» (1910).

²² Ср.: «Но только раз в году бывает разлита / В природе длительность как в метрике Гомера» (О. Мандельштам, 1914). К этому времени была опубликована кн.: *Салфо. Стихотворения и фрагменты* / Пер. с греческого размерами подлинника В. Вересаева. М., 1915. Другие переводы Вересаева с древнегреческого были выполнены и изданы отдельными книгами позже: «Гомеровы гимны» (М., 1926), «Работы и дни» («Труды и дни») Гесиода (М., 1927), «Илиада» (М., 1949) и «Одиссея» (М., 1953) Гомера.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

Опубликовано: Военмор. 1920. № 16. 22 февр. С. 8. Подпись: У. Ду и раньше писал о Верхарне и переводил его: в 1915 г. были опубликованы переводы стихотворений «Ветер» и «Дождь» (см. в наст. изд.), в 1916 г. — очерк «Эмиль Верхарн» и рассказ «Э. Верхарн» (в бесплатном приложении к журналу «Проталинка» (подробнее см. раздел «Библиография» в наст. изд.). В статье перемежаются цитаты в переводах двух поэтов: В.Я. Брюсова (*Верхарн Э. Стихи о современности*. В пер. В. Брюсова. М., 1906. Далее: *Брюсов*) и идеолога партии правых эсеров, главы разогнанного в 1918 г. Учредительного собрания *Виктора Михайловича Чернова* (1873–1952) (*Э. Верхарн. Живая жизнь*. Пер. с фр. Виктора Чернова. Пг., 1919. Далее: *Чернов*, с указанием страницы). Переводы Брюсова не раз переиздавались: в 1915, 1917 г. и позже (подробнее см. *Дикман М.И. Примечания // Брюсов В.Я. Стихотворения и поэмы*. Л., 1961. С. 845–846).

¹ Дословный перевод строки «Et sa couleur est dans mes yeux» из стихотворения «Море».

² Из стихотворения «Кузнец» (*Брюсов*. С. 37).

³ *Les Flamandes*, 1883.

⁴ *Les campagnes hallucinées*, 1893.

⁵ Из стихотворения «Города и поле (К будущему)», пер. Брюсова: *Верхарн Э. Избранное*. М., 1955. С. 186.

⁶ «К Северу» (*Чернов*. С. 92–93).

⁷ *Les forces tumultueuses*, 1902; *Les visages de la vie*, 1899

⁸ Из стихотворения «Банкир» (*Чернов*. С. 24).

⁹ Из стихотворения «Крысиное нашествие» (*Чернов*. С. 13).

¹⁰ Из стихотворения «Восстание» (*Чернов*. С. 36).

¹¹ Из стихотворения «Восстание» (*Чернов*. С. 34).

¹² Из стихотворения «Восстание» (*Чернов*. С. 35).

¹³ Из стихотворения «Восстание» (*Брюсов*. С. 48).

¹⁴ *Les Ailes rouges de la guerre*, 1916.

¹⁵ См. стихотворение Верхарна «Россия». Из русских писателей самые прочные связи были у Верхарна с Брюсовым, который ездил к поэту в Бельгию в 1908 г. и много лет переписывался с ним (Верхарн посвятил Брюсову свою трагедию «Елена Прекрасная»). В де-

кабре 1913 г. Верхарн побывал в Москве (тогда же Л.О. Пастернак нарисовал его портрет).

¹⁶ Ср. название книги переводов Брюсова: «Стихи о современности».

ЛУНАЧАРСКИЙ-ПИСАТЕЛЬ

Опубликовано: Военмор. 1920. № 14. 8 февр. С. 3–4. Подпись: Рубек.

¹ Неточная цитата из кн.: *Луначарский А.В.* Культурные задачи рабочего класса. М., 1918. С. 14.

² *Луначарский А.В.* Морис Метерлинк. (Опыт лит. характеристики) // Образование, 1902. № 10. Отд. 2. С. 148–167; № 11. Отд. 2. С. 101–117. То же – в кн.: *Луначарский А.В.* Этюды критические и полемические. М., 1905. С. 111–153.

³ Список псевдонимов А.В. Луначарского см. в кн.: Анатолий Васильевич Луначарский. Указатель трудов, писем и литературы о жизни и деятельности. В 2 т. М., 1975. Т. 1. Труды А.В. Луначарского. С. 375.

⁴ *Ленау Н.* Фауст. Поэма. Пер. Анатолия Аниотина. СПб., 1904.

⁵ *Мейер К.Ф.* Сикстинской капелле. [Стихотворение. Пер. А.Л.] // Пламя. 1919. № 64. С. 7; *Мейер К.Ф.* Лирика. Пер. А.В. Луначарского. Пг., 1920.

⁶ Перевод: *Шарф Л.* Стихотворения. Пер. Ан. Аниотина // Правда. 1905. № 8. С. 10–21. Вступительная заметка: Поэт – Чандала. Людвиг Шарф // Там же. С. 2–9.

⁷ [*Луначарский А.В.*] Рихард Демель // Сборник т-ва «Знание» за 1908 год. Кн. 24. СПб. С. 279–280. Подпись: А.Л. Предисловие к переводу двух поэм Р. Демеля. Луначарский переводил Ж. Лафорга, К. Шпиттелера и др. Подробнее о переводах Луначарского см. кн.: Анатолий Васильевич Луначарский. Указатель трудов, писем и литературы о жизни и деятельности: В 2 т. Т. 1. Труды А.В. Луначарского. М., 1975 (по указ.).

⁸ *Луначарский А.В.* Диалог об искусстве. М., 1918. С. 20.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ *Луначарский А.В.* Фауст и город. Драма для чтения. С предисл. авт. Пг., 1918. Отрывок из пролога драмы: Пламя. 1918. № 1. С. 14; «Пролетарское искусство» (Великий Устюг). 1919. № 1. С. 4.

¹² ДУ называет второе издание пьесы, первое вышло в 1906 г. (СПб.).

¹³ *Луначарский А.* Комедии. 2-е изд. Пг., 1919 (в книгу вошли комедии «Вавилонская палочка», «Три путника и Оно», «Король-художник», «Юный Леонардо»). *Луначарский А.* Идеи в масках. М., 1912 (помимо комедий, вошедших в книгу 1919 г., в этом издании опубликованы еще одиннадцать пьес Луначарского).

¹⁴ *Луначарский А.* Комедии. Пг., 1919. С. 83.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Опубликовано: Военмор. 1920. № 21. 4 апр. С. 11–12. Подпись: Д. У.
Демьян Бедный (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945) – поэт.

¹ В статье: Комилла Демулэна. *Камилл Демулен* (1760–1794) – французский революционер.

² Первую басню – «Кукушка» – опубликована в большевистской газете «Звезда» 23 февраля 1912 г. Первая книга – «Басни» (СПб., 1913).

³ Из стихотворения «Темнота» (Демьян Бедный. В огненном кольце. Пг., 1919. С. 4).

⁴ Из стихотворения «Господская тень» (*Там же*. С. 16).

⁵ Стихотворение «У господ на елке» (*Там же*. С. 20–24).

⁶ ДУ повторяет опечатку из книги Бедного.

⁷ Стихотворение «Толкователи» (*Там же*. С. 13).

⁸ Из стихотворения «Незабываемое» (Памяти Карла Либкнехта).

⁹ Демьян Бедный. В огненном кольце. Пг., 1919.

¹⁰ Там же. С. 44–45. В скобках – без кавычек – первые две строки этого стихотворения.

¹¹ Из стихотворения «Революционный гудок» (*Там же*. С. 42).

¹² Из стихотворения «Мой стих» (*Там же*. С. 28).

¹³ Из стихотворения «Горькая правда» (*Там же*. С. 26).

ОБ ОДНОМ ЗАБЫТОМ ПОЭТЕ (А. ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ)

Опубликовано: Военмор. 1920. № 25. 6 июня. С. 10–11. Подпись: Д. У.

¹ Ошибка в дате. См.: *Лозина-Лозинский А. К.* Смерть призраков. (Надгробное слово над последними событиями в С.-Петербурге). Октябрь 1908. СПб., 1908.

² Из сборника «Противоречия» (1912). В современном издании: *Лозина-Лозинский А.* Противоречия / Сост., коммент. К. Добромильского. М., 2008. С. 123. Далее: *Противоречия* с указанием страницы.

³ Из сборника «Противоречия». *Противоречия*. С. 103–105.

⁴ Стихотворение «Колдунья». Из сборника «Противоречия». *Противоречия*. С. 108–109.

⁵ Из сборника «Противоречия». *Противоречия*. С. 128–129.

⁶ См. стихотворения «Муравейник», «Post-scriptum». Из сборника «Противоречия». *Противоречия*. С. 179, 228–240.

⁷ См. цикл стихотворений «Саргі» из сборника «Благочестивые путешествия», вышедшего в 1917 г., вскоре после смерти автора. *Противоречия*. С. 318–322.

⁸ См. стихотворение «Фиорд» Из сборника «Противоречия». *Противоречия*. С. 34.

⁹ См. поэму (или цикл стихотворений) «Санкт-Петербург» из сборника «Благочестивые путешествия». *Противоречия*. С. 358–374.

¹⁰ Из стихотворения «Хлесткий ветер совсем раздражил океан...» из сборника «Противоречия». *Противоречия*. С. 120.

¹¹ Там же.

¹² «В койке лежу я угрюмо...» – из сборника «Благочестивые путешествия». *Противоречия*. С. 348.

¹³ «Эй, брат, смениться б недурно!» – Там же. С. 346.

¹⁴ Вероятно, ДУ принимал участие в вечере «Море в поэзии и музыке», проходившем 14 марта 1920 г. в зале Политотдела В.К.Ф. (Сообщение о вечере: Коммунист (Астрахань). 1920. № 61(467)).

¹⁵ Т.е. книги: «Противоречия» (Кн. 1–3. СПб., [1912]), «Благочестивые путешествия» (Пг., 1916), «Троттуар» (Пг., 1916) и «Одиночество. Капри и Неаполь. (Случайные записки шатуна по свету)» (Пг., 1916).

АЛЕКСАНДР БЛОК

Опубликовано: Профессиональная жизнь (газета, издаваемая Культотделом Астраханского Губпрофсовета). 1921. № 28. 25 авг., четверг. Подпись: Д. Атрибутируется Усову на основании указания в составленной им автобиблиографии: РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 30. Републиковано: *Нешумова-2010*. С. 523–525.

¹ Здесь и далее автор статьи цитирует Блока по памяти. В стихотворных цитатах неточности исправлены без оговорок. Статьи «Революция и Россия» у Блока нет, его статьи назывались «Россия и интеллигенция» (1908), «Народ и интеллигенция» (1908), «Интеллигенция и революция» (1918), «Искусство и революция» (1918).

² См. примеч. 11 к статье ДУ «В.М. Жирмунский. Религиозное отречение в истории романтизма».

³ *Рютбёф* (ок. 1230–1285) – французский поэт и драматург. Блок перевел его «Действо о Теофиле» (1916).

⁴ Первый сборник Блока «Стихи о Прекрасной даме» вышел в октябре 1904 г. (на титуле 1905 г.).

⁵ Цитата из переведенной Блоком пьесы Ф. Грильпарцера «Праматерь», повторяющая цитату из стихотворения Мирры Лохвицкой «Марш» (1896).

⁶ Из стихотворения Блока «Холодный день» (1906).

⁷ Обе цитаты из стихотворения Блока «Сытые» (1909).

⁸ Обе цитаты из стихотворения Блока «Митинг» (1905).

⁹ Цитата из стихотворения Блока «Шли на приступ...» (1905).

¹⁰ Цитата из стихотворения Блока «Новая Америка» (1913).

¹¹ Эта и предыдущая цитаты – из стихотворения Блока «Грешить бесстыдно, непробудно...» (1914).

О ДАНТЕ

Опубликовано к 600-летию со дня смерти Данте: Саррабис. Журнал литературы, критики, музыки и театра. Саратов. 1921. № 3 (октябрь). С. 1–2. Подпись: Д.У.

¹ *Веселовский А.Н.* Данте и символическая поэзия католичества // Вестник Европы. 1866. Т. IV. С. 205.

² «Божественная Комедия» в переводе Мина – в издании Суворина 1902–1904 гг. В конце XIX в. появилось еще несколько полных переводов «Божественной Комедии»: Д. Минаева, А. Федорова, М. Горбова и Н. Голованова. Подробнее см.: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Данте в России // *Голенищев-Кутузов И.Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 454–486; *Илюшин А.А.* Данте в России // Дантовские чтения: 1976. М., 1976.

³ *Данте.* Новая жизнь (*Vita nuova*). Перевод в стихах с введением и комментарием проф. М.И. Ливеровской. Самара: Тип. Штаба 4-й армии, 1918. О переводчице см.: *Белодубровский Е.Б.* М.И. Ливеровская // Дантовские чтения. М., 1976. С. 119–131. Об этом переводе ДУ написал большую статью «“Vita Nuova” в полном русском переводе» (впервые опубли. в машинописном журнале «Гермес». 1923. № 3. Сентябрь. С. 304–328; републикована и прокомментирована в работе: *Степанова, Левинтон*; переиздана в дополненном виде *Степанова Л.Г., Левинтон Г.А.* Из истории дантоведения в России (Неизвестная статья Усова о переводе «Новой жизни») // Язык, литература, эпос (к 100-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского). СПб., 2001. С. 332–363).

⁴ Незавершенный перевод трактата Данте «Пир» («Пиршество»), выполненный В.Ф. Эрном (стихи в переводе Вяч. Иванова), сохранился в портфеле издательства Сабашниковых (ОР РГБ).

⁵ *Мин Дмитрий Егорович* (1819–1885) – поэт-переводчик, медик. См. о нем: *Левин Ю.Д.* Мин // РП-4. С. 72–73. «Ад» Мина частично публиковался в «Москвитянине» в 1843, 1853 гг., позже перерабатывался, все три части в его переводе были изданы посмертно в 1902–1904 гг. и получили Пушкинскую премию. М. Горбов переложил «Божественную Комедию» ритмической прозой (1892). Ср. ответ ДУ на вопрос о Данте в анкете Е.Я. Архиппова «О любви к поэтам» – I, 468.

⁶ Цитата из начала I песни «Ада».

⁷ Из XXIII песни «Чистилища».

⁸ Beatrice Portinari (наст. имя Vice di Folco Portinari; 1266–1290).

⁹ Из стихотворения Н.С. Гумилева «В моих садах – цветы, в твоих – печаль...» (цикл «Беатриче»).

¹⁰ Ср. beato – блаженный (*ит.*).

ПОЭЗИЯ М. ЗЕНКЕВИЧА

Опубликовано: Саррабис. Журнал литературы, критики, музыки и театра. № 3 <Октябрь 1921>. С. 11–12. Подпись: Д. Усов. Ре-публиковано: *Нешумова*-2010. С. 525–527.

¹ Имеются в виду появившиеся в 1913 г. в первом номере жур-нала «Аполлон» статьи-манифесты Н.С. Гумилева «Наследие сим-волизма и акмеизм» и С.М. Городецкого «Некоторые течения в со-временной русской поэзии».

² «Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет, / И душный, смертный плоти запах...»

³ Из обзорной статьи Вяч. Иванова «Marginalia» (Труды и Дни. 1912. № 4–5. С. 44).

⁴ Цитата из стихотворения Зенкевича «Под мясной багрянницей душой тоскую» (1913), давшего название циклу – «Под мясной багрянницей».

⁵ Из стихотворения Ф.И. Тютчева «Последний катаклизм».

⁶ Имеется в виду научно-фантастический роман *Герберта Джорджа Уэллса* (1866–1946) «Машина времени» (1895).

⁷ Из стихотворения Зенкевича «Ящеры».

⁸ Из стихотворения Зенкевича «Воды».

⁹ Неточная цитата из стихотворения Зенкевича «Металлы».

¹⁰ Из стихотворения Е.А. Баратынского «Последняя смерть».

¹¹ Строка И.Ф. Анненского «Холодный сумрак аметистов» взя-та Зенкевичем эпиграфом к стихотворению «Сумрак аметистов» из сборника «Дикая порфира».

¹² Из стихотворения Зенкевича «Средь займищ травянисто-влаж-ных...».

¹³ Намек на рецензию Городецкого на книгу Зенкевича «Дикая порфира» (Речь. 1912. 10 дек.)

¹⁴ Вторая книга стихов Зенкевича «Четырнадцать стихотворе-ний» (П., 1918).

¹⁵ Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных.

¹⁶ Точнее: «Останься порывист, упорен и горд».

¹⁷ Обе полуцитаты из первого стихотворения «Пашни танков» – «Пусть, нагнетаясь, вспыхивает пустота».

¹⁸ Цитата из стихотворения Зенкевича «Пашня танков».

¹⁹ Цитата из стихотворения Зенкевича «Авиареквием». *Пегу Адольф Селестен* (1889–1915) – французский летчик.

Я хотел бы
жить и умереть в Париже,
если б не было
такой земли — *Москва.*

Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил.

**Ф. ШУБЕРТ. ПЕСНИ НА ТЕКСТЫ ГЁТЕ ДЛЯ ГОЛОСА
С ФОРТЕПИАНО. ПЕРЕВОД С.А. АДРИАНОВА**

637

² *Адрианов Сергей Александрович* (1871–1942) – литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик. См. о нем: *Магомедова Д.М., Белодубровский Е.Б. Адрианов // РП-1. С. 25–26.*

³ *Александра Александровна Сантагано-Горчакова* (урожд. Мезенкампф, в замуж. Горчакова, выступала под псевдонимом Сантагано; 1842–1913) – оперная певица, музыкальный педагог и переводчица. Перевела около 75 оперных либретто. *Костомаров Всеволод Дмитриевич* (1837–1865) – поэт-переводчик. См. о нем: *Савченко В.И. Костомаров // РП-3. С. 102–103. Тюменев Илья Федорович* (1855–1927) – либреттист, библиофил, художник, земский деятель.

⁴ В переводе *Виктора Павловича Коломийцева* (1868–1936) «Песни» Шуберта выходили в ленинградском музыкальном издательстве «Тритон» в 1933 г.

⁵ Романс *Николая Карловича Метнера* (1879–1951) на слова Гёте «Ночная песнь странника» публиковался с переводами М. Слонова (М.; Лейпциг, 1896) и Н. Тюменева (М., 1920).

⁶ «Люблю тебя, меня прельщает твой милый облик» (нем.).

⁷ Ср. перевод этого стихотворения, выполненный ДУ: I, 248.

⁸ Неточная цитата из стихотворения В.Я. Брюсова «Афинский поденщик говорит» (правильно: «грозящего Орка»).

ДЖОН ФЛЕТЧЕР. «ИСПАНСКИЙ СВЯЩЕННИК»

Опубликовано в газете «Перековка» (Орган КВО* Управления и Центр. штаба С и У БК**), 1935. № 121–122 (555–556). 5 дек. С. 6. В рубрике «Среди книг». Подпись: Д. Усов.

Впервые перевод Лозинского вышел в 1932 г. в Культкабинете Госдрамы [Л.].

Джон Флетчер (1579–1625) – английский драматург. Пьеса «Испанский священник» (*The Spanish Curate*; 1622) написана им вместе с Филиппом Мэссинджером (1583–1640).

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ Е.Я. АРХИППОВА «ВОПРОСЫ О ЛЮБВИ К ПОЭТАМ И КНИГАМ»

Анкета Е.Я. Архиппова, названная им «Вопросы о любви к поэтам», была предложена М.А. Волошину, А.В. Звенигородскому, Д.С. Усову, А.С. Кочеткову, В.А. Меркурьевой и В.А. Рождественскому. Часть из этих материалов опубликована: ответы Волошина (*Волошин М.А. Собр. соч. Т. 7. М., 2008. С. 301–308*), Меркурьевой (*Гаспаров. С. 70–71; с купюрами*), Звенигородского (с досадными ошибками в кн.: *Звенигородский. С. 185–189*).

* Культурно-воспитательный отдел.

** Строительства и управления Беломорканалом.

Общественная ситуация начала 1930-х годов заставила многих литераторов пересматривать свою позицию, степень приемлемой для себя включенности в сферу официальной культуры. Дефицит институтов культурной памяти, заведомая и все увеличивающаяся редуцированность пока еще имевшихся в наличии официальных механизмов остро чувствовался.

Ощущение завершенности, ухода целого этапа литературной жизни – символизма – и одновременно своей неразрывной связанности с ним – стало одним из импульсов, побудивших Архиппова к его замыслу. Переплетенные в ситец автографы с бережно вклеенными в них фотографиями анкетированных друзей составили две маленьких книжечки (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 46; ответы ДУ: Л. 3–38 об.)

¹ См. примеч. 6 к письму 42.

² Ср. «Бесконечная даль голубого, / Бесконечной тоски пустота» (из стихотворения Ф. Сологуба «Как высокая тонкая арка...»).

³ Цитата – из названия книги С. Танеева «Подвижной контрапункт старого письма» (1909).

⁴ Возможно, цитата из письма Гумилева (1909 г. из Африки) Брюсову: «...впечатлительный масса. Хватит на две книги стихов...».

⁵ См. примеч. 1 к письму 89.

⁶ Т.е. «Романтические цветы» (Париж, 1908). «Вторая книга» – название книги О.Э. Мандельштама (М., 1923).

⁷ «Земная ось» (М., 1907) и роман «Огненный ангел» (М., 1908) – прозаические книги В.Я. Брюсова.

⁸ См. примеч. 16 к письму 153.

⁹ Цитата из стихотворения В.А. Меркурьевой «Сон о нем» – о Вяч. Иванове (*Гаспаров*. С. 25).

¹⁰ Рукою Архиппова: Ответы присланы Д.С. Усовым в письме от 4 марта 1932 г.

¹¹ Правильно «Сказка про Щелкуна и Мышиного царя» – перевод Сергея Васильевича Флерова (1841–1901). Впервые: Детский отдых. 1881. Т. 1, февраль. Отдельным изданием: М., 1882.

¹² *Софронович В.* Семь сказок для детей. С силуэтами работы Ел. Бём. СПб., 1878. *Софронович Варвара Васильевна* (ум. 1882) – детская писательница.

¹³ «Книга чудес» или «Собрание чудес» американского писателя *Натаниэля Готорна* (1804–1864).

¹⁴ *Гауф Вильгельм* (1802–1807) – немецкий писатель.

¹⁵ Неустановленное лицо.

¹⁶ Н.С. Гумилев («Огненный столп», 1921).

¹⁷ *Михаил Аркадьевич Светлов* (1903–1964) – поэт. См. о Тарловском примеч. 12 к письму 122.

¹⁸ См. о нем примеч. 5 к письму 85.

¹⁹ М.Л. Лозинский. ДУ не называет его фамилию, возможно, потому что в 1932 г. Лозинский был арестован и условно осуж-

ден на три года по стандартному обвинению в антисоветской пропаганде и агитации.

²⁰ См. примеч. 2 к статье «О Данте».

Приводим здесь ответы А.В. Звенигородского на анкету Архипова.

Андрей Владимирович Звенигородский

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ Е.Я. АРХИПОВА «ВОПРОСЫ О ЛЮБВИ К ПОЭТАМ»

Москва, 25 июня н.с. 1932 г.

1. *Какие Ваши любимые книги в детстве?* – «Мальчик у Христа на елке» Ф.М. Достоевского.

2. *Какие из этих книг Вы хотели бы перечитать теперь?* – «Сказки Кота Мурлыки» Вагнера¹ и Сказки Андерсена, «Черная курица» Погорельского, «Робинзон Крузо» Дефо.

3. *Какими романами (пусть даже наивными и нехудожественными) Вы увлекались в молодые годы?* – «Дети Капитана Гранта» Жюль-Верна, «Зверобой» Купера, «Юрий Милославский» Загоскина, «Князь Серебряный» гр. А.К. Толстого.

4. *Какие из поэтических произведений были прочитаны для Вас и кем именно?* – «Кузнецик-музыкант» Я.П. Полонского. Моим отцом.

5. *Какая картина или иллюстрация в журнале (в книге) впервые поразила Ваше воображение?* – Иллюстрации к рассказу Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» и рассказу Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке». «Фея Фантаста» – рисунок к сказке Вагнера².

6. *Кого из поэтов Вы считаете обладающим атлантической памятью? (Эдгар По, Ч<ерубина> де Габриак, Гумилев, М. Волошин, А. Белый, Ф. Сологуб ... или кто-либо другой?) Кто из перечисленных здесь?* – Эдгара По и Вячеслава Иванова, а также Иннокентия Анненского.

7. *Назовите вечную, неизменяемую цепь поэтов, о кот<ор>ых Вы можете сказать, что любите их исключительно и неотступно.* – Пушкина, Лермонтова, Фета³, Тютчева, Полонского, А.К. Толстого, Случевского, К. Павлову, Жуковского, Баратынского, Некрасова.

8. *На кого из поэтов современности (после <19>20–21 гг.) – печатающихся и не выходящих в печати – обращено Ваше внимание?* – На Амира Саргиджана (Сергей Петрович Бородин) за его стихотворение «Душа моя словно город»⁴.

9. *Кого из западных и восточных поэтов любите больше всего?* – Поля Верлена. Владел мною долго⁵.

10. *Что любите больше всего из Вальтер-Скотта и Диккенса?* – «Лам<м>ермурскую невесту» (Вечное преклонение моего покойного брата⁶). Диккенса знаю плохо (Рождественские рассказы).

11. *В какой ряд поэтических имен Вы поставили бы имя 1) Комаровского В.А.? 2) Парнок С.Я.? 3) Лозины-Лозинского А.К.?* – Всех трех поэтов мало встречал в печати и знаю плохо. Не могу сказать о них своего слова.

12. *Взаимоотношения с какими поэтами и писателями (непосредственные и заочные) Вы считаете для себя ценными (на протяжении всей жизни)?*

13. *Считаете ли возможным сейчас перечитывание Данте? В чем русском переводе?* – Считаю необходимым перечитывать Данте, хотя этого еще сам не сделал. В переводе Мина⁸. Прочел в г. Ардатове в 1915 г. Inferno, Чистилище и Рай, все 100 (любимое число Данте) песен.

14. *Какие 7-мь книг стихов и 7-мь книг прозы Вы оставили бы навсегда с собой?* – Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева, Полонского, А.К. Толстого, Случевского, Жуковского.

Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Лескова, Тургенева, К. Леонтьева.

«Тарас Бульба» и «Вий» – мировые шедевры. Выше этих произведений не знаю ничего в мире. Весь склоняюсь перед Гоголем⁹.

15. *Возвращаетесь ли Вы к чтению Державина? Хотите ли его перечитывать и что именно больше всего?* – Часто перечитываю «На смерть Князя Мещерского». Люблю и ценю многое у Державина.

16. *От каких поэтов, ценимых Вами ранее, Вы отошли теперь?* – От Брюсова и ото всей школы символистов¹⁰.

17. *Возможно ли для Вас перечитывание стихов Сологуба? Что Вы цените в нем сейчас?* – «В поле не видно ни зги»¹¹. Не имею под рукой сейчас его сборников. Признаю его как поэта, но не особенно ценю его прозу.

18. *Цените ли Вы Случевского и что именно цените в нем?* – Премного и очень люблю. Особенно его ст<ихотворен>ие «Камаринская». Это ст<ихотворен>ие часто повторяю и везде цитирую. Магическое!

19. *В какой ряд поэтических имен Вы поставили бы имя Случевского?* – Гениальный талант. Сейчас же за Пушкиным, Лермонтовым, Фетом и Тютчевым.

20. *Любите ли Вы стихотворения Пастернака, или он просто для Вас интересен и ценен?* – Определенно чуждый мне поэт. Все его ст<ихотворен>ия не смог дочитать до конца. Аберративный поэт.

21. *Любите ли Мандельштама? Какую книгу более?* – Очень талантливый и с большой эрудицией поэт. Полюбил его как чело-

века. (На этих днях познакомился с г. М<андельштамом> у поэта Амира Саргиджана, 21 июня н.с. 1932 г.)¹².

22. *Можно ли любить Максимилиана Волошина или ему можно будет только удивляться? Если Вы любите, за что именно? – М. Волошина ценю как поэта «образованного духа» (слова Шиллера)*¹³.

23. *Какую из книг Гумилева любите Вы больше других? – Всех сборников Гумилева не видел. Большой мастер стиха. Слишком для меня экзотичен.*

24. *Что больше любите из Блока: Скифы – 12-ть – Возмездие? – <Зачеркнуто: Не люблю ни первое, ни второе, ни третье.> Все три стихотворения не вызывают моего восторга, особенно 12-ть.*

25. *Может ли быть время, когда Вы отойдете от Блока, или – оно уже наступило? – Никогда не был его поклонником. Ничего не находил в его поэзии «почвенного». Поэт с малой толикой сердца¹⁴. Два, три стихотворения нравятся, особенно «Твое лицо мне так знакомо»¹⁵.*

26. *Что Вы оставляете для себя из прозы М. Кузмина? – Прозу Кузмина мало знаю. Читал «Подвиги Александра»¹⁶.*

27. *Что больше всего любите из Лескова? – «Котин доилец и Платонида»; «Очарованный странник», «Запечатленный ангел». «Котина доильца» желал бы всегда иметь при себе, носить в кармане. Сегодня, т.е. 25 июля н.с., роясь у Никитских ворот в старых книгах, нашел экземпляр «Котина доильца», издание Суворина «Дешевая библиотека» в хорошем синем переплете маленького формата, удобного для ношения в кармане¹⁷. Я весь даже вздрогнул от изумления. Разве это не проявление чуда? Мне так хотелось иметь такой экземпляр, и вдруг...*

28. *Что вы могли бы еще перечитать из Достоевского? – Всё, но особенно «Бесы», «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и наказание», «Хозяйка».*

29. *Кто ближе всего к Вам: Самов, Мусатов, Судейкин, Сапунов? – Борисов–Мусатов.*

30. *Любимое Вами прозаическое сочинение Пушкина? – «Капитанская дочка».*

31. *Любимая поэма Пушкина? – «Полтава».*

32. *Дорожите ли сейчас «Земною осью» и «Огненным Ангелом»? – Нет совершенно. Всего В. Брюсова не люблю. Фальшивомонетчик русской поэзии. Человек без сердца. Все его ст<ихотворен>ия головные и не органические.*

33. *Кто Вам ближе: Анна Ахматова или Марина Цветаева? – Марина Цветаева (Сборник «Версты», изд. 1922 г.). Знаю наизусть 8 ст<ихотворен>ий. Самое удивительное из всех ст<ихотворен>ий «Над синевою подмосковных рощ»¹⁸.*

34. *Что Вы хотели бы пристально и любовно перечитывать из Вячеслава Иванова?* – Не могу указать произведения, которое пристально и с любовью хотелось бы перечитывать. Очень ценю его исследование «Эллинистическая религия страдающего бога»¹⁹.

35. *Цените ли Вы Черубину де Габриаки и за что именно?* – Да, за ее страдания. Таинственная поэтесса. Жалею, что она отошла от нас так рано.

36. *Цените ли Вы Петербург и Серебряный Голубь А. Белого?*²⁰ – Первое произведение принудил себя дочитать в Нижнем, в Котловке, второе читалось легче, но в настоящее время ни первого, ни второго не стал бы перечитывать.

37. *Нравится ли Вам книга А. Белого На рубеже двух столетий, что Вы выделяете в ней?* – Весь изолгался, – противно читать. В А. Белом нет никаких устоев.

38. *Что в судьбе и творчестве П.Я. Чаадаева Вас поражает больше всего?* – Всё, всё до последней черты. (Мое постоянное преклонение)²¹.

39. *Врубель, Васнецов или Нестеров?* – Все три: Нестеров, Васнецов, Врубель. «Аленушка», «Видение отрока Варфоломея», «Царевна-Лебедь».

40. *Цените ли, любите ли Вл. Соловьева-поэта?* – Очень. Всегда с любовью перечитываешь его томик. Люблю его поэму, которую он сам так ценил²².

41. *Кого из русских поэтов считаете обладающим даром высокого прозрения?* – Пушкина.

42. *Какие стихотворения Палонского Вы полюбили навсегда?* – «Колокольчик», «Иная зима», «В глуши», «Кузнечик-Музыкант», «Влюбленный месяц», «Заплетя свои темные косы венцом», «Почелуй меня».

43. *Кого из русских поэтесс цените больше всего?* (Каролина. Мирра. Ростопчина. Гиппиус. Ахматова. Цветаева. Черубина. Меркурьева). – Каролину Павлову и Марину Цветаеву. Люблю Мир<р>у Лохвицкую, некоторые стихотворения Анны Ахматовой, как, напр<имер>, «Хорони, хорони меня ветер»²³.

¹ «Сказки кота Мурлыки» (СПб., 1872; 10-е изд., М.: П., 1923) – сборник философских сказок и притч прозаика Николая Петровича Вагнера (1829–1907).

² Возможно, рисунок М.О. Микешина.

³ Ср. слова из письма Звенигородского к Архиппову от 17 июля 1946 г.: «...и я ежедневно живу Фетом, как и ты. Единственный поэт в мире по своей непередаваемой прелести и тонкости. Кто с ним посмеет равняться! Фет, как Гомер, неисчерпаем. Чем больше его читаешь, тем больше и больше тянешься к нему...» (Архив Торбин).

⁴ *Амир Саргиджан* – псевдоним писателя Сергея Петровича Бородина (1902–1974), автора популярных исторических романов. В 1931 г. выпустил книгу стихов «Победители» (М.). Авторское название стихотворения – «Город».

⁵ В письме от 25 ноября 1947 г. к Архиппову Звенигородский писал: «Фета и Верлена, конечно, ставить на одну доску нельзя. Фет гений, единственный в веках, а Верлен лишь знаменитый поэт Франции, автор нескольких бессмертных стихотворений...» (Архив Торбин).

⁶ Д.В. Звенигородского. См. о нем примеч. 8 к письму 40.

⁷ Прочерк приходится на оборот фотографии Звенигородского с Пастернаком. Воспроизведена в настоящем издании.

⁸ См. I, 635.

⁹ В письме к Архиппову от 5 октября 1948 г. Звенигородский цитирует слова Гоголя из «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Соотечественники! страшно... Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастания и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...» (Архив Торбин).

¹⁰ В письме от 1 сентября 1946 г. Архиппову Звенигородский пишет: «От Бальмонта давно, давно совсем отошел. Он уже не трогает моей души. Некоторые его стихотворения нельзя дочитывать до конца. Всё у него головное, искусственное. Из его стихотворений люблю: “Я не знаю мудрости, годной для других”, “У моря ночью, у моря ночью” и “В глухие дни Бориса Годунова”. Из Вячеслава Иванова (у меня хранится его сборник с трогательной надписью) особенно люблю “Ты помнишь мачты сонные” (первую только строфу) (Сб. “Эрос”). Из Сологуба – “В поле не видно ни зги”. Помню это стихотворение с 1897 г., когда оно появилось в одной из книжек «Нивы». Из Хомякова – “Бывало, в глубокий полуночный час”, “Киев” (“Высоко предо мною”) и

“Подвиг есть и в сражении,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе”. 1859 г.

Около себя оставляю: Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева, Майкова, Я.П. Полонского, А.К. Толстого, К.К. Случевского, Каролину Павлову и еще двух, трех... Кольцова, Никитина, Блока, Марину Цветаеву (“Над синевой подмосковных рощ”)) (Архив Торбин). Ср. в письме к Архиппову 27 ноября 1915 г. о Бальмонте: «Он сначала принял меня довольно сдержанно, но когда мы с ним разговорились, и когда он прочел “Знаю девушку где-то”, когда вспомнил о нашей встрече в 1904 г. в Москве, нежность и душев-

ное приближение его к моей душе с каждой минутой возрастало. Мы решили после лекции вместе отобедать в обществе трех дам. Ужин удался на редкость. Две дамы, мои хорошие знакомые, и одна дама, сопровождающая Бальмонта, всецело были в преклонении перед поэтом. Бальмонт был удивительно нежен, читал свои новые стихи, много говорил...» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 8 – 8 об.).

¹¹ «В поле не видно ни зги...» (1897).

¹² См. примеч. 11 к письму 197.

¹³ Шиллер Ф. Собр. соч. в переводах русских писателей. В 4 т. СПб., 1902. Т. 4. С. 450.

¹⁴ Отрицательное мнение Звенигородского о Блоке – реакция на отзыв о Звенигородском в письме Блока к Е.Я. Архиппову. Подробнее см. примеч. 8 к письму 100.

¹⁵ Стихотворение 1908 г.

¹⁶ Кузмин М.А. Подвиги Великого Александра // Весы. 1909. № 1, 2. Вошло в кн.: Кузмин М.А. Вторая книга рассказов. М., 1910.

¹⁷ Лесков Н.С. Котин доилец / Повесть. СПб., 1888.

¹⁸ Стихотворение 1916 г.

¹⁹ Иванов Вяч. Эллинистическая религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 1–3, 5, 8, 9.

²⁰ Белый А. Петербург. П., 1916 (впервые в альманахе «Сирин», Сб. 1–3, СПб., 1913–1914). О повести «Серебряный голубь» см. примеч. 10 к письму 77.

²¹ Звенигородский издавал бумаги, касающиеся жизни брата П.Я. Чаадаева, М.Я. Чаадаева. См. об этом примеч. 3 к письму 61 и 2 к письму 117.

²² Соловьев В.С. Три свидания // Вестник Европы. 1889. № 11.

²³ См. также примеч. 12 к письму 197.

К статьям ДУ нужно отнести и две его рукописи, посланные Е.Я. Архиппову в письмах и на этом основании включенные во второй том настоящего издания: «Отклик на ненапечатанную книгу “Исповедь” Евгения Архиппова (II, 96–100) и «Духовная жизнь Фа-миры-Кифареда в изображении ученика Иннок^сентия Анненско-го» (II, 148–152).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В КОММЕНТАРИЯХ

Анненский – Анненский И. Стихотворения и трагедии / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. А.В. Федорова Л., 1990. 3-е изд. (Большая б-ка поэта).

Архив Торбин – Архив и коллекция документов М.А. Торбин в Доме-музее Марины Цветаевой (Москва).

«Век перевода» – страничка ДУ на сайте «Век перевода» <http://www.vekreteveda.com/1887/usov.htm>. (С неверно указанной датой смерти ДУ: 1944).

ВУИ – Вена, Универсальное издательство.

ВНУИ – Вена; Нью-Йорк. Универсальное издательство.

ВЛУИ – Вена; Лейпциг, Универсальное издательство.

ДУ – Дмитрий Сергеевич Усов.

Гаспаров – Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943): Стихи и жизнь // Лица. Биограф. альм. Вып. 5. М.; СПб., 1994.

Звенигородский – Князь Звенигородский Андрей Владимирович. Генеалогия и биография. Стихи разных лет. Воспоминания современников / Сост. Е.А. Сорокоумовой. М., 2008*.

Гейне. Т. 3. – Гейне Г. Полное собр. соч.: В 12 т. / Под общей ред. Н.Я. Берковского и И.К. Луппола. Т. 3. Лирика / Ред. переводов и коммент. Я.М. Металлова. М.: Худож. литература, 1939.

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва).

ГИИИ (Г.И.И.И.) – Государственный институт истории искусств (Ленинград).

Голосовкер. Кн. 1, Кн. 2 – Голосовкер Я.Э. Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады. Томск; М.: Водолей Publishers. Кн. 1 – 2004, Кн. 2 – 2006.

*Вынужденно отсылая читателя к этому изданию – плоду энтузиазма потомков поэта, далеких от филологической проблематики, – за неимением в настоящий момент другого, я вынуждена предупредить о имеющемся в нем множестве вопиющих ошибок.

Греческие эпиграммы – Греческие эпиграммы / Перевод, статья и примеч. Л.В. Блуменау. Ред. и доп. Ф.А. Петровского. М.; Л.: Academia. 1935.

Книга Архиппова – «Гиацинты плащаницы» – книга стихотворений и переводов ДУ, составленная Е.Я. Архипповым // РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 9.

Лавров, Тименчик – Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 61–146.

ЛУИ – Лейпциг, Универсальное издательство

МГУ – страничка ДУ на сайте «Поэзия Московского университета» http://www.poesis.ru/poeti-poezia/usov/firm_vers.htm.

Меркурьева – Меркурьева Вера. Тшета. Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. В.А. Резвого. М.: Водолей Publishers, 2007.

ММГ – М., Музсектор ГИЗ.

ММГ РСФСР – М., Музгиз РСФСР.

Нешумова-2005 – Нешумова Т.Ф. Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д.С. Усов, Е.Я. Архиппов / «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Четвертых Герцывковских чтений в г. Судак 6–10 июня 2005 г. М.; Симферополь; Судак, 2007. С. 119–161 (электронная публикация: <http://www.utoronto.ca/tsq/20/neshumova20.shtml>).

Нешумова-2007 – Нешумова Т.Ф. Из комментариев к поэтическим текстам 1920–1930-х годов (Осип Мандельштам, Владислав Ходасевич, Дмитрий Усов, Борис Пастернак) // Русская литература. 2007. № 3. С. 191–200.

Нешумова-2008 – Вера Меркурьева. «Умейте жить минуткой» / Подгот. текста и коммент. Т.Ф. Нешумовой // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 24.

Нешумова-2010 – Дмитрий Усов в начале 1920-х годов (по письмам к М.А.Зенкевичу) / Публ. Т.Ф. Нешумовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010.

НЛО – Новое литературное обозрение.

Проталинка – Проталинка. Журнал для детей среднего возраста 1915–1916 – под ред. А.П. Печковского, 1917 – под ред. Е.С. Чоловского.

Ново-Басманная, 19 – Усов Д.С. Стихотворения / Вступ. заметка и подгот. текста Н. Алексеева [Н.А. Богомолова] // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 75–83.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ОР РНБ – Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ПСЭ-1 – Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь русских писателей XX века / Под ред. Б.П. Козьмина. Т. 1. 2-е изд. М., 1991.

ПСЭ-2 – Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь / Книга подгот. Н.А. Богомоловым. Т. 2. М., 1995.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ-22 – ОР РГБ. Ф. 218. К. 1071. Д. 22.

РП-1, РП-2, РП-3, РП-4, РП-5 – Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989; Т. 2. М., 1992; Т. 3. М., 1994; Т. 4. М., 1999; Т. 5. М., 2007.

Скитания и скиты – юношеский сборник стихотворений ДУ: Скитания и скиты // РГАЛИ. Ф. 1031. Оп. 1. Ед. хр. 25.

Степанова, Левинтон – Степанова Л.Г., Левинтон Г.А. Из истории дантоведения: статья Д.С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сб. Вып. 10. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 514–547.

Усов-2007 – Нешумова Т.Ф. Усов Д.С. // О.Э. Мандельштам. Его предшественники и современники: Сборник материалов к мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 141–144.

Хранитель – Хранитель. Е.Я. Архиппов. Письма к Д.С. Усову / Подгот. текста, примеч., вступ. заметка Т. Нешумовой // Волга. 2009. № 9–10. С. 153–208.

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «А в напоенный жизнью поздний час...» (Любимые поэты, VI)
111, 556
Алконост, птица райская 178, 574
«Ангел стоит у белой кровати...» 213, 572
Арсению Альвингу 91, 550
Астрахань (За чертой изгнания, II) 117
- Баллада («Прохожий – ты видишь, я фея...») 100, 552
Баллада о езде туда и обратно 128, 552
Баркарола (Финляндские мотивы, II) 170
Безмолвие 166, 572
«Белый Фавн на лужайке смеется...» (Стихи о Пушкине, I) 182
Беспокойные соседи 98, 552
«Благоухают травы на пчельнике...» 176, 574
«Будет час, когда над лугами...» 205, 580
- В абрикосовом раю 124, 559
«В большом венке поэтов всех веков...» (Любимые поэты, IX)
113, 556
«В Вашей речи – пенье дольних хоров...» 196, 578
В Версале (Пиковая дама, I) 215, 582
«В короне тайн, сияний и цветов...» (Любимые поэты, IX) 113
«В полете башни, у часов...» 73, 541
«В пыльных письмах я делаю одинокие раскопки...» 207, 581
«В складках мелкой драпировки...» 88, 549
«В соседней комнате во мгле слышна рояль...» 76, 544
В Сочельник 86, 549
В Страстную субботу 177, 574
Вариация на тему «Винограда» Пушкина 164, 571
Венчик терновый 214, 582
<Вере Меркурьевой> 222, 586
Весна 173, 574
«Весь дождик выпила земля...» 123, 558
Вечер (Финляндские мотивы, I) 170, 573
«Взор мой чист и видит все до грани...» 69, 540

- Воспоминание 141, 560
 Воспоминания 147, 564
 Всех скорбящих 93, 552
 2-я стража. Полночь 199, 578
 Второй Спас 177, 574
 «Вчера в большой пустынной зале...» (Цыганские песни, I) 209

 Гавот 182, 575
 Гамлет 172, 573
 «Гиацинты зацвели в гостинной...» 203, 580
 «Глубокий взор неумолимо строга...» 85, 549
 «Глухая ночь. Трамвай едва плетется...» 141, 561
 «Глухих, как Смерть, крылатых и узорных...» (Любимые поэты, XIII) 115, 557
 Гоголь 152, 567
 «Год обошел. Вернулись святки...» 102, 553

 «Два гения бильярдного катанья...» (Из «Узковских шалостей», <7>) 220, 583
 Два стихотворения (I. Москва. II. «Я в крови – не по бумаге...») 151, 566
 Двойной мадригал (Из «Узковских шалостей», <5>) 219, 583
 Двойной портрет 147, 564
 «День встает над радостной землею...» 176, 574
 Димитрий, царевич угличский убиенный 161, 569
 «Дни темны, скудны и мелки...» 74, 542
 «Дожди, дожди, и плачут крыши...» 204, 580
 «Дома людей превращены...» (За чертой изгнания, III) 117
 Дон-Кихот 101, 553
 Духовные стихи (I–II) 189, 577
 «Душа, замкнутая давно...» (За чертой изгнания, I) 116

 «Если можешь – не жди и не думай...» 108, 554
 «Еще и первых почек нет...» 105, 553

 Железноводск 106, 553

 За чертой изгнания (I–VIII) 116, 557
 «Забыть про страшный мир... Зажечь свою свечу...» (На Рождество, 2) 96, 552
 «Замыкаются тяжкие двери...» 186, 576
 «Занесли снега глубоко...» 208, 581
 «Заржавел темный клен и дикий виноград...» 86, 549
 Звездный танец 179, 575
 «Звездный холод целует и режет...» 87, 549

- «Здесь было море. Здесь зеленая волна...» (За чертой изгнания, IV) 118, 557–558
- «Здесь час тому назад ребенок умирал...» (Стихи о жизни моей, 2) 66
- Зимние стихи (I–III) 162, 570
- Зной 106, 553
- «И вот как прежде тихо...» 196, 578
- «И, к чаше грезы примешавши яда...» (Любимые поэты, III) 110, 555
- «И нельзя остановиться...» 150, 565
- «И пока цветы лиловели...» 194, 577
- «И ранним утром будет встреча...» 84, 549
- «И снова в тишине растает снег свинцовый...» (На Страстной неделе, II) 83, 548
- «И снова, как во все года...» (На Рождество, I) 96
- Из «Узковских шалостей» (<I> – <7>) 217, 583
- Из семейного архива 164, 571
- К картине М. Врубеля 169, 572
- «Как выжили – как измельчали мы!...» 127, 559
- Как слоны (За чертой изгнания, VI) 119
- «Как счастлив я – скажу по чести...» (Из «Узковских шалостей», <5>) 219
- «Как тугоплавко ямб и как он труден!...» 139, 560
- «Как этот дом ореховым фасадом...» (Три стихотворения, II) 156, 568
- «Как я рубашку близкую сомну...» (Три стихотворения, III) 157, 569
- Кармен 197, 578
- Карты 206, 580
- «Когда в городе ходит покой...» 90, 550
- «Когда, в пасмурном глянце, плиты...» 89, 549
- «Когда во взоре, чуть расширенном...» (Из «Узковских шалостей», <I>) 217, 583
- «Когда уж будет ничего не надо?...» (Любимые поэты, VIII) 112, 556
- Колыбельная (Финляндские мотивы, III) 171
- Коппелиус 89, 550
- «Кто первый отрока пленил из вас?...» (Любимые поэты, I) 109, 555
- «Кто первый отрока пленил из вас?...» (Любимые поэты, XV) 116, 555
- «Кто раскрывал пути и тайны Ада...» (Любимые поэты, V) 115, 556

- «Кто юноше давал часы улады?...» (Любимые поэты, II) 110, 555
 Кундри 169, 572
- Летний сонет 158, 569
 Летом 174, 574
 Любимые поэты (I–XV) 109, 554
- М.А. Оленина Д'Альгейм 203, 580
 Мадонна 184, 575
 Мадригал (Из «Узковских шалостей», <2>) 217, 583
 «Меланхолия» 84, 548
 «Милый друг! Нас небо не забыло...» 160, 569
 «Миновали шлагбаум. Вот старинная арка...» 187, 577
 «Мне хочется молиться о весне...» 80, 546
 «Мое окно выходит на Неву...» (Петербургские стансы, 7) 155, 568
 Мой август 100, 552
 «Мой друг, ты ведаешь о том, что совершится...» 187, 577
 Мой святой (Димитрий Солунский) 79, 546
 Молитва 80, 546
 Мороз (Зимние стихи, II) 163, 570
 Морозный день 210, 581
 Москва (Два стихотворения, I) 151, 565
 Московская весна 137, 560
 Московский март 149, 565
 Моя кровь 75, 544
 «Мураново» Боратынского 144, 562
 «Мы будем помнить в каждом деле...» (Петербургские стансы, 5)
 154, 568
 «Мы живем в бесконечной тоске...» 212, 582
 «Мышиный писк в глухой ночи...» 147, 564
- На колокольне (За чертой изгнания, <VIII>) 121, 558
 «На небе заря не погасает...» (Стихи о Пушкине, II) 183
 На Пасхе 92, 551
 На Рождество (1–2) 96, 552
 На Страстной неделе (I–II) 83, 548
 набросок 202, 580
 Навсегда 195, 577
 «Над чьею книгой не сомкну я глаз...» (Любимые поэты, VII) 112,
 556
 Наездница 77, 545
 «Настали дни: весна горит и плачет...» 81, 548
 Немецкий роман 142, 561
 Непокойная ночь 94, 552
 Неужели это я? 191, 577

- Нине Волькенау 148, 564
 Новый Год 97, 552
 Ночная повесть (Стихи Бертольда Вагиуса, 2) 71, 541
 Ночь (Зимние стихи, III) 163, 571
 «Ночь – лампа млечно-белая; на ней...» (Петербургские стансы, 2) 153, 568
 Ночь на Мойке (Три стихотворения, II) 146, 563
 «Ночь, белая в покрове облаков...» (Петербургские стансы, 6) 154, 568
 «Ночь, вываленная в пыли...» (Петербургские стансы, 4) 154, 568
 «Об ужасе поведал в первый раз?...» (Любимые поэты, IV) 111, 555
 Обезьяна (Три стихотворения, I) 156, 568
 Обручальное кольцо 186, 576
 «Она ко мне пришла, как Таня, как Beata...» (Стихи о жизни моей, 5) 67, 539
 «Они черней черновика...» 140, 560
 Осенние таинства 188, 577
 Осенняя песенка («Лету был немалый срок...») 158, 569
 Осенняя песенка («С желтою в отъезд картонкою...»; из «Узковских шалостей», <3>) 218, 583
 Осенняя песнь («Листья осенние кружатся в воздухе...») 166, 572
 Останкинский дворец 139, 560
 Отрок 174, 574
 Отрывок 195, 578
 Памяти И.Ф. Анненского 92, 552
 Пасха 178, 575
 1-я стража 198, 578
 «Первые дни. Молчаливый дом...» (Стихи о жизни моей, 1) 65, 539
 Переводчик 159, 569
 Перед грозой 87, 549
 «Перед дачей просохла дорога...» 99, 552
 Перед сном 184, 576
 Песня мертвой 68, 6539
 Петербург (Три стихотворения, I) 145, 563
 Петербургские стансы (1–7) 153, 567
 Печали 76, 545
 Пиковая дама 215, 582
 «Под ногами – крепкий отзвук шага...» 138, 560
 Пожарные ночью 122, 558
 Полевая икона 178, 575
 Портовая песенка 143, 561
 Посвящение 192, 577

- «Пролетай в бесконечном просторе...» 171, 573
 «Проходит день, холодный и пустой...» (За чертой изгнания, V) 118,
 557
 Прощальные терцины 185, 576
 Псалом 198, 578
 «Пустая синева опять ясна...» (За чертой изгнания, VII) 120

 Русалка 168, 572
 Рыцарский романс 202, 579

 Свидание 191, 577
 «Свои страницы Север разогнул...» (Петербургские стансы, I)
 153, 568
 Северное заклинание 180, 575
 «Семисвещник загорится в храме...» 546
 Сердце 75, 544
 «Сеть сновидений святых...» 193, 577
 «Сиреневых, и розовых, и черных...» (Любимые поэты, IX) 114,
 556
 Сирень на асфальте 108, 554
 «Сияет солнце в белых летних облаках...» 70, 540
 Складень (I–II) 94, 552
 Скорпион 165, 572
 «Сложены руки над книгой твоей...» 208, 581
 Смерть («Средь наших исканий, средь бурных тревог...») 167,
 572
 Смерть («В душной спальне свет кровавый от лампад...»; Пи-
 ковая дама, 3) 216, 582
 «Смерть века. Холод бронзы. Шум парчи...» 140, 560
 «Снежные ночи, любовные раны...» (Цыганские песни, 2) 210
 Снова 194, 577
 «Снова белая церковь. Две старушки на паперти...» 191, 577
 «Солнце. Куст бузины (мимозы)...» (Стихи о жизни моей, 4) 67
 Сонет забвения 159, 569
 «Спасов образ, пресладкий и древний...» 190, 577
 «Спи, мой милый, спи, мой давний...» 104, 553
 Стихи Бертольда Вагуса (1–4) 71, 541
 Стихи на печных изразцах 157, 569
 Стихи о жизни моей (1–5) 65, 538
 Стихи о Пушкине (I–II) 182, 575
 Стихотворение, прочитанное мною 18 мая 1929 г. на товари-
 щеской встрече у меня на квартире участников словаря по случаю
 сдачи в печать II-го (неизданного) тома 221, 583
 Стражи ночи 198, 578
 Страстная пятница 91, 551

- «Таить в себе, как драгоценность, слезы...» 98, 552
 «Так много слов, так много дней...» (Стихи о жизни моей, 3)
 66
 «Твой путь далек. И камень межевой...» 83, 548
 «Тебя живописать я не устану...» 160, 569
 Тепло (Зимние стихи, 1) 162, 570
 «То вечный свет, сошедший к нам на срок...» (Петербургские
 стансы, 3) 154, 567–568
 Тоска 82, 548
 3-я стража 200, 579
 Три одиноких 107, 554
 Три стихотворения (I. Петербург. II. Ночь на Мойке. III. Воспо-
 минание) 145, 563
 Три стихотворения (I. Обезьяна. II. «Как этот дом ореховым
 фасадом...». III. «Как я рубашку близкую сомну?...») 156, 568
 «Ты в платье траурном, с одним пучком фиалок...» (На Страст-
 ной неделе) 83, 548
 «Ты знаешь, Господи, что я всегда – в Тебе...» 69, 540
 «Ты носишь также имя Нины...» (Из «Узковских шалостей»,
 <6>) 219, 583
 «Ты свету рождена не нужной и не лишней...» 126, 559

 «У меня нет ни уютной комнаты...» 205, 580
 У родового ложа 122, 558
 «У скелета на пальце злое кольцо...» 206, 580
 Углич 162, 570
 Утренняя песня 175, 574

 Финляндские мотивы (I–III) 170, 573
 Фрагмент 69, 540
 Фуга 149, 565

 Херувимская песня 175, 574

 Цыганские песни (1–2) 209, 581

 «Чарующих, как юношеский смех...» (Любимые поэты, XII) 114,
 557
 Часы 181, 575
 «Четверг закован, как собор...» 212, 582
 Четвертая стража 579
 «Что же было? Что переменилось?...» 137, 559
 «Что-то ищу я в неясных чертах...» 188, 577

 «Шара земного круженье...» 93, 552

Экзорцизмы (Стихи Бертольда Вагуса) 72, 541
Эпитафия 213, 582

«Я в крови – не по бумаге...» (Два стихотворения, II) 151, 566
«Я не могу найти, кто выше всех...» (Любимые поэты, XIV)

115, 557

«Я стою у окна. Предо мной далеко за домами...» 167, 572
«Я так еще молод. И каждый звук...» 201, 579

An Cherubina de Gabriak 78, 545

Au Jeu de la Reine (Пиковая дама, 2) 216, 582

Ave Maria (Стихи Бертольда Вагуса, I) 71, 541

«Ave Maria! Святая война...» 82, 548

Bocca baciata 192, 577

Broderie 78, 545

En plein air 211, 581

«Frau Nachbarin zur linken Seite!..» (Из «Узковских шалостей», <4>)

219

Lire pendant les Passions 189

Marie (Духовные стихи, II) 73, 541

Marie Madeleine 223, 586

Mater Dolorosa (Стихи Бертольда Вагуса) 72, 541

Rondeau amoureux 181, 575

Rosaire (Духовные стихи, I) 189, 577

Sursum corda (Складень, II) 95, 552

Tango 81, 547

Un fantôme 183, 575

Vae victis (Складень, I) 94, 552

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Нешумова. О Дмитрие Усове – поэзия и правда 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихи о жизни моей	65	539
1. «Первые дни. Молчаливый дом...»	65	—
2. «Здесь час тому назад ребенок умирал...»	66	—
3. «Так много слов, так много дней...»	66	—
4. «Солнце. Куст бузины (мимозы)...»	67	—
5. «Она ко мне пришла, как Таня, как Beata...»	67	539
Песня мертвой	68	540
«Ты знаешь, Господи, что я всегда – в Тебе...»	69	540
Фрагмент	69	540
«Взор мой чист и видит все до грани...»	69	540
«Сияет солнце в белых летних облаках...»	70	540
Стихи Бертольда Вагуса	71	541
1. Ave Maria	71	541
2. Ночная повесть	71	541
3. Экзорцизмы	72	541
4. Mater Dolorosa	72	541
Marie	73	541
«В пролете башни, у часов...»	73	542
«Дни темны, скудны и мелки...»	74	542
Сердце	75	544
Моя кровь	75	544
«В соседней комнате во мгле слышна рояль...»	76	544
Печали	76	545
Наездница	77	545
Broderie	78	545
An Cherubina de Gabriak	78	545
Мой святой (Димитрий Солунский)	79	546
Молитва	80	547
«Мне хочется молиться о весне...»	80	547

Tango	81	547
«Настали дни: весна горит и плачет...»	81	548
Тоска	82	548
«Ave Maria! Святая война...»	82	548
На Страстной неделе	83	548
I. «Ты в платье траурном, с одним пучком фиалок...»	83	548
II. «И снова в тишине растает снег свинцовый...»	83	548
«Твой путь далек. И камень межевой...»	83	548
«Меланхолия»	84	548
«И ранним утром будет встреча...»	84	549
«Глубокий взор неумолимо строг...»	85	549
«Заржавел темный клен и дикий виноград...»	86	549
В Сочельник	86	549
Перед грозой	87	549
«Звездный холод целует и режет...»	87	549
1. «В складках мелкой драпировки...»	88	549
2. «Когда, в пасмурном глянце, плиты...»	89	549
Коппелиус	89	550
«Когда в городе ходит покой...»	90	550
Арсению Альвингу	91	550
Страстная пятница	91	551
На Пасхе	92	551
Памяти И.Ф. Анненского	92	552
«Шара земного круженье...»	93	552
Всех скорбящих	93	552
Неспокойная ночь	94	552
Складень	94	552
I. Vae victis	94	—
II. Sursum corda	95	—
На Рождество	96	552
1. «И снова, как во все года...»	96	—
2. «Забыть про страшный мир... Зажечь свою свечу...»	96	—
Новый год	97	552
Беспокойные соседи	98	552
«Таить в себе, как драгоценность, слезы...»	98	552
«Перед дачей просохла дорога...»	99	552
Мой август	100	552
Баллада	100	552
Дон-Кихот	101	553
«Год обошел. Вернулись святки...»	102	553
«Спи, мой милый, спи, мой давний...»	104	553
«Еще и первых почек нет...»	105	553
Железноводск	106	553
Зной	106	553
Три одиноких	107	554

Сирень на асфальте	108	554
«Если можешь – не жди и не думай...»	108	554
Любимые поэты (<i>Венок сонетов</i>)	109	554
I. «Кто первый отрока пленил из вас?...»	109	555
II. «Кто юноше давал часы улады?...»	110	555
III. «И, к чаше грезы примешавши яда...»	110	555
IV. «Об ужасе поведал в первый раз...»	111	555
V. «Кто раскрывал пути и тайны ада?...»	111	556
VI. «А в напоенный жизнью поздний час...»	111	556
VII. «Над чьею книгой не сомкну я глаз?...»	112	556
VIII. «Когда уж будет ничего не надо...»	112	556
IX. «В большом венке поэтов всех веков...»	113	556
X. «В короне тайн, сияний и цветов...»	113	–
XI. «Сиреневых, и розовых, и черных...»	114	556
XII. «Чарующий, как юношеский смех...»	114	557
XIII. «Глухих, как Смерть, крылатых и узорных...»	115	557
XIV. «Я не могу найти, кто выше всех...»	115	557
XV. «Кто первый отрока пленил из вас?...»	116	–
За чертой изгнания	116	557
I. «Душа, замкнутая давно...»	116	–
II. Астрахань	117	–
III. «Дома людей превращены...»	117	–
IV. «Здесь было море. Здесь зеленая волна...»	118	–
V. «Проходит день, холодный и пустой...»	118	–
VI. Как слоны	119	–
VII. «Пустая синева опять ясна...»	120	–
<VIII> На колокольне	121	558
Пожарные ночью	122	558
У родового ложа	122	558
«Весь дождик выпила земля...»	123	558
В абрикосовом раю	124	559
«Ты свету рождена не нужной и не лишней...»	126	559
«Как выжили – как измельчали мы!...»	127	559
Баллада о езде туда и обратно	128	559
«Что же было? Что переменилось?...»	137	559
Московская весна	137	560
«Под ногами – крепкий отзвук шага...»	138	560
«Как тугоплавок ямб и как он труден!...»	139	560
Останкинский дворец	139	560
«Смерть века. Холод бронзы. Шум парчи...»	140	560
«Они черней черновика...»	140	560
Воспоминания	141	560
«Глухая ночь. Трамвай едва плетется...»	141	561
Немецкий роман	142	561
Портовая песенка	143	561

«Мураново» Боратынского	144	562
Три стихотворения	145	563
I. Петербург	145	563
II. Ночь на Мойке	146	563
III. Воспоминание	146	564
Двойной портрет	147	564
«Мышиный писк в глухой ночи...»	147	564
Нине Волькенау	148	564
Московский март	149	565
Фуга	149	565
«И нельзя остановиться...»	150	565
Два стихотворения	151	565
I. Москва	151	565
II. «Я в крови – не по бумаге...»	151	566
Гоголь	152	567
Петербургские стансы	153	567
1. «Свои страницы Север разогнул...»	153	568
2. «Ночь – лампа млечно-белая; на ней...»	153	568
3. «То вечный свет, сошедший к нам на срок...» ..	154	—
4. «Ночь, вываленная в пыли...»	154	568
5. «Мы будем помнить в каждом деле...»	154	568
6. «Ночь, белая в покрове облаков...»	155	568
7. «Мое окно выходит на Неву...»	155	568
Три стихотворения	156	568
I. Обезьяна	156	568
II. «Как этот дом ореховым фасадом...»	156	568
III. «Как я рубашку близкую сомну?...»	157	569
Стихи на печных изразцах	157	569
Осенняя песенка	158	569
Летний сонет	158	569
Сонет забвения	159	569
Переводчик	159	569
«Милый друг! Нас небо не забыло...»	160	569
«Тебя живописать я не устану...»	160	569
Димитрий, царевич угличский убиенный	161	569
Углич	162	570
Зимние стихи	162	570
I. Тепло	162	570
II. Мороз	163	570
III. Ночь	163	571
Вариация на тему «Винограда» Пушкина	164	571
Из семейного архива	164	571
Скорпион	165	572

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Осенняя песнь	166	572
Безмолвие	166	572
«Я стою у окна. Престо мной далеко за домами...»	167	572
Смерть	167	572
Русалка	168	572
К картине М. Врубеля	169	572
Кундри	169	572
Финляндские мотивы	170	573
I. Вечер	170	—
II. Баркарола	170	—
III. Колыбельная	171	—
«Пролетай в бесконечном просторе...»	171	573
Гамлет	172	573

Скитания и скиты

Весна	173	574
Отрок	174	574
Летом	174	574
Утренняя песня	175	574
Херувимская песня	175	574
«Благоухают травы на пчельнике...»	176	574
«День встает над радостной землею...»	176	574
Второй Спас	177	574
В Страстную субботу	177	574
Алконост, птица райская	178	574
Полевая икона	178	574
Пасха	178	575

Златая цепь

Звездный танец	179	575
Северное заклинание	180	575
Часы	181	575
Rondeau amoureux	181	575
Гавот	182	575
Стихи о Пушкине	182	575
I. «Белый Фавн на лужайке смеется...»	182	—
II. «На небе заря не погасает...»	183	—
Un fantôme	183	575
Мадонна	184	575
Перед сном	184	576
Прощальные терцины	185	576

«Замыкаются тяжкие двери...»	186	576
Обручальное кольцо	186	576
«Миновали шлагбаум. Вот старинная арка...»	187	577
«Мой друг, ты ведаешь о том, что совершится...»	187	577
Осенние таинства	188	577
«Что-то ишу я в неясных чертах...»	188	577
Духовные стихи	189	577
I. Rosaire	189	—
II. Lire pendant les passion	189	—
«Спасов образ, пресладкий и древний...»	190	577
«Снова белая церковь. Две старушки на паперти...»	191	577
Неужели это я?	191	577
Свидание	191	577
Посвящение	192	577
Восса baciata	192	577
«Сеть сновидений святых...»	193	577
Снова	194	577
«И пока цветы лиловели...»	194	577
Навсегда	195	577
Отрывок	195	578
«И вот как прежде тихо...»	196	578
«В Вашей речи – пенье дальних хоров...»	196	578
Кармен	197	578
Псалом	198	578
Стражи ночи	198	578
1-я стража	198	578
2-я стража. Полночь	199	578
3-я стража	200	578
«Я так еще молод. И каждый звук...»	201	579
Рыцарский романс	202	579
Набросок	202	579
М.А. Оленина Д'Альгейм	203	580
«Гиацинты зацвели в гостинной...»	203	580
«Дожди, дожди, и плачут крыши...»	204	580
«Будет час, когда над лугами...»	205	580
«У меня нет ни уютной комнаты...»	205	580
«У скелета на пальце злое кольцо...»	206	580
Карты	206	580
«В пыльных письмах я делаю одинокие раскопки...»	207	581
«Сложены руки над книгой твоей...»	208	581
«Занесли снега глубоко...»	208	581
Цыганские песни	209	581
1. «Вчера в большой пустынной зале...»	209	—
2. «Снежные ночи, любовные раны...»	210	—
Морозный день	210	581

Содержание

En plein air	211	581
«Четверг закован, как собор...»	212	581
«Мы живем в бесконечной тоске...»	212	582
Эпитафия	213	582
«Ангел стоит у белой кровати...»	213	582
«Венчик терновый...»	214	582
Пиковая дама	215	582
1. В Версале	215	582
2. Au jeu de la Reine	216	582
3. Смерть	216	582

Стихотворения на случай

Из «Узковских шалостей»	217	583
<1.> «Когда во взоре, чуть расширенном...»	217	583
<2.> Мадригал	217	583
<3.> Осенняя песенка	218	583
<4-5.> Двойной мадригал	219	583
I. «Frau Nachbarin zur linken Seite!...»	219	—
II. «Как счастлив я — скажу по чести...»	219	—
<6> «Ты носишь также имя Нины...»	219	583
<7> «Два гения бильярдного катанья...»	220	583
Стихотворение, прочитанное мною 18 мая 1929 г. на товарищеской встрече у меня на квартире участ- ников словаря по случаю сдачи в печать II-го (неизданного) тома	220	583
<Вере Меркурьевой>	222	585

Dubia

Marie Madeleine	223	586

ПЕРЕВОДЫ

Переводы с древнегреческого

Из народных песен Эллады	227	588
Ласточка	227	—
Песнь в честь Лисандра	227	—
Спартанское троехорие (<i>старцы, юноши, дети</i>) ..	228	—
Сколий	228	—
Рабочая песенка	228	—
Гимн Дионису	228	—

Парасий		
«Муж, ревнитель добра, Паррасий, ефесянин...»	228	588
«Пусть не поверят, но все же скажу: пределы искусства...»	228	—
«Здесь он таким предстоит, каким ночью порою...»	229	—
Менандр		
«Честь вам, два сына Никокла: отчизну от тяжкого рабства...»	229	588
Филиск		
«Дочь Каллиопы, Молитва прекрасноречивая...»	229	589
Павел Силенциарий		
«Долго ли будем с тобой воспаленные взоры...»	229	589
Дионисий Халк (Медный)		
А. «Сколько нас есть на пиру, несчастных влюбленных — утехам...»	229	589
Б. «...Так же иные, везя на судне Диониса вина...»	230	—
Спевсипп		
Эпитафия Платону	230	—
Пракситель		
Надпись на статуе Эроса	230	—
Вакхилид		
Надпись над дверями храма	230	589
Эзоп		
«Смерти путем лишь возможно, о жизнь...»	231	589
Фокилид		
А. «Друг поистине я, и друга знаю, как друга...»	231	589
Б. «Так говорит Фокилид: от существ четырех происходит...»		
Из фрагментов неизвестных авторов		
«Сколько напастей и горя у смертных. А Керы стеною...»	231	—
«В годы раздоров и смут и ничтожный в почете бывает...»	232	—
«Страже удел — сторожить, любящих участь — любовь...»	232	—
Софокл		
Эпиграмма в ответ Еврипиду	232	589
Надпись	232	589
Афарей		
«Зевсу изваянный образ отца своего Исократы...»	232	589
Демосфен		
«Эллинов век одолеть не смогли бы войска...»	232	590
Эпихарм		
«Мертв я; мертвый есть плен...»	233	590

<Клеобулина>		
Загадка	233	590
Лукиан		
Эпиграммы	233	590

Переводы с латинского

Марциал		
Тарентский лук	241	591
Тройной складень для послания	241	—
Лампада	242	—
Бюстодержатель	242	—
Картина, изображающая Данаю	242	591
Рабыня из Кадикса	242	591

Переводы с итальянского

Танец	242	591
Франческо Сципион Маффеи		
<Отрывок из трагедии «Меропа»>	244	591
Переводы с немецкого		
Крестьянское восстание 1525 г.	245	591
Ласточки	245	592
Мартин Лютер		
Хорал	246	592
Людвиг Уланд		
Кузнец	247	592
Иоганн Вольфганг Гёте		
Дикая роза	247	592
Осеннее чувство	248	—
Переменный напев к танцу	248	—
Одиночество	249	—
Избранный утес	250	—
Филомела	250	—
Освященное место	250	—
Извинение	250	—
Могила Анакреона	250	—
Первая утрата	251	—
Своей недоступной	251	—
Недоступная	251	—
Обращенная	252	—
К миньоне	252	—
Аминт	253	—
Замок на горе	255	—
Золотых дел подмастерье	256	—

Майская песнь	257	—
Весна круглый год	258	—
Блаженное томленье	258	592
Песнь старца	259	592
Йозеф фон Эйхендорф		
Весенняя ночь	259	592
«Кому бог нежность посылает...»	260	592
«В лесу ли я блуждаю...»	260	—
«Только утра первый луч...»	261	—
«Смолкли голоса людей...»	261	—
«В час, когда кричит угод...»	262	—
«Кто вдаль уходит из дому...»	262	—
«Ах, быть бы птичкой мне...»	262	—
«Стоят на страже выси гор...»	262	—
«Уж снова птицы в южный...»	263	—
«Мы свадебный венок несем...»	264	—
«Я за то тебе в награду...»	265	—
Франц Ксавер Шлехта фон Вшерд		
Напев рыбака	265	593
Генрих Гейне		
«На Севере кедр одиноко...»	266	593
Фишлипушли	266	593
Поместье Обидино	285	594
Морфина	287	594
Воскресенье из мертвых	287	594
Испанские Атриды	288	595
Мими	297	595
Рожденные друг для друга	298	595
Поэтико-музыкальный союз молодых котов	300	595
Тело и душа	302	595
Эдуард	303	595
Фридрих Рюккерт		
Посвящение	304	595
Стефан Георге		
Сон и смерть	304	596
«О травы лета, душен ваш аромат...»	305	596
«Рдяные роши на срезях гор...»	305	596
Детлеф фон Лилиенкрон		
После бала	306	596
Ганс Бенцман		
Парсифаль	307	596
Долороза		
Le jardin des supplices	307	597
Стефан Цвейг		
Пение фонтана	308	597

Альфред Момберт		
Зимний вечер	310	597
Хедвиг Лахман		
Ландшафт	311	597
Рихард Демель		
Моя застольная песня	311	597
Голос вечера	312	597
Издали	312	597
Райнер Мария Рильке		
<Замок Энглар в городе Эппан>	313	598
Вигилии	313	598
Девушки поют	313	598
«Тебя я встречу в воскресенье...»	314	599
Мотто	314	599
«Я обитаю между днем и сном...»	314	599
«Часто в часы, когда ночь темна...»	315	599
«Вы кажетесь, сестры, садами...»	315	599
Молитвы девушек Марии деве	315	599
II. «Взгляни, как скудны наши дни...»	315	599
IV. «Я обратиться в божий сад...»	316	599
VIII. «Прошлой ночью приснилось мне...»	316	599
XVI. После молитв	316	599
«Я так боюсь человеческих слов...»	317	599
«Ночь вырастает, как черный град...»	317	599
«Ночью, когда часы идут...»	317	599
«Песни те, что рождались когда-то...»	318	599
Рыцарь	319	600
Невеста	319	600
Благовещение	320	600
Песнь статуи	320	601
«И я вошел как пилигрим...»	322	601
«И вот один из бывших за столом...»	322	601
Святой Георгий	323	601
Портрет дамы восьмидесятых годов	323	602
Три волхва. <i>Легенда</i>	324	602
«Справа и слева – аллея...»	326	602
«Бассейны и пруды в своих овалах...»	326	602
«Боги, что стояли и белели...»	327	602
Солнечные часы	327	602
Старый Брюгге	328	602
Брак в Кане Галилейской	329	602
Иоганнес Бехер		
Насильники	330	602
Эрих Мюсам		
Песня оборванцев	332	603

Песнь сопротивления	333	603
Примиренья нет	334	603
Ганс Швальм		
Штурмквартал	335	603
Альберт Циммер		
Тогда будет работа	336	603
Переводы с французского		
Кансона	337	603
Франсуа Вийон		
Баллада о парижских женщинах	337	603
Никола Буало		
<Отрывок из поэмы «Поэтическое искусство»> ..	338	603
Мишель-Жан Седен		
Мне страшно с ним наедине... ..	338	604
Вольтер		
<Отрывок из трагедии «Меропа»>	339	604
Песни и гимны французской революции		
Спасем Отечество	339	604
Гимн революции	340	—
Карманьола	341	—
Все вперед!	341	—
Французские народные песни		
Ответы Марион	342	605
Матросы из Груа	342	605
В старых башмаках	343	605
Пьер Жан Беранже		
Потоп	344	605
14 июля.	345	605
Эжен Потье		
Коммунар	346	605
Франсуа Коппе		
Октябрь	348	605
Сюлли-Прюдом		
Непостоянство	348	605
Сон	349	605
Потерянное время.	349	606
Анри де Ренье		
Придверница	350	606
Эмиль Верхарн		
Дождь	351	606
Поль Верлен		
Под сурдинку	352	606
«Луна, белея...»	353	606

Содержание

Кошмар	353	606
Стефан Малларме		
Окна	354	606
Зимняя дрожь	355	607
Морис Метерлинка		
Песнь Богоматери	356	607
«Ее заключили в грот...»	357	607
Жозе Мария де Эредиа		
Коралловый риф	357	607

Переводы с других языков

Шуточная. <i>Английская народная песня</i>	358	607
Роберт Бернс		
Прощание горца	359	607
Гебридские песни		
1. Сборщица водорослей	359	608
2. За прялкой	360	608
Детская песенка	360	608
Калмыцкая песня	360	608
На рисовых полях. <i>Японская революционная песня</i>	361	608

Перевод с немецкого

Райнер Мария Рильке		
Обыденная жизнь	363	608

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

Книга часов Р.М. Рильке. Ч.1. О монашеской жизни	395	611
Marie Madeleine	397	612
Анна Ахматова. Четки. Стихи	398	613
Владимир Короленко. Очерки и рассказы	401	615
Р.М. Рильке. – Книга часов	403	615
«Вновь белые колокольчики» (О новом издании стихотворений Владимира Соловьева)	405	617
Еврипид. Драмы	406	617
Алексей Ремизов	407	618
Иннокентий Анненский	409	619
П.Н. Петровский. Невольные песни	410	619
О.А. Добиаш-Рожественская. Культ Св. Михаила в латинском Средневековье V–XIII в.	411	620
Приват-доцент А.А. Сидоров.		
Что такое средние века	412	620
Догадинская картинная галерея в Астрахани	413	621

Содержание

«Эдда». Скандинавский эпос	423	625
В.М. Жирмунский. Религиозное отречение в истории романтизма	427	627
Произведения искусства и коммунизм	431	629
О Вересаеве	433	629
Эмиль Верхарн	437	631
Луначарский-писатель	439	632
Демьян Бедный	443	633
Об одном забытом поэте (А. Лозина-Лозинский)	445	633
Александр Блок	448	634
О Данте	450	635
Поэзия М. Зенкевича	453	636
«Евгений Онегин» в исполнении Яхонтова	456	637
Ф. Шуберт. Песни на тексты Гёте для голоса с фортепиано. Перевод С.А. Андрианов	457	637
Джон Флетчер. «Испанский священник»	461	638

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ

Ответы на анкету Е.Я. Архиппова «Вопросы о любви к поэтам и книгам»	465	638

ПРИЛОЖЕНИЯ

Деятельность Д.С. Усова в ГАХН	471
Словник третьего тома словаря «Писатели современной эпохи».	500
Библиография печатных работ Д.С. Усова	507
Комментарии	537
Список сокращений, принятых в комментариях	646
Указатель стихотворений	649

Усов, Дмитрий Сергеевич

У 76 «Мы сведены почти на нет...». Т. 1. Стихи. Переводы. Статьи / Сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. – М.: Эллис Лак, 2011. – 672 с.

ISBN 978-5-902152-80-4

Настоящее издание возвращает в русскую литературу незаслуженно забытого поэта, переводчика, филолога Дмитрия Сергеевича Усова (1896–1943). Первый том содержит полный корпус стихотворений, поэтические переводы (из античных авторов, Гёте, Гейне, Рильке и др.), избранные критические статьи. Издание сопровождается вступительной статьей и приложениями, которые рассказывают о жизни Усова, его работе в ГАХН, а также библиографией и научным комментарием. Большинство материалов (из Дома-музея М.И. Цветаевой, РГАЛИ, РГБ, РНБ, ГЛМ, ИРЛИ и личных архивов) публикуется впервые.

**УДК 882-1
ББК 84 (2 Рос–Рус)6–4**

Дмитрий Сергеевич Усов
«МЫ СВЕДЕНЫ ПОЧТИ НА НЕТ...»

Том первый

Стихи. Переводы. Статьи

Корректор *Е.И. Коротаева*

Подписано в печать 25.07.11. Формат 84 × 108 1/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 21,00 + вкл. Тираж 2000 экз.
Заказ № 2494

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. (495) 605-37-97. Факс (495) 605-89-47
e-mail: ellisluck@mail.ru
<http://www.ellisluck.ru>

ISBN 978-5-902152-80-4



Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а
E-mail: tko-saransk@mail.ru



Дмитрий Сергеевич Усов (1896–1943) – поэт, переводчик, филолог-германист.

Еще гимназистом и студентом Московского университета Усов публикует свои стихи, статьи и заметки в газетах и журналах, сближается с кругом поэтов издательства «Жатва», пишет одну из первых рецензий на стихи Ахматовой.

В юношеских стихотворениях Дмитрия Усова – портрет его гимназического друга Павла Антокольского, отклики на картины Рериха, Врубеля, оперы Вагнера и Чайковского. Увлечение поэзией Черубины де Габриак (Е.И. Васильевой) приводит его к личному знакомству с ней.

Во время Гражданской войны Усов преподаёт в астраханских вузах, печатает критические заметки по вопросам литературы и искусства: о творчестве А.А. Блока, М.А. Зенкевича, В.М. Жирмунского, А.К. Лозина-Лозинского. В эти годы Усов переводит Р.М. Рильке, составляет одну из первых антологий переводов его произведений на русский язык.

Возвратившись в 1923 г. в Москву, Д.С. Усов становится деятельным сотрудником ГАХИ (Государственной академии художественных наук), входит в литературное объединение «Кифара», занимающееся изучением наследия И.Ф. Анненского; публикуется на страницах машинописного журнала «Гермес», переводит на немецкий язык стихотворения русских поэтов и на русский произведения античных авторов, Гёте, Гейне, Эйхендорфа, Расина, Золя, занимается теорией художественного перевода.

В 1935 г. Д.С. Усов, как и вся редакция Большого немецко-русского словаря (Б.И. Ярхо, А.Г. Габричевский, Г.Г. Шпет и др.), был репрессирован и провел пять лет в лагере. Освободившись в 1940 г., он отправляется к высланной из Москвы жене А.Г. Усовой (известной по мемуарам Н.Я. Мандельштам) в Киргизию. Перед началом войны начинает преподавать в Ташкентском педагогическом институте. Но пять лет заключения подорвали его здоровье, весной 1943 г. Усов умирает от болезни сердца.

Поэтическое наследие Д.С. Усова, собранное в этой книге впервые с максимальной полнотой, представляет незаурядного, самостоятельного и тонкого лирика.

Главные герои книги – и сам Усов, и его друзья, поэты и филологи Е.Я. Архипов, А.В. Звенигородский, В.А. Меркурьева, Вс.А. Рождественский, Б.А. Садовской.

Переписка Усова – бесценное свидетельство духовной жизни людей его круга в первые десятилетия советской власти.

Настоящее издание основано на прижизненных публикациях и материалах личных и государственных архивов.